ANDOVER-HARVARD LIBRARY
AH 3Z2J 0

SIGILLVM ACADEMIAE HARVARDIANAE IN NOV ANG
CHRISTO ET ECCLESIAE
VE RI TAS

Digitized by Google
Распознавание текста
ABK/FR

о

ТОЛКОВАНІЕ

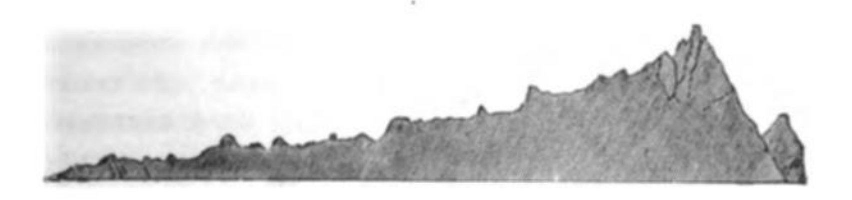
[redacted] АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ ЕФЕСЕЯМЪ.

Епископа Ѳеофана.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.



МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, домъ Смирновой.
1893.

Отъ Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется. Москва. Января 21 дня, 1893 года.

Цензоръ Протоіерей *Александръ Смирновъ.*

ВВЕДЕНІЕ.

1.

Основаніе Ефесской церкви.

Ефесъ—приморскій городъ въ малой Азіи, на рѣкѣ Каистрѣ, окруженъ долиною, окаймливаемою горами. Противъ него море дѣлаетъ просторное углубленіе въ землѣ, на которомъ къ южной сторонѣ лежитъ островъ Самосъ. Выгодное положеніе Ефеса сдѣлало его центромъ торговли и онъ изстари главенствовалъ въ области Іонянъ. Въ начаткахъ христіанства онъ былъ митрополіею проконсульской асійской провинціи.

Кромѣ торговли, въ немъ процвѣтали и искусства; онъ былъ центромъ и учености. Св. Златоустъ пишетъ о немъ: „Ефесъ есть главный городъ Асіи. Онъ былъ посвященъ Артемидѣ, гдѣ она и пользовалась особымъ уваженіемъ, какъ высшая богиня. Благоговѣніе къ ней почитателей ея было такъ велико, что они не хотѣли сдѣлать извѣстнымъ имени того, кто сжегъ храмъ ея; а онъ былъ сожженъ.—Оттолѣ были многіе философы; да и теперь еще можно найти тамъ многихъ философовъ.“

Здѣсь было сѣдалище и языческой магіи, исходившей изъ мистерій Артемиды. Писали какія-то слова, отры-

вочно или въ фразахъ, которыхъ смысла никто не понималъ, но которымъ приписывали большую силу. О нихъ поминаетъ Климентъ Александрійскій въ своихъ Строматахъ. Называли ихъ ἐφέσια γράμματα, которыя кто заучивалъ на память, кто бралъ написанными на клочкахъ пергамена и носилъ въ родѣ амулетки, какъ объ этомъ пишетъ Плутархъ въ своихъ Симпосіакахъ.

Въ Ефесѣ жило не мало Іудеевъ; и они имѣли здѣсь свою синагогу, но не видно, чтобъ они пріобрѣли въ какомъ либо отношеніи преобладающее положеніе. Во множествѣ язычниковъ, при разнообразно развивавшейся жизни языческой, они были почти незамѣтны.

Судя по всему этому, св. Павлу не мало здѣсь предлежало труда и борьбы; но благодать Божія, дѣйствовавшая въ немъ и имъ руководившая, помогла ему и научила его все препобѣдить и основать здѣсь знаменитую христіанскую церковь, наслѣдницу славы и вліянія церквей Іерусалима и Антіохіи.

Когда св. Павелъ въ первый разъ посѣтилъ Ефесъ, тамъ не было еще христіанъ. Это было въ концѣ втораго проповѣдническаго путешествія Павла Апостола, послѣ полтора-годичнаго пребыванія его въ Коринѳѣ, на пути изъ котораго въ Іерусалимъ пришлось ему останавливаться въ Ефесѣ. Имѣя нѣсколько свободнаго времени и не желая потерять его даромъ, св. Павелъ сошелъ въ городъ и вошедши въ синагогу разсуждалъ съ Іудеями, конечно, о надеждахъ Израиля. Сѣемое Апостоломъ слово находило себѣ здѣсь благопріятную почву. Слышавшіе его и вѣрно понявшіе силу его, просили св. Павла побыть у нихъ долѣе. Но онъ, имѣя нужду быть въ Іерусалимѣ на приближавшемся праздникѣ, не согласился на это, а обѣщалъ нарочно прибыть къ нимъ снова, если Господу угодно будетъ (Дѣян. 18, 19—21).

Это была первая Евангельская проповѣдь, слышанная

въ Ефесѣ. Былъ ли кто обращенъ ею, не замѣчается; но когда прибылъ св. Павелъ сюда во второй разъ, то нашелъ здѣсь и христіанъ и полухристіанъ. Продолжатели начатой имъ проповѣди были послѣ него Акилла и Прискилла, вмѣстѣ съ нимъ прибывшіе въ Ефесъ и здѣсь имъ оставленные Какъ ревнители о славѣ Христа Господа, они конечно не молчали, а простирали слово о Немъ, гдѣ приходилось и гдѣ обѣщался успѣхъ.— Къ ихъ слову скоро присоединилась смѣлая и сильная рѣчь Аполлоса, іудеянина, мужа краснорѣчиваго и свѣдущаго въ Писаніи, пришедшаго въ ту пору изъ Александріи въ Ефесъ. Онъ былъ наставленъ въ начаткахъ пути Господня, и, горя духомъ, говорилъ и училъ о Господѣ правильно, зная только крещеніе Іоанново. Онъ началъ смѣло говорить въ синагогѣ. Услышавъ его, Акилла и Прискилла приняли его, и точнѣе объяснили ему путь Господень. Конечно, это обстоятельство послужило не къ ослабленію, а къ большему возгрѣнію учительской ревности Аполлоса.—Но ему нельзя было долго оставаться въ Ефесѣ, и онъ, не дождавшись св. Павла, отплылъ въ Коринѳъ. Ефесскіе братія дали ему рекомендательныя письма къ тамошнимъ христіанамъ, чтобъ расположить ихъ принять его по братски (Дѣян. 18, 24—27).—Вотъ уже и братія въ Ефесѣ, подъ которыми недостаточно разумѣть только Акиллу и Прискиллу, хотя, надо положить, они были во главѣ другихъ, какъ лично знакомые съ Коринѳскими братіями о Христѣ.

Между тѣмъ какъ это происходило въ Ефесѣ, св. Павелъ, побывши въ Іерусалимѣ и Антіохіи и прошедши Фригію, Галатію и верхнія страны,—прибылъ наконецъ въ Ефесъ, какъ обѣщался, и конечно былъ встрѣченъ и принятъ понявшими его въ первый разъ и познавшими уже путь Господень, съ обрадованнымъ сердцемъ. Тотчасъ начались и труды Апостола по благовѣстію.

Прежде всего онъ довершилъ недовершенныхъ. Было человѣкъ съ двѣнадцать между вѣровавшими, кои, подобно Аполлосу, знали только и приняли крещеніе Іоанново. Не дивно, что то были ученики Аполлоса. Понявъ, что они суть, св. Павелъ доучилъ ихъ, чего они еще не знали, и преподалъ имъ, чего еще они не имѣли. Отличіе христіанъ — благодать и даръ Св. Духа, отъ помазанія Которымъ они и имя свое имѣютъ. Между тѣмъ ученики тѣ даже и не слыхали, что есть Духъ Святый, крестившись только крещеніемъ Іоанновымъ. Св. Павелъ объяснилъ имъ, что крещеніе Іоанново есть только преддверіе въ царство Божіе. Дверь же въ него есть крещеніе во имя Господа Іисуса, а совершеніе сыновъ царствія благодать Св. Духа. Принявъ съ полною вѣрою слово Апостола, они крестились христіанскимъ крещеніемъ, и, по возложеніи на нихъ рукъ Апостола, приняли наитіе Духа Святаго и стали говорить иными языками и пророчествовать (Дѣян. 19, 2—7).

За симъ началось оглашеніе Ефесянъ Евангеліемъ. Сначала св. Павелъ, по обычаю, обратился къ Іудеямъ. Три мѣсяца ходилъ онъ въ синагогу, небоязненно проповѣдуя и удостовѣряя всѣхъ, что царствіе Божіе пришло въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Но какъ успѣха было мало, а напротивъ съ нимъ спорили, ожесточались противъ него и святаго ученія его, понося путь Господень; то св. Павелъ оставилъ синагогу, отдѣлилъ увѣровавшихъ и перешелъ къ язычникамъ съ проповѣдію, которую и предлагалъ каждодневно въ училищѣ нѣкоего Тиранна (—8. 9).

Два года училъ здѣсь Апостолъ. Къ нему приходили Іудеи и Эллины, мѣстные и немѣстные, близкіе и дальніе: такъ что всѣ жители Асіи слышали проповѣдь о Господѣ Іисусѣ. Церковь Божія пустила широкія вѣтви (—10).

Вѣрно не щадилъ св. Апостолъ трудовъ и слова, возвѣщая волю Божію и истолковывая глубочайшія тайны вѣры, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ. Но успѣхъ—не отъ убѣжденій словесныхъ, а отъ силы Духа, приводившаго въ движеніе Апостольское слово, особенно же отъ впечатлительныхъ знаменій и чудесъ. Сказанное св. Маркомъ: *они же* (Апостолы), *изшедше, проповѣдаша всюду, Господу поспѣшествующу и слово утверждающу послѣдствующими знаменми* (16, 20), повторялось съ каждымъ Апостоломъ. Это было и со св. Павломъ, какъ во всѣхъ мѣстахъ его проповѣди, такъ и въ Ефесѣ. Св. Лука замѣчаетъ въ Дѣяніяхъ: *Богъ же творилъ не мало чудесъ руками Павла, такъ что на больныхъ возлагали платки и опоясанія съ тѣла его, и у нихъ прекращались болѣзни, и злые духи выходили изъ нихъ* (—11. 12).

И славилось имя Господа Іисуса, св. Павломъ проповѣдуемаго: такъ что какіе-то заклинатели стали употреблять сіе поклоняемое имя надъ имѣющими злыхъ духовъ, чтобы изгонять ихъ. Вѣроятно, бывали и дѣйствія отъ сего, подобно тому, какъ были они еще при жизни Господа на землѣ, какъ доносилъ Ему св. Іоаннъ (Лук. 9, 49). Это могло быть по страшливости бѣсовъ, кои, бывъ поражены Господомъ въ конецъ, отъ одного звука имени Его не знали, куда дѣваться, по слову Писанія: *бѣгаетъ нечестивый, ни единому же гонящу*,—тѣмъ паче бѣсъ, какъ замѣчаетъ св, Антоній великій, въ словѣ, сохраненномъ св. Аѳанасіемъ великимъ въ житіи его.—Самъ Господь терпѣлъ это до времени. Но потомъ надлежало всѣмъ показать, что въ области Божіей не слова и имена страшны, а паче духъ вѣры, съ коимъ они произносятся. Почему разрѣшилъ бѣсу въ одномъ бѣсноватомъ возстать на сихъ заклинателей, и онъ съ словомъ: *Іисуса знаю и Павла свѣмъ, вы же кто есте*—*бросился на нихъ*, *и, одолѣвъ ихъ*, *взялъ надъ*

ними такую силу, что они нагіе и избитые выбѣжали изъ того дома, гдѣ былъ бѣсноватый. Ихъ было семеро (—13—16).

Когда вѣсть объ этомъ разнеслась между Іудеями и Эллинами, напалъ на всѣхъ страхъ, и величаемо было имя Господа Іисуса. Отъ этого обаяніе чародѣйства исчезло и чернокнижничество утратило цѣну. Сами чернокнижники, собравъ книги свои, сожгли ихъ предъ всѣми. Жертва—не малая. Цѣна книгъ въ сложности простиралась до пятидесяти тысячъ драхмъ. Это обозначало, что язычество здѣсь надломлено и корень его расшатанъ. Число вѣровавшихъ возрасло, и обращавшіеся приходили и исповѣдывали дѣла свои злыя, конечно съ обѣтомъ воздерживаться отъ нихъ, какъ требовалось отъ всякаго приступающаго къ крещенію, въ чаяніи принять и даръ Св. Духа, чрезъ возложеніе рукъ Апостольскихъ. *Съ такою силою возрастало и возмогало слово Господне* (—20).

Дѣятельность св. Павла, въ такое долгое пребываніе въ Ефесѣ, надо полагать, не ограничивалась однимъ этимъ городомъ, а простиралась на всю Асію и даже за предѣлы ея. Поминаемыя въ Апокалипсисѣ церкви асійскія, кромѣ Ефеса, въ Смирнѣ, Пергамѣ, Ѳіатирѣ, Сардисѣ, Филадельфіи и Лаодикіи (Апок. 1, 11), также въ Колоссахъ и Іераполѣ (Кол. 4, 13), вѣроятно теперь получили свое начало, или лично отъ самого Павла, или чрезъ сотрудниковъ его, по его указанію и руководству. Въ этомъ отношеніи, можно сказать, что Ефесъ теперь сталъ тѣмъ же для Апостола, чѣмъ доселѣ была Антіохія—исходнымъ пунктомъ его Апостольской дѣятельности. Извѣстно также, что отсюда писалъ св. Павелъ посланія къ Галатамъ и первое къ Коринѳянамъ; то въ началѣ пребыванія въ Ефесѣ, а это предъ самымъ концемъ.

Наконецъ, видя, что здѣсь положены очень прочныя основы христіанству, св. Павелъ предположилъ оставить Ефесъ, и посѣтивъ церкви македонскія и ахайскія, побыть въ Іерусалимѣ, а потомъ направиться въ Римъ. Онъ уже сдѣлалъ объ этомъ распоряженіе, пославъ предъ собою въ Македонію Тимоѳея и Эраста, какъ въ Ефесѣ поднялся не малый мятежъ противъ пути Господня, возбужденный Димитріемъ Среброковачемъ. Это ускорило отбытіе св. Павла изъ Ефеса; и онъ, по прекращеніи мятежа благоразуміемъ мѣстнаго блюстителя порядка, давъ нужныя наставленія ученикамъ, простился съ ними и пошелъ въ Македонію (19, 21—20, 1).

Посѣтивъ македонскія церкви и преподавъ вѣрующимъ всюду обильныя наставленія, пришелъ онъ въ Елладу, гдѣ могъ пробыть только три мѣсяца, потому что возмущеніе противъ него, поднятое Іудеями, заставило его оставить сію страну (—2. 3).

Возвращался Апостолъ оттуда опять чрезъ Македонію. Путь лежалъ потомъ мимо Ефеса; но св. Павелъ разсудилъ не заходить въ него, чтобъ не замедлить въ Асіи, ибо ему желалось поспѣть къ Пятидесятницѣ въ Іерусалимъ. Корабль останавливался въ Милетѣ, не много южнѣе Ефеса. Время позволяло, и Апостолъ пригласилъ сюда изъ Ефеса и вѣроятно изъ другихъ мѣстъ настоятелей церковныхъ, чтобъ дать имъ послѣднія наставленія и проститься съ ними (—4—17).

Когда они пришли, онъ сказалъ имъ: вы знаете, какъ дѣйствовалъ я среди васъ, съ того дня, какъ пришелъ въ Асію. Всенародно и по домамъ училъ я васъ, и не пропустилъ ничего полезнаго, — возвѣщая Іудеямъ и Эллинамъ *покаяніе предъ Богомъ и вѣру* въ Господа нашего Іисуса Христа. Нынѣ, по влеченію Духа, иду въ Іерусалимъ, не зная, что тамъ будетъ со мною; только по всѣмъ городамъ Духъ Святый свидѣтельствуетъ,

что меня ждутъ тамъ узы и скорби. Но я не дорожу жизнію, лишь бы, какъ слѣдуетъ, совершить мнѣ служеніе, которое *я принялъ отъ Господа Іисуса Христа—проповѣдать Евангеліе благодати Божіей*. Вы болѣе не увидите лица моего. Но я возвѣстилъ уже вамъ всю волю Божію. Блюдите преданное и продолжайте созидаться на положенномъ основаніи. Внимайте себѣ и стаду, въ немже васъ Духъ Святый постави епископы пасти церковь Господа Бога, которую стяжалъ Онъ Своею кровію. Послѣ меня войдутъ къ вамъ волки, не щадящіе стада и изъ васъ самихъ возстанутъ люди суемудрые, которые будутъ отвлекать отъ истины въ слѣдъ своихъ мудрованій. Водрствуйте же, памятуя, что три года *), день и ночь, со слезами училъ я каждаго изъ васъ. Отнынѣ Богъ и благодать Его да назидаютъ васъ болѣе и болѣе, чтобъ, совершивъ, довесть до наслѣдія со всѣми освященными.—Помянувъ затѣмъ, какъ живя среди ихъ онъ не только ни отъ кого ничего не бралъ,—но, трудами рукъ своихъ содержа себя и бывшихъ съ нимъ, удѣлялъ еще и неимущимъ, памятуя слово Господа, что блаженнѣе есть паче даяти, нежели пріимати,—св. Павелъ, падши на колѣна, со всѣми ими помолился. Всѣ плакали, и падая на выю его цѣловали его, скорбя особенно о томъ, что, какъ сказалъ онъ, они не увидятъ болѣе лица его.—Такъ проводили его до корабля и простились съ нимъ (—17—38).

Тѣмъ кончились личныя сношенія св. Павла съ Ефесянами; но не кончились заботы его объ нихъ, и об-

---

*) Замѣчены въ Дѣяніяхъ—три мѣсяца проведенные въ синагогѣ,—и два года въ училищѣ Тиранна. Девять мѣсяцевъ гдѣ?—И прежде два года и здѣсь три года сказаны, можетъ быть, круглымъ числомъ. Два года—посему могли быть больше двухъ лѣтъ, и три года меньше трехъ лѣтъ.—Или можетъ быть Апостолъ здѣсь положилъ счетъ времени съ того случая, какъ въ первый разъ мимоходомъ держалъ онъ проповѣдь въ синагогѣ.

щеніе съ ними духовное, какъ свидѣтельствуетъ писанное къ нимъ посланіе.

2.

Обстоятельства написанія посланія къ Ефесеямъ.

а) *Гдѣ написано?*

Посланіе сіе писано св. Павломъ изъ узъ, какъ не однократно поминается о томъ въ немъ самомъ (3, 1; 4, 1; 6, 20). Но узы св. Павла начались скоро послѣ прощанія его съ Ефесянами. Вслѣдъ за отплытіемъ его изъ Милета, въ мѣстахъ, куда онъ заходилъ, слышатся изъ устъ Пророковъ рѣшительныя указанія на неизбѣжныя для него узы, которыя и самъ онъ предчувствовалъ (Дѣян. 21, 4. 10—14). А какъ только показался онъ въ Іерусалимѣ, чрезъ нѣсколько дней былъ схваченъ асійскими Іудеями и преданъ ненависти народа,—которымъ и былъ бы лишенъ жизни, еслибъ не вступилось за него языческое начальство. Оно взяло его и держало въ узахъ, сначала въ Кесаріи, а потомъ и въ Римѣ. Такъ язычники сохранили на нужное время свыше опредѣленнаго для нихъ проповѣдника Евангельской истины!

Такъ узы св. Павла начались еще въ Іерусалимѣ, длились года два въ Кесаріи и закончились послѣ двухгодичнаго продолженія ихъ въ Римѣ. Написаніе посланія можно относить къ какому угодно мѣсту узничества Апостола. Но въ Іерусалимѣ некогда было писать; надо полагать—въ Кесаріи, или въ Римѣ.—Гдѣ же?—Лучше положить—въ Кесаріи. Склониться на это предположеніе заставляетъ то, что при этомъ удобнѣе будетъ рѣшить нѣкоторыя недоумѣнія, возникающія по поводу

особенностей посланія, какъ увидимъ.—Но можно находить нѣкоторые намеки на это и въ самомъ посланіи.

Въ посланіи нѣтъ ни малѣйшаго указанія на какія-либо измѣненія въ церкви ефесской, въ добрую, или худую сторону. Оно видитъ ее такою же, какая оставлена она была св. Павломъ. Еслибъ произошло тамъ что-либо достойное замѣчанія, Апостолъ не преминулъ бы помянуть о томъ, какъ сдѣлалъ потомъ въ посланіи къ Колоссаямъ. Судя по измѣнчивости дѣлъ человѣческихъ, надо допустить, что, если Ефесяне все тѣ же были, когда св. Павелъ писалъ сіе посланіе, то вѣрно потому, что некогда еще было имъ измѣниться, и что слѣдовательно оно писано къ нимъ скоро послѣ отбытія оттуда св. Павла. Если такъ, то оно писано изъ Кесаріи, ибо писаніе изъ Рима уже не будетъ скоро, а на третьемъ или четвертомъ году послѣ разлученія съ ними Апостола. Въ такой же промежутокъ времени мало ли что могло случиться въ Ефесѣ, какъ видимъ на Солуни, Коринѳѣ и Галатахъ?!—И Апостолъ не умолчалъ бы о томъ.

На это же можетъ наводить и то, что Апостолъ проситъ Ефесянъ молиться, чтобъ дано ему было слово, устами своими *открыто*, съ дерзновеніемъ, возвѣщать тайну благовѣствованія (Еф. 6, 19). Эта молитва идетъ болѣе къ кесарійскому узничеству, чѣмъ къ римскому: ибо въ Римѣ Апостолъ пользовался большею свободой, а въ Кесаріи онъ былъ точно заключенъ, и только нѣкоторымъ позволялось входить къ нему (Дѣян. 24, 23).

Ктому же можно взять во вниманіе и слѣдующее. Два года въ Кесаріи (Дѣян. 24, 27) ужели провелъ св. Павелъ безъ дѣла? Не могъ онъ сидѣть здѣсь сложа руки; но какъ не имѣлъ возможности лично входить въ сношенія съ обращенными имъ въ христіанство, и дѣйствовать на обращеніе другихъ, то вѣроятно писалъ. Можетъ

быть въ это время писаны имъ нѣкоторыя изъ тѣхъ посланій, которыя считаются потерянными. Но ближе всего писалъ къ Ефесянамъ, съ которыми только что разстался, и память о которыхъ тѣснилась въ его сознаніи.

б) *Что расположило написать такое посланіе?*

Въ посланіи не указывается никакого особеннаго повода къ написанію его, какъ было уже замѣчено. Но судя по воодушевленію и высокому тону всего посланія, можно считать вѣроятнымъ, что св. Павла расположило написать его желаніе сообщить Ефесянамъ тѣ высокія созерцанія, въ которыя введенъ онъ былъ Духомъ Божіимъ въ его узничествѣ, и которыя восхищали духъ его.

Войдемъ къ сему Богомъ водимому узнику.—Узы терпѣлъ онъ за свободу христіанскую и за проповѣдь Евангелія языкамъ,—къ чему призванъ онъ Самимъ Господомъ, подтвердившимъ сіе призваніе не задолго предъ тѣмъ въ Іерусалимѣ (Дѣян. 23, 11). Вниманіе св. Павла и прежде не могло не держаться на этомъ предметѣ; теперь же оно было приковано къ нему узами. Какъ въ узахъ кесарійскихъ позволяли приходить къ св. Павлу только нѣкоторымъ близкимъ, и то послуженія ради (Дѣян. 24, 23); то онъ все почти время былъ только самъ съ собою. Естественно было ему, стоя предъ лицемъ Господа въ умной бесѣдѣ, болѣе углубляться въ дѣло, которое возлагалось на него. Дѣло призыванія язычниковъ уже началось, по явной волѣ Божіей и по указанію свыше. Простая вѣра и всякое событіе освѣщаетъ включеніемъ его въ планы промышленія Божія. Но самое созерцаніе мѣста и значенія текущихъ событій въ ряду дѣйствій Промысла Божія не всѣмъ дается, и не всѣ усиливаются входить въ него. Видѣнъ былъ

перстъ Божій въ призываніи язычниковъ, и Апостолъ осязалъ его. Но въ самыя тайны Божіи о семъ онъ еще не входилъ,—и Духъ Божій не вводилъ его туда: ибо и избранникамъ Божіимъ не вдругъ всесторонне открываются истины, а постепенно, по мѣрѣ нужды въ нихъ и подготовленности къ принятію ихъ. — И вотъ теперь только Духъ Божій, влекшій Апостола въ Іерусалимъ для узъ, вводитъ духъ его въ полное созерцаніе тайны Божіей въ призываніи языковъ наряду съ Іудеями, и образованіи изъ тѣхъ и другихъ единаго спасительнаго царства Христова.

Что призываются Іудеи, не дивно: они избраны на то издревле. Но что есть призваніе языковъ?—Входя въ это Апостолъ не останавливался на одномъ внѣшнемъ явленіи сего событія, но восходилъ къ самому началу его въ предвѣчномъ совѣтѣ Божіемъ, поставлялъ въ соотношеніе съ лицами Пресв. Троицы, съ міромъ Ангельскимъ, человѣческимъ и со всѣми тварями, и простирался за движеніемъ его чрезъ всѣ вѣка,—до возглавленія всяческихъ во Христѣ Іисусѣ въ вѣчности.

И онъ былъ служителемъ сей тайны. Чрезъ него Богъ во Христѣ сочеталъ Іудеевъ и язычниковъ, чтобъ изъ тѣхъ и другихъ образовать новый родъ, который бы, единясь съ Богомъ въ Господѣ Іисусѣ, и въ себѣ пребывая соединеннымъ духомъ любви и братскаго взаимообщенія, возрасталъ въ совершенствѣ, подобно тѣлу здоровому, стройно развивающемуся, или прочному зданію, мудро устрояемому.

Исполненному такихъ созерцаній духу Апостола естественно было желать—подѣлиться ими съ возлюбленными чадами своими духовными, и передать ихъ имъ въ сообразномъ словѣ. Послѣдняя церковь, надъ которою онъ столько трудился, была церковь Ефесская. Ей и сообщаетъ онъ изображеніе сей полноты премудрости

Божіей въ устроеніи Церкви и спасенія всѣхъ затѣмъ только, чтобъ и они стали причастниками сего вѣдѣнія и обрадованы были имъ. Оттого онъ не касается никакихъ частныхъ случаевъ въ церкви Ефесской, ни своего среди ихъ пребыванія. Все это не представляло ничего особеннаго, что гармонировало бы съ тѣмъ, чѣмъ занятъ былъ духъ его. Высота созерцаній не позволяла ему низойти долу. Онъ весь вниманіемъ своимъ въ великой тайнѣ Божіей, то, какъ она есть въ Богѣ, то какъ осуществляется въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, то какъ воспріемлется земнородными, то какъ усматривается и небесными, то какъ раскроется наконецъ въ вѣчности во всей славѣ своей. Только въ изображеніи обязанностей христіанскаго общежитія спускается онъ на землю, но и тутъ вы видите, что онъ на все смотритъ съ точки зрѣнія той же тайны сочетанія всѣхъ во едино тѣло подъ главою Христомъ.

Что все сіе воодушевленно излагаетъ онъ Ефесянамъ за тѣмъ, чтобы и они познали тайну премудрости Божіей и порадовались,—объ этомъ прямо говорится въ посланіи. Такъ въ началѣ его св. Павелъ молится, *да Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ славы, дастъ имъ Духа премудрости и откровенія въ познаніе Его: просвѣщенны очеса сердца, яко увѣдѣти, кое есть упованіе званія Его, и кое богатство славы достоянія Его во святыхъ* (1, 16—18). И въ концѣ опять *преклоняетъ колѣна къ Отцу Господа нашего.... да дастъ имъ... разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота и глубина и высота* (сей тайны).... *разумѣти же преспѣющую разумъ любовь Христову* (явленную въ призваніи ихъ въ Свое царство) (3, 14—19). Такъ ощутительно въ сихъ словахъ желаніе Апостола, чтобы и Ефесяне вошли въ созерцаніе той же тайны и исполнились того блаженнаго восхищенія, какое осѣняло его самого.

Но тогда какъ такое соображеніе достаточно объясняетъ происхожденіе посланія къ Ефесеямъ, по человѣчески судя,—Духъ Божій, дѣйствовавшій въ духѣ Апостола, не могъ этимъ ограничиться. Можно доразумѣвать, что Онъ расположилъ Апостола изложить сообщенныя ему откровенія въ руководство всей Церкви, на все послѣдующее время,—оставить какъ бы памятную книгу о великомъ дѣлѣ созиданія Церкви Божіей изъ Іудеевъ и язычниковъ.

Возьмемъ во вниманіе тогдашнее теченіе дѣлъ въ Церкви. Апостолъ Павелъ, гдѣ ни проповѣдывалъ, всюду обращался прежде къ Іудеямъ, и отъ нихъ уже переходилъ къ язычникамъ. Первые вѣрующіе вездѣ были изъ Іудеевъ. Къ нимъ присоединялись вѣрующіе и изъ язычниковъ. Но дѣло вездѣ шло такъ, что сіи послѣдніе скоро превышали численностію первыхъ, которые будто исчезали въ массѣ ихъ. Такъ было въ Солунѣ, такъ въ Коринѳѣ, такъ у Галатовъ, такъ наконецъ въ Ефесѣ и во всей Асіи. Всюду въ кругу дѣятельности Апостола было такъ, что Эллины поглощали Іудеевъ. Но если тогда, въ началѣ,—было такъ; то тѣмъ паче должно было это имѣть мѣсто въ послѣдующее время. Апостолъ не могъ не видѣть, что послѣ совершенно изгладится разность Іудея и Эллина, и всюду будутъ видѣться только Христіане безъ такихъ внѣшнихъ отличій.—Но при всемъ томъ та истина, что корень христіанства въ Ветхомъ Завѣтѣ, и Эллины привиты къ древу Израиля, должна быть всегда вѣдома и содержима вѣрою. Забудься она,—христіанство явится чѣмъ-то оторваннымъ. Язычники изъ чувства благодарности не должны никогда забывать, что они вошли будто въ чужое достояніе, единственно по милости Божіей. Забыть же это легко становилось, когда предъ глазами все болѣе и болѣе сглаживались личности, могшія напоминать о томъ однимъ

присутствіемъ своимъ (т. е. Іудеи). Вотъ и належала нужда дать знать будущимъ родамъ, кто они были и какъ сдѣлались причастниками стольких благъ,—чтобъ помнили то, и помня Бога благодарили, и всячески старались держать себя достойно такого высокаго званія. Св. Павелъ и дѣлаетъ это въ посланіи къ Ефесеямъ. Почему и заключаетъ свое объясненіе тайны призванія языковъ въ царство Христово заповѣдію: *помните же* вы, язычники, что вы были нѣкогда безъ Христа, отчуждены отъ общества Израилева, чужды завѣтовъ обѣтованія, не имѣли надежды и были безбожны въ мірѣ; а теперь во Христѣ вы, бывшіе нѣкогда далече, стали близки кровію Христовою.... не чужіе уже вы, и не пришельцы, но сограждане святыхъ и свои Богу (—2, 11—19). Это не однимъ Ефесянамъ урокъ, но и всѣмъ послѣдующихъ временъ вѣрующимъ не изъ Іудеевъ. Слѣдовательно и намъ.

Помните!—Не замѣтилъ ли св. Павелъ, что точно стали забывать; забывая—не имѣть должнаго отношенія къ Іудеямъ, особясь отъ нихъ, или презирая ихъ; а далѣе можетъ быть забывать и великость дара Божія призванія во благодать Христову, отсюда же и о томъ, чтобъ жить достойно званія не особенную имѣть заботу. Устраненіе всѣхъ такихъ неправостей и могъ имѣть въ виду св. Павелъ, между прочимъ. Въ посланіи къ Римлянамъ онъ уже вразумлялъ язычниковъ относительно сего. Теперь глубже воззрѣваетъ онъ въ сію истину, чтобы сильнѣе и воздѣйствовать на умы и запечатлѣть ее неизгладимо въ сердцахъ.

Не слѣдуетъ пропускать безъ вниманія и того, что еще говоритъ Апостолъ: *прошу васъ не унывать при моихъ ради васъ скорбяхъ*, *которыя суть слава ваша*— (Еф. 3, 13).—Не смущали ли его узы вѣрующихъ изъ язычниковъ, однихъ тѣмъ, что онъ изъ-за нихъ терпитъ,

другихъ тѣмъ, что не умѣли понять, какъ—въ узахъ лицо, столь высокое и такими знаменіями вооруженное?— Это смущеніе разсѣяваетъ онъ однимъ словомъ: не унывайте... не распространяясь много, по незначительности дѣла и малости смущаемыхъ лицъ. Послѣ объясненія имъ тайны устроенія церкви само собою выходило: когда такое благо отъ проповѣди, стоитъ ли обращать вниманіе на мои скорби? Какихъ жертвъ можно жалѣть для сообщенія его братіямъ моимъ?

в) *Особенности сего посланія.*

Изъ такого воззрѣнія на происхожденіе и назначеніе посланія къ Ефесеямъ, сами собою объясняются особенности, рѣзко отличающія его отъ всѣхъ другихъ.

Первая изъ этихъ особенностей есть *высота* содержанія, съ соотвѣтствующею тому восторженностію рѣчи и многообъятностію мыслей. Св. Златоустъ пишетъ: „говорятъ, что св. Павелъ, когда еще изустно оглашалъ Ефесянъ, уже довѣрилъ имъ глубочайшія истины вѣры. Покрайнѣй мѣрѣ само посланіе исполнено возвышенныхъ созерцаній и догматовъ..... Оно исполнено возвышенныхъ и необъятныхъ созерцаній; въ немъ онъ объясняетъ то, о чемъ почти нигдѣ не писалъ.“ Всякій самъ удостовѣрится въ томъ, какъ только начнетъ читать посланіе. Видѣніе безконечныхъ благъ, коихъ мы сдѣлались причастниками во Христѣ Іисусѣ, восхищаетъ Апостола и роитъ въ немъ святыя мысли и чувства въ такомъ обиліи и съ такою быстротою, что онъ не успѣваетъ схватить ихъ словомъ. Мысль за мыслію текутъ неудержимо, пока не исчерпываютъ всего предмета, воодушевлявшаго Апостола. И слово множится: ибо Апостолу желалось только очертить всякій умозримый предметъ, не останавливаясь однакожъ на немъ особенно, а помѣчая его въ об-

щей чередѣ текущихъ чрезъ сознаніе умныхъ видѣній.— Судя по такому характеру содержанія посланія и по такому тону рѣчи въ немъ, оно есть тоже между прочими посланіями Ап. Павла, что Евангеліе отъ Іоанна между Евангеліями.

Вторая особенность сего посланія,—прямое слѣдствіе предыдущей,—есть *общность*. Апостолъ живописуетъ вообще существо христіанства,—какъ отъ вѣка Богъ положилъ спасти насъ въ Сынѣ Своемъ, какъ Сынъ Божій приходилъ на землю и устроилъ сіе спасеніе, какъ всѣ мы дѣлаемся участниками сего спасенія, и какъ вслѣдствіе того должно намъ жить и дѣйствовать. Ни на какіе историческіе случаи не указываетъ онъ. Все, что говоритъ онъ, можетъ идти ко всякому обществу христіанскому. Видно одно отличіе лицъ, подъ словами *мы* и *вы*. Это *мы*—Іудеи, и *вы*—язычники, сліяніе которыхъ въ единомъ тѣлѣ Церкви о Господѣ и служило исходною точкою всѣхъ увлекавшихъ Апостола созерцаній. Основываясь на такой общности содержанія посланія нѣкоторые назвали его общимъ христіанскимъ катихизисомъ. И новымъ вѣропроповѣдникамъ дѣйствительно можно имѣть его за норму въ первыхъ оглашеніяхъ иновѣрцевъ.

Изъ двухъ первыхъ—*третья* особенность посланія— *та, что* въ немъ нѣтъ указаній на какія-либо историческія обстоятельства ни самого Апостола, ни Ефесянъ, къ коимъ онъ писалъ его, и *что* въ немъ не прописываются привѣтствія какимъ-либо лицамъ, особенно значительнымъ въ церкви Ефесской и близкимъ Апостолу, какъ это дѣлаетъ онъ во всѣхъ другихъ посланіяхъ. Только и есть упоминаній, что объ узахъ Апостола и его избраніи на проповѣдь Евангелія языкамъ, и о Тихикѣ извѣстномъ спутникѣ св. Павла и разносителѣ его посланій.—Апостолу не хотѣлось сходить къ какимъ

либо обычностямъ среди такихъ необычныхъ и всеобъемлющихъ созерцаній, въ которыхъ, конечно, продолжалъ онъ держаться и по изложеніи ихъ въ словѣ.— И о философахъ замѣчаютъ, что когда случается имъ войти поглубже въ какія-либо метафизическія умозрѣнія, то онѣ и потомъ долго занимаютъ ихъ душу, и имъ неохотно бываетъ въ ту пору заняться чѣмъ либо текущимъ.

3.

Недоумѣнія, къ Ефесянамъ ли писано сіе посланіе?

Такія особенности посланія вмѣстѣ съ нѣкоторыми выраженіями въ немъ заставляютъ иныхъ недоумѣвать и колебаться, къ Ефесянамъ ли оно писано. Что оно писано св. Павломъ, въ этомъ сомнѣвающихся почти нѣтъ, или ихъ такъ мало, и основанія ихъ невѣрія такъ ничтожны, что не стоитъ и вниманія останавливать на этомъ. Но, говорятъ многіе: писано сіе посланіе св. Павломъ Апостоломъ, только не къ Ефесеямъ писано.

а) Св. Павелъ недавно изъ Ефеса, гдѣ пробылъ такъ долго, гдѣ такъ искренно былъ любимъ и чтимъ, и взаимно имѣлъ конечно и самъ много лицъ, къ коимъ имѣлъ особенное расположеніе. Возможно ли, чтобъ пиша къ нимъ посланіе онъ не сказалъ ни кому изъ нихъ ни слова?—Но это достаточно уже объясняется тѣмъ состояніемъ духа, въ какомъ находился св. Павелъ, пиша сіе посланіе, какъ замѣчено предъ симъ. Окончательно же объясняется это изъ того обстоятельства, что посланіе писано изъ Кесаріи, гдѣ узы были болѣе тѣсны и враги ближе и злѣе.—Въ первый разъ попалъ св. Павелъ въ такія долгія и крѣпкія узы. Кругомъ всюду злящіяся на него враги. Почеловѣчески судя, не смогъ

онъ не опасаться всякихъ отъ лица ихъ себѣ неправдъ и непріятностей. Іудеи вѣрно, зорко сторожили за нимъ, и готовы были на все, чтобъ только озлобить его чѣмъ либо. Зная это, онъ, пиша посланіе, и не поминаетъ ни о комъ ни изъ Іудеевъ, ни изъ язычниковъ, опасаясь, что посланіе попадетъ въ руки враговъ его, и они надѣлаютъ непріятностей изъ-за того и ему и поминаемыхъ лицамъ, изъ Іудеевъ ли они, или изъ язычниковъ: изъ Іудеевъ, потому что они іерархически все еще состояли въ зависимости отъ іерусалимскихъ властей,— изъ язычниковъ, потому что относительно ихъ они могли сказать правителю: онъ и вашихъ соблазняетъ, отводя ихъ отъ Кесаря, и подчиняя нѣкоему Христу. Ктому же правитель и безъ того ожидалъ уже выкупа отъ Ап. Павла (Дѣян. 24, 26), а узнавъ, какъ широкъ кругъ почитателей его и какъ они значительны, сталъ бы употреблять что нибудь и болѣе празднаго ожиданія. По всему этому св. Павелъ и счелъ нужнымъ не упоминать въ посланіи ни о какихъ лицахъ изъ Ефесской церкви, къ которой писалъ. Въ случаѣ отобранія посланія ни къ кому нельзя было приступить, кромѣ самого Ап. Павла и Тихика, которые были на лицо, и всѣмъ извѣстны, коего духа суть. Той же потребности, чтобъ привѣтствовать кого-либо и особенно могъ удовлетворить словесно Тихикъ, бывшій тамъ съ Апостоломъ и хорошо знавшій всѣхъ.

б) Этимъ же можно объяснить и второе недоумѣніе, которое берутъ изъ словъ Апостола: *слышавъ о вѣрѣ вашей* (1, 15). Какъ, говорятъ, могъ онъ написать это къ Ефесянамъ, которыхъ самъ обратилъ и о вѣрѣ которыхъ и дѣлахъ лично зналъ? Вѣрно, не къ нимъ онъ это писалъ, а къ другимъ какимъ, къ Лаодикійцамъ, напр., или еще куда.—Но—кромѣ того, что это слышаніе можно понимать не о первоначальномъ обраще-

ніи, а о твердости и преуспѣяніи въ вѣрѣ и любви, какъ толкуетъ то мѣсто и Ѳеодоритъ,—и кромѣ того, что въ словѣ *„слышавъ“* можно видѣть мысль: *будучи увѣренъ*,—сей образъ выраженія, можно полагать, вынужденъ былъ у Апостола тѣмъ же обстоятельствомъ строгости узъ и близости злыхъ враговъ. Потому же, почему не дѣлалъ онъ привѣтствій, сказалъ *„слышавъ,“* чтобъ всѣхъ отгородить, и не дать повода пытаніямъ и вопросамъ. Еслибъ они и были предложены, св. Павелъ могъ сказать теперь: я писалъ ко всѣмъ, которыхъ даже и не видалъ. Если они нужны вамъ, ищите ихъ сами, когда хотите.

в) Третье недоумѣніе родилось изъ того, что въ нѣкоторыхъ рукописяхъ въ надписаніи посланія нѣтъ реченія: *во Ефесѣ*, въ словахъ: *святымъ сущимъ во Ефесѣ*, а стоитъ только: *святымъ сущимъ и вѣрнымъ о Христѣ Іисусѣ*. Если не стоитъ въ текстѣ это указаніе на Ефесъ, то вѣрно не туда писано посланіе, а скорѣе ко всѣмъ христіанамъ. Это, говорятъ, окружное посланіе къ Эллинамъ или Асійцамъ, подобное посланію къ Евреемъ. — По содержанію оно точно таково; но еслибъ и первоначальное его отъ Апостола назначеніе было таково, тогда въ надписаніи былъ бы употребленъ совсѣмъ не такой оборотъ: святымъ сущимъ и вѣрнымъ, а скорѣе: святымъ сущимъ повсюду, или, какъ во 2 посланіи къ Коринѳянамъ, сущимъ во всей Асіи, или какъ въ первомъ къ тѣмъ же Коринѳянамъ—всѣмъ призывающимъ имя Господа Іисуса, или какъ въ посланіи къ Галатамъ: церквамъ Асійскимъ. Въ томъ же видѣ, какъ стоитъ въ приводимыхъ рукописяхъ: святымъ *сущимъ*, безъ означеннаго мѣста, слово *сущимъ* остается висящимъ на воздухѣ. Произнося его, тотчасъ ожидаешь указанія на мѣстность, какъ во всѣхъ другихъ посланіяхъ; напр. *сущимъ въ Римѣ*, *сущимъ въ Филиппѣхъ*,

сущимъ въ Колоссаяхъ, и проч.—И когда нѣтъ сего указанія, не избѣжишь желанія пополнить этотъ пробѣлъ подобнымъ указаніемъ. Слово *„во Ефесѣ“* пополняетъ его, и возвращаетъ теченію рѣчи должный строй.

Но стоитъ ли обращать вниманіе на этотъ пропускъ въ двухъ—трехъ рукописяхъ?—Еслибъ только въ этихъ двухъ—трехъ рукописяхъ не доставало этого слова; точно можно бы не останавливаться на этомъ случаѣ, особенно при всеобщемъ свидѣтельствѣ древности, что это посланіе есть посланіе св. Павла и писано имъ именно—къ Ефесеямъ. Но въ самой древности встрѣчаются колебанія на счетъ чтенія сего слова въ текстѣ. И это особенно обстоятельство требуетъ объясненія. Точно, древность представляетъ два случая, изъ которыхъ видно, что нѣкоторые тогда еще колебались, читать ли въ текстѣ: во Ефесѣ.—Но въ тѣхъ же случаяхъ, тѣми же лицами, которые поминаютъ объ этомъ, удостовѣрительно свидѣтельствуется, что они и вся церковь считаютъ это посланіе за несомнѣнно писанное св. Павломъ къ Ефесеямъ. Выводъ изъ этого будетъ такой: посланіе несомнѣнно было писано къ Ефесеямъ, но почему-то въ нѣкоторыхъ спискахъ въ текстѣ въ надписаніи посланія не стоитъ: во Ефесѣ. Недоумѣніе сводится не на то, къ Ефесеямъ ли писано посланіе, а на то, какъ сдѣлалось, что въ текстѣ послѣ *сущимъ* въ иныхъ спискахъ не стоитъ *во Ефесѣ*, тогда какъ вся древность признаетъ сіе посланіе писаннымъ къ Ефесеямъ, а форма выраженія въ текстѣ такова, что непремѣнно заставляетъ ожидать указанія на мѣсто.

Такъ выходитъ, что весь споръ тутъ о буквѣ. И можно, безъ ущерба дѣлу истины, отвѣтить на предложенный вопросъ: какъ это сдѣлалось, не знаемъ.

Нѣкоторые настаиваютъ на томъ, чтобъ доказать, что это слово было въ подлинномъ Апостоловомъ посланіи,

того не замѣчая, что гораздо труднѣе объяснить, какъ оно, бывъ въ подлинникѣ, выпало потомъ въ нѣкоторыхъ спискахъ, нежели какъ то, какъ оно, не бывъ въ подлинникѣ, стало потомъ быть вносимо въ него, и притомъ такъ, что впослѣдствіи этотъ образъ писанія сталъ господствующимъ.—Возможность послѣдняго случая объясняется легко изъ того же обстоятельства, которое помогаетъ рѣшить и другія недоумѣнія, — того, т. е., что посланіе писано изъ кесарійскихъ узъ, подъ страхомъ отъ враговъ, не причинить бы какъ непріятностей тѣмъ, къ кому писано посланіе, указаніемъ мѣстности его назначенія. Переписывавшему посланіе св. Павелъ не велѣлъ ставить: *во Ефесѣ*, послѣ *сущимъ*, объяснивъ Тихику причину того, и поручивъ ему вмѣстѣ съ другими словесными порученіями (передачею привѣтствій лицамъ извѣстнѣйшимъ) объяснить и то, почему это дѣлается и предоставивъ Ефесеямъ свободу вписать это слово, или не вписывать. Изъ списывавшихъ сіе посланіе тѣ, которые знали о такомъ распоряженіи Апостола, вставляли во Ефесѣ, а тѣ, которые не знали, опускали это. Такъ и пошло общее убѣжденіе, что посланіе сіе есть посланіе ко Ефесеямъ, въ спискахъ же въ иныхъ стояло *во Ефесѣ*, а въ другихъ опускалось.

Первый намекъ на небытіе сего слова въ иныхъ древнихъ спискахъ видится въ словахъ Тертулліана противъ Маркіона, извѣстнаго кривотолка и дерзкаго портителя Писаній новозавѣтныхъ. Въ 5-ой книгѣ противъ Маркіона, гл. 2, онъ говоритъ, что посланіе, которое у насъ надписывается—ко Ефесеямъ, еретики надписываютъ—къ Лаодикійцамъ. И ниже въ гл. 17 прибавляетъ: „по несомнѣнному удостовѣренію церкви посланіе то писано къ Ефесеямъ, а не къ Лаодикійцамъ, но Маркіонъ перемѣнилъ его надписаніе.“ — Изъ этого выводятъ, что

ни Маркіонъ, ни Тертулліанъ не имѣли въ своихъ списвахъ посланія въ текстѣ—*во Ефесѣ*. Еслибъ у Маркіона въ текстѣ стояло—*во Ефесѣ*, нельзя было бы ему на верху надписывать: къ Лаодикійцамъ. Если онъ это сдѣлалъ, то вѣрно воспользовавшись тѣмъ случаемъ, что ему попалась рукопись безъ сего слова въ текстѣ. Еслибъ у Тертулліана въ спискѣ посланія стояло въ текстѣ—во Ефесѣ, то онъ напалъ бы на Маркіона не какъ на измѣнителя верхней надписи, но какъ на исказителя текста Писаній. Послѣднее наведеніе не совсѣмъ строго. Тертулліанъ поминаетъ объ этомъ мимоходомъ, и могъ ограничиться легкимъ указаніемъ на измѣненіе надписи, не входя въ подробное разсмотрѣніе всего предмета. Тертулліанъ пользовался лат. переводомъ Itala, въ которомъ читается—in Epheso. Въ этомъ обстоятельствѣ дорого для насъ свидѣтельство Тертулліана объ общемъ голосѣ Церкви на счетъ посланія. Поступокъ же Маркіона, о коемъ извѣстно, какъ своенравно относился онъ къ Божію Писанію, ничего важнаго не представляетъ,—и только намекъ даетъ, что вѣрно у него была рукопись безъ Ἐν Ἐφέσῳ.

Второй случай, подающій поводъ допускать, что въ древности были списки, въ которыхъ не читалось—во Ефесѣ, встрѣчаемъ въ словахъ св. Василія Вел. противъ Евномія. Евномій отвергалъ Божество Господа Іисуса Христа. Собравъ противъ него множество доказательствъ изъ Писанія, что Господь Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ, безначальный, вѣчно живый,—*Сый*, онъ между прочимъ приводитъ и слѣдующее: „въ одномъ мѣстѣ Апостолъ называетъ язычниковъ не сущими за то, что они не имѣли вѣдѣнія о Богѣ: *не сущая избра Богъ* (1 Кор. 1, 28). Въ самомъ дѣлѣ, поелику Богъ есть Сый, и Истина, и Жизнь, то люди, не соединенные вѣрою съ Богомъ, Который есть Сый, и сроднившіеся съ

несущественностію лжи по своему заблужденію относительно идоловъ, справедливо, какъ я думаю, названы не сущими, — за неимѣніе истины и за отчужденіе отъ жизни. Напротивъ, сей же Апостолъ, въ посланіи къ Ефесеямъ, наименовалъ ихъ, въ особенномъ смыслѣ, сущими, какъ соединенныхъ искренно, посредствомъ познанія съ Сущимъ, сказавъ: *святымъ сущимъ, и вѣрнымъ о Христѣ Іисусѣ* (Еф. 1, 1). Такъ и прежде насъ бывшіе предали сіе, и мы сами нашли въ древнихъ спискахъ. Вотъ и рабы Христовы участвуютъ въ этомъ названіи; а Евномій не захотѣлъ удостоить сего названія Самого Бога нашего, но нарекъ не сущимъ Того, Кто привелъ тварь изъ ничего въ бытіе“ (Творен. св. отцевъ рус. пер. т. 3, ст. 94, во 2 кн. противъ Евномія).

Изъ этого мѣста само собою видно, что у св. Василія Вел. вниманіе занято не тѣмъ, какъ читать надписаніе посланія съ ἐν Ἐφέσῳ, или безъ него, а о томъ, какъ тѣ изъ древнихъ, которые не читали сего слова, толковали, слово—*сущимъ*, не входя въ разсмотрѣніе, такъ ли должно читать, или нѣтъ. Находя возможнымъ воспользоваться этимъ толкованіемъ противъ Евномія, св. Василій приводитъ его. Но чтобъ не показалось, что онъ всякому слуху вѣритъ, говоритъ, что онъ видѣлъ рукописи, въ которыхъ не стоитъ слово во Ефесѣ, а только *сущимъ*. Не видно, чтобъ св. Василій Вел. придавалъ какую важность этому чтенію или нечтенію—*во Ефесѣ*; а только не преминулъ и это обратить въ орудіе борьбы съ Евноміемъ. Самъ св. Василій убѣжденъ, что посланіе писано къ Ефесеямъ, ибо говоритъ: „Ап. Павелъ пиша къ *Ефесеямъ*.“ — И списокъ посланій св. Павла въ церкви Кесарійской имѣлъ, видно, *во Ефесѣ*, равно, и всѣ сосѣднихъ областей церкви читали сіе слово: иначе сослался бы и на ихъ св. Василій.—Та-

кимъ образомъ, если отвлечь изъ словъ Василія Великаго только относящееся къ нашему предмету, получимъ: хочешь, читай,—хочешь, не читай—въ текстѣ *во Ефесѣ;* только держи то убѣжденіе, что посланіе писано къ Ефесеямъ.

Блаж. Іеронимъ, приводя это толкованіе слова *сущимъ*, называетъ его слишкомъ утонченнымъ, производя его отъ Оригена. Самъ же удерживаетъ простое и прямое пониманіе сего слова: сущимъ, т. е, во Ефесѣ.

Такимъ образомъ древность точно представляетъ, что въ нѣкоторыхъ спискахъ не читалось — *во Ефесѣ*. Но это никакого вліянія не имѣло на убѣжденіе, что посланіе писано къ Ефесеямъ. Сіе убѣжденіе оставалось обще неизмѣннымъ. Отъ него и списки съ *во Ефесѣ* совсѣмъ почти вытѣснили списки безъ сего слова. Это видно изъ древнѣйшихъ переводовъ Пешито и Итала, въ которыхъ стоитъ *въ Ефесѣ*.

Двѣ—три рукописи впрочемъ дошли и до насъ, изъ которыхъ можно заключать о колебаніи относительно чтенія сего слова. Въ Синайской рукописи нѣтъ сего слова; въ Ватиканской оно стоитъ на поляхъ и приписано, кто говоритъ — тоюже рукою, а кто — другою; въ рукописи, значащейся подъ № 67 — оно стоитъ въ текстѣ, но потомъ зачеркнуто.—Рѣшительная рукопись одна; двѣ другія колеблются. Но еслибъ и всѣ онѣ рѣшительно говорили,—что онѣ сравнительно со всѣмъ количествомъ другихъ рукописей, уважаемыхъ, въ которыхъ читается сіе слово? Но какъ при всемъ томъ нельзя не обращать вниманія и на это опущеніе въ немногихъ рукописяхъ; то его достаточно объясняетъ приведенное нами выше предположеніе о возможности образованія того и другаго чтенія, безъ ущерба увѣренности, что посланіе писано къ Ефесеямъ.

Основываясь на этомъ пропускѣ слова „*во Ефесѣ*,“

нѣкоторые полагали, что посланіе это было соборное,— не въ одно мѣсто назначенное, а во всѣ, или многія. Но въ такомъ случаѣ ничто не мѣшало написать сущимъ повсюду, или всѣмъ, призывающимъ имя Господа, какъ замѣчено. А какъ оно стоитъ въ тѣхъ рукописяхъ,—то послѣ *сущимъ* требуется непремѣнно опредѣленное мѣсто. Этого же требуетъ и извѣщеніе въ концѣ, что все, касающееся Апостола, разскажетъ Тихикъ. Должно быть опредѣленное мѣсто, куда посланъ былъ съ посланіемъ Тихикъ; иначе такое порученіе неудобно исполнить буквально.

Еще болѣе несостоятельно предположеніе, что послѣ *сущимъ* оставленъ пробѣлъ съ тѣмъ, чтобы Тихикъ вписывалъ послѣ него мѣсто, куда приносилъ посланіе. Его написано было нѣсколько экземпляровъ. И представить нельзя никакой нужды въ такой забавной процедурѣ.

Что касается до мнѣнія, что посланіе это писано къ Лаодикійцамъ, то все одно пропускъ и при этомъ требуетъ объясненія. Но чтобъ оно писано было къ Лаодикійцамъ, мѣшаетъ признать невозможность объяснить при семъ, какъ могло статься, что посланіе всею древностію признано за посланіе ко Ефесеямъ, когда бы кромѣ Лаодикійской церкви, свидѣтельство о томъ шло и отъ церкви Колоссайской, коей писалъ св. Павелъ прочитать то посланіе.—На своевольное же дѣйствіе Маркіона не стоитъ обращать вниманія.

Остановимся потому на той мысли, что пропускъ мѣста точно былъ, по высказанной прежде причинѣ, но что посланіе назначалось для Ефесской церкви. Такимъ и признала его вся древность; списки же дѣлались иные со прописаніемъ *во Ефесѣ*, а иные—безъ сего.

4.

Мѣсто и время.

Откуда написано посланіе, мысль свою о томъ мы помѣстили въ началѣ, потому что ею удобно рѣшаются нѣкоторыя особенности посланія и недоумѣнія, возбуждаемыя тѣмъ. Но остановясь на ней, и время написанія посланія должны уже согласить съ нею.—Въ Ефесъ прибылъ св. Павелъ въ 55 или 56 году. Тамъ пробылъ 3 года. Нѣсколько мѣсяцевъ употреблено послѣ того на путешествіе по Македоніи и на пребываніе въ Ахаіи. Затѣмъ нападеніе на Апостола въ Іерусалимѣ, вслѣдъ за коимъ начались и узы кесарійскія. Написаніе посланія къ Ефесеямъ падаетъ такимъ образомъ на 60 или 61 годы.

5.

Содержаніе и раздѣленіе.

И прежде не разъ говорилось, что главный предметъ посланія есть тайна призыванія язычниковъ ко спасенію, которое для всего рода человѣческаго устроено въ лицѣ Господа нашего Іисуса Христа, обѣтованнаго Іудеямъ, и тайна устроенія изъ всѣхъ людей единой Церкви Божіей, коей глава Христосъ Господь. Изложивъ это пространно и воодушевленно, св. Павелъ предлагаетъ потомъ и правила жизни христіанской, въ какомъ духѣ должны жить призванные къ такому сочетанію въ единое тѣло и въ какихъ дѣйствіяхъ долженъ выражаться духъ

сей, во всѣхъ порядкахъ жизни, въ какихъ обычно поставляемъ бываетъ всякій человѣкъ.

Первый предметъ занимаетъ первыя три главы, второй—послѣднія три. Къ нимъ, въ началѣ, прилагаются надпись и привѣтствіе—1, 1. 2; и въ концѣ небольшое заключеніе 6, 12—24.

Болѣе подробное развитіе мыслей каждой части будетъ предлагаемо въ самомъ толкованіи посланія.

ТОЛКОВАНІЕ

ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА

КЪ

ЕФЕСЕЯМЪ.

Надпись и привѣтствіе.

1, 1. 2.

Ст. 1. *Павелъ посланникъ Іисусъ Христовъ, волею Божiею, святымъ сущимъ во Ефесѣ, и вѣрнымъ о Христѣ Іисусѣ.*

Павелъ. Собственное имя Апостола—Савлъ. Но въ качествѣ гражданина римскаго онъ носилъ и другое имя—Павелъ, которое и сталъ исключительно употреблять, когда углубился въ массу язычества съ проповѣдію о Христѣ Іисусѣ. Его онъ ставитъ и во всѣхъ своихъ посланіяхъ. Подъ нимъ остался онъ вѣдомъ и въ христіанскомъ мірѣ, который преимущественно состоитъ изъ обращенныхъ язычниковъ.

Посланникъ.—Апостолъ,—санъ св. Павла въ благодатномъ царствѣ Христовомъ, самый высокій. Самъ Господь назвалъ такъ 12 учениковъ Своихъ (Лк. 6, 13), избравъ ихъ для того, *да посылаетъ ихъ проповѣдати* (Мр. 3, 14). Св. Павелъ въ другомъ мѣстѣ исповѣдуетъ, что и онъ поставленъ Апостоломъ и проповѣдникомъ, чтобъ всюду разносить свидѣтельство о той истинѣ, что *единъ есть Богъ и единъ ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ* (1 Тим. 2, 5. 6).—Значеніе лицъ, кои посланники суть, извѣстно изъ общаго употребленія. Не иное оно и въ благодатномъ царствѣ. Разность—отъ лица посылающаго, отъ полномочій посланнаго и предмета посольства. Пословъ Греки

называютъ πρεσβευς—представитель государя, исполнитель воли его, и блюститель интересовъ своего государства. Таковы и Апостолы—посланники Божіи, исполнители воли Его и блюстители интересовъ царства благодатнаго. Почему въ этомъ же посланіи св. Павелъ, прося у Ефесянъ молитвъ, чтобъ дана ему была свобода съ дерзновеніемъ возвѣщать тайну благовѣствованія,—прибавляетъ: *о немъ же посольствую*—πρεσβευω—*во узахъ моихъ* (6, 20). Вся забота его о распространеніи царства Христова, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ онъ, *по Христѣ убо молимъ* πρεσβευομεν,—*яко Богу молящу нами: примиритеся съ Богомъ* (2 Кор. 5, 20).

Посланникъ Іисусъ Христовъ,—а *волею Божіею*. Господь Іисусъ избралъ и послалъ, но такъ, что на это была воля Бога и Отца. Сынъ творитъ, что видитъ Отца творяща. Что постановляетъ Отецъ, то приводитъ въ исполненіе Сынъ,—видящій сіи рѣшенія по единосущію съ Отцемъ, пребыванію въ Немъ, вѣдѣнію всего Отчаго и участію въ семъ самомъ постановленіи. *По волѣ Бога* Отца, которая есть и воля Сына, по единосовѣтію лицъ Пресвятыя Троицы.

Постановленіе—быть св. Павлу Апостоломъ состоялось на небѣ, и приведено въ исполненіе на землѣ въ свое время Волю Божію о семъ св. Павелъ узналъ не по внутреннимъ движеніямъ чувства, а видимо и осязательно, и при томъ съ такимъ сильнымъ потрясеніемъ всего существа его, которое въ одинъ разъ отрясло всѣ, налегшія на свѣтлый умъ его предубѣжденія, набранныя имъ изъ секты фарисейской. Что онъ сподобился этого дара по особой волѣ Божіей, наипаче же, что особенная была къ нему благодать и милость въ измѣненіи его изъ врага Христова въ Апостола,—это такъ глубоко лежало въ сердцѣ его, и такъ неотступно стояло въ сознаніи, что онъ всегда поминалъ объ этомъ,

какъ только надлежало сказать что либо о своемъ Апостольствѣ, побуждаясь къ тому и чувствомъ благодарности за милость, и желаніемъ—дать удостовѣреніе тѣмъ, къ кому писалъ или говорилъ, что они слышатъ изъ устъ его несомнѣнно Божескую истину, такъ какъ онъ не самъ взялся за проповѣдь и не людьми назначенъ на это дѣло, а посланъ отъ Самого Господа непосредственно.

Одинъ толковникъ наводитъ при семъ: такъ часто поминаетъ св. Апостолъ о своемъ избраніи на проповѣдь волею Божіею для того, чтобы напечатлѣть въ душахъ вѣрующихъ, что дѣло проповѣди, а далѣе и всякое служеніе въ Церкви не должно быть присвояемо себѣ самочинно, а всегда должно быть принимаемо по избранію—способомъ, въ Церкви Божіей Богомъ установленнымъ, въ производствѣ коего является воля Божія. Въ этомъ же можетъ быть побужденіе для наличныхъ служителей Божіихъ всѣхъ степеней—обсуждать: все ли въ избраніи ихъ шло по образу Богомъ учрежденному, имѣя во вниманіи при семъ не внѣшній только порядокъ, но свое внутреннее состояніе и свидѣтельство совѣсти своей.

Святымъ сущимъ во Ефесѣ,—христіанамъ, живущимъ въ Ефесѣ.—*Святый* есть человѣкъ чистый и непорочный, всякою добродѣтелію украшенный и всякого грѣха чуждый, не только дѣломъ совершаемаго, но и въ мысляхъ и чувствахъ дѣйствующаго, и потому состоящій въ Божіемъ благоволеніи и къ Богу близкій и доступный.—Ужели вѣрующіе Ефесяне были таковы? — ничего нѣтъ дивнаго, по живости вѣры и жару ревности, съ какими приступали тогда къ Господу, а паче по обилію благодати, за то на нихъ изливавшейся. Грѣшные въ Церкви суть случайность; существенная же ея принадлежность есть та, чтобы всѣ были святы. Церкви тогда,—и частныя,—были какъ дѣвы чистыя, неимущія скверны или

порока, — святыя и непорочныя (2 Кор. 11, 2; Еф. 5, 27). Св. Златоустъ въ этомъ смыслѣ и говоритъ: „смотри,—святыми называетъ даже тѣхъ, которые имѣютъ и дѣтей, и женъ и слугъ... Значитъ,—такая теперь обдержитъ всѣхъ безпечность! Какъ сильно (нынѣ) ослабѣла ревность къ добродѣтели! И какъ было много добродѣтельныхъ тогда, когда и мірскіе назывались святыми и вѣрными!"

Нынѣ у насъ стало такъ, что грѣшность будто есть законная норма жизни между христіанами, а святость, или ревность о доброй жизни, — исключеніе, которое рѣдко обходится безъ неблаговолительныхъ взглядовъ и даже насмѣшекъ и противодѣйствія. Основываясь на этомъ иные и слово Апостола—*святымъ* понимаютъ такъ, что этимъ означается будто только посвященіе Богу, подобно какъ въ ветхозавѣтной скиніи всѣ вещи были святы ради посвященія ихъ Богу, хотя онѣ внутри не имѣли ни святости, ни грѣшности. Нельзя думать, чтобъ Апостолъ въ словѣ—*святымъ* разумѣлъ только это внѣшнее принадлежаніе къ святой Церкви. Тогда самымъ дѣломъ всѣ были святы и чисты предъ Богомъ; если и бывали согрѣшающіе, то они исчезали въ общей массѣ святыхъ, и, притомъ, какъ окруженные отвсюду духомъ святости, тотчасъ каялись, исправлялись, и опять становились въ рядъ другихъ, непадавшихъ святыхъ. — И всѣ вообще христіане ревновали не только о томъ, чтобы самимъ быть святыми, но чтобъ всѣ другіе были святы, чтобы все общество ихъ не имѣло никакого пятна, ни за одно лице.—Таковы должны быть и всѣ христіанскія общества (частныя).

И вѣрнымъ о Христѣ Іисусѣ. Святые и вѣрные—не два класса лицъ,—какъ бы одни высшія, другія низшія, но одни и тѣже лица съ разныхъ сторонъ жизни христіанской. Святость—цѣль жизни, вѣра—ея производи-

тель, охрана, опора и совершеніе. *Вѣрный* означаетъ и вѣрующаго и вѣрнаго вѣрѣ, то и другое вмѣстѣ. Вѣрующій, повѣривъ благовѣстію спасенія въ Господѣ, оставляетъ прежнюю худую жизнь, кается, приступаетъ ко крещенію и возродившись въ немъ, осѣненіемъ благодати Св. Духа, исходитъ на жизнь въ духѣ сей вѣры, укрѣпляемый сею благодатію, — скорѣе готовъ будучи всякую смерть принять, чѣмъ отъ исповѣданія вѣры отступить, или погрѣшить въ чемъ противъ требованій вѣры въ жизни. Такое расположеніе, представляя отличительный характеръ *вѣрнаго,* есть производитель святости, хранитель ея и доводитель до окончательнаго совершенства. Такимъ образомъ — словомъ *вѣрный* св. Павелъ показалъ, какъ святые бываютъ святы.

Прибавилъ св. Павелъ— о *Христѣ Іисусѣ,*—показывая источникъ вѣрности, а чрезъ нее и святости. Никто не думай самъ что либо совершить духовное, для благодатнаго царства Христова гожее. Все туда подходящее совершается Духомъ Божіимъ о Христѣ Іисусѣ. Но не думай, чтобъ и Духъ Божій сталъ дѣлать что либо въ тебѣ и чрезъ тебя, гожее для царства Христова, пока ты самъ не вострудишься и не истощишь въ трудѣ всѣхъ своихъ силъ, въ естествѣ твоемъ Богомъ тебѣ данныхъ. Въ дѣлѣ спасенія то и другое идетъ совмѣстно. Амвросіастъ пишетъ: „вѣрные тогда и вѣрны, когда вмѣстѣ суть и во Христѣ Іисусѣ. Ибо добрая жизнь тогда только полную имѣетъ цѣну, и бываетъ истинно свята, когда бываетъ таковою о имени Господа Іисуса Христа." Приложивъ слово—о *Христѣ Іисусѣ,* св. Павелъ напомнилъ Ефесянамъ, что если они вѣрны, то не сами о себѣ, а обязаны этимъ своему общенію съ Господомъ Іисусомъ, безъ Коего ничего достойнаго вѣры сдѣлать не могутъ; — напомнилъ, и тѣмъ отсѣкъ всякій поводъ къ возношенію вѣрностію, а вмѣстѣ съ тѣмъ показалъ,

гдѣ искать вѣрности и святости, когда ощущается оскудѣніе ихъ.

Приведемъ мысли одного толковника на эти слова: „нельзя не внушать, что христіане по своему высокому назначенію должны быть непремѣнно святы и грѣху не причастны, не смотря на то, что живутъ среди міра, грѣху служащаго и преданнаго страстямъ. Поставленіе сего на видъ съ одной стороны смирительно: ибо кто можетъ сказать о себѣ, что онъ святъ и соотвѣтствуетъ идеалу христіанства?—Съ другой—воодушевительно: ибо кто не желаетъ лучшаго? И кто изъ христіанъ чуждъ вѣры, что и онъ принялъ благодать Духа освящающую, всегда готовую помогать и руководить? — То и другое расположитъ—бѣгать духа самодовольства, ведущаго къ безпечности, и духа страшливости и нерѣшительности, отъ которыхъ руки опускаются, и ноги не движутся, потому что они подсѣкаютъ всякую энергію.

„Соединеніе словомъ Апостола святости и вѣрности въ однихъ и тѣхъ же лицахъ указываетъ на нераздѣльность догмата и нравоученія въ христіанствѣ,—вѣры и добродѣтели въ жизни каждаго христіанина. Вѣра, коль скоро она Духомъ Божіимъ печатлѣется въ сердцѣ, бываетъ источникомъ святости для человѣка возрожденнаго. Но и обратно,—чѣмъ болѣе ревнитель святости подвигается въ ней впередъ, тѣмъ болѣе чистится и свѣтлѣетъ въ немъ вѣра.—И се свѣтъ Христовъ!...

„Хранить вѣру и преуспѣвать въ святости—се и иго, и вѣнецъ христіанина. Помни отъ чего исходишь, и куда идешь—точку отправленія и цѣль—сіи предѣлы всякаго движенія. Начало — въ твоемъ облагодатствованіи чрезъ общеніе съ Господомъ по вѣрѣ; конецъ—Богоподобіе въ святости. Ни то ни другое не совершится безъ живаго, личнаго общенія съ Господомъ Іисусомъ Христомъ.

„Качество святости и характеръ вѣрности не иначе присущи бываютъ въ христіанинѣ — какъ отъ Христа Господа. Потолику то и другое бываетъ въ немъ, поколику онъ состоитъ въ живомъ союзѣ со Христомъ. На что потому слѣдуетъ устремлять все вниманіе?—На храненіе сего христообщенія, возрастаніе въ немъ. Въ семъ ключъ таинственной силы христіанства,—истина, путь и животъ,—а не въ учености и многознаніи."

Ст. 2. *Благодать вамъ и миръ отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа.*

Благодать и миръ! Въ этихъ двухъ словахъ совмѣщаетъ Апостолъ всѣ духовныя сокровища христіанства. Благодать къ миру относится, какъ листокъ или корень къ цвѣту и плоду. Бож. благодать есть главное условіе христіанской жизни, которой высшій цвѣтъ и плодъ есть миръ.—Благодать—всѣ силы, яже къ животу и благочестію; миръ — непоколебимое обладаніе сими дарами, храненіе ихъ и пользованіе ими. Миръ съ Богомъ въ совѣсти—внутренній миръ, отъ сознанія обрѣтенія твердой опоры жизни и твердыхъ надеждъ, и отъ приведенія въ гармонію всѣхъ своихъ стремленій и содержаніе ихъ въ сей гармоніи.—И внѣшній миръ бываетъ; но онъ есть промыслительное внѣшнее пособіе, а не необходимость для внутренней жизни.

Такъ Апостольское благожеланіе совмѣщаетъ *высшее* и *лучшее*, чего только можетъ ожидать отъ благожелателя смиренное и благоговѣйное чувство христіанское. *Высшее*—благодать, которая осужденному грѣшнику открываетъ входъ къ милосердому Богу—Отцу, и отверзаетъ для него сокровища безпредѣльной любви Его. *Лучшее*—миръ, который водворяется, когда въ борьбѣ свѣта и тьмы во внутреннемъ средоточіи личной жизни преимущество остается за свѣтомъ, когда смутительныя тревоги совѣсти улегаются, и тяжелое чувство без-

отвѣтной грѣшности и осужденія находитъ благонадежный исходъ.

Въ томъ, что съ христіаниномъ всегда благодать, и что ему принадлежитъ обѣтованіе мира, за поручительствомъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа—нелжных въ словѣ и дѣлѣ—въ этомъ для него утѣшеніе въ скорби и воодушевленіе къ мужеству въ неизбѣжной ему борьбѣ. Гдѣ благодать, тамъ и миръ, хотя онъ не всегда во всей силѣ чувствуется христіаниномъ, пока онъ состоитъ въ борьбѣ со грѣхомъ, съ темными силами, и внѣшними противностями добрымъ начинаніямъ его.

Можно сказать, что святость и вѣра,—помянутыя,—состоятъ въ соотвѣтствіи съ благодатію и миромъ. Благодать — источникъ святости; миръ — цѣль вѣрности вѣрѣ. Принявъ благодать по вѣрѣ, пребывай вѣрнымъ вѣрѣ, чтобъ сохранить благодать всегда присущею, и при ея помощи, преуспѣвъ въ святости, достигнуть мирнаго устроенія сердца, въ коемъ почиваетъ Богъ—сладкій предѣлъ трудовъ жизни Богоугодной.

Облагодатствующій есть преимущественно Богъ Отецъ, а миротворецъ—Богъ Сынъ въ Духѣ Святомъ. Почему и говорится: *отъ Бога Отца нашего и Господа Іисуса Христа*. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „*или* то и другое относится къ обоимъ вмѣстѣ—т. е. благодать и миръ какъ къ Богу Отцу, такъ и къ Господу нашему Іисусу Христу; *или* одно надо отнесть къ одному, а другое къ другому,—благодать къ Богу Отцу, а миръ къ Господу Іисусу Христу: какъ ниже нѣсколько и говорится: въ *похвалу славы благодати Своея, еюже облагодати насъ о Возлюбленнѣмъ* (—6). Благодать Отца состоитъ въ томъ, что Онъ благоволилъ послать для спасенія нашего Сына Своего; а миръ Сына—въ томъ, что Имъ мы примирены съ Богомъ Отцемъ.“ Св. Златоустъ говоритъ: „сказалъ—*благодать*,—и Бога называетъ От-

цемъ; ибо той (благодати) признакомъ служитъ сіе (наименованіе). Какъ? Послушай, что говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ: *понеже есте сынове, посла Богъ Духа Сына Своего въ сердца ваша вопіюща: Авва Отче!* (Гал. 4, 6).“ Блаж. Ѳеофилактъ ту же мысль излагаетъ полнѣе: „сказавъ—*благодать*, прибавляетъ отъ Бога Отца нашего, чтобы показать, что содѣлала для насъ благодать,—именно то, что Владыку и Бога содѣлала Отцемъ нашимъ. Но и Господь, т. е. Богъ Сынъ, по благодати къ намъ, содѣлался и Іисусомъ и Христомъ; ибо, воплотившись ради насъ, Онъ принялъ имя Іисуса и помазалъ человѣчество Божествомъ.

Вѣрующимъ дается область чадами Божіими быти, потому что они пріявъ Господа раждаются отъ Бога—не имя только носятъ сыновъ, но существенно бываютъ сынами (Ін. 1, 12. 13). Духъ Божій, творящій сіе, влагаетъ и чувство сыновства, по которому истинно возрожденный съ такимъ же расположеніемъ именуетъ Бога Отцемъ, съ какимъ естественный сынъ естественнаго отца.

Іисусъ Христосъ есть Господь не насъ только—христіанъ,—но и всего міра; ибо Ему, яко Ходатаю и Искупителю—все предано Отцемъ, дана всякая власть на небеси и на земли (Мѳ. 28, 18), которую и будетъ Онъ являть до совершеннаго исполненія всего плана домостроительства нашего спасенія, когда предастъ Онъ Свое царство Богу и Отцу (1 Кор. 15, 24)—и *будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (28).

ЧАСТЬ ДОГМАТИЧЕСКАЯ.

1, 3—3, 21.

Предметъ сей части—домостроительство спасенія нашего въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ. Св. Дамаскинъ пишетъ: „главный предметъ (въ этой части) посланія есть преподать Ефесянамъ ученіе о благодати Христовой. Благодать сія есть наше въ Немъ возстановленіе и освященіе, поколику мы стали тѣломъ Его, и Его возымѣли главою. Источникъ такой благодати есть благость Божія во вѣки пѣснословимая. Путь къ ней—искупленіе кровію Христовою.“

Цѣль, какую имѣлъ Апостолъ въ изображеніи сего домостроительства, была та, чтобы ввесть въ созерцаніе его и Ефесянъ, и въ семъ дать имъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ христіанамъ изъ язычниковъ, побужденіе памятовать о великомъ къ нимъ Божіемъ благодѣяніи, явленномъ чрезъ призваніе и ихъ къ участію въ спасеніи. Чтобъ успѣшнѣе сего достигнуть, онъ сначала:

А) дѣлаетъ общее обозрѣніе домостроительства спасенія,—1, 3—14 - и потомъ уже

Б) вводитъ въ созерцаніе его и Ефесянъ,—1, 15—3, 21.

А).

ОБОЗРѢНІЕ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА СПАСЕНІЯ.

1, 3—14.

Въ семъ обозрѣніи полагается начало не только для слѣдующаго отдѣленія догматической части, но и для части нравоучительной.

Начинаетъ его св. Павелъ воззваніемъ: *благословенъ Богъ* и проч. Такое благодарно-хвалебное воззваніе исторглось изъ сердца Апостольскаго, послѣ обозрѣнія имъ въ умѣ своемъ всего домостроительства спасенія нашего въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Въ тайнѣ Божества отъ вѣка положено было быть устроенію нашего спасенія; когда пришло время, Сынъ Божій воплотился, пострадалъ, умеръ, воскресъ, вознесся на небеса и возсѣлъ одесную Бога и Отца; на землю же послалъ Духа Святаго, Который черезъ Апостоловъ устроилъ на ней Церковь святую, хранительницу истины и благодати; входящіе въ ограду ея причащаются благодати, очищаются и освящаются, трудясь въ добродѣланіи, пока вратами смерти изыдутъ отселѣ и внидутъ въ небесныя селенія, *идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя*.—Се путь новый и живый!—Обозрѣвъ его Апостолъ не удержался, чтобъ не воззвать: Благословенъ Богъ! Что это воззваніе точно было вслѣдствіе сего обозрѣнія, показываютъ слѣдующіе за симъ стихи, въ которыхъ излагается, а) какъ отъ вѣка въ Богѣ начертанъ планъ нашего спасенія ст. 3—6, б) какъ онъ исполненъ Господомъ Іисусомъ ст. 7—10,—и в) какъ всѣ мы дѣлаемся причастниками сего спасенія благодатію Св. Духа и чаемъ наслѣдія вѣчнаго блаженства—ст. 11—14.

а).

Ст. 3. *Благословенъ Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа, благословивый насъ всяцѣмъ благословеніемъ духовнымъ въ небесныхъ о Христѣ.*

Благословенъ Богъ! Начинаетъ Богохваленіемъ отъ полноты благодарныхъ чувствъ за великое дѣло спасенія, коего силу ощущалъ и величіе обнималъ созерцаніемъ ума. Величіе благъ возвело къ чувству величія Бога

благодѣющаго, которое и исторгло изъ сердца Богохвалебное воззваніе. Благословеніемъ Бога начато, и на немъ покоится вся послѣдующая рѣчь, которая развиваетъ его и опредѣляетъ. Св. Апостолъ видитъ великое дѣло спасенія уже дѣйствующимъ въ людяхъ чрезъ Евангельскую проповѣдь и благодать Св. Духа. Видѣніе этого восторгаетъ его духъ, и онъ все умно-созерцаемое очерчиваетъ въ рѣчи воодушевленной,—кратко, но всеобъемлюще. Есть ли въ Писаніи другое такое же кратко-всеобъемлющее отдѣленіе! Нѣсколько схожи съ нимъ 18 стиховъ Евангелія Іоанна Богослова.

Богъ и Отецъ Господа нашего Іисуса Христа.

Богъ и Отецъ—величественное выраженіе, не у св. Павла только встрѣчаемое, но и у другихъ Апостоловъ (Рим. 15, 6; 1 Кор. 15, 24; 2 Кор. 1, 3; 11, 31; Кол. 1, 3; Іак. 1, 27; 3, 9; 1 Петр. 1, 3).—Но какая мысль?—Одни говорятъ: Богъ нашъ и всякой твари, и Отецъ Господа нашего. Такъ бл. Θеодоритъ: „явно, что нашъ Онъ Богъ, Отецъ же Господа нашего.“—Другіе *Богъ и Отецъ* относятъ къ Господу Іисусу Христу, говоря, что Онъ Богъ Его по человѣчеству и Отецъ по Божеству. Такъ блаж. Θеофилактъ: „вотъ и Богъ и Отецъ Онъ—одного и того же Христа: Богъ, яко воплотившагося; Отецъ же, яко Бога Слова.“

Бл. Іеронимъ говоритъ, что можно принимать и то другое пониманіе сихъ реченій. „Двояко можно читать: *Благословенъ Богъ и Отецъ Г. н. І. Х.* — *Или* такъ: благословенъ Богъ, Который есть Творецъ всяческихъ, съ наведеніемъ: *Который есть и Отецъ Г. н. І. Х. Или* такъ, чтобъ и *Богъ и Отецъ* относить къ Господу нашему. Благословенъ Богъ воспринятаго въ воплощеніи человѣка, и Отецъ воплотившагося Бога Слова, въ началѣ бывшаго у Бога,—не поколику—иное лице воспринятый человѣкъ, и иное—Слово, его воспріявшее;

но поколику одинъ и тотъ же, по различію естествъ, именуется то высокими, то смиренными наименованіями."

Въ виду того, что не чуждо догматовъ вѣры исповѣдать Бога Отца Богомъ Господа нашего Іисуса Христа, по человѣчеству, можно не настаивать на первомъ пониманіи, какъ этого мѣста, такъ и всѣхъ подобныхъ, помѣченныхъ выше. Ниже, въ ст. 17, св. Павелъ молитву свою обращаетъ прямо *къ Богу Господа нашего, Отцу Славы*. И Самъ Господь въ словѣ къ Маріи Магдалинѣ исповѣдалъ Бога Отца Богомъ Своимъ, говоря: *восхожду къ Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему* (Ін. 20, 17). Одно только надлежитъ имѣть при семъ предостереженіе, чтобъ не раздвоить лицъ, по руководству Блаж. Іеронима; но одного и того же исповѣдать Господа Іисуса, для Коего — единаго, Богъ Отецъ есть и Богъ и Отецъ. Св. Апостолу, благословляющему Бога за величіе и обиліе благодатей, прилично было такой употребить оборотъ рѣчи. Ибо источникъ всѣхъ ихъ въ дѣйствительности есть тотъ, что Богъ Отецъ благоволилъ, Богъ Сынъ соизволилъ воплотитися отъ Духа Свята и Приснодѣвы Маріи.— Богъ Господь,—и явися намъ. Благословенъ грядый во имя Господне!

Благословивый насъ. Взоръ Апостола покоится на томъ, что дѣйствительно уже есть. Не на общую благостынность Божію указываетъ онъ, а на опредѣленное великое дѣло Его благости,—то, въ коемъ Богъ благословилъ насъ совершеннымъ уже во Іисусѣ Христѣ Господѣ дѣломъ нашего искупленія. Съ Нимъ Онъ уже своскресилъ и спосадилъ насъ на небесныхъ (Еф. 2, 6).

Всякимъ благословеніемъ. Тутъ разумѣется и обиліе, и величіе, и непреложность благъ,—все, что воплощеніемъ Бога Слова, Его смертію, воскресеніемъ и вознесеніемъ, и сошествіемъ Св. Духа, дѣйствующаго въ увѣровав-

шихъ, даровано намъ,—отпущеніе грѣховъ, освященіе благодатію, сыновство Богу, вѣчное наслѣдіе—и—верхъ всего—Бога въ себя воспріятіе и вмѣщеніе. „Чего тебѣ еще не достаетъ, взываетъ ев. Златоустъ? Ты сталъ безсмертнымъ, свободнымъ, сыномъ, братомъ, сонаслѣдникомъ; будешь вмѣстѣ съ Господомъ царствовать, вмѣстѣ съ Нимъ прославишься. Когда Онъ Самъ данъ тебѣ, то въ Немъ все тебѣ даровано. *Како убо не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ?* (Рим. 8, 32).“ „Онъ сообщилъ намъ дарованія Божественнаго Духа, подалъ надежду воскресенія, обѣтованіе безсмертія, обѣщалъ царство небесное, достоинство всыновленія“ (Бл. Өеод.).

Благословилъ насъ всякимъ благословеніемъ Богъ,—и стали мы, такимъ образомъ, и сами благословенны, не источнымъ благословеніемъ, а воспринятымъ, какъ воспринятою благостію благи, и воспринятою святостію святы. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „по природѣ и существенно одинъ Богъ благъ, но Онъ чрезъ общеніе съ Нимъ и насъ дѣлаетъ благими. Тѣмъ же способомъ и святыми насъ содѣлываетъ, почему и говоритъ Израилю: *Святи будете, якоже Азъ святъ есмь* (Лев. 20, 7). Такъ и благословенъ будучи Самъ, и насъ содѣлываетъ благословенными. Даетъ благословеніе Законоположитель, и *благословеніе Господне на главѣ праведнаго* (почиваетъ) (Прит. 10, 6).—Благословилъ же Онъ насъ не однимъ благословеніемъ, но всякимъ,—не такъ, чтобы всѣ все получили, но когда каждый одно или нѣсколько имѣетъ изъ всего, всѣ, по частямъ, обладаемъ всѣмъ (разумѣются дары Св. Духа).“

Благословеніемъ духовнымъ. Перечисливъ, какъ выше приведено, дарованныя намъ въ Господѣ блага, св. Златоустъ наводитъ: „о тѣлесномъ здѣсь ни слова. Еще Спаситель говорилъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Ін. 16, 33), чтобъ отклонить всякую мысль о тѣлесномъ и устремить

все наше вниманіе къ духовному. Прилѣпившіеся къ тѣлесному и слышать не могутъ о духовномъ; и ищущій духовнаго не можетъ принять его, если прежде не оставитъ тѣлеснаго."

Имѣлъ ли св, Павелъ при семъ въ мысли противопоставить благословеніе христіанское-духовное благословенію Іудейскому-плотскому, утверждать нельзя. Но читающаго выраженіе сіе можетъ наводить на такую мысль. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ намекаетъ здѣсь на благословеніе Іудеевъ; ибо и они получали благословеніе, но не духовное. Что въ самомъ дѣлѣ имъ сказано было? *Благословитъ тя Богъ и благословитъ плодъ чрева твоего* (Втор. 7, 13), и благословитъ входъ и исходъ твой."

Въ небесныхъ. „Какъ бы истолковывая, какъ благословеніе наше есть духовно, говоритъ: *въ небесныхъ*. Благословеніе Іудеевъ было земное, потому и тѣлесное" (Бл. Өеоф.). Говоритъ такъ, чтобъ показать, что мы благословлены „не мірскимъ, но небеснымъ благословеніемъ,— не тлѣннымъ, но вѣчнымъ; ибо слава христіанъ не на землѣ, а на небѣ и во Христѣ, какъ говоритъ Господь: *идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Ін. 12, 26)" (Амвр.).—„*Въ небесныхъ*, говоритъ св. Златоустъ, означаетъ тоже, что не земныя (даны намъ блага), какъ Іудеямъ, которымъ обѣщано было, что они благая земли снѣдятъ, что наслѣдятъ землю, кипящую медомъ и млекомъ, и что благословитъ Богъ землю ихъ (Пс. 127; Исх. 33; Числъ гл. 13 и 14; Втрз. 11, 27. 31).—Здѣсь не обѣщается ничего такого. Что же обѣщается? *Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ*... И Я и Отецъ къ *Нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Ін. 14, 23). Еще: *Всякъ, иже исповѣсть Мя предъ человѣки, исповѣмъ его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже есть на небесѣхъ* (Мө. 10, 32). Въ другомъ мѣстѣ: *блажени нищіи*

духомъ, яко тѣхъ есть царство небесное. Блажени чистіи сердцемъ, яко тіи Бога узрятъ. Блажени изгнанніи правды ради, яко тѣхъ есть царство небесное (Мѳ. 5, 3. 8. 10. 12), Видишь ли, вездѣ небеса, и нигдѣ ни слова ни о землѣ, ни о земномъ. Почему говорится: *наше житіе на небесѣхъ есть, отонудуже и Спасителя ждемъ Господа нашего Іисуса Христа* (Фил. 3, 20). И еще: *горняя мудрствуйте, а не земная* (Кол. 3, 2).“

Нѣкоторые толковники слову *въ небесныхъ* даютъ такое значеніе: въ небесахъ,—прежде чѣмъ была земля, или какая тварь,—въ предвѣчномъ совѣтѣ Божіемъ. Но какъ намѣренно замѣчено выше, Апостолъ благодаритъ здѣсь Бога за то, что зрѣлъ дѣйствительно совершеннымъ уже во Христѣ Іисусѣ, о предвѣчныхъ же рѣшеніяхъ совѣта Божія говоритъ онъ въ слѣдующихъ двухъ—трехъ стихахъ. Наши св. толковники, какъ показываютъ приведенныя слова ихъ, видятъ въ этомъ словѣ только объясненіе—*духовнаго* благословенія. По ихъ мысли—*въ небесныхъ*, тоже, что—небеснымъ. Съ неба исходитъ начало благословенія, и тамъ получаетъ оно окончательное свое завершеніе.

Блаж. Ѳеодоритъ, перечисливъ благословенія намъ Божіи въ Господѣ, говоритъ: „сіе-то Апостолъ назвалъ благословеніями духовными, и присовокупилъ: *въ небесныхъ*, потому, что все сіе дары небесные.“ Бл. Іеронимъ пишетъ: „благословлены мы не земными, а духовными благословеніями. Есть и земныя благословенія, напримѣръ - имѣть дѣтей, обиловать богатствомъ, быть въ чести, пользоваться здоровьемъ. Земное благословеніе простирается даже на животныхъ; такъ и о нихъ сказано: благословилъ ихъ Господь и сказалъ: раститеся и множитеся (Быт. 1, 22).—Духовныя же благословенія въ небесныхъ суть; потому что земля не способна вмѣщать духовное благословеніе. Даже и тѣ бла-

гословенія, которыя обѣщаются въ законѣ хранящимъ заповѣди (Лев. 26. Втр. 28), не видимъ исполненными на Пророкахъ, *иже проидоша въ милотехъ и въ козіяхъ кожахъ, лишени, скорбяще, озлоблени, въ пустыняхъ скитающеся и въ горахъ, и въ вертепахъ, и въ пропастехъ земныхъ* (Евр. 11). Такъ все надо понимать духовно, и духовнаго искать не въ земныхъ мѣстахъ, а въ небесныхъ. — Спрашивается, какъ же, когда мы еще на землѣ, благословилъ Онъ насъ благословеніемъ небеснымъ? — Небеснымъ благословеніемъ называемся мы благословенными *или* потому, что наше житіе на небесахъ есть, и мы не отъ міра сего есмы, но совлекшись образа перстнаго, носимъ образъ пренебеснаго, и не по плоти уже живемъ, но по духу, и собираемъ себѣ сокровище на небесахъ, гдѣ и сердце имѣемъ; *или* потому, что всякое благословеніе небесное, хотя на землѣ бываетъ (получается), но съ небесъ посылается.“

Благословилъ.... *О Христѣ*. Это слово и показываетъ, что благодарно-хвалебное воззваніе то проторглось изъ сердца по обозрѣніи всего, что совершено Господомъ и что уготовано Имъ для вѣрующихъ. Но въ этомъ только и есть истина и животъ; внѣ же сего— прелесть и пагуба. Отъ Бога къ намъ что ни нисходитъ, все —чрезъ Господа Іисуса Христа; и наше восхожденіе къ Богу не инымъ путемъ возможно, какъ чрезъ Господа же. „Всякій даръ благодати Божіей во Христѣ есть. Кто, презрѣвъ Христа, думаетъ быть благословеннымъ отъ Бога, тотъ да вѣдаетъ, что заблуждается“ (Амвр.).

Св. Златоустъ дѣлаетъ при семъ наведеніе о превосходствѣ Новаго Завѣта предъ Ветхимъ. „*О Христѣ*, т. е. чрезъ Христа Іисуса, а не чрезъ Моѵсея, это благословеніе; а потому не только качествомъ, но и

посредникомъ благословенія мы превосходимъ Іудеевъ. Моисей—слуга; Христосъ—Сынъ (Евр. 3, 5. 6).“

Да содержитъ же всякій въ умѣ и сердцѣ, что Христосъ Господь есть единственный посредникъ, чрезъ Котораго нисходитъ на насъ всякое Божіе благословеніе; всякое дарованіе духовное подается намъ чрезъ Христа и ради Христа. И обратно,—Христосъ есть посредникъ, чрезъ Коего всякое наше благодареніе и Богохваленіе должно восходить къ Богу. Какъ Богъ чрезъ Него и въ Немъ благословляетъ насъ и всѣ дары духовные подаетъ; такъ и мы чрезъ Него и въ Немъ, и съ Нимъ будемъ благодарить, прославлять и благословлять Бога, обильно облагодатствующаго насъ. Какъ Богъ ничего намъ не подаетъ помимо Христа Господа, такъ и отъ насъ ничего не принимаетъ, если приносимъ что не чрезъ Него. Чрезъ Христа Господа потому и новыхъ даровъ взыщемъ у Бога, и воздадимъ благодареніе за дарованное уже. Ко Христу прилѣплены да будемъ и когда просимъ, и когда благодаримъ.

Ст. 4. *Якоже избра насъ въ Немъ прежде сложенія міра, быти намъ святымъ и непорочнымъ предъ Нимъ въ любви.*

Якоже, χαθως—*такъ какъ*. Слѣдуетъ причина на сказанное впереди. Въ предыдущемъ стихѣ благословляется Богъ за обильныя намъ благословенія во Христѣ Іисусѣ. Относительно сего могутъ родиться два вопроса: что же это теперь только благоволилъ Богъ такъ ущедрить насъ? и: да какая же была нужда иждивить на насъ столько Божественныхъ сокровищъ?—Апостолъ на это отвѣчаетъ въ настоящемъ стихѣ: нѣтъ, не теперь только положено такъ быть, а отъ вѣка, теперь же только приведено то въ исполненіе. А что такъ много духовныхъ сокровищъ на насъ излито—это потому, что иначе нельзя было бы намъ быть святыми. Положилъ

Богъ возвесть насъ опять къ святости и непорочности, и все къ тому направилъ. Надо было оправдать насъ,— и се Господь подъялъ за насъ крестную смерть; надо было оживотворить насъ, умерщвленныхъ грѣхомъ,—и се — ниспослана благодать Св. Духа на Апостоловъ, чтобъ потомъ изливаться на всѣхъ вѣрующихъ и оживлять всѣхъ; надо было уготовить мѣсто спасаемымъ,— и се—Господь восшелъ на небеса—уготовить мѣста, да тамъ же будутъ и слуги Его, гдѣ Онъ Самъ. Три главныхъ момента въ жизни христіанъ: отпущеніе грѣховъ, освященіе благодатію Св. Духа и вѣчное блаженство въ царствѣ Христовомъ. Въ нихъ совмѣщаются всѣ благословенія. Но всѣ они направлены къ тому, чтобы быть намъ святымъ и непорочнымъ. Это центръ всѣхъ благодатныхъ новозавѣтныхъ учрежденій.

Якоже избра насъ. На избраніи св. Апостолъ не намѣренъ долго останавливаться. Оно есть важнѣйшій моментъ для каждаго спасаемаго, но здѣсь не раскрывается вполнѣ,—а поминается только для дальнѣйшаго объясненія, какъ естественно было исторгнуться изъ сердца Апостола Богохвалебному благословенію, по обозрѣніи благословеній о Христѣ Іисусѣ Господѣ. Не обиліе только сихъ благословеній заставляетъ благословлять Бога, но особенно то, что быть имъ отъ вѣка положено. Это входило въ общій планъ міробытія. Св. Златоустъ говоритъ о семъ: „и во всѣхъ почти посланіяхъ (св. Павелъ) старается показать, что не новость какая нибудь содѣланное для насъ; но что издревле такъ было предъизображено; и не по причинѣ измѣненія намѣренія Божія это случилось, но такъ именно было предъустроено и предопредѣлено: это есть дѣло долговременнаго попеченія Божія.“ Ѳеодоритъ ставитъ эту мысль о предвѣчномъ избраніи въ соотношеніе къ ветхозавѣтному учрежденію, и пишетъ: „поелику иные думали,

что проповѣдь (Евангелія) есть нѣчно новое, и презирали ее за то, что явилась позднѣе житія подзаконнаго; то Апостолъ и о семъ вразумляетъ: *якоже избра... прежде сложенія міра.* Ибо отъ начала, прежде устроенія міра, Богъ и предвидѣлъ и предопредѣлилъ все, совершающееся съ нами."

Дѣломъ совершившееся во времени духовное благословеніе насъ есть совершенное Господомъ дѣло искупленія. Благословеніе духовное въ отношеніи къ тѣмъ и другимъ лицамъ есть вступленіе въ участіе въ искупленіи. То и другое—во времени; но основаніе имъ не во времени, а въ вѣчности. Отъ вѣка опредѣлилъ Богъ быть искупленію; пришло время, и оно совершено. Отъ вѣка также опредѣлены и спасаемые; приходитъ срокъ и опредѣленные получаютъ спасеніе. Основаніе сему послѣднему—предвѣчное Божіе избраніе.

Избра насъ въ Немъ. Насъ—всѣхъ христіанъ, всѣхъ увѣровавшихъ уже, и имѣющихъ увѣровать—до конца міра. Взоръ Апостола обнимаетъ всѣхъ спасенныхъ изъ людей. Что есть это избраніе понятно изъ избранія народа Божія. Израиль былъ избранъ изъ числа народовъ—быть народомъ Божіимъ, Богу и дѣлу Божію посвященнымъ. Но это избраніе было временное, хотя для цѣлей вѣчныхъ, обнимающихъ все человѣчество. Когда цѣль исполнена, кончилось и значеніе избранія временнаго. Оно замѣнено другимъ высшимъ,—духовнымъ по цѣли, и вѣчнымъ по значенію. Тутъ избирается не одно племя изъ всѣхъ, а изъ всѣхъ племенъ выбирается одинъ народъ, состоящій изъ лицъ одного духа, одной цѣли служащихъ. И вотъ о семъ-то избраніи говоритъ, что оно совершилось прежде сложенія міра: время и исторія только исполняетъ то предвѣчное избраніе. Апостолъ восходитъ за предѣлы времени и видитъ начало сему избранію въ предвѣчномъ актѣ Божіей воли.

Избра *въ Немъ*, т. е. во Христѣ. Христосъ есть совмѣститель всего спасеннаго человѣчества, какъ Адамъ—человѣчества падшаго и гибнущаго. Изъ всей массы погибающихъ во Адамѣ Богъ избралъ насъ для Себя чрезъ вѣру во Христа Іисуса. Всѣ изъ Адама грѣшны предъ Богомъ и безблагодатны. Такими зритъ ихъ Богъ. Снимается сей мрачный покровъ и Божіе благословеніе простирается только на ту часть ихъ, которая уклоняется подъ кровъ Христовъ. Чрезъ Христа—преблагословеннаго—и ихъ Онъ не зритъ только благословенными, но и исполняетъ благословенія.

Во Христѣ избралъ насъ Богъ. Слѣд. прежде Онъ избранъ. Опредѣленіе быть спасенію чрезъ искупленіе во Христѣ было первоначальное, совершенно свободное опредѣленіе воли Божіей. Первоизбранникъ—Христосъ. Но какъ Онъ — не Себя ради, а ради спасаемыхъ, то въ избраніи Его избраны и сіи. Божіе благословеніе все почіетъ на Христѣ, а ради Его и на всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Въ нихъ все отъ Бога чрезъ Христа. Спасаемымъ нужна вѣра, благодать, святость и за то вѣчная слава. Все сіе идетъ къ нимъ отъ Христа и чрезъ Христа. Когда Христосъ избранъ, избраны и спасаемые Имъ, избраны и всѣ средства ко спасенію. Какъ входитъ кто дѣломъ въ свое предъизбраніе, или поступаетъ на удѣлъ свой, то — непостижимая въ Богѣ сокровенная тайна. Апостолъ здѣсь говоритъ только, что всѣ такіе избраны, и избраны во Христѣ — прежде сложенія міра. Чрезъ общеніе съ Нимъ вѣрою и облагодатствованіе въ таинствахъ вѣчное избраніе получаетъ временное исполненіе или осуществленіе. Въ содѣвающемъ же спасеніе свое къ нему прилагается и удостовѣреніе въ дѣйствительномъ живомъ общеніи со Христомъ. Вмѣстѣ съ созрѣніемъ удостовѣренія въ семъ общеніи

созрѣваетъ и удостовѣреніе въ предвѣчномъ избраніи во Христѣ,—въ томъ, кто самымъ дѣломъ спасается.

Избра прежде *сложенія міра*, т. е. отъ вѣчности; ибо прежде сложенія міра не было времени. Въ другихъ мѣстахъ у св. Павла не встрѣчается такое выраженіе. Въ подобномъ мѣстѣ,—въ 2 Сол. 2, 13, — стоитъ: *отъ начала избралъ есть васъ Богъ*.— Св. Златоустъ дѣлаетъ изъ слова—*сложенія міра* наведеніе объ образѣ происхожденія міра. Сложеніе καταβολη значитъ бросаніе внизъ. Отъ безпредѣльно великаго Бога брошенъ этотъ міръ въ пространство и время на безконечное отъ Него разстояніе — по достоинству. Или — міръ набросанъ Словомъ Божіимъ въ пространство и время. Рече и быша,—рече и быша. Каждое слово, исходившее изъ устъ Божіихъ, раждало міры, коихъ и перечесть намъ не удается. Вотъ слова св. Златоуста! — „Прекрасно назвалъ Апостолъ сотвореніе міра καταβολη—низверженіемъ съ высоты. Подлинно велика и неизреченна высота Божія, не въ отношеніи къ мѣсту, а въ отношеніи къ безграничности природы Божественной; и—велико разстояніе между тварію и Творцемъ.“—Тоже дѣлаютъ замѣчаніе и всѣ древніе восточные толковники и блаж. Іеронимъ. Въ ихъ время была по временамъ борьба съ философами—матеріалистами и фаталистами; потому и считали они нужнымъ дѣлать такое наведеніе.—Оно неизлишне и въ наше время.— Замѣчательно, что по созерцанію святыхъ, міръ, какъ ни огроменъ, исчезаетъ въ ихъ сознаніи предъ сознаніемъ величія Божества. Это отъ того, что минуя міръ, они жили въ Богѣ.—Наоборотъ, копающимся въ веществѣ, съ забвеніемъ Бога, міръ съ силами кажется чѣмъ-то необъятно великимъ и мощнымъ, и заслоняетъ въ ихъ сознаніи Бога, и какъ бы вытѣсняетъ Его оттуда.—Дивиться надо, какъ послѣдніе, *дѣло̀мъ внемлюще, не познаю̀тъ хитреца?!*

Избра—*быти намъ святымъ и непорочнымъ*. Ближайшая цѣль избранія—святость и непорочность, которыя въ свою очередь становятся средствомъ къ высшей цѣли—всыновленію (ст. 5), а это еще—къ дальнѣйшей—наслѣдію. Такая цѣпь! — Но средоточіе всего святость и непорочность. Поелику къ нимъ избраны во Христѣ, а Христосъ есть совершитель всей экономіи спасенія, то и цѣль послѣдней вся—въ святости нашей и непорочности. Святымъ и непорочнымъ созданъ человѣкъ. Падши потерялъ святость и непорочность. Будучи возстановляемъ отъ паденія, возстановляется опять къ святости и непорочности.

Не святыхъ и непорочныхъ избралъ Богъ; но избралъ грѣшниковъ, чтобъ были святы и непорочны. — Кто чистъ и непороченъ самъ въ себѣ, тотъ и святъ.—Всякій, принявшій крещеніе или разрѣшеніе грѣховъ въ покаяніи, бываетъ чистъ отъ всякой скверны, и въ Божіемъ на него воззрѣніи, и въ своей ему совѣсти, хотя не всегда бываетъ, чтобъ онъ обладалъ полною святостію во всемъ естествѣ своемъ. Потому онъ святъ, что грѣхи его всѣ прощены, и онъ принялъ обязательство къ святости, облеченъ благодатною къ тому силою, и ревнуетъ до положенія живота стоять въ добрѣ, какъ бы ни были сильны напоры противнаго. Этотъ внутренній строй существенъ въ духѣ христіанъ. Къ нему-то и избраны всѣ христіане.—Если, такимъ образомъ, святость не вдругъ дается, но требуетъ трудовъ, потовъ и борьбы, то избранные къ святости избраны и на этотъ тѣсный путь къ ней, вполнѣ осуществляемый въ подвижничествѣ. Христіанинъ, избранникъ, святой, борецъ, подвижникъ и труженикъ—все титла однозначащія.

Св. Златоустъ говоритъ: „чтобъ ты не подумалъ, что достаточно одной вѣры, Апостолъ указываетъ и на жизнь. Для того, говоритъ, избралъ насъ Богъ, чтобъ мы бы-

ли святы и непорочны.—Избраніе служитъ свидѣтельствомъ, съ одной стороны, человѣколюбія Божія, а съ другой — добродѣтели избранныхъ. Безъ сомнѣнія Онъ избралъ тѣхъ, которые заслуживаютъ этого. Онъ сдѣлалъ насъ святыми, но нужно чтобъ и мы были достойны быть святыми. Святъ всякій пріобщающійся вѣрѣ, а непороченъ тотъ, кто проводитъ жизнь непорочную.“

Избралъ насъ Богъ быть святыми и непорочными *предъ Нимъ*, т. е. предъ Богомъ,—не внѣшно только и предъ глазами людей. Но предъ лицемъ Бога всевидящаго, слѣд.—существенно.—„Не простой святости, говоритъ св. Златоустъ, и не простой непорочности Онъ требуетъ, но такихъ, которыя бы предъ Нимъ оказались таковыми. Ибо есть святые и непорочные, почитаемые таковыми отъ людей, кои однакожъ на самомъ дѣлѣ подобны гробамъ повапленнымъ, или суть волки хищные въ одеждѣ овчей. Но не такихъ Онъ избираетъ, а такихъ, кои подобны Пророку, говорившему: *И воздастъ ми Господь по правдѣ моей и по чистотѣ руку моею предъ очами Его* (Пс. 17, 25). Видишь, какой святости Онъ ищетъ? Святости предъ очами Его, т. е. такой, которую можетъ признать око Божіе.“

Въ любви. Это реченіе толковники ставятъ въ разныхъ сочетаніяхъ. Экуменій относитъ его къ *избра*, св. Златоустъ, Ѳеодоритъ и Ѳеофилактъ, къ слѣдующему *прежде нарекъ*, — съ греч. — предопредѣливъ. Св. Дамаскинъ и Амвросіастъ — къ *быти святымъ и непорочнымъ*. Съ какимъ словомъ соединять это реченіе опредѣляется тѣмъ, чью любовь разумѣть кто будетъ здѣсь—Божескую или человѣческую. Бл. Іеронимъ говоритъ, что можно и человѣческую разумѣть здѣсь любовь и Божескую. Если первую, то будетъ значить, что мы избраны быть святыми и непорочными изъ любви къ Богу и ближнему;

если вторую, то будетъ значить, что Богъ избралъ насъ и предопредѣлилъ по любви Своей къ намъ.

Судя по тому, что въ этихъ стихахъ говорится объ избраніи и предопредѣленіи,—высшихъ благотворныхъ для насъ дѣйствіяхъ Божіихъ, кои истекаютъ изъ любви Божіей къ намъ, лучше, кажется, разумѣть здѣсь Божію любовь. Но взявъ во вниманіе, что непосредственно предъ симъ словомъ стоитъ наша—святость и непорочность, коихъ источное въ насъ начало,—не холодное чувство обязательства къ нимъ, а любовь живая и дѣйственная, въ слѣдъ же за нимъ говорится о предопредѣленіи къ усыновленію, существенная черта котораго есть теплая любовь ко Отцу небесному, и дѣйствованіе по волѣ Его не изъ чувства страха, а по любви,—склоняешься и на то, чтобъ видѣть въ семъ словѣ любовь человѣческую—нашу. Надо полагать, что та и другая сходятся здѣсь воедино.

Амвросіастъ пишетъ: „твердые въ вѣрѣ избраны Богомъ во Христѣ прежде сложенія міра, чтобъ были непорочны предъ Нимъ въ любви, т. е. чтобы любовь къ Богу содѣлывала жизнь ихъ святою. Никто лучше не повинуется другому, какъ тотъ, кто покорствуетъ ему изъ любви.“

Святый же Златоустъ говоритъ: „сказавъ о необходимости добродѣтели, переходитъ къ благодати и говоритъ: въ *любви прежде нарекъ* (предопредѣливъ) *насъ*. Ибо не за добрыя только дѣла бываетъ это (избраніе); но по любви (къ нему), а при томъ и не по одной любви: тогда всѣ должны бы быть спасены; если же съ другой стороны достаточно нашей добродѣтели, то излишнее было бы явленіе Его (Сына Божія) въ міръ, и все домостроительство Его. Итакъ это дѣлается и не по одной любви, и не за нашу только добродѣтель, но подъ условіемъ той и другой вмѣстѣ.—Не будь любви Бо-

жіей, добродѣтель никого бы не спасла.—Или другими словами: дарованіе столь великихъ благъ есть плодъ любви (Божіей къ намъ), а не нашей (только) добродѣтели. Быть добродѣтельнымъ, вѣровать и приближаться къ Богу—это хоть дѣло и Призвавшаго, но однакоже и наше. А приблизившихся удостоить толикихъ почестей, чтобы изъ состоянія вражды перевести ихъ въ состояніе усыновленія,—это подлинно дѣло преизобилующей любви."

Ст. 5. 6. *Прежде нарекъ насъ во усыновленіе Іисусъ Христомъ въ Него, по благоволенію хотѣнія Своего, въ похвалу славы благодати Своея, юже облагодати насъ о Возлюбленнѣмъ.*

Прежде нарекъ, προορίσας—предопредѣливъ—что одно и тоже; ибо опредѣленіе Божіе конечно выразилось Божескимъ реченіемъ; притомъ наречь что къ чему—есть тоже, что назначить и опредѣлить къ чему.

Преднареченіе насъ съ сыновству, по Апостолу, предшествовало избранію къ святости; ибо говоритъ: избралъ насъ Богъ къ святости, напередъ нарекши насъ къ сыновству,—слѣд. послѣ того, какъ нарекъ къ сему. Это подаетъ мысль, что ходъ вѣчнаго предопредѣленія о устроеніи нашего спасенія былъ такой: благоволивъ спасти человѣка, Богъ благоволилъ избрать для сего средствомъ—воплощеніе Единороднаго Сына Своего—Бога Слова. Вслѣдствіе сего всѣ спасаемые должны были стать сынами Богу. Но чтобъ быть сынами Богу надо быть святыми, какъ святъ и Сынъ Божій. Почему, положивъ усыновить насъ, Богъ избралъ насъ и къ святости. Безъ святости нельзя быть сынами Богу. Какъ скоро положено было сіе послѣднее, то первое потребовалось, какъ неизбѣжное условіе. Но въ дѣйствительности то и другое неразлучно. Въ то же время, какъ въ рѣшимости работать Богу по вѣрѣ полагается начало

святости и непорочности, полагается на челѣ духа сокровенно и знаменіе сыновства Богу.

— *Во усыновленіе Іисусъ Христомъ*,—чрезъ Іисуса Христа. Усыновленіе посредствуется Іисусъ Христомъ. Вѣрующіе становятся единъ духъ съ Господомъ. Какъ Онъ Сынъ, то и они сыны. Только Онъ Сынъ по естеству, а сіи пріемлются въ сыновство, ради Единороднаго Сына. *Елицы пріяша Его, даде имъ область чадомъ Божіимъ быти, вѣрующимъ во имя Его* (Ін. 1, 12). Усыновленіе сіе есть не одно наименованіе сынами, но и рожденіе отъ Бога (——13). Вслѣдствіе сего рожденія, они духомъ Божіимъ водятся, о Немже вопіютъ: Авва Отче! (Рим. 8, 14. 15), пріявъ въ немъ и обязательство быть сообразными образу Сына Божія (——29).

„Замѣчаешь ли, говоритъ св. Златоустъ, какъ ничего безъ Христа, и ничего безъ Отца?—Сей предопредѣлилъ, Тотъ приводитъ. Сіе онъ (св. Павелъ) утверждаетъ, возвышая бывшее, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *не точію же, но и хвалимся о Бозѣ Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ* (Рим. 3, 11). Великія, конечно, блага дарованы, но они становятся гораздо многоцѣннѣе, потому что дарованы чрезъ Христа; потому что къ намъ—рабамъ Богъ послалъ не кого-нибудь изъ рабовъ, но Своего Единороднаго (Сына).“

Бл. Іеронимъ пишетъ: „о Сынѣ Божіемъ, т. е. о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ не говорится преднареченъ, предопредѣленъ; потому что Онъ всегда со Отцемъ есть, и воля Отчая ни мало не предшествовала Его бытію. Всегда есть Отецъ, всегда есть Сынъ; ибо имѣя одно естество Они совѣчны.—А о насъ, прежде чѣмъ мы стали быть, думано, какъ намъ быть, а потомъ получили мы и самое бытіе, чтобы стать тѣмъ, чѣмъ предопредѣлено намъ быть.—Отсюда наводится само собою, что хотя Богъ предопредѣлилъ уже насъ къ усынов-

ленію чрезъ Іисуса Христа; но сынами Богу мы не прежде быть можемъ, какъ принявъ вѣру и познаніе Сына Его Іисуса Христа. Онъ по естеству Сынъ, а мы по усыновленію. Онъ никогда не былъ не Сыномъ, а мы прежде чѣмъ быть сынами, предопредѣлены къ тому, и тогда уже Духа сыноположенія пріяли, когда увѣровали въ Сына Божія.“

Преднарекъ къ сыновству—по *благоволенію хотѣнія Своего*. Вотъ гдѣ послѣдняя основа нашего предопредѣленія ко спасенію! Предопредѣлилъ Богъ быть намъ сынами, потому что такъ благоволила св. воля Его. Не было опредѣляющей къ тому необходимости ни въ человѣкѣ, ни въ чемъ-либо тварномъ, кромѣ человѣка. Это плодъ непосредственнаго безусловнаго совѣта воли Божіей. *Ей Отче! яко тако бысть благоволеніе предъ Тобою*, исповѣдалъ Господь и Спаситель нашъ (Мѳ. 11, 26).

Благоволеніе означаетъ рѣшеніе воли на что-либо охотное, съ удовольствіемъ, любовное (Іерон.). „*По благоволенію хотѣнія Своего*, т.-е. потому, что имѣлъ сильное желаніе, или пожалуй другими словами, потому что это составляло его главное стремленіе. *Εὐδοκια*—(благоволеніе) вездѣ означаетъ желаніе главное (основу другихъ желаній).... Подъ нимъ Апостолъ разумѣетъ первое хотѣніе, сильное хотѣніе, хотѣніе съ вожделѣніемъ, неопреодолимое хотѣніе.... Значитъ, Богъ сильно желаетъ, сильно хочетъ нашего спасенія. Для чего Онъ такъ любитъ насъ, и гдѣ источникъ такой благодати Его? Источникъ—единственно Его благость, потому что благодать отъ благости. Потому-то Онъ и преднарекъ насъ во усыновленіе, желая и сильно сего желая, чтобы явить славу благодати Своей“ (Св. Злат.).

Избраніе къ святости и усыновленіе здѣсь у Апостола созерцаются, какъ довременныя дѣйствія Божіей къ намъ любви. Положилъ Богъ спасти насъ чрезъ Единород-

наго Сына Своего воплощенна. Вслѣдствіе сего надо было спасаемыхъ принять въ сыновство, сдѣлать святыми и снабдить всѣмъ къ тому необходимымъ. Существо предопредѣленія ко спасенію есть усыновленіе спасаемыхъ Богу Отцу чрезъ Іисуса Христа, по освященіи ихъ благодатію Духа.—Но какъ св. Павелъ писалъ къ христіанамъ уже,—избраннымъ и освященнымъ; то вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на то, что было въ нихъ, объясняя это временное изъ довременнаго. Сколько утѣшенія и радованія духовнаго должно изливать въ душу сознаніе такого благоволенія Божія?!

Богъ избралъ насъ ко святости, предопредилъ къ содружеству съ Собою, къ сыновству Себѣ. Одно съ другимъ связано неразлучно, въ настоящемъ устроеніи спасенія, но связано по благоволенію Божію, а не по какой либо необходимости. Богъ могъ избрать насъ къ святости, но при семъ могъ не восхотѣть усыновить насъ. Послѣднее—есть дѣло благоволенія Божія, изреченнаго впрочемъ вмѣстѣ съ опредѣленіемъ совершиться спасенію нашему чрезъ Единороднаго Сына Божія. Въ семъ богатство благодати.

Спасти насъ или оставить погибающими было въ волѣ Божіей. По опредѣленіи—спасти, тѣмъ или другимъ образомъ спасти,—тоже было въ волѣ Божіей. Все творимое для сей цѣли по благоволенію хотѣнія Своего творитъ Богъ. Но когда опредѣлилъ Богъ спасти насъ смертію Сына Своего воплощеннаго, тогда весь строй спасенія, всю экономію его, надлежало узаконоположить уже по требованію сего исходнаго опредѣленія,—что все составляетъ планъ домостроительства нашего спасенія, предначертаннаго въ довременности, исполняющагося во времени и имѣющаго явиться во всемъ величіи въ вѣчности.

Довременное опредѣленіе совѣта Божія о спасеніи

было плодомъ совершенно свободнаго изъ любви исходившаго благоволенія Божія. Но чрезъ это свободное рѣшеніе воли Божіей довременный планъ домостроительства спасенія легъ въ основу теченія во времени— бытія и событій міра вещественнаго и невещественнаго. При всемъ томъ, или по тому самому, благословенія, вмѣстѣ съ исполненіемъ того плана, излившіяся на человѣчество, каждымъ лицемъ могутъ быть усвояемы только свободною вѣрою. И изъ груди исторгаться хвалебныя воззванія къ Богу должны тоже свободно, по сознанію величія усвояемаго спасенія.

Въ дѣйствительности усыновленіе совершается чрезъ общеніе съ Сыномъ Божіимъ благодатію Святаго Духа, Который есть осуществитель въ людяхъ дѣла спасенія. Какъ сіе совершается?—Чрезъ слово Евангелія о Христѣ, за которымъ послѣдуютъ вѣра, благодать, общеніе со Христомъ, и въ Немъ сыновство. Слово Евангелія, нисшедшее на землю ходитъ по землѣ. Оно слышится всею массою человѣчества; но одни поемлются, другіе оставляются. Поемлются внявшіе слову, и послѣдовавшіе ему по вѣрѣ. Какъ происходитъ сіе внутреннее внятіе и склоненіе—это есть тайна духовно-благодатной жизни. Никто не придетъ ко Христу, если Отецъ не привлечетъ. Но и Отецъ влечетъ подающаго Ему руку. Ибо сотворить насъ Богъ могъ безъ насъ, а спасти насъ безъ насъ не можетъ. Въ устроеніи спасенія дивно сочетаны свобода и благодать.

И мы къ тому же преднаречены. Тотчасъ по рожденіи срѣтаетъ насъ сіе благоволеніе о насъ благости Божіей. Надѣется Богъ, что мы окажемся вполнѣ достойными такой милости и поревнуемъ быть святыми, чтобъ соотвѣтствовать преднареченію въ сыновство Богу. Сколько славно выдержать такое назначеніе, столько же срамно и горько не отвѣчать ему.—Теперь то и

другое не для всѣхъ явно. Но то и другое явно для Бога, Ангеловъ и святыхъ, и для всего міра явно откроется въ тотъ день, когда судить будетъ Богъ всѣхъ и объявитъ сердечные совѣты каждаго. Коль великое благо у насъ въ рукахъ и какъ горько потерпѣть потерю его?!

Въ похвалу славы благодати. Се—послѣдняя цѣль всего домостроительства спасенія нашего!—Слава благодати здѣсь то же, что славная благодать, мысль же въ семъ выраженіи такая же, какъ и въ обычныхъ у насъ рѣчахъ: славная вещь! славно сдѣлано! Славная благодать—благодать полная, совершеннѣйшая, ничего больше желать не оставляющая. Когда небольшой человѣкъ дѣлаетъ подарокъ, то и маленькій подарокъ исполняетъ свое дѣло; а когда даритъ царь, тогда маленькій подарокъ не отвѣчаетъ дѣлу: отъ него ожидается даръ царскій. Такъ и отъ Бога благодать—Божеская. Богъ облагодатствовалъ насъ по Божески.—Чего еще больше ожидать?—Принялъ насъ въ сыновство Себѣ, и для того, чтобъ достойно носить намъ сіе титло—высочайшее,—заповѣдуетъ намъ святость, къ достиженію которой и устроилъ все.

Похвала славы—есть то чувство, которое исторгается невольно изъ сердца при видѣ отличной вещи или дѣла. Такую полную благодать явилъ къ намъ Богъ, что всѣ, которые поймутъ ее, не могутъ удержаться отъ восхваленія и благодати и Самого благодатствующаго, не могутъ не воззвать: преславная благодать! Таковы и всѣ дѣла Божіи. Не за тѣмъ они дѣлаются, чтобъ хвалили, а такъ дѣлаются, что исторгаютъ похвалу. Въ виду имѣется не сія хвала, а полное совершенство дѣла, хвала же—слѣдствіе, невольно пораждающееся въ душѣ изумленіе при узрѣніи совершенства вещи или дѣла. Въ этомъ и блаженство разумныхъ тварей.

Ибо чувство совершенства въ окружающемъ насъ есть самое сладостное чувство. — Св. Златоустъ говоритъ: „для того преднарекъ Онъ насъ къ усыновленію, чтобы показать славу благодати Своея.—*Въ похвалу славы благодати*; что это значитъ? То ли, что Ему нужно, чтобы всякій восхвалялъ Его, чтобы восхваляли и прославляли Его мы, Ангелы, Архангелы и вся тварь?— Нѣтъ! Божество не нуждается въ этомъ. Итакъ, для чего же Онъ желаетъ, чтобы мы восхваляли и прославляли Его?—для того, чтобы чрезъ это содѣлать теплѣйшею нашу любовь къ Нему. Не требуетъ Онъ отъ насъ ни служенія, ни прославленія, ничего другаго; Онъ желаетъ одного спасенія нашего, и все дѣлаетъ для того. Въ самомъ дѣлѣ, славословящій и благоговѣющій предъ благодатію, явленною во Іисусѣ Христѣ, будетъ внимательнѣе и рачительнѣе (къ своему спасенію).“

Еюже облагодати насъ. Первая мысль при сихъ словахъ есть—облилъ насъ благодатію. Благодать возблагодать подалъ намъ,—полную чашу,—преливающуюся. Такая-то „чрезмѣрность благодѣянія (бывъ сознана) и языкъ неблагодарныхъ подвигаетъ къ благодарности (и славословію)“ (Θеод.). Такую мысль подаетъ намъ слово—*облагодати*; но греческое реченіе заставляетъ смотрѣть дальше, за благодать, на то, что подается благодатію; т. е., на духовное совершенство, благодатію сообщаемое пріявшимъ благодать, вслѣдствіе котораго они становятся достолюбезными, привлекательными, столько прекрасными, что любо смотрѣть на нихъ. Такими-то и содѣлываетъ всѣхъ премилосердый Богъ во Христѣ Іисусѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ: благодать, которую даровалъ намъ—ἐχαρίσατο, но благодать, которою облагодатилъ насъ—ἐχαρίτωσεν ἡμᾶς,— т. е., не только отъ грѣховъ избавилъ, но и содѣлалъ любезными Себѣ. Представимъ себѣ: если бы кто, взяв-

ши больнаго, покрытаго язвами, согбеннаго отъ старости, удрученнаго болѣзнію и бѣдностію и истомленнаго голодомъ, вдругъ преобразилъ его въ благообразнаго юношу, котораго наружный видъ привлекалъ бы къ себѣ сердца всѣхъ, ланиты сіяли красотами, взоры, при каждомъ мановеніи ихъ, бросали солнечные лучи; потомъ оставилъ бы его навсегда въ этомъ цвѣтущемъ возрастѣ; за тѣмъ облекъ бы его въ діадиму и во всѣ царскія украшенія: такъ именно и преобразилъ Богъ нашу душу, содѣлавъ ее красивою, привлекательною и любезною, такъ что такую душу желаютъ зрѣть Ангелы, Архангелы и всѣ другія силы (небесныя). Такъ Онъ сдѣлалъ насъ любезными и вожделѣнными Себѣ: и *возжелаетъ*, написано, *царь доброты твоея* (Пс. 44, 12)! Замѣть, какія горькія истины мы прежде высказывали (плачевныя рѣчи о состояніи внѣ христіанства), и какіе благодатные глаголы теперь вѣщаемъ! Мы дивимся не земнымъ сокровищамъ,—не тому, что здѣсь, а небеснымъ (благамъ) и тому, что на небесахъ.—О дитяти, которое при красотѣ лица умѣетъ еще пріятно говорить, не говоримъ ли мы: какой это милый ребенокъ! Таковы именно вѣрные. Послушай, какія рѣчи они говорятъ, когда бываютъ причастниками таинствъ. Что можетъ быть вожделѣннѣе тѣхъ устъ, которыя, провѣщая рѣчи дивныя, съ великою лѣпотою и дерзновеніемъ, съ чистымъ сердцемъ и нескверными устами пріобщаются таинственной трапезѣ? Что можетъ быть вожделѣннѣе тѣхъ словъ, которыми мы отрицаемся діавола и сочетаваемся Христу? Что вожделѣннѣе онаго исповѣданія—предъ купелію и послѣ купели?—Помыслимъ (при этомъ). сколько мы растлили (благодать) крещенія, и въ покаяніи воздохнемъ, чтобъ намъ опять воспріять ее!“

Облагодати о Возлюбленнѣмъ, т. е., Единородномъ Сынѣ Своемъ, нашего ради спасенія воплотившемся.

Христосъ Господь—первообразъ нашего совершенства есть въ высшей степени предметъ любви Божіей, въ Коемъ покоится Онъ полнымъ Своимъ благоволеніемъ (Мѳ. 3, 17). Только поколику мы съ Нимъ едино бываемъ вѣрою и вѣрностію, и Богъ насъ видитъ въ Немъ, бываемъ и мы любезны Богу. Но въ Немъ мы не иначе бываемъ, какъ ставъ новою тварію, бывъ вновь созданы по образу Его. Потому въ словѣ „*о Возлюбленнѣмъ*" можно видѣть все домостроительство спасенія. Тѣмъ сдѣлалъ насъ Себѣ любезными Богъ, что Сына Своего Возлюбленнаго послалъ къ намъ, Который, пришедши и все совершивши на землѣ, вознесся на небо, откуда послалъ Духа Святаго, всю вселенную оживившаго, устроеніемъ святой среди ея Церкви, въ коей и доселѣ совершаетъ дивная—въ облагодатствованіе и спасеніе насъ. Всѣ вступающіе въ сей, Богомъ учрежденный, порядокъ, бываютъ Ему любезными. Другаго пути къ тому, чтобы Богъ благоволительно воззрѣвалъ на насъ, нѣтъ. Все во Христѣ и чрезъ Христа, во св. Его Церкви.

Представимъ сокращенно указанныя доселѣ духовныя благословенія въ небесныхъ о Христѣ.—Верхъ всего—усыновленіе; условіе къ тому—святость и непорочность; производитель—Христосъ Господь благодатію Св. Духа; источное начало всего—благоволеніе хотѣнія Божія; побужденіе—любовь; цѣль—слава благодати. Въ немногихъ словахъ сколько таинствъ Божіихъ указано! Но это еще не все.

б).

Ст. 7. *О Немже имамы избавленіе кровію Его и оставленіе прегрѣшеній, по богатству благодати Его.*

Какъ *облагодати*—сдѣлалъ достолюбезными?—Чрезъ искупленіе кровію и оставленіе прегрѣшеній. Создан-

ные по образу Божію, мы естественно были прекрасны. Но пришелъ грѣхъ и омрачилъ красоту сію. Искупленіе снимаетъ сей чужой покровъ, и красота естества нашего является въ своемъ природномъ свѣтѣ. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „достойными любви содѣлала насъ смерть Владычняя. Ибо чрезъ нее, сложивъ съ себя грѣховныя скверны и освободившись отъ рабства мучителева, восприяли мы черты Божественнаго образа."

Избавленіе—ἀπολύτρωσις—искупленіе собственно плѣнныхъ за извѣстную цѣну. Христосъ Господь искупилъ насъ изъ плѣна князя міра сего, въ которомъ мы держимы были за грѣхъ прародительскій,—и цѣна, которую Онъ далъ за выкупъ, есть кровь Его.

Кому уплачена цѣна крови во искупленіе наше? Христосъ Господь уплатилъ ее вѣчной правдѣ Божіей, которая не могла освободить насъ отъ виновности и наказанія за грѣхъ, пока не было дано ей удовлетворенія. Вслѣдъ за удовлетвореніемъ правдѣ Божіей и возвращеніемъ мира съ Богомъ пала власть сатаны надъ нами. Пришла благодать и разрушила крѣпость сатанинскую—грѣхъ. Власть же его и прицѣплялась только къ этому грѣху и по причинѣ его. Она была не натуральная, а случайная, хищническій захватъ.

И оставленіе прегрѣшеній имѣемъ тою же кровію, какъ и искупленіе; то же и другое *по богатству благодати*.—Искуплены мы отъ наслѣдственной грѣховности, виновности и подгнѣвности, а оставленіе грѣховъ получили тѣхъ, кои сами надѣлали. Или такъ: искупленіе есть Божеское дѣйствіе всеобщее, а оставленіе грѣховъ—приложеніе сего искупленія къ каждому лицу вѣрующему. Каждый является искупленнымъ чрезъ отпущеніе его грѣховъ, по вѣрѣ въ Распятаго за грѣхи всего міра Единороднаго Сына Божія. Кровь Его очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха и тѣмъ совершаетъ въ

насъ искупленіе. Вотъ чѣмъ осуществляется въ насъ предвѣчное благословеніе и что вызываетъ славу благодати.

Апостолъ говоритъ: имѣемъ въ Немъ избавленіе и оставленіе грѣховъ. Христосъ Господь есть непрерывно біющій живой источникъ искупленія и оставленія грѣховъ. Однократно совершенное на крестѣ дѣло въ лицѣ Его пребываетъ вѣчно дѣйствующимъ. Отъ чего всегдашняго Ходатая въ Немъ имѣемъ, и Онъ ходатайствуетъ о насъ вѣчно живъ сый, или яко вѣчное искупленіе обрѣтый. На землѣ продолженіе дѣла Іисусъ Христова идетъ чрезъ посредство Церкви, которая есть раздаятельница даровъ искупленія, оставленія грѣховъ и возрожденія.

Во всемъ этомъ и есть богатство благодати—неистощимая сокровищница всякихъ милостей отъ Бога, стяжанная кровію Господа. „Не то только здѣсь удивительно, говоритъ св. Златоустъ, что предалъ Сына Своего, но и то, что Сынъ Возлюбленный былъ закланъ. Великое преизобиліе любви. Предалъ Возлюбленнаго за ненавидимыхъ! — Смотри, какъ Онъ цѣнитъ насъ! Если же, когда мы были еще врагами, Онъ пожертвовалъ для насъ Возлюбленнымъ, то чего же, спрашивается, Онъ не даруетъ намъ тогда, когда мы удостоимся, чрезъ благодать, примиренія съ Нимъ?... Ничего нѣтъ столь великаго, какъ пролитіе за насъ крови Божественной; — что Богъ Сына Своего не пощадилъ, это важнѣе и усыновленія и другихъ даровъ. Великое, безспорно, дѣло— отпущеніе грѣховъ, но оно становится еще больше, когда совершается кровію Господнею. Что это далеко выше всего, смотри, какъ сильно выражается здѣсь Павелъ, говоря: *по богатству благодати Его...*"

По богатству благодати. Можно бы и иначе какъ устроить наше искупленіе и спасеніе. Что оно устроено кровію Сына Божія, это по богатству благодати, и вмѣстѣ ради богатства благодати. Чѣмъ болѣе углубляется

Апостолъ въ созерцаніе того, что даровано намъ во Христѣ Іисусѣ Господѣ, тѣмъ неудержимѣе становится языкъ его въ изображеніи и прославленіи обилія милостей Божіихъ, явленныхъ въ Немъ.

Для грѣшника нѣтъ ощутительнѣе блага, какъ сознаніе, что всѣ грѣхи прощены ему. Одна эта увѣренность въ помилованіи и въ обратномъ принятіи въ любовь Бога Отца есть для него всегдашнее богатство благодати. Оставляются грѣхи кающемуся и вѣрующему ради того, что кровь Сына Божія омываетъ ихъ и убѣляетъ, яко снѣгъ, душу грѣшную. Не не вмѣняются только грѣхи кающемуся и вѣрующему, но изглаждаются въ немъ. Ибо въ основу его нравственнаго строя ложится твердое, какъ смерть, рѣшеніе — ходить прочее по волѣ Божіей свято и непорочно. Приступающій ко Господу, въ таинствѣ крещенія, или покаянія, если исполняетъ всѣ условія, какъ слѣдуетъ, становится святымъ и непорочнымъ весь. Остатки грѣховнаго поврежденія въ немъ не его уже, хотя въ немъ; ибо не благоволятся, отвергаются, гонятся. Это обреченныя на изсушеніе вѣтки на древѣ новооживленной жизни человѣка во Христѣ,—по той причинѣ, что не допускаются до нихъ могущіе питать ихъ соки.

Искуплены мы и прощены всѣ кровію Сына Божія. Хвала благодати Божіей: ибо что достохвальнѣе сего?! Сему внимай и въ сіи тайны углубляйся. Смотри сколько любитъ тебя Богъ и самъ возлюби Его, столько тебя возлюбившаго. И прославляй Его не словами, а дѣлами, являя въ себѣ дѣйствіе славной благодати Его. Куплены мы великою цѣною. Такъ дорого купленъ будучи, не продавай себя за ничто, не отдавайся снова въ плѣнъ, — не унижай благодати тебя спасающей, и не оскорбляй ея недостойнымъ къ ней и съ нею обращеніемъ, ты, обязанный всѣмъ прославлять ее.

Ст. 8. *Юже преумножилъ есть въ насъ, во всякой премудрости и разумѣ.*

И то все, о чемъ доселѣ помянуто, искупленіе и оставленіе грѣховъ, усыновленіе и дарованіе святости и непорочности, и это все уже есть великое богатство. Сказать бы послѣ этого: вотъ что для васъ сдѣлано: усвойте то, и спасетесь и блаженство воспріимите вѣчное. Но благость Божія не удовольствовалась этимъ, а нашла возможность преумножить и это богатство благодати. Такъ говоритъ св. Златоустъ. „И то богатство, но это гораздо большее. Богатство уже было, а Онъ его еще преумножилъ, т. е. излилъ неизреченно обильно.“ Послѣ сего св. отецъ нашъ съ движеніемъ прибавляетъ: „невозможно словомъ представить, что сдѣлано съ нами и для насъ. Намъ даровано богатство, богатство необъятное, богатство не человѣческое, но Божеское, такъ что слово совершенно безсильно изрещи его.“

Въ чемъ же состояло это преумноженіе? *Во всякой премудрости и разумѣ.* „То есть (въ томъ), что Онъ содѣлалъ насъ мудрыми и разумными въ истинной мудрости и въ истинномъ разумѣ“ (св. Злат.). Подъ словами сими можно разумѣть вообще все Божественное откровеніе, все, что угодно было Господу открыть намъ о твореніи, промышленіи, искупленіи и будущихъ надеждахъ (бл. Іерон.). Преумноженіе благодати въ этомъ можно выразить такъ: вотъ что для васъ сдѣлано! Вѣруй, вотъ тебѣ благодать, вотъ правила жизни: живи такъ по вѣрѣ, при помощи благодати, и спасешься. А о томъ, что какъ есть и бываетъ и что будетъ—не пытай. Не твое дѣло! Такъ бы и спасались. Но Богу угодно было преумножить сію благодать, просвѣтивъ умъ нашъ свѣтлыми понятіями о всемъ, отъ начала до послѣднихъ дней вѣка и о самой вѣчности. Все ясно и опредѣленно намъ сказалъ. Не во тьмѣ ходимъ, какъ

прочіе, но во свѣтѣ Божественнаго разума. Амвросіастъ пишетъ, что премудрость и разумъ—въ благодати придатокъ. „Къ исчисленнымъ благамъ (т. е. святости, всыновленію, искупленію) прибавляется даръ премудрости и разума въ вещахъ духовныхъ.“ Можно бы оставить насъ ходить въ примракѣ вѣры; но намъ данъ свѣтъ вѣдѣнія и о всемъ, а паче о томъ, какъ душу свою спасать, и какъ она спасается, проходя разныя степени духовнаго совершенствованія. Это можно почитать преизбыткомъ благодати.

Но лучше, понимая подъ преумноженіемъ благодати то, что намъ сообщается свыше не благодать только, но и вѣдѣніе, премудрость и разумъ, разумѣть подъ этимъ не всю область сообщаемаго намъ вѣдѣнія, а только расширеніе ея. Имѣть вѣдѣніе о Богѣ и Божественныхъ вещахъ необходимо для спасающихся; потому оно не избытокъ благодати, а необходимая часть ея. Когда положилъ Богъ спасти насъ благодатію Своею, то въ сіе опредѣленіе должно было войти и дарованіе вѣдѣнія, или откровеніе въ просвѣщеніе разума. Но въ области вѣдѣнія есть предметы, которые знать необходимо, какъ условія спасенія; а могутъ быть и такіе, о которыхъ сообщается только для полноты вѣдѣнія, какъ бы для украшенія или завершенія дома премудрости, представляемаго Божественнымъ откровеніемъ.—Вѣдѣніе все, Божеское,—необъятно. Малѣйшую изъ него часть, самонужнѣйшую, открылъ Богъ намъ о Себѣ и о дѣлахъ Своихъ. Но этимъ необходимымъ не ограничился, а сказалъ еще и то, что надо почесть преумноженіемъ Его благодати къ намъ.

Что же именно такое?—То, о чемъ говорится въ слѣдъ за симъ, т. е. возглавленіе всего во Христѣ Іисусѣ. Созерцаніемъ сего полонъ былъ умъ Апостола; восхищеніе отъ сего созерцанія побудило его писать

самое посланіе; къ нему, какъ къ послѣднему предѣлу, онъ и рѣчь всякую сводитъ.

Ст. 9. *Сказавъ намъ тайну воли Своея, по благоволенію Своему, еже прежде положи въ Немъ.*

Здѣсь и далѣе,—объясненіе, чѣмъ открывается преумноженіе благодати въ сообщеніи намъ премудрости и разума: тѣмъ, что Богъ благоволилъ сказать намъ *тайну воли Своея.* „Или, говоря другими словами, открылъ намъ то, что у Него въ сердцѣ" (св. Злат.). „Тайною воли Его назвалъ (Апостолъ) сокровенную волю" (Θеод.).—Никому бы не домыслиться до сей сокровеннѣйшей воли, а Богъ благоволилъ открыть ее. И если открылъ, то этимъ показалъ преизобильное Свое благоволеніе и любовь къ тѣмъ, кому открылъ: ибо тайны открываются только близкимъ и искреннимъ. Св. Златоустъ взываетъ: „о, сколь великая любовь и довѣріе!"

Какая это тайна?—Та, что Богъ положилъ возглавить всяческая въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Пришелъ Сынъ Божій, воплотился, пострадалъ, умеръ, воскресъ, вознесся на небо и сталъ, яко Богочеловѣкъ, главою всего—и небеснаго и земнаго. Изъ сихъ дѣйствій воплотившагося Сына Божія всѣ почти явны сами собою, такъ что въ сказываніи о нихъ ничего нѣтъ особеннаго,—все явно отъ воплощенія до возсѣдѣнія одесную Отца.—Что же не явно?—Возглавленіе всего въ семъ возсѣдшемъ одесную Отца Богочеловѣкѣ. Это и есть именно сокровенная въ Богѣ тайна, которую можно было не открывать безъ ущерба въ дѣлѣ спасенія, и которую Богъ открылъ только по преизбытку благодати Своей, и симъ открытіемъ преумножилъ и безъ того великое уже богатство благодати Своей. Сею тайною преимущественно занятъ Апостолъ во всемъ посланіи: ее онъ и здѣсь разумѣетъ. Св. Златоустъ говоритъ:

„тайна въ томъ, что человѣкъ посаженъ горѣ.“—Но этимъ и совершено возглавленіе всяческихъ.

По благоволенію Своему. Этимъ *или* тоже выражается, что выше словами: *по благоволенію хотѣнія Своего.* Необходимости никакой не настояло сказывать эту тайну. Одно благоволеніе Божіе благоволило сказать ее. Св. Златоустъ говоритъ: „это было сильное и сердечное желаніе Его—какъ нибудь сказать намъ тайну воли Своея.“—Положилъ Богъ столько благъ даровать намъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Всѣ вмѣстѣ они выражаютъ или составляютъ благоволеніе Божіе къ намъ. По сей же полнотѣ благоволенія сказалъ Онъ и тайну воли Своей о возглавленіи всяческихъ въ Немъ,—по тому закону благости, о коемъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ Апостолъ: *како не и съ Нимъ вся намъ даруетъ* (Рим. 8, 32).

Или, поелику о такомъ благоволеніи уже было сказано въ этомъ же пунктѣ (ибо все идетъ одинъ пунктъ); то здѣсь позволительно такъ читать: относительно, или по предмету, благоволенія Своего, которое положилъ Богъ въ Господѣ изъ начала, отъ вѣка. Что положилъ Богъ совершить чрезъ Господа во спасеніе наше, все почти явно, и происходило воочію всѣхъ. Тайна же воли Божіей во всемъ этомъ благоволеніи къ намъ—то, что въ концѣ всего должно произойти изъ сего, бывъ предначертано изъ начала, послѣдняя цѣль всего этого была сокрыта въ Богѣ. Эту-то тайну относительно всего благоволенія къ намъ и сказалъ Онъ—по преизбытку благодати, т. е. что все сіе творится за тѣмъ, чтобы *возглавити всяческая* въ Господѣ.

Ст. 10. ***Въ смотреніе исполненія временъ, возглавити всяческая о Христѣ, яже на небесѣхъ и яже на земли въ Немъ.***

Смотреніе — οἰκονομία — домостроительство вообще, строй всего теченія дѣлъ по дому, въ коемъ все направ-

ляется къ одной цѣли—благосостоянію. Есть особая у Господа экономія въ устроеніи спасенія рода человѣческаго. Планъ, какъ и когда чему быть, предначертанъ въ Божественномъ совѣтѣ отъ вѣка; въ исполненіе же приходитъ то или другое, когда приходитъ свое тому время. Это наступленіе времени у Апостола называется здѣсь исполненіемъ временъ—*πλήρωμα τῶν καιρῶν*,—а въ посланіи къ Галатамъ—*πλήρωμα τοῦ χρόνου*,—кончиною лѣта. Такимъ выраженіемъ можно означать время всякаго особаго Божескаго распоряженія въ устроеніи нашего спасенія; но у Апостола симъ означается исключительно пришествіе на землю Единороднаго Сына Божія, какъ прямо и указываетъ Онъ въ посланіи къ Галатамъ: *егда же пріиде кончина лѣта, посла Богъ Сына Своего* (Гал. 4, 4). И здѣсь таже мысль, только говорится не о посланіи Сына Божія, а о томъ значеніи, какое имѣетъ оно въ кругу всего существующаго.

„Исполненіемъ временъ называетъ Апостолъ время, опредѣленное Богомъ (для пришествія Господа на землю)“ (Θеод.). Св. Златоустъ, сказавъ, что исполненіемъ временъ было Его пришествіе, или самое домостроительство, прибавляетъ: „замѣть, какъ отчетливо онъ (Апостолъ) выражается. Показывая, что начало спасенія нашего, предложеніе, первое желаніе и стремленіе—во Отцѣ, а исполненіе его на дѣлѣ—чрезъ Сына, онъ нигдѣ однакожъ не называетъ Его (Сына) слугою.—Отецъ восхотѣлъ, Сынъ хотѣніе исполнилъ. Но еслибъ Отецъ не восхотѣлъ, Сынъ не дѣйствовалъ бы, равно какъ еслибъ Сынъ не дѣйствовалъ, Отецъ лишенъ бы былъ хотѣнія; ибо у Отца и Сына все общее. *Моя вся Твоя суть и Твоя Моя*, говоритъ Сынъ (Ін. 17, 10).“

Поминаетъ объ этомъ исполненіи временъ Апостолъ здѣсь не съ тѣмъ, чтобъ особенно останавливать на немъ вниманіе, а только для полноты изображенія всего дѣла

устроенія спасенія въ Господѣ. Сказавъ, что Богъ показалъ избытокъ къ намъ благодати Своей, открывъ намъ тайну воли Своей — главную сокровенную цѣль всего благоволенія, положеннаго въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, теперь показываетъ, въ чемъ эта тайна, и какая это сокровенная цѣль Божія, — именно та, чтобы въ силу Божеской экономіи, или предвѣчнаго распоряженія Божія объ исполненіи уже должнаго времени,—возглавить всяческая во Христѣ.

Но намъ, при чтеніи сихъ словъ, никогда не излишне останавливаться вниманіемъ на выражаемой имъ мысли. Она вводитъ насъ въ тайны премудрости Божіей, созерцаніе которой всегда назидательно. — Св. Павелъ указываетъ здѣсь на предопредѣленное время явленія Сына Божія на землѣ, выражая вмѣстѣ, что время сіе уже исполнилось въ явленіи Іисуса Христа — Бога воплощенна. Человѣчество и въ частности народъ Божій прожили уже тотъ періодъ времени, который Божественное Промышленіе опредѣлило на приготовленіе ихъ къ принятію искупительныхъ силъ. Вся исторія прежде Христа Господа была педагогическаго свойства. Все тамъ клонилось къ тому, чтобы приготовить человѣчество къ величайшему дѣлу Божію, явленному во Христѣ. Опыты $5^1/_2$ тысячъ лѣтъ достаточны были, чтобы вразумить человѣка, что отъ своихъ усилій и своей мудрости нечего ожидать ему спасенія. Не дойти ему до него ни путемъ закона, какъ показало іудейство, ни путемъ собственно человѣческихъ усилій, какъ показало язычество. Такъ образовалось сознаніе своего безсилія — чувство нужды въ избавленіи со стороны, въ исканіи и чаяніи Избавителя свыше. Это и есть предопредѣльный плодъ теченія событій,—исполненіе временъ... Св. Златоустъ изображаетъ это такъ: „Исполненіемъ временъ было Его (Сына Божія) пришествіе. Итакъ, когда Онъ все

сдѣлалъ чрезъ Ангеловъ, Пророковъ и Законъ, и нисколько не успѣлъ, напротивъ находился еще въ опасности (раскаяться), что напрасно сотворилъ человѣка, что напрасно привелъ (къ бытію) того, кто слишкомъ преуспѣвалъ во злѣ; когда всѣ безъ разбору погибали, и погибали въ большемъ количествѣ, чѣмъ при потопѣ: тогда Онъ нашелъ средство спасти человѣка въ благодати, при которомъ оказывается, что Онъ не безразсудно и не напрасно сотворилъ его. — Такъ люди тогда были спасены, когда всего больше должны были погибать.“

Бѣдственное положеніе человѣка дошло до крайнихъ предѣловъ. — И пришелъ Господь; — и принятъ какъ дождь жаждущею землею. Съ Его явленіемъ кончилось приготовленіе къ Нему, и началась новая эра духовной жизни человѣчества, которую св. Апостолъ охарактеризовалъ—возглавленіемъ всяческихъ во Христѣ. Сей моментъ исполненія временъ человѣчество справедливо считаетъ главнымъ пунктомъ своей исторіи, отъ котораго и назадъ смотритъ, и прозрѣваетъ впередъ. Къ нему тяготѣетъ все теченіе событій, какъ периферія къ центру, къ нему сходятся всѣ радіусы круга временъ.

Возглавити всяческая, *яже на небесѣхъ и на земли въ Немъ*.—Вотъ цѣль всего благоволенія Божія къ намъ, послѣдній предѣлъ, до коего простирается домостроительство нашего спасенія, — тайна, откровеніемъ которой преумножилъ Господь благодать Свою къ намъ, и безъ того уже очень полную! Христосъ Господь есть отъ вѣка предопредѣленный глава спасаемаго человѣчества. Но какъ грѣхомъ введенъ разладъ и распаденіе въ среду тварей земныхъ и небесныхъ, то истребляя грѣхъ, Господь отнимаетъ стѣну раздѣленія, все возсоединяетъ, возвращаетъ къ миру въ Себѣ, и становится возглавленіемъ земнаго и небеснаго (Кол. 1, 20).

Яже на небесѣхъ—Ангельскій міръ; *яже на земли*—

родъ человѣческій и міръ вещественный. Сіи три міра были первоначально въ совершенной явной гармоніи и образовывали одно царство Божіе. Грѣхъ человѣка, его отпаденіе отъ Бога, разстроили эту гармонію. Человѣкъ, по идеѣ своей, долженъ быть средоточіемъ міровъ,— всей области тварнаго бытія,— и Ангеловъ и міра вещественнаго. Съ его паденіемъ не стало центра союза, и все пошло въ разладъ. Міръ, силы и стихіи котораго всѣ совмѣщаетъ въ себѣ, увлекъ онъ въ ниспаденіе въ своемъ лицѣ, и онъ воздыхаетъ, по Апостолу, объ избавленіи (Рим. 8, 22). А Ангелы сами отстали отъ того, что человѣкъ пошелъ совсѣмъ другою дорогою. Во Христѣ Іисусѣ теперь опять все возводится къ союзу и первоначальная гармонія тварей возстановляется. И въ міръ вводитъ Онъ живительныя силы чрезъ Свое тѣло человѣческое, и весь его держитъ въ Себѣ и проникаетъ— его же силами — изъ Себя. И Ангеловъ къ Себѣ же привлекаетъ чрезъ духъ человѣческій, давая имъ просторъ дѣйствовать и ублажая тѣмъ. Грѣхомъ они были отторжены и стѣснены, будто бывъ, какъ оградою обведены въ своей одной области. Теперь въ лицѣ Господа снова открывается имъ дверь въ область человѣка и природы, и они всюду вхожи, радуясь возвращенію полнаго круга ихъ благой дѣятельности, къ коему предназначены они были и изъ начала.

Но полное возглавленіе всего совершится или явится въ силѣ и славѣ въ концѣ вѣковъ. Теперь оно только засѣменено въ лицѣ Господа и предназначено зрѣть въ теченіи событій міра и человѣчества, до конца міра.

Какъ предметъ этотъ есть первой важности, то сдѣлаемъ попространнѣе выписки о немъ изъ св. Отцевъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „небесное и земное были отторжены одно отъ другаго и не имѣли одной главы. Этою главою долженъ быть единственно Богъ—Творецъ

и Промыслитель; а на дѣлѣ случилось не такъ, потому что люди отторглись отъ повиновенія."

Потомъ, пояснивъ другія слова содержащіяся въ семъ стихѣ, св. Златоустъ опять возвращается къ *возглавити*, и говоритъ: „Что значитъ *возглавити*? Значитъ соединить. У насъ оглавленіемъ — ἀνακεφαλαίωσις, — обыкновенно, называется представленіе въ краткихъ выраженіяхъ того, о чемъ надобно говорить долгое время; или сокращенное изложеніе всего, о чемъ было говорено пространно. Итакъ слово сіе можетъ значить и слѣдующее: устрояемое столь долго (домостроительство нашего спасенія) возглавилъ въ Себѣ, т. е. сократилъ, или, говоря кратко,—съ соблюденіемъ впрочемъ истины,—и то обнялъ и новое присовокупилъ."—Всѣ пророчества и прообразы въ Немъ исполнились (пространно бл. Іеронимъ), и законъ престалъ. Положены новыя благодатныя силы, которыя, какъ закваска, все начали проникать, оживлять и возсозидать.

Но такая мысль у св. Златоуста не главная. Главная— возсоединеніе тварей.

„Но есть нѣчто и другое, говоритъ онъ, что также означается этимъ словомъ. Во Христѣ по плоти Богъ положилъ одну главу для всѣхъ, для Ангеловъ и человѣковъ, т. е. одно далъ (верховное) начало и Ангеламъ и человѣкамъ, однимъ — Христа по плоти, другимъ — Бога Слова. Какъ еслибы кто сказалъ о храминѣ, что одно въ ней гнило, другое крѣпко, и возобновилъ бы ее, т. е. сдѣлалъ бы крѣпче, подложивъ крѣпчайшее основаніе; такъ и здѣсь всѣхъ привелъ подъ одну главу. Тогда только и возможно единеніе, тогда только и будетъ этотъ совершенный союзъ, когда все, имѣя нѣкоторую необходимую связь горѣ, будетъ подведено подъ одну главу."

Бл. Өеодоритъ дополняетъ эту мысль введеніемъ и

природы въ возстановительное дѣйствіе, совершившееся въ лицѣ Господа Іисуса Христа: *Возглавити всяческая*..... Яснѣе излагаетъ сіе въ посланіи къ Римлянамъ; ибо говоритъ: *вся тварь совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ, даже до нынѣ* (Рим. 8, 22); и еще: *чаяніе бо твари откровенія сыновъ Божіихъ чаетъ* (— — 19). То же говоритъ онъ и въ посланіи къ Евреямъ: *яко да* кромѣ Бога *за всѣхъ вкуситъ смерти* (Евр. 2, 9). „Одно Божіе естество не имѣетъ ни въ чемъ нужды; всякая же тварь имѣла нужду во врачевствѣ домостроительства. Ибо и стихіи созданныя на потребу людямъ, сотворилъ Богъ подлежащими тлѣнію; потому что и человѣка смертнымъ имѣло содѣлать преступленіе. Да и невидимыя силы скорбѣли, вѣроятно, видя водворяющееся у людей лукавство. Ибо если онѣ радуются *о единомъ грѣшницѣ кающемся*, какъ сказалъ Господь (Лк 15, 7), то явно, что болѣзнуютъ, видя противное тому. Но вочеловѣченіе Единороднаго, сокрушивъ смерть, показавъ воскресеніе и давъ залоги воскресенія общаго, разсѣяло сіе примрачное облако. Посему Апостолъ сію внезапную перемѣну вещей называетъ *возглавленіемъ*. Ибо домостроительствомъ Владыки Христа и человѣческое естество возставляется и облекается въ нетлѣніе, видимая тварь, освободившись отъ тлѣнія, улучаетъ нетлѣніе, и сонмы невидимыхъ силъ пребудутъ уже въ веселіи; потому что *отбѣже болѣзнь* и *печаль и воздыханіе* (Ис. 35, 10). Сему-то научаетъ Бож. Апостолъ въ изъясняемыхъ словахъ. Ибо не сказалъ просто: небо и землю: но *яже на небесѣхъ и на земли*. И показуя тайну домостроительства присовокупилъ: *въ Немъ*, т. е. во Христѣ.“

Корнелій Аляпиде приводитъ слова блаженнаго Августина: „во Христѣ возстановляется и то, что *на небѣ*,— тѣмъ, что ниспадшее въ ангелахъ (падшихъ) возвращается изъ людей (спасающихся въ Господѣ); возстановляет-

ся и то, что *на земли*,—тѣмъ, что люди, предопредѣленные къ вѣчной славѣ, обновляются, избывая отъ ветхаго поврежденія" (Изъ Enchirid. LXII).

И святаго Григорія Великаго: „люди за смиреніе возводятся туда, откуда Ангелы отступники ниспали за гордость. Теперь и люди и Ангелы созываются въ одинъ домъ, подъ одну главу. Сей домъ разорился чрезъ грѣхъ Адама. Одна стѣна осталась цѣлою:—это Ангелы,—а другая пала: это люди отпали отъ общества Ангеловъ и ниспали подъ иго демоновъ. Эту падшую стѣну Христосъ снова теперь возставилъ, а чрезъ то и домъ весь возставилъ. Возстановилъ Онъ сообщество Ангеловъ и людей, и сталъ домъ опять цѣлъ, какъ былъ до паденія" (Moral. lib. XXXI, cap. XXXV).

И св. Иринея: „во Христѣ возглавлено; потому что въ природѣ человѣческой всѣ стихіи и силы содержатся. Почему человѣкъ называется малымъ міромъ? Когда Богъ—Слово принялъ естество человѣческое, тогда все сущее, какъ бы въ сокращеніи въ Себѣ соединилъ, и къ Себѣ,—Творцу ихъ—возвратилъ" (lib. III, cap. VIII).

Такъ небо и земля—все сущее—во Христѣ Іисусѣ гармонически сочетавается. Затѣмъ все текущее во времени въ Немъ имѣетъ свое средоточіе. И есть Онъ посему ключъ къ уразумѣнію таинъ міробытія и міроправленія.—Вошедши въ созерцаніе сего и восхитившись тѣмъ, св. Павелъ и воззвалъ: благословенъ Богъ!—и съ начала рѣчи доселѣ, сжато, но полно изобразилъ всю картину сего Божескаго къ намъ благоволенія во Христѣ, и все обиліе излитыхъ въ Немъ на насъ благословеній. Далѣе Онъ сходитъ съ неба и показываетъ, какъ на землѣ люди,—Іудеи и язычники,—вступили и вступаютъ подъ благотворные токи сихъ благодатныхъ благословеній.

Заключимъ это отдѣленіе,—о благословеніяхъ Божі-

ихъ, ст. 3—10,—увѣщаніемъ св. Златоуста: „Итакъ, сподобившись толикаго дара, толикой чести, толикаго человѣколюбія, не посрамимъ Облагодѣтельствовавшаго; не сдѣлаемъ тщетною толикую благодать; покажемъ Ангельское житіе, Ангельскую добродѣтель и образецъ жизни. И я прошу и молю о томъ, чтобы все сіе не было намъ въ судъ и осужденіе, но въ полученіе благъ, которыхъ и да сподобимся всѣ благодатію и человѣколюбіемъ Господа нашего Іисуса Христа, съ Которымъ Отцу вмѣстѣ со Святымъ Духомъ слава и держава.“

в).

Ст. 11, 12. *Въ Немже и наслѣдницы сотворихомся, прежде наречени бывше по прозрѣнію Божію вся дѣйствующаго по совѣту воли Своея, яко быти намъ въ похваленіе славы Его прежде уповавшимъ во Христа.*

Стихи 11—14 указываютъ движеніе на землѣ дѣла спасенія,—то, какъ домостроительство сего спасенія, отъ вѣка предначертанное, и Господомъ Іисусомъ Христомъ въ явленіе и совершеніе приведенное, коснулось Іудеевъ и язычниковъ, и въ какомъ видѣ и смыслѣ тѣ и другіе введены въ обладаніе уготованнымъ спасеніемъ.

Стихи 11 и 12 содержатъ одну мысль и относятся къ однимъ лицамъ, кои означаются словами *мы* и *намъ*. Какъ они представляются прежде уповавшими во Христа, то очевидно, подъ ними должно разумѣть Іудеевъ. Въ этихъ двухъ стихахъ показывается, какъ они стали участниками спасенія. Въ стихѣ 13 вводятся другія лица, означаемыя чрезъ *вы*. Изъ такого сопоставленія видно, что подъ *вы* св. Апостолъ разумѣетъ язычниковъ.

Исходя изъ той мысли, что въ стихахъ 11 и 12 говорится объ Іудеяхъ, слову *наслѣдницы сотворихомся*,—ἐκληρώθημεν,—надо дать такой смыслъ: вступили въ

наслѣдіе, или, будто по праву наслѣдства, приняты мы въ удѣлъ Божій, въ царство спасаемыхъ о Христѣ, введены въ обладаніе тѣмъ, къ чему издревле предъизбраны и предназначены. Наслѣдіе у Апостола преимущественно есть участіе въ царствѣ Мессіи. Іудеи были уже предъизбраны къ сему участію, и тѣ, кои, увѣровавъ и принявъ Мессію, исполняютъ тѣмъ условіе ко вступленію въ Его царство, натурально вступаютъ въ него, будто въ предопредѣленный удѣлъ, или принимаются Христомъ, какъ естественное Его наслѣдіе.

Указавъ на такое преимущество Іудеевъ словомъ *наслѣдницы сотворихомся*,—введены въ наслѣдство,—далѣе Апостолъ указываетъ основаніе такого ихъ избранія и цѣль.

Основаніе—въ свободномъ рѣшеніи и опредѣленіи Бога, вся дѣйствующаго по совѣту воли Своея; а цѣль въ томъ, чтобъ имъ первымъ послужить къ славѣ явившагося Мессіи—Спасителя,—какъ они и послужили, бывъ мѣстомъ явленія Спасителя и точкою отправленія въ прославленіи Его. Ибо—гдѣ явился Спаситель? Среди Іудеевъ. Гдѣ раскрылась Его спасительная дѣятельность, или совершена Имъ экономія спасенія?—У Іудеевъ. Гдѣ началось и откуда изошло Его прославленіе? Отъ Іудеевъ, первыми глашатаями Евангелія или проповѣди о Спасителѣ—св. Апостолами. Таковыми они явились, вслѣдствіе предварительнаго избранія ихъ Богомъ на это дѣло изъ среды всѣхъ народовъ. За этимъ избраніемъ слѣдовали потомъ и особыя распоряженія Божіи для приготовленія ихъ къ должному исполненію своего предназначенія. Оттого они и прежде уповали во Христа, чаяли Его; и, когда Онъ пришелъ, послужили почвою для развитія Царства Христова и орудіемъ для привлеченія въ него другихъ народовъ.

Избраніе еврейскаго народа на это дѣло зависѣло отъ воли Божіей. Угодно было Богу и избралъ. Хотя и

можно указывать нѣкоторыя черты въ характерѣ Евреевъ, по которымъ можно судить, что они пригожѣе другихъ были на это дѣло; но вмѣстѣ можно полагать, что и всякій народъ, на ихъ мѣстѣ, еслибъ для него сдѣлано было столько непосредственныхъ Божіихъ благодѣяній, оказался бы гожимъ къ тому. Апостолъ и не указываетъ ничего такого, а говоритъ только: по *прозрѣнію Бога*,—по греч. πρόθεσιν,—по предложенію, рѣшенію, опредѣленію воли Божіей. Такъ благоволилъ Богъ.

Исполнили-ль Іудеи такое назначеніе?—Исполнили. Среди ихъ процвѣла первая Церковь. И она уже пустила вѣтви свои по всей вселенной. Что не всѣмъ составомъ народа принятъ Христосъ, это можетъ быть и не входило въ черты предназначенія. Птенецъ, зародившись въ яйцѣ, выбираетъ изъ него въ себя все гожее. Кое-какіе остатки и скорлупа разбрасываются потомъ туда и сюда; а птенецъ свободно летаетъ по лицу земли. Такъ было и съ народомъ Божіимъ. Гожее изъ него все вошло въ царство Христово, Церковь; негожее разбросано по лицу земли.

Бл. Өеодоритъ пишетъ: „предопредѣливъ насъ въ началѣ, предназначилъ къ жизни Тотъ, Кто творитъ все, что (и какъ) Ему угодно. Яснѣе же указуетъ Апостолъ на какой жребій предопредѣлены мы: *яко быти намъ въ похваленіе славы Его*. Ибо всѣ, взирая на насъ, увѣровавшихъ въ Господа, пѣснословятъ Христа, виновника сихъ благъ.“

Похвала славы—славнаго дѣла, совершеннаго Іисусомъ Христомъ. Они были первыми возвѣстителями о Немъ. Можно сказать, что и доселѣ невѣрующіе Іудеи суть въ похвалу славы Іисусъ Христовой: ибо у нихъ пророческія книги, которыя возвѣщаютъ о Христѣ. Первые—вѣрою прославили Христа, а эти—невѣріемъ

прославляютъ, сами того не замѣчая, и не хотя. Они исполняютъ, противъ воли своей, Божіе предназначеніе.

О славѣ Божіей вообще отъ дѣла спасенія, совершеннаго Господомъ, сказано выше, въ ст. 6; здѣсь частнѣе указывается, какъ Іудеи послужили и должны были послужить къ сей славѣ, чрезъ прославленіе вѣрою своею Христа Господа. Они успѣли это сдѣлать, яко уповавшіе во Христа и чаявшіе Его. Язычники напротивъ жили *упованія неимуще* (—2, 12). Впервые начали они оживляться благонадежіемъ спасенія, чрезъ принятіе Евангельской проповѣди, исходившей изъ Іудеевъ. Здѣсь въ первый разъ услышали они объ Избавителѣ, въ Коемъ чувствовали нужду, но о Коемъ ничего прежде не вѣдали, а потому и упованія на Него опредѣленнаго имѣть не могли.

Св. Златоустъ останавливается при семъ преимущественно на томъ, какъ Богъ все дѣлаетъ по предвѣчнымъ предначертаніямъ: „Поелику избравшій есть Богъ; то не случаю, значитъ, обязаны мы избраніемъ, но получили наслѣдство по прозрѣнію. Онъ усмотрѣлъ насъ прежде, чѣмъ сдѣлалъ наслѣдниками. Изумительно Божественное предвѣдѣніе, видящее все, прежде исполненія!—Кромѣ того обрати вниманіе на то, какъ Апостолъ старается вездѣ объяснить, что всѣ дѣла устроились потому, что такъ именно они были предопредѣлены издревле, и что все совершено Имъ (Господомъ) согласно съ этимъ предопредѣленіемъ... Онъ все предопредѣлилъ искони, и кромѣ этого не сдѣлалъ ничего. Онъ дѣйствовалъ до конца по совѣту воли Своей.. Значитъ, Онъ и язычниковъ призвалъ вовсе не потому, что Іудеи (не всѣ Іудеи) не послушались Его; Онъ не былъ къ этому приведенъ, или вынужденъ послѣдними“...

Ст. 13. *Въ Немже и вы, слышавше слово истины, благовѣствованіе спасенія нашего, въ Немже и вѣровавше знаменастеся Духомъ обѣтованія Святымъ.*

Въ Немже,—чрезъ Него и ради Его, прилѣпившись къ Нему, соединившись съ Нимъ, и ставши едино съ Нимъ и въ Немъ,—*и вы,*—христіане изъ язычниковъ, прежде незнавшіе ничего о Христѣ, но въ первый разъ услышавшіе о Немъ въ проповѣди Евангелія, увѣровавъ въ Него, приняты въ одинаковое съ нами, прежде уповавшими, общеніе въ благословеніяхъ въ Немъ: чему доказательствомъ служитъ то, что и вы запечатлѣны Духомъ Святымъ. Мы—Іудеи, прежде уже на то избраны и назначены, чтобы быть частію Христовою, а вы, хоть и не назначены прямо, но какъ увѣровали, то и приняты въ ту же часть; и печать Свою наложилъ и на васъ Христосъ—даръ Духа Святаго, чтобы всѣ, и небесные и земные, знали, что вы Ему уже, а не другому кому, принадлежите. Такъ и вы ничѣмъ не задѣлены сравнительно съ нами, тоже получили, что и мы, ради вѣры вашей и покорности Евангелію.

Слово истины,—ученіе Христово, слово о вѣрѣ въ Него, которое несомнѣнно истинно и содержитъ первѣйшую и нужнѣйшую изъ всѣхъ истинъ истину—какъ спастись, которую, принявшій сердцемъ, хотя бы ничего другаго не зналъ, будетъ обладать истиною жизни, имѣющею истиннымъ путемъ привести его къ истинному блаженству.

Евангеліе спасенія—благовѣстіе о спасеніи, объясняетъ содержаніе *слова истины*. Въ этомъ вся проповѣдь и состояла. Апостолы говорили всѣмъ: гибнете вы, и останетесь въ погибели, если такъ пребудете, какъ есть. Хотите спастись, вотъ вамъ единственное средство:—вѣруйте въ Господа Іисуса Христа распятаго. „Что другое содержала проповѣдь, какъ не благовѣствованіе

спасенія, т. е., что достойныхъ погибели Онъ уже не погубляетъ“ (св. Злат.).

Вмѣсто *спасенія нашего*, т. е. всѣхъ людей, иные читаютъ *вашего*—Ефесянъ. Мысль будетъ: и вашего, какъ нашего. Или ближе Апостолъ наводитъ ихъ на воспоминаніе о томъ, какъ они увѣровали. Слыша проповѣдь, сознали, что точно погибаютъ, восчувствовали свою пагубу; а вмѣстѣ и то, что негдѣ имъ спастися, какъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ; и стала сія проповѣдь для нихъ указаніемъ единственнаго спасенія, за которое они и уцѣпились всею силою. И у каждаго спасительная вѣра силу свою являть начинаетъ, когда онъ общее всѣхъ спасеніе въ Господѣ себѣ присвояетъ не умствованіемъ, а чувствомъ.

Въ Немже и вѣровавше. Недовольно слышать, необходимо вѣровать. Вѣра—дверь къ принятію всѣхъ благословеній отъ Господа. Какъ вознесшись на небо, Онъ Духа Святаго ниспослалъ въ міръ; такъ прилѣпляющихся къ Нему вѣрою, тотчасъ чрезъ таинства, исполняетъ Духомъ Святымъ. Путь такой: сначала слухъ, потомъ вѣра отъ слуха, наконецъ запечатлѣніе Духомъ въ крещеніи и возложеніи рукъ, или мѵропомазаніи. Это—степени, коими бывшіе далече, близъ бываютъ и вводятся въ наслѣдіе Христово.

Знаменастеся Духомъ. Объ Іудеяхъ сказалъ: наслѣдницы сотворихомся, вступили въ наслѣдіе благословеній о Христѣ, или въ удѣлъ и часть Христову; а о язычникахъ *знаменастеся Духомъ*. И это одно съ тѣмъ. Ибо что запечатлѣны Духомъ это и означало, что и они приняты въ часть Христову; равно какъ Іудеямъ сподобиться благословеній о Христѣ, или вступить въ часть Христову, иначе было нельзя, какъ чрезъ изліяніе Духа, по обѣтованіямъ—излить на нихъ Духа и сдѣлать ихъ чрезъ то новыми. Ѳеодоритъ пишетъ: „не только вы

слышали, но и увѣровали. Почему и сподобились благодати Всесвятаго Духа. *Знаменастеся* подобно пророческому изреченію: *знаменася на насъ свѣтъ лица Твоего Господи* (Пс. 4, 7); т. е., какъ какую печать пріяли даръ Духа."—Св. Златоустъ говоритъ: „великое промышленіе показываетъ это запечатлѣніе (Духомъ). Какъ еслибы кто доставшихся ему по жребію отмѣтилъ извѣстнымъ знакомъ, чтобъ послѣ узнавать ихъ, такъ точно и Богъ, отдѣливъ (ихъ) для принятія вѣры въ Него (Христа), запечатлѣлъ (Духомъ въ знакъ принадлежанія Ему, и) въ наслѣдіе будущихъ благъ..... Получали запечатлѣніе и Израильтяне, но чрезъ обрѣзаніе, подобно безсловеснымъ *); запечатлѣны и мы, но какъ дѣти, Духомъ."

Въ принятіи Св. Духа, Которымъ изливается любовь въ сердца наши, и вѣра становится живодѣйствующею, въ принятіи Св. Духа, присутствіе Котораго, въ первыя времена, свидѣтельствовалось явными дивными дѣйствіями благодати,—христіанинъ и самъ для себя и для другихъ получаетъ знаменіе, печать, удостовѣреніе, что онъ—Христовъ (Рим. 8, 16). Бл. Іеронимъ пишетъ: „знаменаніе Божіе въ томъ, что какъ первый человѣкъ созданъ по образу и подобію Божію, такъ и во второмъ возсозданіи сподобляющійся Духа Святаго знаменается отъ Него тѣмъ, что принимаетъ образъ Создавшаго его. Полагаю, что этимъ означается то, что Духъ Святый святымъ содѣлываетъ того, на кого изливается: духъ премудрости содѣлываетъ его премудрымъ, духъ разума—разумнымъ, духъ совѣта—совѣтнымъ, духъ крѣпости—крѣпкимъ, духъ вѣдѣнія—вѣдцемъ, духъ благочестія—благочестивымъ, духъ страха Божія—Богобояз-

*) На Востокѣ—верблюдовъ, напр., печатаютъ знакомъ хозяина, нажигая его на замѣтномъ мѣстѣ.

неннымъ, со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвающимъ.“

Духомъ обѣтованія. Почему такъ назвалъ Его св. Павелъ? И потому, что Самъ Онъ обѣтованъ, какъ Пророками, такъ и Господомъ, и потому что служитъ залогомъ будущихъ обѣтованій. Св. Златоустъ говоритъ: „что значитъ *Духомъ обѣтованія*? Значитъ, что мы пріяли Его по обѣтованію. Обѣтованій было два, — одно чрезъ Пророковъ, другое —чрезъ Сына. Я сказалъ чрезъ Пророковъ; послушай, что говоритъ Іоиль: *излію отъ Духа Моего на всяку плоть и прорекутъ сынове ваши и дщери ваши и старцы ваши сонія узрятъ и юноши ваши видѣнія увидятъ* (Іоиль 2, 28). Послушай за тѣмъ, что и Христосъ говоритъ: *пріимете силу, нашедшу Св. Духу на вы, и будете ми свидѣтели во Іерусалимѣ же и во всей Іудеи и Самаріи и даже до послѣднихъ земли* (Дѣян. 1, 8).“

Экуменій и Ѳеофилактъ, высказавъ ту же мысль, прибавляютъ:—Экуменій: „*Духомъ обѣтованія* Онъ названъ еще или потому, что Онъ обѣщаетъ безчисленныя блага, или потому, что чрезъ запечатлѣніе Имъ вы улучите или сподобитесь обѣтованій.“ Ѳеофилактъ: „или потому еще (Онъ Духъ обѣтованія есть), что Духъ подтверждаетъ обѣтованіе будущихъ благъ. Будучи дарованъ, Онъ тѣмъ самымъ удостовѣряетъ и въ будущемъ. Почему и названъ залогомъ.“

Ст. 14. *Иже есть обрученіе наслѣдія нашего, во избавленіе снабдѣнія, въ похвалу славы Его.*

Предъ симъ сказалъ Апостолъ особо объ Іудеяхъ и особо о язычникахъ. Теперь соединяетъ въ рѣчи тѣхъ и другихъ единствомъ дара Духа Святаго, который и тѣмъ и другимъ одинаково подается и дѣлаетъ ихъ однородными. Мы, говоритъ, получили Духа, какъ наслѣдіе; вы запечатлѣны Имъ по призванію. И мы и вы стали помазанными отъ Святаго,—христіанами. Помазаніе Ду-

хомъ есть отличительная черта христіанъ, преимущество, котораго ничто въ свѣтѣ не можетъ дать, кромѣ вѣры въ Господа Іисуса Христа чрезъ св. таинства Его. Но этимъ не все исчерпывается, чѣмъ благоволитъ Господь отличать вѣрныхъ Своихъ. Это еще залогъ; а что послѣ то будетъ?!

Апостолъ простираетъ взоръ свой въ будущее и видитъ въ дарованіи Духа только задатокъ къ полученію полнаго наслѣдія вѣчнаго. Какъ въ житейскихъ сдѣлкахъ задатокъ значитъ, что торгъ состоялся, покупка рѣшена, и задатокъ данъ въ удостовѣреніе, что и все остальное будетъ уплачено: такъ и Богъ, благоволивъ вступить съ нами въ Завѣтъ, съ обѣтованіемъ вѣчнаго блаженства вѣрнымъ Завѣту, даруя Духа Святаго вѣрующимъ во Христа, задатокъ только даетъ въ удостовѣреніе, что и все наслѣдіе обѣтованное отдастъ, или дастъ блаженство вѣчное. Ибо за тѣмъ и вѣруемъ во Христа, за тѣмъ и прилѣпляемся къ Нему и всѣмъ жертвуемъ для Него, чтобы имѣть въ Немъ животъ вѣчный. Св. Златоустъ говоритъ: „хотя должно было вѣрить Ему, яко Богу (что дастъ животъ вѣчный), но Апостолъ на этомъ очень не настаиваетъ а производитъ изслѣдованіе какъ бы о человѣкѣ. Какъ въ посланіи къ Евреямъ (6, 18) онъ говоритъ: *да двѣма вещми непреложными, въ нихже невозможно солгати Богу, крѣпкое утѣшеніе имамы*: такъ и здѣсь то, что уже было даровано, представляетъ въ доказательство исполненія обѣтованія о будущихъ благахъ. Посему то онъ и называетъ Духа Святаго обрученіемъ (залогомъ) нашего спасенія. Залогъ бываетъ обезпеченіемъ всего. Онъ купилъ намъ наше спасеніе, и пока далъ только залогъ.—Почему же не даровалъ всего тотчасъ же? Потому что мы съ своей стороны не исполнили всего. Мы увѣровали, — это лишь начало, — и Онъ даровалъ

залогъ (т. е. начало). А когда вѣру покажемъ въ дѣлахъ, тогда представитъ намъ и все."

Тоже самое печатлѣется и въ нравственномъ строѣ христіанина. Ибо Духъ Божій изливаетъ любовь, въ коей вѣра получаетъ живую дѣятельность; труды же любви вселяютъ чувство благоволенія Божія, отъ коего раждается благонадежіе всесторонняго облаженствованія вѣчнаго (Евр. 11, 1). Съ другой стороны Духъ Божій приноситъ въ душу миръ, котораго ничто другое дать не можетъ, и который есть истинное предначатіе и предвкушеніе вѣчнаго блаженства. Св. Златоустъ продолжаетъ: „пріобщившіеся благодати Св. Духа, безъ сомнѣнія, знаютъ, что она есть залогъ наслѣдія нашего. Таковъ былъ Павелъ, который здѣсь еще предвкушалъ то, что тамъ (т. е. на небѣ), — который стремился и желалъ оставить здѣшній міръ, и воздыхалъ; потому что онъ, весь умъ свой переселивъ туда, смотрѣлъ уже другими глазами. Кто не оправдываетъ вѣры дѣлами, тотъ самъ себя исключаетъ изъ словъ (обѣтованія). Еслибы мы всѣ пріобщались Духа, какъ слѣдуетъ пріобщаться, то и небо узрѣли бы и свое будущее тамъ состояніе."

Во избавленіе снабдѣнія. Въ этихъ словахъ можно видѣть поясненіе предыдущей мысли о Духѣ, какъ залогѣ наслѣдія. Сами слова темны. Сличимъ ихъ съ греческими, чтобы вывесть приличное понятіе. *Снабдѣніе* даетъ мысль о томъ, чѣмъ Богъ положилъ снабдить вѣрующихъ, что имъ дать во Христѣ, чѣмъ облаженствовать. Греческое слово περιποίησις означаетъ попеченіе, охрану, заботу о комъ, чтобъ ему было хорошо. „Снабдѣніемъ—περιποίησιν—называетъ Апостолъ Божіе о насъ попеченіе и заботу" (Θеоф.). Нынѣшніе Греки употребляютъ это слово въ означеніе угощенія,—дѣланія всего, чтобы гость остался всѣмъ вполнѣ доволенъ.

Будущее блаженство что есть, какъ не нескончаемая вечеря Господа съ вѣрными Своими? Тамъ Онъ ихъ всѣмъ удовлитъ, всѣмъ насытитъ, обвеселитъ и облаженствитъ. Принявъ слово сіе въ семъ значеніи, приспособимъ къ нему и первое—*избавленіе*. По гречески это—ἀπολύτρωσις, которое значитъ уплату, отплату,—и чрезъ то *избавленіе*. Уплачиваютъ за раба и тѣмъ избавляютъ его отъ рабства. Такъ избавилъ насъ и Господь, уплативъ за насъ долги наши. Возьмемъ въ настоящемъ мѣстѣ собственное его значеніе—уплата. Εἰς ἀπολύτρωσιν περιποιήσεως—во избавленіе снабдѣнія — будетъ — въ удостовѣреніе, что все, чѣмъ положилъ Богъ снабдить вѣрныхъ и облаженствовать ихъ въ будущемъ, будетъ имъ доставлено, воздано,—подразумѣвая: если они вѣрно потрудятся въ дѣлѣ, на которое призваны и силами благодати вооружены. Ничто не пропадетъ даромъ; все будетъ воздано.

Есть изъ-за чего трудиться: будетъ все воздано. А что будетъ воздано, суди по залогу. Если залогъ таковъ, что будетъ самое благо, въ полученіи коего удостовѣряетъ залогъ? — Ѳеодоритъ пишетъ: „симъ Апостолъ показалъ величіе ожидаемаго. Ибо если данная благодать, которою совершались чудеса, воскрешаемы были мертвые, очищаемы прокаженные, изгоняемы демоны, и производилось иное сему подобное,—составляли только залогъ; то явно, что вѣрующіе улучатъ гораздо большую благодать.“—Бл. Іеронимъ на ту же мысль говоритъ: „по задатку судятъ о достоинствѣ купленной вещи. Если задатокъ наслѣдія таковъ, каково же само наслѣдіе?“

Къ этому подходитъ и русскій переводъ сихъ словъ: *для искупленія удѣла*—безъ прибавленія: *Его*.—Подъ удѣломъ можно разумѣть и Божій удѣлъ и нашъ. Божій удѣлъ—всѣ вѣрующіе и живущіе по вѣрѣ. Нашъ удѣлъ—вѣчное блаженство. Думаемъ, что здѣсь ближе

разумѣть нашъ удѣлъ, съ такою мыслію: Духъ Святый данъ намъ, чтобъ помощію Его трудясь въ Богоугожденіи, могли мы купить себѣ вѣчное блаженство. Какъ иному бѣдному даютъ денегъ, чтобъ онъ, пустившись въ обороты, разбогатѣлъ: такъ даръ Духа, какъ талантъ, данъ намъ, чтобъ чрезъ должное его употребленіе стяжали мы все возможное здѣсь и приготовили большее туда. Въ чемъ состоитъ это дѣло? Въ очищеніи сердца отъ страстей и украшеніи его всякими добродѣтелями. Въ пріятіи Духа во св. крещеніи и муропомазаніи полагается только сѣмя жизни духовной. За симъ долженъ слѣдовать трудъ проведенія Духа во всѣ области нашего существа, какъ закваски во все смѣшеніе, Это механически совершиться не можетъ въ свободномъ существѣ. Дѣло свободы при семъ не соглашаться на худое, гдѣ бы оно въ насъ ни показалось, и желать добраго, какою бы частію не предлежало его совершать. Въ слѣдъ за сими направленіями свободы, идетъ внутрь благодать и совершаетъ то, что свобода только ищетъ, но чего совершить не можетъ. Такъ наконецъ благодать проникаетъ все естество человѣка и дѣлаетъ его духовнымъ, свѣтлымъ, чистымъ, гожимъ для вступленія въ царство славы, куда не войдетъ ни что нечистое. Въ комъ это совершится въ какой либо степени, тотъ, значитъ, искупилъ свой удѣлъ. Какъ этого онъ не могъ бы достигнуть безъ благодати Духа, то само собою видно, что благодать дается для того, чтобъ каждый могъ искупить свой удѣлъ. Въ этомъ смыслѣ говоритъ и св. Златоустъ: „совершенное избавленіе совершится въ будущей жизни; ибо теперь мы живемъ среди міра и много мірскаго привходитъ въ насъ, и съ нечестивыми обращаемся.

Когда же не будетъ ни грѣховъ, ни человѣческихъ страстей, когда нечестивые не будутъ уже вмѣстѣ со

святыми, тогда уже наступитъ совершенное избавленіе, а теперь данъ только залогъ. — Впрочемъ намъ и теперь должно удаляться земнаго, потому что наше отечество не на землѣ; и теперь мы должны быть свободны отъ того, что здѣсь, ибо мы еще странники.“

Можно разумѣть здѣсь и Божій удѣлъ. Удѣлъ Божій всѣ вѣрующіе изъ Іудеевъ и язычниковъ. Сколько ихъ должно поступить въ удѣлъ Божій, предопредѣлено свыше. Апостолы, преисполненные Духа, ходили по міру и набирали достойныхъ поступить въ него. Всякій вѣрующій печатлѣлся Духомъ, и вступалъ въ удѣлъ Божій съ симъ знаменіемъ. Тутъ тоже происходило и происходитъ доселѣ, что бываетъ, когда какой хозяинъ полагаетъ собрать себѣ стадо овецъ; повѣренные его ходятъ и закупаютъ, на всякую купленную овцу налагая хозяйскую печать. Когда исполнится число, полагается конецъ закупкамъ: стадо считается полнымъ соотвѣтственнымъ намѣренію хозяина. Такъ и въ отношеніи къ царству Христову благодатному. Оно удѣлъ Его,—и состоитъ по Его слову изъ овецъ. Апостолы посланы были закупать; послѣ ихъ тоже дѣло продолжаютъ преемники ихъ. Когда исполнится все, — и тѣ, о коихъ сказалъ Господь: и *тыя Мнѣ подобаетъ привести*.... будутъ приведены, и стадо духовное станетъ полно по предначертанію; тогда конецъ всему. Цѣль настоящаго порядка вещей исполнится. Все же совершаетъ благодать Св. Духа, пребывающаго на землѣ въ Церкви,—и пребываетъ она для искупленія удѣла Божія.

Въ похвалу славы Его. Апостолъ началъ благословеніемъ Бога; но недовольный тѣмъ, еще трижды повторялъ, что все, дѣлаемое для насъ, дѣлается для возбужденія насъ къ Богохваленію (ст. 6. 12. 14). Это одно и можемъ мы воздать Богу за неизреченныя Его мило-

сти; это и требуетъ отъ насъ Богъ. Оно и естественно исходитъ изъ сердца, когда оно придетъ въ чувство благъ Божіихъ по вкушеніи ихъ, или усвоеніи себѣ самымъ дѣломъ. И такъ воспрославимъ, возблагодаримъ и восхвалимъ Премилосердаго Бога. Не окажемся не чувственными. Ибо Богъ есть ревнитель о славѣ Своей (Наум. 1, 2).

Св. Златоустъ извлекаетъ изъ сего частаго повторенія о Богохваленіи удостовѣреніе въ непоколебимой твердости надеждъ нашихъ и въ несомнѣнности исполненія обѣтованій. Онъ говоритъ: „*въ похвалу славы Его*,—это онъ постоянно повторяетъ для чего же?—для того, чтобы вполнѣ убѣдить слушающихъ. Если-бы Онъ искупилъ насъ для насъ же, какъ бы такъ говоритъ Апостолъ, то искупленіе наше не было бы еще несомнѣнно. Если же Онъ сдѣлалъ сіе для Себя, т.-е., чтобы показать Свою благость, то это служитъ уже основаніемъ, или какъ бы ручательствомъ, что обѣщанное такъ и случится, какъ обѣщано. Мы видимъ, что и у Израильтянъ часто встрѣчаются подобныя выраженія: *сотвори со мной имене ради Твоего* (Пс. 108, 21). Въ другомъ мѣстѣ Самъ Богъ говоритъ: *Мене ради сотворю* (Ис. 48, 11). И Моусей взываетъ: *сотвори намъ имене Твоего ради*, если не ради чего другаго. Итакъ Онъ самымъ дѣйствительнымъ образомъ убѣждаетъ и обнадеживаетъ слышащихъ, научая ихъ, что Богъ ради Своей собственной благости исполнитъ все, что обѣщаетъ.—Но да не предадимся отъ сего безпечности. Конечно Онъ все дѣлаетъ ради Самого Себя; но однакожъ и отъ насъ требуетъ соотвѣтствующихъ дѣйствій. Если Онъ говоритъ, что *токмо прославляющія Мя прославлю, и уничижаяй Мя безчестенъ будетъ* (1 Цар. 2, 30), то мы должны понять, что и съ нашей стороны нѣчто требуется. Похвала славы Его—въ томъ, чтобы спасти враговъ, но эти

враги послѣ того, какъ они сдѣлались друзьями, должны и пребыть друзьями; если же они опять возвратятся въ прежнее состояніе вражды, тогда все для нихъ будетъ безполезно и тщетно. Другой бани пакибытія нѣтъ; нѣтъ и вторичнаго приведенія; но есть *страшное нѣкое чаяніе суда, и огня ревность поясти хотящаго сопротивныхъ* (Евр. 10, 27). Это именно ожидаетъ и насъ, если мы, всегда враждовавшіе съ Нимъ, бывъ удостоены прощенія, и послѣ того не перестанемъ еще враждовать упиваться похотями и дѣлаться хуже прежняго."

Этимъ оканчиваетъ св. Апостолъ обозрѣніе всего домостроительства нашего спасенія и всѣхъ благословеній намъ свыше о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Началъ онъ отъ совѣта Божія въ вѣчности безначальной и прошелъ до указанія неизреченнаго наслѣдія въ вѣчности безконечной.—И все это совмѣстилъ въ одномъ пунктѣ, сжато, но выразительно, полно, всеобъятно.

Б).

ВОЗВЕДЕНІЕ ЕФЕСЯНЪ КЪ СОЗЕРЦАНІЮ ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА СПАСЕНІЯ.

1, 15—3, 21.

Апостолъ имѣлъ при семъ въ намѣреніи—напечатлѣть въ умѣ Ефесянъ все величіе домостроительства спасенія нашего въ Господѣ, чтобъ, сознавъ величіе благодѣянія Божія къ нимъ въ призваніи ихъ въ участіе въ семъ спасеніи, помнили то, и за то Бога благодарили и славословили. Руководя къ сему, онъ—

I) молится, да дастъ имъ Богъ Духа премудрости узрѣть величіе домостроительства въ величіи благъ, имъ подаваемыхъ и обѣщаемыхъ,—1, 15—19;

II) указываетъ его въ возвеличенiи Совершителя нашего спасенiя,—1, 20—23;

III) и въ возвеличенiи вмѣстѣ съ Нимъ и въ Немъ и всѣхъ вѣрующихъ въ Него,—2, 1—10;

IV) для Ефесянъ же и въ лицѣ ихъ для всѣхъ вѣрующихъ изъ язычниковъ еще особенно въ томъ, что оно ихъ, далеко бывшихъ, сдѣлало близкими,—2, 11—22.

V) Каковую особенность Апостолъ усиливаетъ представленiемъ, что это была сокровенная, нынѣ лишь явленная, тайна, которой онъ есть служитель,—3, 1—13.

VI) И заключаетъ опять молитвою, чтобъ Ефесяне пребыли участниками благъ спасенiя, и чрезъ то еще паче возвысились въ уразумѣнiи величiя таинъ спасенiя,—3, 14—21.

Не трудно замѣтить, что сiи пункты идутъ въ соотвѣтствiи съ содержанiемъ предыдущаго обозрѣнiя домостроительства спасенiя.

I.

Ст. 15—16. *Сего ради и азъ слышавъ вашу вѣру о Христѣ Iисусѣ, и любовь, яже ко всѣмъ святымъ, не престаю благодаря о васъ, поминанiе о васъ творя въ молитвахъ моихъ.*

Обозрѣвъ величiе благословенiй, о Христѣ Iисусѣ Господѣ нашемъ, изобразивъ кратко все домостроительство спасенiя, св. Павелъ, въ восхищенiи сердца отъ сего созерцанiя, желаетъ ввести въ него и Ефесянъ. Хотя не говоритъ: углубляйтесь, а молитъ Бога, чтобъ Онъ Самъ просвѣтилъ ихъ умы вѣдѣнiемъ всего этого; но это само собою разумѣется: ибо для полученiя благъ духовныхъ одинъ законъ Самимъ Господомъ изреченный: *ищите и обрящете.* Онъ какъ бы говоритъ имъ: взойдите вы умомъ своимъ въ помышленiе о семъ и пребудь-

те въ памятованіи о томъ; я же молюсь, да просвѣтитъ и паче просвѣщаетъ васъ Господь. Начало сему уже положено прочное: вы уже стали причастниками сихъ благъ вашею вѣрою и жизнію по вѣрѣ, выражающейся въ любви ко всѣмъ святымъ: за что благодарю Господа.

Сего ради. Чего ради?—Если взять во вниманіе только непосредственно впереди стоящее, то—ради того, что Духомъ Святымъ запечатлѣны и въ Немъ получили обрученіе упованія. Но какъ это послѣднее у Апостола стоитъ въ неразрывной связи съ предыдущимъ, какъ верхъ всѣхъ благъ о Господѣ; то можно сказать, что и ради всего, что благоугодно было всещедрому Богу сдѣлать во спасеніе наше. Св. Златоустъ и говоритъ: „*сего ради*,—т. е. ради будущихъ благъ, которыя ожидаютъ правовѣрующихъ и благочестно живущихъ. Впрочемъ равно должно благодарить Бога за все, что Онъ содѣлалъ для рода человѣческаго прежде сего и что содѣлаетъ послѣ,—должно благодарить Его по сему и за вѣру вѣрующихъ.“

Св. Павелъ благодаритъ не вообще за сіи блага, а за то, что ихъ сподобились Ефесяне. Какъ они сподобились сего за вѣру, любовію споспѣшествуемую, то преисполненіе ими Ефесянъ и ставитъ онъ здѣсь, какъ возбудителя его благодарныхъ за Ефесянъ чувствъ. *Слышавъ*, говоритъ, *вѣру вашу и любовь... не перестаю благодарить Бога*. „Ибо увѣровавъ, вы запечатлѣлись Духомъ, и въ Немъ получили залогъ будущихъ благъ и совершеннаго избавленія, и имѣете улучить, что отложено право вѣрующимъ и право живущимъ“ (Θеоф.).

Слышавъ вѣру вашу и любовь... „Вездѣ соединяетъ и совокупляетъ св. Павелъ вѣру и любовь, какъ нѣкую дивную двоицу“ (св. Злат.).

Еслибъ о вѣрѣ только слышалъ, можетъ быть не поспѣшилъ бы благодарить: ибо хотя вѣра приводитъ къ

Богу, но сочетавшись съ Нимъ сердечно, исходитъ отъ Него не одна уже, но растворенная любовію. И одна вѣра истинная никогда не бываетъ, равно какъ и любовь. Вѣра—одна нога, любовь—другая. Какъ на одной ногѣ ходить нельзя, такъ жить по христіански и христіанскихъ сподобляться благословеній нельзя безъ вѣры и любви.—Любовь *ко всѣмъ святымъ*, т. е. ко всѣмъ христіанамъ, а не къ Ефесянамъ только, или окрестнымъ съ ними. Любовь, изливающаяся въ сердце христіанъ Духомъ, и всѣхъ людей любитъ; но христіанъ любитъ, яко членовъ единаго тѣла, родственно, живое сочетаніе съ ними чувствуя во Христѣ. Но, какъ она ни естественна въ христіанахъ, можетъ однако быть ослабляема и погашаема эгоистическими стремленіями. Почему присутствіе ея при вѣрѣ есть знакъ и разумнаго устроенія вѣрующихъ и особой благодати Божіей, ибо все отъ нея. Почему у св. Павла и стоитъ: *о Христѣ Іисусѣ*: что должно относить и къ вѣрѣ и къ любви. Господь Іисусъ Христосъ есть неизсякаемый источникъ и вѣры и любви для всѣхъ къ Нему прилѣпившихся. Вѣра здѣсь чувство сердца, упокоевающагося во Христѣ, и во всякой помощи и всякомъ заступленіи Его увѣренная, вѣра, покоющаяся на лонѣ Христовомъ.

Слышалъ о вѣрѣ и любви; но благодаритъ не за вѣру и любовь, а за то, что дается за вѣру и любовь, „за то, что, ради ихъ, они очевидно состоятъ въ числѣ спасаемыхъ, и несомнѣнно сподобятся отчисленныхъ вѣрующимъ и любящимъ благъ“ (Экум.).

Апостолъ говоритъ: *и азъ* благодарю, и тѣмъ ставитъ себя въ число другихъ благодарящихъ. Кто это другіе? Ефесяне и другіе христіане. Имѣя истинную вѣру и любовь, Ефесяне вкушали сердцемъ всѣ блага о Господѣ,—радость сердечную и сладостное горѣніе духа отъ благодати Божіей, разогрѣваемое увѣренностію въ

Божіемъ благоволеніи и усыновленіи Ему. Такой строй внутренній не могъ не обнаруживаться и въ свѣтломъ состояніи ихъ во внѣшнихъ дѣлахъ и жизни. Видя то, другіе христіане, не могли не радоваться и не благодарить Бога. Къ ихъ благодарной пѣсни присоединяетъ свой гласъ и Апостолъ, смиреніе тѣмъ показывая, что не ставитъ себя первоначальнымъ благодарителемъ и возбудителемъ другихъ къ благодаренію.

Апостолъ зналъ о вѣрѣ и добротѣ нрава Ефесянъ, живши съ ними такъ долго, а что говоритъ: *слышавъ*, то этимъ даетъ знать, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ отлучился отъ нихъ, они не только не измѣнились, но хранятъ всѣянное въ нихъ и преуспѣваютъ въ томъ, строя на томъ, какъ на прочномъ фундаментѣ, спасеніе свое. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Изъ сего (изъ того, что сказалъ *слышавъ*) заключали иные, что Апостолъ написалъ сіе посланіе, не видѣвъ еще Ефесянъ. Но должно знать, что и Коринѳянамъ писалъ онъ посланіе, услышавъ о нихъ непріятное. Ибо говоритъ: *возвѣстися ми о васъ братіе моя отъ Хлоиса, яко рвенія въ васъ суть* (1 Кор. 1, 11). Посему, какъ тамъ, узнавъ непріятное, пишетъ со скорбію, такъ, объ Ефесянахъ услышавъ радостное, слагаетъ имъ похвалу."

Слыша о добромъ состояніи Ефесянъ, и провидя, чего за это они сподобятся, Апостолъ сорадуется имъ, и, ихъ благо считая своимъ, благодаритъ Бога. Это—какъ Апостолъ; къ тому побуждало его Апостольское, отечески заботящееся объ обращенныхъ сердце. „Не было ничего, съ чѣмъ бы можно было сравнить Апостольское благоутробіе, говоритъ св. Златоустъ, что было бы подобно тому соучастію и той нѣжной любви, которыми былъ исполненъ блаженный Павелъ, во всѣхъ своихъ молитвахъ поминавшій цѣлые города и народы. *„Благодарю Бога о васъ, поминаніе о васъ творя въ мо-*

литвахъ моихъ.“ Такъ онъ обыкновенно писалъ всѣмъ. Представьте же, сколь многихъ онъ имѣлъ въ помышленіи своемъ. Даже и помнить было трудно, такъ много было людей, о коихъ онъ молился, благодаря Бога за всѣхъ, какъ будто тѣ величайшія благодѣянія, которыя они получили,—получилъ онъ самъ.“

Такъ и всѣмъ надо благодарить Бога за другихъ, видя преспѣяніе ихъ въ вѣрѣ и любви. За совершенство ихъ духовное благодарить Бога надо, а не завидовать, въ совершенствѣ ихъ видя славу Церкви. Объ оскудѣніи же таковыхъ надо скорбѣть и сокрушаться, и молить Бога, чтобъ они не сокращались въ Церкви, а размножались, чтобъ въ ней всегда преобладали и сильно вѣрующіе, и многосвѣдущіе въ вѣрѣ, и многодѣйствующіе по вѣрѣ.

Поминаніе о васъ творя въ молитвахъ моихъ. Всякій разъ какъ молюсь, поминаю васъ; и всякій разъ, какъ поминаю васъ, благодарю Бога за васъ, что далъ вамъ вѣровать и жить по вѣрѣ, чтобъ и здѣсь быть причастниками всѣхъ благословеній о Господѣ и въ будущей жизни. Но за одно Апостолъ благодаритъ, а другаго проситъ. Чего именно, излагается въ слѣдующихъ стихахъ,—чтобы Богъ глубже ввелъ ихъ въ созерцаніе таинъ спасенія въ Господѣ. Но и одно благодареніе есть уже прошеніе. Благодарящій цѣнитъ даръ; кто цѣнитъ даръ, тотъ и пользоваться имъ будетъ, какъ слѣдуетъ; умѣющій же пользоваться дарами располагаетъ Дарователя еще больше изливать на него милостей. Можно всю молитву ограничить благодареніемъ, въ той вѣрѣ, что и даемое и недаемое—все по благоволенію Божію къ намъ. Онъ только знаетъ, что одно хорошо дать, а другаго лучше не давать.—Таковый благоговѣйно стоитъ предъ Щедродателемъ въ благодарныхъ всегда чувствахъ, ибо нѣтъ и момента, когда бы не

пользовались мы Его милостями, и просить большаго не дерзаетъ, не вмѣшиваясь въ тайны благоволенія Божія къ намъ.

Такъ въ отношеніи къ себѣ. Благожеланія же изъявлять другимъ, и молить о нихъ Господа, и при такомъ настроеніи не неумѣстно. Это есть плодъ любви и Божію раздражаетъ любовь; оттого скороуслышно и плодоприносно. Но и то да вѣдается, что просящій о другихъ не становится причиною дарованія, а только споспѣшникомъ его. Дарованіе все же отъ благоволенія Божія и условливается должнымъ расположеніемъ пріемлющихъ. Когда въ сихъ послѣднихъ нѣтъ пріятелища, все небо не вымолитъ для нихъ ничего. Ибо не во что вложить просимаго. Богъ и безъ того всѣмъ желаетъ всего добраго; а что не всѣ то имѣютъ, это уже не отъ Него.

Ст. 17. *Да Богъ Господа нашего Іисуса Христа, Отецъ Славы, дастъ вамъ Духа премудрости и откровенія, въ познаніе Его.*

О чемъ молится Апостолъ для Ефесянъ, благодарно поминая объ нихъ въ молитвахъ своихъ къ Богу? О томъ, чтобы Богъ сподоблялъ ихъ все болѣе и болѣе глубокаго Боговѣдѣнія и вѣдѣнія таинъ домостроительства спасенія. Они уже знали, принявъ проповѣдь Апостола и увѣровавъ, но вѣдѣнію христіанскому конца нѣтъ, не по сложности предметовъ, а по многообъятности сторонъ тѣхъ же предметовъ, вѣдѣніе которыхъ вѣрою пріемлется въ начаткахъ спасенія. — Изъявляя благожеланіе возрастанія въ христіанскомъ вѣдѣніи Апостолъ указываетъ производительныя силы сего вѣдѣнія — благодать Духа и сердце (—17. 18), и предметы его, кои можно озаглавить такъ: каково значеніе и какова сила христіанства (—18. 19). — Хотя производительныя силы вѣдѣнія указываютъ уже и на предметы сего вѣдѣнія, но св. Апостолъ и особо обозначаетъ ихъ. Не-

достаточно сказать въ похвалу иному, что знаетъ много и большаго ума есть человѣкъ; надо опредѣлить предметы знанія и направленіе ума.

Да Богъ Господа нашего. Какъ Самъ Спаситель, по воскресеніи, говорилъ Магдалинѣ: *восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему* (Ін. 20, 17), такъ и св. Павелъ называетъ Бога Отца Богомъ Господа нашего, имѣя во вниманіи Его человѣческое естество. Хотя Лице въ Спасителѣ едино— Лице Бога Сына воплощеннаго, но да не поглощаемо будетъ въ мысляхъ человѣчество Его свѣтлостію Божества, и Самъ Онъ благоволилъ говорить о Себѣ нерѣдко, яко о человѣкѣ, и Апостоламъ внушалъ дѣлать то Духъ Святый. „Сіе сказано въ смыслѣ раздѣлительномъ, пишетъ Ѳеодоритъ,—о нераздѣльномъ Богочеловѣкѣ, Который по воплощеніи не могъ не сознавать Себя человѣкомъ, будучи вмѣстѣ Богомъ.“ „Богъ Господа нашего,—т.-е., яко человѣка, подобнаго намъ по плоти,“ толкуетъ Ѳеофилактъ. Или: „Богъ воспринятаго человѣка,“ какъ выражается бл. Іеронимъ.

Исходя изъ такой мысли, нѣкоторые и слѣдующія за симъ слова: *Отецъ Славы*, толкуютъ не отступая мыслію отъ Господа, именно, что Богъ Отецъ именуется здѣсь такъ, яко Отецъ Господа нашего по Божеству, такъ какъ Господь нашъ яко Богъ — Сынъ есть *сіяніе славы и образъ ѵпостаси* Отца (Евр. 1, 3). Такъ бл. Ѳеодоритъ: „одного и того же назвалъ Апостолъ и Богомъ и Отцемъ Іисуса Христа,—Богомъ Его, какъ человѣка, а Отцемъ, какъ Бога; такъ какъ *славою* наименовалъ естество Божіе. Такъ и въ посланіи къ Евреямъ сказалъ: *Иже сый сіяніе славы* (Евр. 1, 3),—т. е. естества Божія.“ — Съ этимъ согласно понимаютъ бл. Іеронимъ и Экуменій. Ѳеофилактъ приводитъ мнѣніе св. Григорія Богослова: „Григорій Богословъ подъ *славою*

разумѣетъ Божество Единороднаго, такъ что одного и того же Христа одинъ и тотъ же есть и Богъ и Отецъ: Христа, яко человѣка, Онъ есть Богъ, а славы Его, т. е., Божества—Отецъ.“

Другіе, при словѣ—*Отецъ славы*, отходятъ мыслію отъ Господа Іисуса Христа, и останавливаются вниманіемъ на славѣ Божества вообще. Отецъ славы, — восточное выраженіе, и значитъ—преславнѣйшій, самая слава, что въ совокупности съ предыдущимъ будетъ: Богъ Господа нашего—преславный—превеликій, необъятный и неизреченный въ совершенствахъ; ибо слава Божія есть полнота величія Божескаго, Божіихъ безконечныхъ совершенствъ. Въ другихъ мѣстахъ именуется Богъ—Богомъ славы (Дѣян. 7, 2), или Царемъ славы (Пс. 23, 7), какъ Богъ всяческихъ, преисполненный славы и величія. Но какъ мы Бога познаемъ наиболѣе изъ дѣлъ Его, то къ постиженію славы Его восходимъ отъ познанія славныхъ дѣлъ Его. Отецъ славы въ семъ отношеніи будетъ—источникъ всего преславнаго, что вѣдаемъ мы въ дѣлахъ Божіихъ,—Богъ всегда дѣлающій только преславное, совершеннѣйшее, наилучшее, и въ будущемъ преднамѣревающій тоже одно преславное.—Богъ—Отецъ славы, яко явившій и являющій славу Свою тварямъ разумнымъ въ дѣлахъ Своихъ преславныхъ, твореніи, промышленіи, искупленіи, устроеніи благодатнаго царства, и уготованіи вѣчной славы для вѣрующихъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „*Отецъ славы*, т. е., Отецъ, даровавшій намъ великія блага. Богомъ славы называетъ онъ Его всегда за происходящія отъ Него блага, какъ напр. когда говоритъ: *Отецъ щедротъ и Богъ всякія утѣхи* (2 Кор. 1, 3), и какъ еще Пророкъ сказалъ: *Господь крѣпость моя и прибѣжище мое* (Пс. 17, 3)! *Отецъ славы*,—Апостолъ не находитъ такого слова, которымъ бы могъ вполнѣ изобразить уготованныя Богомъ блага;

и вездѣ называетъ ихъ славою, какъ словомъ, означающимъ для насъ всякаго рода величіе." Подобно сему и Экуменій: „Судя по предметамъ, о коихъ рѣчь, Апостолъ разно именуетъ Бога, то Богомъ щедротъ, то Богомъ мира, то Богомъ силъ. Здѣсь именуетъ онъ Его Отцемъ славы,—ради того, что Онъ величайшую даровалъ славу и честь роду человѣческому, (и всякаго рода духовныя блага), кои общимъ именемъ называетъ славою. Сей славы именуетъ Онъ Его Отцемъ, и какъ бы Творцемъ и Устроителемъ."

Итакъ, поелику Апостолъ молится здѣсь о дарованіи познанія Бога, предивнаго и преславнаго, и въ Себѣ Самомъ и въ дѣлахъ Своихъ,—во свѣтѣ неприступномъ живущаго, Котораго никто изъ людей не видѣлъ и видѣть не можетъ, а слѣдовательно и познать, какъ должно, кромѣ тѣхъ, кому волитъ Онъ открыти;—то и назвалъ Его Отцемъ славы.

Да... дастъ вамъ Духа премудрости и откровенія.— Первая производительная сила христіанской премудрости, Духъ—даръ премудрости и откровенія отъ Духа Святаго въ чистыя сердца вѣрующихъ влагаемый.—Премудрость, можетъ быть, пониманіе христіанскихъ истинъ, очеркъ которыхъ сдѣланъ Апостоломъ выше; а откровеніе, можетъ быть, прозрѣніе въ тайны вѣры. Или откровеніе означаетъ, какъ дается вѣдѣніе или мудрость христіанская: возсіяваетъ внутри свѣтъ, и ясно становится, а до того сколько ни ломаютъ головы, плода мало. Духъ премудрости — источникъ, сила учащая, а откровеніе образъ сообщенія, наученія отъ Духа. Есть моменты, когда Богу угодно бываетъ открывать очамъ ума ту или другую тайну вѣры; хотя она и прежде вѣдома бываетъ въ словѣ и понятіи разсудочномъ, но не во внятіи сердцемъ, и не въ сораствореніи съ умомъ.

Въ познаніе Его,—или Бога, или Господа Іисуса Хри-

ста; но какъ Они нераздѣльны, то того и другаго, — т. е., Бога въ Себѣ Самомъ и въ дѣлахъ,—наипаче же въ дѣлѣ спасенія, о коемъ предъ симъ разсуждалось.— Но развѣ Ефесяне не знали?--знали; но познанія имѣютъ разныя степени, и предметы духовные имѣютъ разныя стороны. Есть стороны въ нихъ болѣе къ намъ близкія и явныя, и есть болѣе отдаленныя и сокровенныя. Первыя постигаются при первомъ оглашеніи Евангеліемъ; послѣднія открываются потомъ по мѣрѣ преспѣянія въ жизни христіанской и очищенія сердца. И теперь—начатки познанія вычитать можно изъ Евангелія и Апостольскихъ писаній, но настоящее вѣдѣніе христіанское и доселѣ имѣетъ одинъ источникъ—благодатный Духъ премудрости. Никто не можетъ восхитить самъ то, что подается только симъ Духомъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „*Да дастъ вамъ* (Духа премудрости), т. е., да возвыситъ и воскрылитъ вашъ умъ, потому что въ противномъ случаѣ нельзя познать этого. Ибо *душевенъ человѣкъ не пріемлетъ, яже Духа Божія: юродство бо ему есть* (1 Кор. 2, 14). Значитъ, чтобы понимать духовное, видѣть сокровенное, для этого нужна и мудрость духовная. Духъ открываетъ все, разъясняетъ самыя тайны Божіи. Вѣдѣніе таинъ Божіихъ принадлежитъ одному Духу, Который *испытуетъ и глубины Божія* (1 Кор. 2, 10); и ни Ангелъ, ни Архангелъ, ни иная какая сотворенная сила не подастъ, т. е., не доставитъ вамъ этого дарованія. Если же это есть плодъ откровенія, въ такомъ случаѣ излишни всѣ умствованія. Потому что углубившійся въ созерцаніе Бога и познавшій Его ни въ чемъ не усумнится, не будетъ говорить: вотъ это возможно, а это не возможно; не будетъ разсуждать, какимъ образомъ то или другое могло случиться.—Еслибы и мы познали Бога, какъ должно, еслибы и мы научились этому отъ Духа Святаго, отъ

Котораго и должно учиться; тогда уже ни въ чемъ бы болѣе не сомнѣвались.—Наученный Богопознанію отъ Духа Святаго, ни въ обѣтованіяхъ не усумнится, ни обнаружитъ невѣрія въ то, что уже было. Вотъ почему онъ и молится о дарованіи имъ Духа премудрости и откровенія.“

Ст. 18. *Просвѣщенна очеса сердца вашего, яко увѣдѣти вамъ, кое есть упованіе званія Его: и кое богатство славы достоянія Его во святыхъ: и кое преспѣющее величество*... (ст. 19)...

Вторая производительная, въ дѣлѣ христіанскаго вѣдѣнія, сила есть сердце чистое, въ коемъ отъ дѣйствія благодатнаго дара премудрости и откровенія разверзаются очи видѣти.—Кто сего сподобляется, у того являются просвѣщенные очи сердца. Св. Павелъ молится, да даруетъ ихъ Богъ Ефесянамъ.

Духъ премудрости и откровенія и сердце очищенное—разны: тотъ свыше отъ Бога, это — отъ насъ. Но въ актѣ образованія христіанскаго вѣдѣнія они нераздѣльно сочетаваются, и только совмѣстно даютъ вѣдѣніе. Сердце, какъ ни очищай (если можешь безъ благодати), не дастъ мудрости; а духъ премудрости — не придетъ, если не уготовано ему въ жилище чистое сердце.

Сердце—здѣсь не въ обычномъ смыслѣ; а въ смыслѣ внутренняго человѣка. Есть въ насъ внутренній человѣкъ, по Ап. Павлу, или потаенный сердца человѣкъ, по Ап. Петру. Это Богоподобный духъ, вдунутый въ первозданнаго. Онъ не сокрушимымъ пребываетъ и по паденіи. Отправленія его суть *страхъ Божій*, въ основѣ коего лежитъ увѣренность въ бытіи Бога съ сознаніемъ полной отъ Него зависимости, *совѣсть*, и *недовольство* ничѣмъ тварнымъ.—Эти проявленія духа видимы у людей на всѣхъ степеняхъ ихъ образованія, и по всей землѣ. Назначеніе духа, какъ даютъ разумѣть отправ-

ленія его, есть держать человѣка въ соотношеніи съ Богомъ и Божественнымъ порядкомъ вещей, помимо всего окружающаго его и текущаго окрестъ его. Чтобъ исполнить, какъ должно, такое назначеніе, ему естественно должно принадлежать вѣдѣніе Бога и Божественнаго порядка, и того лучшаго бытія, чутье котораго свидѣтельствуется недовольствомъ всѣмъ тварнымъ.— Оно, надобно полагать, и было въ первозданномъ до паденія. Духъ его ясно зрѣлъ Бога и все Божеское,— такъ ясно, какъ ясно видитъ кто здравыми очами вещь предъ собой. Но съ паденіемъ очи духа закрылись,— и онъ уже не видитъ, что видѣть было ему естественно. Самъ духъ остался, и очи въ немъ есть,—но закрыты. Онъ въ такомъ положеніи, въ какомъ тотъ, у кого бы вѣки срослись. Глазъ цѣлъ, жаждетъ свѣта, ищетъ, какъ бы увидѣть его, чуя, что онъ есть; но сросшіяся вѣки мѣшаютъ ему открыту быть и прямо войти въ общеніе со свѣтомъ. Что духъ въ такомъ положеніи въ падшемъ, это до осязательности очевидно.—Зрѣніе духа человѣкъ хотѣлъ замѣнить умозрѣніемъ, отвлеченнѣйшими построеніями ума, идеальничаніемъ; но изъ этого ничего никогда не выходило. Свидѣтельство тому— всѣ философскія метафизики. Пересмотрѣвши ихъ всѣ, получимъ только удостовѣреніе, что есть что-то высшее, лучшее, совершеннѣйшее, нежели что видитъ глазъ, и до чего можно доходить операціями разсудка, а что такое,—не досязаемо для ума.—О томъ у насъ—одни гаданія, которыя не представляютъ духовныхъ, Божественныхъ вещей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ есть сами въ себѣ *). Духъ у всѣхъ есть, но у всѣхъ закрытъ и забитъ въ разныхъ однакоже степеняхъ, смотря по преобладанію надъ нимъ тѣлесно-душевныхъ стремленій и

*) Это состояніе полно изображено въ посланіи св. Исаака Сиріанина къ препод. Симеону Чудотворцу. Слово 55-е.

навыковъ, по указанію и увлеченію ихъ.—Божественная благодать, зовущая ко спасенію въ Господѣ, дѣйствуетъ прямо на духъ. И онъ, укрѣпясь воздѣйствіемъ благодати, приходитъ въ движеніе, возвышается надъ душевнотѣлесностію, увлекаетъ ихъ вслѣдъ себя, и дѣлаетъ, что человѣкъ всѣмъ своимъ существомъ рѣшаетъ—быть съ Господомъ и ходить по волѣ Его. Проходитъ до духа благодать чрезъ слово Евангелія. Потомъ, когда въ человѣкѣ совершится то, что должно быть совершено его, пробужденнымъ благодатію, духомъ; тогда по учрежденію Божію на землѣ во спасеніе наше, онъ сподобляется таинствъ—крещенія или покаянія,— и благодать Божія вселяется въ него, срастворяется съ его духомъ, сочетаваясь во едино.

Съ минуты перваго дѣйствія благодати на духъ, очи его начинаютъ открываться, а по воспріятіи благодати въ таинствахъ они совсѣмъ становятся отверзтыми. Смотрите, какъ у новокрещеннаго, или только что покаявшагося, живо соотношеніе къ Богу; какъ чутка его совѣсть, какъ вѣрно оцѣниваетъ онъ все настоящее, и, минуя его, зритъ чаяніемъ только невидимое будущее. Духъ началъ зрѣть духовное Божественное, какъ тотъ, кому, операціею, разъединены вѣки и глаза открыты, начинаетъ видить окружающее. Но зрѣніе и тѣлесное имѣетъ степени; тѣмъ паче духовное. Упражненіе зрѣнія даетъ видѣть все большее и большее; обозрѣвать все ширше и ширше, дальше и дальше. Такъ и въ духѣ, первый абрисъ духовнаго принятый въ оглашеніи, въ общемъ очеркѣ, все болѣе и болѣе уясняется, узрѣваются подробности, замѣчаются предметы въ первомъ взорѣ закрывавшіеся другими. Когда-то дойдетъ онъ до того, чтобы все озрѣть,—и ходить въ семъ зрѣніи, какъ въ раю?!

Все, что можно духу нашему узрѣть, при крайнемъ

его усиліи и при обильнѣйшемъ дѣйствіи благодати,— все то открыто намъ въ писаніяхъ Апостольскихъ и Пророческихъ. Открыто: но не всякимъ видится вдругъ, какъ только откроетъ онъ Библію. Узрѣваніе того или другаго, даже въ словахъ нерѣдко читанныхъ и обдумыванныхъ, производитъ руководящая спасаемаго благодать. Но еслибъ духъ нашъ, подъ дѣйствіемъ благодати, узрѣлъ и все, возможное узрѣвать въ настоящемъ нашемъ состояніи,—все это будетъ, сравнительно съ тѣмъ, что и какъ узрится въ будущемъ, только зрѣніемъ, похожимъ на смотрѣніе сквозь тусклое стекло. *Не у явися, что будемъ* (I Ін. 3, 2).

Намѣренно излагаемъ всю эту исторію духовнаго зрѣнія, чтобъ точнѣе опредѣлилось, чего желаетъ св. Павелъ Ефесянамъ, молясь, чтобъ Богъ далъ имъ просвѣщенныя очи сердца. Онъ желаетъ, чтобъ они были возведены до ясно-зрѣнія духовнаго, Божественнаго порядка вещей (экономіи спасенія), сколько то возможно для насъ на землѣ; ибо желаетъ, чтобы то, что самъ онъ зритъ, зрѣли и они: но выше Апостольскаго зрѣнія не было и не будетъ.

Три предмета узрѣть желаетъ св. Павелъ Ефесянамъ просвѣщенными очами сердца: 1) что дается христіанамъ тотчасъ за послѣдованіемъ ихъ гласу званія, и вообще здѣсь еще на землѣ; 2) какое славное и богатое достояніе ожидаетъ ихъ въ будущемъ; 3) какъ много иждилъ Богъ силы на устроеніе спасенія вѣрою и образованіе вѣрующихъ. Такъ у блаж. Ѳеодорита: „Умоляю, чтобы зрѣніе ума (духа) вашего озарилось мысленнымъ свѣтомъ, и могли вы, какъ познать, къ чему мы призваны (1), такъ предъувѣдать величіе обѣтованныхъ благъ (2). Но говоря плотскимъ языкомъ и будучи не въ состояніи, какъ хотѣлъ бы, прославить Владыку, и показать величіе даровъ, Божественный Апостолъ собираетъ

вкупѣ многія именованія, усиливаясь, по мѣрѣ возможности, выразить это. Посему слагаетъ вмѣстѣ выраженія: *упованіе званія*, *богатство славы достоянія*, *благоволеніе воли* и иное сему подобное. Сказалъ же: *преспѣющее величество силы*, представивъ въ умѣ безчестіе креста, и помысливъ, что совершено имъ. Ибо сіе и присовокупилъ: *по дѣйству державы и крѣпости Его*,— и проч.“ (3).

Все это предметы, которыхъ познать и душеспасительно содержать никто не можетъ, кромѣ тѣхъ, у которыхъ благодать Божія дѣлаетъ очи сердца (внутренняго человѣка) просвѣщенными. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „*просвѣщенна очеса.... яко увѣдѣти*... т. е. да дастъ имъ даръ—быть просвѣщенными чрезъ Духа. Ибо если Духъ не откроетъ сокровенныхъ таинствъ, другимъ какимъ либо образомъ невозможно научиться имъ. Ибо Онъ одинъ, — и никто другой, ни Ангелъ, ни Архангелъ,—испытуетъ вся и глубины Божіи (1 Кор. 2, 10). *Душевенъ же человѣкъ не пріемлетъ яже Духа Божія* (——14). Итакъ, когда Духомъ откроются намъ тайны, тогда мы вступаемъ въ состояніе Боговѣдѣнія, просвѣщаются очи наши, и мы уже не колеблемся сомнѣніями, но видимъ все, какъ есть.“—Т. е. тогда исполняется надъ нами Апостольское благожеланіе: *яко увѣдѣти вамъ*.

Кое упованіе званія, и *кое богатство славы* можно относить и къ одному и тому же, т. е. будущему славному состоянію вѣрующихъ. Но можно и различать, относя *упованіе званія* къ тому, что тотчасъ обѣщается зовомымъ проповѣдію Евангельскою, и тотчасъ, по увѣрованіи и пріятіи таинствъ крещенія и мvропомазанія, дается; а богатство славы относя къ будущему прославленію вѣрующихъ. Что обѣщается зовомымъ, если послѣдуютъ званію? Отпущеніе грѣховъ, благодать Св. Духа къ стяжанію святости, и сыноположеніе, какъ

предъизбраніе къ вѣчному блаженству. Все сіе тотчасъ и дается, какъ только послѣдуетъ кто званію, и справедливо можетъ быть названо упованіемъ *званія* въ отличіе отъ упованія славы, означаемаго здѣсь—богатствомъ славы достоянія во святыхъ. Тутъ тоже происходитъ, что у хозяина, который зазываетъ работниковъ и даетъ имъ что нибудь еще прежде начала работъ, какъ только они согласятся у него работать, удостовѣряя, что разсчетъ полный будетъ по концѣ работъ. Такъ и Господь зоветъ къ Себѣ на работу,—жить по волѣ Его, и тотчасъ даетъ оставленіе грѣховъ, благодать и усыновленіе. Кто потрудится, какъ должно, тому въ другой жизни дѣлается полный разсчетъ, или полная награда, которая уже будетъ не по труду, а по широтѣ милости Божіей, которая трудомъ только какъ поводомъ воспользуется для обогащенія работавшихъ нескончаемыми благами.

Сіи нескончаемыя блага именуетъ Апостолъ *богатствомъ славы* достоянія, или богатою славою наслѣдія, или какъ выражаетъ св. Златоустъ, „славою неизреченною. Въ самомъ дѣлѣ, чье слово въ состояніи представить ту славу, которой сподобятся нѣкогда святые? Конечно ничье. Чтобъ уразумѣть это, для сего человѣческому уму поистинѣ нужна благодать,—нужно, чтобы онъ воспринялъ хотя малый лучъ (духовнаго свѣта).“

Оно названо наслѣдіемъ, поколику уготовано тѣмъ, кои усыновлены (Өеоф.). Чѣмъ вмѣстѣ подтверждается и несомнѣнность въ полученіи его; ибо сынъ, пока—сынъ, несомнѣнно есть наслѣдникъ, и получитъ наслѣдство, какъ принадлежность неоспариваемую.—Надлежитъ только сохранить въ себѣ, или за собою, качество сыновства Богу. Посему-то Апостолъ и прибавилъ: *во святыхъ*. Званные, если пребудутъ святы и непорочны и удержатъ чрезъ то достоинство сыновъ Божіихъ по

благодати, несомнѣнно наслѣдятъ богатую и неизреченную славу въ вѣчности.

Ст. 19. *И кое преспѣющее величество силы Его, въ васъ вѣрующихъ по дѣйству державы крѣпости Его.*

Преспѣющее—превосходящее мѣру, слово, постиженіе ума, безмѣрное, неизреченное, непостижимое. *Величество силы* не одно множество или величину силы означаетъ, но и что эта великая сила величественна, божественна, представительна, пресвѣтла, великолѣпна. И такую-то силу явилъ Богъ на насъ вѣрующихъ, или вселилъ въ насъ вѣрующихъ,—*третій предметъ* узрѣваемый просвѣщенными очами сердца послѣ узрѣнія преимуществъ христіанства и богатой славы, ожидающей христіанъ въ будущемъ.

Посмотрите на христіанъ. У нихъ все—тамъ; здѣсь—одни неудобства, скорби и страданія.—Какая немощная и уничиженная вѣра, подумаетъ иной!—Такъ кажется снаружи; въ духѣ же нѣтъ сильнѣе вѣры.—И чувство такой силы ея дается сердцу просвѣщенному. Оно чувствуетъ силу въ себѣ, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, во всей общности христіанъ, или въ Церкви Христовой. Обращеніе къ Господу совершается знаменіемъ силы Божіей, впечатлительно воздѣйствовавшей на духъ человѣка. Храненіе въ вѣрѣ вѣрныхъ тоже совершается Божіею силою, не рѣдко очевидно открывающеюся. Господь изрекъ: *не восхититъ ихъ никтоже отъ руки Моея. Отецъ Мой болій всѣхъ есть.* Присутствіе особой силы среди христіанъ первоначально было столько ощутительно, что сіе наводило ужасъ на всѣхъ бывшихъ окрестъ. Чѣмъ больше открывается сія сила сердцу, тѣмъ крѣпче вѣра. Почему увѣдѣти сіе, или увѣдывать паче и паче и желаетъ Апостолъ Ефесянамъ.

Величество силы явлено Богомъ въ устроеніи нашего спасенія; ибо для сего Сынъ Божій воплотился, стра-

далъ, умеръ на крестѣ, воскресъ и возсѣлъ одесную Бога Отца, и пріялъ всякую власть на небеси и на земли; для сего Духъ Святый снисшелъ и чрезъ Апостоловъ устроилъ Церковь Божію, въ коей и дѣйствуетъ непрерывно и не престанетъ дѣйствовать до скончанія вѣка.—Величество силы Его является и въ обращеніи людей къ вѣрѣ во Христа Господа, когда Онъ идолопоклонниковъ дѣлаетъ чтителями Бога истиннаго, пьяницъ трезвыми, блудниковъ чистыми, гордыхъ смиренными, гнѣвливыхъ кроткими; когда беретъ сердце грубое, плотское, звѣрское и дѣлаетъ его нѣжнымъ, духовнымъ, Ангелоподобнымъ (Іеронимъ).

На эту силу, являемую въ устроеніи спасенія, въ призваніи къ вѣрѣ и въ храненіи вѣрующихъ, и указываетъ здѣсь св. Павелъ, моляся, чтобъ Богъ далъ Ефесянамъ вполнѣ ее постигнуть и содержать въ сердцѣ.

„Предъ этимъ помянулъ Апостолъ объ имѣющемъ быть (*богатство славы достоянія*); теперь говоритъ о томъ, что уже совершилось, чтобъ этимъ послѣднимъ удостовѣрить въ томъ первомъ. Что же это такое? То самое, что мы вѣруемъ; ибо воистину великой силы Божіей доказательство есть то, что мы столько дикіе и звѣронравные увѣровали въ Бога и любомудрствуемъ о небесномъ“ (Экум., Θеоф.). „Безмѣрное величіе неизреченной силы Его и на насъ вѣрующихъ показывается. Какъ?—такъ,—что насъ, у которыхъ всѣ чувства были умерщвлены страстями, и которыхъ самый помыслъ былъ въ нихъ похороненъ, Онъ воскресилъ и оживилъ, сподобивъ насъ пріятія свѣта вѣры. Поистиннѣ въ этомъ—держава крѣпости Его. Посему и молится Апостолъ увѣдѣти сіе Ефесянамъ духомъ премудрости. Ибо коль скоро уразумѣемъ, чѣмъ облагодѣтельствованы, то и даръ будемъ выше цѣнить, и къ Благодателю будемъ питать большую благодарность“ (Фот. у Экум.).

„Возбудить вѣру въ душахъ гораздо труднѣе, чѣмъ воскресить мертваго. Какъ такъ? Постараюсь сдѣлать это яснымъ. Послушай, въ самомъ дѣлѣ, Христосъ сказалъ мертвому: *Лазаре, гряди вонъ* (Ін. 11, 43) и мертвецъ повиновался. Сказалъ Петръ Тавиѳѣ: *Тавиѳо, возстани* (Дѣян. 9, 40), и та не противорѣчила. Скажетъ Господь въ послѣдній день — и всѣ возстанутъ, и возстанутъ съ такою быстротой, что остающіеся еще въ живыхъ не предупредятъ умершихъ, и все это совершится и окончится въ самократчайшее время,—въ одно мгновеніе ока. Но не такъ бываетъ въ дѣлѣ обращенія къ вѣрѣ. А какъ же? Послушай опять, что говоритъ Господь: *коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя, и не восхотѣсте* (Лк. 13, 34). Теперь понимаешь, что труднѣе? Посему-то Апостолъ вѣрою и доказываетъ все. Въ самомъ дѣлѣ гораздо труднѣе, — даже по человѣческимъ соображеніямъ,—убѣдить свободу человѣка, чѣмъ создать природу. Причина же сего заключается въ томъ, что Богъ желаетъ, чтобы мы сами добровольно дѣлались добрыми. —Такимъ образомъ Апостолъ совершенно справедливо видитъ *превосходящее величество силы* Божіей *въ насъ вѣрующихъ*. Когда Пророки ничего не успѣли, когда Ангелы, Архангелы, когда вся тварь видимая и невидимая оказались не въ силахъ помочь спасенію человѣческому, тогда благоволилъ явиться Самъ Богъ, показывая этимъ, что въ дѣлѣ обращенія къ вѣрѣ, нужна сила Божественная“ (св. Злат.).

По дѣйству державы крѣпости Его.—Держава,—κράτος въ Богѣ,—вседержительство, *крѣпость,*—ἰσχύς,—сила: держава крѣпости будетъ вседержительство сильное или всемогущее, или вседержительная сила Божія. *Дѣйство* — ἐνέργεια,—проявленіе сей силы въ дѣлахъ. *По дѣйству державы крѣпости*—по дѣйствію вседержавнаго всемогущества Божія.

Что же хочетъ сказать сими словами св. Павелъ?— Это рѣшится судя по тому, къ чему отнесемъ слова сіи. Если отнести ихъ къ непосредственно стоящимъ впереди—*въ насъ вѣрующихъ*, то получится мысль, объясняющая, какъ мы увѣровали. Именно: въ устроеніи нашего спасенія Богъ явилъ всемощное вседержительство Свое. Увѣдѣніе такого проявленія силы Божіей насъ ради, воздѣйствуя на сердце, возбуждаетъ вѣру, а памятованіе о томъ поддерживаетъ вѣру, возгрѣвая ее постоянно. Будетъ: *въ насъ, вѣрующихъ* по воздѣйствію на умъ и сердце наше проявленной Богомъ чрезмѣрной силы Его въ устроеніи спасенія нашего. Слѣдующіе стихи объясняютъ, въ чемъ именно проявлена эта сила.

Если относить сіи слова къ—*кое преспѣющее величество силы*, то получится мысль, объясняющая, изъ чего видно это величество силы. Оно видно изъ дѣйствія державной крѣпости Божіей. Третій предметъ, который узрѣть Ефесянамъ просвѣщенными очами сердца молитъ св. Апостолъ—есть увѣдѣніе безмѣрнаго величества силы, истраченной на вѣрующихъ. Какъ могутъ они дойти до узрѣнія сего? Судя по проявленіямъ, или слѣдя за проявленіями державной крѣпости Его, *юже содѣла*... проявленной въ воскресеніи, и посажденіи одесную Себя Господа Іисуса Христа и въ возглавленіи Имъ Церкви.

Экуменій приводитъ слова бл. Фотія патріарха, подробно объясняющія это изреченіе Апостольское. „Слова: *по дѣйству*.... и проч. *или* то означаютъ, что воскресеніе наше отъ душевной смерти и воскресеніе Христа и Бога нашего отъ смерти тѣлесной суть дѣло одинаковой силы и дѣйства. *Или по дѣйству*.... говоритъ, показывая причину нашего возбужденія, — причину т. е. по коей увѣровали и воскресли мы отъ душевной смерти. Ибо дѣйство.... *крѣпости*, *юже содѣла о Христѣ, воскресивъ Его* и проч. было причиною того, что мы увѣровали и

возникли отъ прежней прелести. Онъ воскресъ, потому что умеръ; умеръ, потому что воплотился; воплотился же, чтобы насъ усыновить Богу. И все сіе суть дѣйства Того, Кто воскресилъ Его изъ мертвыхъ. Итакъ *по дѣйству* говоритъ, чтобы сказать: по причинѣ дѣйства державы крѣпости Его. Ибо по ней и чрезъ нее мы и вѣруемъ и спасаемся. *Или* говоря такъ, онъ объясняетъ,—*кое преспѣющее величество силы Его въ насъ вѣрующихъ*,—тѣмъ, что воскресивъ Христа и посадивъ одесную Себя, Онъ начатокъ нашъ посадилъ выше всякаго начала и силы, и власти и господства. Ибо въ томъ дѣйствительно обнаруживается преспѣющее величество силы,—чтобы земное естество возвысить превыше небесъ, сдѣлать покланяемымъ отъ безплотныхъ чиновъ. Понявъ такъ смыслъ Апостольскаго изреченія, ясною сдѣлаемъ и всю послѣдующую рѣчь.“

Послѣднее пониманіе ближе къ теченію рѣчи. Поясняетъ Апостолъ, въ чемъ явлена чрезмѣрная сила Божія, и указываетъ, какъ по симъ проявленіямъ, какъ по слѣдамъ, можно взойти къ узрѣнію сей силы полными глазами. И не главное ли намѣреніе у Апостола—на этомъ остановить вниманіе Ефесянъ и вперить умъ ихъ въ созерцаніе сего?—Онъ хочетъ передать имъ, что самъ созерцалъ. Что самъ созерцалъ, это кратко очертилъ онъ въ началѣ;—благословивъ Бога за всякія благословенія во Христѣ,—за избраніе насъ прежде сложенія міра къ святости и непорочности, и за усыновленіе Себѣ, и особенно за дивное возглавленіе всяческихъ въ Господѣ. Теперь выражаетъ сильное желаніе, чтобы и Ефесяне вошли въ то же созерцаніе и проситъ Бога, чтобы Онъ открылъ ихъ очи сердечныя—узрѣть высокое достоинство христіанства, неизреченность благъ, уготованныхъ вѣрующимъ,—особенно же безмѣрную силу, явленную въ устроеніи нашего спасенія.—Помянувъ о такомъ явленіи

силы, онъ далѣе объясняетъ, какъ именно она явлена,—въ лицѣ Іисуса Христа (—20—23),—и въ лицѣ всѣхъ вѣрующихъ (гл. 2 и 3).

II.

Ст. 20. 21. *Юже содѣя о Христѣ, воскресивъ Его отъ мертвыхъ, и посадивъ одесную Себе на небесныхъ, превыше всякаго начальства и власти, и силы, и господства, и всякаго имене именуемаго не точію въ вѣцѣ семъ, но и во грядущемъ. И вся покори подъ нозѣ Его.*

Излагая свое созерцаніе, онъ говорилъ, какъ Богъ облагодатилъ насъ о Возлюбленномъ, особенно чрезъ возглавленіе въ Немъ всяческихъ. Вводя въ то же созерцаніе Ефесянъ, онъ указываетъ имъ въ томъ же безмѣрное величіе силы Божіей. Можетъ быть для немощныхъ умовъ ихъ этимъ путемъ легче было взойти къ созерцанію и обилія благодати Божіей.

Апостолъ говоритъ здѣсь о воскресеніи Господа, Его возсѣденіи одесную Отца съ покореніемъ всего небеснаго и земнаго, и возглавленіи Имъ Церкви—только въ томъ отношеніи, какъ всѣмъ этимъ проявляется державная крѣпость Божія. Съ этой преимущественно стороны и смотрятъ на сіе отдѣленіе—20—23 наши толковники.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „явно, что все сіе сказалъ Апостолъ о Христѣ, какъ о человѣкѣ. Ибо сіе и привело его въ изумленіе. Богу совозсѣдать съ Богомъ, и Сыну соцарствовать со Отцемъ ни мало не удивительно; потому что съ тождествомъ естества совокупно и общеніе власти.—А что воспринятое отъ насъ естество пріемлетъ одинаковую съ Воспріявшимъ честь, и не оказывается никакой разности въ поклоненіи, но въ поклоненіи естеству видимому воздается поклоненіе невидимому Божеству, — сіе превыше всякаго чуда. Посему-то и

Божественный Апостолъ, изумѣвая предъ симъ, пѣснословитъ сперва *превосходящее величество силы*, а потомъ *дѣйство державы крѣпости*, и изыскиваетъ именованія, которыя могли бы выразить необычайность дѣла. Ибо говоритъ: сперва воскресилъ Его отъ мертвыхъ, явно, яко человѣка, потомъ: посадилъ, и, показывая величіе чести, присовокупилъ: *одесную Себе*. Указуетъ и царскій чертогъ: *на небесныхъ*, а потомъ и подданныхъ: *превыше всякаго начальства и власти*, и исчисливъ всѣ, какія извѣстны имена невидимыхъ Силъ, присовокупилъ, что если не знаемъ иныхъ, узнаемъ же послѣ въ будущей жизни, то онѣ всѣ покорены Ему. Присоединилъ и пророческое свидѣтельство: *вся покори подъ нозѣ Его* (Пс. 8, 7). А и сіе Пророкъ сказалъ о Христѣ, какъ о человѣкѣ; ибо говоритъ: *что есть человѣкъ, яко помниши его? Или сынъ человѣчь, яко посѣщаеши его?* (—5)."

Св. Златоустъ говоритъ: „видишь ли, что Онъ совершилъ? Воскресилъ Христа. И это уже не маловажное дѣло; но смотри, что и еще Онъ сдѣлалъ?—Посадилъ Его одесную Себя. Какое слово можетъ довольно изобразить это? Сущаго отъ земли вдругъ возвелъ на такую высоту. Истинно, непостижимое величіе силы Его!—И смотри, куда Онъ возвелъ Его? Посадилъ Его *на небесныхъ*, превыше всякаго сотвореннаго естества, превыше всякаго начальства и власти. Посему, поистинѣ, нуженъ Духъ благодати, нуженъ умъ просвѣщенный, чтобы познать Его, словомъ, для этого нужно откровеніе. Представь, сколь велико разстояніе между человѣкомъ и божественною природою: между тѣмъ Онъ отъ сей (человѣческой) малости возвелъ Его въ оную (Божескую) честь. Не одну, не двѣ, не три степени нужно перейти для сего. Посему-то и Апостолъ не просто сказалъ: выше, но—превыше. Выше силъ высшихъ—одинъ Богъ. И на такую то высоту Онъ возвелъ сущаго отъ насъ, — уничиженнаго

Онъ возвелъ на послѣднюю степень власти, за которою уже нѣтъ другаго высшаго достоинства. Все сіе говоритъ Апостолъ о Воскресшемъ изъ мертвыхъ, а никакъ не о Богѣ-Словѣ,—говоритъ объ Іисусѣ, происшедшемъ отъ насъ. Это подлинно велико и чудно, что Онъ изъ преисподнихъ земли возвелъ Его,—содѣлалъ Его *выше всѣхъ не точію въ вѣцѣ семъ, но и въ грядущемъ. И вся покори подъ нозѣ Его.* Не просто сказалъ: сдѣлалъ превыше всѣхъ, чтобы предпочесть имъ,—не въ смыслѣ сравненія употребилъ это слово; но даровалъ Ему такую честь, какую имѣетъ господинъ передъ своими рабами. О, подлинно дивныя дѣла! Черезъ то, что Богъ-Слово облекся въ наше естество, человѣку вся сотворенная сила содѣлалась служебною.—Но, можетъ быть, есть кто нибудь выше Его, у кого хотя нѣтъ подчиненныхъ, но который обладаетъ большимъ достоинствомъ? Здѣсь и это неприложимо: *вся,* утверждаетъ Апостолъ, *вся покори подъ нозѣ Его.* И не просто покорилъ: но покорилъ подчиненныхъ совершенно, такъ что большаго подчиненія быть не можетъ. Посему-то Апостолъ и сказалъ: *подъ нозѣ Его.*"

Этими двумя выписками вполнѣ объясняется смыслъ стиховъ 20 и 21.—Остается пояснить нѣкоторыя реченія.

О воскресеніи и посажденіи одесную говорится здѣсь, какъ о дѣйствіяхъ проявленія неизреченной силы Божіей въ устроеніи спасенія. Уничиженнымъ пребывалъ Спаситель на землѣ; уничиженно кончилъ земное житіе. Такъ было нужно по домостроительству спасенія. Но на это не смотри; а смотри на то, на какую высоту возведенъ Онъ путемъ сего уничиженія. Чѣмъ уничиженнѣе Онъ видѣлся на землѣ, тѣмъ очевиднѣе держава крѣпости Божіей въ возвышеніи Его превыше всего. Воскресеніе стоитъ какъ бы на переходѣ къ тому. Посажденіе же одесную есть облеченіе полною вседержительною властію Спасителя, яко Богочеловѣка.

Воскресеніе и посажденіе одесную относится здѣсь къ Богу Отцу; но оно есть нераздѣльное дѣйствіе Божества,—Пресвятыя Троицы. И Самъ Сынъ въ Немъ столько же участвуетъ, сколько Богъ Отецъ и Богъ Духъ Святый. — Посажденіе одесную есть облеченіе властію Божескою, вседержавною. Богъ-Сынъ и въ воплощеніи не переставалъ быть Вседержителемъ, какъ былъ и Творцемъ всего. Апостолъ хочетъ сказать, что въ сіе вседержительство введено и человѣческое естество въ лицѣ Христа Господа, будучи прославлено въ воскресеніи. Не яко Богъ Господь сталъ выше всего, и Владыкою всего, — ибо и не переставалъ быть такимъ, но яко Богочеловѣкъ. Лице Спасителя—одно. И въ самомъ уже воплощеніи Онъ былъ Вседержитель и яко человѣкъ. Но для введенія человѣческаго естества въ сіе державствованіе надлежало прежде прославить Его воскресеніемъ.—Человѣкъ—малый міръ. Онъ сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ тварныя силы. Въ прославленномъ человѣчествѣ въ лицѣ Богочеловѣка силы сіи стали браздами правленія и вмѣстѣ каналами для прохода возстановительныхъ силъ Спасителя во всѣ области міробытія. Все сіе необходимое слѣдствіе воплощенія Бога-Слова. Когда это рѣшено было въ совѣтѣ Божіемъ, то все должно было придти само собою.

Начала, Власти, Силы и Господства, надъ коими возвысилось человѣческое естество въ Господѣ, суть не земныя власти—цари, первосвященники,—какъ кому то приходило на умъ, а небесныя. Апостолъ перечисляетъ Ангельскіе чины не всѣ, — ибо не объ этомъ рѣчь, — а нѣкоторые, давая чрезъ нихъ тоже разумѣть и о прочихъ всѣхъ. Онъ какъ бы говоритъ: выше этихъ, но и выше всѣхъ другихъ, выше всего, что есть кромѣ Бога, какъ показываютъ слова: и выше *всякаго имене, именуемаго не точію въ вѣцѣ семъ, но и въ грядущемъ*. Имя

здѣсь—достоинство, какъ у насъ говорятъ: человѣкъ съ именемъ. Разумѣетъ Апостолъ все, что имѣетъ имя, что выдается изъ ряда другихъ. Выше всего того есть Спаситель возсѣдшій одесную Отца. Тутъ же видна и та мысль, что Онъ сталъ выше всего намъ извѣстнаго—Началъ, Властей, Господствъ, Силъ (и Престоловъ еще, какъ прибавляетъ Онъ въ посланіи къ Колоссаемъ 1, 16), и выше всего намъ теперь неизвѣстнаго, что откроется намъ впослѣдствіи—здѣсь, или въ будущемъ вѣкѣ (св. Злат., Ѳеоф., Экум. и др.) вообще выше всего, что бы кто ни назвалъ.

Ст. 22. *И вся покори подъ нозѣ Его*—означаетъ *или* то, что не только выше всего сталъ, но и Владыкою всего сталъ,—какъ бы въ усиленіе только той же мысли, выраженной уже въ посажденіи одесную Отца; *или* то, что и все видимое покорилъ Ему подъ ноги. Въ предыдущихъ словахъ сказалъ о невидимомъ мірѣ, а здѣсь о видимомъ, физическомъ. На это можетъ наводить заимствованіе сего выраженія изъ Псалма, въ коемъ говорится о возвышеніи человѣка въ твореніи надъ всѣми тварями (Пс. 8, 7). Все было человѣку покорно на землѣ. Въ паденіи онъ потерялъ сію власть. Въ возстановленіи падшаго она ему возвращается, какъ показали многіе опыты. Но въ Возстановителѣ она стала присущею не только относительно земли, но и относительно всего видимаго міра. Такъ необходимо стало въ силу дивнаго домостроительства спасенія чрезъ воплощеніе Бога-Слова.

И того даде главу выше всѣхъ Церкви (ст. 23), *яже есть тѣло Его, исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ.*

Могъ бы подумать иной: пусть человѣкъ въ лицѣ Господа сталъ выше всего; намъ же что отъ того?—То, что Богъ возвысивъ такъ естество наше въ лицѣ Спасителя, не оторвалъ Его отъ насъ, но далъ главою Церк-

ви, которая есть тѣло Его. Если достоинство главы отражается на тѣлѣ, то возвышеніе главы есть возвышеніе и тѣла, т. е. и насъ всѣхъ вѣрующихъ, составляющихъ тѣло Церкви. Какое воодушевленіе для сознавшихъ сіе?! — Св. Златоустъ и взываетъ при семъ: „Ахъ! и Церковь куда Онъ возвысилъ? Какъ бы нѣкоторою машиною поднявши ее, Онъ возвелъ ее на высоту великую, и посадилъ ее на томъ же престолѣ: ибо гдѣ глава, тамъ и тѣло.“

Выше всѣхъ—ὑπὲρ πάντα. Подъ πάντα разумѣя всѣ классы существъ, можно такъ: все Ему покорено; но главою Онъ есть только Церкви. Минуя всѣ другія твари Богъ сдѣлалъ Его главою только церкви, ввелъ въ живой союзъ только съ церковію. Или ὑπερ πάντα—то же что въ другомъ мѣстѣ: надъ всѣми же сими (въ значеніи ἐπὶ). Перечисливъ добродѣтели, Апостолъ заключилъ: надъ *всѣми же сими стяжите любовь* (Кол. 3, 14). Такъ и здѣсь. Возвысилъ Богъ человѣчество въ лицѣ Спасителя; но выше всего то, что Онъ далъ Его во главу Церкви. Св. Златоустъ и говоритъ: „что значатъ слова *выше всѣхъ?* — То ли, что Христосъ выше всего видимаго и созерцаемаго (духовнаго), или то, что высшее изъ всѣхъ благодѣяній, оказанныхъ Имъ, то, что Сына Своего содѣлалъ главою, не оставивъ при этомъ выше ни Ангела, ни Архангела, ни другаго кого нибудь. Не однимъ только тѣмъ преимуществомъ Богъ почтилъ насъ, что сущаго отъ насъ (т. е. Іисуса Христа) возвелъ горѣ, но еще и тѣмъ, что предуготовалъ то, чтобы весь вообще человѣческій родъ послѣдовалъ за Нимъ, имѣлъ то же, что Онъ, и наслѣдовалъ Его славу.“

Выше въ словѣ: *возглавити всяческая* (—10) давалась мысль, что разстроенный паденіемъ чинъ бытія, или строй всѣхъ классовъ существъ, возстановленъ въ лицѣ Спасителя—Богочеловѣка. Въ Немъ все обрѣло центръ

взаимнаго союза. И сталъ Онъ главою вседержащею. Поелику стихи 20—23—стоятъ въ параллели со стихами—7—11; то ту же вѣроятно мысль держалъ въ умѣ Апостолъ и при словѣ: *Того даде главу выше всѣхъ церкви*. Въ силу воплощенія Онъ есть глава Церкви; но какъ воплотившійся есть Богъ, то Онъ есть глава и всего сущаго, но такъ, что выше всякаго главенства Онъ все же есть преимущественно глава Церкви.

Слова: *яже есть тѣло Его* — указываютъ на живой союзъ съ Нимъ всѣхъ вѣрующихъ, составляющихъ св. Церковь. Какъ члены нашего тѣла съ головою составляютъ одинъ живой организмъ, водимый главою: такъ вѣрующіе, крещеніемъ втѣлесяемые Христу, какъ главѣ, съ Нимъ образуютъ одинъ—тѣлесно-духовный организмъ.— *Или не вѣсте*, говоритъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ (1 Кор. 6, 15), что *тѣла ваши суть уды Христовы*. Крестящіеся во Христа облекаются; становятся единъ духъ съ Нимъ.

Онъ въ нихъ дѣйствуетъ — и въ совокупности и по частямъ, и всѣмъ движетъ, какъ глава,— созидательная и живительная сила. Иначе нельзя сему быть по тому устроенію спасенія, которое благоволилъ совершить Тріѵпостасный Богъ.—Отпали мы. Богъ-Слово воспріемлетъ человѣчество, чтобъ опять возсоединить его съ Богомъ. Въ Немъ Самомъ оно уже состоитъ во всестороннемъ общеніи съ Божествомъ. Люди же вступаютъ въ сіе общеніе чрезъ Него, съ Нимъ единясь внутренно и существенно. Это единеніе каждаго съ Нимъ членъ за членомъ прилагаетъ къ Нему. Количество соединяемыхъ съ Нимъ роститъ вокругъ Его члены, кои бывъ исполнены Имъ, единымъ созидательнымъ и живительнымъ началомъ, и сами въ себѣ единятся, составляя союзъ совершенно сходный съ союзомъ членовъ въ тѣлѣ. Истинно вѣрующіе въ Господа необходимо суть тѣло, и тѣло Его.

Исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ. Слова сіи темноваты и даютъ разныя мысли.—Къ кому относить „*исполненіе*"—къ Церкви или къ Господу?—Можно относить и къ Господу; ибо о Немъ идетъ рѣчь. Можно относить и къ Церкви, потому что непосредственно впереди помянуто объ ней. Если отнести къ Господу, то мысль будетъ та же, что въ другомъ мѣстѣ, въ словахъ: *яко въ томъ живетъ всяко исполненіе Божества тѣлеснѣ* (Кол. 2, 9). Исполненіе и здѣсь по гречески τὸ πλήρωμα, какъ и въ нашемъ мѣстѣ. Вмѣсто *Божества* въ нашемъ текстѣ стоитъ — *исполняющаго всяческая во всѣхъ*. Ибо это свойственно только Богу. — Будетъ такая мысль: Богъ далъ такую главу Церкви, которая выше всего; ибо сама есть полнота Божества, полнота Того, Кто наполняетъ Собою все.

Если отнести къ Церкви, то мысль будетъ двоиться, судя потому, кого будемъ разумѣть подъ исполняющимъ всяческая во всѣхъ — Бога Отца, или Господа Іисуса Христа. — Если Бога-Отца или вообще Божество, то мысль будетъ: Богъ все наполняетъ, но души и сердца отпадшихъ людей не наполняетъ; ибо онѣ закрылись для Него. Вѣрою въ Господа Іисуса Христа онѣ отверзаются и Божество входитъ въ нихъ и исполняетъ ихъ. Всѣ вѣрующіе составляютъ Церковь, и бывъ исполнены Богомъ, ее дѣлаютъ исполненною Имъ. Такъ понимаетъ бл. Өеодоритъ: „Церковію называетъ Апостолъ собраніе вѣрующихъ; ее нарекъ онъ тѣломъ Христовымъ и исполненіемъ Отчимъ; потому что Отецъ исполнилъ ее всякихъ дарованій, и въ ней, по пророческому слову, живетъ и ходитъ (Лев. 26, 12). Во всей точности совершится сіе въ будущей жизни. Такъ научилъ насъ Апостолъ въ посланіи къ Коринөянамъ. Ибо сказавъ: *послѣдній врагъ испразднится смерть*, и: *вся покори подъ нозѣ Его* (1 Кор. 15, 26. 27), напослѣдокъ присово-

купилъ: *да будетъ Богъ всяческая во всѣхъ* (— 28). — Богъ и въ настоящей жизни во всѣхъ, такъ какъ естество Его неописанно, однакоже не всяческая во всѣхъ, потому что одни злочестивы, другіе беззаконны, а Богъ обитаетъ въ боящихся Его и въ уповающихъ на милость Его. Въ жизни же будущей, когда смертность прекратится, даровано будетъ безсмертіе, и грѣху не станетъ болѣе мѣста, Богъ будетъ *всяческая во всѣхъ.*"

Если разумѣть подъ „исполняющимъ" Господа Іисуса Христа, то слова: *исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ,* будутъ продолженіемъ той же мысли, какая содержится въ словахъ: *яже есть тѣло Его*, поясняя ее, давая ей дальнѣйшее движеніе и приложеніе. Св. Златоустъ говоритъ: „чтобы ты, услышавъ слово „главу", не принялъ его въ значеніи только власти, но въ смыслѣ собственномъ,— не счелъ его только начальникомъ, но видѣлъ въ Немъ дѣйствительную главу, Апостолъ прибавляетъ: *исполненіе исполняющаго всяческая во всѣхъ.* Апостолъ считаетъ какъ бы недостаточнымъ названіе главы для того, чтобы показать родство и близость Церкви ко Христу." —Показать родство и близость... т. е. показать, что въ Церкви и христіанахъ все Христово. Она полна Христомъ; Онъ ее наполняетъ всю, во всемъ составѣ и во всѣхъ членахъ по частямъ,—и въ ней и въ членахъ ея Онъ все исполняетъ. Въ такомъ случаѣ слова сіи переложить можно такъ: *яже есть тѣло Его,—полнота Его, исполняющаго все во всѣхъ* (членахъ ея). Его—свѣтъ вѣдѣнія, присущаго Церкви, которымъ Онъ исполняетъ вѣдцевъ. Его—святость, которою Онъ исполняетъ ревнителей святости. Его—благотворенія, любовію къ коимъ исполняетъ Онъ благотворителей. Его—всякія другія дарованія духовныя, видныя въ Церкви, ибо Онъ ими исполняетъ способныхъ вмѣщать ихъ вѣрующихъ. Въ Церкви—*всяческая и во всѣхъ Христосъ* (Кол. 3, 11).

Особый оттѣнокъ получаетъ эта мысль, если исполненіе поймешь, какъ восполненіе, или пополненіе. Въ такомъ случаѣ слова Апостола будутъ внушать, что Церковь дополняетъ Христа. Какъ это? — Вотъ рѣшеніе на это св. Златоуста: „Но что значатъ его послѣднія слова (т. е. *исполненіе* и проч.)?—Они значатъ, Церковь есть исполненіе Христа, точно такъ же какъ голову дополняетъ тѣло и тѣло дополняется головою. Видишь Апостолъ не пренебрегаетъ никакимъ сравненіемъ, пользуется всякимъ оборотомъ рѣчи, чтобы представить Божію славу. Исполненіе, говоритъ, т. е. какъ глава пополняется тѣломъ, ибо тѣло составляется изъ всѣхъ членовъ и каждый членъ необходимъ. Видишь, Апостолъ представляетъ, что для Христа, какъ главы, нужны всѣ вообще члены.... Тѣло Его вполнѣ составляется изъ всѣхъ членовъ. И значитъ: тогда только исполнится глава, когда устроится совершенное тѣло."

Такъ и Экуменій съ Ѳеофилактомъ. Послѣдній пишетъ: „исполняется Христосъ, и какъ бы пополняется членами чрезъ вѣрующихъ; рукою пополняется въ человѣкѣ милостивомъ, ногою—въ ходящемъ съ проповѣдію или посѣщающемъ немощныхъ; всякимъ другимъ членомъ въ другихъ вѣрующихъ."

Церковь—исполненіе Христа, можетъ быть, подобно тому, какъ древо есть исполненіе сѣмени. Что въ сѣмени совмѣщено сокращенно, то въ полномъ развитіи является въ деревѣ. И Христосъ Господь сказалъ о Себѣ: *аще зерно пшенично падъ на земли, умретъ, многъ плодъ сотворитъ* (Ін. 12, 24). По смерти Его, воскресеніи и вознесеніи, въ какомъ обиліи стали прилѣпляться къ Нему вѣрующіе; а дотолѣ Онъ былъ будто одинъ.—И точно—спасенное и обоженное въ Господѣ Іисусѣ Христѣ человѣчество, и одно, все совмѣщаетъ. Но какъ оно не для себя самого таково, а для людей, то пока оно одно,

все еще будто не полно, поколику не исполнено еще то, для чего оно таково. Прилѣпленіе вѣрующихъ къ Нему исполняетъ то, для чего оно таково, и тѣмъ пополняетъ Его. Какъ вѣрующіе суть Церковь, то выходитъ, что Церковь есть восполненіе Христа Своего главы. Самъ въ Себѣ Онъ полонъ и всесовершенъ; но еще не во всей полнотѣ привлекъ къ Себѣ человѣчество. Оно постепенно все болѣе и болѣе общится съ Нимъ, и чрезъ то какъ бы Его пополняетъ,— дѣлу Его давая приходить чрезъ сіе въ полноту исполненія.

Нельзя пропустить безъ вниманія наведеній, какія дѣлаетъ св. Златоустъ изъ сего мѣста: „Почтимъ же главу, говоритъ онъ, помыслимъ, какой главы мы тѣло? Мы—тѣло главы, которой все покорено. Сообразно же съ сею главою мы должны быть лучшими самыхъ Ангеловъ; и высшими Архангеловъ, какъ удостоены чести высшей нежели всѣ они. Ибо не отъ Ангелъ Богъ принялъ естество, какъ объ этомъ говоритъ Апостолъ въ посланіи къ Евреямъ, но *отъ сѣмене Авраамова* (Евр. 2, 16). Не Власти, не Начала, не Господства, не другой какой силы, а наше принялъ Онъ естество и возвысилъ его. И что я говорю: возвысилъ? содѣлалъ Его Своею одеждою, и не только возвысилъ, но и вся покорилъ подъ нозѣ Его.—Почтимъ же близость родства; убоимся, да не отсѣчется кто либо отъ тѣла сего, да не ниспадетъ кто либо или не явится недостойнымъ Его. Если бы кто нибудь на нашу голову надѣлъ діадиму, золотой вѣнецъ: скажите, чего бы мы не сдѣлали, чтобы показать себя достойными этихъ бездушныхъ камней? Здѣсь же не діадима покрываетъ нашу главу, а Самъ Христосъ сдѣлался нашею главою, что, безъ сомнѣнія, гораздо выше,— и мы не придаемъ этому никакой цѣны?! Ангелы, Архангелы и всѣ небесныя силы благоговѣютъ предъ нашею

главою, а мы—тѣло Ея—ужели не почтимъ Ея? Какая же послѣ сего остается у насъ надежда на спасеніе? Напечатлѣй въ умѣ своемъ сей царскій тронъ, помни всегда преизбыточество чести. Это, можно сказать, больше геенны должно устрашать насъ. Ибо если бы и не было геенны; то для насъ, удостоенныхъ столь великой чести и потомъ оказавшихся недостойными ея, лишеніе этой чести должно быть самымъ высшимъ наказаніемъ, ни съ чѣмъ несравнимымъ мученіемъ.—Представь, близь кого возсѣдитъ твоя глава (одного только этого совершенно довольно для всего)? Одесную кого она находится? Она возсѣдитъ превыше всякаго Начальства, и Власти, и Силы.—Но какъ у насъ зашла рѣчь о Тѣлѣ Господнемъ, то пожалуй вспомнимъ и то Тѣло, которое жертвоприносится (въ таинствѣ Тѣла и Крови). Пріобщаясь онаго, и пія Кровь Его, будемъ твердо помнить, что въ таинствѣ причащенія, мы пріобщаемся Тѣла нисколько не различнаго отъ того Тѣла, Которое возсѣдитъ горѣ и Которому покланяются Ангелы, Которое находится близъ нетлѣнной силы, — сіе именно Тѣло мы вкушаемъ. О, сколько открыто намъ путей ко спасенію! Онъ содѣлалъ насъ Своимъ тѣломъ, далъ намъ Свое Тѣло,—и все это не отвлекаетъ насъ отъ зла? О, омраченіе! о великое униженіе! о безстыдство! *Горняя мудрствуйте*, заповѣдуется, *идѣже есть Христосъ одесную Бога сѣдя* (Кол. 3, 2); а изъ насъ одни заботятся о богатствѣ, другіе погрязаютъ въ страстяхъ!“

3.

Возвеличеніе спасаемыхъ вмѣстѣ съ Совершителемъ и въ Совершителѣ спасенія открывается въ духовномъ ихъ оживленіи, въ своскрешеніи и въ спосажденіи ихъ одесную Бога въ лицѣ Господа Спасителя (—2, 1—10).

Это же есть вмѣстѣ второе проявленіе державной крѣпости Божіей, свидѣтельствующее о преизобильномъ величіи силы Его въ устроеніи нашего спасенія. Начавъ говорить о сей силѣ (— 1, 19), Апостолъ показалъ, какъ она проявлена въ лицѣ Спасителя, въ Его воскресеніи, сѣденіи одесную Отца и возглавленіи Имъ церкви. Теперь продолжаетъ указывать ту же силу въ спасаемыхъ, въ ихъ духовномъ оживотвореніи, и чрезъ то въ своскрешеніи и спосажденіи одесную Бога со Христомъ. Сіи послѣднія совершаются въ силу первыхъ, которыя въ нихъ имѣютъ свою послѣднюю цѣль. Проявленіе преизбыточествующаго величія силы въ лицѣ Христа Спасителя было бы ни къ чему; еслибъ не послѣдовало прехожденіе той же самой силы и на вѣрующихъ въ Него. Почему за нимъ необходимо должно было послѣдовать оживотвореніе, своскрешеніе и спрославленіе прилѣпляющихся ко Христу вѣрою. Велика сила Божія въ устроеніи спасенія нашего, говоритъ какъ бы Апостолъ, судя по державной крѣпости, явленной, во 1-хъ, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, и во 2-хъ въ вѣрующихъ въ Него (2, 1 — 10). Въ первомъ основаніе послѣдняго; послѣднее естественный плодъ и требованіе перваго. Оба вмѣстѣ—зерцало преспѣющаго величества силы Божіей.

Относящіяся сюда мысли Апостола можно выразить коротко такъ: явилъ Богъ великую силу въ Господѣ,— и не только въ Немъ, но и въ томъ, что „и васъ (ст. 1. 2) и насъ (—— 3),—обоихъ насъ мертвыхъ—оживилъ— (4—6). Но какъ надобно было пояснить, отъ чего мы мертвы были, и охарактеризовать черты нашей мертвости; то Апостолъ вноситъ для того придаточныя положенія, которыя округляютъ и полнятъ рѣчь, чтобъ яснѣе было явленіе силы Божіей и въ нашемъ оживленіи о Христѣ; такъ что справедливо видѣть въ этихъ стихахъ—изображеніе горькаго состоянія во грѣхѣ, и свѣт-

лаго состоянія въ благодатномъ оживленіи, — въ проявленіи богатства благодати Божіей благостынею на насъ (ст. 7—10).

Ст. 1. *И васъ сущихъ прегрѣшенми мертвыхъ и грѣхи вашими.*

Частица *и* соединяетъ сію рѣчь съ предыдущею; *юже содѣя о Христѣ, воскресивъ Его*.... Теперь продолжаетъ: и въ томъ содѣя, что и васъ оживилъ.—*Васъ* зависитъ отъ *сооживи* Христомъ (въ ст. 5). Между ними стоитъ пояснительная рѣчь, изображающая мертвость грѣховную. Бл. Өеофилактъ пишетъ: „выше сказалъ, что Богъ Господа Іисуса Христа воскресилъ и посадилъ превыше всѣхъ. Теперь говоритъ: что и васъ сущихъ мертвыхъ (не тѣлесною, а душевною смертію) оживилъ и воскресилъ: такъ что такою же силою и Господа воскресилъ Онъ отъ тѣлесной смерти и насъ отъ душевной—грѣховной,—хотя оживотворить душу больше есть, чѣмъ воскресить мертваго."

Подъ *васъ* разумѣетъ язычниковъ, выставляя ихъ напередъ, такъ какъ въ нихъ безпрепятственнѣе свирѣпствовалъ грѣхъ и являлъ всю тлетворность свою. Потомъ и себя, т.-е Евреевъ, присоединяетъ къ той же категоріи мертвыхъ духовно (— 3). Наконецъ и тѣхъ и другихъ соединяетъ вмѣстѣ: *и сущихъ насъ мертвыхъ сооживи* (—— 5).

Прегрѣшенми мертвыхъ и грѣхи... Хотя между прегрѣшеніями и грѣхами можно указывать различіе, но это не даетъ особыхъ цѣнныхъ понятій, и всегда не чуждо произвола. Довольно знать, что и грѣхъ и прегрѣшеніе,—всякое нарушеніе воли Божіей, въ совѣсти ли изрекаемой, или въ писанномъ законѣ изображенной,—производитъ смерть духовную. *Оброцы грѣха смерть*, говоритъ тотъ же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ (Рим. 6, 23). Этою смертію мертвыми именуетъ Апостолъ вопервыхъ

язычниковъ. Они живы были тѣломъ, живы и душею: дѣйствовали, разсуждали, преуспѣвали въ искусствахъ, въ житейскихъ и гражданскихъ порядкахъ. Но мертвы были духомъ, мертвы для Бога и для жизни въ угодность Ему. Грѣхи отдѣлили ихъ отъ Бога, и стали они мертвы.

Грѣхъ, коль скоро дѣлается властелиномъ надъ человѣкомъ, умерщвляетъ его духъ. Какъ тѣлесная смерть—прекращеніе жизни тѣлесной, такъ со входомъ грѣха въ человѣка подсѣкается корень внутренней жизни,—жизни духа, которая изъ Бога. Въ грѣшникѣ, преданномъ грѣху, чувственныя склонности и страсти душевныя все болѣе и болѣе берутъ верхъ надъ высшими духовными требованіями и подавляютъ ихъ до того, что свѣтъ жизни духовной совсѣмъ наконецъ погасаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ вянетъ и тѣлесная жизнь отъ нарушенія цѣлости жизни человѣческой и пресѣченія должныхъ ея отношеній къ верховному источнику бытія и жизни. Отсюда болѣзни, страданія и ранняя смерть. Такъ не духовно только, но и тѣлесно грѣхъ убиваетъ,—и не одно только лице, но нерѣдко цѣлый родъ, коль скоро онъ усердно работаетъ грѣху. (Отсюда пресѣченіе родовъ.)

Все это тѣмъ горчае, что извиниться нечѣмъ, особенно намъ теперь. Св. Златоустъ пишетъ: „Есть смерть тѣлесная и есть смерть духовная. Подвергнуться первой—не грѣшно и не страшно, потому что это (теперь) естественно; явившись вслѣдствіе грѣхопаденія, смерть тѣлесная потомъ содѣлалась какъ бы необходимою для нашей природы, хотя и она скоро упразднится. Другая же смерть душевная,—такъ какъ происходитъ отъ нашего произволенія,—подвергаетъ насъ отвѣтственности и не имѣетъ никакого извиненія.“

Ст. 2. *Въ нихже иногда ходисте, по вѣку міра сего, по князю власти воздушныя, духа, иже нынѣ дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія.*

Указавъ на грѣховную мертвость Ефесянамъ въ первомъ ихъ состояніи, теперь выставляетъ производителей сей грѣховности; чтобы, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, не слишкомъ ихъ опечалить указаніемъ на мрачное состояніе, въ которомъ они прежде самопроизвольно держали себя. „Замѣчаешь ли кротость Апостола Павла, съ какою онъ увѣщаваетъ своихъ слушателей, нисколько не устрашая ихъ? Сказавши своимъ слушателямъ, что вы дошли до крайней степени зла (ибо быть мертвымъ есть именно крайняя степень зла), чтобы этимъ слишкомъ не опечалить ихъ (такъ какъ люди обыкновенно смущаются, если имъ выставляютъ на видъ ихъ прежнія преступленія, будь это преступленія гибельныя, или не заключающія въ себѣ ничего особенно опаснаго), онъ теперь указываетъ имъ на помощника, который содѣйствовалъ имъ дойти до такой степени зла, и на помощника сильнаго; и это дѣлаетъ съ тою цѣлію, чтобы они не подумали, будто они одни во всемъ виноваты."

Или для того вводитъ онъ сюда сіи силы—производители грѣха, чтобъ показать величіе силы и богатства благости Бога, спасающаго ихъ, говоря какъ бы: видите, въ какихъ рукахъ вы находились! Но Богъ исторгъ васъ изъ нихъ и ввелъ въ лучшую жизнь. Св. Дамаскинъ пишетъ: „васъ, говоритъ Апостолъ, язычниковъ, въ смерти держимыхъ за грѣхъ, въ коемъ жили вы подъ злымъ діаволомъ, властвовавшимъ надъ вами посредствомъ злыхъ помышленій, Богъ удостоилъ милости и благодати и мертвость вашу во грѣхѣ преложилъ въ жизнь, чрезъ общеніе со Христомъ." Къ сему можно прибавить изъ Ѳеодорита: „сказалъ такъ Апостолъ, напоминая Ефесянамъ Божіе благодѣяніе, а именно, что сподобилъ ихъ спасенія, когда по причинѣ грѣха были еще мертвы и находились подъ властію діавола."

Грѣхи мертвили и держали васъ въ мертвости, по-

тому что вы ходили въ нихъ. Грѣхолюбіе составляло господствующее направленіе вашей свободной дѣятельности. Хотя состояли вы подъ дѣйствіемъ сильныхъ враговъ—міра и діавола; но во грѣхахъ все же сами ходили, тѣ дѣйствовали на васъ, соблазняли, но никакъ не принуждали. Сами вы шли вслѣдъ ихъ тлетворныхъ внушеній. Θеодоритъ пишетъ: „діаволъ, потерявъ свое достоинство, сдѣлался учителемъ злочестія и лукавства; однакожъ владычествуетъ не надъ всѣми, а надъ тѣми только, кои не пріемлютъ Божественныхъ вѣщаній."

Первая производительная сила грѣха есть—*вѣкъ міра сего*. Вѣкъ сей, міръ сей — равнозначительны въ Новозавѣтномъ Писаніи. Здѣсь стоятъ вмѣстѣ, можетъ быть, для болѣе полнаго выраженія ихъ вредоносности. *Вѣкъ*— собственно періодъ времени, долгій рядъ годовъ; а отсюда — вообще теченіе времени и того что во времени. *Міръ*—совокупность тлящихъ обычаевъ и лицъ, кои имъ покорствуютъ. *Вѣкъ міра* — теченіе долгимъ временемъ утвердившихся пагубныхъ для души обычаевъ мірскихъ, надъ всѣми міролюбцами властвующихъ, по коимъ ходятъ они всѣ, хотя и нехотя, какъ ѣдетъ повозка по углубившейся колеѣ, съ которой свернуть нѣтъ возможности и силъ. Отличительная черта сего хожденія есть забота объ одномъ временномъ, безъ вниманія къ другой жизни, забота объ устроеніи счастія на землѣ, безъ вниманія къ требованіямъ нравственнаго закона и внушеніямъ страха Божія. Оттого міръ во злѣ лежитъ. Или міръ и вѣкъ однозначительны съ грѣховностію, подвластностію грѣху, тиранствомъ грѣха. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „вѣкомъ міра сего называетъ Апостолъ развращенную жизнь, жизнь во грѣхахъ, ради того, что настоящая жизнь обилуетъ грѣхами." Апостолъ хочетъ указать: вотъ подъ какимъ игомъ, въ какихъ узахъ вы были держимы—*иногда*, т. е. прежде, чѣмъ прилѣпились ко Христу

вѣрою. Теперь же, пребывая со Христомъ, вы уже не сообразуетесь вѣку сему (Рим. 12, 2),—имѣете силу противостоять напору его тлетворнаго вліянія, ибо приняли новыя начала и новыя силы ходить по симъ началамъ, наперекоръ прежнимъ обычаямъ. Видите ли державную силу и на васъ явленную?!

Другая производительная сила грѣха есть діаволъ, который у Апостола названъ: *князем власти воздушныя*, княземъ *духа, дѣйствующаго въ сынѣхъ противленія*. Не остановился св. Павелъ на указаніи на одинъ вѣкъ или міръ, но проходитъ далѣе, къ самому источнику грѣха. Поприще, сцена, на которой раскрывается грѣхъ есть міръ; приводящій все въ немъ въ движеніе—есть діаволъ. Кто по вѣку міра ходитъ, тотъ ходитъ по діаволу, котораго Господь назвалъ княземъ міра и вѣка (Ін. 12, 31; 14, 30).

Апостолъ назвалъ его *княземъ власти воздушныя: княземъ власти*,—княземъ властнымъ, *воздушныя*, въ воздухѣ живущимъ. Или подъ словомъ *власть* можно разумѣть чинъ злыхъ духовъ, какъ и среди святыхъ Ангеловъ есть чинъ, именуемый—*власти*. Обобщая это названіе можно подъ словомъ власти разумѣть коллективно всѣхъ духовъ,—или царство злыхъ духовъ, коихъ князь сатана, и кои всѣ и съ княземъ своимъ живутъ въ воздухѣ. Далѣе въ семъ посланіи Апостолъ называетъ ихъ *духами злобы поднебесными* (Еф. 6, 12). Съ неба низвергнуты, на землѣ не имѣютъ твердой опоры, и витаютъ бездомовно и разсѣянно въ воздухѣ, откуда чинятъ всякія безпорядочныя нападенія на людей и поддающихся увлекаютъ на зло. Этимъ хорошо выражается нетвердость и непостоянство сатанинской власти,—а можетъ быть и эфемерность ея, т. е. что она вся мечтательна, основана не на чемъ либо существенномъ, а на обманѣ, прелести, призракахъ. Св. Златоустъ говоритъ: *„по князю власти воздушныя*. Это говоритъ

Апостолъ съ тѣмъ, чтобы показать, что діаволъ обитаетъ въ поднебесной, что духи воздушные суть безтѣлесныя силы, которыя помогаютъ ему въ его дѣйствіяхъ."

Вы ходили, говоритъ Апостолъ, по князю власти воздушныя. Хорошо выражаетъ это наше народное присловіе: плясать по чьей дудкѣ.—Онъ внушалъ; вы слѣдовали его внушеніямъ. Какъ онъ только зло и грѣхъ можетъ внушать, то ходя по нему вы только больше и больше опутывались грѣхами, и слѣд. углублялись все дальше и дальше въ смерть грѣховную, которая всегда идетъ по слѣдамъ грѣха. По такой самоохотной покорности ему онъ и сталъ княземъ грѣшниковъ. „Князь онъ потому, что люди сами себя подчинили ему" (Өеоф.). „Потому, что природа человѣческая почти всецѣло предалась ему и всѣ служатъ ему добровольно и самоохотно. Христу, хотя Онъ обѣщаетъ тьмы благъ, никто не внимаетъ; а ему,—хотя онъ ничего подобнаго не обѣщаетъ, а напротивъ препровождаетъ въ геенну,—повинуются всѣ. Онъ властвуетъ въ вѣкѣ семъ, у него слугъ больше, нежели у Бога и ему охотнѣе повинуются, чѣмъ Богу; исключеніе составляютъ немногіе; и все это происходитъ отъ нашего нерадѣнія и безпечности." (Св. Злат.).

Духа, иже дѣйствуетъ въ сынѣхъ противленія. Ожидалось бы: *по духу*, какъ впереди: по князю. Вы ходили во грѣхахъ по князю власти воздушныя, — т. е. по духу, дѣйствующему нынѣ въ сынахъ противленія. Иные толковники такъ и понимаютъ, и такое пониманіе имъ такъ нравится, что они готовы были бы поправить самую рѣчь Апостола. Такое покушеніе можно назвать не совсѣмъ разборчивымъ и всячески ненужнымъ. Слово: *духа* зависитъ отъ слова по *князю* какъ и слово: *власти*. Князь власти воздушныя, онъ же князь и духа, дѣйствующаго въ сынахъ противленія. Этимъ означается источникъ духа противленія истинѣ, которое

встрѣчалъ Апостолъ всюду на своемъ проповѣдническомъ поприщѣ, не исключая и самыхъ Ефесянъ. Сатана со своими духами поселилъ его въ душахъ язычниковъ и постоянно поддерживаетъ своимъ воздѣйствіемъ. Подъ этимъ духомъ можно разумѣть и вообще исходящее отъ сатаны и дѣйствующее въ невѣрныхъ злое начало, духъ лжи и самообольщенія, съ какою-то увѣренностію обманчивою противостоящій всѣмъ убѣжденіямъ истины. Или подобно тому, какъ подъ словомъ — *власти*, разумѣть можно коллективно всѣ злыя силы, можно и подъ словомъ — *духъ*, стоящимъ подобно ему въ одинаковомъ грамматическомъ сочетаніи, разумѣть коллективно всѣхъ злыхъ духовъ, которые, подъ руководствомъ своего князя, своимъ тлетворнымъ дыханіемъ, воздѣйствуютъ на людей, и пріучая ихъ къ страстямъ и порокамъ, дѣлаютъ упорно непокорными истинамъ, направленнымъ къ освобожденію ихъ отъ тѣхъ страстей, а чрезъ то и отъ власти самыхъ духовъ, разжигателей страстей.

Сыны противленія — упорные противники Евангельской истинѣ. Слово сынъ, въ связи съ добродѣтелію или порокомъ, означаетъ человѣка, преданнаго той добродѣтели или пороку, чтобъ означить, что онъ преисполненъ тѣмъ или другою, какъ о сынѣ говорятъ: вылитый отецъ. Сатана есть противникъ Богу, всякой истинѣ и всякому добру. И тѣ, кои противятся истинѣ Евангельской, сыны его суть, какъ упорные противники, подобно самому сатанѣ. Греч. слово — ἀπειθείας, — значитъ сыны неубѣжденности, которыхъ ничѣмъ не убѣдишь. Что имъ ни говори, они упорно противостоятъ всякому убѣжденію и всякой очевидности. Но неубѣжденіе въ одномъ предполагаетъ противоубѣжденіе въ другомъ. Потому хотя слово: духа дѣйствующаго въ сынахъ противленія, указываетъ на воздѣйствія совнѣ; тутъ однакоже ничего нѣтъ приневоливающаго. Но сатана предлагаетъ,

склоняетъ, убѣждаетъ. Тѣ соглашаются и стоятъ на своемъ... и вышелъ духъ противленія. Св. Златоустъ говоритъ: „видишь ли, что не насильно, не тирански какъ нибудь, но чрезъ убѣжденіе онъ привлекаетъ къ себѣ? Указывая на противленіе (ἀπειθεία), Апостолъ какъ бы хочетъ сказать (по противоположности), что діаволъ увлекаетъ всѣхъ лестію и убѣжденіемъ.“

Нынѣ—означаетъ или вѣкъ сей, до будущаго возустроенія всяческихъ, или нынѣ, когда началась проповѣдь и Евангеліе стало проходить по землѣ. Духъ сей и прежде дѣйствовалъ; но какъ его не тревожили, то онъ не обнаруживалъ своего присутствія. Стали его тѣснить провозвѣстники истины христіанской, онъ и подалъ голосъ, и власть свою старается удержать возбужденіемъ противленія истинѣ, непокореніемъ вѣрѣ. Апостолы видѣли такое воздѣйствіе противной силы всюду.

Св. Павелъ выставляетъ сіе, какъ знакъ мертвости душевной, или мертвящей силы грѣха, и производителей его, дѣйствующихъ въ язычникахъ. —Всѣмъ этимъ выясняетъ Апостолъ, сколь велика сила, которая препобѣдила сіи силы грѣха, разорвала узы грѣха, исторгла изъ мертвости грѣховной, и даровала имъ истинную жизнь.—Подлинно и въ этомъ явлено дѣйствіе державной крѣпости Бога, спасающаго всѣхъ, хотящихъ спастися.

Ст. 3. ***Въ нихже и мы вси жихомъ иногда въ похотехъ плоти нашея, творяще волю плоти и помышленій, и бѣхомъ естествомъ чада гнѣва, якоже и прочіи.***

Въ нихже *и мы вси*... Мы всѣ—Іудеи;—исключенія никакого,—мертвость духовная отъ грѣховъ была повсюдная.

Въ нихже,—ἐν οἷς,—къ чему отнесть?—Ближайшее впереди имя—*сыны противленія*. Если къ нимъ отнести, будетъ: среди ихъ, между ними, т. е. сынами противленія; къ чему, въ подтвержденіе, подходитъ и греч.

жили—ἀνεστράφημεν—собственно—вращались.—Но вѣдь объ Іудеяхъ вообще нельзя сказать, что они вращались среди сыновъ противленія. Отличительная ихъ черта—жить особнякомъ отъ всѣхъ; какъ и держали они себя, не только у себя, въ своей землѣ, но и когда жили въ разсѣяніи. Потому, думается, лучше—ἐν οἷς—отнести къ παραπτώμασι—прегрѣшеніямъ. Мертвость духовную онъ производитъ отъ двухъ причинъ—отъ прегрѣшеній и грѣховъ. Прилагая далѣе это начало къ язычникамъ и Іудеямъ, къ первымъ говоритъ: ἐν ἅις — т. е. ἁμαρτίαις — *въ нихже* — т. е. во грѣхахъ; прилагая же къ Іудеямъ, говоритъ: ἐν οἷς—т. е. παραπτώμασι—*въ нихже*, т. е. въ прегрѣшеніяхъ. Такъ понимаетъ это сочетаніе блаженный Іеронимъ.—„*Въ нихже* должно относить къ *прегрѣшеніямъ*. Выше онъ выставляетъ два предмета—прегрѣшенія и грѣхи. Относясь за тѣмъ къ грѣхамъ сказалъ: *въ нихже иногда ходисте*, а къ прегрѣшеніямъ ничего тамъ не сказалъ въ поясненіе и приложеніе; теперь же говоритъ: *въ нихже и мы вси жихомъ*—т. е. въ прегрѣшеніяхъ,—чтобъ не показалось, что онъ по гордости себя (—Іудеевъ) исключаетъ изъ числа грѣшниковъ.“

Замѣчательно, что говоря о грѣховной мертвости язычниковъ, Апостолъ объясняетъ, что они были держимы во грѣхахъ, или увлекаемы къ нимъ, прелестями міра и кознями князя вѣка сего. Подводя же подъ ту же мертвость Іудеевъ, говоритъ, что эти погрязали въ прегрѣшеніяхъ, потому что жили въ похотяхъ плоти, не стороннею силою влекомы были къ нимъ, а своею развращенною волею падали въ грѣхи, творя волю плоти и помышленій. Дается мысль, что ни міръ, ни діаволъ не имѣли такой власти надъ народомъ Божіимъ, какую являли надъ язычниками. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ порядки личной, семейной, церковной и гражданской

жизни у Іудеевъ заведены были по предначертанію свыше. Всѣ были освящены волею Божіею и вели къ улучшенію нрава и приближенію къ Богу. Тлетворные обычаи міра могли протѣсняться въ среду ихъ только татски, незаконнымъ путемъ; тогда какъ у язычниковъ эти обычаи составляли существо ихъ жизни,—изъ страстей вырождались, страсти питали и разжигали. Равно и князь міра терялъ надъ Іудеями власть, коль скоро они приняли знаменіе избранія Божія, вслѣдствіе котораго составляли удѣлъ Божій.—Князь міра съ обычаями міра могъ входить въ кругъ іудеевъ только по призыву ихъ самихъ, когда они, свергши иго благой воли Божіей, добровольно предавали себя ихъ чуждому игу. На это и указываетъ Апостолъ говоря, что и мы всѣ были во грѣхахъ, живя въ похотяхъ плоти. Міръ и князь вѣка сего никакой надъ нами власти не имѣли, но мы сами погрязали во грѣхахъ, живя въ похотяхъ; сами для себя были врагами, похоти наши замѣняли для насъ тлетворную силу міра и князя его.—Но если такъ можно было думать объ Іудеяхъ, не тѣмъ ли паче надлежитъ такъ судить о христіанахъ?!—Не было бы среди насъ мѣста міру и діаволу, еслибъ не падкость наша на похоти.

Подъ похотями плоти или похотливою плотію разумѣются здѣсь вообще грѣхолюбивыя стремленія сердца, отличительная черта которыхъ — самоугодіе, — складъ души, по коему она все дѣлаетъ только въ угодность себѣ на перекоръ требованіямъ совѣсти и внушеніямъ страха Божія, гласно и опредѣленно предъявляемымъ.

Самоугодіе имѣетъ два вида проявленія—воля плоти и помышленій, конечно грѣховныхъ; иначе сказать: плотскія страсти и душевныя страсти и склонности. Творяще волю плоти и помышленій, т. е. что ни пожелаетъ плоть, и что ни задумаетъ душа въ угодность себѣ, все то, или

одно то, и дѣлали мы, слѣдовали, т. е., требованіямъ и влеченіямъ страстей и наклонностей тѣлесныхъ и душевныхъ,—себялюбивыхъ. Св. Златоустъ говоритъ: „всѣ мы жили не помышляя ни о чемъ духовномъ, — *вси*, потому что нельзя сказать, чтобы хоть кто нибудь составлялъ въ этомъ случаѣ исключеніе. Но чтобы кто нибудь не сталъ подозрѣвать, что это говорится съ намѣреніемъ клеветать на плоть, и чтобы не подумалъ, что вина ея въ этомъ слишкомъ уже велика, смотри, какъ Апостолъ предупреждаетъ всѣ подобныя подозрѣнія и мысли; *творяще*, говоритъ, *волю плоти и помышленій*, т. е. (самоохотно), увлекаясь похотями и удовольствіями."

Θеодоритъ въ словѣ—*помышленій*, видитъ, какъ зарождается грѣхъ сначала въ помыслахъ грѣховныхъ, а потомъ уже чрезъ сочетаніе съ ними воли производится и дѣломъ чрезъ тѣло. „Апостолъ, пишетъ онъ, показалъ, что не одна плоть, но и самая душа заслуживаетъ обвиненіе; потому что первоначально пріемлетъ въ себя наклонность къ худшему, а потомъ уже съ помощію плоти приводитъ въ дѣйствіе, что замышлено умомъ."

Но, подумаетъ кто,—что же *мертвыми* онъ себя не называетъ, какъ назвалъ язычниковъ? Это уже само собою разумѣется. Коль скоро во грѣхахъ, то и мертвы, ибо гдѣ грѣхъ, тамъ и смерть духовная. Но сверхъ того, ниже онъ и прямо причисляетъ Іудеевъ къ мертвымъ духовно, когда говоритъ: *и сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшенми*, — гдѣ совмѣщаетъ подъ *насъ* и Іудеевъ и язычниковъ.

И бѣхомъ естествомъ чада гнѣва. Поелику, творя волю плоти и помышленій, погрязали мы въ грѣхахъ, то за это состояли и подъ гнѣвомъ Божіимъ. „Раздражили мы Бога, прогнѣвали Его,—стали только предметомъ гнѣва Божія, и ничѣмъ другимъ," говоритъ Златоустъ. То же пишетъ и Θеодоритъ: „сказалъ Апостолъ *есте-*

ствомъ чада гнѣва, т. е. достойны гнѣва и крайняго наказанія. Такъ антихриста наименовалъ *сыномъ погибели* (2 Сол. 2, 3), т. е. достойнымъ погибели." По Экуменію и Ѳеофилакту—стали чадами гнѣва, какъ дѣлающіе дѣла, достойныя гнѣва. Василій Великій, въ 268 правилѣ краткомъ, говоритъ: „чадомъ гнѣва бываетъ иной, поколику содѣлалъ себя достойнымъ гнѣва. Ибо какъ тѣхъ, которые достойны Господа и дѣлаютъ дѣла свѣта и дня, Апостолъ наименовалъ сынами свѣта и сынами дня (1 Сол. 5, 5), такъ слѣдуетъ понимать и слова: *бѣхомъ чада гнѣва*."

„Слово же—*естествомъ* стоитъ вмѣсто—истинно, подлинно—ἀληθῶς καὶ γνησίως" (Экум., Ѳеоф.).

Якоже и прочіи. „Значитъ никто не былъ свободенъ (отъ гнѣва), но всѣ мы, по дѣламъ своимъ, были достойны гнѣва Божія" (св. Злат.).

Грѣхъ всѣхъ сравнялъ, какъ пространнѣе изображаетъ это св. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ, собирая разныя указанія на это Ветхозавѣтнаго Писанія—(Рим. 3, 10—18). Какая мрачная картина состоянія во грѣхѣ! Грѣшникъ мертвъ духовно, подъ тиранствомъ состоитъ діавола, обладается духомъ міра, влечется необузданно движеніями плоти, рабствуетъ душевнымъ страстямъ, мятется грѣховными помышленіями, и за то все—сынъ гнѣва, и слѣдовательно оброчникъ вѣчнаго наказанія.— Избавленнымъ отъ такой бѣды какъ не прославлять державную крѣпость Избавителя, благодатію Своею воскрешающаго грѣшника отъ смерти грѣховной и вводящаго его въ свѣтлую жизнь Богоугожденія и святости.

Ст. 4. 5. *Богъ же, богатъ сый въ милости, за премногую любовь свою, еюже возлюби насъ, и сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшенми, сооживи Христомъ: благодатію есте спасени*.

Послѣ богатаго истинами отступленія, въ ст. 2 и 3-мъ, Апостолъ возвращается къ прерванной рѣчи:—*и васъ мертвыхъ*.... чтобы сказать, что же—*васъ?* Но прежде, чѣмъ это сказать, великая пагубность грѣховная,—самоохотная и потому неизвинительная,—заставила указать на источникъ милости къ такимъ непотребнымъ, что и дѣлаетъ Апостолъ, начавъ рѣчь: *Богъ же богатъ сый въ милости*. За тѣмъ оборотъ вносной рѣчи помѣшалъ уже сказать—*васъ*, а потребовалъ *насъ*, такъ какъ всѣ признаны грѣшными, требующими оживленія,—не Еллины только *вы*, но и Іудеи—*мы*. Почему и соединяетъ обоихъ св. Апостолъ подъ —*насъ*; *и сущихъ насъ*—обоихъ... *сооживи*.

Богъ же, богатъ сый въ милости... Такимъ, каковы были мы, — рабы міра, діавола и похотливости своей, мертвые для Бога и подгнѣвные Ему,—чего было ожидать, кромѣ кары, наказанія и казни. А вышло не то: не только не наказаны мы, какъ заслуживали, напротивъ ущедрены такими благодатями, какихъ и самое себялюбивое благожеланіе себѣ вообразить бы не могло: *сооживи, своскреси*, *спосади*.—Откуда же такая щедрость? Отъ безпредѣльнаго благоутробія Божія, и не только отъ этого, но и отъ того особенно, что Богъ насъ—людей премного любитъ. Какъ иной милостивый человѣкъ всякому нуждающемуся помогаетъ, но кого любитъ,—тому охотнѣе и щедрѣе помогаетъ: такъ и Богъ, пощадилъ бы насъ и потому что богатъ милостію, — яко милосердъ,—но любовь Его къ намъ увеличила щедрость сію до преизбытка. Св. Златоустъ пишетъ: „не говоритъ просто: милостивъ будучи, *но богатъ сый въ милости*. Подобнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ говорится: *по множеству щедротъ Твоихъ призри на мя* (Пс. 68, 17), и еще: *Помилуй мя, Боже, по велицѣй милости Твоей* (Пс. 50, 3).—Здѣсь Апостолъ указываетъ на источникъ любви Божіей къ намъ. Всѣ наши дѣла были достойны

не любви, а гнѣва и жесточайшаго наказанія; значитъ если Онъ возлюбилъ насъ, то единственно по великой Своей милости.“

За премногую любовь, еюже возлюби насъ. Всѣ твари свои любитъ Богъ, но преимущественную любовь являетъ къ человѣку. Въ твореніи, образомъ Своимъ Божественнымъ его почтилъ, и надъ всѣми тварями господиномъ поставилъ; а когда онъ палъ, не оставилъ его, но все,— и небо, и землю,—подвигъ къ тому, чтобы возставить его, и возставилъ дивнымъ устроеніемъ спасенія, по коему человѣкъ становится бо́льшимъ, нежели каковъ былъ въ твореніи. Подлинно все сіе есть премногая любовь, которою возлюбилъ насъ Богъ. Отъ вѣка возлюбилъ. Еще, когда построевался,—будемъ говорить по человѣчески,—планъ міроздания, тогда еще особенно возлюбилъ человѣка Богъ; ибо онъ тамъ поставленъ центромъ, въ которомъ благоугодно было Богу все сосредоточить, чтобъ чрезъ него потомъ и на все прочее благотворно воздѣйствовать. Отсюда исходятъ неотступность и неистощимость Божіихъ къ человѣку благодѣяній и даровъ. Амвросіастъ пишетъ: „въ томъ любовь къ намъ Бога, что, поелику Онъ сотворилъ насъ, то не хочетъ чтобы мы погибали. Ибо любитъ дѣло рукъ Своихъ. За тѣмъ и создалъ, чтобы любить созданное.“

Ожидалось бы, что Апостолъ помянетъ здѣсь о величествѣ силы Божіей, такъ какъ объ этомъ идетъ рѣчь во всемъ отдѣленіи, а Онъ указываетъ на милость.—Но что въ возстановленіи насъ явлена великая сила Божія, это давалъ разумѣть ходъ рѣчи. Въ этихъ же словахъ Апостолъ проходитъ далѣе, и указываетъ, какимъ путемъ достигла до насъ сія великая сила, когда наша виновность преграждала ей доступъ къ намъ.

И насъ мертвыхъ прегрѣшеньми... говорится о смерти духовной. Грѣхъ, вошедши въ насъ, заморяетъ духъ нашъ.

Душа остается живодѣйствующею, но все въ угодность грѣху, и мыслями ума, и чувствами сердца, и предпріятіями воли; и тѣло проворно движется, когда спѣшитъ на удовлетвореніе похотей своихъ. Но дѣятельность по Богу забыта, къ ней нѣтъ сочувствія и охоты,—и въ тѣлѣ ни рука, ни нога, не хочетъ двигаться по ней.—Отъ такой мертвости избавилъ насъ Богъ Христомъ... *сооживи Христомъ*.

Въ семъ оживленіи насъ чрезъ Господа Іисуса Христа должно различать два момента: первый тотъ, когда человѣчество оживлено въ лицѣ Богочеловѣка, и второй тотъ, когда каждый человѣкъ вѣрующій дѣлается причастнымъ сего оживленія. Въ лицѣ Спасителя человѣчество явлено новооживленнымъ, во всей силѣ сего слова, въ Его воскресеніи и вознесеніи. Въ Немъ положено основаніе оживленія и всѣхъ имѣвшихъ потомъ прилѣпиться вѣрою и любовію къ Господу Іисусу Христу. Въ Немъ въ возможности оживлены и всѣ потомъ лично оживленные, оживляемые, и имѣющіе оживляться до скончанія вѣка: такъ что сіи послѣдніе суть не что иное, какъ осуществленіе перваго; то—сѣмя, а эти—выросшее или растущее изъ него, и всю вселенную вѣтвями своими осѣняющее древо. Это личное каждаго оживленіе,—по вѣрѣ и отверженіи всей нечестивой и порочной жизни,—совершается въ крещеніи. Въ этомъ благодатномъ таинствѣ умираетъ человѣкъ для грѣховной жизни и оживаетъ,—ревность и силу получаетъ,—для жизни духовной,—дѣлается причастнымъ оживленія Христова,—и продолжаетъ прочее ходить во обновленной жизни (см. Рим. гл. 6).

Какое же здѣсь у Апостола разумѣется оживленіе?—Поелику говоритъ: *сооживи*, то вѣрно разумѣлъ оживленіе въ лицѣ Христа Господа; но поелику говоритъ: *насъ сущихъ мертвыхъ сооживи*, указывая на себя и Ефесянъ,

лица дѣйствительныя, уже причастившіяся оживленія Христова: то нѣтъ сомнѣнія, что указывалъ на дѣйствительное оживленіе, которому основаніе положено въ оживленіи Христовомъ, послѣднимъ подтверждая первое.

Апостолъ не теорію пишетъ, а изображаетъ домостроительство спасенія, дѣломъ совершенное и дѣломъ силу свою являющее. Потому въ словѣ: *сооживи*, можно не различать, въ лицѣ-ли только Христа Господа сіе разумѣется, или въ вѣрующихъ въ Него. То и другое; ибо то и другое уже совершилось и было въ дѣйствіи, и хотя мысленно могло быть различаемо, но въ дѣйствіи сливалось: оживленіе вѣрующихъ было Христово оживленіе—въ приложеніи.

Послѣ *сооживи*, по порядку, слѣдовало бы—*converse* *и спосади*, какъ дальнѣйшее движеніе проявленія силы Божіей въ домостроительствѣ спасенія нашего. Но Апостолъ прерываетъ рѣчь и останавливаетъ вниманіе Ефесянъ на созерцаніи безмѣрной къ нимъ благодати Божіей. Онъ какъ бы говоритъ имъ въ промеждурѣчіи: замѣтьте,—вы благодатію спасены.—Цѣль первой части посланія та, чтобы ввесть Ефесянъ, а съ ними и всѣхъ язычниковъ, въ познаніе великой къ нимъ милости Божіей, оказанной тѣмъ, что и они приняты въ причастіе благъ, въ лицѣ Спасителя для насъ совмѣщенныхъ, на ряду съ Іудеями, кои, по праву древняго избранія народа ихъ, вступаютъ въ сіе причастіе, какъ въ наслѣдіе. Объ этомъ, кончивъ рѣчь о силѣ Божіей въ устроеніи спасенія, онъ тотчасъ и напоминаетъ имъ ст. 11 и д.

Благодатію есте спасени. Чрезъ два стиха снова тоже повторяетъ; а еще черезъ два посильнѣе выражается: *да помните же вы*.... Такъ желательно было ему поселить имъ въ умъ сію истину!—А можно полагать, что при этой цѣли, онъ и самъ былъ въ движеніи отъ созерца-

нія величія благодати Божіей, и говорилъ такъ отъ неудержимости чувства изумленія: *благодатію есте спасени,—благодатію есте спасени*,—да помните же, что вы были, и чѣмъ стали теперь. — Мимоходомъ напомнимъ себѣ, что эта рѣчь и къ намъ (русскимъ), ибо и мы изъ язычниковъ.—Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „эти слова вставилъ Апостолъ въ средину рѣчи отъ глубокаго изумленія,—пораженный неизреченностію дара Божія.“

Смыслъ же словъ очевиденъ. Вы, говоритъ Апостолъ, ничего не представляли, что бы могло привлечь благоволеніе Божіе къ себѣ. Онъ Самъ, любовію Своею движимый, благоволительно воззрѣлъ на васъ, и ввелъ васъ въ ограду спасенія. Судя же потому, что вы были мертвые грѣхомъ, васъ слѣдовало отбросить далѣе отъ лица Своего, какъ отбрасываютъ мертвые трупы. „Благодатію, а не за труды и исправности свои, спасены вы“ (Экум.). „Что до дѣлъ, то вы достойны были всякаго наказанія. Благодать спасла“ (Ѳеоф.). Но говоря: вы, Апостолъ не исключаетъ изъ того же закона спасенія благодатію Іудеевъ. Онъ только напечатлѣть эту истину старается наипаче Ефесянамъ, а спасаемыми благодатію почитаетъ всѣхъ и Іудеевъ, и язычниковъ. Ѳеодоритъ и не различаетъ лицъ, а вообще разумѣетъ сіе мѣсто,—говоря: „не за доблестную жизнь нашу призваны мы во спасеніе, но по любви спасшаго насъ.“

Ст. 6. *И съ Нимъ воскреси, и спосади на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ.*

Въ *сооживи* можно было не различать оживленія Христова отъ оживленія чрезъ Него вѣрующихъ, ради слиянія ихъ въ дѣйствительности и въ силѣ; а въ *своскреси и спосади* нельзя не различать сего. Въ лицѣ Христа Спасителя воскрешены мы и посаждены на небесныхъ, а самымъ дѣломъ еще сіе не совершилось, а совершится въ свое время. Но совершится несомнѣнно; такъ что

поелику Христосъ воскресъ, то почитай, что и мы воскресли, и поелику Онъ возсѣлъ на небесныхъ, то почитай, что посаждены уже и мы. „Поелику воскресъ Онъ и мы воскресли упованіемъ; поелику Онъ совозсѣдитъ со Отцемъ, и мы участвуемъ въ этой чести; потому что наша глава совозсѣдитъ, нашъ начатокъ соцарствуетъ. Въ наше облекся Онъ естество" (Θеод.).

Прежде Апостолъ показалъ, что Богъ явилъ величество силы въ томъ, что воскресилъ Христа и посадилъ одесную Себя (1, 20). Теперь усиливаетъ сіе проявленіе силы Божіей, показывая, что во Христѣ Іисусѣ и всѣ мы своскрешены и спосаждены на небесныхъ. Кто поднялъ бы тяжелый кусокъ магнита, — показалъ бы силу свою; но еслибъ онъ вмѣстѣ съ тѣмъ поднялъ и всѣ налипшіе на него куски желѣза, то показалъ бы тѣмъ большую силу. Такъ и здѣсь. Велика сила явлена въ воскресеніи и посажденіи одесную Христа Господа; но еще большая сила въ семъ явлена тѣмъ, что вмѣстѣ со Христомъ и во Христѣ своскрешены и спосаждены на небесныхъ всѣ прилѣпившіеся и имѣющіе прилѣпиться ко Христу вѣрою.

Своскреси и спосади. Словами сими показывается вмѣстѣ и тѣснѣйшій союзъ вѣрующихъ со Христомъ, какъ членовъ съ главою, и особенно назначеніе прославленнаго во Христѣ человѣчества. Все, что въ Немъ совершилось, совершилось не для Него, а для рода человѣческаго. Почему, когда Онъ воскресъ ради человѣка, можно сказать, что въ Немъ воскресъ родъ нашъ, и когда Онъ возсѣлъ одесную Отца, можно сказать, что родъ нашъ въ немъ посаженъ на небесныхъ. Христосъ — возможность, источникъ, сила. Что съ вѣрующими, — то есть осуществленіе сей возможности, напоеніе изъ сего источника, преисполненіе сею силою. Спасаемое человѣчество,—Церковь,—есть развитіе или раскрытіе Христа—исполненіе Его.

Апостолъ не говоритъ, что Богъ имѣетъ своскресить насъ чрезъ Христа и спосадить на небесныхъ; но что уже своскресилъ и спосадилъ. Все, что въ свое время будетъ съ искупленнымъ родомъ человѣческимъ, Апостолъ зритъ совершившимся уже во Христѣ за одинъ разъ. Христосъ, какъ родоначальникъ искупленнаго человѣчества, есть первообразъ, выполняющійся въ жизни святыхъ и имѣющій выполняться до конца міра. Благодатная жизнь спасаемыхъ есть всестороннее приложеніе всего, что есть во Христѣ Іисусѣ, какъ полнотѣ всего. Что въ Немъ совершилось, то ради всѣхъ совершилось, и совершается дѣломъ во всѣхъ, кои послѣдуютъ Ему вѣрою. Въ первомъ Адамѣ мы всѣ согрѣшили и умерли: грѣхъ и смерть Адама, во времени, только развивались и приложеніе имѣли чрезъ грѣхи и смерти потомковъ его. Такимъ же образомъ во второмъ Адамѣ мы воскрешены и посаждены на небѣ. Въ вѣрующихъ потомъ только приложеніе находитъ совмѣщенное во Христѣ. Воскресеніе и Вознесеніе Его, какъ главы, въ насъ, членахъ Его, являетъ свое воздѣйствіе. Сіе начинается еще здѣсь духовно, въ возрожденіи или сооживленіи Христовомъ, а завершится въ концѣ вѣковъ всеобщимъ воскресеніемъ и прославленіемъ, по судѣ, всѣхъ, имѣющихъ оказаться достойными того.

Что въ силѣ и совершенствѣ получитъ христіанинъ, во время возъустроенія всяческихъ, тѣмъ обладаетъ онъ уже и теперь, хотя въ начаткахъ, какъ бы въ сѣмени, или въ основаніяхъ. Онъ живетъ,—въ силу общенія съ воскресшимъ и прославленнымъ Господомъ,—Его жизнію еще на землѣ, и, хотя подъ крестомъ, еще здѣсь предощущаетъ блаженство будущаго прославленія; уже отселѣ онъ гражданинъ небеснаго царства. Тамъ онъ записанъ. И вѣра даетъ ему твердое основаніе упованія когда внушаетъ ему: Христосъ — глава моя воскресъ,

воскресну и я—членъ Его. Христосъ—глава моя вознесся на небеса и сѣдитъ одесную Отца во славѣ,—взойду и я туда, причащусь славы главы моей, и успокоюсь съ Нимъ и въ Немъ. Ибо не ложно слово Его, рекшаго: *идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Ін. 12,26).

Св. Златоустъ говоритъ въ заключеніе: „видишь ли преизбыточествующее *величіе силы Его въ насъ вѣрующихъ?* Онъ оживилъ тѣхъ, которые были мертвы, которые по естеству были чадами гнѣва. Видишь ли *упованіе званія? съ Нимъ воскреси и спосади насъ* (Богъ). Видишь ли славу достоянія Его?—Да, скажешь ты, что Онъ совоскресилъ насъ, это ясно, а чѣмъ доказываетъ Апостолъ, то, что Онъ *спосадилъ насъ на небесахъ во Христѣ Іисусѣ?* Тѣмъ же, чѣмъ доказываетъ то, что Онъ совоскресилъ насъ. Никто бы и никогда бы не возсталъ, если бы не воскресла глава; а когда глава наша воскресла, воскрешены и мы. Точно такимъ же образомъ Онъ насъ и спосадилъ. Когда глава сѣдитъ, сѣдитъ вмѣстѣ и тѣло: потому-то Апостолъ и прибавилъ: *во Христѣ Іисусѣ*. Какъ же спосадилъ? *Аще терпимъ съ Нимъ*, говоритъ Апостолъ, *съ Нимъ* и *воцаримся* (2 Тим. 2, 12). Если вмѣстѣ умерли, вмѣстѣ и оживемъ.—Подлинно, нуженъ даръ Духа и откровенія, чтобы уразумѣть глубину таинъ сихъ!“

Ст. 7. *Да явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ презѣлное богатство благодати своея благостынею на насъ о Христѣ Іисусѣ*.

Какъ прежде цѣлію всего домостроительства спасенія или всего предвѣчнаго плана Божія о семъ, поставлялъ Апостолъ *похвалу славы благодати* (—1, 6); такъ и въ осуществленіи сего плана видитъ онъ не иную цѣль, какъ проявленіе *богатства благодати*.

Вѣка грядущіе тоже, что будущій вѣкъ, по второмъ пришествіи Христовомъ,—время созрѣвшаго царства

Христова. И теперь это богатство благодати видно, для имѣющихъ очи видѣть, но не всѣ видятъ то, не только изъ невѣрныхъ, но и изъ вѣрующихъ. А тогда, воочію всѣхъ открыто явится это неизреченное богатство, во всемъ своемъ величіи и блескѣ. *Не у явися что будемъ* (1 Ін. 3, 2), и постигнуть не можемъ всей широты благостыни Божіей на насъ о Христѣ Іисусѣ. Отчасти только видятъ все и Апостолы, а не только другіе вѣрующіе.

Богатство благодати—означаетъ сокровищницу Божественныхъ даровъ намъ, а *благостынею на насъ о Христѣ Іисусѣ*—указываетъ на способъ отверзтія для насъ сего сокровища. О Христѣ Іисусѣ Отецъ небесный сказалъ: Сей есть Сынъ Мой возлюбленный, въ Которомъ почиваетъ все Мое благоволеніе. Сіе благоволеніе чрезъ Господа Іисуса простирается и на всѣхъ вѣрующихъ въ Него. Почивающій благоволеніемъ на Христѣ Іисусѣ, почиваетъ имъ на прилѣпляющихся къ Нему. Это благоволеніе и есть благостыня на насъ о Христѣ Іисусѣ, вслѣдствіе которой и изливается на насъ все богатство благодати. Она ключъ отъ сокровищницы Божіей.

Мало ли и то, что получается уже и теперь?—Отпущеніе грѣховъ, благодать Св. Духа, преодолѣніе страстей, преспѣяніе въ добродѣтеляхъ, освященіе, всыновленіе, просіяніе чрезвычайныхъ даровъ,—мало ли это? Но все это нынѣ проявляется въ скудельныхъ сосудахъ, по частямъ, и подъ прикрытіемъ внѣшнихъ нестроеній окрестъ. Тогда же явится во всей славѣ не это только, но и многое другое, чего мы и вообразить себѣ не можемъ, и явится во всей совокупности вѣрующихъ. Въ этомъ вѣкѣ незримо строится зданіе—красоты изумительной, закрытое однакожъ предохранительными покровами. Когда все это, мѣшающее видѣть красоту зданія, принято будетъ въ грядущій вѣкъ, красота зданія изумитъ и человѣческіе и Ангельскіе умы, которые узрятъ

тогда все богатство благодати, иждивенной на устроеніе такого зданія.

Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Величіе уповаемыхъ благъ нынѣ совершенно неизвѣстно невѣрнымъ, но и вѣрные видятъ, *якоже зерцаломъ въ гаданіи* (1 Кор. 13, 12). Потому что *вѣрою* ходятъ, *а не видѣніемъ* (2 Кор. 5, 7); но тогда узрятъ лицемъ къ лицу. Тогда вѣрные и невѣрные увидятъ отъ насъ воспріятое для всей твари достопоклоняемое естество и соцарствующихъ святыхъ. *Аще бо съ Нимъ умрохомъ*, говоритъ Апостолъ, *то съ Нимъ и оживемъ: аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся* (2 Тим. 2, 11. 12).

Св. Златоустъ сіе проявленіе богатства благодати видитъ въ спосажденіи вѣрующихъ со Христомъ, какъ и теченіе рѣчи требуетъ. Онъ говоритъ: „такъ какъ прежде онъ говорилъ о Христѣ, и во всемъ сказанномъ прямо относящагося къ намъ не было ничего, (что,—скажешь ты,—въ самомъ дѣлѣ намъ отъ того, что Христосъ воскресъ?); то показавъ предварительно что это должно относиться и къ намъ, — потому что Спаситель соединенъ съ нами,—теперь Онъ говоритъ о томъ, что собственно къ намъ относится. *И сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшенми воскреси и спосади*. Итакъ вѣруй въ то, что Онъ спосадилъ насъ съ Собою, убѣждаясь въ этой истинѣ тѣмъ, что сказано было прежде,—тѣмъ т. е., что сказано было о Главѣ, — и тѣмъ еще, что Онъ хочетъ проявить къ намъ Свою благость. Какъ, въ самомъ дѣлѣ, Онъ явитъ ее, если этого нѣтъ, т. е. если Онъ не спосадилъ насъ съ Собой?—*Явитъ въ вѣцѣхъ грядущихъ*. Что же явитъ?—Что блага, уготованныя Имъ и велики и совершенно достойны вѣры. Теперь эти блага кажутся для невѣрныхъ несбыточными, тогда всѣ ихъ узнаютъ. Если желаешь узнать и то, какъ Онъ спосадилъ насъ, послушай, что Самъ Христосъ говоритъ ученикамъ: *сядете на двоюнадесяте престолу*, *судяще обѣманадесяте*

колѣнома Израилевома (Мѳ. 19, 28). И въ другомъ мѣстѣ: *еже сѣсти одесную Мене и ошуюю, нѣсть Мое дати, но имже уготовася отъ Отца* (Мѳ. 20, 23). Итакъ это уже уготовано. И хорошо сказалъ Апостолъ: *благостынею на насъ о Христѣ Іисусѣ.* Возсѣсть одесную, это честь высшая всякой чести, за которою нѣтъ другой почести. Говоря это,—т. е. *благостынею на насъ,*—Апостолъ показываетъ, что и мы возсядемъ. Сидѣть со Христомъ—это по истинѣ богатство неизреченное, это подлинно преизобилующее величество силы Его! Еслибы ты имѣлъ тысячи душъ, неужели ты не положилъ бы ихъ, чтобы только удостоиться такой чести? Если бы потребовалось идти въ огонь, не слѣдовало ли бы быть совершенно готовымъ и на это испытаніе? Самъ Христосъ говоритъ: *хощу, да идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Ін. 17, 24). За такую честь еслибъ приходилось каждый день быть разсѣкаемому; то должно было бы и это переносить съ радостію. Помысли, гдѣ возсѣдитъ Онъ? *Превыше всякаго начальства и власти.* Помысли, съ кѣмъ вмѣстѣ ты возсядешь? Съ Нимъ. Но кто же ты? Мертвый, чадо гнѣва—по естеству. Что ты содѣлалъ праваго? Ничего. Теперь по истинѣ благовременно воскликнуть: *о глубина богатства и премудрости и разума Божія!* (Рим. 11, 33).“

Ст. 8. *Благодатію бо есте спасени чрезъ вѣру: и сіе не отъ васъ, Божій даръ.*

Въ стихахъ 8—10 доказываетъ св. Павелъ или поясняетъ, почему чрезъ прославленіе вѣрующихъ въ Господа Іисуса явлено будетъ не другое что, а лишь богатство благодати. Потому что возводитъ въ такое состояніе, которое дѣлаетъ человѣка годнымъ для такой высокой чести, каково—спосажденіе со Христомъ, только одна благодать. Состояніе сіе онъ называетъ здѣсь спасеніемъ и говоритъ: потому явится въ спосажденіи

нашемъ богатство благодати, что вы спасены, поставлены въ состояніе пользоваться симъ даромъ, — благодатію. Вслѣдъ за симъ объясняетъ, что спасеніе точно устрояется благодатію. Для спасенія нужны вѣра и святая добродѣтельная жизнь. Но и вѣра отъ Бога (ст. 8), и на дѣла добрыя Имъ же мы созидаемся чрезъ возрожденіе и облагодатствованіе—ст. 10. Вѣра и добродѣтель дѣлаютъ христіанъ спасенными, чистыми, святыми, Богоугодными, и чрезъ то годными къ спосажденію со Христомъ. Какъ онѣ созидаются въ христіанинѣ благодатію, то очевидно, что чрезъ спосажденіе сіе явится одно богатство благодати Божіей.

Благодатію есте спасени,—*есте* вы, Ефесяне. Спасены всѣ благодатію, кто ни спасенъ; но Апостолъ къ Ефесянамъ обращается ради того, что имъ теперь имѣлъ въ мысли сильнѣе напечатлѣть сію истину. Общее разсужденіе идетъ у него съ—*мы*; а коль скоро нужно для Ефесянъ на чемъ больше остановить вниманіе, тамъ онъ рѣчь ведетъ исключительно будто къ нимъ.

Эти же слова изрекъ онъ уже выше—ст. 5; но тамъ они вырвались будто нечаянно изъ сердца, какъ возваніе съ цѣлію, можетъ быть, возбудить чувства благодаренія. Здѣсь идетъ спокойная рѣчь, въ видахъ, можетъ быть, нравственнаго назиданія и урока, *да никтоже похвалится*.

Подъ спасеніемъ разумѣть можно и домостроительство спасенія и личное каждаго спасеніе. Домостроительство спасенія, т. е. предвѣчный совѣтъ Божій о немъ и исполненіе его,—то, что Сынъ Божій пришелъ на землю, воплотился, пострадалъ, умеръ на крестѣ, воскресъ, вознесся на небеса и сѣлъ одесную Бога Отца, Духа Святаго ниспослалъ и устроилъ на землѣ Церковь—вмѣстилище всѣхъ спасительныхъ средствъ, сосредоточенныхъ въ Словѣ Божіемъ и таинствахъ,—все это есть

независимое дѣло Божіей благодати. Человѣкъ не представлялъ съ своей стороны ни средствъ къ тому, ни побужденій. Личное каждаго спасеніе начинается отъ проповѣди Евангелія. Проповѣдники Богомъ посланы и Богомъ были руководимы, куда пойти и что говорить. Все это тоже дѣло благодати. Когда говорится проповѣдь, слушать или не слушать, слушая внимать или не внимать, внимая соглашаться и хотѣть вѣровать, или не соглашаться и не хотѣть, — есть дѣло свободы. Но далѣе, коль скоро въ сердцѣ изречено согласіе и образовалось желаніе спасенія вѣрою, — самая вѣра печатлѣется и преображается въ живое, непоколебимое увѣрованіе опять воздѣйствіемъ благодати Божіей на сердце. Послѣ сего благодать вселяется въ сердце чрезъ таинства, и дѣлается источнымъ и руководительнымъ началомъ жизни по вѣрѣ.

Такимъ образомъ устроеніе спасенія все совершается благодатію Божіею; личное каждаго спасеніе тоже все отъ благодати; отъ человѣка одно согласіе на вѣру и желаніе такимъ образомъ спасаться. И это по характеру свободной твари. Прочее же все совершаетъ благодать: ибо согласіе и желаніе, сами по себѣ, ни къ чему не приведутъ, если не придетъ вседѣйственная благодать.

Бл. Θеодоритъ пишетъ: „благодать Божія сподобила насъ сихъ благъ, а мы привнесли одну вѣру; но и въ той содѣйственною бываетъ Божественная благодать. Ибо не сами собою мы увѣровали; но, будучи призваны, приступили;—и отъ приступившихъ Господь не потребовалъ чистоты жизни (какъ условія къ пріятію ихъ), но пріявъ одну вѣру, даровалъ отпущеніе грѣховъ.“

Св. Златоустъ ближе къ нравоисправленію выражаетъ ту же истину, говоря: „чтобы величіе благодѣяній не надмило тебя, смотри, какъ онъ тебя смиряетъ, говоря: *благодатію есте спасени*. Но чтобы не уничтожить и тво-

его участія, онъ прибавляетъ и то, что требуется отъ насъ: *чрезъ вѣру*. Потомъ снова какъ бы уничтожаетъ это наше свободное участіе, когда говоритъ: *и сіе не отъ васъ*. И вѣра, учитъ онъ, не отъ васъ. Если бы Іисусъ Христосъ не пришелъ, если бы Онъ не призвалъ насъ, какъ бы мы могли увѣровать? *Како увѣруютъ*, сказано, *аще не услышатъ* (Римл. 10, 14)? Такимъ образомъ вѣра, по ученію Апостола, не наше достояніе, а даръ Божій. Вѣра недостаточна для спасенія; но дабы не спасать насъ безъ всякаго нашего участія, Богъ требуетъ ея отъ насъ. Сказалъ, что вѣра спасаетъ, но не сама собою, а чрезъ Бога; Богъ хочетъ, и вѣра спасаетъ."

Послѣднюю мысль св. Златоуста яснѣе выражаютъ Экуменій и Θеофилактъ, говоря, что вѣра сама по себѣ никакой особенной силы не имѣетъ, а имѣетъ ее потому, что Богу угодно было сочетать съ нею сію силу. Угодно Богу, чтобъ вѣрою спасались мы, вѣра и спасаетъ. Божій даръ есть то, что мы спасаемся чрезъ вѣру. Экуменій пишетъ: „Потому сіе есть даръ Божій, что и вѣра сама по себѣ не сильна бы была спасти, если бы Богъ не восхотѣлъ спасти чрезъ вѣру. Такъ что и то, что мы вѣруемъ, есть даръ Божій, и то, что чрезъ вѣру спасаемся, тоже есть даръ Божій." Бл. Θеофилактъ, сказавши, что вѣра—даръ Божій, потому что еслибъ не пришелъ Господь и не призвалъ, мы и не увѣровали бы, потомъ прибавляетъ: „или иначе: не вѣру называетъ онъ даромъ Божіимъ, но то, чтобы спастися вѣрою, вотъ что есть даръ Божій. Ибо пусть вѣра и наша; но какъ бы она могла одна спасти, если бы Богъ не возблаговолилъ принимать насъ ради ея, чтобы не совсѣмъ быть намъ безучастными въ дѣлѣ своего спасенія, но являться привносящими нѣчто и отъ себя.

Ст. 9. *Не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится.*

Подтверждаетъ, что такой образъ спасенія чрезъ вѣру и наше призваніе къ вѣрѣ во спасеніе благоволилъ устроить Богъ по единой Своей благости, а не за какія либо дѣла наши. Какія дѣла низвели Сына Божія на землю? Не дѣла, а наше бездѣліе низвело Его. Какія дѣла явили Ефесяне, что призваны къ вѣрѣ? Богъ послалъ Апостола, вооруживъ его дарами благодати. Силою слова благодатнаго и чудесами онъ обратилъ ихъ къ вѣрѣ и ввелъ въ ограду спасаемыхъ, со всѣми преимуществами, имъ присвояемыми здѣсь и готовыми въ будущемъ. Ничего отъ себя не представили Ефесяне къ такой милости, кромѣ послушанія вѣрѣ, завершеннаго однако же благодатію. И не Ефесяне только, но и нивсякій другой народъ, и нивсякое частное лице не за дѣла какія въ чинъ спасаемыхъ вводится, а по одной благодати Божіей. Мы (русскіе) чѣмъ заслужили, что въ Церкви Божіей, спасительной состоимъ? Каждый изъ насъ и раждается въ оградѣ вѣры, и тотчасъ по рожденіи дѣлается членомъ тѣла Церкви. Се великая благодать Божія! Какія дѣла представляемъ мы?! Никакихъ. Дѣла требуются послѣ сего. Когда кто призванъ и благодать получилъ; то ему затѣмъ остается только дѣлать. Такъ иное дѣло устроеніе спасенія и призваніе къ нему, а иное дѣло—жизнь по призваніи и облагодатствованіи. Въ первомъ не участвуютъ дѣла, а во второмъ—дѣла только и требуются: вѣра уже свое сдѣлала, теперь дѣлай, будешь святъ и непороченъ, ибо въ этомъ существо христіанства.

Слова Апостола: *не отъ дѣлъ, да никтоже похвалится* относятся къ первому моменту, а слѣдующія слова, — что мы созданы на дѣла благая, да въ нихъ ходимъ—ст. 10—ко второму.

Св. Дамаскинъ пишетъ: „и при дѣлахъ спасеніе не отъ нихъ; вѣрующимъ участіе во спасеніи даровано безъ

нихъ.“ Экуменій такъ: „не потому (Богъ устроилъ намъ спасеніе вѣрою), чтобъ не хотѣлъ, чтобы спасались дѣлами, но потому что никто не могъ спастися дѣлами, а только вѣрою.“ „Итакъ, спросишь ты, взываетъ св. Златоустъ, Апостолъ самъ запретилъ снискивать оправданіе дѣлами?—Никакъ нѣтъ! Онъ говоритъ только, что никого не оправдаютъ дѣла, и говоритъ это для того, чтобы показать благодать и человѣколюбіе Божіе. Имѣющихъ дѣла Богъ не отвергаетъ отъ Себя, но тѣхъ, которые погибли бы и съ дѣлами, Онъ спасаетъ благодатію, такъ что послѣ этого рѣшительно никто не имѣетъ права хвалиться.“

Ст. 10. *Того бо есмы твореніе, создани въ Христѣ Іисусѣ на дѣла благая, яже прежде уготова Богъ, да въ нихъ ходимъ.*

Только что сказалъ: *не отъ дѣлъ*, — какъ же здѣсь говоритъ: *созданы на дѣла?* Спасеніе намъ устроено и мы призваны къ полученію его не за какія либо дѣла, а по одной благодати. Но призваны не за тѣмъ, чтобы съ своей стороны ничего не дѣлать, а чтобы содѣвать свое спасеніе, богатясь добрыми дѣлами, Богомъ намъ предначертанными, или преуспѣвая во всякой добродѣтели; хотя и это не своею силою, но силою благодати, коею возсозданы на такія дѣла, и получили возможность, помощію ея, совершать ихъ и совершенствоваться чрезъ нихъ. Почему Апостолъ и сочетаваетъ сіе положеніе съ предыдущимъ чрезъ *бо* — ибо, — показывая и въ этомъ основаніе, почему онъ прославленіе вѣрующихъ почитаетъ проявленіемъ богатства благодати. Ибо какъ вѣра, такъ и добрыя дѣла,—два условія для принятія въ царство славы,—оба отъ благодати.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ сказалъ здѣсь: *создани*, разумѣя возрожденіе, т. е. Богъ призвалъ насъ по неизреченной благости, мы повиновались, и увѣро-

вавъ получили спасеніе. Но какъ до крещенія не требовалъ Онъ отъ насъ дѣятельной добродѣтели; такъ по крещеніи повелѣваетъ позаботиться о ней. Ибо сіе означаютъ слова: *на дѣла благая, да въ нихъ* ходимъ."

Того бо есмы твореніе. Какъ въ началѣ въ образованное изъ персти тѣло вдунулъ Богъ дыханіе Свое, и сталъ человѣкъ человѣкомъ; такъ теперь въ оземлененныхъ насъ страстьми и похотьми—ставшихъ нечеловѣками, по призваніи къ вѣрѣ, вдыхаетъ Онъ Духа благодати, и мы становимся снова человѣками. Безъ духа человѣкъ—не человѣкъ. Но по паденіи духъ забитъ страстьми и похотьми и всякими грѣхами. Нисходитъ Духъ благодати, оживляетъ духъ человѣка, и человѣкъ—опять человѣкъ, только уже съ другимъ именемъ, человѣкъ-христіанинъ, яко помазанный Духомъ благодатнымъ.

Создани во Христѣ Іисусѣ, т. е. по вѣрѣ во Христа Іисуса, по благодатному домостроительству спасенія, учрежденному Господомъ Іисусомъ Христомъ. *Аще кто во Христѣ*, тотъ только и есть *нова тварь* (2 Кор. 5, 17). Совершается сіе въ крещеніи, въ купели коего хоронится ветхость, и вмѣсто ея пріемлется обновленіе жизни, чтобы ходить въ ней свѣтло, какъ свѣтелъ воскресшій Господь (Рим. 6 гл). Крещенный во Христа облекается; и какъ по слову Господа, безъ Него никто ничего истинно добраго творить не можетъ, такъ и въ Него облекшись не можетъ не творить добра.

На дѣла благая. Какъ листъ, цвѣтъ и плодъ—свидѣтельство жизни дерева; такъ добродѣланіе—свидѣтельство оживленія во Христѣ. Святость и всякая добродѣтель — характеристика вновь рожденныхъ или новосотворенныхъ, духъ жизни ихъ. Христіанинъ обязательство къ тому носитъ въ совѣсти своей и ревнуетъ быть вѣрнымъ ему. Благодать сходитъ чрезъ таинства; но пріятелище имъ въ душѣ—готовность на всякое доб-

ро, выражаемая въ крещеніи отреченіемъ отъ сатаны и дѣлъ его и сочетаваніемъ со Христомъ, а въ покаяніи— обѣтомъ не грѣшить болѣе. Сію готовность нисшедшая въ таинствѣ благодать содѣлываетъ сильною и плодоносною. Почему вѣрный призванію и обѣту и богатится дѣлами благими. Съ этимъ въ неразрывной стоятъ связи и труды подвижничества, по тому закону, что обязанный къ цѣли, обязанъ и къ средствамъ необходимымъ. У облагодатствованнаго святость сознательно содержится какъ норма жизни. Но благодать, пришедши, вселяется въ сердцѣ и изгоняетъ оттуда грѣхъ, не изгоняетъ его однакоже вдругъ изъ всего естества человѣка. Онъ тутъ остается, какъ искуситель совнѣ дѣйствующій, въ отношеніи къ сердцу. Изгоняется же онъ борьбою съ нимъ, свободною, хотя при помощи и подъ руководствомъ благодати. Гдѣ борьба, тамъ и подвиги всякаго рода—самоутружденіе, въ видахъ стѣсненія возникновеній грѣха, какъ искушеній, и усиленіе добра. какъ противоядія ему. Вотъ почему *иже Христовы суть плоть распяша со страстьми и похотьми* (Гал. 5, 24). Подвижничество неразлучно съ христіанствомъ. Законами его проникнутъ и весь уставъ Церкви. Все сіе потому, что христіане созданы на *дѣла* только *благая*.

Яже прежде уготова Богъ. Какъ дѣла уготовалъ?—Предначерталъ ихъ для насъ вѣрующихъ, по идеѣ новой жизни, и учредилъ способы къ полученію силъ на твореніе ихъ, которыми и облекаетъ всѣхъ, приступающихъ къ Господу вѣрою и освящающихся святыми таинствами. Это уготованіе—отъ Бога, не отъ насъ.

Да въ нихъ ходимъ. Облагодатствованіемъ, или возрожденіемъ, налагается обязательство къ постоянству въ добрѣ. Затѣмъ новое рожденіе, затѣмъ вселеніе благодати, чтобы ходить въ благихъ дѣлахъ,—и только въ благихъ. Но мы ли ходимъ? Благодать въ насъ, и безъ

благодати ничего сдѣлать добраго не можемъ, а ходимъ въ добрѣ все же мы. Орудіе дается, но дѣйствовать имъ должно намъ самимъ. Даны стрѣлы и лукъ, но сами они стрѣлять во врага не станутъ. Возьми ты, наладься, какъ должно, и стрѣляй. Какъ въ вѣрѣ требуется согласіе на вѣру и желаніе вѣровать, чтобы благодать напечатлѣла вѣру въ сердцѣ живую, такъ въ добродѣланіи требуется замышленіе добра (которое и благодатію внушается), согласіе на дѣланіе его и желаніе сдѣлать съ соотвѣтственнымъ собственнымъ усиліемъ, и взываніемъ о помощи, чтобы благодать, подоспѣвши, пособила совершить дѣломъ задуманное и рѣшенное добро, совершить безукоризненно съ преодолѣніемъ всѣхъ препятствій со внѣ и внутри. Это законъ какъ для каждаго частнаго дѣла, такъ и для всей цѣлости жизни.

Итакъ христіанину богатиться благими дѣлами есть существенное дѣло. Есть системы вѣроученія, въ коихъ добрыя дѣла ставятся въ тѣни, а подвижничество совсѣмъ исключается,—все изъ опасенія, какъ бы не внесть какой заслуги въ дѣло спасенія. Но будто нельзя на то и другое все усиліе свое напрягать безъ мысли о заслугѣ, а по сознанію обязательства. Сколько разслабляетъ сіе ученіе нравственныя силы и добродѣтель, и отъ внутренней чистоты сбиваетъ на внѣшнее благоповеденіе, знаютъ опытно тѣ, которые живали среди такихъ. Степенное поведеніе тамъ замѣняетъ доброту нравственную; внутренняя же нечистота вся, по ихъ мнѣнію, будто бы покрывается вѣрою. Что дѣлать, говорятъ? Вижду инъ законъ... и отказываются отъ всякаго противодѣйствія ему. Слышно будто первый ихъ коноводъ (Лютеръ) изрекалъ часто мудрое свое слово: грѣши больше, но больше и вѣруй, и не сомнѣвайся, что спасешься. Однако не объяснилъ онъ, какъ возможно имѣть вѣру, работая страстямъ, когда начало вѣры, требуетъ: да отвержемся себе и возьмемъ крестъ.

Послушаемъ, что говоритъ на сіе мѣсто св. Златоустъ: „чтобъ услышавъ, *не отъ дѣлъ*, но вѣрою совершается наше спасеніе ты не остался безпеченъ, посмотри, что далѣе говоритъ Апостолъ: *Того бо есмы твореніе, создани во Христѣ Іисусѣ на дѣла благая*... Замѣть, это проповѣдуетъ тотъ же Апостолъ, (т. е. который предъ этимъ только говорилъ о спасеніи чрезъ вѣру). Здѣсь намекаетъ онъ на возсозданіе. Дѣйствительно, наше спасеніе есть второе твореніе: чрезъ искупленіе мы точно изъ небытія приведены къ бытію. Въ томъ состояніи, въ какомъ мы были прежде, т. е. въ состояніи ветхаго человѣка, мы были мертвы; теперь же сдѣлались тѣмъ, чѣмъ прежде не были. Значитъ, дѣло возрожденія нашего есть дѣйствительно твореніе, и притомъ твореніе, гораздо превосходнѣйшее перваго. Тѣмъ твореніемъ мы призваны къ жизни, этимъ же созданы способными къ жизни доброй.—*На дѣла благая, яже прежде уготова, да въ нихъ ходимъ*, т. е. отъ насъ требуется добродѣтель постоянная, продолжающаяся непрерывно, до послѣдняго часа жизни. Еслибы мы, предпринявъ путешествіе въ царскую столицу, и совершивъ большую его часть, вдругъ потомъ разлѣнились и остановились не окончивъ пути, то принесло ли бы намъ какую пользу это странствованіе?! Точно также *и упованіе званія* какую пользу доставитъ намъ, участвующимъ въ этомъ упованіи, если мы не станемъ ходить достойно Призвавшаго? Мы, призванные на дѣла благая, должны и пребыть въ нихъ, доколѣ не совершимъ всѣхъ добрыхъ подвиговъ. Не для того, безъ сомнѣнія, мы призваны, чтобы совершить одно какое либо доброе дѣло, но чтобы всегда быть добродѣтельными. Какъ всѣми пятью чувствами мы должны пользоваться надлежащимъ образомъ, такъ точно должны совершать и всѣ добродѣтели. Если кто цѣломудренъ, но не милостивъ,

или милостивъ, но лихоимецъ, или хоть и не беретъ чужаго, но не раздаетъ и своего: для такого,—все напрасно. Одна какая нибудь добродѣтель не даетъ намъ права съ дерзновенiемъ предстать престолу Христову; для этого нужны добродѣтели многiя, разнообразныя, добродѣтели всякаго рода, или вѣрнѣе, всѣ добродѣтели: послушай, что Христосъ сказалъ ученикамъ Своимъ: *шедше научите вся языки... учаще ихъ блюсти вся, елика заповѣдахъ вамъ* (Мѳ. 28, 19). И въ другомъ мѣстѣ: *иже аще разоритъ едину заповѣдей сихъ малыхъ... мнiй наречется въ царствiи небесномъ* (Мѳ. 5, 19). Значитъ намъ нужно соблюдать всѣ заповѣди."

IV.

Таково величiе домостроительства спасенiя вообще для всѣхъ; для Ефесянъ же, а въ лицѣ ихъ и для всѣхъ вѣрующихъ изъ язычниковъ, оно проявлялось и въ той еще особенности, что они, бывъ иногда *далече*, въ силу его стали *близъ*. Чтобы полнѣе напечатлѣть это въ душахъ ихъ, Апостолъ изображаетъ: а) сколь они были далеко—ст. 11—12; б) какимъ образомъ стали близко—ст. 13—18, и в) на сколько стали близки—ст. 19—22.

а).

Какъ далеко были язычники?

(11—12).

Прежде уже говорилъ св. Апостолъ, что они были мертвы грѣхами и сооживлены Христомъ, что составляетъ внутреннюю силу жизни о Христѣ. Теперь изображаетъ внѣшнiй порядокъ соотношенiй въ духовномъ, благодатномъ домостроительствѣ спасенiя. По сокровеннымъ планамъ Божественнаго Промышленiя о нашемъ спасенiи, избранъ былъ одинъ народъ, которому ввѣ-

рено было обѣтованіе о Христѣ Спасителѣ и соотвѣтственно тому устроенъ весь его бытъ—и церковный и гражданскій и. семейный, — чѣмъ онъ отособлялся отъ всѣхъ другихъ народовъ. Печатью избранія было обрѣзаніе.—Обрѣзанные были, такимъ образомъ, свои у Бога, а всѣ другіе—какъ бы чужіе. Тѣ вѣдали Единаго Истиннаго Бога, были въ благоволеніи Его, несомнѣнно знали, что среди ихъ явится Христосъ Спаситель и ублажены были утѣшительными обѣтованіями. Язычники же ничего такого не имѣли, были безъ Бога, безъ Христа, безъ обѣтованій. Вотъ какое горькое было ваше состояніе, говоритъ Апостолъ Ефесянамъ.

Ст. 11—12. *Тѣмже поминайте, яко вы, иже иногда языцы во плоти, глаголеміи необрѣзаніе отъ рекомаго обрѣзанія во плоти рукотвореннаго, яко бѣсте во время оно безъ Христа, отчуждени житія Израилева, и чужди отъ завѣтъ обѣтованія, упованія не имуще, и безбожни въ мірѣ.*

Тѣмже поминайте. „Снова Апостолъ напоминаетъ Ефесянамъ прежнее, чтобъ показать величіе Божія благодѣянія“ (Θеод.). Напоминаетъ же потому, что „когда отъ великой бѣдности переходимъ мы въ противоположное состояніе, или сподобляемся какой-либо еще большей чести; то наслаждаясь славою своего новаго положенія, о прежнемъ обыкновенно всѣ мы вспоминаемъ неохотно“ (св. Злат.). Боялся св. Павелъ, какъ бы язычники, по своей численности въ Церкви и по внѣшнимъ преимуществамъ не стали презрительно относиться къ Іудеямъ, и заповѣдуетъ имъ помнить, что были они по Божіему порядку въ устроеніи спасенія всѣхъ, чтобъ помня то, не высились надъ Іудеями и не чуждались ихъ. Обращаясь же къ Іудеямъ, гдѣ нужно, онъ напоминаетъ имъ, что точно имѣли они преимущества, но до времени: теперь все то — уже не важно. Всяче-

ски старался Онъ сгладить неровности Іудеевъ и язычниковъ, чтобъ всѣхъ исполнить единаго братскаго духа, посредствомъ единенія всѣхъ во Христѣ.

Яко вы, иже иногда языцы.. Мысль прочихъ словъ 11-го стиха проста: *вы* необрѣзанные, если поставить васъ въ отношеніе съ Іудеями обрѣзанными. Зачѣмъ такой перифразъ угодно было употребить св. Апостолу?— Затѣмъ, что обрѣзаніе служило дверью къ участію въ обѣтованіяхъ народа Божія. Имѣя въ виду указать, чего лишались язычники, бывъ отчуждены отъ Іудеевъ, онъ указываетъ на исходное начало раздѣленія между ними— обрѣзаніе и необрѣзаніе. Но словами: *глаголеміи необрѣзаніе отъ рекомаго обрѣзанія*,—онъ вмѣстѣ даетъ разумѣть, что это отличіе и не было, и тѣмъ паче теперь не есть, уже что либо существенное. Это знакъ внѣшній. Іудеи чуждались язычниковъ, яко необрѣзанныхъ, почитая ихъ чрезъ то нечистыми и богоотверженными; язычники за это самое неблаговолительно относились къ Іудеямъ и, соглашаясь иногда вѣровать въ Бога Израилева, никакъ не могли мириться съ обрѣзаніемъ. Апостолъ теперь внушаетъ имъ (имѣя, можетъ быть, въ виду смирить и Іудеевъ): необрѣзаніе глаголемое отъ рекомаго обрѣзанія—еще не такъ важно, если смотрѣть на него внѣшно, но важно то, что съ этимъ соединилось, съ этимъ связаны были лишенія очень чувствительныя.

Вы иногда языцы во плоти... Бл. Θеодоритъ *во плоти* относитъ къ *глаголеміи необрѣзаніе* во плоти, и послѣ *языцы* ставитъ знакъ препинанія. Мысль та, что „и обрѣзаніе принадлежитъ плоти, и необрѣзаніе также плоти."

Глаголеміи необрѣзаніе. „Обрѣзаніе и необрѣзаніе плотскій идіомъ (отличительная черта). Плотское же не существенно; почему и сказалъ: *глаголеміи*" (св. Дам.).

Отъ рекомаго обрѣзанія: „Честь была только на словахъ и преимущество отъ обрѣзанія относилось только

къ плоти; потому что ни необрѣзаніе, ни обрѣзаніе ничего незначатъ (уже болѣе)“ (св. Злат.).

Во плоти рукотвореннаго. Обрѣзаніе чужими руками дѣлалось, и не шло дальше плоти. Сердце и при немъ оставалось необрѣзаннымъ. Потому, совнѣ смотря, это въ духовномъ отношеніи ничего не прибавляло и не убавляло. „Зналъ Апостолъ истинное обрѣзаніе, въ коемъ обрѣзываются нечистыя, привходящія въ сердце, пожеланія. Но если это есть истинное обрѣзаніе, то и необрѣзаніемъ истиннымъ будетъ нечистота сердца“ (св. Дам.).

Яко бысте во время оно безъ Христа. Во время оно,— до пришествія Христова, а ближе до принятія вѣры Христовой. Ибо тѣ, кои не вѣруютъ во Христа, и теперь терпятъ тѣ же лишенія духовныя. Эти лишенія и перечисляетъ здѣсь св. Павелъ, чтобъ очевиднѣе представить, какихъ благъ они теперь сподобились. Внѣшно смотря, не велико то, что они не имѣли обрѣзанія, не общились съ народомъ Божіимъ и не знали порядковъ его жизни; но страшно то, что съ этимъ было соединено. „Не думайте, говоритъ онъ, что есть какая-нибудь разница (важность) въ томъ, что вы не получили обрѣзанія и находитесь въ необрѣзаніи; страшно не это, а вотъ что: быть безъ Христа, быть отчужденнымъ отъ житія Израилева (а первое къ жизни не относится), быть внѣ завѣта обѣтованія, не имѣть упованія и быть въ мірѣ безбожными, каковы именно и были язычники,— это страшно. Прежде Апостолъ говорилъ о вещахъ небесныхъ (какъ бывъ мертвы сооживлены Христомъ); теперь говоритъ о земныхъ, такъ какъ Іудеи высоко цѣнили ихъ“ (св. Злат.).

Но вѣдь и Іудеи прежде были безъ Христа? — Безъ Христа, потому только, что Онъ еще не пришелъ; но Онъ такъ несомнѣнно имъ обѣтованъ, и они такъ несомнѣнно чаяли Его, что будто самымъ дѣломъ уже

имѣли Его.—Все устройство подзаконной вѣры было проникнуто Христомъ. Онъ было тѣло, а законъ—тѣнь (Кол. 2, 17). Іудеи потому имѣли Христа сокровеннаго. Эта сокровенность все болѣе и болѣе прояснялась Пророками, такъ что вѣра въ грядущаго Христа Господа составляла духъ благочестія іудейскаго народа. Христосъ былъ для нихъ все; отъ Него только ожидали они всего лучшаго. Этого преимущества язычники не имѣли. Сознавали только, что у нихъ все дурно; но какъ и кто поправилъ бы то, этого не знали, хоть иные, по какому-то прозрѣнію и гадали о томъ. Посему Христосъ и явился среди Іудеевъ, изъ нихъ была первая церковь и ими проповѣдано Евангеліе. Въ семъ сила, преимущество и значеніе Іудеевъ для всего человѣчества.

Отчуждени житія Израилева. Житіе—πολιτέια—порядки жизни, Самимъ Богомъ учрежденные. Израилю даны были заповѣди, указывавшія, какъ угождать Богу и какъ очищать себя въ случаѣ нарушенія заповѣдей и прогнѣванія Бога. Все было запечатлѣно очевидною волею Божіею, такъ что жившіе такъ не могли не быть увѣрены, что они Божіи и состоятъ подъ Его покровомъ и благоволеніемъ. Тѣмъ и значительны были порядки житія Израилева, что они показывали, что Израиль есть царство Божіе, въ коемъ Богъ—царь. И Онъ осязательно царилъ въ нихъ, являлъ дивныя знаменія и хранилъ народъ сей для великой цѣли спасенія рода человѣческаго во Христѣ Іисусѣ. Язычники были *отчуждены*—άπηλλοτριωμένοι—отъ сего житія. Въ семъ выраженіи лежитъ намекъ на то, что первоначально и они предназначены были принадлежать къ нему. И язычники принадлежали къ тому же древу человѣчества,—какъ оно организовано Богомъ, по паденіи и по потопѣ,—приняли и обѣтованія первоначальныя, но потомъ отломились. Они, какъ неразумный сынъ, бѣжали изъ отчаго

дома съ захваченнымъ наслѣдіемъ небольшимъ,—и Богъ оставилъ ихъ ходить въ самоизвольныхъ путяхъ. *Отчуждены*—сами отчуждились. Кто виноватъ? Даетъ Апостолъ доразумѣть: теперь Богъ прощаетъ вамъ ваше самоволіе и возвращаетъ къ Себѣ.

Чужди отъ завѣтъ обѣтованія. — Божія Матерь въ пѣсни своей величаетъ Бога, что помянулъ наконецъ *милости, якоже глагола ко отцемъ—Аврааму и сѣмени его* (Лк. 1, 54. 55).—Эти милости и были обѣтованія, закрѣпленныя особыми завѣтами. Были завѣты съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ, со всѣмъ народомъ на Синаѣ, съ Пророкомъ Давидомъ. Всѣ они суть завѣты обѣтованій. Богъ требовалъ вѣрности отъ народа, а Самъ обѣтовалъ всегдашнее имъ покровительство, защиту и сохраненіе. Но существо обѣтованій составляло обѣтованіе о пришествіи Мессіи, или явленіе Его среди ихъ. Ради Его давалось и обѣтованіе защиты и охраны, и самымъ дѣломъ являемы были; потому что иначе и Мессіи не явиться бы среди нихъ. Что это точно такъ, видно изъ того, что какъ только пришелъ Господь и положилось начало образованія новаго Израиля, древній разсѣянъ: охраненіе его прекращено, какъ уже ненужное, и онъ пересталъ быть народомъ особымъ, а блуждаетъ по міру, во свидѣтельство истины самымъ противленіемъ истинѣ. Отъ житія отчуждались язычники, унесши съ собою первыя обѣтованія, и заповѣди Ноевы, — а отъ обѣтованій *чужды* были. Тутъ уже никакой части они не имѣли; ибо они давались помимо ихъ, хотя въ концѣ и объ нихъ намекалось, что и они придутъ къ горѣ Божіей и дому Божію на верхъ горъ и будутъ умолять, чтобъ и ихъ научили закону Бога живаго. Но до нихъ не доходилъ слухъ о томъ; это говорилось для духовнаго оживленія все того же Израиля, которому было даровано и главное обѣтованіе.

Упованія не имуще. Поелику не участвовали въ обѣтованіяхъ, то само собою не могли питать и упованія, какое возбуждаемо было обѣтованіями. Не объ этомъ слѣдуетъ и рѣчь. Не то упованіе разумѣетъ Апостолъ, которое имѣли Израильтяне вслѣдствіе обѣтованія Мессіи, грядущаго во имя Господне, а упованіе общее, которымъ кто обезопашеннымъ себя чувствуетъ по смыслу своего отношенія къ Богу, отъ Коего все. Слово сіе и по гречески стоитъ безъ члена, въ показаніе, что здѣсь разумѣется не особое какое либо упованіе, а всякое.

Жизнь безъ упованія—безотрадная жизнь. Язычники находились въ безвыходномъ положеніи. Чувство давало это имъ знать тугою сердца, томившею весь языческій міръ. Въ нѣкоторыхъ эта неопредѣленная туга доходила до опредѣленности. Брался напримѣръ иной добиться до познанія истины, но побьется-побьется и опуститъ руки; ибо она не показывала лица своего, и подъ ногами не видно было никакой къ ней дороги. Иной брался исправлять нравъ, но побьется-побьется и бросаетъ; ибо все валится изъ рукъ, и успѣха нѣтъ и не предвидится. Такъ и во всемъ прочемъ. Такіе опредѣленно могли знать, что они въ какомъ-то безвыходномъ положеніи, а другіе носили то въ неопредѣленномъ чувствѣ, выражавшемся всеобщею тугою.

Бога опредѣленно не вѣдали, законовъ промышленія Его не знали, не знали и того, какъ угодить Ему и очиститься предъ Нимъ отъ грѣховъ. А тутъ смерть—грозное событіе для тѣхъ, кои смутно представляли, будутъ ли жить по смерти и, если будутъ, какъ имъ быть тамъ. Всюду неопредѣленность и безвѣстность: язычники похожи на погрязшаго въ трясину, готовую поглотить его.

Но, вѣдь, безъ упованія жить нельзя. Кто теряетъ всякое упованіе, тотъ обычно лишаетъ себя жизни. Какъ

же живыми оставались язычники?—Сами себѣ устрояли надежды, хотя призрачныя и обманчивыя. И не то ли разумѣетъ Апостолъ,—что язычники не имѣли истиннаго упованія, чающаго получить истинное и прочное благо? Это вѣроятно; потому что и безбожными ихъ называетъ за то, что не знали истиннаго Бога, а служили не по естеству сущимъ богамъ.

И безбожни въ мірѣ. „Хотя язычники и покланялись богамъ, но были однакожъ безбожны, потому что идолы, которымъ они кланялись, ничего не значатъ" (св. Злат.). — Безъ Бога быть человѣку нельзя. Потерявъ познаніе истиннаго Бога, язычники выдумали своихъ, и почитая ихъ, успокоивались. Но въ существѣ дѣла, они служили мечтѣ, а не Богу. Не знали они истиннаго живаго Бога и были внѣ общенія съ Нимъ. Другихъ же боговъ сколько ни изобрѣти,—все это пустое. Этимъ только измѣняема была слава нетлѣннаго Бога, не безвинно и не безотвѣтно.—*Безбожни*—не осуждены на безбожіе, а сами себя поставили въ такое состояніе.

Безнадежіе тѣсно соединено у Апостола съ безбожіемъ. Въ послѣднемъ источникъ перваго. Въ мірѣ зломъ, настоятельно необходимо крѣпкое,—крѣпко стоящее, на непоколебимыхъ основахъ утвержденное, — упованіе на Бога живаго, любящаго и сильнаго. Внѣ общенія съ таковымъ, истиннымъ Богомъ — упованіе гдѣ найдетъ опору?—Чуждые Бога истиннаго, потому, естественно, погружаются въ безнадежіе.

Прибавкою слова *въ мірѣ* не имѣлъ ли въ мысли Апостолъ сказать: въ мірѣ, который велегласно проповѣдуетъ о Богѣ истинномъ? *Невидимая бо Его отъ созданія міра твореньми помышляема видима суть и присносущная сила Его и Божество* (Рим. 1, 20). — Тутъ будетъ слѣд. слово укора, которое не неумѣстно и въ наше время, для тѣхъ, которые въ мірѣ живутъ, міръ

видятъ и даже изслѣдуютъ, а Бога истиннаго знать не хотятъ.

б).

Какимъ образомъ стали близко?

(Ст. 13—18).

Ожидалось бы, что св. Павелъ, изобразивъ, какія лишенія духовныя терпѣли язычники въ отчужденіи отъ Іудеевъ, скажетъ теперь: теперь же и вы введены въ причастіе этихъ благъ, т.-е. соединены съ Іудеями и сравнены съ ними, стали какъ Іудеи. А онъ не то говоритъ; говоритъ, что стѣна, раздѣлявшая васъ съ Іудеями, разорена, вы слиты съ Іудеями, но не затѣмъ, чтобы стать Іудеями, а чтобы вмѣстѣ съ ними быть передѣланными въ новое человѣчество, къ чему и Іудеи предназначались. Апостолъ имѣетъ здѣсь въ виду представить великость благодѣянія Божія къ язычникамъ изъ ихъ отношенія къ домостроительству спасенія. Онъ какъ бы говоритъ имъ: Богъ, устрояя спасеніе человѣческое, избралъ Себѣ одинъ народъ, который питалъ надеждами и обѣтованіями и хранилъ особымъ покровительствомъ, отособивъ его отъ всѣхъ народовъ учрежденіями, обнимавшими всю его жизнь; вы лишены были такого благодѣянія, и это лишеніе было очень значительно. Но учрежденія іудейскія были только временныя; пришелъ и имъ конецъ, и Іудеи вводятся теперь въ обладаніе высшими благами духовными, которыхъ прежнія служили только прообразомъ, подчиняемы будучи новымъ благодатнымъ учрежденіямъ. Все это дѣлается по плану домостроительства нашего спасенія, отъ вѣка предначертанному. Еслибы и теперь Богъ удержалъ васъ вдали отъ сего домостроительства, какъ это дѣлалъ прежде, то мѣры

вашихъ лишеній и описать бы нельзя было. Но Богъ презрѣлъ ваше виновное отъ Него отчужденіе, и устроя окончательные пути во спасеніе наше среди Іудеевъ и чрезъ Іудеевъ, призвалъ и васъ ко вступленію на нихъ, чтобъ и вы вмѣстѣ съ Іудеями, забывъ древнее раздѣленіе, текли тѣмъ же путемъ новымъ и живымъ, коимъ оба во единомъ духѣ приводитесь ко Отцу.—Теперь и вы стали близки. — Къ кому и къ чему? — Къ Богу, къ Господу Спасителю, къ единственному въ Немъ пути во спасеніе, къ царствію Христову и ко всѣмъ сладчайшимъ въ Немъ надеждамъ,—близки не къ тому, отъ чего прежде далеки были и что уже миновалось, а къ тому, что вновь и окончательно учреждено во спасеніе наше.—Помните же это, что вы столько облагодѣтельствованы, чрезъ степень шагнули, переведены чрезъ классъ, и не только не оставлены назади, но и упреждать прежде бывшихъ близкими получили возможность.

Ст. 13. *Нынѣ же о Христѣ Іисусѣ, вы бывшіи иногда далече, близъ бысте кровію Христовою.*

Нынѣ же о Христѣ Іисусѣ,—когда обѣтованный Христо ъ пришелъ и устроилъ намъ спасеніе, которое прежде только чаялось, когда устроено благодатное царство Христомъ Господомъ и всѣмъ проповѣдуется,—нынѣ — въ новозавѣтномъ домостроительствѣ спасенія. — *Вы, бывшіи иногда далече*, вы, отъ прежняго временнаго и приготовительнаго домостроительства отчуждавшіеся, чрезъ отчужденіе отъ Іудеевъ, и стоявшіе такимъ образомъ вдали, — *близъ бысте*, не отчуждены отъ новаго домостроительства, истиннаго и окончательнаго, но введены въ участіе въ немъ, наравнѣ съ Іудеями, въ которыхъ и чрезъ которыхъ оно подготовлялось прежнимъ образомъ домостроительства. Какъ *близъ бысте? Кровію Христовою.* Краткій, но всеобъемлющій отвѣтъ. Вся послѣдующая рѣчь ст. 14—17—служитъ объясненіемъ ему—пространнѣй-

шимъ и полнѣйшимъ. Сущность его можно выразить такъ: все ветхозавѣтное учрежденіе было тѣнь; тѣло же Христово. Когда пришелъ Господь и принесъ Себя въ жертву крестною смертію; тогда все, что было только отраженіемъ сей жертвы, престало,—потеряло свое значеніе и силу. Вся сила перешла теперь въ крестную смерть. Такимъ образомъ кровь Христова, на крестѣ пролитая, пресѣкла ветхозавѣтное учрежденіе, и сама стала на мѣсто его,—тѣло вмѣсто тѣни, истина вмѣсто предображеній ея. То, чѣмъ разорено ветхое, само стало новымъ учрежденіемъ во спасеніе. Но ветхозавѣтныя учрежденія были стѣною, раздѣлявшею Іудеевъ и язычниковъ. Слѣдовательно кровь Христова, пресѣкшая значеніе ветхозавѣтныхъ учрежденій, разорила и стѣну раздѣленія Іудеевъ и язычниковъ. И какъ она же стала новозавѣтнымъ учрежденіемъ во спасеніе, то стала и центромъ единенія для всѣхъ, вступающихъ въ сей новооткрытый путь спасенія. Іудеи сбрасываютъ ветхое и облекаются въ новое кровію Христовою, отмѣнившею все ветхое; а язычники, прямо помазуясь кровію Христовою, облекаются во все новое. Тѣ и другіе въ крови Христовой находятъ центръ взаимнаго единенія, и вмѣстѣ способъ общенія въ благодатномъ учрежденіи, чрезъ которое, пріискренно сочетаваясь со Христомъ, приближаются къ Богу,—оба равно, безъ преимуществъ уже одного предъ другимъ.

Ст. 14—16. *Той бо есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино, и средостѣніе ограды разоривый: вражду плотію Своею, законъ заповѣдей ученьми упразднивъ: да оба созиждетъ собою во единаго новаго человѣка, творя миръ; и примиритъ обоихъ во единомъ тѣлѣ Богови крестомъ, убивъ вражду на немъ.*

Той бо есть миръ нашъ, миръ между вами язычниками и вами Іудеями, которые теперь составляемъ Церковь.

Еще въ Ветхомъ Завѣтѣ Спаситель названъ княземъ мира (Ис. 9, 6). Ангелы привѣтствовали Его рожденіе миромъ на землѣ (Лук. 2, 14). Конечно, въ томъ и другомъ случаѣ разумѣется миръ всесторонній; ибо есть миръ внутренній въ совѣсти, миръ съ Богомъ, умиротвореніе всѣхъ движеній души. Въ словѣ Апостола въ настоящемъ мѣстѣ хотя и можно доразумѣвать и миръ съ Богомъ въ совѣсти,—какъ условіе, но прямая мысль его о соединеніи раздвоеннаго человѣчества. Въ религіозномъ—существеннѣйшемъ отношеніи оно распадалось на двѣ половины, рѣзко отличавшіяся, состоявшія въ непримиримости, и не могли соединиться въ томъ видѣ, въ какомъ сформировались обѣ, теченіемъ исторіи, по Божію хотѣнію и соизволенію.

Обоя сія—Христосъ Господь *сотворилъ едино*,—одно общество, крѣпкимъ союзомъ связанное, союзомъ живымъ, сердечнымъ, душевнымъ, въ коемъ всѣ члены взаимно сочувственны и сострадательны.—Какъ это сотворилъ Онъ? Отмѣнивъ то, что служило причиною раздѣленія и обоихъ исполнивъ новыми общими началами и силами жизни по Богу, которыя сливали души ихъ во едино.

Средостѣніе ограды разоривъ. Оградою народа Божія былъ законъ, по коему они Богу служили и угождали, и коимъ оправдывались предъ Нимъ во грѣхахъ и къ Нему приближались. Но этотъ же законъ служилъ *стѣною*, отгораживавшею народъ Божій отъ всѣхъ другихъ народовъ, такъ что ни тѣ ни другіе смѣшиваться не могли никакъ. Господь Іисусъ Христосъ это средостѣніе ограды разорилъ. Какъ?—Своимъ пришествіемъ во плоти и крестною смертію. Законъ былъ тѣнь грядущаго: тѣло же Христово. Когда явилось тѣло, тѣнь престала. Всѣ ветхозавѣтныя оправданія упразднены принесеніемъ въ жертву тѣла Христова. Кровь Хри-

стова замѣнила все прежнее. Отмѣнивъ же законъ, Господь разорилъ средостѣніе — эту причину немирности двухъ половинъ рода человѣческаго. Мѣсто все такъ: средостѣніе ограды—законъ,—эту *вражду*, или причину немирности, разорилъ Господь *плотію Своею*, — тоже что выше кровію Своею.

Но одно отмѣнивъ или разоривъ, Господь ввелъ вмѣсто его другое: *законъ заповѣдей ученьми упразднивъ*,—внѣшній чинъ богоугожденія замѣнивъ мысленнымъ, духовнымъ, въ умѣ и сердцѣ совершающимся, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ исполнимымъ и долженствующимъ исполняться. *Законъ заповѣдей* гласилъ: дни смотряйте, времена, и лѣта, или: не коснися, ниже вкуси, ниже осяжи, и проч.—Его составляла вся совокупность предписаній, опредѣлявшихъ всѣ входы и исходы жизни Израиля, и дома, и въ храмѣ, и въ обществѣ. Но все это было внѣшнее, — исполнялось тѣлесно посредствомъ вещественныхъ стихій. Этотъ *законъ заповѣдей упразднилъ Господь ученьми*—ἐν δόγμασι. Не стихійнаго служенія, не внѣшней чинности требуетъ Онъ, а законоположилъ представлять Богу, яко жертву, богоугодный строй внутренней жизни, слагающейся изъ образа мыслей, чувствъ и расположеній. Этотъ новый законъ жизни о Христѣ Іисусѣ весь въ единомъ словѣ: токмо вѣруй и спасенъ будешь. Съ такимъ поясненіемъ: вѣра же твоя да будетъ любовію споспѣшествуема,—любовію, въ коей исполненіе закона. Вотъ δόγμα—существо жизни о Христѣ Іисусѣ. Вѣра — мысленное дѣло,—любовь тоже. Всякаго рода внѣшнее положеніе не колеблетъ сего словеснаго служенія. И се есть—поклоненіе Богу духомъ и истиною!

И язычники имѣли свой внѣшній чинъ религіозный. И они должны были его бросить, и бросали, приступая къ Господу съ вѣрою. Такимъ образомъ—внѣшнее

все брошено и Іудеями и язычниками, а за тѣмъ обоими принять одинаковый строй внутренней жизни. Внутри они сочетавались единомысліемъ, единочувствіемъ, единонравіемъ: тутъ утверждался между ними прочный миръ. Но въ этомъ же получились и новыя начала жизни для нихъ обоихъ, слитыхъ во едино. Такъ новый духъ жизни о Христѣ Іисусѣ, проникая обоихъ одинаково, творилъ миръ, и изъ обоихъ созидалъ *единаго новаго человѣка,* или новое человѣчество, коего родоначальникъ и глава—Христосъ Господь.

Но это есть еще низшій родъ мира. Есть высшій—миръ съ Богомъ, въ коемъ источникъ перваго. Апостолъ говоритъ: и *примиритъ Богови,*—сказавши напередъ о примиреніи обоихъ между собою, не потому, чтобъ въ этомъ было начало того, а потому, что въ изображеніи умиротворяющаго дѣйствія искупленія идетъ отъ низшаго къ высшему. Послѣдній предѣлъ умиренія есть примиреніе съ Богомъ, дальше котораго уже некуда идти. Но въ существѣ дѣла тутъ начало всего. Примирившись съ Богомъ, вѣрующіе умиротворяются въ себѣ, а чрезъ этотъ миръ мирятся всѣ и взаимно.—Съ Богомъ миръ утвержденъ крестомъ, крестною смертію Господа, вѣрою, въ силу которой вѣрующій усвояетъ себѣ умилостивленіе Бога, за всѣхъ ею совершенное.—Но что значитъ: *примиритъ обоихъ во единомъ тѣлѣ?*—Еслибы здѣсь говорилось о примиреніи между собою Іудеевъ и язычниковъ, то *во единомъ тѣлѣ* прямо указывало бы на тѣло Церкви; но какъ говорится о примиреніи *Богови,* то слова сіи не подаютъ другой мысли, какъ: примирить въ единомъ тѣлѣ Своемъ, принесши его въ жертву умилостивленія за всѣхъ на крестѣ. Равнымъ образомъ *убивъ вражду,* не ту вражду означаетъ, о которой выше говорилось въ словахъ: *вражду плотію своею,* но вражду, которую грѣхъ возставлялъ

между людьми и Богомъ. Эта вражда убита крестомъ; и вѣрующіе, *враги бывше* (Рим. 5, 10), примиряются чрезъ него съ Богомъ.

Таково содержаніе сихъ стиховъ! Но какъ они представляютъ наиважнѣйшій предметъ вѣры нашей, то чтобъ подольше подержать на немъ вниманіе любящихъ внимать истинамъ вѣры, приведемъ здѣсь все, что высказано было св. отцами и учителями нашими по поводу ихъ.

Той бо есть миръ нашъ, сотворивый обоя едино. „Онъ есть миръ нашъ, Онъ устроилъ, что увѣровавшіе изъ Израильтянъ и изъ васъ составляютъ одно тѣло“ (Θеод.). „Что значитъ *обоя едино*? Апостолъ этимъ показываетъ не то, что Богъ даровалъ намъ съ Іудеями одинаковое благородство; но то, что и насъ и ихъ Онъ возвелъ въ лучшее состояніе. Впрочемъ благодѣянія Божіи къ намъ даже выше; тѣмъ—Іудеямъ дарованы были обѣтованія, и они были къ Богу ближе насъ; намъ не дано было никакихъ обѣтованій, и мы отстояли отъ Бога дальше. Потому-то и сказано: *языки за милость прославили Бога* (Рим. 15, 9). Израильтяне получили обѣтованія, но оказались недостойными ихъ; намъ же ничего не было обѣщано, мы были чужды обѣтованій; ничего общаго у насъ съ Іудеями не было; и Онъ соединилъ насъ во едино; не такъ впрочемъ, чтобъ насъ присоединилъ къ нимъ, но насъ и ихъ совокупилъ во едино. Возьмемъ примѣръ: пусть одинъ будетъ рабъ, другой—усыновленный; оба они долженствовали служить Ему (т. е. Богу); но одинъ объявленъ былъ лишеннымъ наслѣдства, другой бѣжалъ прочь, а потомъ оба содѣланы наслѣдниками и законными дѣтьми. Они удостоились одинаковой чести; два сдѣлались едино, съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ пришелъ издали, другой — изблизи, и что ближайшій прежде прибылъ къ Отцу“ (св. Злат.).

Средостѣніе ограды разоривъ. „Положилъ конецъ закону, который, подобно какой-то стѣнѣ, раздѣлялъ васъ другъ отъ друга; а совершивъ сіе, уничтожилъ то, что разлучало васъ и ихъ“ (Өеод.). „Стѣну, которая была посредѣ и полагала раздѣленіе между закономъ дѣлъ и язычествомъ, назвалъ онъ загородью или тыномъ (греч. φραγμός), а не стойкою и мощною стѣною. Ибо ни язычество не было чѣмъ либо твердымъ, какъ изобрѣтеніе человѣческое, ни обрѣзаніе съ новомѣсячіями, различеніями яствъ, жертвами и субботами, не было учрежденіе прочное и неизмѣнное;—и оно было дано съ тѣмъ, чтобы престать, когда придетъ Христосъ. Хоть Богъ далъ все это, но далъ на время; благовѣстіе же вѣры неизмѣнно и безпреемственно“ (Амвр.). „Законъ былъ и оградой,—оградой для утвержденія въ добрѣ; оградой же названъ онъ потому, что могъ ограждать отъ зла. Послушай что говоритъ Пророкъ: *огражденіемъ оградихъ его* (Ис. 5, 2). Еще: *низложилъ еси оплотъ его и объимаютъ и вси мимоходящіи путемъ* (Пс. 79, 13). И еще: *законъ въ помощь даде* (Ис. 8, 20). И въ другомъ мѣстѣ: *творяй милостыни Господь и судьбу всѣмъ обидимымъ; сказа пути своя Моѵсеови, сыновомъ Израилевымъ хотѣнія Своя* (Пс. 102, 7. 8)“ (св. Злат.).

Вражду плотію Своею. „Прежде воплощенія была великая вражда между обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ; нынѣ же мы примирились, ставъ едино вѣрою. Мы характеризуемся уже не обрѣзаніемъ и необрѣзаніемъ, но одинъ имѣемъ отличительный знакъ—вѣру“ (Өеоф.).— Св. Златоустъ и другіе восточные разумѣютъ здѣсь вражду къ Богу, которую возставляетъ грѣхъ. Блаж. Фотій у Экуменія разумѣетъ двѣ вражды — и ту, которая была между Іудеями и язычниками, и ту, которая у тѣхъ и другихъ была къ Богу по причинѣ грѣшности. „И ту и другую, говоритъ, разорилъ Христосъ Богъ

нашъ.“ Но прямѣе здѣсь понимать первую, хотя можно доразумѣвать и вторую такъ: раздѣленіе Іудеевъ и язычниковъ уничтожено отмѣненіемъ закона, а онъ отмѣненъ тѣмъ, что Христосъ кровію Своею примирилъ насъ съ Богомъ.

Законъ заповѣдей ученьми упраздневъ. „Предписанія законныя замѣнилъ догматами. Обрѣзаніе, субботу, пасху, пятидесятницу и то, чтобъ не являться предъ лицемъ Господа тощу,—научилъ понимать выше, нежели какъ внушаетъ звукъ слова, и отступивъ, отъ убивающей буквы, слѣдовать духу животворящему“ (Бл. Іерон.).— „То есть, законъ, который данъ былъ Іудеямъ,—о храненіи обрѣзанія, новомѣсячій, жертвъ, субботы, отмѣнилъ, потому что онъ служилъ только въ тяготу, — и тѣмъ ввелъ миръ (между Іудеями и язычниками). Почему Апостолъ Петръ и сказалъ въ Дѣяніяхъ: *что возлагаете иго на выи учениковъ, егоже ни отцы наши ни мы возмогохомъ понести?* (Дѣян. 15, 10)“ (Амвр.). „О коликое человѣколюбіе! Онъ далъ намъ законъ, чтобъ мы сохранили его; потомъ, когда мы не сохранили его и за это долженствовали быть наказаны, Онъ и законъ упразднилъ. Это походитъ на то, какъ еслибы кто, повѣривъ свое дитя воспитателю и потомъ замѣтивъ, что дитя не слушается пѣстуна, освободилъ его отъ воспитателя. Великое человѣколюбіе Богъ показалъ этимъ! — Что же значитъ: *ученьми упраздневъ?* Апостолъ полагаетъ великое различіе между заповѣдію (ἐντολη) и ученіемъ (δογματα). Ученіемъ онъ называетъ здѣсь вѣру, потому что мы спасаемся только вѣрою... Значитъ, — если вѣруешь, что Іисусъ Христосъ возсталъ изъ мертвыхъ, — спасешься. И еще: *близъ ти глаголъ есть во устѣхъ твоихъ и въ сердцѣ твоемъ, да не речеши: кто взыдетъ на небо... или кто снидетъ въ бездну... или кто бы возвелъ Христа*

изъ мертвыхъ (Рим. 10, 8. 6. 7). Вмѣсто дѣлъ онъ ввелъ вѣру, чтобы не пропало даромъ дѣло спасенія; Самъ принялъ наказаніе, а отъ насъ требуетъ вѣры въ догматы“ (св. Злат.).

Да оба созиждетъ Собою во единаго новаго человѣка, творя миръ. „Видишь, язычникъ не сдѣлался Іудеемъ, но тотъ и другой пришли въ новое состояніе. Не для того онъ упразднилъ законъ, чтобы одного преобразовать въ другаго, а для того, чтобы возсоздать обоихъ. И хорошо Апостолъ употребляетъ слово: *созиждетъ*; не сказалъ: перемѣнить, — чтобы показать особую силу этого дѣйствія, — и то, что хотя это созиданіе совершалось невидимымъ образомъ, но не смотря на это оно не меньше перваго творенія,—и то, чтобы при такихъ очевидныхъ доказательствахъ уже нельзя было оставаться невѣрующими. *Да оба*, говоритъ, *созиждетъ Собою*, т.-е. чрезъ Себя. Не послалъ кого нибудь другаго; но Самъ Собою,—предварительно какъ бы расплавивъ того и другаго, т.-е. эллина и іудея,—создалъ одного дивнаго, т.-е. христіанина,—Самъ содѣлавшись и первымъ твореніемъ этого рода, — твореніемъ, которое гораздо выше перваго творенія. *Собою* можетъ значить также и то, что Онъ первый представилъ намъ образецъ и примѣръ (новой твари). При этомъ, занимая Самъ средину, Онъ одною рукою привлекаетъ іудея, другою эллина, и смѣшавъ ихъ и все, что отчуждало ихъ между собою, уничтоживъ, преобразилъ свыше. Преобразилъ и іудея, который былъ обрѣзанъ и находился подъ проклятіемъ,— и эллина, находившагося внѣ закона, *во единаго новаго человѣка*, высшаго обоихъ, — и іудея и эллина, *творя миръ* и въ отношеніи къ Богу и въ отношеніи другъ ко другу. Оставаясь іудеи іудеями, эллины эллинами, они никогда не соединились бы между собою. Не оставляя собственнаго положенія, какъ каждый изъ нихъ могъ бы

придти въ лучшее состояніе?—Іудей тогда лишь сближается съ эллиномъ, когда сдѣлается вѣрнымъ. Это походитъ на то, когда двое занимаютъ внизу два отдѣльныхъ помѣщенія и вверху имѣютъ одинъ общій прекрасный и обширный покой: они до тѣхъ поръ не могутъ видѣться между собою, пока не поднимутся вверхъ" (св. Злат.). Новымъ человѣкомъ называетъ Онъ—того, который обновляется по вся дни, и имѣетъ обитель въ новомъ мірѣ, когда будетъ небо ново и земля нова (Ис. 65),—имѣетъ пить чашу Іисусову новую въ царствіи Божіемъ (Мар. 14), и пѣть пѣснь новую (Пс. 32, 3 и Пс. 97). Начало обновленія полагается здѣсь; совершенное же и полное обновленіе послѣдуетъ въ вѣкѣ грядущемъ. Какъ видимъ мы здѣсь зерцаломъ въ гаданіи, а тамъ узримъ лицемъ къ лицу (1 Кор. 13); такъ и созижденіе новаго человѣка тогда явится полнымъ и совершеннымъ, когда небо и земля соединятся (Бл. Іер.).

И примиритъ обоихъ во единомъ тѣлѣ Богови крестомъ, убивъ вражду на немъ. „Убилъ вражду на крестѣ, принесши нескверную жертву. Примирилъ же обоихъ, т. е. увѣровавшихъ изъ язычниковъ и изъ Іудеевъ, въ единомъ тѣлѣ принесенномъ за всѣхъ, чтобы составили они одно тѣло. А всѣхъ вѣрующихъ назвалъ Апостолъ однимъ человѣкомъ, потому что одна у всѣхъ глава — Владыка Христосъ, тѣло же составляютъ сподобившіеся спасенія" (Θеод.). „Убивъ вражду смертію Своею, Христосъ прежде между собою помирилъ народы, а потомъ сдѣлалъ ихъ мирными и съ Богомъ Отцемъ, чтобъ одноестественные люди, разрознившіеся по причинѣ грѣха и заблужденія, содѣлались членами одного новаго тѣла, коего глава — Христосъ" (Амвр.). „Не сказалъ: умиритъ (καταλλάξῃ), но *примиритъ* (т. е. вполнѣ примиритъ—ἀποκαταλλάξῃ), показывая чрезъ то, что и прежде сего человѣческое естество было способно къ при-

миренію съ Богомъ, какъ напримѣръ во святыхъ, бывшихъ еще прежде закона. *Во единомъ тѣлѣ*, говоритъ, *своемъ Богови*. Какимъ же образомъ Онъ совершилъ сіе? Самъ понесши на крестѣ должное наказаніе. *Убивъ вражду на немъ*. Выразительнѣе и точнѣе этихъ выраженій быть не можетъ. Смерть Его, какъ бы такъ говоритъ Апостолъ, убила, пронзила и уничтожила вражду; не другому кому поручилъ Онъ это дѣло, а Самъ выполнилъ его, и для этого не только дѣйствовалъ, но и страдалъ. Не сказалъ, разрѣшивъ, не сказалъ также: отъявъ, но *убивъ*,—слово сильнѣйшее изъ всѣхъ, такъ что вражда никогда уже не возстанетъ. Да и какъ бы она могла возстать? Развѣ благодаря нашей злобѣ? А доколѣ мы пребудемъ въ тѣлѣ Христовомъ, доколѣ будемъ находиться въ единеніи съ нимъ, до тѣхъ поръ она не возстанетъ, а будетъ лежать мертва. Собственно же говоря, она никогда не возстанетъ, и мы можемъ лишь произвести другую (вражду), но отнюдь уже не прежнюю, которая навсегда убита и умерщвлена. И значитъ это, т. е. быть или не быть во враждѣ съ Богомъ, зависитъ отъ тебя. *Мудрованіе плотское*, сказано, вражда на Бога есть. Если мы не будемъ мудрствовать плотскаго; то этой новой вражды никогда не родится, а всегда будетъ миръ. Но помысли, какъ ужасно снова добровольно придти намъ во вражду съ Богомъ послѣ того, какъ Онъ такъ много сдѣлалъ для нашего примиренія и дѣйствительно примирилъ насъ? Эту новую вражду ожидаетъ уже не купель крещенія, а геенна; не прощеніе, а наказаніе“ (св. Злат.).

Ст. 17. *И пришедъ благовѣсти миръ вамъ дальнимъ и ближнимъ*.

Изъясняя, какъ Ефесяне стали близъ, Апостолъ сказалъ сначала вообще, какъ сближены расходившіеся дотолѣ Іудеи и язычники между собою, и какъ тѣ и дру-

гіе приблизились къ Богу (ст. 14—16); теперь говоритъ, какъ это благо коснулось самихъ Ефесянъ, хотя и здѣсь можно разумѣть язычниковъ вообще.

И пришедъ благовѣсти. Сначала положилъ Господь прочныя основанія миру въ Своемъ лицѣ крестною смертію, упразднивъ законъ и разоривъ чрезъ то средостѣніе между язычниками и Іудеями, и тѣмъ же крестомъ примиривъ обоихъ съ Богомъ. Потомъ, по воскресеніи, вознесеніи на небо и сошествіи Св. Духа, послалъ св. Апостоловъ разносить по всему міру благовѣстіе о семъ мирѣ и утвердить самый миръ. Апостолы разносили благовѣстіе мира, но въ лицѣ ихъ дѣйствовалъ Самъ Господь, какъ обѣтовалъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни* (Мѳ. 28, 20). И еще: *и ины овцы имамъ, яже не суть отъ двора сего, и тыя мнѣ подобаетъ привести* (Ін. 10, 16). Самъ Господь ходилъ въ лицѣ Апостоловъ и обращалъ какъ частныя лица, такъ веси и города, и цѣлые народы. Онъ же въ лицѣ св. Павла приходилъ къ Ефесянамъ и ихъ обратилъ, сообщивъ имъ благовѣстіе мира и утвердивъ его среди ихъ.

Благовѣсти миръ. Предметъ благовѣстія былъ, что Сынъ Божій воплотился и, пострадавъ на крестѣ, примирилъ насъ съ Богомъ. Бросайте все и къ Нему Единому прилѣпляйтесь. Принимавшіе сіе благовѣстіе съ вѣрою, во св. крещеніи получали благодать Св. Духа, которая водворяла миръ въ сердцахъ ихъ умиреніемъ совѣсти и удостовѣреніемъ въ благоволеніи Божіемъ: а чрезъ это объединяла всѣхъ вѣрующихъ и сочетавала ихъ въ крѣпкое единство, единствомъ настроенія духа. Благовѣстіе Евангелія было благовѣстіемъ всесторонняго мира и утвержденіемъ его.

Вамъ дальнимъ и ближнимъ. „*Дальними* называетъ язычниковъ, а *ближними* Іудеевъ“ (Ѳеод.). Какъ предыдущая рѣчь была все о далекихъ и близкихъ, то эти

выраженія были понятны сами собою. Въ великое утѣшеніе и назиданіе должно было послужить Ефесянамъ то, что и къ нимъ приходилъ Самъ Господь, хотя благовѣстіе слышали они изъ устъ Апостола. Утѣшительно быть увѣреннымъ въ этомъ и всякому народу, и всякому обращающемуся отъ нерадѣнія и грѣшности къ ревнованію о содѣяніи спасенія своего въ Господѣ.

Амвросіастъ пишетъ: „убилъ вражду Господь Іисусъ Христосъ, когда умеръ за всѣхъ, какъ Іудеевъ, такъ и язычниковъ. Смерть Спасителя была спасительна для всѣхъ. Воскресши изъ мертвыхъ, Онъ показалъ, какія надежды могутъ питать вѣрующіе въ Него. А потомъ устроилъ благовѣстіе на созваніе всѣхъ къ Богу Отцу въ единомъ Духѣ, съ пресѣченіемъ раздѣленія, чтобъ— Іудей ли кто или язычникъ — всѣ принимали вѣру во Христа и ею содѣлывались едино.“

Св. Златоустъ, а за нимъ и Экуменій съ Ѳеофилактомъ, не различаютъ личнаго благовѣстія Господа отъ благовѣстія въ лицѣ Апостоловъ, и подъ словомъ: *пришедъ благовѣсти* разумѣютъ все домостроительство спасенія въ лицѣ Господа, чрезъ воплощеніе пришедшаго на землю. Св. Златоустъ говоритъ: „не другаго кого либо Богъ послалъ возвѣститъ намъ это, но собственно Самъ возвѣстилъ. Не избралъ для этого ни Ангела, ни Архангела, потому что исправить столько золъ и возвѣстить о содѣланномъ могъ только Онъ Самъ, явившись на землѣ, и никто другой. Господь принялъ на Себя должность слуги и почти раба, пришелъ и возвѣстилъ, говоритъ Апостолъ, *миръ вамъ дальнимъ и ближнимъ*, т. е. Іудеямъ, которые сравнительно съ нами были ближе (къ Богу), и язычникамъ, которыхъ, какъ чуждыхъ завѣтовъ обѣтованія, онъ называетъ дальними. *Миръ*, разумѣетъ Апостолъ, къ Богу; ибо Іисусъ Христосъ примирилъ насъ съ Богомъ. О семъ училъ Самъ

Онъ, когда говорилъ: *миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ* (Ін. 14, 27). И въ другомъ мѣстѣ: *аще что просите во имя Мое, Азъ сотворю* (Ін. 14, 14). И еще: *Самъ Отецъ любитъ вы* (Ін. 16, 27). Все это признаки мира и для насъ и для нихъ."

И не ближе ли къ дѣлу такое разумѣніе?! Въ такомъ случаѣ слова: *пришедъ благовѣсти* будутъ сочетаваться съ предыдущими такъ: да затѣмъ Онъ и приходилъ, чтобъ благовѣстить этотъ всесторонній миръ.

Ст. 18. *Зане Тѣмъ имамы приведеніе обои во единомъ Дусѣ ко Отцу.*

Еслибъ не пришелъ Господь во плоти, и еслибъ, пришедши, не устроилъ благовѣстія, не имѣли бы мы приведенія ко Отцу. Онъ есть единственная дверь и кто Имъ входитъ, тотъ только и спасается. Почему говоритъ: *никто же пріидетъ ко Отцу, токмо Мною* (Ін. 14, 6). Не то только здѣсь разумѣется, что вообще примиривъ насъ съ Богомъ крестною смертію и Духа благодати даровавъ, Онъ поставилъ насъ къ Богу въ отношеніе сыновства, ради коего можемъ вопіять: *Авва Отче* (Рим. 8, 15; Ін. 4, 23),—и молиться: *Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ* (Мѳ. 6, 9), но и то особенно, что и каждую душу беретъ Онъ, какъ иной беретъ за руку человѣка, и приводитъ ко Отцу. Почему сказалъ, что Ему подобаетъ привести и тѣ ины овцы, кои не были отъ двора Израилева. Всякую душу приводитъ Онъ и первое обращеніе устроя, и въ борьбѣ со грѣхомъ всячески пособствуя, и возводя до послѣднихъ степеней совершенства, пока не приведетъ туда, гдѣ Самъ есть—одесную Бога сѣдя.

Во единомъ Дусѣ.—Какъ разумѣть,—въ одномъ духѣ вѣры и любви, или силою одинаковой для обоихъ насъ благодати Святаго Духа? Можно не различать: ибо и вѣра отъ Бога и любовь изливается въ сердца Духомъ

Святымъ. И Духъ Святый, наитствуя душу, не механически пересозидаетъ и переноситъ ее изъ одного состоянія въ другое, а возбуждая нравственныя силы, кои, въ благодатномъ царствѣ, сосредоточиваются въ вѣрѣ и любви. *Обои во единомъ Дусѣ.* Прежде Іудеи имѣли доступъ къ Богу, но внѣшній, и Богъ открывалъ Себя имъ тоже внѣшно. Такъ, по Божію устроенію, какъ прообразъ будущаго. Язычники не имѣли того. Теперь то отмѣнено, и на мѣсто того всѣмъ открытъ къ Богу путь новый и живый. Господь приходитъ и, десницею благодати Духа взявъ душу (чрезъ возрожденіе), приводитъ ее къ Отцу (подвигомъ и добродѣланіемъ).

Св. Златоустъ говоритъ: „мы не меньше и они не больше спасены; и мы, и они одной и той же благодати удостоены: ибо вражду разрушилъ Онъ смертію, а любезными насъ содѣлалъ Отцу чрезъ Духа. Чрезъ Себя Самого и чрезъ Духа Онъ привелъ насъ къ Богу.“ Тоже бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „*Тѣмъ имамы приведеніе.* Сіе подобно сказанному Господомъ: *никто же пріидетъ ко Отцу токмо Мною* (Ін. 14, 6). Привелъ насъ ко Отцу, говоритъ Апостолъ, привелъ же сподобивъ благодати.“

в).

На сколько стали близъ?

(Ст. 19–22).

Стали сожителями святыхъ, своими домашними Богу, даже больше,—стали жилищемъ Божіимъ. Какой еще большей желать и ожидать близости?

Ст. 19. *Тѣмже убо ктому нѣсте странни и пришельцы, но сожителе святымъ и присніи Богу.*

Начавъ убѣждать Ефесянъ, чтобъ помнили великость Божія имъ благодѣянія, св. Апостолъ сказалъ вообще: были вы далеко, а теперь стали близко (—11—13); по-

томъ, объяснивъ какимъ образомъ стали близко (—14—18), дѣлаетъ теперь выводъ: видите, какъ близко вы стали! предоставляя самимъ Ефесянамъ сдѣлать отсюда приложеніе: какъ же не помнить такого великаго благодѣянія. Амвросіатъ пишетъ: „убѣждаетъ ихъ, чтобъ помнили о благодѣяніяхъ Божіихъ,—что тогда, какъ были такъ далеко отъ познанія и страха Божія, теперь, по милосердію Его, приближены, чтобы быть сопричастниками тѣхъ, кои были близко къ Богу, содѣлавшись согражданами сыновъ Божіихъ."

Три сравненія употребляетъ Апостолъ для объясненія, сколь стали близко: стали близко, какъ близки между собою и съ княземъ своимъ сограждане,—какъ близки члены одного семейства и между собою и съ главою его,—какъ близки части зданія и другъ къ другу и къ живущему въ немъ. Соотвѣтствуютъ эти сравненія прежде высказаннымъ моментамъ отдаленія отъ Бога и народа его (—12). „Тамъ говоритъ онъ: *чужди отъ завѣта обѣтованія*, и: *отчуждени отъ житія Израилева*. Здѣсь противъ перваго говоритъ: *нѣсте странни и пришельцы*, а противъ втораго: *но сожителе святымъ и присніи Богу*" (Бл. Іерон.).

Были вы какъ чужестранцы, живущіе далеко въ другихъ мѣстахъ, или хотя и тутъ же живущіе, но неимѣющіе права гражданства, πάροικοι проживальцы, временные и случайные; а теперь стали согражданами,—συμπολῖται. „Нынѣ вы имѣете тотъ же со святыми городъ,—небесный Іерусалимъ" (Экум.). „Въ тотъ же городъ записаны,—на небесахъ сущій и пребывающій во вѣки, котораго и тѣ желали пламенно" (Ѳеоф.). „Видишь-ли, мы записаны, содѣланы согражданами не просто Іудеевъ, но мужей великихъ своею святостію, каковы Авраамъ, Моисей и Илія. Вотъ въ какой городъ мы записаны, вотъ гдѣ явимся мы, нѣкогда!" (св. Злат.).

Благодатное царство Христово было изображаемо подъ видомъ *града, емуже художникъ и содѣтель есть Богъ* (Евр. 11, 10). Ветхозавѣтные святые знали, что суть предначеченные граждане сего града, но самаго града не видѣли, а желая пламенно увидѣть, издалеча цѣловали его. Въ этомъ отношеніи и они были странніи и пришельцы, какъ ищущіе своего града и отечества, каковыми они себя и исповѣдали (Евр. 11, 13). Отсюда св. Златоустъ такое дѣлаетъ наведеніе: „*Таковая глаголющіи* (т. е. называвшіе себя странниками и пришельцами), сказано, *являютъ, яко отечествія взыскуютъ;* а вы уже сограждане святыхъ, а не странники и пришельцы."—„Весьма высокаго достоинства сподобились вы тѣмъ, что содѣлались согражданами святыхъ" (Θеод.).

Сограждане святыхъ—члены одного благодатнаго царства, кои всѣ святы,—потому и члены, что святы. Тутъ разумѣются не только тѣ, кои по Христѣ; но и тѣ, кои до Христа: ибо тѣ и другіе во Христѣ. Царство Божіе есть царство всѣхъ вѣковъ. Какъ прежде святые были святы вѣрою во Христа грядущаго, такъ и новые святы такою же вѣрою во Христа пришедшаго. Вѣра сія единила ихъ и со Христомъ и между собою. Вѣрующіе одного имѣютъ владыку, и гдѣ бы ни жили—всѣ суть сограждане. Желавшіе пріобрѣсть римское гражданство, дѣлали взносъ и покупали его. Въ благодатномъ царствѣ Христовомъ—приносятъ вѣру въ Господа и сопричисляются къ согражданамъ его (Амвр.).

Другое сравненіе у Апостола для объясненія близости, въ какую по благодати стали Ефесяне (и всѣ язычники), берется отъ близости членовъ одного семейства. *Присніи Богу,*—свои Богу. Это еще ближе. Сограждане суть одного духа и одной любви къ отечеству, но не одного отца дѣти; въ семействѣ же всѣ свойствен-

ники, родные. Такъ и вѣрующіе всѣ имѣютъ одного Отца—Бога, *порождени не отъ сѣмене истлѣнна, но неистлѣнна, словомъ живаго Бога и пребывающа во вѣки* (1 Петр. 1, 23). Къ какому бы племени ни принадлежалъ кто, благодать всѣхъ дѣлаетъ своими Богу. Такъ по вѣрѣ въ Господа, Коего пріемлющіе получаютъ область чадами Божіими быти, не причисляются только къ чадамъ, но существенно бываютъ чадами, яко отъ Бога рожденные. Оттого и свои Богу; и это свойство носятъ они въ чувствѣ сердца, какъ отраженіе всего, что устрояетъ въ нихъ благодать. Свои Богу,—какое высокое титло! Какая утѣшительная и сладостная сторона христіанства! И это не мечта самообольщенія,—а по существу дѣла такъ есть.

Должно поимѣть во вниманіи, что хотя въ сравненіи—мысленно—согражданство и свойство можно различать, какъ степени близости, но въ царствѣ благодатномъ, на дѣлѣ, то и другое сходится. Согражданство духовное—отъ единства духа, а это единство производится тѣмъ же Духомъ, которымъ всѣ получаютъ и одинаковое рожденіе, или поставляются въ свойство между собою и съ Богомъ. Сограждане царства Христова всѣ и свойственники суть. Такими они себя имѣютъ и въ сердцѣ, во взаимно-отношеніяхъ.

Ст. 20. *Наздани бывше на основаніи Апостолъ и Пророкъ, сущу краеугольну Самому Іисусу Христу.*

Мысль о домашнихъ, — присныхъ, своихъ Богу,— привела къ мысли о домѣ, какъ мѣстѣ жительства. Апостолъ и останавливается на ней, чтобъ еще на большую степень возвесть близость, въ какую поставлены язычники вѣрою. Вѣрующіе—свои Богу и потому еще, что Онъ ихъ своими имѣетъ, а они — Его; потому что въ такомъ глубокомъ общеніи состоятъ къ Богу, что Онъ въ нихъ живетъ. Такимъ образомъ они и присные Богу и жилище Его. Это еще ближе.

Св. Апостолъ впрочемъ не на томъ останавливаетъ вниманіе, какъ они еще ближе суть, будучи представляемы подъ образомъ дома, (ибо это само собою очевидно), а на томъ, какъ они содѣлываются такимъ домомъ; ибо изъ этого открывается еще большее къ нимъ благодѣяніе Божіе. Были далеко отброшены, какъ камни вдали валяющіеся, а теперь взяты, обдѣланы и вложены въ зданіе дома.

Церковь Божія и въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ представляется подъ образомъ зданія—дома или храма.

Церковь — храмъ вѣры. Вѣру основали и утвердили на землѣ Апостолы, опираясь на Пророковъ. Апостолы ближе къ намъ и осязательно видѣли истину; Пророки — дальше и истину видѣли вдали, въ образахъ, хорошо представлявшихъ истину, но и закрывавшихъ ее собою, оставляя мѣсто гаданіямъ и для самихъ даже Пророковъ, какъ и когда все указуемое сбудется. Почему Апостолы и поставлены напереди. Апостолы предлагали слово отъ лица Господа, но вмѣстѣ относились и къ пророческому слову, яко извѣстнѣйшему. Мы теперь почиваемъ вѣрою на словѣ Апостольскомъ, подкрѣпляясь и Пророками.

Наздани — надстроены, составляя корпусъ зданія. Какъ дѣлаютъ каменьщики?—берутъ камень, обтесываютъ его и полагаютъ въ зданіе, гдѣ и какъ приходится. Такъ Апостолы съ Пророками, рукою проповѣди берутъ души и народы, обдѣлываютъ сѣкирою благодати Духа, подводя подъ характеръ зданія, и полагая въ зданіе Церкви, сочетаваютъ съ нею.—Такъ камень за камнемъ полагается, слой за слоемъ налагается, и зданіе высится. Экуменій пишетъ: „желая показать святое единеніе вѣрующихъ съ Пророками и Апостолами, говоритъ: *наздани*. Въ основаніи положены Апостолы и Пророки, а вы восполняете прочее зданіе. Что и значитъ— быть надстроенными поверхъ Апостоловъ и Пророковъ.“

Наздани на основаніи Апостолъ и Пророкъ. „То есть, на Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ. О чемъ Апостолы проповѣдали, о томъ Пророки предсказывали, что оно будетъ. Въ посланіи къ Кориѳянамъ говоритъ онъ: *Богъ положилъ въ Церкви первѣе Апостоловъ, потомъ Пророковъ* (1 Кор. 12, 28). Но тамъ—другіе Пророки, ибо въ томъ мѣстѣ разсуждаетъ Апостолъ о строѣ Церкви (въ какомъ она стоитъ), а здѣсь объ основаніи Церкви. Пророки подготовили (нужное для зданія) и предрасположили его (предъизобразили планъ), а Апостолы положили основаніе (и возвели зданіе посредствомъ привлеченія къ вѣрѣ). Почему Господь и говоритъ Петру: *на семъ камени созижду Церковь Мою* (Мѳ. 16, 18), т.-е. на семъ исповѣданіи вселенской вѣры поставлю Я и утвержду вѣрныхъ въ животъ. Такъ нѣкогда и Давидъ все подготовилъ для построенія дома Божія, и мѣсто, гдѣ ему быть, назначилъ; а основалъ его (и устроилъ) Соломонъ“ (Амвр.).

Сущу краеугольну Самому Іисусу Христу. Не одинъ уголъ, а всѣ углы и въ зданіи и въ основаніи — Христосъ Господь. Онъ сочетаваетъ Пророковъ и Апостоловъ. Въ Немъ осуществляется пророческое слово; Онъ же есть содержаніе и слова Апостольскаго. Въ этомъ единеніи слова откровеннаго, отъ начала до Апостоловъ,—крѣпость основанія вѣры. Въ немъ сочетаваются и крѣпость свою имѣютъ и стѣны зданія, т.-е. всѣ вѣрующіе, которые потому и на Апостолахъ съ Пророками утвержденными именуются, что вѣруютъ въ Господа, потому и въ Церковь вводятся, и съ нею сочетаваются, что сочетаваются съ Господомъ. Прямая мысль Апостола въ наименованіи Господа краеугольнымъ камнемъ та, что въ Церкви все отъ Господа, не исключая самихъ Апостоловъ и Пророковъ. Такъ св. Златоустъ: „Апостолъ присовокупилъ: *сущу краеугольну*... чтобъ по-

казать, что Христосъ все содержитъ; ибо краеугольнымъ камнемъ называется то, что поддерживаетъ и стѣны и основаніе, на чемъ утверждается все зданіе. Замѣть, что Апостолъ иногда представляетъ Господа свыше содержащимъ и властвующимъ надъ всѣмъ тѣломъ, иногда же снизу носящимъ все зданіе на Себѣ, —главнымъ основаніемъ. Апостолъ для того и сказалъ выше: *созиждетъ во единаго новаго человѣка*, чтобы показать, что въ Немъ всѣ возсозданы. *Перворожденъ*, сказано о Немъ, *всея твари* (Кол. 1, 15). Такъ Онъ все носитъ на Себѣ, все содержитъ (и все созидаетъ).“

Но какъ вѣрующіе, составляющіе стѣны зданія, состояли тогда изъ Іудеевъ и язычниковъ, и Апостолъ въ посланіи объясняетъ взаимное ихъ сближеніе, то — не дивно, что въ словѣ — *сущу краеугольному* — Апостолъ хотѣлъ показать, какъ чрезъ Господа Іисуса Христа въ зданіи Церкви, какъ двѣ стѣны, сочетаны Іудеи и язычники. Такъ и св. Златоустъ между прочимъ; такъ и всѣ наши толковники. Ѳеодоритъ пишетъ: „какъ главою тѣла нарекъ Апостолъ Господа, такъ называетъ Его и краеугольнымъ камнемъ зданія; потому что смыкаетъ двѣ стѣны, и подобно углу соединяетъ увѣровавшихъ изъ Іудеевъ и язычниковъ.“

Камнемъ краеугольнымъ названъ Господь еще въ ветхозавѣтныхъ предсказаніяхъ, которыя Самъ Онъ отнесъ къ Себѣ, предрекая вмѣстѣ, каково будетъ тѣмъ, кои не примутъ Его. Все сіе изображаетъ бл. Іеронимъ: „главный камень краеугольный, связующій и держащій тотъ и другой народъ (можно разумѣть и—небесное и земное), есть Христосъ Господь нашъ, камень отсѣченный отъ горы безъ рукъ, о коемъ и Псалмопѣвецъ свидѣтельствуетъ, говоря: *камень, егоже небрегоша зиждущіи, сей бысть во главу угла. Отъ Господа бысть сіе и есть дивенъ во очію вашею* (Пс. 117, 22), пренебрежен-

ный фарисеями, которые считая себя вѣдцами закона, думали ограничиться въ созиданіи духовнаго Богу храма одними стихійными постановленіями, а Богомъ принятый во главу угла, чтобъ соединялъ и скрѣплялъ, какъ двѣ стѣны, два народа, Самъ находясь посредѣ, и чтобъ чрезъ Него тотъ и другой народъ имѣлъ доступъ къ Богу. Сей же краеугольный камень для невѣрующихъ есть камень претыканія и камень соблазна: всякъ падшій на Него сокрушится, а на кого Самъ Онъ падетъ, сотретъ того (Лук. 20, 18)."

Не пропустимъ безъ вниманія и замѣчанія св. Дамаскина, на какую мысль можетъ еще наводить слово: *камень*. „Сказавъ—*камень*, Апостолъ указалъ и на сочлененіе его съ построеваемыми на Немъ, т.-е. однородіе съ нами чрезъ рожденіе во плоти Единороднаго. *Понеже дѣти пріобщишася плоти и крови, и той преискреннѣ пріобщися тѣхъ же* (Евр. 2, 14)." Безъ этого Онъ и краеугольнымъ не могъ бы быть.

Въ зданіи и основаніе, и краеугольный, и стѣны, и все соединено и составляетъ едино. Какъ потому хорошо прибрано Апостоломъ это сравненіе съ цѣлію выразить сближеніе язычниковъ съ Іудеями, съ Богомъ и порядками Божіими!—„Смотри, говоритъ св. Златоустъ, какъ Апостолъ смѣшиваетъ всѣхъ вмѣстѣ: язычниковъ, Іудеевъ, Апостоловъ, Пророковъ, Христа, и чтобы показать тѣсную связь между всѣми ими представляетъ ихъ всѣхъ то тѣломъ, то зданіемъ."

Ст. 21. *О Немже всяко созданіе составляемо растетъ въ церковь святую о Господѣ.*

Всяко созданіе—не тварь, а зданіе—οἰκοδομή. *Составляемо* συναρμολογουμένη — сгармонировываемо, стройнослагаемо будучи. *Растетъ*—все болѣе и болѣе возвышается. *Въ церковь*—въ храмъ — ναόν. Представляетъ Апостолъ общую мысль о Церкви — растущей, сравни-

вая ее со зданіемъ. Какъ зданіе, принимая накладку— слой за слоемъ, все увеличивается и идетъ къ концу и завершенію, по плану, для него составленному; такъ Церковь Божія, принимая въ себя лица и народы, и ихъ преобразовывая по своей нормѣ, идетъ къ своей полнотѣ и совершенству, пока завершится и станетъ храмомъ Богу совершеннымъ, не требующимъ уже дополненія и надстроиванія.

О Немже — о краеугольномъ, который есть Іисусъ Христосъ: ибо въ Церкви все отъ Него, по Его плану, Его силою и дѣйствіемъ. *Всяко созданіе* — прямѣе все зданіе, какъ одно цѣлое, ибо у Апостола рѣчь объ одномъ зданіи, а не о многихъ построеніяхъ. *Составляемо*— сгармонировываемо будучи. Не какъ попало набрасываются поступающіе матеріалы, а размѣщаются по одному плану, и зданіе выходитъ стройно, гдѣ всякому свое мѣсто. „Этимъ указывается на тщательность (вниманіе и вѣрность плану) назданія“ (Экум.). Указывается и на разныя части зданія, кои всѣ сочетаваются во едино о томъ же краеугольномъ Іисусѣ Христѣ. „На что бы ты ни указалъ — на кровлю ли, на стѣны ли, или на что другое, Онъ все содержитъ, все носитъ на Себѣ“ (св. Злат.). Это то же, что ниже безъ матафоры говоритъ онъ: *и Той далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же пастыри и учители къ совершенію святыхъ... въ созиданіе тѣла Христова* (Еф. 4, 11). Въ другомъ мѣстѣ и святыхъ, т.-е. вѣрующихъ, составляющихъ корпусъ зданія, Апостолъ распредѣляетъ, какъ распредѣлены у насъ разные органы тѣла, гдѣ всякій членъ свое имѣетъ значеніе и свое дѣло. Въ Церкви Божіей все сгармонировано, но она разнообразна въ частяхъ, и никакъ нельзя говорить, что въ ней всѣ, какъ одинъ, и всякій, какъ всѣ. Гдѣ всѣ одинаковы и равны, тамъ какая гармонія?! Подъ этимъ только условіемъ, что въ

Церкви члены разны и угармонировываются, она и *растетъ*,—растетъ, будучи стройно составляема.

Поступаетъ сначала сырой матеріалъ, который въ своемъ природномъ видѣ не гожъ въ зданіе. Потому прежде онъ передѣлывается и подводится подъ характеръ зданія, а потомъ полагается въ самое зданіе. Посредствомъ этихъ надкладокъ зданіе и растетъ. Лица отдѣльныя и цѣлые народы, призванные проповѣдію, претворяются благодатію Св. Духа, и такимъ образомъ сливаются съ цѣлостію—Церкви.

Растетъ. И при Апостолахъ говорилось: *растетъ*; и доселѣ—не иначе можно говорить, какъ *растетъ*. И до скончанія вѣка будетъ она расти. Зданіе еще не кончено; кончится въ концѣ вѣковъ. И тѣ, которые отошли въ другую жизнь, въ Церкви суть, и тѣ, которые живутъ, въ Церкви суть. Апостолъ не полагаетъ раздѣленія между ними. Церковь одна. Можно представлять себѣ только, что земная церковь готовитъ матеріалъ; а само зданіе, въ отдѣлку, строится на небѣ. Ерма въ видѣніи видѣлъ строеніе храма. Одни приносили матеріалъ, другіе строили. Строители, получа принесенное, смотрятъ, гоже-ли то и куда гоже. Если гоже, кладутъ на должное мѣсто, а если не гоже, бросаютъ прочь; и оно, хоть тутъ же валяется, но въ зданіе не поступаетъ. Это точный образъ того, что бываетъ съ отходящими отсюда. Когда зданіе кончится, всѣ эти кругомъ валяющіеся камни прибраны будутъ въ другое мѣсто; а дотолѣ все еще они около. Участь не рѣшена.

Растетъ въ церковь святую, въ храмъ святый. Все идетъ къ тому, чтобы наконецъ Богъ былъ всяческая во всѣхъ. А дотолѣ Церковь развѣ не цѣлое зданіе, безъ кровли, оконъ и дверей?! Какъ обитать въ такомъ зданіи? А въ Церкви Богъ обитаетъ, какъ обѣтовалъ: *вселюся въ нихъ и похожду* (2 Кор. 6, 16). Посему то

Апостолъ и употребилъ слово *растетъ*, представляя Церковь зданіемъ живымъ, которое все уже имѣетъ необходимое для своего существованія и жизни. Какъ дерево, напримѣръ, самое еще маленькое, все имѣетъ для жизни; но потомъ растетъ, не новыя части пріобрѣтая, а увеличиваясь и расширяясь въ каждой своей, уже имѣемой, части. Такъ и Церковь теперь есть цѣлое зданіе, жилое; но увеличивается, пока придетъ въ мѣру храма, какъ онъ задуманъ Богомъ.

Церковь — Храмъ *святъ*, потому что всѣ его члены святы, Духомъ Святымъ освящены и ревнуютъ быть святыми,—и потому что въ немъ живетъ святый Богъ. *О Господѣ*: и святъ храмъ о Господѣ, и растетъ онъ о Господѣ, и стройно сочетавается о Господѣ. Въ церкви все о Господѣ, за что ни возьмись, какъ сказалъ св. Златоустъ. Св. Павелъ и въ началѣ сказалъ: *о Немже*, разумѣя Господа, и въ концѣ прибавилъ *о Господѣ*, чтобъ вниманіе наше держать все на Немъ единомъ. Какъ ни прекрасно зданіе храма, но, засмотрѣвшись на него, не забывай о храмоздателѣ. Почему и не распространяется здѣсь въ изъясненіи подробностей построенія храма. Цѣль у него напечатлѣть Ефесянамъ, что и они включены въ общее зданіе, но не за что другое, какъ ради вѣры въ Господа и вѣрности Ему. И они сближены со всѣми, но о Господѣ.

Ст. 22. *О Немже и вы созидаетеся въ жилище Божіе Духомъ.*

„Впереди сказалъ о созиданіи Церкви всей—вселенской, а теперь говоритъ о созиданіи церкви Ефесской“ (Экум.). Какъ вселенская Церковь созидается о Господѣ въ храмъ Богу; такъ и всякая частная Церковь созидается въ жилище Божіе, то же что въ храмъ Богу, все о томъ же Господѣ. Отношеніе частныхъ церквей къ Церкви вселенской выражено словомъ συνοικοδομεῖσθε—

сосозидаетесь. Вселенская Церковь созидается, какъ единое цѣлое, особное; а частныя Церкви созидаются не особенно, а въ связи съ Церковію вселенскою. Созидается Церковь вселенская, созидаются и онѣ вмѣстѣ съ нею, бывъ соединены съ нею глубоко и существенно, такъ что отдѣльно, отъособясь, нельзя имъ созидаться. Частныя церкви живутъ общею всей Церкви жизнію, какъ въ тѣлѣ каждое отправленіе будто само по себѣ дѣйствуетъ, напримѣръ дыханіе, кровообращеніе, питаніе; на самомъ же дѣлѣ потому оно и дѣйствуетъ, что состоитъ въ связи со всѣмъ тѣломъ, такъ что, отдѣли только его, оно тотчасъ прекращается, подобно какъ замираетъ и всякій внѣшній членъ, отсѣченный отъ тѣла, или каждая вѣтвь, отсѣченная отъ дерева.

Въ другихъ мѣстахъ Апостолъ говоритъ, что и каждый вѣрующій есть храмъ Божій и жилище Божіе; а здѣсь хоть онъ и не говоритъ того, но наведеніемъ можно и при чтеніи сего мѣста доходить до того, какъ и дѣлаетъ св. Златоустъ, говоря: „храмъ этотъ, въ которомъ Богъ обитаетъ, какъ въ тѣлѣ, есть каждый изъ васъ и всѣ вы вмѣстѣ.“ Каждый членъ въ тѣлѣ совмѣщаетъ все, что есть въ тѣлѣ: въ немъ и кровь, мускулъ, и нервъ, и другіе соки; онъ—сокращеніе всего тѣла. Въ деревѣ это еще яснѣе: тамъ каждая вѣтвь—то же, что все дерево съ корнемъ, стволомъ и листьями, и каждый листъ то же, что вся вѣтвь. Такъ и каждый вѣрующій все имѣетъ, что есть въ Церкви: и истину слова, и благодать таинствъ, и общеніе съ Богомъ во Христѣ Іисусѣ. Онъ есть сокращенная церковь. Но потому онъ таковъ есть, что соединенъ со всею Церковію. Силы и жизнь Церкви въ него входятъ и онъ живетъ жизнію Церкви. Особность совершенно противна духу христіанства.

Это созиданіе въ храмъ и жилище Богу, какъ вся-

каго вѣрующаго, такъ и частныхъ церквей, и всей Церкви, совершается Духомъ Святымъ. И каждое лице, и цѣлые народы не гожи сами по себѣ быть жилищемъ Богу. Благодать Духа, по вѣрѣ, чрезъ таинства входитъ въ душу, перетворяетъ ее, одухотворяетъ, и дѣлаетъ ее гожею къ тому, чтобъ обиталъ въ ней Богъ. Если Богъ въ каждомъ вѣрующемъ по благодати, то по ней Онъ и въ душахъ цѣлаго общества вѣрующихъ, а затѣмъ и во всѣхъ вѣрующихъ, т.-е. во всей Церкви.

Вы, говоритъ, жилище Богу о Господѣ Іисусѣ Христѣ, Духомъ. Въ васъ всѣ лица Пресвятыя Троицы;— само нераздѣльное Божество. На какую возвелъ ихъ Апостолъ близость! Издали чрезъ согражданство и свойство вотъ къ чему привелъ. Богъ въ нихъ и они обратно въ Богѣ: ибо Онъ все объемлетъ. Дальше этого идти не куда, чтобъ еще указать большую близость. Прилично же было Апостолу въ началѣ воззвать: помните Ефесяне, какъ вы были далеко, и какъ стали близко.

Но возьмемъ отсюда и себѣ нѣсколько уроковъ.

О Церкви Божіей здѣсь все сказано, чему вѣровать учитъ насъ сѵмволъ вѣры: что она *едина*, утверждена будучи на единомъ краеугольномъ (14. 16. 17. 20); что она есть *святая*, яко Духомъ Святымъ созидается въ храмъ святый (21. 22); что она есть *вселенская*, яко обнимающая всѣ времена и народы (14. 20) и *Апостольская*, на основаніи Апостоловъназданная (20).

Церковь святая есть градъ Божій, домъ Божій, живой храмъ, живое жилище живаго Бога. Понятнѣйшій для насъ образъ есть храмъ и жилище. Краеугольный зданія есть Господь Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій. Твердо стоитъ Церковь, и врата адовы не одолѣютъ ея. На краеугольномъ—первые лежатъ Апостолы и Пророки, на коихъ потомъ возводится все зданіе. Отъ нихъ слово истины, отъ нихъ и благодать Духа, чрезъ учрежден-

ныя ими таинства подаемаго, и чрезъ всѣ другіе чины и порядки церковные возгрѣваемаго. Ничего тутъ трогать нельзя, въ намѣреніи измѣнить или отмѣнить: иначе разоришь Церковь. И ученіе и учрежденія Апостольскія неприкосновенны. Корпусъ зданія составляютъ всѣ вѣрующіе, всякаго пола, возраста и состоянія. Обдѣлываются они, какъ камни, и дѣлаются гожими къ кладкѣ въ зданіе Духомъ Святымъ, отъ Котораго изливающаяся любовь, какъ цементомъ, живо сочетаваетъ всѣхъ ихъ, какъ бы сливаетъ воедино. „Для чего воздвигается такое зданіе? Для того, чтобы въ немъ, какъ въ храмѣ, обиталъ Самъ Богъ" (св. Злат.). Святъ храмъ сей, величественъ и досточтимъ.

Если таковъ храмъ, то какову надлежитъ быть всякому вѣрующему, входящему въ составъ его?! — Бл. Іеронимъ пишетъ: „если *всяко созданіе составляемо растетъ въ церковь святую о Господѣ*; то, не щадя трудовъ, надо стараться о томъ, чтобы содѣлаться такими камнями, о коихъ сказано: *каменіе свято валяется* (мысль: въ обиліи находится) *на земли его* (Зах. 9, 16). Когда сдѣлаемся мы камнями живыми, со всѣхъ сторонъ обтесанными, обчищенными и отполированными, тогда созиждемся въ храмъ и будемъ жилищемъ Богу. И устроится въ насъ ковчегъ завѣта, хранитель закона Божія, и херувимъ—обиліе вѣдѣнія и внутреннее персей нашихъ изыдетъ въ новое слово (что на сердцѣ, то будетъ выражаться новымъ словомъ), и наречемся мы *дабиръ*, что значитъ оракулъ или отвѣтъ, или, точнѣе выражаясь, говорилище; такъ что можемъ съ Апостоломъ сказать: *или искушенія ищете глаголющаго во мнѣ Христа*" (2 Кор. 13, 3).

V.

Изображая ту особенность домостроительства, спасенія для Ефесянъ, какъ увѣровавшихъ изъ язычниковъ

что они, бывъ далеко, стали чрезъ Него близко, Апостолъ имѣлъ въ виду расположить ихъ памятовать о семъ благодѣяніи теплѣйшею памятію. Почему въ началѣ рѣчи о томъ и сказалъ: *поминайте же*. Теперь для той же цѣли, т.-е. для того, чтобъ расположить ихъ помнить, что для нихъ сдѣлано, и дорожить тѣмъ, св. Павелъ выставляетъ ту еще особенность ихъ призванія и сближенія съ Божіими порядками, что это было тайною не только для людей, но и для Ангеловъ. Онъ какъ бы говоритъ имъ: Богъ доселѣ берегъ эту тайну у Себя и теперь только открылъ ее и землѣ и небу; значитъ— это такая рѣдкость, которую не всегда и не всѣмъ можно показывать. Какъ же вамъ не помнить о ней, когда она васъ самихъ касается? Ангелы дивятся ей, а вы останетесь равнодушными? И въ этомъ одномъ было уже много прибавлено возбужденія къ памятованію, но Апостолъ, излагая способъ откровенія сей тайны, выставилъ новую особенность, ту, что проповѣдь о ней ввѣрена преимущественно ему и сопровождается страданіями и узами. Отсюда выходило: Господь пострадалъ, чтобъ разорить средостѣніе и приблизить васъ, и тотъ, кто призвалъ васъ къ участію въ семъ, находится въ узахъ, а вы останетесь невнимательными къ сему и не будете помнить о томъ?! Таково содержаніе и значеніе первыхъ 13 стиховъ 3 главы. Далѣе, до конца главы 14 — 21, Апостолъ молится, чтобы Ефесяне, пребывая въ глубокомъ богообщеніи, уразумѣли, коль велико это благодѣяніе. Молитвою началъ (1, 16) онъ эту часть посланія, молитвою и кончаетъ. Ибо все отъ Бога—и внятное изъясненіе истины словомъ и ясное пониманіе слова слышимаго или читаемаго.

Что касается до грамматическаго строя рѣчи въ сей главѣ, то толковники много разныхъ высказали предположеній. Поводомъ послужило то, что Апостолъ, ска-

завши: *сего ради азъ юзникъ*, не докончилъ будто рѣчи и пошелъ въ отступленіе, съ цѣлію пояснить, какимъ образомъ онъ есть юзникъ о нихъ, языцѣхъ. Отступленіе началось со ст. 2, но докуда идетъ? кто говоритъ до 3-го стиха, кто до 8-го, кто до 13-го, кто до 14-го. Послѣднее больше всѣхъ вѣроятно, и оно имѣетъ за себя блаженнаго Θеодорита. Теченіе рѣчи такое: *сего ради азъ юзникъ—о васъ языцѣхъ*... Потомъ, объяснивъ, какимъ образомъ онъ есть юзникъ за язычниковъ, опять начинаетъ прерванную рѣчь: *сего ради... преклоняю колѣна*... ст. 14. Но въ такомъ построеніи рѣчи не настоитъ крайней необходимости. Заставляетъ прибѣгать къ предположеніямъ то, что слово—*юзникъ* погречески стоитъ съ членомъ ὁ δέσμιος, въ какомъ видѣ оно будто не можетъ быть сказуемымъ, чтобъ вышла рѣчь: сего ради я есмь юзникъ; но должно быть считаемо подлежащимъ. Признавъ же его такимъ, потеряемъ сказуемое. Сказалъ: *азъ юзникъ*, а что такое *азъ юзникъ*—не видно. Вотъ и начали строить предположенія. Но другіе толковники находятъ, что членъ предъ *юзникъ* не мѣшаетъ признавать сего слова сказуемымъ и читать такъ: азъ есмь юзникъ. Вѣрно принимать въ извѣстныхъ случаяхъ слова, съ членомъ стоящія, за сказуемое не противно характеру греческаго языка. Склониться на это понуждаетъ примѣръ св. Златоуста, св. Дамаскина и Экуменія съ Θеофилактомъ, которые конечно знали исключительныя требованія своего языка.

Приведемъ однакожъ слова блаженнаго Θеодорита, ради того, что хотя онъ и допускаетъ отступленіе, но значеніе стиховъ 1—13 опредѣляетъ такъ же, какъ изложено нами выше, т.-е. чтобъ опять выставить на видъ „великость благодѣянія.“ „Апостолъ, пишетъ онъ, хочетъ сказать: извѣстившись о семъ вашемъ призваніи, въ точности дознавъ, кто вы, и какъ, и на что призваны,

прошу и умоляю Бога всяческихъ, утвердить васъ въ вѣрѣ и даровать вамъ отъ вѣры проистекающее спасеніе. Но весьма многое вставилъ онъ въ сію мысль, *означая опять величіе благодѣянія*. Пересказываетъ же (во вставленной рѣчи), какъ самъ онъ призванъ, какъ сподобился Божественной благодати и поставленъ проповѣдникомъ языковъ, давая тѣмъ знать, что ему весьма прилично проповѣдывать, и что не чужое дѣло присвояетъ себѣ, но исполняетъ повелѣнное."

3 гл. ст. 1. *Сего ради азъ Павелъ юзникъ Іисусъ Христовъ о васъ языцѣхъ*.

Чего ради?—Ради всего сказаннаго, ради того, чтобъ вы, бывшіе далеко, стали близко, и такъ близко. „Такой явленной на васъ благодати я есмь служитель и подвизаюсь за нее даже до узъ" (св. Дам.). „Прежде Апостолъ говорилъ о великомъ промышленіи Христовомъ, теперь же говоритъ о своемъ усердіи, маломъ и ничтожномъ въ сравненіи съ промышленіемъ Господнимъ, потому что то само по себѣ достаточно для приведенія ко спасенію. *Сего ради азъ*, говоритъ, нахожусь въ узахъ; ибо если Господь мой претерпѣлъ за васъ распятіе, то тѣмъ болѣе я долженъ потерпѣть узы. Не только Самъ Онъ, Спаситель нашъ, былъ связанъ, но благоизволилъ, чтобъ и рабы Его потерпѣли за васъ, язычниковъ, узы. Великій смыслъ заключается въ этихъ словахъ Апостола: не только мы не отвращаемся васъ, говоритъ онъ язычникамъ, а еще терпимъ за васъ узы" (Злат.). „Итакъ я—узникъ за васъ" (Θеоф.).

Какъ юзникъ Іисусъ Христовъ?—Такъ же, какъ Апостолъ Христовъ и рабъ Христовъ. Я въ узахъ за вѣру въ Него, за проповѣдь о Немъ, за дѣло Его —устроеніе спасенія людей. Эти внѣшнія узы наводятъ мысль о внутреннихъ узахъ. Апостолы говорили: не можемъ мы яже видѣхомъ и слышахомъ не глаголати. Значитъ свя-

заны были внутренно. И Апостолъ Павелъ Духомъ былъ влекомъ въ Іерусалимъ; и хотя тотъ же Духъ всюду возвѣщалъ, что Апостола ожидаютъ узы, но онъ не могъ не идти туда, на эти вѣрныя узы, потому что внутренно былъ связанъ. Апостолы всѣ были водимы и носимы Духомъ, какъ связанные, какъ ведомые. Внушаетъ Апостолъ, что узы его имѣли особую, промыслительную цѣль у Самого Господа, руководящаго проповѣдію Евангелія.

Что въ эти узы попалъ св. Павелъ за язычниковъ, прямо указываютъ обстоятельства его взятія въ узы. Напавшіе на него кричали: *сей есть человѣкъ, иже на люди и законъ и на мѣсто сіе всѣхъ всюду учитъ* (Дѣян. 21, 28). Апостолъ проповѣдывалъ Евангеліе чистое, какъ оно есть, не поминая о законѣ Моисеевомъ и когда только нужно объясняя, что время его уже престало. Но ко всему ветхозавѣтному чину относился съ должнымъ уваженіемъ и доказывалъ, что все то было необходимо и имѣетъ всемірное значеніе. Только теперь, училъ онъ, все то кончилось. А тѣ, не понимая дѣла, возстали на него, какъ на хулителя закона и мѣста, гдѣ преимущественно дѣйствовалось все законное. Апостолъ такъ дѣйствовалъ потому, что такъ ему повелѣно свыше, а свыше такъ повелѣно потому, что иначе не привлечешь язычниковъ, и что иначе и вѣра Христова не можетъ утвердиться на землѣ во всей своей чистотѣ. Будучи связанъ за такое ученіе, онъ былъ связанъ за дѣло Іисусъ Христово; почему и былъ узникомъ Іисусъ Христовымъ, но подвергся въ настоящемъ случаѣ связанію изъ-за язычниковъ; почему попалъ въ узы изъ-за нихъ. Экуменій пишетъ: „случается быть узникомъ только Іисусъ Христовымъ, т.-е. быть связаннымъ и біемымъ за неизмѣненіе вѣры въ Него, а не и за языки, т.-е. не за ученіе и проповѣдь, распространяемыя среди ихъ. Такъ многіе мученики были мучены не за то, что учили языч-

никовъ вѣрѣ, а за то, что не отвергались отъ вѣры во Христа. Павелъ же былъ узникомъ и за Христа, и за язычниковъ."

Ст. 2. *Аще убо слышасте смотреніе благодати Божія данныя мнѣ въ васъ.*

Если слышали, но вы слышали... Сей оборотъ рѣчи равносиленъ слѣдующему: такъ какъ вы слышали. Частица *если* не сомнѣніе или невѣдѣніе означаетъ, но совершенную увѣренность. Слышали вы, что мнѣ поручена проповѣдь Евангелія среди васъ: потому вамъ и безъ особыхъ объясненій должно быть понятно, почему я узникъ *о васъ языцѣхъ*.

Слышали они не отъ другаго кого, а отъ самого же Апостола. Нельзя предположить, чтобъ онъ умолчалъ объ этомъ, особенно послѣ того, какъ писалъ къ Галатамъ. Ибо смущенія галатійскихъ церквей и произошли отчасти потому, что тамъ не совсѣмъ полно было извѣстно, что такое есть св. Павелъ, и почему онъ проповѣдуетъ, не будучи изъ числа двѣнадцати.

Смотреніе благодати — благодатное смотрѣніе, οἰκονομία. Какъ въ благоустроенномъ домѣ благоразумная экономія распредѣляетъ, что кому и какъ слѣдуетъ дѣлать; такъ и въ благодатномъ царствѣ Христовомъ, по экономіи — домостроительству спасенія, все вначалѣ было распредѣлено, кому за какое дѣло взяться и какъ его вести. Св. Павлу, непосредственно Самимъ Господомъ призванному, Самимъ же Господомъ поручено идти съ проповѣдію къ язычникамъ: *иди, далеко во языки пошлю тя* (Дѣян. 22, 21). Объ этомъ благодатномъ смотрѣніи или распоряженіи Господнемъ и поминаетъ здѣсь св. Павелъ. Вамъ извѣстно, что мнѣ поручена проповѣдь среди васъ. Я усердно исполнялъ свое дѣло; но это раздражило неразумную ревность, и вотъ я въ узахъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „Здѣсь Апостолъ намекаетъ

на предсказаніе, возвѣщенное о немъ Ананіи въ Дамаскѣ, когда Господь сказалъ: *иди, яко сосудъ избранъ Ми есть сей пронести имя Мое предъ языки и цари* (Дѣян. 9, 15). Смотрѣніемъ благодати онъ называетъ именно это откровеніе. Такимъ образомъ слова Апостола значатъ слѣдующее: не отъ человѣка я узналъ, не человѣкъ меня удостоилъ чести быть главнымъ благовѣстникомъ вашимъ, а Самъ Богъ сказалъ: *иди, яко Азъ во языки далече послю тя*" (Дѣян. 22, 21).

Св. Павелъ поминаетъ объ этомъ не съ догматическими цѣлями, какъ въ посланіи къ Галатамъ, а съ тѣмъ, чтобъ и въ этомъ дать Ефесянамъ побужденіе помнить, что сдѣлано для нихъ благодатію. Благодатное смотрѣніе относительно его, Апостола, было направлено на нихъ. Ихъ имѣя въ виду, объ нихъ особое попеченіе являя, Господь избралъ и образовалъ непосредственно Самъ Апостола для нихъ и ему все разсказалъ и открылъ, какъ и почему что дѣлается, все же для нихъ. Какъ не помнить всего этого! На этомъ образованіи Апостола, какъ особомъ дѣйствіи смотрѣнія Божія, останавливаетъ вниманіе св. Златоустъ: „и справедливо Апостолъ называлъ это смотрѣніемъ; ибо, подлинно, великое было смотрѣніе, когда тотъ, кого нельзя было убѣдить ни коимъ образомъ, призывается свыше словами: *Савле, Савле, что Мя гониши?* (Дѣян. 9, 4), и при этомъ теряетъ зрѣніе отъ неизреченнаго свѣта!"

Ст. 3. *Яко по откровенію сказася мнѣ тайна: якоже преднаписахъ вмалѣ.*

Яко, ὅτι — не *потому что*, но *что*. Слышали смотрѣніе, что, т. е. *по откровенію сказася мнѣ тайна. По откровенію* тоже что *чрезъ откровеніе* (Гал. 1, 12). Хочетъ сказать, что какъ призванъ къ проповѣди непосредственно Господомъ, такъ и наученъ истинѣ тоже непосредственно Имъ же. Не самъ придумалъ и не люди

научили, но Самъ Господь открылъ мнѣ все. „Показываетъ, что все отъ Бога“ (Злат.). И притомъ для нихъ — язычниковъ. Внушаетъ слѣдовательно: смотрите, какое объ васъ попеченіе у Господа! *Сказася*... ἐγνωρίσθη — дана мнѣ знать тайна, внушена, въ умъ мой вложена. Не только открыта, но такъ открыта, что я позналъ ее и понялъ, какъ слѣдуетъ. Надъ этимъ наблюдалъ Самъ Открывающій, чтобъ не вошла какая неправость въ слово мое. *Тайна* — та, о которой говоритъ онъ въ 6-мъ стихѣ, чтобъ язычникамъ быть снаслѣдниками и спричастниками обѣтованія. „Справедливо Апостолъ называетъ это тайною; ибо подлинно непонятно, какимъ образомъ язычники вдругъ приведены въ благородство большее, чѣмъ каково было благородство Іудеевъ!“ (Злат.).

Якоже преднаписахъ... *Якоже* — καθὼς — не *о чемъ*, а — *какъ*, въ томъ видѣ, въ томъ смыслѣ и значеніи, какъ я напереди коротко написалъ. *Преднаписахъ* — „не значитъ, какъ полагали иные, будто бы писалъ онъ (прежде) другое посланіе; но, говоритъ, написалъ теперь (впереди); такъ какъ о семъ разсуждалъ отъ самаго начала и до сего мѣста“ (Ѳеод.). Впереди онъ не поминаетъ о томъ, какъ ему открыта тайна, а живописуетъ самую тайну, какъ пришелъ Сынъ Божій, воплотился, пострадалъ, воскресъ, вознесся на небо и возсѣлъ одесную Бога Отца, и въ Себѣ спосадилъ и все человѣчество, которое къ Себѣ привлекаетъ проповѣдію и благодатію, кои Духомъ Святымъ дѣйствуютъ въ людяхъ, обращая и освящая всѣхъ безъ различія, Іудеевъ и язычниковъ, изъ всѣхъ составляя единое тѣло Церкви, жилище Богу чрезъ Господа Іисуса Христа во Святомъ Духѣ. Объ этомъ все онъ толковалъ впереди, теперь говоритъ, что все это преднаписанное мнѣ открыто, и какъ открыто, такъ и написано. Но написанное доселѣ, хотя содержитъ все существо домостроительства, не все одна-

кожъ объемлетъ открытое мнѣ. Я написалъ вамъ *вмалѣ*, изъ многаго немногое, хотя и въ немногомъ многое. „И точно, кто сообразитъ какъ слѣдуетъ все написанное впереди, увидитъ, какія открыты ему тайны; изъ коихъ часть нѣкую малую онъ помѣстилъ въ предыдущей рѣчи своей, желая не столько высказать все, что зналъ, сколько показать этимъ малымъ сколько умолчалъ“ (Іерон.). Однакоже „кратко слово и сокращенно поученіе, но въ немногомъ я научилъ васъ многому, засѣменивъ только (слово истины). Я написалъ столько, сколько могли вы уразумѣть, уразумѣть при углубленномъ и внимательномъ чтеніи, а не между дѣломъ пробѣжавши (писанное)“ (св. Дам.).

Ст. 4. *О немже можете чтуще разумѣти разумъ мой въ тайнѣ Христовѣ.*

О немже—πρὸς ὅ—судя по чему,—судя по этому написанному, можете заключить какъ опредѣленно и полно разумѣю я тайну Христову. Хотя и мало написано, однакоже достаточно для того, чтобы сдѣлать вамъ такой выводъ о достоинствѣ моего вѣдѣнія тайны. И кто изъ читающихъ не сдѣлаетъ такого вывода?! Но къ чему этотъ самый выводъ?! Не мудрость свою хотѣлъ выставить Апостолъ, а внушить имъ: читая написанное не можете не видѣть, какъ все ясно и опредѣленно и вмѣстѣ какъ возвышенно и всеобъемлюще. Могъ ли я самъ все это постигнуть? Если же о *перстѣ Божіи*, по Божію откровенію я это знаю: *убо постиже на васъ царствіе Божіе* (Мѳ. 12, 28). Богъ къ вамъ приблизился; особое о васъ попеченіе явилъ; открылъ сокровищницу таинъ Своихъ. Бл. Іеронимъ пишетъ: „ни одно посланіе не содержитъ столько таинъ, сколько это. О своемъ разумѣніи говоритъ онъ, чтобы прославить благодать, данную ему во языцѣхъ, и намъ внушить съ крайнимъ вниманіемъ читать сіе посланіе.“ *Тайну* призва-

нія языковъ назвалъ онъ здѣсь *Христовою*, потому что и основаніе ей положено во Христѣ Господѣ, и откровеніе о ней дано Господомъ и въ дѣло она приводится Господомъ же. Христовою прилично назвать ее и потому, что она состоитъ въ существенной связи со всѣмъ дѣломъ устроенія спасенія рода человѣческаго, совершеннымъ Іисусъ-Христомъ, Господомъ, верхъ коего есть сѣдѣніе одесную Отца, въ возглавленіе всяческихъ. Св. Златоустъ и говоритъ: „можете узнать, какъ я понялъ и какъ уразумѣлъ или вообще откровеніе Божіе, или собственно ту истину, что Онъ сѣдитъ одесную.“ Ѳеофилактъ продолжаетъ ту же мысль: „можете видѣть, сколько знаю я тайну Христову, т. е. что Онъ сѣдитъ одесную Отца, что и насъ спосадилъ тамъ же, что въ Немъ оба созиждены во единаго новаго человѣка, и прочее сюда относящееся.“

Ст. 5. *Яже во инѣхъ родѣхъ не сказася сыномъ человѣческимъ, якоже нынѣ открыся святымъ Его Апостоломъ и Пророкомъ Духомъ Святымъ.*

Яже—тайна Христова и вообще домостроительство спасенія во Христѣ Іисусѣ, и особенно та его сила, что оно обнимаетъ все человѣчество. „Тайна Христова обнимаетъ воплощеніе, крестъ, воскресеніе, одесную сѣдѣніе, призваніе языковъ, Церковь вѣрою спасаемыхъ, отстраненіе плотскаго Іудея, сочетаніе двухъ народовъ во едино тѣло Христово, второе пришествіе и воздаяніе каждому по достоянію“ (Экум.). *Во инѣхъ родѣхъ*, т. е. поколѣніяхъ, кои приходятъ и отходятъ, по выраженію Соломона, и опредѣляютъ тѣмъ періоды времени. *Родъ* можно счесть равнозначительнымъ *вѣку*. Во *инѣхъ*—не тѣхъ, кои тогда были на землѣ, когда Апостолъ писалъ сіе, но кои предшествовали. Какъ *во инѣхъ родѣхъ* противополагается тому, что *нынѣ* совершается, то этимъ выражается: въ предшествовавшихъ вѣкахъ.

Не сказася—οὐκ ἐγνωρίσθη — не доведена до свѣдѣнія, не дана знать. *Сыномъ человѣческимъ*, т. е. людямъ вообще, ни Іудеямъ, ни язычникамъ *не сказася*. Зачѣмъ такой оборотъ рѣчи, когда, при словѣ объ откровеніи, язычники и не пришли бы никому на мысль, а только одни Іудеи?—За тѣмъ, можетъ быть, что иные роды—предшествующіе вѣка—обнимаютъ все время до пришествія Христова и, слѣдовательно, то, когда не было раздѣленія, а всѣ были едино. Раздѣленіе началось съ Авраама. Чтобъ не исключить предшествующіе ему роды, Апостолъ сказалъ: сынамъ человѣческимъ не сказася, чтобъ дать понять какъ отъ Адама до Авраама, такъ и послѣ. Къ тому же Апостолъ ведетъ здѣсь рѣчь къ язычникамъ. Язычники не считали себя чуждыми Божія промышленія, хотя не понимали его, какъ слѣдуетъ; и св. Павелъ самъ не считалъ ихъ чуждыми его. Взоръ Апостола обнимаетъ весь родъ человѣческій, и онъ говоритъ: *Богъ, не несвидѣтельствована Себе оставившій* въ прежніе роды (Дѣян. 14, 17), не благоволилъ однакожъ никому сказать тайны сей. Такая мысль понятнѣе для язычниковъ, которые не знали, какъ и въ какой мѣрѣ шло откровеніе среди Іудеевъ. И еще: Апостолъ говоритъ здѣсь не то, что совсѣмъ *не сказася*, — но *не сказася* въ такой мѣрѣ, *якоже нынѣ открыся*. Но своя мѣра вѣдѣнія о Христѣ Избавителѣ была и среди язычниковъ. По раздѣленіи языковъ и отъособленіи Іудеевъ, язычники взяли съ собою всѣ предшествовавшія откровенія и держались ихъ; только какъ онѣ оставались у нихъ безъ подновленія и поясненій, то они исказили ихъ. Общее однакожъ чаяніе объ обновленіи человѣчества осталось и среди ихъ, и оно стало живѣе, когда между ними разсѣялись Іудеи въ послѣднее время. Такимъ образомъ, имѣя въ мысли сказать о мѣрѣ предшествовавшаго откровенія, св. Апостолъ не могъ оста-

навливаться вниманіемъ на однихъ Іудеяхъ, а разсудилъ обнять всѣхъ людей, сказавъ: *сыномъ человѣческимъ не сказася.*

Якоже нынѣ открыся. Язычники темно гадали; Іудеямъ опредѣленнѣе дана была знать тайна Христова — и о лицѣ Христа Спасителя, и о дѣлѣ Его—устроеніи спасенія, и о спасаемыхъ Имъ, даже о томъ, что и язычники будутъ призваны; но и это все незначительно въ сравненіи съ нынѣшнимъ откровеніемъ, говоритъ Апостолъ. Уже по тому самому такъ это есть, что духомъ прозрѣть что, и самымъ дѣломъ видѣть то совершающимся,—большую даетъ разность въ опредѣленности знанія. Отъ этого многіе Пророки и цари желали видѣть относящееся къ Господу и не видѣли (Лк. 10, 24). Отчего и Іоаннъ Предтеча выше другихъ Пророковъ? Оттого что руками осязалъ спасеніе, которое другіе издали только видѣли (Бл. Іерон.). Такъ вообще о домостроительствѣ спасенія. Но въ отношеніи къ тайнѣ призванія языковъ это всего очевиднѣе. Пророки предвидѣли, что и язычники познаютъ Бога Истиннаго, какъ напримѣръ Исаія говоритъ: се *языцы, иже не вѣдаху Тебе, призовутъ Тя* (55, 5). Но чтобы они были призваны въ одинаковое съ Іудеями участіе въ царствѣ Христовомъ, это не только не было вѣдомо ветхозавѣтными, но и новозавѣтными не вдругъ понято. „Несмотря на то, что Пророки говорили о призваніи языковъ, это оставалось все еще тайною. Почему изумились тѣ, кои были съ Петромъ (у Корнилія). Да и самъ Петръ чрезъ откровеніе отъ Духа позналь тогда, что и язычниковъ принялъ Богъ. Дотолѣ еще въ прикровенности лежали словеса Пророковъ, гадательными представлялись, и проясненія ожидали отъ самаго дѣла исполненія ихъ“ (св. Дам.).

Нынѣ открыся Св. Апостоломъ и Пророкомъ Духомъ

Святымъ. Пророковъ разумѣетъ онъ здѣсь не ветхозавѣтныхъ, ибо вмѣстѣ съ Апостолами противополагаетъ ихъ послѣднимъ, а новозавѣтныхъ. „Ибо во время Апостоловъ многіе имѣли пророческую благодать“ (Өеод.). Говоря, что нынѣ яснѣе открылъ Духъ Святый, Апостолъ разумѣетъ или вообще сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, яко окончательнаго и послѣдняго ихъ руководителя въ разумѣніи дѣла спасенія и утвержденіи его на землѣ, или частнѣе то указаніе, которое свыше дано было Апостолу Петру не колеблясь принять язычниковъ въ общеніе благодати. Св. Златоустъ говоритъ: „Петръ не пошелъ бы къ язычникамъ, какъ только по указанію Св. Духа. Ибо послушай, что онъ говоритъ: *они* (язычники) *Духъ Святый пріяша, якоже и мы* (Дѣян. 10, 47). Слово Апостола Павла: *Духомъ Святымъ* значитъ то, что Богъ чрезъ Св. Духа удостоилъ ихъ участія въ такой благодати. Говорили о семъ и Пророки, но люди никогда бы съ такою ясностію не узнали этого, какъ узнали, услышавъ Апостоловъ, которые превзошли всякій человѣческій умъ и общія ожиданія, когда говорили: *яко быти языкомъ снаслѣдникомъ*, и проч.“

Цѣль же у Апостола, чего ради говоритъ сіе, та, чтобы такою необычайностію тайны, на язычникахъ уже исполнившейся, усугубить ихъ вниманіе къ явленному имъ благодѣянію Божію, и тѣмъ подкрѣпить свое завѣщаніе: *помните же!*

Ст. 6. (*Яко*) *быти языкомъ снаслѣдникомъ и стѣлесникомъ и спричастникомъ обѣтованія Его о Христѣ Іисусѣ, благовѣствованіемъ.*

„Какая же это тайна, которая прежнимъ родамъ не была открыта, какъ нынѣ? — Та, о которой слѣдуетъ рѣчь: *яко быти*“... (Іерон.). „Это и есть та тайна (о которой онъ столько разъ поминалъ выше), чтобъ язычникамъ вмѣстѣ съ Израилемъ быть снаслѣдниками и

спричастниками обѣтованія“ (Ѳеоф.). „Что язычники призваны будутъ, объ этомъ знали Пророки; а что они будутъ снаслѣдниками и спричастниками, этого не знали“ (Экум.). „Израильтяне стали причастниками обѣтованія, яко народъ святый; но вмѣстѣ съ ними сопричастились его и язычники, бывшіе дотолѣ нечистыми. Апостолъ не удовольствовался сказать, что и они сдѣлались снаслѣдниками и спричастниками, но, желая показать большее еще ихъ сближеніе и единеніе, сказалъ стѣлесниками. Ибо язычники со святымъ Израилемъ стали едино тѣло, устрояемое и содержимое единою главою—Христомъ“ (Ѳеоф.).

Можно и не доискиваться что въ особенности значитъ каждое изъ сихъ словъ—*снаслѣдники*, *стѣлесники*, *спричастники*. Всѣ они одно значатъ — крайнее сближеніе Іудеевъ и язычниковъ въ царствѣ Христовомъ, гдѣ всякое между ними различіе исчезаетъ. И какую бы сторону преимущества Іудеевъ, представленнаго прежде, ни взялъ ты, всякая изъ нихъ теперь имѣется и у язычниковъ, не особенно воспріявшихъ ее, но вмѣстѣ съ Іудеями. Бл. Ѳеодоритъ объясняетъ, почему сказаны нѣкоторыя изъ нихъ: „поелику нарекъ вѣрныхъ единымъ тѣломъ; то говоритъ, что язычники содѣлались *стѣлесниками*. И поелику наслѣдіе почиталось принадлежащимъ Іудеямъ, то наименовалъ еще язычниковъ *сонаслѣдниками*. И какъ Іудеи думали, что имъ однимъ даны обѣтованія, о чемъ сказалъ Апостолъ и въ посланіи къ Римлянамъ: *ихже обѣтованія* (Рим. 9, 4); то назвалъ также язычниковъ *спричастниками обѣтованія*.“

Св. Златоустъ не даетъ объясненія, почему то или другое сказано, а всѣмъ имъ даетъ одинъ смыслъ, означеніе тѣснаго союза Іудеевъ и язычниковъ. „Что значитъ быть снаслѣдниками, сопричастниками обѣтованія и стѣлесниками? — Значеніе сихъ словъ высоко: они

означаютъ то, что язычники и Іудеи соединены въ одно тѣло, означаютъ тѣсный союзъ ихъ. Что язычники будутъ призваны, это извѣстно было и прежде, но къ чему именно они будутъ призваны, этого до тѣхъ поръ никто не зналъ. Потому-то Апостолъ и называетъ это *тайною обѣтованія Божія*. Израильтяне и прежде были причастниками обѣтованія; теперь сопричастниками сего обѣтованія содѣланы и язычники."

Но можно въ каждомъ изъ сихъ словъ видѣть и нѣкоторыя особенности. Такъ можно думать, что словомъ *снаслѣдники* означается воспріятіе того, что древле обѣтовано Израилю, какъ наслѣдіе; словомъ *стѣлесники* означается, что вновь получено въ благодатномъ царствѣ Христовомъ; а словомъ *спричастники обѣтованія* то, что имѣетъ быть всѣми получено въ будущемъ. Живописуется лѣствица благъ, отъ лица Іисусъ Христова истекающихъ на родъ нашъ.

Блага ветхозавѣтныя, и полученныя тогдашними и обѣтованныя будущимъ поколѣніямъ — первая степень; блага, полученныя отъ Господа, по воплощеніи Его въ св. Его церкви, въ нынѣшній періодъ бытія, до втораго пришествія—вторая степень; а то, что обѣщается въ будущемъ вѣкѣ и получится по возъустроеніи всяческихъ — третья степень, неизглаголемая. Апостолъ хочетъ сказать язычникамъ: ничѣмъ вы не задѣлены; и то, что Израилю было обѣтовано, вы получили вмѣстѣ съ нимъ, и то, что сверхъ того обѣтованія, дано вѣрѣ, подается вамъ по вѣрѣ, и то, что уготовано въ будущемъ, ваше будетъ. Что все и есть дивная тайна, которой никто постичь не могъ, и которая едва вмѣстилась въ умахъ избранныхъ Апостоловъ, и то чрезъ особое уже дѣйствіе со внѣ и воздѣйствіе внутри Пресвятаго Духа. Вотъ чего вы удостоились! Помните же?!

О Христѣ Іисусѣ благовѣствованіемъ. На такую вы-

соту вы возведены, такихъ сподобились благъ, такъ сошлись съ Израилемъ о *Христѣ Іисусѣ* вѣрою въ Него и ради вѣры получаемою благодатію Св. Духа, которая, всѣхъ пересозидая, дѣлаетъ всѣхъ одинаковыми. Привлечены же вы къ участію въ этомъ — благовѣстіемъ; ибо вѣра́ отъ слуха. „Язычники сопричастились обѣтованію чрезъ то, что къ нимъ посланы были благовѣстники, и они имъ повѣрили. Не просто содѣлались они сопричастниками обѣтованія, но чрезъ благовѣствованіе“ (Злат.). „Вѣрою во Христа содѣлались они сопричастниками, но вѣра прибыла къ нимъ чрезъ благовѣствованіе“ (Өеоф.).

Но все побужденіе къ: *помните же.* Ибо благовѣстіе само не пришло бы. Надлежало избрать и образовать благовѣстниковъ и, снарядивъ ихъ всякою силою, послать благовѣстить, руководя и всячески вспомоществуя въ семъ благовѣстіи. Израильтяне все это у себя имѣли дома, а къ вамъ надо было нарочитаго посылать въ такую даль. Объ этомъ намекая, Апостолъ и говоритъ:

Ст. 7. *Емуже быхъ служитель по дару благодати Божія, данныя мнѣ по дѣйству силы Его.*

Емуже — этому благовѣстію, *быхъ* — не самъ собою я сталъ, но былъ сдѣланъ, избранъ и образованъ, *служитель* — διάκονος. Діаконовъ поставили Апостолы въ первой Церкви, чтобъ доставляли всякому потребное. Такимъ считаетъ себя и св. Павелъ. Онъ — діаконъ, а священнодѣйствователь въ Церкви Самъ Господь. Куда пошлетъ, туда иду; что повелитъ говорить, то и говорю. *По дару благодати,* — я получилъ это служеніе, какъ даръ благодати, ничего не привнесши отъ себя достойнаго, чтобы получить его (Экум.). „Апостолъ все относитъ къ Богу, говоря, что и Апостольство его есть даръ благодати, что по силѣ этого дара онъ удостоенъ чести, для обращенія язычниковъ, потерпѣть узы“ (Злат.).

Благодать Божія взыскала его и призвала не къ вѣрѣ только, но и къ Апостольству. Благодать и всякаго христіанина обращаетъ; но то есть особый даръ, чтобъ стать служителемъ благовѣстія. Въ Ап. Павлѣ совмѣщалось то и другое въ одномъ актѣ благодати, хотя и можно различать дѣйствіе обращенія отъ порученія благовѣстія. Что я служитель Евангелія—это даръ благодати; но онъ не для меня, а для васъ. И въ томъ особая къ вамъ милость Божія, что благовѣстника для васъ образовалъ Онъ особымъ, чрезвычайнымъ дѣйствіемъ благодати Своей. Это и внушаетъ Апостолъ словами: *по дару благодати, данныя мнѣ по дѣйству силы Его*. Чтобы сдѣлать изъ меня Апостола для васъ, Богъ употребилъ особую силу, явилъ особое дѣйство благодати Своей. „На мнѣ показалъ дѣйство собственной силы Своей, призвавъ меня недостойнаго и ввѣривъ мнѣ обученіе языковъ. Я проповѣдникъ и служитель (Евангелія) по неизреченной щедрости Призвавшаго и по неизглаголанной силѣ Его“ (Өеод.),

Бл. Өеофилактъ дарованіе благодати по дѣйству силы Божіей понимаетъ какъ дарованіе благодати обильной, какую свойственно изливать Всесильному Богу, мѣру благодати опредѣляя силою Божіею: „Благодать дарована мнѣ не просто, не скудно, но любочестно (по-Божески), какъ свойственно Всесильному Богу.“

Св. Златоустъ кромѣ того видитъ здѣсь указаніе и на ту силу, которая обычно сопровождала проповѣдь Апостола, его укрѣпляя и проповѣдь подтверждая. „Даръ былъ бы недостаточенъ, если бы вмѣстѣ съ нимъ не влагалась и сила Божія; ибо по истинѣ для благовѣствованія недостаточно одного человѣческаго усердія, а нужна высшая сила. Апостолъ показалъ въ дѣлѣ своего благовѣстія слѣдующія три качества: горячую и неустрашимую ревность, душу, готовую терпѣть рѣшительно

все, разумъ и мудрость (вѣдѣніе и благоразуміе). Но недостаточно было бы природной рѣшимости, недостаточно было бы безукоризненной жизни, если бы онъ не получилъ силы Духа."

И призванъ я, говоритъ Апостолъ, и образованъ въ Апостола, и исполненъ всякою силою — все для того, чтобъ благовѣстіе среди васъ шло успѣшно, а чрезъ благовѣстіе вамъ открывалась дверь и въ сокровищницу тѣхъ благодатей, о коихъ помянулъ. Но говоритъ о семъ Апостолъ, не себя возвышая, а чрезмѣрность милости Божіей изображая. Почему прилагаетъ:

Ст. 8. *Мнѣ, меньшему всѣхъ святыхъ, дана бысть благодать сія, во языцѣхъ благовѣстити неизслѣдованное богатство Христово.*

Мнѣ меньшему... Намѣренно останавливается вниманіемъ на незначительности орудія, чтобъ показать, что въ ихъ призваніи и приближеніи къ спасаемымъ ничего нѣтъ человѣческаго. Тутъ дѣйствовалъ Самъ Богъ. Посмотрите на меня, говоритъ какъ бы онъ, какъ я ничтоженъ, а дѣло Божіе все растетъ и расширяется! Кто тутъ дѣйствуетъ, какъ не сила Божія? Ибо никакая сила человѣческая не могла бы произвести то, что совершается; а тутъ еще совершается все это такимъ малымъ лицемъ, какъ я. Не видите ли, что Богъ къ вамъ подошелъ и избралъ васъ.

Какъ Апостолъ Павелъ, такъ и всѣ Апостолы, такъ и всѣ избранные дѣятели, въ исполненіи своего назначенія, себя забывали, и только тѣмъ и заняты были, какъ бы наилучшимъ образомъ совершить дѣло Божіе. Оттого силѣ Божіей было просторно въ нихъ и чрезъ нихъ дѣйствовать, и плоды дѣйствованія ихъ были изумительны для нихъ самихъ. Имъ и натурально было видѣніе, какъ они малы сравнительно съ великостію совершаемаго ими дѣла...Почему нѣтъ сомнѣнія, что рѣчь Апостола полна искренности. Св. Злато-

устъ говоритъ: „Послушайте, что говоритъ св. Павелъ. Намѣреваяся сказать о величіи благодати Божіей, онъ говоритъ такъ: *мнѣ меньшему всѣхъ святыхъ дана благодать сія*. Много выказалъ онъ смиренномудрія и тѣмъ, что оплакивалъ прежніе грѣхи, уже исправленные, всегда помнилъ объ нихъ и былъ скроменъ до того, что назвалъ себя хульникомъ, гонителемъ и обидчикомъ; но съ тѣмъ, что онъ говоритъ теперь, ничего и сравнить нельзя. Прежде, говоритъ, я былъ такимъ то, и называетъ себя извергомъ: но теперь совершенно исправившись, все еще уничижать себя и называть себя меньшимъ всѣхъ—это подлинно великая и необыкновенная скромность! *Мнѣ меньшему всѣхъ святыхъ*. Не сказалъ даже: меньшему Апостоловъ (а—*всѣхъ святыхъ*, т. е. всѣхъ христіанъ). Но ему считать себя меньшимъ не только Апостоловъ, но и всѣхъ святыхъ, значитъ чрезвычайно смирять себя! Въ одномъ мѣстѣ онъ сказалъ: *нѣсмь достоинъ нарещися Апостолъ* (1 Кор. 15, 9); здѣсь же называетъ себя даже меньшимъ всѣхъ святыхъ.“

Дана благодать — благовѣстить неизслѣдованное богатство. Богатство непостижимо велико, а раздатель его такъ малъ. Кто не увидитъ здѣсь перста Божія?! „И то было дѣломъ благодати, что меньшему были поручены истины величайшія, дабы онъ сдѣлался ихъ благовѣстникомъ“ (Злат.).

Словами: *дана благодать* повторяетъ то же, что выше выразилъ, что онъ есть служитель благовѣстія по дару благодати. *Благовѣстити во языцѣхъ* тоже, что благодать Божія избрала меня Апостоломъ языковъ.

Неизслѣдованное богатство Христово есть спасеніе всего человѣчества крестною смертію Богочеловѣка. Богъ Сына Своего не пощадѣлъ. И пусть бы это только, но еще и на смерть предалъ Его! Непостижимо это.—Но когда такимъ образомъ все будто было поте-

ряно, оказалось, что симъ путемъ даровано всѣмъ отпущеніе грѣховъ, благодать возрожденія, сыновство Богу, вѣчное наслѣдіе и спосажденіе одесную Бога. Подлинно богатство и богатство неизслѣдованное! Апостолъ хочетъ сказать, что богатство Христово не для однихъ Іудеевъ, но и для всѣхъ языковъ. Раздаятелемъ его избранъ онъ — меньшій всѣхъ. Что здѣсь назвалъ богатствомъ Христовымъ, то впереди выразилъ словами: быть язычникамъ сонаслѣдниками, сотѣлесниками и сопричастниками обѣтованія.

Ст. 9. *И просвѣтити всѣхъ, что есть смотреніе тайны сокровенныя отъ вѣковъ въ Бозѣ, создавшемъ всяческая Іисусъ Христомъ.*

Благовѣстити во языцѣхъ—а *просвѣтити всѣхъ*,—не язычниковъ только, но и всѣхъ людей, и даже всѣ созданія имѣющія разумъ и могущія принимать просвѣщеніе вѣдѣніемъ, какъ показываетъ слѣдующій стихъ. — Когда благовѣстилъ, тогда же и просвѣщалъ: ибо просвѣщеніе есть сообщеніе свѣтлыхъ о всемъ понятій, которыя составляютъ содержаніе Евангелія. Зачѣмъ же говоритъ особо *просвѣтити*? Хочетъ сказать: всѣмъ дать понять, всѣмъ разъяснить и растолковать, что есть смотрѣніе тайны сея,—распространеніе богатства Христова и на язычниковъ, призваніе и ихъ въ участіе въ немъ, слитіе и ихъ вмѣстѣ съ Іудеями въ единое тѣло, коего глава Христосъ, одесную Отца сѣдящій, въ Коемъ спосаждены тамъ и всѣ составляющіе тѣло Его. Эту сторону домостроительства особенно выяснить, а самое домостроительство благовѣстить. Почему говоритъ: просвѣтити *что есть смотрѣніе тайны сея*. Для чего Богу угодно было такое сдѣлать относительно сего распоряженіе, чтобы держать то доселѣ въ тайнѣ и теперь только явить во всемъ величіи и всей полнотѣ?—Изумить всѣхъ хотѣлъ Богъ богатствомъ благости Своей,

чтобы сильнѣе всѣхъ привязать къ Себѣ и къ самой тайнѣ спасенія. Или,—*что есть смотрѣніе тайны* значитъ: всѣмъ сказать, что выходило изъ этого призванія языковъ къ сонаслѣдности, сотѣлесности и сопричастности. Выходило величественное и преславное тѣло Христово изъ лицъ всѣхъ мѣстъ и всѣхъ временъ сложенное и стройно сочетанное. Вотъ куда направлено все смотрѣніе тайны спасенія и язычниковъ вмѣстѣ съ Іудеями. Объ этомъ и вся рѣчь у Апостола въ посланіи. Но просвѣщалъ онъ всѣхъ относительно сего не словомъ только, но и дѣломъ, самимъ дѣломъ сочетавая всѣхъ во едино. И это сочетаніе было всюду прямымъ слѣдствіемъ его благовѣстія.

Тайна сія была сокровенна отъ вѣковъ въ Богѣ. Никто не зналъ про нее и догадаться никто не могъ о ней. И теперь, по открытіи и явленіи дѣломъ, она все еще остается тайною, тѣмъ паче такою она была прежде.— „О призваніи язычниковъ было извѣстно, но что при этомъ они возсядутъ и на престолѣ Божіемъ, этого никто не ожидалъ, никто не представлялъ этого“ (св. Злат.). Мысль Апостола все держится на одномъ, — сочетаніи всѣхъ во Христѣ, яко главѣ, основаніе коему положено въ сѣдѣніи Его одесную Отца. Св. Дамаскинъ пишетъ: „*неизслѣдованнымъ богатствомъ* Христовымъ называетъ онъ спасеніе всего міра, а *смотрѣніемъ тайны*—вознесеніе (спосажденіе одесную) всѣхъ людей во единомъ Христѣ.“

Была тайна сокровенна въ Богѣ, не теперь только измышлена благостію Его; изъ начала она вошла въ планы Божіи, а теперь только въ дѣло приведена. Что тайна сія именуется сокрытою въ Богѣ, создавшемъ всяческая, это наводитъ на мысль, что, когда еще міръ созидался только, тайна спасенія въ Господѣ всего человѣчества и устроенія изъ всѣхъ единаго тѣла въ Немъ имѣлась уже въ умѣ Божіемъ, имѣлась конечно не безъ

вліянія на самое устроеніе міра. Эта мысль видна у св. Дамаскина. „Эта тайна не въ последнее время измышлена Богомъ; ибо у Него нѣтъ вновь прибывающихъ волей (опредѣленій воли), но все вѣчно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ творилъ Онъ міръ, тогда же полагалъ и основанія спасенію."

Іисусъ Христомъ. Поелику Іисусъ Христосъ есть Слово бывшее плотію, — то Слово, Имже вся быша, и безъ Коего ничтоже бысть, еже бысть; то слово: *создавшемъ всяческая* само собою привлекло и: *Іисусъ Христомъ*. Св. Златоустъ говоритъ: „Хорошо сдѣлалъ Апостолъ, что, воспоминая о твореніи, сказалъ: *Іисусъ Христомъ*. Ибо Сотворившій все чрезъ Него и это открылъ чрезъ Него: *безъ Него*, сказано, *ничтоже бысть* (Іоан. 1, 3)." — Ѵпостасное Слово, образъ ѵпостаси Отчей, творя міръ, человѣка создало по образу Божію, и Оно же чрезъ воплощеніе возстановляетъ въ немъ потерянный образъ Божій чрезъ грѣхопаденіе. Истины сіи одна съ другою вяжутся неразрывною цѣпью, и одна другую вызываютъ.

Ст. 10. *Да скажется нынѣ началомъ и властемъ на небесныхъ Церковію многоразличная премудрость Божія*.

Не только людямъ не была открываема тайна сія (ст. 5), но и Ангелы не знали ея. И они узнаютъ о ней послѣ, изъ самаго дѣла явленія ея въ человѣчествѣ, изъ самаго созданія Церкви. Апостолъ хочетъ сказать, что дѣло сіе столь величественно и дивно, что, когда устроилась Церковь изъ язычниковъ и Іудеевъ, подъ главою Христомъ, и небесныя силы изумились, увидѣвъ въ семъ многоразличную премудрость Божію: подобно тому, какъ по слову Іова, когда сотворены были звѣзды, веліимъ гласомъ восхвалили Бога всѣ Ангелы Божіи. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Апостолъ о веліей благочестія тайнѣ, что *Богъ явился во плоти*, между чертами величія ставитъ и то, что Онъ *показася Ангеламъ*, и это по пропов-

даніи во языцѣхъ и вознесеніи во славѣ (1 Тим. 3, 16). Главу Церкви во всей славѣ Богочеловѣчества узрѣли Ангелы, когда возсѣлъ Онъ одесную Отца и началъ привлекать къ Себѣ все—и земное и небесное. Тутъ и сказалась имъ многоразличная премудрость Божія, въ устроеніи Церкви и въ возглавленіи всяческихъ во Христѣ. И Апостолъ Петръ свидѣтельствуетъ, что въ тайну спасенія всѣхъ въ Господѣ не только Пророки углублялись изысканіемъ, желая уяснить себѣ сокровенныя его стороны, но и Ангелы желаютъ то проникнуть (1 Петр. 1, 12). Не все и для нихъ ясно вѣдомо даже и тогда, какъ приведено уже въ исполненіе, а возбуждаетъ только изумленіе о многоразличной премудрости Божіей.

Сказывается имъ сія премудрость не проповѣдію слова среди ихъ отъ лица Церкви, но самымъ ея устроеніемъ. Видятъ, какъ устрояется Церковь, и какъ все въ Господѣ, возсѣдшемъ одесную Отца, возсоединяется, — и уразумѣваютъ въ этомъ Божію многоразличную премудрость. Θеодоритъ пишетъ: „невидимыя силы не знали сей тайны, но по домостроительству Церкви дознали неизреченную Божію премудрость.“ „Пусть, говоритъ св. Златоустъ, не было это открыто людямъ, но неужели ты просвѣщаешь и Ангеловъ, и Архангеловъ, и Начала, и Власти? — Просвѣщаю, говоритъ. Ибо въ Богѣ была сокрыта премудрость сія, *въ Бозѣ, создавшемъ всяческая Іисусъ Христомъ.* — И ты дерзаешь это сказать?! Да, дерзаю, говоритъ. Но какъ же это сдѣлалось извѣстнымъ Ангеламъ?—Чрезъ Церковь. И притомъ не просто сказалъ: да скажется различная премудрость Божія, но *многоразличная.*—Итакъ что же? Въ самомъ дѣлѣ Ангелы не знали ея?—Да! Ибо если не знали Начала, то тѣмъ болѣе она неизвѣстна была Ангеламъ. Не знали и Архангелы? не знали и они; откуда они могли узнать? кто могъ имъ открыть это? когда узнали мы, тогда узнали и они чрезъ насъ.“

Итакъ вѣдѣніе Ангеловъ растетъ, и это приращеніе берутъ они съ земли, отъ Церкви?! Но неужели отъ Церкви узнали они объ искупленіи и спасеніи всѣхъ, когда и въ Ветхомъ и въ Новомъ Завѣтѣ были служителями сей тайны? Отвѣтъ на это предуказывается въ словѣ: *многоразличная премудрость Божія.* Ангелы, въ блаженномъ созерцаніи Божества сущіе, конечно знаютъ многія изъ таинъ премудрости Божіей, но не всѣ, а какія бываютъ имъ открываемы. Планы премудрости Божіей въ міроправленіи и искупленіи въ Богѣ сокрыты и открываются Ангеламъ, поколику сіе нужно для исполненія даемыхъ имъ повелѣній. Многое же изъ нихъ, особенно сокровенныя причины, дальнѣйшія цѣли и то, какъ что будетъ, по приведеніи плановъ въ исполненіе остается сокровеннымъ отъ нихъ. Узнаютъ они это уже изъ самыхъ событій. Событія открываютъ имъ и тайны, лежащія въ основѣ ихъ. Въ подтвержденіе этого св. Златоустъ приводитъ примѣръ, какъ Ангелъ Хранитель Персовъ противился Архангеламъ Михаилу и Гавріилу, не зная, что касалось возвращенія Израильтянъ (Дан. 10, 13). И потомъ наводитъ: „если этого и подобнаго сему не знали Ангелы, что удивительнаго, что они не знали о богатствѣ любви Христовой такъ, какъ оно открылось чрезъ Евангеліе."

Конечно, знали Ангелы о совѣтѣ Божіемъ спасти родъ человѣческій чрезъ воплощеніе Единороднаго Сына Божія и смерть Его крестную. Но въ образѣ осуществленія сего въ лицѣ Господа и далѣе въ св. Церкви многое для нихъ оставалось невѣдомо, и узнаваемо было ими впервые изъ самыхъ событій. Такова была и тайна призванія язычниковъ въ общеніе Сына Божія и возглавленіе всяческихъ въ лицѣ Его. Св. Златоустъ говоритъ: „Ангелы знали только то, что *бысть часть Господня людіе Его* (Втор. 32, 9). И Іосифу что говоритъ Ангелъ?

И наречеши имя ему Іисусъ: Той бо спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ (Мѳ. 1, 21). Люди Своя, т.-е. Израиля. Здѣсь ничего не сказано о языкахъ; о нихъ Духъ Божій открываетъ особо.“

Это мѣсто есть одно изъ значительнѣйшихъ мѣстъ Новаго Завѣта. Оно показываетъ, что земля съ человѣкомъ, и особенно Церковь Божія, есть главная сцена дѣлъ Божіихъ, великихъ и дивныхъ,—духовное средоточіе вселенной. Въ событіяхъ ея принимаютъ участіе всѣ роды существъ, принимаютъ и Ангелы, и сочувственнымъ созерцаніемъ, и дѣйствованіемъ по указанію Божію. *Мы позоръ быхомъ*, говоритъ Апостолъ, *и міру, и Ангеламъ и человѣкамъ* (1 Кор. 4, 9). Настоящее посланіе имѣетъ ту особенность, что въ немъ Апостолъ дѣло Божіе во Христѣ Іисусѣ не ограничиваетъ однимъ примиреніемъ Бога съ человѣкомъ, но простираетъ его до угармонированія всего міра уничтоженіемъ произведеннаго грѣхомъ раздѣленія земныхъ и небесныхъ (—1, 10).

Въ возстановляемый живой союзъ вводятся теперь и Ангелы, и онъ-то есть возвышеннѣйшій и сладостнѣйшій предметъ созерцанія для нихъ, въ первый разъ и причастившихся и узрѣвшихъ его. Въ этомъ конецъ искупительныхъ дѣйствій Богочеловѣка. Въ немъ разрѣшается тайна Божія міроправленія, достигается цѣль созданія міра.

Ст. 11. *По предложенію вѣкъ, еже сотвори о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.*

По предложенію πρόθεσιν—предположенію, предначертанію, въ Божественномъ всевѣдѣніи хранившемуся и въ немъ сокровеннымъ бывшему. *Вѣкъ*... отъ вѣковъ, вѣковому, предвѣчному. Отъ вѣка Богъ предначерталъ все, какъ чему быть; теперь во Христѣ Іисусѣ приведено это въ исполненіе. „Предположилъ сіе Богъ прежде вѣковъ, сотворилъ же домостроительствомъ Владыки Хри-

ста“ (Θеод.). „Нынѣ совершилось, но не нынѣ опредѣлено, а предначертано издревле. *По предложенію вѣкъ*, т.-е. по предувѣдѣнію вѣковъ, предвидѣвъ будущее, опредѣлилъ такъ“ (Злат.).

Еже, по гречески ἣν, можно относить и къ предложенію вѣкъ—πρόθεσιν, и къ премудрости—σοφία. Это разности въ смыслѣ не дѣлаетъ. Въ Божественномъ предначертаніи всего, совершеннаго Господомъ, содержалась многоразличная премудрость, и Господь, исполнивъ сіе предначертаніе, что другое явилъ, какъ не многоразличную премудрость? Онъ Самъ о Себѣ свидѣтельствовалъ, что если говоритъ Онъ что, то говоритъ такъ, какъ слышалъ отъ Отца, и если дѣлаетъ что, дѣлаетъ, какъ видѣлъ Отца творяща. Тамъ въ предвѣчномъ совѣтѣ засѣдалъ и Онъ, яко Богъ, — и что тогда опредѣлили единогласнымъ рѣшеніемъ всѣ лица Пресвятыя Троицы, то все исполнилъ воплотившись, по тогдашнему опредѣленію, Единородный Сынъ Божій, Богъ—Слово.

Мысль сего текста дополняетъ сказанное выше,—всю рѣчь начатую 8 стихомъ. Богъ возложилъ на меня, говоритъ Апостолъ, особое служеніе, чтобы я благовѣстилъ язычникамъ неизслѣдованное богатство Христово, и всѣмъ раскрылъ смотрѣніе тайны сей, которую Богъ отъ вѣка скрывалъ въ Себѣ, чтобы нынѣ наконецъ открыть ее, даже Ангеламъ чрезъ Церковь, все сіе—въ сообразность съ вѣчнымъ опредѣленіемъ, которое исполнено нынѣ Іисусомъ Христомъ.—Вотъ какъ велико то, что для васъ сдѣлано, язычники. — Небо и земля приведены въ движеніе, Ангельскіе умы просвѣщаются, услаждаются и изумляются созерцаніемъ того. Помните же.

Или—*по предложенію вѣкъ*,—предвѣчному опредѣленію,—выражаетъ ту особенно сторону дѣла, какъ оно открыто Ангеламъ. Сказавши, что Церковію, — всѣмъ,

что въ ней совершается, что ей ввѣрено и что ею достигается,—сказывается Ангеламъ многоразличная премудрость Божія, теперь указываетъ какъ бы программу сказанія сей премудрости, по какому плану идетъ это сказаніе, какого предмета касается. Какъ бы такъ: сказывается Ангеламъ Церковію премудрость, по предмету вѣчнаго опредѣленія, приведеннаго въ исполненіе Господомъ, или относительно этого. Съ симъ совершенно согласуются и послѣдующія слова.

Ст. 12. *Имже имамы дерзновеніе и приведеніе въ надѣяніи вѣрою Его.*

Мысль текста ясна. Она та же, что выше въ 2, 18: *зане Тѣмъ имамы приведеніе во единомъ Дусѣ ко Отцу.* Господомъ имѣемъ дерзновеніе; а безъ Него, подобно мытарю, не смѣемъ очесъ возвесть на небо. Имъ имѣемъ и приведеніе ко Отцу, отъ Котораго отдѣляютъ насъ грѣхи, снимаемые Господомъ. Снимаетъ съ насъ Господь грѣхи, и мы получаемъ смѣлость и дерзновеніе приступать ко Отцу небесному. *Въ надѣяніи,*—πεποιθήσει что значитъ убѣжденіе и увѣренность. Оно выражаетъ то расположеніе, по которому слабый говоритъ сильному: я въ тебѣ увѣренъ, знаю, что ты меня не бросишь. Такую увѣренность въ Богѣ получаемъ мы чрезъ Господа Іисуса Христа; увѣровавъ въ Господа, получаемъ удостовѣреніе, что Богъ пріемлетъ насъ въ общеніе, и принявши никогда не броситъ, и ни въ чемъ не оставитъ. Ибо если *Сына непощадѣ, како не и съ Нимъ вся намъ дарствуетъ* (Рим. 8, 32).—Такое блаженное расположеніе прямо истекаетъ изъ вѣры въ Господа, нераздѣльно съ нею соединено и служитъ свидѣтельствомъ ея. Апостолъ и говоритъ, что оно бываетъ *вѣрою* въ Господа—διὰ τῆς πίστεως.

Св. Златоустъ говоритъ: „*имамы дерзновеніе... въ надѣяніи*, т.-е. съ смѣлостію приступаемъ. Почему же

такъ?—По вѣрѣ въ Него.“ „Ибо, дополняетъ Ѳеофилактъ, разрѣшивъ грѣхи наши, она подала намъ дерзновеніе и надѣяніе.“

Въ немногихъ словахъ Апостолъ очертилъ весь ходъ возсоединенія нашего съ Богомъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Вѣрою въ крестную смерть получаемъ отпущеніе грѣховъ, благодатію чрезъ таинства, по вѣрѣ преподаемыя, сочетаваемся съ Господомъ, а чрезъ Него и Отцу присвояемся. Такъ всякій вѣрующій особо; такъ всѣ вѣрующіе въ совокупности. Всѣ сочетаваются съ Господомъ, а чрезъ Него съ Богомъ Отцемъ, составляя единое тѣло подъ Нимъ—единою главою.

Очевидно послѣ сего, чего ради привелъ сіи слова св. Апостолъ. Ими объясняется, что именно совершено Господомъ въ исполненіе предвѣчнаго опредѣленія Божія о нашемъ спасеніи,—и въ созерцаніи чего, именно, Ангелы видятъ нынѣ, чрезъ Церковь, многоразличную премудрость Божію.—Мысль Апостола все держится на одномъ и томъ же образѣ—возглавленіи всяческихъ о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

Ст. 13. *Тѣмже молю вы не стужати си въ скорбехъ моихъ о васъ, яже есть слава ваша.*

Это сказано будто мимоходомъ. Цѣль рѣчи Апостола въ этомъ отдѣленіи не та, чтобы успокоивать Ефесянъ, а чтобъ убѣдить ихъ помнить великость къ нимъ благодѣянія Божія, явленную въ призваніи ихъ къ вѣрѣ. Выше располагалъ онъ къ сему великостію благъ, полученныхъ ими чрезъ вѣру, 2, 11—12. Въ этой же главѣ къ тому же располагаетъ ихъ рѣдкостію тайны призванія ихъ, о коей доселѣ никто не зналъ ни на землѣ, ни на небѣ, между тѣмъ какъ она по благотворности и премудрости изумляетъ и Ангельскіе умы, 3, 1—12. Объясняя это, онъ выставилъ и то, что Богъ его избралъ орудіемъ ко введенію ихъ въ полученіе та-

кихъ благъ. И какъ по этой причинѣ онъ находился теперь въ узахъ, и прежде такъ много терпѣлъ въ самомъ Ефесѣ и въ Асіи, то и прилагаетъ одно слово, на случай, еслибы кто сталъ смущаться его страданіями: вотъ сколько вамъ благъ даровано, и это чрезъ мою вамъ проповѣдь. Пусть я терплю за это, но не смущайтесь, а смотрите лучше на то, что доставляется вамъ путемъ сихъ страданій. На это смотря не смущаться, а радоваться вамъ должно; ибо видите, какая вамъ отъ того слава.

Были ли по этой причинѣ смущающіеся среди Ефесянъ?!—Блаженный Іеронимъ находитъ это очень вѣроятнымъ. Всѣхъ смущаетъ, говоритъ, то обстоятельство, что грѣшные большею частью счастливы, а праведные страдаютъ. Даже св. Давидъ говоритъ о себѣ, что едва не подвиглись ноги его, *миръ грѣшниковъ зря* (Пс. 72, 1—). А Ап. Павелъ сколько терпѣлъ? Видно то изъ Дѣяній, а паче изъ посланій къ Коринѳянамъ, изъ коихъ одно писано въ Ефесѣ, а другое тотчасъ по выходѣ изъ него. Со звѣрьми, говоритъ, боролся (1 Кор. 15, 32), по *премногу и паче силы отяготихомся, яко не надѣятися намъ и жити* (2 Кор. 1, 8). Могли смутиться всѣмъ этимъ Ефесяне, и Апостолъ хорошо сдѣлалъ, что сказалъ это утѣшительное слово, чтобъ не оскудѣла вѣра ихъ, видя такія тѣсноты Апостола (сокращенно изъ Іеронима). И св. Златоустъ полагаетъ, что вѣрно были смущающіеся. „Какъ же они стужали си, когда другой скорбѣлъ?—Это значитъ, что они приходили въ страхъ, смущались. Объ этомъ онъ пишетъ и къ Солунянамъ, говоря: *яко ни единому смущатися въ скорбѣхъ сихъ* (1 Сол. 3, 3). Ибо должно не только не скорбѣть, но и радоваться. Мы здѣсь испытываемъ скорби, потому что такъ Богъ повелѣлъ.“

Почему скорби Апостола—слава Ефесянъ? Можно и

такъ отвѣтить: потому что онѣ—слава Апостола, которой отсвѣтъ падаетъ и на увѣровавшихъ чрезъ него. Ученикамъ прилично хвалиться учителемъ, говоря: вотъ какой нашъ учитель! А что скорби были слава Апостола, это выходило изъ того, что онъ оставался при нихъ непобѣдимымъ. Не то есть умаленіе чести, когда кто терпитъ нападки и бѣды за добро имъ дѣлаемое, а то когда онъ падаетъ подъ тяжестію ихъ. Устояніе противъ бѣдъ есть побѣда надъ ними, и побѣда сія есть слава устоявшаго (Іерон.). Такъ славно претерпѣваемыя скорби Апостола суть слава его, а чрезъ него и Ефесянъ.

Но прямѣе скорби сіи—слава Ефесянъ по той славѣ, какую они получаютъ чрезъ благовѣстіе, за которое терпѣлъ и въ узы попалъ св. Павелъ. Такъ св. Златоустъ. „Почему скорби его составляютъ славу ихъ? — Потому что Богъ такъ возлюбилъ ихъ, что отдалъ за нихъ Единороднаго Сына Своего, и предалъ на страданіе Своихъ рабовъ—Апостоловъ. Въ самомъ дѣлѣ и Павелъ былъ въ узахъ для того, чтобы они получили толикія блага. Такъ велика къ нимъ любовь Божія!“

VI.

Какъ начиная вводить Ефесянъ въ созерцаніе домостроительства спасенія, Апостолъ молился, чтобы данъ имъ былъ духъ премудрости для познанія его; такъ и теперь, въ заключеніи, молится о дарованіи разумѣнія тайны спасенія и великой любви Божіей къ намъ. Такая была цѣль Апостола, чтобъ возвесть Ефесянъ къ созерцанію всего домостроительства спасенія. Для этого велъ все предыдущее разсужденіе; объ этомъ и теперь молится, желая паче, чтобъ сила спасенія вселилась въ нихъ, жила и дѣйствовала. „О чемъ молился св. Апостолъ въ началѣ, того проситъ и теперь. Въ началѣ

молился: *да дастъ вамъ Богъ... Отецъ... духа премудрости и откровенія въ познаніе Его*. И теперь говоритъ тоже: *да возможете разумѣти со всѣми святыми*" (Злат.).

Ст. 14—15. *Сего ради преклоняю колѣна моя ко Отцу Господа нашего Іисуса Христа, изъ Негоже всяко отчество на небесѣхъ и на земли именуется.*

Сего ради. Приведши на мысль все сказанное о тайнѣ домостроительства спасенія и о призваніи язычниковъ къ участію въ немъ, Апостолъ говоритъ: поелику призваны вы къ участію въ такихъ благахъ, то и молюся усердно, чтобъ вы дѣйствительно получили ихъ и всегда ими обладали.

„*Сего ради*...... ради того, что вы такъ возлюблены Богомъ" (Экум.). „Поелику вы такъ возлюблены, поелику непостижимы блага, которыхъ вы сподобились и еще сподобитесь, то молюся, говоритъ, да дастся вамъ благодать обитающаго въ васъ Христа понять сіе и разумѣть, сколько вы возлюблены" (Θеоф.).

Преклоняю колѣна:—не въ эту пору, когда писалъ, но всякій разъ, какъ совершаю молитвословіе, говоритъ, кладу особые поклоны за васъ, или не забываю вставлять въ мою молитву о всемъ молитву и о васъ. Сказалъ: *преклоняю колѣна*, а не просто: *молюся*, „выражая тѣмъ свое усиленное о нихъ моленіе... показывая, что проситъ имъ благъ съ неотступностію" (св. Злат.). „Со умиленіемъ и сокрушеніемъ" (Θеоф.). Или говоря: *преклоняю колѣна*, говоритъ тоже, что всегда молюсь усердно, всегда возношу къ Богу милосердому теплую и благоговѣйную молитву. Колѣнопреклоненіе есть символъ благоговѣйнаго страха и смиреннаго исповѣданія милостей.

Ко Отцу Господа нашего Іисуса Христа. Поелику молится о благахъ, то употребилъ сладостнѣйшее имя Бога Отца, которое есть знаменіе всякой благопопечи-

тельности, приложивъ къ Нему и сладчайшее имя Іисуса Христа Господа нашего, ради Котораго Отецъ все готовъ давать, чего ни попроситъ кто о имени Его. Молится къ Богу Отцу, Который Сына Своего не пощадилъ, и Который—*како не и съ Нимъ вся дарствуетъ*!

Изъ Негоже всяко отчество на небесѣхъ и на земли именуется. Съ этими словами можетъ быть соединяема не одна мысль. Они могутъ значить: молюсь ко Отцу Господа нашего Іисуса Христа, Который есть Отецъ Ангеловъ и человѣковъ. Онъ и объ Ангелахъ и о человѣкахъ имѣетъ отеческое попеченіе; съ другой стороны и Ангелы и люди въ Немъ единомъ имѣютъ истиннаго отца.

Можно полагать, что св. Павелъ имѣлъ при семъ въ мысли отношенія отчества и сыновства, которое угодно было Богу установить между тварями. Такъ устроенъ міръ, что высшія, старѣйшія пекутся о низшихъ и младшихъ и благоустрояютъ ихъ. Первые въ семъ отношеніи суть отцы для послѣднихъ. Высшіе чины Ангельскіе, передающіе пріемлемый ими отъ Бога свѣтъ низшимъ суть въ семъ отношеніи отцы ихъ. Между людьми попечительнѣйшія лица о меньшихъ суть естественные отцы, дѣды, родоначальники, затѣмъ цари, начальники и,—въ духовномъ отношеніи,—пастыри Церкви; и люди не только первыхъ, но и сихъ послѣднихъ именуютъ отцами. Это отчество присвояется имъ по образцу отчества Отца небеснаго, потому что они являютъ въ себѣ Его о всѣхъ попечительность,—Онъ имъ усвояетъ часть ея. Онъ же благоволилъ и имя Свое имъ уступить и даровать то, ради чего такое имя и Самъ Онъ благоволилъ пріять. Какъ Богъ есть одинъ существенно *сый*, но благоволилъ и другимъ даровать и имя и самое бытіе, такъ и въ отношеніи къ отеческой промыслительности, Онъ есть существенно Отецъ, но благоволилъ и среди тва-

рей учредить такія отношенія, по коимъ одни именуются и на дѣлѣ суть отцы въ отношеніи къ другимъ (мысль бл. Іеронима). Блаж. Θеодоритъ пишетъ: „Богъ есть въ собственномъ и подлинномъ смыслѣ Отецъ. Ибо не былъ прежде сыномъ, а потомъ сталъ отцемъ, но всегда Онъ Отецъ и Отецъ по естеству. Другіе отцы, какъ плотскіе, такъ и духовные, свыше заимствовали сіе наименованіе. Называетъ же Апостолъ отца *на земли* отцевъ по естеству, и отцами *на небесахъ* нарицаетъ отцевъ духовныхъ. Таковъ былъ и самъ блаженный Апостолъ. И сіе далъ видѣть, пиша къ Коринѳянамъ; ибо говоритъ: *Аще и многи пѣстуны имате о Христѣ: но немноги отцы: о Христѣ бо Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ* (1 Кор. 4, 15). Посему сказуетъ: прося и умоляя, преклоняю колѣна мои, и молюсь Отцу Господа Іисуса Христа, Который подлинно есть Отецъ, не отъ другаго заимствовалъ отчество, но Самъ сообщилъ оное другимъ.“

Ст. 16. *Да дастъ вамъ по богатству славы Своея, силою утвердитися Духомъ Его во внутреннѣмъ человѣцѣ.*

Въ ст. 16 — 19 обозначаются предметы молитвы и благожеланій св. Апостола своимъ ученикамъ. Въ маломъ здѣсь совмѣщается все, чего можетъ желать и искать христіанинъ.

Да дастъ. Чего Богъ не дастъ, того нигдѣ не найдешь и не возьмешь. *Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй отъ Отца свѣтовъ* (Іак. 1, 17). И то есть знакъ мудрости духовной, чтобы знать, куда обратиться за потребностями духа, и чтобы у источника всѣхъ благъ просить достойнаго Его. „Великаго проситъ Апостолъ, по величію Дающаго, научая насъ просить у Бога достойнаго славы Его,—не земнаго, а небеснаго“ (св. Дам.).

По богатству славы. Если подъ славою разумѣть без-

предѣльныя совершенства Божіи, въ неистощимой ихъ полнотѣ, то *по богатству славы* будетъ: по преизливаемости полноты существенностей въ Богѣ. По св. Григорію Богослову, это служило побужденіемъ и къ сотворенію міра. Да, все сотворилъ Богъ и о всемъ промышляетъ, потому что неизмѣримо богатъ всѣмъ и любитъ всѣхъ богатить. Или *по богатству славы* мѣру опредѣляетъ, въ какой желаетъ дарованія имъ благъ духовныхъ. Отъ маленькаго дарователя малымъ довольствоваться прилично, а отъ большаго прилично ожидать большаго. Проситъ Апостолъ, чтобы Богъ даровалъ имъ просимое имъ въ такой мѣрѣ, какъ велика слава Его, т. е. преизобильно. „Да *дастъ вамъ*, — яко богатый и желающій быть славимымъ“ (Θеоф.),—т. е. чтобы дарованіе не было ниже славы Его.

Силою. Разно понимаютъ, кто—сильно, мощно, крѣпко; кто —силою сверхъестественною, подаемою Духомъ Святымъ, кто—нравственною силою, возставляемою Духомъ Святымъ. Послѣднія два могутъ быть соединены во едино, и, можетъ быть, это прямѣе будетъ выражать мысль Апостола. *Богатство славы* будетъ указывать источники милостей Божіихъ, а *сила чрезъ Духа Святаго*—способъ изліянія ихъ. „Духъ Святый подаетъ силу“ (Θеоф.). „Утвердиться въ добрѣ иначе нельзя, какъ Духа Святаго силою, при помощи благодати Божіей“ (Злат.). Ибо все отъ Бога, Который „и богатство имѣетъ неизреченное и силу неизмѣримую“ (Θеод.).

Утвердитися Духомъ Его во внутреннемъ человѣцѣ. Первый предметъ молитвы о томъ, чѣмъ дѣйствительно начинается жизнь о Христѣ Іисусѣ. *Утвердитися* κραταιωθῆναι, отъ κράτος держава, отъ коего автократоръ—самодержецъ, будетъ: принять въ руки державу, и, какъ это во внутреннемъ человѣкѣ, державу надъ собою, стать самодержцемъ внутри, возсамодержавствиться. Что это

за самодержавіе и чего ради оно желается прежде всего? — Приведемъ на память устройство естества человѣческаго.

Устроивъ низшую часть естества человѣческаго особымъ, отличнымъ отъ произведенія другихъ тварей образомъ, Богъ вдунулъ въ лице его дыханіе Своей Божественной жизни. Это духъ человѣка, высшая сторона естества нашего, гдѣ сознаніе и свободо-разумность, съ отправленіями страха Божія, совѣсти и недовольства ничѣмъ тварнымъ. Назначеніе духа быть въ Богѣ и все возводить къ Богу, все что есть въ человѣкѣ и вокругъ человѣка. Для этого ему дана власть надъ низшими частями естества человѣческаго. Принимая силу отъ Бога, въ Коемъ живетъ, онъ въ ту же жизнь вовлекаетъ и душу съ ея разсудкомъ и науками, издѣліями его, съ ея волею и начинаніями—проявленіями ея, съ ея вкусомъ и искусствами—произведеніями его, и съ ея низшими способностями—воображеніемъ и памятію, вовлекаетъ и тѣло съ его потребностями, и на всѣ внѣшніе свои порядки наводитъ отсвѣтъ той же жизни. Когда бываетъ это въ человѣкѣ, тогда онъ есть настоящій человѣкъ, человѣкъ, соотвѣтствующій нормѣ своей и своей идеѣ.—И тутъ онъ очевидно есть владыка надъ собою и надъ всѣмъ, что въ немъ и окрестъ его. Но очевидно также, что силу такую самодержавную получаетъ онъ отъ Бога, ради преданія себя Богу и жизни въ Немъ, качествуемой страхомъ Божіимъ, совѣстностію искреннею и отчужденіемъ отъ всего тварнаго.

Отдѣлись духъ отъ Бога, и сила сія взята будетъ отъ него. Тогда онъ не можетъ уже управиться ни съ стремленіями души, ни съ потребностями тѣла, ни съ внѣшними соприкосновенностями. Онъ преданъ бываетъ на разволоку душевнотѣлесной желательности и внѣшней житейской суетности, хоть все въ видахъ самоуслажде-

нія. Сличите эти два строя жизни, и увидите, что первый — весь внутрь себя живетъ предъ Богомъ, а второй—весь во внѣ съ богозабвеніемъ. Этотъ послѣдній строй жизни крайне ухудшается тѣмъ, что въ него приходятъ страсти, кои, коренясь въ самости, проникаютъ всю душевнотѣлесность и всему здѣсь даютъ злое, противное духу или страху Божію и совѣсти, направленіе, не созидающее, а разрушающее; и тѣмъ еще болѣе внѣшнимъ дѣлаютъ человѣка.

Этотъ послѣдній и есть человѣкъ въ паденіи, внѣ того чина, на который онъ поставленъ въ твореніи. Богъ не хотѣлъ оставить падшаго въ паденіи и устроилъ ему образъ возстанія отъ паденія. Сынъ Божій воплотился, пострадалъ, умеръ на крестѣ, тридневно воскресъ и вознесшись на небеса, возсѣлъ одесную Отца. Этимъ восхожденіемъ Онъ открылъ путь нисхожденія къ намъ Духу Святому, Который, нисшедши чрезъ Апостоловъ, возобиталъ въ Церкви Божіей, чрезъ св. таинства. Духъ благодати всюду проходитъ и всѣ духи человѣческіе возбуждаетъ къ духовной жизни. Лучи возбуждающей благодати прямо падаютъ на духъ человѣка, и оживляютъ въ немъ естественныя его движенія—страхъ Божій, совѣсть и недовольство тварнымъ. Отъ сего дѣйствія человѣкъ въ первый разъ приходитъ въ себя, входитъ въ свой внутренній домъ изъ разсѣянья, въ которомъ блуждалъ доселѣ. Это дѣйствіе заставляетъ его задуматься. При благопріятномъ оборотѣ дѣла, подумавши, рѣшается онъ не вдаваться болѣе въ развлеченія, а въ себѣ жить по внушеніямъ страха Божія и совѣсти съ самоотверженіемъ. За это рѣшеніе благодать Божія, дѣйствовавшая доселѣ со внѣ, входитъ внутрь чрезъ таинства, и духъ человѣка, немощный — содѣлываетъ мощнымъ. На эту сторону совсѣмъ уже переходитъ сознаніе и свобода; и у человѣка начинается внутренняя

жизнь предъ Богомъ, жизнь истинно свободная разумно-самодѣятельная. Потребности душевно-тѣлесныя и требованія внѣшнихъ случайностей уже не развлекають его, напротивъ онъ начинаетъ заправлять ими, якоже Духъ даетъ. Какъ самодержецъ, возсѣдитъ онъ на престолѣ сердца и оттуда даетъ повелѣнія, какъ чему быть и какъ что дѣлать.

Такое самодержавіе начинается съ первой минуты внутренняго переворота и вселенія благодати; но въ совершенствѣ является не вдругъ. Почасту прорываются прежніе владыки и не только тревогу производятъ во внутреннемъ градѣ, но нерѣдко и самого владыку града уводятъ въ плѣнъ. Такія случайности въ началѣ бываютъ часто; но сила напряженной ревности, постоянство вниманія къ себѣ и дѣлу своему и благоразумное терпѣніе въ трудахъ по нему при помощи благодати Божіей все болѣе и болѣе дѣлаютъ ихъ рѣдкими. Наконецъ духъ столько становится крѣпкимъ, что приражeнія прежнихъ воздѣйствователей на него бываютъ для него тоже, что пылинка для гранитной стѣны. Духъ пребываетъ въ себѣ неисходно, стоя предъ Богомъ и самодержавствуетъ силою Божіею невозмутимо крѣпко. И вотъ этого-то желаетъ Апостолъ Ефесянамъ, молясь, чтобы Богъ далъ имъ утвердитися Духомъ Его во внутреннемъ человѣкѣ.

Ст. 17. *Вселитися Христу вѣрою въ сердца ваша: въ любви вскоренени и основани.*

Вселеніе Христа въ сердце современно утвержденію во внутреннемъ человѣкѣ. Вмѣстѣ они начинаются, вмѣстѣ увеличиваются, вмѣстѣ являются въ совершенствѣ. Можно такъ понимать: *утвердитися во внутреннемъ человѣкѣ*, т. е. *вселитися Христу въ сердца ваша*. Но какъ внутренняя жизнь имѣетъ свои стороны, то можно ихъ усматривать и въ этихъ изреченіяхъ. Утвержденіе

во внутреннемъ человѣкѣ есть приготовленіе жилища въ насъ Христу Господу. Когда утверждается кто во внутреннемъ человѣкѣ, то бываетъ какъбы, что хозяинъ дома все прибралъ и привелъ въ порядокъ, все очистилъ, освятилъ, ароматами надушилъ, и ждетъ гостя. И Господу охотно придти къ такому; и хозяину радостно и способно срѣтить и принять Господа. Ибо утвердившійся внутрь есть тотъ, кто, возобладавъ надъ собою, страсти преодолѣлъ и изгналъ, и во всякой добродѣтели утвердился. О такомъ и Самъ Господь говоритъ: *имѣяй заповѣди Моя, и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя: а любяй Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ Моимъ: и Азъ возлюблю его и явлюся ему Самъ* (Ін. 14, 21). И нѣсколько ниже: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ: и Отецъ Мой возлюбитъ его, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (— 23). „Изъ сихъ словъ уразумѣй, говоритъ св. Златоустъ, какимъ образомъ Христосъ обитаетъ въ сердцахъ.“ Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „желаетъ имъ не только *утвердитися*, но и того, что̀ больше и выше сего — *вселитися Христу* во внутреннемъ ихъ человѣкѣ, т. е. въ сердцахъ ихъ, вселитися не поверхностно, но въ глубинѣ (сердца). Двухъ благъ имъ желаетъ — утвердитися Духомъ и вселитися Христу въ сердцахъ ихъ; или желаетъ имъ утвердитися, чтобы способными содѣлаться, да возобитаетъ Христосъ во внутреннемъ ихъ человѣкѣ,“ „да будутъ храмомъ Божіимъ,“ дополняетъ Экуменій. Слова: *во внутреннемъ человѣкѣ*, и: *въ сердца* показываютъ глубокое вселеніе, какъ бы сращеніе.

И Самъ Господь общеніе Свое съ вѣрующими уподобляетъ сращенію вѣтвей съ деревами виноградными, выводя изъ сего сравненія, что никто не можетъ ни жить истинно, ни плода истиннаго творить, если не будетъ такимъ образомъ соединенъ съ Нимъ. Почему прилагаетъ:

будите во Мнѣ и Азъ въ васъ (Ін. 15, 1—8). Се законъ жизни о Христѣ Іисусѣ. Какъ только крестится кто, уже во Христа облекается (Гал. 3, 27). Въ крещеніи благодать Св. Духа возрождаетъ къ новой жизни; но сія новая жизнь бываетъ только подъ тѣмъ условіемъ, *аще кто во Христѣ* (2 Кор. 5, 17). Въ то время, какъ благодать Духа возставляетъ духъ нашъ, происходитъ сочетаніе его со Христомъ и Христа съ нимъ. Вселеніе Христа и есть утвержденіе во внутреннемъ человѣкѣ. Духъ нашъ Христомъ оживаетъ, Христомъ живетъ и дышетъ.

Возьмемъ нѣсколько выше и увидимъ, что Апостолъ молится, да благоволитъ Отецъ утвердить Ефесянъ Духомъ Святымъ во внутреннемъ человѣкѣ, да вселится въ нихъ и Христосъ. Три Лица Пресвятыя Троицы нераздѣльно дѣйствуютъ во спасеніе всѣхъ и каждаго. И Коринѳянамъ свои благожеланія Апостолъ выразилъ тоже отъ Пресвятыя Троицы, говоря: *благодать Господа нашего Іисуса Христа, и любы Бога и Отца, и общеніе Святаго Духа буди со всѣми вами* (2 Кор. 13, 13). Тоже видимъ у Апостола Петра, который разсѣяннымъ всюду Іудеямъ благожелаетъ, да благодать и миръ въ нихъ умножатся, *по прозрѣнію Бога Отца во святыни Духа, въ послушаніе и кропленіе крови Іисусъ Христовы* (1 Петр. 1, 2). Жизнь духовная у всѣхъ по благоволенію Отца, норма ея—Христосъ Господь, производитель—Духъ Святый. Почему моляся: *Отче нашъ* или: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій* или: *Душе истины пріиди вселися въ ны...* да не раздѣляемъ въ духѣ своемъ единодѣйственность Божества, но единое дѣло спасенія да возносимъ къ Единому въ Троицѣ Лицъ Богу, Который, не раздѣленъ будучи естествомъ, нераздѣльно содѣваетъ спасеніе наше тройственностію единой спасающей благодати.

Христосъ Господь вселяется въ сердца вѣрою, когда они въ любви вкоренены и основаны. *Вселитися*, говоритъ, *Христу вѣрою въ сердца ваши, въ любви вкоренени и основани*. „Молюсь, говоритъ, чтобы и вамъ достигнуть того, да содѣлаются души ваши, по благости Духа, обителію спасшаго васъ Христа. Тутъ же показываетъ, что̀ имъ должно привнесть отъ себя на устроеніе сего храма. Потребны, говоритъ, вѣра и любовь, чтобы вамъ процвѣтать ими, какъ бы нѣкіимъ основаніемъ и корнемъ имѣя незыблемость“ (Θеод.). Ибо „Христосъ Господь обитаетъ только въ сердцахъ вѣрующихъ, которые утверждены и не колеблются въ любви къ Нему“ (св. Злат.), „не бываютъ разволакиваемы и увлекаемы то туда то сюда“ (Θеоф.).

Замѣтить надобно, что слова: *въ любви вкоренени и основани*—всѣ наши толковники ставятъ наряду съ вѣрою условіемъ ко вселенію Христа въ сердца, такъ что въ слѣдующихъ словахъ: *да возможете разумѣти*, разумѣніе сіе исходитъ изъ вселенія Христа, а не изъ вкорененія въ любви, какъ даютъ мысль тѣ, которые рѣчь сію располагаютъ такъ: *да въ любви вкоренени и основани, возможете разумѣти*. Грамматическій строй рѣчи этимъ возстановляется, но проявленія духовной жизни возмущаются и не въ свойственной имъ стройности представляются. Св. Отцы и не обратили на это (грамматическій строй) вниманія, а толковали слова сіи такъ, какъ бы стояло: *вселитися Христу вѣрою въ сердца васъ, въ любви вкорененныхъ и основанныхъ*, какъ св. Златоустъ и перефразировалъ.

Вселяется Христосъ вѣры ради въ тѣхъ, кои въ любви вкоренены. Это тоже, во всѣхъ посланіяхъ св. Павломъ возвѣщаемое, неотложное условіе спасенія—вѣра любовію споспѣшествуема. Вѣра—начало, любовь—конецъ или вершина. Вѣра означаетъ убѣжденіе въ истинахъ

Евангелія такое, какъ увѣрены мы въ своемъ бытіи. Только такая вѣра прочна и тверда и твердую даетъ опору для жизни. Безъ такой вѣры жить тоже, что по трясинѣ идти или обуреваться волнами. Во всемъ—смятеніе, нестроеніе и страхи. Какъ въ такомъ положеніи сдѣлать что̀ доброе и тѣмъ паче установиться въ доброй жизни.

Вѣра не вдругъ становится такою крѣпкою, а съ слабыхъ начатковъ растетъ до мужа совершенна; но и съ первыхъ начатковъ она освѣщаетъ весь путь жизни и указываетъ, что̀ требуется отъ человѣка, и какъ онъ того достигнуть можетъ. Хотя все это въ началѣ видно бываетъ такъ, какъ видитъ кто вещи при свѣтѣ, о коемъ мы выражаемся: чуть брезжится; но все же видно и внятно. Видна бѣдность естества и пагуба грѣшности; видно богатство Христово и то, что никому нѣтъ запрета овладѣть имъ. Это и вызываетъ рѣшеніе обратиться и прилѣпиться ко Христу. Христосъ же Господь любообщителенъ. Лишь кто шагъ сдѣлаетъ къ Нему, какъ Онъ тутъ, и всего Себя отдаетъ приступающему. Въ таинствѣ крещенія или покаянія благодатію Святаго Духа производится сочетаніе Христа Господа съ духомъ человѣка, который съ сей минуты становится живодѣйственнымъ и самовластнымъ, отъ благодати Христовой пріемля силу къ возобладанію надъ собою и всѣмъ, что̀ есть въ человѣкѣ и окрестъ его. Положивъ завѣтъ въ сочетаніи со Христомъ въ заповѣдяхъ Его ходить и волю Отца небеснаго во всемъ творить, утвердившійся внутрь духъ начинаетъ все туда направлять и самовластно подчинять подъ сіе иго всѣ дѣйствія души, всѣ потребности тѣла и всѣ порядки внѣшней жизни,—отвергая все неправое, и нудя себя на одно правое, чрезъ борьбу со всѣми противностями, возникающими внутрь отъ страстей, въ основѣ уже пораженныхъ самоотверженіемъ. Весь этотъ

трудъ есть трудническое хожденіе въ дѣлахъ любви. Такъ устрояются внутри по началу и духу вѣры. Но духъ жизни о Христѣ Іисусѣ не вдругъ исполняетъ сердце. Увѣровавшій или покаявшійся идетъ право, — но въ началѣ только чрезъ самопринужденіе и самопротивленіе. Біющая изъ сердца жизнь приходитъ послѣ. Дѣятельная любовь приводитъ къ любви чувства. И это уже есть любовь укорененная и основанная.

Естество человѣческое, яко Богоподобное, любительно. Чрезъ паденіе прившедшій эгоизмъ охладилъ его. Въ начальномъ самоотверженіи отбрасывается эгоизмъ: последующій за тѣмъ трудъ боренія со страстьми, изшедшими изъ эгоизма и современный тому трудъ добродѣланія, утверждающій доброту сердца, испаряютъ эгоизмъ со страстьми. Степени испаренія его суть степени согрѣянія сердца теплотою любви. Въ концѣ сего — горѣніе сердца любовію всеобъемлющею, какова Божеская любовь. И вотъ любовь укорененная и основанная!

Жизнію, не отпадающею отъ Христа, и вѣра растетъ и любовь растетъ. Вмѣстѣ съ ихъ ростомъ углубляется и общеніе со Христомъ или вселеніе Христа въ сердце. Зрѣлость вѣры и любви и полнота вселенія Христова въ сердце современны. Но общеніе души со Христомъ и Христа съ душею начинается съ первыхъ моментовъ, въ актѣ освященія таинствами. Начавшись, оно и пребываетъ; но бываетъ сокровенно и для другихъ и для самого вѣрующаго: когда-когда проявится. По очищеніи же сердца оно явнымъ становится для всѣхъ. Тутъ и дары благодатные открываются. —И вотъ этого-то именно желаетъ св. Павелъ Ефесянамъ. Имѣете, говоритъ какъ бы онъ, благоволеніе Отца, благодать Св. Духа, вселеніе Христово: приложите свою вѣру и трудъ любви. Когда придете въ любовь чувства, или когда вкоренится въ васъ любовь, тогда проявится въ васъ

полнота вселенія Христа, — Онъ исполнитъ васъ, какъ огонь преисполняетъ желѣзо. И всѣ узрятъ живущаго въ васъ Христа.—Этого желаю вамъ; объ этомъ, преклоняя колѣна, молюсь ко Отцу небесному.

Ст. 18. 19. *Да возможете разумѣти со всѣми святыми, что широта и долгота, и глубина и высота, разумѣти же преспѣющую разумъ любовь Христову, да исполнитеся во всяко исполненіе Божіе.*

Вотъ плодъ вселенія Христа Господа въ сердца, совершенство разумѣнія!—Гдѣ Христосъ, тамъ и умъ Христовъ. И какъ Апостолъ говоритъ о себѣ: *мы же умъ Христовъ имамы* (1 Кор. 2, 16),—умъ, возстязующій вся и уразумѣвающій умъ Самого Господа (——15): такъ подобное же причастіе ума Господня дается и всякому вселившимся въ сердце Господомъ, въ мѣрѣ, Ему угодной. Другаго пути къ уразумѣнію духовной области и нѣтъ. „*Да возможете*, говоритъ,—т.-е. нужно много силы; для чего же нужна эта сила? Для того, чтобы *разумѣти*“ (св. Злат.).

Такъ много даетъ св. Апостолъ значенія разумѣнію въ дѣлѣ христіанства, что все посланіе направилъ къ раскрытію его и указанію вѣрнаго къ нему пути. Оно такъ и есть: ибо неразумѣющій тоже что̀ слѣпой,— не знаетъ, куда и какъ идти. Но нельзя не различать степеней разумѣнія. Уже въ первомъ оглашеніи Евангеліемъ, когда оно еще только слухомъ пріемлется, дается и разумѣніе его. Кто вѣруетъ и крестится, вступаетъ на высшій степень разумѣнія. Кто идетъ путемъ вѣры въ добродѣланіи и подвигѣ, у того все больше и больше растетъ сіе разумѣніе. Когда же по очищеніи сердца вселяется въ него Христосъ, тогда разумѣніе возводится на самую высшую степень. Св. Отцы называютъ эту степень *созерцаніемъ* и путь къ нему прописываютъ тотъ самый, какой изображенъ у насъ выше—

путь труда въ исполненіи заповѣдей и въ подвигѣ надъ преодолѣніемъ страстей, въ видахъ очищенія сердца и водворенія въ немъ любви. Подробно объ этомъ пишетъ св. Исаакъ Сиріанинъ въ 55 словѣ, или посланіи къ чудотворцу Симеону, въ послѣднихъ его отдѣленіяхъ, со стр. 373. Мы приведемъ послѣ нѣсколько изъ его положеній о семъ.

Не должно пропускать безъ вниманія словъ: *со всѣми святыми*. Можетъ быть Апостолъ хотѣлъ сказать только: со всѣми христіанами, такъ какъ ему обычно называть христіанъ святыми. Но, какъ по существу дѣла, христіане только нарекаются къ святости, ревнуютъ о томъ и силами къ тому снабжаются, святыми же собственно становятся они уже по преуспѣяніи въ жизни о Христѣ Іисусѣ, когда Самъ Христосъ—источникъ всякой святости вселяется въ нихъ, то ничто не препятствуетъ подъ святыми здѣсь разумѣть преуспѣвшихъ и совершенныхъ христіанъ. Апостолъ желаетъ, чтобъ Ефесяне, вступившіе вѣрою въ общество христіанъ, не отставали отъ другихъ въ разумѣніи, но сподобились достигнуть такой его степени, какою обладаютъ совершеннѣйшіе изъ христіанъ. Онъ говоритъ какъ бы: да возможете разумѣти, на ряду со всѣми святыми, такъ, какъ разумѣютъ святые, совершенные.

Вмѣстѣ съ симъ внушается, что какъ жизнь, такъ и разумѣніе у христіанъ не спѣется—особно, отдѣльно отъ другихъ, но что и оно зрѣетъ и совершеннымъ является подъ условіемъ общенія со всѣми. Общеніе въ жизни есть любовь; общеніе въ разумѣніи есть общность разумѣнія,—чтобъ всякій разумѣлъ такъ, какъ всѣ, не выходилъ изъ круга общности разумѣнія. Особныя, оригинальныя воззрѣнія чужды духа Христова. Апостолъ говоритъ какъ бы: желаю вамъ высшаго разумѣнія, но не такъ, чтобъ вы занеслись куда нибудь, отторгшись

отъ святыхъ, но при всей высотѣ разумѣнія стояли въ уровень со всѣми святыми, или вошли въ силу и кругъ ихъ разумѣнія; ибо выше и полнѣе его нѣтъ и быть не можетъ.

Какой предметъ разумѣнія—Апостолъ не обозначаетъ его; но по ходу рѣчи видно, что здѣсь говорится о тайнѣ домостроительства нашего спасенія во Христѣ Іисусѣ. Такъ понимаютъ и всѣ наши толковники. Св. Златоустъ пишетъ: *„да возможете разумѣти... что широта...*, т. е. да возможете съ точностію познать тайну домостроительства нашего спасенія.“ — Общій очеркъ дѣла спасенія всѣ знаютъ и безъ особеннаго труда, ибо онъ ясно очерченъ. Но тотъ, кто достигъ того, что въ него вселился Христосъ, или что въ немъ Христосъ явно обнаруживаетъ свое вселеніе, самымъ дѣломъ ощущаетъ свое спасеніе; потому понимаетъ его въ совершенствѣ, какъ выздоровѣвшій понимаетъ здравіе совершеннѣе того, кто еще чаетъ здравія, лежа въ болѣзни и лечась. Въ такихъ и само домостроительство спасенія яснѣе зрится, и точнѣе опредѣляются всѣ соприкосновенности его; ибо оно входитъ во всѣ области бытія и силою своею простирается по всему пространству времени, и обнимаетъ вѣчность. Слѣдовательно въ немъ разгадка и всего сущаго и всего бывающаго, всѣхъ тварей и теченія всѣхъ событій. Все это раскрывается въ умѣ пріискреннѣ пріобщившихся Господу, хотя не вмѣщается въ слова и обычные обороты рѣчи, а только ясно ощущается. Какъ Апостолъ, слышавшій на небѣ глаголы и видѣвшій тамъ вещи, не могъ передать того словомъ: такъ бываетъ и со всѣми христіанами созерцателями. Умомъ ихъ, въ таинствѣ спасенія, многое зрится, чего не въ силахъ они выразить словомъ.

Это и показываетъ здѣсь Апостолъ словами: *широта, долгота, высота, глубина*. Этимъ означается или вели-

чіе дѣла спасенія и полнота любви къ намъ Божіей, явленной въ немъ, или разные стороны сего домостроительства. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „вѣрою и любовію возможно намъ достигнуть духовной благодати (дѣйства и проявленія ея очевиднаго), а при ея посредствѣ дознать величіе совершившагося домостроительства. Ибо широтою, долготою, глубиною и высотою Апостолъ изобразилъ величіе; потому что сими измѣреніями означается величина."—Св. Златоустъ говоритъ: „широтою и долготою, глубиною и высотою онъ называетъ познаніе богатства любви Божіей, т.-е. того, какъ она повсюду распространилась. Описываетъ же ее тѣлесными чертами, приспособляясь къ понятіямъ человѣческимъ; для сего и говоритъ, что она обняла и верхнее, и нижнее, и находящееся по сторонамъ. Мы сказали, говоритъ, что сему можетъ научить не наше слово, а Святый Духъ."—Бл. Θеофилактъ поминаетъ, что св. Григорій Нисскій видитъ въ сихъ чертахъ изображеніе таинства креста Господня, который есть средоточіе въ домостроительствѣ спасенія. А Экуменій приводитъ пространное объясненіе сихъ чертъ, сдѣланное патріархомъ Фотіемъ. „Чего это широта и долгота, глубина и высота? Или таинства (спасенія), или самаго разумѣнія Христа? Разумѣніе Христа есть ясное представленіе совершеннаго имъ домостроительства. Разумѣніе Христа есть познаніе, какъ и почему сіе предивное дѣло спасенія совершено Имъ, а не другимъ кѣмъ, и признаніе, что Онъ Самъ же есть Податель сего разумѣнія и что этимъ только путемъ мы истинно и познаемъ Христа. Въ этомъ состоитъ разумѣніе Христово. Долгота его есть познаніе, что домостроительство спасенія отъ вѣкъ предопредѣлено. Широта, что благодѣяніе его простирается на всѣхъ,—и на тѣхъ, кои прежде закона, кои въ законѣ и по законѣ, и на живыхъ и на умершихъ, на Іудеевъ

и Еллиновъ, на варваровъ и на всѣ народы, на небесное и земное. Ибо миръ сотворилъ всѣмъ имъ Христосъ; тогда какъ прежде въ разладѣ состояли между собою Ангелы и люди. Молится Апостолъ, чтобъ они все это уразумѣли, и не это только, но и глубину и высоту его (домостроительства), глубину, что неизреченная сила его и благодѣяніе низошли до глубинъ ада, разрушивъ и плѣнивъ адъ, а плѣненныхъ имъ искупивъ и освободивъ, а высоту,—что сшедый Той есть и восшедый, Который превыше небесъ возвелъ начатокъ нашъ, превыше всякаго начала и власти, силы и господства. Видишь ли неизреченную высоту домостроительства Христова и разумѣнія его?—Все это постигнуть имъ и уразумѣть молится Апостолъ.“

Уразумѣти же преспѣющую разумъ любовь Христову. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ раскроется предъ ихъ сознаніемъ въ такой полнотѣ дѣло спасенія, раскроется во всей полнотѣ и любовь Христова. Ибо все это она произвела. Любовь Христова непостижима для ума; но когда вселяется въ кого Христосъ, тогда онъ сердцемъ ощущаетъ величіе ея, и умомъ созерцаетъ ее, хотя она и остается невыразимою и неизъяснимою. Св. Златоустъ говоритъ: „хотя любовь Христова и выше всякаго человѣческаго познанія; однако вы познаете ее, если въ васъ будетъ обитать Христосъ.“ Или Апостолъ хочетъ сказать, что уразумѣете не то, „колика любовь Христова, но то самое, что она превышаетъ всякій разумъ“ (Θеоф.). Пока не ощущена любовь Христова, можно еще думать, что хоть нѣсколько понимаешь ее. Но когда ощутишь, познаешь вмѣстѣ, что мѣры величія ея нѣтъ, и уразумѣть его (величіе) уму твоему не дано.—„Св. Павелъ не отыскиваетъ мѣры любви, и не хочетъ измѣрять ее; да и какъ бы онъ могъ это сдѣлать? но говоритъ, что превосходное и великое дѣло познать (богатство любви). Постараемся

же, возлюбленные, познать любовь Христову. Это важно для насъ: ничто другое не приноситъ намъ столько пользы, ничто столько не возвышаетъ насъ. Познаніе сей любви можетъ дѣйствовать на души болѣе, чѣмъ страхъ геенны“ (св. Злат.). Утвержденіе во внутреннемъ человѣкѣ благодатію Духа готовитъ домъ въ сердцѣ для вселенія Христа; вселеніе Христа приноситъ вѣдѣніе домостроительства спасенія и познаніе любви Христовой; а это познаніе опять воздѣйствуетъ на утвержденіе во внутреннемъ человѣкѣ. Такъ идетъ круговращеніе духовной жизни, которая чрезъ то дѣлается неистощимою.

Да исполнится во всяко исполненіе Божіе. „Двояко это понимаютъ: или да познаете, что Богъ покланяемъ есть во Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ, — ибо полнота Божія и есть Троица; или—да будете исполнены всякою добродѣтелію, какою исполненъ Богъ. Лучше же, мнѣ думается, понять такъ: да будете совершенны во всякомъ по Богу совершенствѣ, зная все Божіе, сколько это возможно“ (Θеоф.). Есть норма для христіанскаго совершенства. Апостолъ желаетъ Ефесянамъ взойти въ мѣру его. Желаю вамъ, говоритъ, чтобы вѣры ради и любви вселился въ васъ Христосъ, и чтобъ чрезъ это вы познали все домостроительство и всю любовь Христову, чтобы такимъ образомъ вы стали полны всего, чѣмъ исполнить христіанъ преднамѣрилъ Богъ. Когда получите вы все прописанное, тогда уже не будетъ у васъ никакого недостатка, *будете совершени и ни въ чемже лишени* (Іак. 1, 4). Ибо когда Христосъ въ васъ, то съ Нимъ и все. Чего еще болѣе желать?—Бл. Θеодоритъ и перефразируетъ этотъ текстъ такъ: „да будете имѣть Его совершенно вселившимся въ васъ.“

Сведши все сказанное Апостоломъ, увидимъ, что полнота христіанскаго совершенства, по нему, есть состояніе созерцанія. Это состояніе бываетъ въ томъ, кто, освобо-

дившись отъ всякой связности чѣмъ-либо, вступаетъ въ область Божію, и видитъ тамъ все такъ, какъ мы видимъ все окружающее насъ. Созерцаніе будто только дѣло ума; но чтобъ открылось оно въ умѣ, надо трудомъ и по́томъ войти въ требуемое для того состояніе. Приводимъ слова о семъ св. Исаака Сиріанина, какъ обѣщали.

„Первоначально естество наше въ вочеловѣченіи Христовомъ пріяло обновленіе... и потомъ, по обновленіи, сдѣлалось способнымъ къ принятію новыхъ и совершенныхъ заповѣдей“ (стр. 374).

„Заповѣди новыя и духовныя, которыя душа хранитъ, имѣя въ виду страхъ Божій, обновляютъ и освящаютъ душу, и сокровенно врачуютъ всѣ ея члены. Для всѣхъ явно, какую страсть безмолвно въ душѣ исцѣляетъ каждая заповѣдь, и дѣйственность ихъ ощутительна и врачующему и врачуемому, какъ было и съ кровоточивою женою“ (тамъ же).

„Если не будетъ исцѣлена страстная часть души, то душа не пріобрѣтетъ здравія. Исцѣленіе сіе совершается дѣланіемъ заповѣдей и трудными дѣлами (подвигами) истиннаго житія. Кто пріобрѣлъ душевное здравіе, отсѣкъ прежній нравъ и переродился, тотъ сталъ видимъ въ области духа,—и пріялъ его въ себя міръ новый, несложный“ (стр. 375).

„Когда же умъ обновленъ и сердце освящено, тогда всѣ возникающія въ немъ понятія возбуждаются сообразно съ естествомъ того міра, въ который вступаетъ онъ. Умъ его ощущаетъ духовное вѣдѣніе тварей, и возсіяваетъ въ немъ созерцаніе таинъ Святыя Троицы, также таинъ достопоклоняемаго ради насъ домостроительства“ (тамъ же).

„Если отъяты будутъ отъ души страсти, то умъ просвѣщается, и поставляется въ чистомъ мѣстѣ естества, и не имѣетъ нужды въ вопросахъ; потому что ясно видитъ

блага, обрѣтаемыя на своемъ мѣстѣ. Какъ внѣшнія чувства не вслѣдствіе обученія ощущаютъ вещи, такъ, подобнымъ сему образомъ, представляй себѣ о созерцаніи духовномъ. Ибо умъ, прозирающій въ сокровенныя тайны духа, если онъ въ своемъ естественномъ здравіи, вполнѣ созерцаетъ славу Христову, и не спрашиваетъ, и не учится, но наслаждается тайнами новаго міра, превыше свободы воли“ (стр. 376).

„Желать посредствомъ изслѣдованія и распросовъ дознавать таковыя тайны есть неразуміе души. Ибо и бл. Павелъ не сказалъ, что по наукѣ или вещественному какому способу, видѣлъ и слышалъ тайны и *неизреченны глаголы, ихже не лѣть есть человѣку глаголати* (2 Кор. 12, 4), но восхищеніемъ восхищенъ былъ въ духовную область и видѣлъ откровеніе таинъ“ (стр. 378).

„Если желательно тебѣ, чтобы сердце твое содѣлалось обителію таинъ новаго міра, то обогатись сперва дѣлами тѣлесными, постомъ, бдѣніемъ, службою, подвижничествомъ, терпѣніемъ, низложеніемъ помысловъ, и прочимъ. Связывай умъ свой чтеніемъ писаній и углубленіемъ въ оныя, и напиши предъ очами у себя заповѣди. Непрестаннымъ собесѣдованіемъ молитвеннымъ искореняй въ сердцѣ своемъ всякій образъ (вещей) и всякое подобіе, прежде тобою воспринятое. Пріучай умъ свой всегда углубляться въ тайны Спасителева домостроительства, продолжая дѣланіе заповѣдей и труды въ пріобрѣтеніи чистоты. Проси себѣ у Господа въ молитвѣ огнемъ разженной о всемъ печали (попеченія сердечнаго, ревности), да уканетъ она въ сердце твое, и да сподобишься умнаго житія. Начало, средину и конецъ сего житія составляетъ слѣдующее: отсѣченіе всего единеніемъ со Христомъ“ (стр. 379).

„Словеса, непостигаемыя вѣдѣніемъ (разумомъ), дѣлаются понятными для насъ при помощи вѣры, и вѣ-

дѣніе о нихъ получаемъ въ созерцаніи, какое бываетъ по очищеніи. Для духовныхъ таинъ, которыя выше вѣдѣнія (разума), и которыхъ не ощущаютъ ни тѣлесныя чувства, ни разумная сила ума (разсудокъ), Богъ далъ намъ вѣру, которою познаемъ только, что тайны сіи существуютъ (а познаются онѣ другимъ образомъ, какъ сказано уже). И отъ этой вѣры раждается въ насъ надежда о нихъ (достигнуть созерцанія ихъ). Вѣрою исповѣдуемъ, что Богъ есть Господь, Владыка, Творецъ и Создатель всяческихъ; а вѣдѣніемъ (разумомъ) рѣшаемъ, что должно намъ хранить заповѣди Его по любви. (А это приводитъ къ блаженному созерцанію). *Аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдите. И Азъ умолю Отца и иного Утѣшителя дастъ вамъ* (Ін. 14, 15. 16), сказалъ Господь. Пришествіемъ Утѣшителя называетъ Онъ дарованія откровенія духовныхъ таинъ; посему въ пріятіи Духа, Котораго пріяли Апостолы,—все совершенство духовнаго вѣдѣнія. И Господь обѣщалъ, умоливъ Отца Своего, дать имъ Утѣшителя, чтобы при дѣланіи ими заповѣдей и очищеніи самихъ себя, пребывалъ съ ними во вѣки. Видишь ли, что за соблюденіе заповѣдей по любви, умъ сподобляется благодати таинственнаго созерцанія и откровеній духовнаго вѣдѣнія“ (стр. 381, 382).

Законная дверь, вводящая въ это, есть любовь. Если пріобрѣтемъ любовь, она вводитъ насъ въ это. *Азъ есмь дверь*, сказалъ Господь. Мною человѣкъ внидетъ въ жизнь и *пажить обрящетъ* для духовной своей жизни. Тогда на всѣхъ восхожденіяхъ откровеній вѣдѣнія и таинственныхъ созерцаній Божественная любовь вводитъ и изводитъ его, какъ и тѣхъ, которые имѣютъ свободу Христову (стр. 383—4).

„Какъ по мѣрѣ естественнаго возраста душа пріемлетъ въ себя новое и новое вѣдѣніе, и ощущаетъ суще-

ствующее въ мірѣ, и день отъ дня болѣе и болѣе обучается этому, такъ и въ духовномъ, человѣкъ пріемлетъ въ себя духовное созерцаніе и Божественное ощущеніе, и обучается этому въ той мѣрѣ, въ какой умъ возрастаетъ въ разумномъ житіи и простирается впередъ. Когда же придетъ въ область любви, тогда созерцаетъ духовное на своемъ мѣстѣ. Но пока человѣкъ употребляетъ усиліе, чтобы духовное снизошло къ нему, оно не покоряется. И если дерзновенно возмечтаетъ онъ, и возведетъ взоръ къ духовному, и будетъ доходить до него разумѣніемъ не во время, то скоро притупляется зрѣніе его, и вмѣсто дѣйствительнаго усматриваются имъ призраки и образы“ (стр. 385).

„Если умъ не будетъ очищенъ дѣланіемъ заповѣдей, не пріобрѣтетъ въ совершенствѣ любви, не преуспѣетъ возрастомъ въ обновленіи Христовомъ, то не возможетъ содѣлаться истиннымъ зрителемъ Божественнаго созерцанія. Всѣ же подобія духовнаго, какія думаетъ составить себѣ умъ, называются призракомъ, а не дѣйствительностію“ (стр. 387).

Въ предложенныхъ выпискахъ содержится все ученіе о созерцаніи истинномъ. По величію предмета велика выписка. Но какъ не было лѣности дѣлать ее, да не будетъ лѣности прочитать ее и вникнуть въ нее. Предметъ сей есть первой важности, хотя наша научность мало обращаетъ на него вниманія.

Ст. 20. 21. *Могущему же паче вся творити по преизбыточествію, ихже просимъ или разумѣемъ, по силѣ дѣйствуемѣй въ насъ. Тому слава въ Церкви о Христѣ Іисусѣ, во вся роды вѣка вѣковъ. Аминь.*

„Догматическое слово свое заключаетъ Апостолъ славословіемъ“ (Ѳеод.). „Я, говоритъ, молюсь; а Онъ и безъ моей молитвы сдѣлаетъ больше нашихъ прошеній,—и не просто только больше или обильнѣе, но *по преиз-*

быточествію—выраженіе, которое показываетъ особенную великость дара"—(св. Злат.). „Пѣснословлю Его, потому что и можетъ, и хочетъ, и даруетъ болѣе того, нежели сколько просимъ" (Θеод.).

Св. Павлу обычно, среди теченія рѣчи, восторгаться къ молитвѣ и словословію. Ибо онъ жилъ тѣмъ, о чемъ писалъ: все то носилъ въ сердцѣ своемъ; отъ избытка же сердца уста говорятъ славословіе. Предъ этимъ выразилъ Апостолъ желаніе, да исполнятся Ефесяне *во всякое исполненіе Божіе.* Эта полнота Божія, или полнота благъ, отъ Бога нисходящихъ къ намъ о Христѣ Іисусѣ отчасти изображена Апостоломъ въ посланіи, отчасти выражена имъ и въ сей молитвѣ, отчасти конечно знали и понимали ее и Ефесяне. Апостолъ говоритъ теперь: о чемъ я вамъ писалъ, о чемъ молился и молюсь, что сами вы постигаете и ищете, все это велико, но совсѣмъ не исчерпываетъ сокровищницы благъ, чрезъ Господа Іисуса Христа намъ даруемыхъ. Ихъ больше несравненно, чѣмъ мы можемъ постигнуть и просить. И ихъ всѣ можетъ изливать Господь на всякаго, на кого Ему благоугодно. То, что уже излито, вы испытываете сами, видите во мнѣ, слышите дѣйствуемымъ въ другихъ Апостолахъ. Видите, какъ оно дѣйствуетъ? Невѣдомо какъ приходитъ сила и являетъ дѣйствіе или въ душѣ только, просвѣщая и очищая, или и во внѣ, чудодѣйствуя. Не отъ насъ это: Божій даръ! И мѣры сему положить нельзя. Еслибъ мѣрить сіе нашею вмѣстимостію, можно бы еще и мѣру опредѣлять. Но какъ мѣра сему есть Божія безпредѣльная благость и вседѣйственность, то кто положитъ сему мѣру и границу. Безмѣрна сокровищница Божія; и Онъ готовъ всю ее испразднить на насъ. При такой мысли могъ ли Апостолъ не воззвать: Тому слава!

Паче вся—надо бы: паче всего;—что съ *„по преиз-*

благочестію" выражаетъ: несравненно больше всего, что просимъ и разумѣемъ. *По силѣ дѣйствуемѣй въ насъ,* выражаютъ основаніе, почему такъ говоритъ Апостолъ. Онъ какъ бы отвѣчаетъ на вопросъ: „откуда же это видно (что Богъ такъ можетъ дѣлать для насъ)? Изъ силы, говоритъ, дѣйствуемой въ насъ: ибо мы сего никогда не .просили и не ожидали" (св. Злат.). *Въ насъ,* въ комъ это? Или преимущественно въ Апостолахъ, или во всѣхъ вѣрующихъ въ Церкви, чтобы сказать: христіанство—вѣра во Христа многое дала и даетъ всѣмъ, а что можетъ еще дать, тому и мѣры нѣтъ. Въ другомъ мѣстѣ говоритъ Апостолъ: *вся ваша* (1 Кор. 3, 21. 22).

Имѣя сіе въ мысли Апостолъ восторгается къ славословію говоря: *Тому слава!* „Хорошо сдѣлалъ Апостолъ, что заключилъ свое слово молитвою и славословіемъ: ибо должно прославлять и благословлять Даровавшаго намъ такія блага" (св. Злат.). Слава Богу! воззваніе, которое само собою исходитъ изъ сердца, когда умъ начнетъ входить хотя въ малое начальное постиженіе Божественныхъ свойствъ и дѣйствій, и особенно благодѣтельныхъ отношеній Бога къ намъ. Слава и благодареніе вмѣстѣ сходятся, а подъ ними созрѣваетъ, или согрѣвается и прошеніе. Въ этомъ все существо нашихъ къ Богу отношеній, которыя всегда и выражаются во всякой молитвѣ, когда она идетъ надлежащимъ образомъ.

И въ естественной религіи тоже бываетъ. Отличіе этого проявленія духовной жизни въ христіанствѣ состоитъ въ томъ, что оно здѣсь бываетъ *въ Церкви* и *о Христѣ Іисусѣ*. Въ Церкви: ибо и всѣ блага ею пріемлются, ею сознаются и опредѣляются, и ею всѣмъ членамъ сообщаются. Отъ ней въ одинъ голосъ идетъ и слава Богу. Какъ выше показалъ Апостолъ (въ словахъ: *разумѣти со всѣми святыми*), что особнякъ въ

познаванiи не терпимъ предъ Богомъ, такъ теперь показываетъ, что не терпимъ предъ Нимъ и особнякъ въ молитвѣ и славословiи. Славословь Бога устами Церкви или со всею Церковiю, и когда одинъ молишься. Мы выражаемъ это, приближаясь къ Богу молитвами Пресвятыя Богородицы, сонма Ангеловъ и всѣхъ святыхъ. *О Христѣ Iисусѣ:* ибо все, что имѣемъ и что можемъ имѣть, имѣемъ и можемъ имѣть только чрезъ Господа Iисуса Христа, чрезъ вѣру въ Него и чрезъ живый союзъ съ Нимъ, по коему все Его на насъ нисходитъ. Чрезъ Него же обратно и славословiе должно восходить къ Богу. Только въ такомъ видѣ оно прiятно Богу, какъ и всѣ мы прiятны Ему только ради Его, ради того, что въ Него облекаемся. Онъ—Глава; а уста, коими славословить можно, въ головѣ находятся. Св. Златоустъ и замѣчаетъ: „достойно удивленiя также и то, что за дары, полученные нами отъ Бога, славитъ (Апостолъ Бога) о Христѣ Iисусѣ.“ Өеофилактъ прибавляетъ: „не просто говоритъ *Тому слава*, но и *во Христѣ Iисусѣ*, т.-е. чрезъ Христа Iисуса. Ибо воистину никто не можетъ достойно славословить Бога, если не благодатiю и силою Христовою. Онъ и возбуждаетъ насъ къ славословiю и научаетъ, какъ совершить сiе достодолжно.“

Слова: *во вся роды вѣка вѣковъ* выражаютъ непрерывность славословiя. Родъ за родомъ будутъ смѣняться въ теченiи времени, вѣкъ за вѣкомъ будутъ проходить, а то великое дѣло Божiе, которое во Христѣ Iисусѣ совершено, и представляется и содержится Церковiю, пребудетъ неизмѣнно, обогащая родъ нашъ все большими и большими дарами небесными, и всегда будетъ подвигать уста къ славословiю. Слава Богу немолчно и воздается въ Церкви. Она только и можетъ воздавать ее съ указанною Апостоломъ непрерывностiю.— Тому слава во вся роды или да будетъ, или будетъ.

Первымъ возлагается и на насъ обязанность славословить Бога за дѣло спасенія (Θеодоритъ); а вторымъ сказывается, что если всегда будетъ слава Богу въ Церкви, то и Церковь всегда будетъ или: Церковь всегда будетъ, всегда будетъ и слава Богу. Св. Златоустъ говоритъ: „весьма кстати сказано и это: *слава въ Церкви*: ибо извѣстно, что Церковь будетъ существовать всегда; а такъ какъ она всегда пребываетъ, то Апостолъ хочетъ, чтобы и мы прославляли Бога до скончанія міра, что и объяснилъ онъ, сказавши: *во вся роды вѣка.*"

Прекрасно перефразированы эти два послѣдніе стиха догматической части посланія бл. Іеронимомъ. Приводимъ его слова. „Этимъ показываетъ Апостолъ, что въ прошеніи своемъ онъ ограничивается мѣрностію человѣка и проситъ того, что находитъ полезнымъ для Ефесянъ; но по существу дѣла, Богъ можетъ даровать болѣе чѣмъ просятъ у Него, и благодѣяніями Своими превысить надежды наши. Сами мы не знаемъ даже, о чемъ и какъ помолиться, и часто просимъ того, что не полезно намъ. Блудникъ напримѣръ проситъ здоровья, тогда какъ гораздо полезнѣе для него болѣть и измождаться немощами; чтобы не имѣть силъ храмъ Христовъ дѣлать удами блудницы. Мощенъ Богъ подать не только больше того, что просимъ, но и болѣе того, что разумѣемъ. Бываетъ иногда, что мыслей своихъ мы не выражаемъ словомъ, но въ молчаливомъ помышленіи воздыханіями неизглаголанными, какъ говоритъ сей же Апостолъ, просимъ того, чего выразить не можемъ. Богъ и это подаетъ; подаетъ Онъ и больше того, и все *по силѣ дѣйствуемѣй въ насъ*. Какъ нынѣ не по дѣламъ нашимъ, и выше чаянія нашего, подаетъ Онъ намъ много такого, о чемъ мы не дерзнули бы просить: такъ и другое многое можетъ Онъ подать намъ такое, о чемъ умъ помыслить, и чего слово выразить не можетъ. Такъ благому Богу да будетъ слава:

во 1-хъ, *въ Церкви*, которая чиста, не имѣетъ скверны или порока, и сверхъ того одна можетъ воспринимать славу Божію, потому что она есть тѣло Христово; во 2-хъ, во Христѣ Іисусѣ, въ Коемъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлеснѣ и коего членами суть всѣ вѣрующіе въ Него. Эта слава не ограничивается настоящимъ временемъ и послѣдующими вѣками, но простирается на всѣ роды, и чрезъ вѣка вѣковъ пребываетъ, растетъ и множится и оглашаетъ всю безконечную вѣчность."

ЧАСТЬ НРАВОУЧИТЕЛЬНАЯ.

4—6, 18.

Разъяснилъ Апостолъ всесторонне въ предыдущихъ главахъ, какъ все возглавленно въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, стараясь всячески возвести въ созерцаніе сей истины Ефесянъ и моля о томъ Бога. Теперь изъ этой главной мысли, какъ начала, выводитъ онъ, какъ надлежитъ жить и дѣйствовать христіанамъ, такъ объединеннымъ и такъ обновленнымъ во Христѣ. Сначала изображаетъ онъ А) общій строй жизни о Христѣ Іисусѣ—4, 1—16; потомъ предлагаетъ Б) правила жизни: 1) общія,—4, 17—5, 21,—и 2) частныя по состояніямъ, 5, 22—6, 9; наконецъ, на томъ основаніи, что жизнь такого рода есть борьба, В) облекаетъ христіанина во всеоружіе духовное: тутъ очеркъ подвижничества,—6, 10—18.

А) ОБЩІЙ СТРОЙ ЖИЗНИ ХРИСТІАНЪ.

4, 1—16.

Очеркъ сего строя очень простъ: храня 1) единеніе духа въ союзѣ мира, 4,1—10; 2) подъ руководствомъ

Богоучрежденныхъ пастырей——11. 12; 3) возращайте все во Христа (13—16).

1) Единеніе духа въ союзѣ мира.

Это главное у христіанъ—каждому быть какъ всѣ, ни въ чемъ не особиться. Прежде мимоходомъ поминалъ уже Апостолъ, что разумѣніе у христіанъ идетъ въ ладъ со всѣми святыми (3, 18), и молитва ихъ къ Богу восходитъ отъ лица Церкви всей (3, 21); теперь учитъ, что и жизнь ихъ вся течетъ сообща,—въ сердечномъ другъ съ другомъ союзѣ и самоотверженномъ взаимосодѣйствіи

аа).

Основы такого сердечнаго общенія суть противоэгоистическія расположенія: смиреніе, кротость, терпѣніе другъ друга, единомысліе и единодушіе—4, 1—3. Безъ этихъ добродѣтелей невозможно состояться прочному общенію и союзу мира.

Ст. 1—3. ***Молю убо васъ азъ юзникъ о Господѣ, достойно ходити званія, въ нежже звани бысте, со всякимъ смиренномудріемъ и кротостію, съ долготерпѣніемъ, терпяще другъ другу любовію, тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира.***

Первый стихъ—о достойномъ званія хожденіи можно принять, какъ заглавіе и общее начало для всего нравоученія, въ смыслѣ: ходить достойно христіанскаго званія. Какое нравственное правило ни возьми, оно будетъ подходить подъ это начало, и изъ него исходить. Но, судя по ходу рѣчи, Апостолъ имѣлъ въ мысли опредѣленный образъ хожденія достойнаго званія, именно: любовное всѣхъ взаимообщеніе. Ибо онъ только что выяснилъ, какъ всѣ соединены въ Господѣ и стали едино—

въ Немъ и о Немъ. Теперь говоритъ: къ этому призваны вы; ходите же достойно сего, т. е. пребудьте въ любовномъ взаимообщеніи. Св. Златоустъ, приступая къ толкованію сего стиха, взываетъ: „И опять у насъ глава Христосъ,“ т. е. опять Апостолъ наводитъ насъ на ту же мысль о возглавленіи и объединеніи всѣхъ во Христѣ, чтобъ тѣмъ расположить къ взаимному единенію всѣхъ между собою.

Термины, коими обставилъ Апостолъ этотъ урокъ о достойномъ званія хожденіи—молю, узникъ о Господѣ, въ неже звани бысте,—всѣ направлены къ тому, чтобы оживить, привесть въ движеніе и напряженіе это расположеніе.

Молю. Могъ бы онъ и заповѣдать, могъ бы Апостольскою властію налагать обязательства; но онъ молитъ,—смиреніемъ вызывая покорность заповѣди о смиреніи и одолженіемъ себѣ считая ихъ достодолжное хожденіе. И всѣ знаютъ, какъ такая рѣчь мягкими, но тѣмъ не менѣе крѣпкими узами привязываетъ къ достодолжному (Θеоф.).

Юзникъ. Какъ прилично помянулъ и здѣсь св. Павелъ о своемъ узничествѣ, приступая къ изложенію заповѣди о любовномъ взаимообщеніи. Ибо узы св. Павла были плодомъ узъ любви,—любви къ Господу, къ Его ученію и ко всѣмъ вѣрующимъ. И любовное взаимообщеніе налагаетъ узы и требуетъ самопожертвованія. Напоминаніемъ о своихъ, онъ сильно располагалъ къ этимъ (Экум.). Слово объ узахъ любви изъ устъ содержимаго въ узахъ любви ради, могло ли остаться безъ дѣйствія? Θеодоритъ блаж. и пишетъ: „упоминанія объ узахъ достаточно къ тому, чтобы и страждущихъ крайнимъ безчувствіемъ возбудить къ добродѣтели.“

Прозрѣвая эту мысль Апостола, св. Златоустъ и для всѣхъ выводитъ отсюда урокъ о нравственныхъ узахъ любви, говоря: „а мы не хотимъ связать самихъ себя?!

Я совѣтую принять узничество не Павлово,—такъ какъ теперь не такое время;—но есть другія узы (любви): свяжи свой умъ. Есть и еще узы (казни); и кто не возложитъ на себя нравственнаго узничества, тотъ испытаетъ послѣднія: ибо слушай, что говоритъ Христосъ: *свяжите ему руцѣ и нозѣ* (Мѳ. 22, 13). Чтобы не подвергнуться этому узничеству, возложимъ на себя тѣ узы."

Узникъ о Господѣ, т. е. за Господа, за дѣло Его и ученіе. То, что я говорилъ и еще скажу, не таково, чтобъ отъ того можно было отступать при видѣ опасности; но хотя бы предстояло подъять тысячи смертей, отступать отъ того нельзя. Объ этомъ говорятъ вамъ узы мои о Господѣ. Потому слово мое—неотложный для васъ законъ. Хотите быть съ Господомъ и вы?!—Непремѣнно исполните то, что вамъ пишу. „Устыдитесь узъ моихъ" (Ѳеоф.). „Хорошо быть узникомъ, но не просто, а ради Христа; потому онъ и сказалъ: *юзникъ о Господѣ*, т. е. ради Христа; только такія узы имѣютъ столь великое значеніе!" (св. Злат.).

Какъ любилъ св. Павелъ Господа Іисуса Христа! Непрестанно имя Его сладчайшее у него на языкѣ. Разверните его посланія, и только глазами просмотрите страницы; увидите, что они испещрены именемъ Господа. И особенно это въ посланіи къ Ефесянамъ.—Не ему ли подражая любители Господа такъ навыкаютъ призывать имя Господа, что оно непрестанно повторяется ихъ языкомъ и сердцемъ, какъ ручеекъ журчитъ.

Иначе и нельзя: ибо у насъ все отъ Господа. Но у Апостола въ настоящемъ случаѣ та особенность, что онъ и въ узахъ съ Господомъ,—и узы свои ради Господа выставляетъ, какъ побѣдное знамя, какъ царственное отличіе. Ѳеодоритъ пишетъ: „достойно удивленія въ блаженномъ Павлѣ и то, что узами за Христа величается онъ болѣе, нежели царь діадемою." Св. Злато-

устъ картину узничества Павлова представляетъ, какъ самый пріятный предметъ для созерцанія: „узы Павловы, отвлекая насъ отъ настоящаго предмета рѣчи, привлекаютъ къ себѣ, и я не въ силахъ противиться сему влеченію. Св. Павелъ радовался узамъ, отдавался въ оковы и съ узниками былъ отводимъ подъ стражу. Велика сила Павловыхъ узъ! Вмѣсто всѣхъ зрѣлищъ довольно одного этого — видѣть Павла связаннымъ и ведомымъ изъ темницы. Что можетъ быть выше удовольствія видѣть его въ узахъ и сидящимъ въ темницѣ? Какъ оцѣнить мнѣ это удовольствіе? Не видите ли вы царей и консуловъ, несомыхъ на колесницахъ, убранныхъ въ золото, и ихъ тѣлохранителей, также имѣющихъ на себѣ все золотое, золотыя копья, золотые щиты, золотомъ убранную одежду, въ золотыхъ попонахъ коней? Но сколько первое зрѣлище пріятнѣе послѣдняго! Я бы желалъ лучше однажды взглянуть на Павла съ узниками выходящаго изъ темницы, нежели тысячи разъ видѣть этихъ людей въ сопровожденіи ихъ копьеносцевъ.— Сколько Ангеловъ, думаете вы, предшествовало, когда такимъ образомъ выводили его?—Если Елисея окружало воинство Ангельское (4 Цар. 6, 17); то что сказать о Павлѣ? Пророкъ Давидъ говоритъ: *ополчится Ангелъ Господенъ окрестъ боящихся Его* (Пс. 33, 8), и еще: *на рукахъ возмутъ тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою* (Пс. 90, 12). Но что я говорю объ Ангелахъ? Самъ Господь былъ съ нимъ, когда онъ выходилъ (изъ темницы). — Онъ Самъ далъ обѣтованіе: *Азъ съ вами есмь* (Мѳ. 28, 20); и явившись Павлу, сказалъ ему: *не бойся... зане Азъ есмь съ тобою* (Дѣян. 18, 9. 10).— Такъ дивные угодники Божіи и всегда исполнены великой благодати, а особенно тогда, когда подвергаются опасности за Христа, когда дѣлаются узниками за Него! Какъ на воина, вѣрнаго долгу своему, пріятно смотрѣть

и во всякое время, а особенно когда онъ стоитъ и сражается подлѣ самого царя, такъ представляй себѣ и Павла, котораго можно было видѣть учащимъ и въ узахъ.“

Достойно ходити званія, въ неже звани бысте. „О чемъ молю?—Не о своемъ, а о вашемъ,—о томъ, чтобы вы ходили достойно званія: ибо вы призваны къ великому, къ тому, чтобы сосѣдѣть Христу, соцарствовать Ему. Не слѣдуетъ вамъ постыждать достоинства вашего недостойными Христа дѣлами“ (Θеоф.). „Онъ совоскресилъ и спосадилъ на небесныхъ насъ, которые такъ враждебны Ему и сдѣлали столько зла. Велико это званіе и къ великому призываетъ оно! Велико не потому, что Онъ призвалъ насъ изъ такого состоянія, но потому что призвалъ на такія дѣла и такимъ образомъ“ (св. Злат.). „Призвалъ къ тому, чтобъ имѣть главою Его—Христа, и быть сынами Богу“ (Экум.). „Возлюбите же образъ жизни, соотвѣтственный званію, не поругайте благодѣянія беззаконною жизнію“ (Θеод.).

Этотъ достойный званія образъ жизни есть здѣсь, какъ уже замѣчено, любовное всѣхъ взаимообщеніе и взаимосодѣйствіе. Это видно изъ того, что, начавъ объяснять, какъ ходить достойно званія, онъ свелъ все на то, чтобы тщиться блюсти единеніе духа въ союзѣ мира. Да и изъ самаго званія тоже выходитъ. Все, и земное и небесное, возглавлено во Христѣ; вѣрою вы введены въ этотъ общій всѣхъ союзъ; живите же въ любовномъ общеніи. Положивъ это начало, далѣе объясняетъ Апостолъ, какъ можно достигнуть того, чтобъ ходить такимъ образомъ. Естество наше любообщительно, по сотворенію. Но пришелъ грѣхъ и охладилъ его. Леденящая его сила есть эгоизмъ, источникъ раздѣленія и особности. Убитіе эгоизма есть возвращеніе къ теплотѣ любообщенія. Почему Господь первый шагъ въ послѣдованіи Ему опредѣлилъ самоотверженіемъ: *да отвер-*

жется себя, кто хочетъ по Мнѣ идти, говоритъ Онъ. Апостолъ не выставляетъ этого главнаго, но перечисляетъ добрыя расположенія, противоположныя эгоистическимъ стремленіямъ, и ихъ кладетъ въ основу любовнаго взаимообщенія.

На первомъ мѣстѣ ставитъ смиренномудріе. И Господь въ заповѣдяхъ о блаженствѣ его же поставилъ на первомъ мѣстѣ, говоря: *блажени нищіи духомъ*. Какъ въ гордости преимущественно выражается эгоизмъ, раздѣляющій и отъособляющій, такъ напротивъ въ смиреніи больше всего выражается самоотверженіе, условливающее взаимообщеніе. Ибо если самоотверженіе требуетъ самозабвенія, то гдѣ оно явнѣе, какъ не въ смиреніи. Смиренный ни во что ставитъ себя, всѣхъ другихъ считая господами своими, и себя имъ предоставляя въ слугу. Оттого, у него только и дѣла, что для другихъ, какъ у несмиреннаго только и дѣла, что для себя. Вотъ стану я для него трудиться или тратиться, обычная его поговорка. У смиреннаго не повернется языкъ сказать это, и мысль подумать. Дѣло всякаго онъ считаетъ своимъ дѣломъ и готовъ ради его на всѣ усилія и жертвы. Онъ тоже, что членъ въ тѣлѣ. Ни одинъ членъ въ тѣлѣ не живетъ для себя, а весь для другихъ. Такъ себя имѣетъ и христіанинъ, подъ главою Христомъ, сочетанный со всѣми въ единое тѣло. Иному члену въ тѣлѣ и можно бы повыситься надъ другими, да некогда, непрестанно занятъ онъ служеніемъ другимъ. Такъ и въ тѣлѣ Церкви. Иной большія дарованія получаетъ, но не высится ими, сознавая, что они не его, и не для него даны, а напротивъ всячески страшась, какъ бы не погрѣшить противъ нихъ, и цѣну ихъ не уничтожить, направивъ ихъ на одного себя, однимъ собою ограничивъ, заключивъ въ этомъ маленькомъ пространствѣ, точкѣ подобномъ.

Св. Златоустъ говорилъ по сему: „какъ же достойно

ходить званія? — *Со всякимъ смиренномудріемъ.* Кто таковъ, тотъ достойно проходитъ это званіе: смиренномудріе есть основаніе всякой добродѣтели. Если ты имѣешь смиреніе и помнишь, какъ спасенъ и изъ какого состоянія, то воспоминаніе объ этомъ служитъ для тебя побужденіемъ къ добродѣтели. Ты не станешь гордиться ничѣмъ; но зная, что все у тебя есть даръ благодати, будешь смиряться. Смиренный человѣкъ тоже что слуга, помнящій благодѣянія и признательный за нихъ. *Что имаши,* говорилъ тотъ же Апостолъ, *егоже нѣси пріялъ* (1 Кор. 4, 7)? равно и о себѣ говорилъ: *паче всѣхъ потрудихся: не азъ же, но благодать Божія яже со мною* (1 Кор. 15, 10). Не просто сказалъ: *со смиренномудріемъ*, но *со всякимъ*, — т.-е. не въ словахъ только и дѣлахъ, но во всѣхъ наружныхъ пріемахъ и въ тонѣ рѣчи. Не обращайся съ однимъ смиренно, а съ другимъ дерзко; сохраняй смиреніе со всякимъ, другъ ли твой или врагъ, знатный или ничтожный человѣкъ: въ этомъ состоитъ смиреніе. Также и въ другихъ дѣлахъ блюди смиреніе; ибо Христосъ говоритъ: *блажени нищіи духомъ*, — и это блаженство ставитъ прежде всѣхъ. Посему-то и Апостолъ сказалъ: *со всякимъ смиренномудріемъ.*"

Бл. Іеронимъ пишетъ: „кто сознаетъ себя землею и пепломъ и помнитъ, что спустя немного долженъ обратиться въ прахъ, тотъ никогда не вознесется гордостію. И кто, созерцая вѣчность Божію, видитъ, что время жизни человѣческой коротко, похоже на одну точку, тотъ всегда будетъ имѣть предъ очами исходъ свой, и будетъ смиренъ и самоуничиженъ. *Тѣло бо тлѣнное отягощаетъ душу, и земное жилище обременяетъ умъ многопопечителенъ* (Прем. Сол. 9, 15). Почему будемъ говорить со всякимъ смиреніемъ: *Господи, не вознесеся сердце мое, ниже вознесостѣся очи мои* (Пс. 130, 1). Смиреніе же — не въ словахъ, а въ настроеніи души.

Будь смиренъ въ совѣсти, чтобъ и Богъ видѣлъ, что ты ни мыслію ни чувствомъ не даешь себѣ никакой цѣны."

На второмъ мѣстѣ ставитъ Апостолъ кротость. Первое исчадіе гордыни—гнѣвъ, серчаніе, оскорбительность; первый плодъ смиренія—кротость. Гордый съ презорствомъ мыслитъ, чувствуетъ и говоритъ къ другому: какъ ты смѣешь такъ относиться ко мнѣ; поступокъ ли ему не нравится, или слово, или даже мина,—и серчаетъ. Смиренный не замѣчаетъ, чтобъ въ отношеніяхъ другихъ къ нему было что нибудь ниже его достоинства, и даже замѣтить сего не можетъ: ибо считаетъ себя ничѣмъ, и всякое отношеніе къ нему другихъ—свыше себя. Потому все встрѣчаетъ не только безъ неудовольствія, но съ благодарностію, какъ одолженіе и почетъ, хотя другимъ можетъ казаться, что его унижаютъ и оскорбляютъ. Оттого въ немъ не бываетъ движенія неудовольствія и даже тѣни оскорбительности. Онъ предъ всѣми кротокъ, какъ агнецъ. За это и къ нему всѣ относятся мирно, тепло и съ уваженіемъ, хотя бы онъ былъ не высокаго ранга. Вотъ и союзъ, вотъ и скрѣпа! Кроткаго ничто не можетъ раздѣлить съ другими и другихъ съ нимъ; и чѣмъ больше гдѣ кроткихъ, тѣмъ крѣпче тамъ между собою союзъ, — больше тамъ покоя и радостей. И царство небесное есть земля кроткихъ, какъ говорилъ Спаситель: *блажени кротцыи, яко тіи наслѣдятъ землю*. Блаженный Іеронимъ пишетъ: „кротость есть такое расположеніе духа, въ которомъ не возмущаются никакою страстію, особенно же гнѣвомъ и яростію. Кто ее имѣетъ, тотъ сподобится обѣщаннаго Господомъ блаженства."—„Напротивъ смущеніе и раздраженіе чѣмъ либо, продолжаетъ Амвросіастъ, раждаютъ споры и побуждаютъ защищать даже и то, что сознаютъ недобрымъ и неправымъ. Отсюда раздоръ, прерывающій союзъ мира."

На третьемъ мѣстѣ ставитъ Апостолъ *долготерпѣніе*.— Терпѣніе обнимаетъ все сносимое, и непріятности, и обиды, и гоненія, и лишенія, и всякія труды и тяготы по добродѣланію и исполненію своихъ обязанностей. Здѣсь у Апостола указывается только то терпѣніе, которое упражняется во взаимноотношеніяхъ и столкновеніяхъ. У него стоитъ—*μακροθυμία* — долгодушіе, или великодушіе. У великодушія душа столько крѣпка и мощна, что никакія непріятности отъ другихъ не производятъ въ немъ никакого потрясенія и измѣненія. Смотрите на воду успокоившуюся; поверхность гладка, какъ зеркало. Но бросьте въ нее самую легкую вещичку, тотчасъ она приходитъ въ движеніе, сотрясается въ одной точкѣ, даетъ волну, которая расходится и по всей поверхности. Это образъ малодушія, которое мало-мало встрѣтитъ что непріятное, тотчасъ смущается и скорбитъ. Но вонъ—утесъ! —Волны бьютъ въ него, а онъ стоитъ, вниманія на нихъ не обращая, будто ничто тутъ его и не касается. Это образъ великодушія и долготерпѣнія. Посмотрите на великодушнаго!—Все вокругъ волнуется и его сильно задѣваетъ, а онъ спокоенъ. Будто души у него нѣтъ. Можетъ иной подумать, что такого рода состояніе свойственно тѣмъ, у коихъ жестко сердце. Напротивъ великодушные суть самые мягкосердые: отъ нихъ вѣетъ теплотою. Въ чемъ секретъ такого состоянія?—Это благодать Божія. Дается же даръ сей за подвигъ надъ собою, который въ другомъ мѣстѣ св. Павелъ выражаетъ такъ: *не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое* (Рим. 12, 21). Опыты преобѣжденія зла добромъ даютъ непобѣдимость зломъ. Предписывая долготерпѣніе, какъ средство къ сохраненію любовнаго взаимообщенія, св. Павелъ говоритъ какъ-бы: упражняйся въ такомъ подвигѣ, и не потерпишь преткновенія въ хожденіи достойномъ твоего званія.

Терпяще другъ друга любовію. Великодушіе и долготерпѣніе спокойно переносятъ оскорбленія и обиды; но во взаимообщеніи, помимо этого, могутъ встрѣчаться непріятности отталкивающія, безъ намѣренія даже со стороны другихъ причинить какую-либо непріятность. Сюда могутъ относиться недостатки душевные и тѣлесные, сплетенія обстоятельствъ, по которымъ иной становится помѣхою въ дѣлахъ и успѣхахъ общежитія, разнаго рода столкновенія и подобное. Все это терпѣть и сносить заповѣдуетъ Апостолъ. Терпѣть другъ друга—будто безучастное отношеніе къ другимъ. Но Апостолъ устраняетъ это и велитъ терпѣть любовію, какъ мать терпитъ все, ухаживая за ребенкомъ. Св. Златоустъ и говоритъ: „какъ можно терпѣть другъ друга? Апостолъ указалъ способъ, говоря: любовію. На все есть терпѣніе только тамъ, гдѣ есть любовь. Соедини себя узами любви съ братомъ: все легко для людей, связанныхъ между собою узами любви.“ Можно сказать, что тутъ и терпѣнія не будетъ: ибо любовь не замѣчаетъ трудовъ. Только сторонніе могутъ дивиться, какъ терпѣть такого и такого. Но не всѣ вдругъ созрѣваютъ въ любви. Сначала это терпѣніе бываетъ и такъ, какъ терпятъ стиснувши зубы; и готово бы прорваться выраженіе неудовольствія, но оно пресѣкается силою воли. Это начатки терпѣнія другъ друга. Усердно продолжающій сдерживать себя и напрягать на любовь, пріобрѣтаетъ навыкъ сначала спокойно сносить все могущее тревожить, а потомъ и все покрывать и поглощать любовію. На сей степени терпѣніе другъ друга—переходитъ въ поддержаніе сильными немощныхъ, и въ духовномъ и въ житейскомъ. Греческое слово и означаетъ—не сносить только, но и поддерживать. Это будетъ значить—скорбящаго утѣшить, неразумнаго вразумить, грѣшащаго исправить, бѣднаго ссудить нужнымъ, обижаемаго защи-

тить, т. е. всячески другъ другу вспомоществовать и содѣйствовать. Любовь и не можетъ спокойною оставаться при видѣ нуждъ другаго: ибо чувствуетъ себя срастворенною съ другими и воспринимаетъ чувства ихъ. Чужая нужда—у ней своя.

Блаженный Іеронимъ пишетъ на сіи слова: „понимая *терпяще другъ друга*, — какъ звучатъ слова, можно думать, что эта заповѣдь не относится къ мужамъ святымъ; ибо святые не имѣютъ что терпѣть другъ въ другѣ; а къ тѣмъ, которые еще бываютъ одолѣваемы какою-либо страстію. И не дивно, что слышатъ сіе Ефесяне, когда въ числѣ вѣрующихъ изъ нихъ находились еще такіе, которымъ надлежало терпѣть другъ друга. Это же самое, мнѣ кажется, означаетъ и то, что пишется къ Галатамъ: *другъ друга тяготы носите* (Гал. 6, 2). Но оба эти свидѣтельства можно толковать и иначе,—именно, что ими побуждаются богатые облегчать нужды бѣдныхъ. Кто больному брату помогаетъ и прислуживаетъ, тотъ терпитъ его любовію. Кто, проводя блаженную безбрачную жизнь, другому, у котораго жена и дѣти, какимъ-либо образомъ поможетъ или утѣшеніе доставитъ, тотъ понесетъ тяготу другаго. Бываетъ, что иной видитъ мать свою или сестру, вдову въ крайней бѣдности и нуждѣ, а помочь имъ не можетъ: кто подастъ ему руку помощи, тотъ потерпитъ его любовію. Первую ли мысль возьмемъ, или вторую, явно, что кто не поддерживаетъ брата грѣшащаго, и не утѣшаетъ нуждающагося, тотъ не имѣетъ любви и презираетъ слова Апостола, который заповѣдуетъ: *должны есмы мы, сильніи, немощи немощныхъ носити, и не себѣ угождати*“ (Рим. 15, 1).

Тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира. Все уже, кажется, есть: и смиреніе есть, и кротость есть, и великодушіе есть, и терпѣніе другъ друга есть,—чего еще недостаетъ для крѣпости общенія?—Надобно, го-

ворить, стараться еще о томъ, чтобы *блюсти единеніе духа въ союзѣ мира*. Что это за единеніе духа? Если разумѣть подъ духомъ духъ человѣческій, единеніемъ духа будетъ внутреннее сердечное единеніе въ отличіе отъ внѣшняго союза. Быть смиреннымъ, кроткимъ, сносить непріятности, терпѣть другъ друга и помогать другъ другу — все это такой образъ дѣйствованія, который силенъ поддержать между вами миръ. Но вы не объ этомъ только старайтесь, чтобъ миръ былъ, но чтобъ при этомъ мирѣ, въ этомъ союзѣ мира, было у васъ и единеніе духа, чтобъ вы сердцами были соединены, чтобы у васъ былъ одинъ духъ, одна душа.

Единеніе—ἑνότης—собственно значитъ единость, единство, одинаковость. Если разложимъ духъ на его составныя части духовныя—мысли, стремленія, вкусы; то единость духа дастъ намъ указаніе на единомысліе, единонравіе, единодушіе, и въ словѣ Апостола получимъ заповѣдь о томъ, чтобы блюсти всѣмъ одинъ образъ мыслей и воззрѣній, одни расположенія, намѣренія, желанія, одни чувства и сочувствія, чтобъ въ одномъ и томъ же всѣмъ находить удовольствіе, словомъ, чтобы внутри не было никакого отъ другихъ отдѣленія и отсобленія, но чтобъ у каждаго было тоже только, что и у всѣхъ. Эта единость внутренняго настроенія скрѣпитъ всѣхъ, утвердитъ союзъ между всѣми—σύνδεσμον,—который дастъ прочную основу ненарушимому миру. Союзъ мира—внѣшняя сторона; душа его—единость духа. Такимъ только образомъ изъ всѣхъ можетъ составиться единое тѣло.

Св. Златоустъ говоритъ: „что такое единеніе духа? Какъ въ тѣлѣ душа все объемлетъ и сообщаетъ какое-то единство разнообразію, происходящему отъ различія членовъ тѣлесныхъ: такъ и здѣсь. Но душа дана еще и для того, чтобы объединять людей. Старецъ и юноша,

бѣдный и богатый, отрокъ и взрослый, мужъ и жена, и всякое существо, одаренное душею, есть что-то единое; и это единство болѣе единства тѣлеснаго. Первое сродство выше послѣдняго: больше совершенства въ духовномъ единствѣ. Какъ огонь, попадая на сухія деревья, обращаетъ ихъ въ одно горящее тѣло, а надъ влажными не оказываетъ никакого дѣйствія и не соединяетъ ихъ между собою, такъ бываетъ и здѣсь: холодность душевная не способствуетъ къ соединенію, но теплота душевная большею частію каждаго привлекаетъ къ себѣ. Отсюда происходитъ и теплота любви. Апостолъ хочетъ всѣхъ насъ соединить узами любви. Онъ хочетъ, чтобы мы связаны были не однимъ миромъ, но чтобы у всѣхъ была одна душа. Это прекрасныя узы: они соединяютъ насъ и между собою и съ Богомъ. Эти узы не обременяютъ и не стѣсняютъ связанныхъ ими рукъ, напротивъ, даютъ имъ большую свободу, открываютъ имъ большее пространство для дѣятельности и дѣлаютъ узниковъ веселѣе свободныхъ. Этого союза не можетъ нарушить ни пространство мѣста, ни небо, ни земля, ни смерть, ни что другое; онъ выше и сильнѣе всего. Проистекая изъ единости душевной, онъ въ одно и тоже время можетъ обнимать многихъ. Слушай, что говоритъ Павелъ: *„не тѣсно вмѣщаетеся въ насъ“* (2 Кор. 6, 12).

Но иные подъ духомъ разумѣютъ Духа Божія или благодать Св. Духа. Въ такомъ случаѣ здѣсь будетъ такая мысль: „всѣ вы сподобились единой благодати; единый источникъ разливаетъ различные потоки. Посему, водясь смиренномудріемъ и кротостію, терпите другъ друга по закону любви и храните союзъ мира“ (Ѳеод.).

Союзъ мира составитъ изъ всѣхъ васъ одинъ, крѣпко сплоченный сосудъ, который способенъ будетъ удержать изліянные въ васъ потоки благодати. Духъ Божій единый всѣхъ васъ исполняетъ: старайтесь сохранить Его

въ себѣ; а для сего всячески сохраняйте между собою союзъ мира. Когда не станетъ между вами мира, вы будете тоже, что сосудъ разбитый: Духъ благодати отойдетъ отъ васъ и вы станете по прежнему плотскими. Апостолъ и говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *идѣже въ васъ зависти, и рвенія, и распри, не плотстіи ли есте, и по человѣку ходите* (1 Кор. 3, 3)? Эту мысль бл. Ѳеофилактъ излагаетъ такъ: „какъ въ тѣлѣ духъ есть начало, все сочетавающее и объединяющее, хотя члены и различны; такъ и въ вѣрующихъ Духъ Святый есть, который объединяетъ всѣхъ, хотя мы разнимся другъ отъ друга и родомъ, и нравомъ, и занятіями. Чрезъ Духа сего содѣлываемся мы единымъ тѣломъ. Итакъ потщимся соблюсти сіе единеніе посредствомъ взаимнаго между собою мира. Если не будемъ имѣть союза любви и не будемъ мирствовать между собою, то погубимъ единеніе, которое даровалъ намъ Духъ. Тогда будетъ съ нами тоже, какъ еслибъ рука или нога отдѣлились отъ прочаго тѣла и пресѣкли свое съ другими членами сочетаніе,—не будемъ уже мы содержимы единымъ Духомъ.“

Что говоритъ Апостолъ: *тщащеся блюсти*,—то „даетъ этимъ разумѣть, что это дѣло не легкое и не случайное“ (св. Злат.). Ничто столько не встрѣчаетъ препятствій, какъ соблюденіе союза мира и единенія духа. Много надо на это благоразумія, напряженія воли, самообладанія и всесторонней осмотрительности. „Безъ особаго старанія и труда не соблюдешь мира“ (Ѳеоф.). Такъ въ началѣ; но потомъ мирность обращается въ характеръ и нравъ. И уже не легко его чѣмъ-либо разстроить.

66.

Положивъ такимъ образомъ прочныя *основы* любовному всѣхъ общенію въ противо-эгоистическихъ расположе-

ніяхъ сердца или добродѣтеляхъ, св. Павелъ выставляетъ самыя сильныя *побужденія къ тому* (— —4—6), чтобы святое дѣло сіе совершалось не механически какъ, а свободно, по разумной рѣшимости воли, по разумнымъ убѣжденіямъ. Иначе, говоритъ, нельзя. Вы должны быть въ любовномъ общеніи, ибо у васъ все едино. Сего требуетъ отъ васъ единство тѣла Церкви, коего вы члены; единство Духа, Коего пріемлете всѣ, и Который, проникая всѣ члены, каждому сообщаетъ жизнь и движеніе духовное, единство блаженства, къ наслѣдію коего призваны равно всѣ, единство Господа, Искупителя и Спасителя, единство крещенія, коимъ раждаетесь въ новую жизнь; единство Бога—Творца, Промыслителя, Отца, Который одною любовію всѣхъ обнимаетъ, единымъ всемогуществомъ правитъ, единымъ промышленіемъ хранитъ,—вездѣ сый и вся исполняяй.

Что ни слово, то побужденіе къ единенію. Изобразилъ Апостолъ весь строй христіанскихъ отношеній, каковъ онъ есть по идеѣ христіанства. Изъ каждой черты его выходитъ одно и тоже слѣдствіе: итакъ будьте едино между собою. Я указываю вамъ, чѣмъ вы есте по назначенію. Но чтобы дѣломъ быть такими, надо приложить вамъ и свое стараніе. Потщитесь же соблюсти единость духа въ союзѣ мира.

Св. Златоустъ, приступая къ бесѣдѣ о сихъ стихахъ (— —4—6), такъ говоритъ: „Когда блаженный Павелъ желаетъ расположить христіанъ къ чему-нибудь особенно высокому, то, будучи исполненъ мудрости и благодати Божіей, онъ побуждаетъ къ этому предметами небесными—примѣромъ Самого Господа. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ: *ходите въ любви, якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ и предаде Себе за ны* (Еф. 5, 2), и еще: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ, Иже во образѣ Божіи сый, не восхищеніемъ непще-*

ва быти равенъ Богу (Фил. 2, 5. 6): точно также поступаетъ и здѣсь. И хорошо онъ это дѣлаетъ: ибо, когда бываютъ указаны великіе примѣры, у человѣка раждается сильная ревность и желаніе (подражать имъ). Итакъ, что же онъ говоритъ, побуждая насъ къ единенію? *Едино тѣло, единъ духъ, якоже и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего*, и проч. (ст. 4).“

Таково существо христіанства, что исповѣдующіе его суть едино, что всѣ вѣрующіе составляютъ *одно* живое и живосочетанное *тѣло*, въ коемъ обитаетъ *единый* духъ, преисполняющій его и приводящій все въ немъ въ движеніе, которое потому и едино, что оживляется симъ единымъ духомъ. Вотъ вамъ первое побужденіе къ любовному единенію въ союзѣ мира. И это тѣмъ должно быть понудительнѣе, что, при единствѣ тѣла и духа, у васъ еще и одни надежды. Какъ всякія общества единятся единствомъ цѣлей и надеждъ, такъ и вы на едино призваны, въ одинаковыхъ видахъ трудитесь, къ одному стремитесь. Всѣмъ одно обѣтовано царство; дверь въ него равно для всѣхъ васъ открыта. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „единый пріяли вы Духъ, одно составляете тѣло, одно дано вамъ упованіе воскресенія и царства небеснаго.“ Отсюда само собою выходитъ: изъ-за чего же вамъ особиться другъ отъ друга, нарушать единеніе духа, разрывать союзъ мира?!

Пространно излагаетъ сіе св. Златоустъ, всю рѣчь направляя преимущественно къ тому, чтобы вѣрующихъ расположить къ единодушію. „Что такое едино тѣло? Вѣрные всѣхъ мѣстъ вселенной, живущіе, умершіе и имѣющіе явиться на свѣтъ, а также угодившіе Богу и до пришествія Христова — составляютъ одно тѣло. У насъ о предметахъ, соединяемыхъ между собою и имѣющихъ большую связь, обыкновенно говорится: они — одно тѣло. Такъ точно и мы составляемъ одно тѣло.

Тѣло, хотя состоитъ изъ разныхъ членовъ, важныхъ и неважныхъ; однакожъ ни лучшій изъ нихъ не вооружается противъ члена ничтожнаго, ни первый не подвергается презрѣнію со стороны послѣдняго. Хотя не всѣ члены имѣютъ одинаковое отправленіе, однако они равно достойны уваженія. Апостолъ Павелъ требуетъ отъ насъ такой любви, которая бы связывала насъ между собою, дѣлая неразлучными другъ отъ друга, и такого совершеннаго единенія, какъ бы мы были членами одного тѣла: ибо только такая любовь производитъ великое добро. Словами *едино тѣло*, онъ требуетъ, чтобы мы сострадали другъ другу, не желали благъ ближняго своего и участвовали въ радостяхъ одинъ другаго; все это онъ выразилъ вмѣстѣ. Потомъ весьма кстати прибавилъ: *и единъ духъ,* научая чтобы при единомъ тѣлѣ было у насъ единомысліе. Онъ хотѣлъ побудить этимъ ко взаимному согласію, какъ бы такъ говоря: такъ какъ вы получили Единаго Духа и пили отъ одного источника, то между вами не должно быть раздоровъ. Далѣе говоритъ Апостолъ: *якоже и звани бысте во единомъ упованіи званія вашего.* То-есть: Богъ призвалъ всѣхъ насъ къ одному и тому же; никому ничего не предоставилъ больше противъ другаго: всѣмъ даровалъ безсмертіе, всѣмъ жизнь вѣчную, всѣмъ неувядаемую славу, всѣмъ братство (изъ единаго сыновства Богу), всѣмъ наслѣдіе, для всѣхъ содѣлался общею Главою, всѣхъ совоскресилъ и спосадилъ. Итакъ, имѣя такое равночестіе въ духовномъ, для чего вы высокомудрствуете? Потому ли, что такой-то изъ васъ богатъ, а такой-то силенъ?—Но не смѣшно ли это!? Ибо скажи мнѣ, если бы царь, избравъ десять человѣкъ, облекъ ихъ всѣхъ въ порфиру, посадилъ на царскомъ престолѣ и всѣмъ имъ даровалъ одну и ту же честь: посмѣлъ ли бы кто-нибудь изъ нихъ поносить другаго, потому что богаче и знаменитѣе его? Отнюдь

нѣтъ! Итакъ, ужели мы, будучи равны на небѣ, будемъ превозноситься другъ предъ другомъ земными отличіями?"

Ст. 5. *Единъ Господь, едина вѣра, едино крещеніе.*

„Вотъ и еще побужденіе къ любовному общенію!" (Экум.). Прежде говорилъ, что надо пребывать въ семъ общеніи, поколику всѣ суть едино тѣло съ единымъ духомъ не для времени только, но и для вѣчности. Теперь выставляетъ побужденіемъ къ тому то, что всякій христіанинъ, если смотрѣть на него отдѣльно, есть тоже, что и другой; какъ люди дѣлаются христіанами, въ этомъ всѣ равны, ни преимуществъ одинъ, ни задѣленія другой не имѣютъ; какъ на свѣтъ раждаются всѣ однимъ путемъ,—ни царь, ни послѣдній бѣднякъ въ этомъ не отличаются, такъ всѣ и христіанами творятся одинаковымъ образомъ. Господь совершилъ спасеніе и положилъ начало новой жизни, яко перворожденный. Къ Нему приступаютъ вѣрою и получаютъ доступъ къ общенію въ единой, въ Немъ совмѣщенной жизни крещеніемъ. Въ комъ совершилось сіе, тотъ и сталъ христіаниномъ. И въ этомъ и Господь для всѣхъ одно, и вѣра—одна, и крещеніе—одно. Ни для кого не имѣютъ они значенія—ни большаго, ни меньшаго; для всѣхъ равны, и всѣмъ равно силу свою удѣляютъ. *Единъ Господь,*—Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій Единородный,—Богъ истинный отъ Бога истинна, рожденный, не сотворенный,—насъ ради человѣковъ сшелъ съ небесъ, вочеловѣчился, пострадалъ, распялся, умеръ, погребенъ, воскресъ, вознесся на небо и сѣлъ одесную Отца, всѣхъ въ лицѣ Своемъ возсоединивъ съ Богомъ. Но чтобы дѣломъ всѣмъ возсоединиться съ Богомъ, надлежитъ соединиться живымъ союзомъ съ Господомъ, какъ и молился Господь: *да вси едино будутъ: якоже Ты Отче во Мнѣ и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ насъ едино будутъ* (Ін. 17, 21). Или какъ объяснялъ Онъ прежде того: *Азъ во Отцѣ Моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ*

васъ (Ін. 14, 20). Путь къ сему единенію открываетъ *вѣра*, которая здѣсь совершенно *едина* у всѣхъ, и какъ бы однорѣчива. Всякій исповѣдуетъ: я погибающій, нѣтъ мнѣ спасенія, какъ въ Господѣ; къ Нему прилѣпляюсь и Ему себя предаю и посвящаю. Это исповѣданіе отворяетъ дверь къ Господу. Никто лишняго, кромѣ того, ничего сюда не привноситъ, и ничто кромѣ сего при этомъ не берется во вниманіе: ни родъ, ни образованіе, ни дѣла, ни вѣра прежняя. Все прочь: только это одно исповѣданіе надлежитъ предъявить для доступа къ Господу. Предъявившій вѣру живымъ союзомъ сочетавается съ Нимъ посредствомъ крещенія, въ которомъ всякій въ смерть Господню погружается и причастникомъ воскресенія Его содѣлывается, прививается къ Господу и членомъ Его становится. Апостолъ говоритъ какъ бы: вотъ какъ каждый изъ васъ сталъ христіаниномъ. Смотрите же: имѣетъ ли кто въ какомъ либо отношеніи лишнее что-нибудь противъ другаго, чтобъ особиться отъ него? Господь для тебя больше есть Искупитель, Спаситель и Примиритель, а для другаго меньше? Вѣра у тебя съ другимъ какимъ преимуществомъ соединялась, чтобъ имѣть силу больше чѣмъ у другихъ, или и она была одна, такая же какъ и у всѣхъ? Крещеніе не въ три ли погруженія надъ тобою совершалось съ призываніемъ имени Пресвятыя Троицы, какъ и надъ всякимъ другимъ, и не ко всѣмъ ли крещеннымъ одинаково относятся слова: *елицы во Христа Іисуса крестихомся въ смерть Его крестихомся: спогребохомся Ему крещеніемъ въ смерть* (Рим. 6, 3. 4). И: *елицы во Христа креститеся, во Христа облекостеся* (Гал. 3, 27)? Св. Златоустъ говоритъ при семъ: „Единъ и тотъ же (для всѣхъ Господь). Или Онъ для тебя наименовался бо́льшимъ, а для того меньшимъ? Ты спасся отъ вѣры, а тотъ отъ дѣлъ? Тебѣ отпущены грѣхи въ крещеніи, а тому нѣтъ? Удались отъ насъ такая мысль!“

Ст. 6. *Единъ Богъ и Отецъ всѣхъ, Иже надъ всѣми, и чрезъ всѣхъ, и во всѣхъ насъ.*

Съ Господомъ Іисусомъ Христомъ соединяемся, чтобы чрезъ Него возсоединиться съ Богомъ, отъ Коего отпали преступленіемъ заповѣди въ раю. И Господь на Себѣ никого не удерживаетъ, но всѣхъ препровождаетъ къ Богу—Отцу, съ Коимъ и Самъ едино есть, какъ и Святый Духъ. Се златая Божественная цѣпь!—Господь во Отцѣ, а мы—въ Немъ и Онъ въ насъ. Вотъ куда возвелъ Апостолъ единеніе всѣхъ. Теперь уже ни на небѣ, ни на землѣ не осталось ничего, чтобы могло послужить къ отособленію отъ другихъ и раздѣленію другъ съ другомъ. Возвелъ всѣхъ къ Богу Отцу, и говоритъ объ Немъ, что Онъ *надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ насъ*, давая разумѣть, что для того, кто ясно понимаетъ дѣло христіанства какое-нибудь отособленіе отъ другихъ немыслимо: ибо онъ долженъ зрѣть единаго Бога Отца всѣмъ, всѣхъ преисполняющаго, въ нераздѣльности съ Сыномъ и Духомъ Святымъ. Что здѣсь говорится о Богѣ, какъ Онъ благоволилъ поставить Себя къ намъ по домостроительству спасенія, сіе показываютъ слова: *Отецъ*... и: *насъ;* а что говорится о Немъ въ нераздѣльности съ Сыномъ и Духомъ Святымъ, сіе видно изъ того, что, какъ уже сказано, все тѣло вѣрующихъ исполняетъ Единъ Духъ, и всѣ крещаемые по вѣрѣ въ единаго облекаются Господа. Какъ будетъ Богъ Отецъ надъ всѣми и во всѣхъ и чрезъ всѣхъ въ раздѣльности, когда уже во всѣхъ нихъ есть и Духъ и Господь? Почему словами: *надъ всѣми, чрезъ всѣхъ и во всѣхъ* выражается отношеніе Божества къ человѣчеству, примиренному съ Нимъ по домостроительству спасенія. *Надъ всѣми* означаетъ, что Богъ надъ всѣми вѣрующими особенно надзираетъ, надъ всѣми ими простирается особеннымъ попеченіемъ и любовію, какъ надъ сынами; *чрезъ всѣхъ* означаетъ, что Богъ

всѣхъ ихъ преисполняя чрезъ нихъ дѣйствуетъ, они покорное орудіе, сознательно Его вседѣйствію предавшееся, тогда какъ другіе все сами дѣлать покушаются, а Богу мѣста дѣйствовать въ себѣ не даютъ; *во всѣхъ* означаетъ, что Богъ почиваетъ въ нихъ и благоволеніемъ, и любовію, и покоемъ: Онъ покоенъ въ отношеніи къ нимъ, ибо цѣли Его въ нихъ достигаются. И на страшномъ судѣ, кому кто покой доставлялъ, отъ того получитъ и воздаяніе. Св. Златоустъ говоритъ: „*надъ всѣми*, т.-е. выше всего; *чрезъ всѣхъ*, т.-е. о всемъ промышляетъ, всѣмъ управляетъ; *во всѣхъ*, т.-е. во всѣхъ обитаетъ.“ Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „сіе же: *надъ всѣми* означаетъ владычество, *чрезъ всѣхъ* промыслъ, *во всѣхъ* вселеніе.“ Такъ и Экуменій съ Ѳеофилактомъ.

Иные это нераздѣльное отношеніе Божества къ вѣрующимъ раздѣляютъ, не раздѣльно однакожъ и первое относятъ къ Богу Отцу, второе къ Богу Сыну, третье— къ Богу Духу Святому, такъ что въ послѣднихъ двухъ Отецъ дѣйствуютъ чрезъ Сына и Духа. Такъ св. Дамаскинъ: „Единъ надъ всѣми Отецъ, Который чрезъ всѣхъ, чрезъ сущее изъ Него Слово, и во всѣхъ чрезъ Духа Своего. Желая показать, какъ просіяваетъ въ насъ подобіе Божескаго единства, Апостолъ особности Троицы въ единомъ Богѣ воспроповѣдалъ“ (или особыя дѣйствія въ насъ Лицъ Пресвятыя Троицы отнесъ къ единому Богу). Тоже между прочимъ пишетъ и блаж. Іеронимъ: „нѣкоторые слова *надъ всѣми и чрезъ всѣхъ и во всѣхъ* относятъ къ Отцу, Сыну и Св. Духу: *надъ всѣми* къ Отцу потому, что Онъ Причина всего; *чрезъ всѣхъ*—къ Сыну, потому что все сотворено чрезъ Сына; *во всѣхъ*—къ Духу Святому, потому что Онъ дается вѣрующимъ, и мы становимся храмомъ Св. Духа: и Отецъ и Сынъ обитаютъ въ насъ.“

Выводъ изъ всего вышесказаннаго такой: „Единаго имѣемъ Господа, единое пріяли крещеніе, одну принесли

вѣру, единъ у всѣхъ насъ Богъ и Отецъ. Посему надлежитъ вамъ, какъ братьямъ, имѣть единомысліе между собою“ (Θеод.).

вв.

Указалъ св. Павелъ добродѣтели, на которыхъ основывается любовное общеніе христіанъ, выставилъ сильнѣйшее къ тому побужденіе, теперь показываетъ, *въ чемъ обнаруживается сіе общеніе, или каково оно въ дѣйствіи.* Оно обнаруживается во взаимовспомоществованіи и взаимосодѣйствіи, въ томъ, чтобы служить другъ другу, кто чѣмъ можетъ и кто на что получитъ дарованіе. И въ естественномъ порядкѣ нельзя сказать, чтобъ кто-нибудь былъ всѣмъ задѣленъ; всякій къ чему-нибудь способенъ. И въ порядкѣ благодатномъ, всякій въ таинствѣ мνропомазанія получаетъ даръ Св. Духа. Такъ, кто что получилъ, тѣмъ и служи другимъ. Св. Петръ выражаетъ эту заповѣдь такъ: *кійждо якоже пріятъ дарованіе, между собою симъ служаще (живите), яко добріи строителіе различныя благодати Божія.* (1 Петр. 4, 10). А какъ именно служить изображаетъ св. Павелъ, въ посланіи къ Римлянамъ говоря: кто получилъ пророчество, пророчествуй, кто—служеніе, служи, кто—ученіе, учи, кто—достатокъ, подавай въ простотѣ и проч. (Римл. 12, 6—8). Здѣсь же онъ говоритъ только, что всякій получилъ благодать, давая самимъ Ефесянамъ доразумѣть: получилъ и служи другимъ тѣмъ, что получилъ.

Ст. 7. *Единому же комуждо насъ дадеся благодать по мѣрѣ дарованія Христова.*

Какъ въ тѣлѣ разные члены и всякій членъ свое особое имѣетъ назначеніе, исполняя которое работаетъ на все тѣло, такъ и въ тѣлѣ Церкви коей Глава—Христосъ Господь. Но въ естественномъ тѣлѣ голова не производитъ членовъ и не раздаетъ имъ назначенія, а въ тѣлѣ

Церкви, Господь Іисусъ Христосъ, Глава его, есть и производитель его, производитель и каждаго члена. Каждый членъ отъ Него получаетъ духовное бытіе; отъ Него же назначается ему мѣсто въ тѣлѣ Церкви и дается даръ благодати на служеніе Ему. Вотъ о семъ-то и поминаетъ здѣсь Апостолъ. Всякій получилъ отъ Господа благодать и даръ Св. Духа въ той мѣрѣ, въ какой угодно было Господу. Служи тѣмъ другимъ, и будешь находиться въ живомъ и дѣятельномъ со всѣми общеніи.

Такова, думается, цѣль, съ которою говоритъ сіи слова здѣсь св. Павелъ, такъ какъ и впереди говорилъ онъ все о тѣлѣ, вслѣдъ за симъ будетъ говорить о тѣлѣ же, и именно съ той стороны, какъ оно созидается стройнымъ взаимодѣйствіемъ всѣхъ членовъ (— 15. 16).

То, что обще всѣмъ должно быть, чѣмъ условливается самая жизнь христіанская, какъ-то принадлежаніе тѣлу Церкви, вѣра, упованіе, крещеніе, то, чтобъ имѣть Бога Отцемъ и Господа — главою своею, то всѣ одинаково имѣютъ. Но эта одинаковость не производитъ совершеннаго во всѣхъ равенства и не уничтожаетъ различій. Каждый все имѣетъ, что и другой, но въ разной степени и сверхъ того всякій особую получаетъ благодать и даръ. Подъ условіемъ такой разности, и при сей разности, взаимодѣйствія и общенія, и устрояется едино многосоставное тѣло, стройно сочетанное. Совершенное равенство не дастъ составиться тѣлу, ибо *если бы вся были единъ удъ, гдѣ тѣло? Нынѣ же мнози убо удове, тѣло же едино* (1 Кор. 12, 19. 20).

Но разная благодать и разное дарованіе всякому дается не для него самого, а для тѣла Церкви. Потому имѣть въ этомъ поводъ къ тому, чтобы особиться отъ другихъ, или выситься надъ ними, когда даръ больше, или завидовать имъ, когда онъ меньше, совершенно безсмысленно. Св. Златоустъ говоритъ: „что одинъ полу-

чилъ больше, а другой меньше, это не имѣетъ никакого значенія, но дѣло безразличное: ибо каждый изъ получившихъ способствуетъ къ созиданію. Не ради собственнаго достоинства одинъ получилъ больше, а другой меньше, но для другихъ, сколько кому Самъ Христосъ распредѣлилъ. Такъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *положи Богъ уды, единаго коегождо ихъ въ тѣлеси, якоже изволи* (1 Кор. 12, 18). Если иной имѣетъ нѣчто большее въ своемъ дарованіи, то ты этимъ не огорчайся, потому что и трудовъ у него болѣе. Помни и то, что съ получившаго пять талантовъ и (прибыли) взыскано было пять, а тотъ, кто получилъ два, два и (прибыли) принесъ, и однакожъ не получилъ за то воздаяній меньше перваго. Апостолъ говоритъ о себѣ: *горе мнѣ,* какъ и всякому кто получилъ даръ Апостольства, *аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16). Но потому и горе ему, что онъ получилъ: а ты свободенъ отъ подобной опасности.“ Подобно сему разсуждаетъ и Экуменій: „каждому дана благодать, т. е. даръ Св. Духа, по мѣрѣ дарованія Христова. Апостолъ говоритъ какъ бы: если Онъ (Христосъ) отмѣрилъ, то конечно отмѣрилъ хорошо, такъ, какъ для тебя благопотребно и полезно. И если все есть даръ, то за то, что получилъ, благодари, а чего не получилъ, тому не завидуй: ибо и то даръ. Раздаятель и Дарователь знаетъ, какъ лучше и полезнѣе: такъ и сдѣлалъ.“

Когда дается сей особый каждому даръ? Въ таинствѣ мѵропомазанія. Въ семъ таинствѣ и естественныя способности получаютъ печать благодатную, а нѣкоторыя изъ нихъ восходятъ на такую высоту, до которой по естественному порядку взойти бы не могли; но особенность его та, что въ немъ дается даръ на потребу Церкви. Совершитель всѣхъ таинствъ Господь есть. Отъ Него и даръ въ мѵропомазаніи всякому сообщаемый.

Христіанскія общества, лишившія себя сего таинства, суть бездарныя.

Ст. 8. *Тѣмже глаголетъ: возшедъ на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ, и даде даянія человѣкомъ.*

Сказалъ св. Павелъ, что раздаятель каждому благодати есть Господь Іисусъ Христосъ. Теперь поясняетъ это, или доказываетъ. Кто знаетъ ходъ дѣла спасенія, устроеннаго Господомъ, тотъ и самъ видитъ то. Ибо то есть членъ исповѣданія вѣры, чтобы вѣровать, что Сынъ Божій снизшелъ на землю, воплотился, пострадалъ, умеръ на крестѣ, воскресъ, вознесся на небо и возсѣлъ одесную Отца. Но вѣрующихъ въ Него не оставилъ сирыми, а, какъ обѣтовалъ предъ страданіемъ, послалъ имъ Духа Святаго—источникъ всѣхъ благодатныхъ даровъ. Не было Духа, пока Господь не былъ прославленъ. А какъ прославился, принявъ славу, которую имѣлъ у Отца прежде міръ не бысть, вслѣдъ за тѣмъ низшелъ на землю и Духъ Святый. Духъ Святый—источникъ даровъ благодати; но какъ Господь, —Глава,— Самъ Себѣ созидаетъ тѣло Церкви, то и мѣру дарованія опредѣляетъ Онъ Самъ, кому одинъ, кому два, кому пять талантовъ. Это дѣйствованіе Божіе во спасеніе наше очевидно само собою изъ строя вѣры. Но св. Павелъ сопоставляетъ его съ ветхозавѣтными предуказаніями, и тѣмъ придаетъ ему силу предвѣчнаго предопредѣленія.

Духъ Святый указалъ св. Павлу прообразъ того, какъ Господь, возшедши на небеса, раздаетъ благодать всякому по мѣрѣ дарованія своего, въ шествіи Бога, изведшаго Израильтянъ изъ Египта, проведшаго ихъ чрезъ пустыню, плѣнившаго потомъ для нихъ землю обѣтованную и раздавшаго ее сынамъ Израиля. Это шествіе воспѣвается въ 67 Псалмѣ: *да воскреснетъ Богъ...* коего содержаніе можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ: *видѣна быша шествія Твоя, Боже* (ст. 25).—То обстоятельство,

какъ Богъ роздалъ 12 колѣнамъ Израильтянъ землю плѣненную, изображается въ Псалмѣ такъ: *возшелъ еси на высоту, плѣнилъ еси плѣнъ: пріялъ еси даянія въ человѣцѣхъ*. Эти слова и примѣняетъ Апостолъ къ Господу, въ показаніе, какъ Онъ, возшедши на небеса, пріялъ въ Свое вѣдѣніе всѣ благодатныя силы и раздаетъ ихъ вѣрнымъ. Это примѣненіе ясно само собою, соотношеніе прообраза съ прообразуемымъ очевидно, и не требуетъ поясненій. Что у Пророка стоитъ второе лице, а у Ап. Павла третье, это отъ того, что Пророкъ молитвенно изображалъ шествіе Бога, а св. Павелъ поминаетъ о томъ, какъ о событіи. Рѣчь его можно такъ читать: Писаніе и говоритъ, что Онъ возшедъ на высоту плѣнилъ плѣнъ. Говоритъ, т. е., въ прообразѣ тамъ. А что тамъ говорится: *пріялъ еси*, а у Апостола: *даде,* — это объясняется тѣмъ, что въ подлинникѣ стоитъ такой глаголъ, который означаетъ: принять, или взять чтобы дать. Такъ, въ Исх. 25, 2, Богъ говоритъ: пусть возьмутъ Мнѣ первенцевъ, т. е. пусть возьмутъ и дадутъ Мнѣ. Въ 3 Цар. 17, 10, Пророкъ Илія говоритъ женѣ: возьми мнѣ воды въ сосудъ,—или возьми мнѣ хлѣба,— т. е. возьми и дай мнѣ. Въ обоихъ этихъ случаяхъ стоитъ тотъ же глаголъ, что и въ Псалмѣ. *Пріялъ еси,* потому, будетъ: пріялъ и роздалъ, или взялъ и роздалъ даянія между людьми. Св. Павелъ вмѣсто того, чтобы сказать: плѣнилъ есть плѣнъ, взялъ и роздалъ даянія, говоритъ прямо: плѣнилъ плѣнъ и даде даянія.

Новую мысль внушаетъ сіе указаніе на такой прообразъ, ту, что состояніе уничиженія Христа Спасителя, было только на видъ таково; въ самомъ же дѣлѣ оно было торжественное шествіе къ побѣдѣ съ богатою добычею. Чѣмъ уничиженнѣе что кажется, тѣмъ разительнѣйшій ударъ побѣдный сокрытъ подъ нимъ. Что уничиженнѣе крестной смерти? Но она-то и была глав-

ною побѣдою. Ею попрана смерть, удовлетворена Правда вѣчная, небо примирено съ землею, и открыта сокровищница милостей Божіихъ. Изъ ней—и самое воскресеніе,—которому нельзя было не послѣдовать за такою смертію.

Какой плѣнъ плѣнилъ Господь?—Когда говорятъ о плѣнѣ, разумѣютъ обычно лица плѣненныя; но это разумѣется во первыхъ, и за тѣмъ всегда доразумѣвается и добыча. Кого же плѣнилъ Господь и какую взялъ добычу?—Плѣнилъ враговъ нашихъ—діавола, смерть, грѣхъ, адъ, и отнялъ у нихъ всѣхъ, кого они полонили и держали въ своемъ тиранствѣ. Со креста сходилъ Господь въ адъ, и извелъ оттуда всѣхъ патріарховъ, пророковъ и праведниковъ, и ввелъ въ царство Свое. По вознесеніи Господа они первые составили небесное тѣло Церкви подъ главою Господомъ. И надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ враги сіи потеряли власть; такъ что коль скоро кто увѣруетъ въ Господа, они тотчасъ отступаютъ, или отражаются отъ увѣровавшаго.—Но какъ Апостолъ въ семъ мѣстѣ говоритъ о раздаяніи Господомъ благодати, и въ поясненіе того приводитъ мѣсто о плѣнѣ Имъ плѣненномъ, то подъ плѣномъ здѣсь прямѣе разумѣть *вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію*,—все, что стяжано для насъ Господомъ, по домостроительству спасенія, Имъ совершенному: отпущеніе грѣховъ, новая жизнь, благодатные дары, всыновленіе, вѣчное блаженство. Эти даянія даетъ Онъ всѣмъ къ Нему приступающимъ вѣрою и всегда пребывающимъ вѣрными вѣрѣ.

Все, указанное здѣсь въ видѣ плѣна, означается и святыми отцами и учителями,—одно однимъ,—другое—другимъ. Св. Златоустъ говоритъ: „о какомъ говоритъ Апостолъ плѣнѣ? О плѣнѣ діавола. Ибо Господь плѣнилъ этого тирана, разумѣю, діавола, и смерть, и клятву, и грѣхъ.“—„И насъ, прибавляетъ Ѳеофилактъ,—быв-

шихъ подъ діаволомъ, и держимыхъ означенными (врагами).“ Экуменій дополняетъ сіе: „плѣнилъ насъ,—сей добрый и спасительный плѣнъ. Въ невидимой брани побѣдивъ діавола, взялъ онъ насъ въ плѣнъ, не за тѣмъ, чтобъ еще больше какъ поработить, но чтобъ избавить насъ отъ горькаго тиранства лукаваго.“ Бл. Іеронимъ пишетъ: „плѣнены мы были діаволомъ и розданы клевретамъ его. Пришелъ Господь, избавилъ насъ отъ узъ враговъ, и освобожденнымъ, которыхъ исторгъ какъ побѣдитель изъ рукъ враговъ, роздалъ разные дары благодати. Это и есть плѣненный Имъ плѣнъ. Все же сіе Апостолъ приводитъ на память за тѣмъ, чтобы,—такъ какъ прежде онъ сказалъ: *тщащеся блюсти единеніе духа въ союзѣ мира*,—научить, что не смотря на различіе дарованій Церковь стройно согласна сама въ себѣ, и что никакого не подается повода къ раздѣленіямъ и разногласіямъ тѣмъ, что всякій получилъ дары по мѣрѣ дарованія Христова, а не одни и тѣ же.“ Объ изведеніи бывшихъ во адѣ, какъ плѣнѣ, говоритъ Амвросіастъ: „опустошилъ Онъ адъ, когда плѣнниковъ, содержавшихся въ немъ въ плѣну за преступленіе Адамово и за собственные свои грѣхи, извелъ изъ него и возшедъ оттуда возвелъ на небеса. Нѣкоторые изъ нихъ воскресли тогда и явились многимъ во свидѣтельство побѣды надъ смертію (Мѳ. 27, 52). Плѣнники обыкновенно бываютъ чужіе, и уводятся въ плѣнъ противъ воли. Но Спаситель взялъ въ плѣнъ своихъ и не противъ воли ихъ. Онъ плѣнилъ ихъ, возбудивъ явленіемъ Своимъ среди ихъ желаніе освободиться.“

Ст. 9—10. *А еже, взыде, что есть, точію яко и сниде прежде въ дольнѣйшія страны земли? — Сшедый, Той есть и возшедый превыше всѣхъ небесъ, да исполнитъ всяческая.*

Указалъ Апостолъ въ словахъ, приведенныхъ изъ

Псалма, что Господь раздаетъ по Своей волѣ дары благодатные, потому что Онъ, какъ добычу послѣ побѣды, стяжалъ для насъ всѣ божественныя силы, яже къ животу и благочестію. Теперь ту же мысль полнѣе разъясняетъ, прилагая, что Онъ властенъ такъ дѣйствовать: ибо всюду былъ, вездѣ положилъ печать Свою и все исполняетъ. Онъ не съ земли только взошелъ на небо; но прежде сошелъ на землю и прошелъ въ самыя низшія страны, ниже которыхъ уже нѣтъ, а потомъ взошелъ превыше всѣхъ небесъ, такъ высоко, что уже и восходить выше некуда. Такъ вотъ Онъ Кто!—Кто все исполняетъ, всѣмъ владычествуетъ, все въ рукахъ содержитъ. Потому и властенъ раздавать благодать по мѣрѣ дарованія своего. Св. Златоустъ говоритъ: „Отъ понятія о восхожденіи приводитъ къ мысли о нисхожденіи.— Низшелъ, говоритъ, въ самыя дальнѣйшія отдѣленія земли, за которыми уже нѣтъ другихъ. И восшелъ превыше всего, далѣе чего уже нѣтъ ничего другаго. Это означаетъ Его силу и власть (яко Богочеловѣка). Ибо (яко Богъ) Онъ и прежде все исполнялъ.—Что говоритъ Онъ въ другомъ мѣстѣ: *тѣмже и Богъ Его превознесе* (Фил. 2, 9), тоже высказываетъ и здѣсь словами: *сшедый, Той есть и возшедый.*“

А еже, взыде, что есть, точію яко и сниде. Слыша слово: возшелъ, не останавливайся на немъ, но приводи на мысль, что Онъ низшелъ. Собственно восхожденіе на небеса и можно приписывать только тому, кто и низшелъ съ небесъ, какъ говорилъ и Самъ Господь: *никтоже взыде на небо, только сшедый съ небеси Сынъ Человѣческій, сый на небеси* (Ін. 3, 13). Фотій у Экуменія пишетъ: „сказавши *возшедъ*, изъясняетъ, какъ должно понимать это *возшедъ*. Не такъ, чтобы движеніе свое Онъ и началъ этимъ восхожденіемъ, или бы тутъ, долу, началъ и бытіе Свое. Нѣтъ! Изъ начала Онъ былъ на

высотѣ Божескаго величія и Отческой славы; но по домостроительству спасенія низшелъ, и до ада нисходилъ, а потомъ взошелъ опять на подобающую Ему Божескую высоту. Вотъ что значитъ, когда говорится о Немъ *взыде.*"

Что значатъ: *дольнѣйшія страны земли?* Инымъ кажется, что симъ просто означается снишествіе къ намъ, на землю, долу. Землю точно можно назвать, сравнительно съ высочайшимъ небомъ, дольнѣйшею страною. Но св. отцы не останавливаются на верху земли и сходятъ въ преисподняя ея. „Снизшелъ, говоритъ св. Дамаскинъ, не на землю только, но и подъ землю." Бл. Іеронимъ пишетъ: „дольнѣйшія страны земли—адъ, въ который Господь нашъ и Спаситель сходилъ, чтобъ извлечь оттуда души святыхъ и возвесть ихъ съ Собою на небеса." Также и Фотій у Экуменія говоритъ, что Апостолъ этими словами указываетъ на адъ. На этой же мысли заставляютъ остановиться и послѣдующія слова: *да исполнитъ всяческая,* и прежняя рѣчь: *да возможете разумѣти, что высота и глубина.* У Апостола намѣреніе есть сказать, что Господь и яко Богочеловѣкъ всюду проникъ и всюду положилъ печать Своего благотворнаго воздѣйствія. Этимъ Онъ и привлекъ все къ Себѣ, все въ Себѣ соединилъ и возставилъ, ставъ источникомъ всякаго блага для всего существующаго.

Сшедый, Той есть и возшедый. Не за земный подвигъ возвеличенъ, а воспріялъ то, что имѣлъ у Отца прежде міръ не бысть. „Не иной сошелъ, а иной взошелъ; но одинъ и тотъ же,—хотя снизшелъ безъ плоти, а взошелъ съ плотію" (Θеод.). „Это мѣсто поражаетъ Евіона и Фотина. Ибо если возшедшій на небеса есть тотъ самый, который и низшелъ прежде съ небесъ, то какъ можно говорить, что Господь нашъ Іисусъ Христосъ не былъ прежде Маріи, а сталъ быть послѣ Нея. Поражаетъ оно также и тѣхъ, кои въ безуміи своемъ выдумали двухъ сыновъ,

именно Сына Божія и Сына Человѣческаго. Ибо здѣсь очень ясно говорится, что восходящій и нисходящій— одинъ и тотъ же есть" (Іерон.). Послѣднее нечестивое ученіе принадлежитъ Несторію.

Превыше всѣхъ небесъ. Это то же, что впереди: *превыше всякаго начальства и власти и силы* (—1, 21), ибо не мѣсто важно, а то, что находится въ мѣстѣ. И таковъ подобаше намъ архіерей, который... *выше небесъ* былъ (Евр. 7, 26), и всѣхъ превосходилъ и совершенствами и властію, и силою, и богатствомъ благъ. Нисходилъ Онъ ниже всего, и взошелъ выше всего, не за тѣмъ чтобъ только побыть на всѣхъ мѣстахъ, но чтобы всюду положить слѣды Своего воздѣйствія на тѣ лица, которыя гдѣ пребываютъ и способны принимать его. Оно коснулось и сущихъ во адѣ и тѣхъ, коими исполнены небеса. Бл. Іеронимъ пишетъ: „мы не можемъ знать, какъ кровь Іисуса Христа была благотворна и для Ангеловъ и для бывшихъ во адѣ; но что она была благотворна для тѣхъ и другихъ, этого не можемъ не знать. Нисходилъ Онъ до ада, и возшелъ на небеса, да исполнитъ тѣхъ, кои были въ тѣхъ странахъ, въ такой мѣрѣ, въ какой они способны были пріять Его. Изъ сего надо заключить, что прежде нисхожденія и восхожденія Христова все было пусто и имѣло нужду въ исполненіи Имъ."

Да исполнитъ всяческая. Въ дополненіе къ тому, что сказано у Апостола: нисходилъ ниже всего и возшелъ выше всего, Амвросіастъ прилагаетъ къ Господу и слѣдующія еще слова Пророка Давида: *отъ края небесе исходъ Его, и срѣтеніе Его до края небесе* (Пс. 18, 7). Отъ себя прибавимъ: *и нѣсть иже укрыется теплоты Его.* Сѣдя на престолѣ славы одесную Отца, и видимъ Онъ есть всѣми, яко всего міра Владыка и Судія вселенной, и все исполняетъ властію, могуществомъ, сла-

вою, величіемъ, вседержительствомъ, всеуправленіемъ, обиліемъ благодатныхъ даровъ, знаменій и чудесъ. Все въ духовномъ мірѣ Имъ зиждется и на небѣ и на землѣ; и въ физическомъ мірѣ Имъ все строится; все направляется къ одному, чтобы все наконецъ явилось въ обновленномъ отъ Него видѣ. Теперь все сіе совершается сокровенно и незримо. А будетъ время, когда и въявь все придетъ. Это сокровенное вседѣйствіе и есть исполненіе Имъ всяческихъ. Вѣрою видимъ: осязать сего нельзя.

2) Руководство Богоучрежденныхъ пастырей.

4, 11—13.

Въ сообществѣ христіанъ, всякій и естественныя способности имѣетъ особыя, и даръ благодати получаетъ особый. Хотя исходя изъ одного и тогоже источника они и могутъ не входить въ противодѣйствіе, но могутъ дѣйствовать не въ соотвѣтствіи другъ другу и потому не споспѣшествовать общей всѣхъ цѣли. Отсюда безпорядочность, нестроеніе и смятеніе, даже въ томъ случаѣ, когда стараются дѣйствовать, какъ должно. Необходимы потому направители общей всѣхъ дѣятельности, правители и руководители—всѣхъ и каждаго. Если прибавимъ къ этому, что, при всемъ томъ что христіанское общество есть благодатное, свобода и самодѣятельность не отнимаются ни у кого, и слѣдовательно отъ всякого можно ожидать, что иногда онъ можетъ поступить не право и совсѣмъ сбиться съ должнаго пути; то такая необходимость станетъ еще очевиднѣе: необходимо крѣпкимъ немощи немощныхъ носить. Къ тому же въ мірѣ не все еще христіане и въ началѣ христіанства были и доселѣ суть. Слова же Господа: *и тыя Мнѣ подобаетъ привести*, не ложны. Должны быть потому между

христіанами эти приводители къ Господу нехристіанъ. Ибо какъ въ началѣ Онъ благоволилъ приводить не лично, а чрезъ Апостоловъ, такъ дѣйствуетъ и всегда.

По таковымъ причинамъ Господь, глава Церкви, благоволилъ учредить въ Церкви особый чинъ лицъ, возложивъ на нихъ заботу о преспѣяніи наличныхъ христіанъ и объ обращеніи нехристіанъ и вооруживъ ихъ соотвѣтственными тому дарами благодати. Св. Павелъ въ каждомъ посланіи напоминаетъ объ нихъ. Такъ существенны они въ обществѣ христіанъ, что и рѣчи къ нему нельзя вести безъ обращенія къ нимъ. Въ настоящемъ посланіи св. Павелъ полнѣе изображаетъ значеніе ихъ въ Церкви: а) перечисляя виды ихъ, б) означая обязанности лежащія на нихъ и в) указывая цѣли, куда должны они направлять труды свои.

а) Виды руководящихъ лицъ.

Ст. 11. *И Той далъ есть овы убо Апостолы, овы же Пророки, овы же благовѣстники, овы же пастыри и учители.*

Что здѣсь далъ Господь, не то же есть, что означается въ ст. 7. Тамъ говорится о томъ, что каждому христіанину дается въ таинствѣ мѵропомазанія, а здѣсь говорится объ особыхъ дарахъ благодати нѣкоторымъ лицамъ, назначаемымъ въ руководители общества. Въ другихъ мѣстахъ указываетъ Апостолъ, что эти дары сообщаются чрезъ рукоположеніе (1 Тим. 4, 14; 2 Тим. 1, 6; Евр. 6, 2). Здѣсь говоритъ только, что такого рода лица въ Церкви суть не отъ общества христіанъ, а отъ Самого Господа. *Той далъ есть* всѣхъ, кои тогда были въ этомъ чинѣ; Онъ же давалъ и даетъ таковыхъ и доселѣ Церкви, чрезъ другъ-друго-пріимательную благодать, иногда и съ помощію непосредственныхъ, чрез-

вычайныхъ, указаній. Въ этомъ словѣ: *далъ есть*,—надо видѣть и богоучрежденность руководства въ Церкви и богопоставляемость руководителей. И вездѣ такъ говоритъ объ нихъ св. Павелъ: только относитъ ихъ назначеніе и избраніе иногда къ Богу Духу Святому, какъ въ послѣдней рѣчи къ Ефесянамъ же: въ *немже васъ Духъ Святый постави Епископы* (Дѣян. 20, 28); иногда къ Богу Отцу, какъ въ посланіи къ Коринѳянамъ: *положи Богъ въ церкви первѣе апостоловъ* и проч. (1 Кор. 12, 28); а здѣсь къ Богу Сыну. Ибо дѣйствія Пресвятыя Троицы не раздѣльны (св. Злат., Экум., Ѳеоф.).

На первомъ мѣстѣ ставитъ Апостоловъ: такъ какъ они имѣли все (св. Злат.). Это собственно 12, съ присовокупленіемъ къ нимъ и св. Павла,—самовидцы Господа, свидѣтели Его воскресенія, отъ Него непосредственно посланные и преисполненные всѣхъ даровъ Св. Духа. Они и Пророки, они и благовѣстники, они и пастыри, они и дарованія имѣли исцѣленій, и всякій разумъ;—все въ нихъ было совмѣщено и чрезъ нихъ вложено въ Церковь. На нихъ и низошелъ Духъ Святый всею полнотою Своею, и чрезъ нихъ изшелъ въ Церковь и преисполняетъ ее. Они каналы благодати, излившейся на всю вселенную. Чинъ апостольства въ той силѣ, какъ онъ былъ въ первыхъ Апостолахъ, неповторяемъ. И не представляется сіе необходимымъ: ибо Апостолы все вложили въ Церковь. Ей предали всю истину, которую имъ открывалъ Духъ Божій; ей предали таинства для освященія вѣрныхъ, и въ ней учредили пастырство, — прямое преемство апостольства, котораго долгъ—хранить вложенное Апостолами въ Церковь, держать то въ дѣйствіи, надъ всѣми и во всемъ обществѣ христіанскомъ. Церковь живетъ Апостольскими сокровищами и благодатію, отъ нихъ излившеюся и непрерывно переливающеюся изъ рода въ родъ. Если гдѣ токъ

сей пресѣченъ; тамъ нѣтъ настоящей жизни о Христѣ Господѣ.

На второмъ мѣстѣ ставитъ Апостолъ Пророковъ,—не ветхозавѣтныхъ, а тѣхъ, кои являлись въ новой благодати, — лица съ особымъ даромъ прозрѣвать будущее. „Въ то время были сподоблявшіеся пророческой благодати. Исторія Дѣяній упомянула о Пророкѣ Агавѣ (Дѣян. 11, 27. 28; 21, 10), и о другихъ пророчествовавшихъ въ Антіохіи, въ числѣ коихъ былъ и самъ блаженнѣйшій Апостолъ Павелъ (Дѣян. 13, 1)“ (Θеод.). На основаніи нѣкоторыхъ объ нихъ указаній можно наводить, что вмѣстѣ съ прозрѣніемъ въ будущее имъ давалось прозрѣвать тайны сердца человѣческаго и сокровенное въ Писаніи, и иногда изрекать учительное слово, по особенному возбужденію Духа Божія, слово наиболѣе благопотребное присущимъ христіанамъ. Существованіе ихъ въ Церкви не прекращалось и не прекращается; но проявленіе дара ихъ не всегда бываетъ гласно и для всѣхъ явно. Самый даръ не связуется ни съ какимъ положеніемъ въ Церкви и обществѣ и нерѣдко бываетъ достояніемъ лицъ, на которыя, по обычному порядку, и смотрѣть не хотятъ. Судя потому, что только чистые сердцемъ зрятъ Бога, а прозрѣніе пророческое возможно только въ Богѣ и чрезъ Бога, надо полагать, что даръ сей вселяется въ душахъ, преимущественно поревновавшихъ о чистотѣ тѣла и души и преуспѣвшихъ въ томъ.

На третьемъ мѣстѣ ставитъ св. Павелъ благовѣстниковъ. „Это тѣ, которые не обходили всѣхъ странъ, а только проповѣдывали, какъ Прискилла и Акилла“ (св. Злат.). То есть благовѣствовали, когда и гдѣ приходилось, не имѣя исключительнымъ дѣломъ своимъ благовѣствовать. Но это идетъ не ко всѣмъ, извѣстнымъ подъ именемъ благовѣстниковъ. Благовѣстникомъ на-

званъ Филиппъ, одинъ изъ 7 діаконовъ (Дѣян. 21, 8); а онъ, оставя Кесарію, ходилъ потомъ и съ дщерями по Малой Азіи и благовѣствовалъ, хотя подъ руководствомъ св. Іоанна Богослова. И при другихъ Апостолахъ были лица, которыя трудились въ проповѣди по ихъ указанію. Всѣхъ ихъ можно причислить къ благовѣстникамъ. Въ дѣлѣ проповѣди они вторые по Апостолахъ: только Апостолы были начальные, а тѣ отъ нихъ зависѣли и ими были посылаемы, гдѣ требовала нужда.—Св. Златоустъ говоритъ еще: „можетъ быть благовѣстниками онъ называетъ и написавшихъ Евангеліе.“—Св. Дамаскинъ пишетъ: „Иной въ Церкви совершаетъ благовѣстіе словомъ или писаніемъ, какъ напр. Филиппъ благовѣствовалъ словомъ, а написавшіе Евангелія—писаніями.“ И никакого нѣтъ основанія полагать, что св. Павелъ не разумѣлъ и ихъ, когда къ тому времени ходили уже по рукамъ у христіанъ три первыя Евангелія,—и когда въ числѣ спутниковъ Апостольскихъ, благовѣстниковъ, были св. Евангелисты Маркъ и Лука. Въ этихъ двухъ видахъ благовѣстія благовѣстничество постоянно пребывало въ Церкви. Однихъ пастыри, преемники Апостоловъ, посылали съ проповѣдію въ страны, невѣдающія Бога и Христа Его, а другіе по ихъ благословенію и руководству писали, излагая истины Божіи. Къ первымъ относятся всѣ равноапостолы, какъ напр. Кириллъ и Меѳодій для славянскихъ народовъ, ко вторымъ всѣ писатели церковные. Въ наше время, и у насъ, благовѣстники суть наши миссіонеры, которыхъ и лучше бы называть благовѣстниками. Божіе благословеніе да почиваетъ на главахъ ихъ, и да сопровождаетъ всѣ труды ихъ!

На четвертомъ мѣстѣ ставитъ св. Павелъ пастырей и учителей, „которымъ былъ ввѣренъ весь народъ“ (св. Злат.) и которые были поставляемы Апостолами по городамъ и селамъ“ (Ѳеод.). Это — епископы и священ-

ники, послѣдніе у Апостола, но первые въ трудахъ созиданія Церкви и тогда, и послѣ, и теперь. Епископы, какъ преемники Апостоловъ, а священники, какъ ихъ ближайшіе помощники. Епископу ввѣряются души; но какъ онъ не можетъ всюду быть самъ, то раздѣляетъ трудъ свой съ другими способными понести его. Священники суть очи, ноги и руки епископа. Епископъ съ священниками—одно пастырство, нераздѣлимое. Бывало такъ, что Апостолы, засѣменивъ вѣру въ какомъ либо мѣстѣ, оставляли его и шли далѣе, поручивъ вѣрующихъ избраннымъ ими и рукоположеннымъ пастырямъ, которые потомъ, благодатію Божіею, положенное Апостолами сѣмя возращали въ древо великое, назидая наличныхъ вѣрующихъ и пріобрѣтая новыхъ, въ тойже мѣстности, или и въ окрестностяхъ. Образецъ этому видимъ въ трудахъ св. Павла. Въ Дѣяніяхъ повѣствуется, что проповѣдавъ Евангеліе по ряду, въ Антіохіи (Писидійской), Иконіи, Листрѣ и Дервіи, Апостолъ опять прошелъ по всѣмъ тѣмъ мѣстамъ—*утверждающе души учениковъ, моляще пребыти въ вѣрѣ, рукоположше же имъ пресвитеры на вся церкви, и помолившеся съ постомъ предаше ихъ Господеви, въ Негоже увѣроваша* (Дѣян. 14, 22. 23). И въ другой разъ былъ здѣсь Апостолъ, но только для назиранія, такъ ли все идетъ. Церкви же росли благодатію Божіею изъ того, что положено въ нихъ было въ началѣ подъ руководствомъ Богодарованнаго пастырства.—Что было въ сихъ мѣстахъ, то повторялось и во всѣхъ другихъ, по всему міру. Апостолы потомъ прешли. Въ церквахъ всюду остались поставленные ими преемники ихъ, пастыри; и они уже остались главными руководителями и производителями дѣла Христова; только не начальными (не оригинальными), а дѣйствовавшими по началамъ, положеннымъ отъ Апостоловъ. Апостольская власть и сила остались

въ Церкви, только принадлежитъ не частнымъ лицамъ, но цѣлому корпусу епископовъ, который, дѣйствуя соборно и есть законоположитель и правитель Церкви. Такимъ образомъ пастырство стало главнымъ въ Церкви, послѣ начала, въ дальнѣйшемъ ея существованіи. И къ нему-то преимущественно относится то, что въ слѣдъ за симъ говоритъ Апостолъ объ обязанностяхъ и цѣляхъ руководящихъ въ Церкви лицъ.

Блаж. Іеронимъ долѣе другихъ останавливается вниманіемъ на пастыряхъ, и сначала сказываетъ, что пастыри и учители одно и то же; потомъ даетъ уроки пастырямъ, которые прилично намъ послушать изъ устъ человѣка такой строгой жизни. „Не должно думать, что какъ въ предыдущихъ словахъ: овы Апостолы, овы Пророки, овы благовѣстники, означилъ Апостолъ разныя лица: такъ разныя же лица означилъ онъ и словами: пастыри и учители. Ибо не сказалъ онъ: овы пастыри, овы учители; но: овы пастыри и учители, давая разумѣть, что это одни и тѣ же лица, и научая, что кто пастырь, тотъ долженъ быть и учителемъ, и что въ церквахъ не долженъ брать на себя пастырства тотъ, кто не можетъ учить пасомыхъ. Всякій предстоятель церкви долженъ быть пастыремъ и учителемъ,—пастыремъ овецъ, учителемъ—человѣковъ. Полагаю, что и нынѣ въ церквахъ, какъ есть Пророкъ и благовѣстникъ, пастырь и учитель, такъ можетъ быть и Апостолъ со всѣми признаками апостольства. И напротивъ, какъ внѣ, такъ и внутрь, какъ въ Церкви, такъ и въ еретическихъ сборищахъ, есть много лжеапостоловъ, и лжепророковъ, лжеблаговѣстниковъ, лжепастырей и лжеучителей. Что касается до еретиковъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что какъ у нихъ вѣра ложная, то и все ложно. Но и въ Церкви не видите ли вы лживыхъ пастырей, которые пасутъ овецъ не какъ пастыри, а какъ наем-

ники, не заботясь ни о спасенiи стада, ни объ обращенiи заблудшихъ или взысканiи погибшихъ, а только о томъ, чтобъ собирать съ овецъ молоко и волну т. е. пищу и одежду."

б) Обязанности руководящихъ въ церкви лицъ.

Ст. 12. *Къ совершенiю святыхъ, въ дѣло служенiя, въ созиданiе тѣла Христова.*

Вотъ Богомъ назначенныя занятiя и дѣла предстоятелей церковныхъ!

Первое и главное — совершенiе святыхъ. Святыми названы вѣрующiе (Экум.). Совершенiе ихъ—выражено словомъ καταρτισμὸς, что значитъ приведенiе вещи въ свойственный ей чинъ и строй, поставленiе ея въ такое состоянiе, чтобъ она была тѣмъ, чѣмъ ей слѣдуетъ быть по ея значенiю и цѣли. Прилагая сiе значенiе къ вѣрующимъ, подъ совершенiемъ ихъ должны будемъ видѣть приведенiе ихъ въ строй и порядокъ и держанiе въ немъ, чтобъ всякiй на своемъ мѣстѣ былъ и свое дѣло дѣлалъ, какъ должно. Это съ внѣшней стороны. Съ внутренней же—настроенiе ихъ умовъ и сердецъ, ихъ мыслей, чувствъ, расположенiй и всей жизни—такое, какого требуетъ христiанство, или какое свойственно имѣть тѣмъ, коихъ характерическая черта есть жизнь во Христѣ благодатiю Святаго Духа. Держанiе христiанъ въ строѣ внѣшнемъ есть *управленiе*, должное настроенiе ихъ во внутренней жизни есть назиданiе душевное или *попеченiе о спасенiи* ихъ. Кто ретивъ, направь, какъ лучше; кто ослабъ, разбуди ревность; кто уклонился въ сторону, возврати на должный путь; кто горемъ убивается, утѣшь и воодушеви; кто берется не за то, что ему пригоже, вразуми; поссорились, примири; обида произошла, разсуди право; бѣдность гне-

тетъ, устрой помощь; не понимаютъ чего, разъясни; страсти кого одолѣваютъ, укажи, какъ справиться съ ними. Такъ всегда,—когда словомъ, когда дѣломъ, когда строгостію, когда ласкою, когда одинъ, когда сообща,— имѣя въ виду одно, да будутъ всѣ *совершенни и ни въ чемже лишени* (Іак. 1, 4).

Все сюда относящееся есть: при общемъ мирѣ приведеніе всѣхъ къ совершеннѣйшему познанію вѣры и соотвѣтственной вѣрѣ жизни святой, чтобы всякій изъ управляемыхъ и назидаемыхъ ими *совершенъ былъ, яко человѣкъ Божій, на всякое дѣло благое уготованъ* (ἐξηρτισμένος — 2 Тим. 3, 17). Для достиженія сего: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли, со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 2).

Второй долгъ представителей Церкви есть — *дѣло служенія*. Св. Павелъ Апостольскіе труды свои называетъ служеніемъ (Рим. 11, 13; 2 Кор. 4, 1; 6, 3). Но онъ, приходя въ какое либо мѣсто, обращалъ къ вѣрѣ, освящалъ таинствами, учреждалъ порядки собраній общихъ или церковныхъ, разъяснялъ все, относящееся къ жизни христіанъ, рукополагалъ предстоятелей для веденія всѣхъ порядковъ и для веденія христіанъ къ дальнѣйшему преспѣянію, — и отходилъ въ другое мѣсто.—Продолженіе Апостольскаго служенія для всякой мѣстной церкви оставалось все на предстоятеляхъ. Часть сего служенія исполняли они, ведя святыхъ къ совершенію, какъ уже сказано. Остаются—освященіе таинствами, веденіе церковныхъ собраній такъ, чтобы здѣсь все было благообразно и по чину, возгрѣваніе у всѣхъ духа молитвеннаго, держаніе въ умно-сердечномъ общеніи съ Богомъ. И это есть то, что Апостолъ назвалъ въ настоящемъ мѣстѣ дѣломъ служенія.—Оно обнимаетъ все, что совершается въ Церкви, всѣ чины церковные—мо-

литвенные, освятительные, совершительные (таинства). Это—сердце пастырскихъ трудовъ. Слово, которымъ преимущественно дѣйствуютъ въ исполненіи прежде указаннаго долга, дѣйствуетъ правда, но если не закрѣпить его въ сердцѣ силою Божіею, дѣйствіе его испарится, и душа опять пуста. Сѣемое словомъ сраствориется съ душою благодатію таинствъ, и далѣе развивается молитвенными чинами Церкви. Искра, брошенная словомъ, внѣдряется благодатію таинства (занимается, какъ говорятъ обычно объ огнѣ), а раздувается въ пламень молитвою. Благодать созидаетъ. Слѣдовательно дѣло служенія въ показанномъ смыслѣ должно занимать наибольшую часть заботъ и попеченій пастырскихъ, какъ оно и есть въ православной Церкви. Веди, пастырь, эту часть боголѣпно,—и увидишь дивные плоды своего пастырства,—невидимое, таинственное пасеніе паствы.

Послѣдній долгъ пастырей назвалъ *созиданіемъ тѣла Христова.* Тѣло Христово есть Церковь—вселенская, единая. Ее созидали и создали Апостолы. Какъ?—Обращали лица и общества, и прилагали ихъ къ общей цѣлости вѣрующихъ: Церковь и росла, какъ ростетъ зданіе, когда въ немъ слой за слоемъ налагаютъ новыми камнями. У Апостола стоитъ здѣсь слово οἰκοδομή—не внутреннее устроеніе дома—экономія, а зданіе его, строеніе. Въ отношеніи къ Церкви—это приложеніе новыхъ вѣрующихъ, распространеніе вѣры, расширеніе предѣловъ Церкви. Какъ дѣлали это Апостолы—очевидно, но какъ могутъ и должны исполнять сіе предстоятели каждой частной церкви?—Благоустроеніе своей малой церкви они совершаютъ, ведя къ совершенію святыхъ и исправляя дѣло служенія; но это есть не всего тѣла Церкви созиданіе, а—малѣйшаго члена ея. Апостолъ же возлагаетъ на нихъ долгъ созидать и все

тѣло Церкви, вмѣстѣ съ созиданіемъ своей малой части ея. Это не могли и не могутъ они иначе исполнить, какъ пріобрѣтая новыхъ вѣрующихъ. А это какъ?— Освящая нараждающихся въ средѣ христіанъ дѣтей, обращая къ вѣрѣ живущихъ въ той же мѣстности иновѣрцевъ,—въ томъ же сожительствѣ или окрестъ, предпринимая, когда можно, и дальнѣйшіе обходы съ проповѣдническою цѣлію, или приготовляя изъ среды своихъ христіанъ способныхъ на сіе дѣло и разсылая ихъ, куда нужно. Изъ исторіи видно, что предстоятели церковные старались точно исполнять не первые только два долга, но и этотъ послѣдній. Исполнялся онъ и въ нашей русской церкви. Рѣшительнѣе же приступлено къ исполненію его въ последнее время чрезъ учрежденіе Общества съ сею цѣлію—главнаго, и епархіальныхъ отдѣленій его.

Св. Отцы и толковники наши церковные при изложеніи содержанія сего стиха говорятъ вообще о служеніи во спасеніе душъ. Св. Златоустъ видитъ три дѣла въ каждомъ отъ получившихъ особое служеніе и особые дары въ Церкви: „видишь ли,—каждый созидаетъ, каждый устрояетъ, каждый служитъ.“—Св. Дамаскинъ пишетъ: „дары сіи къ тому, чтобы освященные въ вѣрѣ направлялись къ совершенству, при служеніи обществу получившихъ дары сіи.“ У Экуменія такъ говорится, что особыя въ Церкви учреждены лица съ особыми дарами „къ совершенію, т. е. къ окончательному преспѣянію святыхъ, или что то же вѣрныхъ,—на то, чтобы служить въ Церкви и созидать ее.“

в) Цѣли руководящихъ въ Церкви лицъ.

Ст. 13. *Дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова.*

Какъ приставленный къ какому дѣлу, или взявшій на себя его самъ, для того, чтобы поддерживать въ себѣ ревность къ дѣланію, и довести дѣло до конца, а не остановиться на полдорогѣ, долженъ имѣть въ виду цѣль, до которой долженъ довесть дѣло, какъ бы мѣрку и норму своего дѣла, такъ и для пастырей св. Павелъ указываетъ цѣль, предѣлъ, мѣру, до чего должны они стараться доводить свое дѣло пастырства. И какъ прежде возложилъ онъ на нихъ три долга, такъ теперь указываетъ три предѣла, три мѣры и цѣли исполненія ихъ.

Онъ говоритъ какъ-бы: лежитъ на васъ долгъ—созидать тѣло Церкви, чрезъ присоединеніе къ ней новыхъ вѣрующихъ: все больше и больше прилагайте ихъ, пока не останется ни одного не вѣрующаго; но всѣ мы,—люди,—достигнемъ въ соединеніе вѣры и познаніе Сына Божія. Соединеніе ἑνότης—единость,—пока достигнемъ того, чтобы у всѣхъ была одна вѣра и одинаковое познаніе Сына Божія: одна вѣра,—чтобъ не оставалось болѣе не христіанъ; одно познаніе Сына Божія, чтобъ и между христіанами не было разномыслія, а всѣ одинаково понимали, что есть Сынъ Божій и что дѣло спасенія, совершенное Имъ на землѣ, и то, какъ его усвоять каждый можетъ и долженъ себѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „пока окажемся всѣ имѣющими одну вѣру; ибо единость вѣры то и означаетъ, когда мы всѣ будемъ едино, когда всѣ одинаково будемъ понимать этотъ союзъ. И до тѣхъ поръ должно трудиться тебѣ, если ты получилъ даръ созидать (οἰκοδομῆς) другихъ. Когда мы вѣруемъ одинаково—это и есть единеніе вѣры.“

Еще: лежитъ на васъ долгъ совершенія святыхъ; и продолжайте неусыпно трудиться надъ этимъ, пока всѣхъ и каждаго не сдѣлаете мужемъ совершеннымъ. Всякій вѣрующій, въ началѣ, какъ дитя, несовершенъ въ знаніи, не твердъ въ правилахъ жизни. Поставьте его на

ноги въ томъ и другомъ отношеніи, сдѣлайте, чтобы всѣ дѣятельныя силы его были въ полномъ развитіи, такъ чтобы всякій, какое ни встрѣтится дѣло, умѣлъ и силенъ былъ сдѣлать его, какъ должно, въ совершенствѣ. Подъ словомъ: *мужъ совершенный* должно разумѣть совершенство, или послѣдній предѣлъ дѣятельной жизни. Опредѣляютъ его:—въ умѣ—созрѣніе здравыхъ о всемъ понятій,—въ области вѣры и внѣ ея — по руководству ея; въ волѣ—утвержденіе добрыхъ правилъ и укорененіе въ сердцѣ истинныхъ христіанскихъ расположеній—смиренія, любви, кротости, воздержанія, миролюбія, самоотверженія и всякой другой добродѣтели; въ сердцѣ—воспитаніе преимущественно вкуса и сочувствія ко всему духовному, истинно христіанскому, доведеніе его до того, чтобы оно не находило ни въ чемъ другомъ удовольствія, какъ въ кругѣ вещей по дѣлу спасенія и жизни въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Дальше этого дѣятельное совершенство идти не можетъ; но оно само не послѣдній предѣлъ.

Наконецъ: на васъ лежитъ дѣло служенія, чтобъ молитвенными, освятительными и таинственными священнодѣйствіями возвесть всѣхъ въ духовное Богообщеніе, чтобы Богъ былъ во всѣхъ и всѣ въ Богѣ; и продолжайте боголѣпно совершать сіе дѣло служенія, пока, отрѣшась отъ всего, и совершенно очистившись дѣятельною предварительно жизнію, всѣ взойдутъ въ состояніе совершеннаго упокоенія въ Богѣ и, изъ себя представивъ достойное Богу жилище, возъимѣютъ Его вселившимся въ себѣ. Это и есть мѣра возраста исполненія Христова. О Христѣ Іисусѣ говоритъ Апостолъ, что въ Немъ живетъ исполненіе Божества тѣлеснѣ. И о христіанахъ Самъ Господь говоритъ: *кто возлюбитъ Меня, и заповѣди Моя соблюдетъ: того возлюбитъ Отецъ Мой, и къ нему пріидемъ и обитель у него сотворимъ* (Іоан.

14, 23). Вотъ мѣра возраста, соотвѣтствующая исполненію Христову. Дѣятельная въ любви по заповѣдямъ жизнь подготовляетъ къ сему. Само же Богообщеніе совершается въ таинствахъ, при молитвенномъ успокоеніи въ Богѣ. Духъ молитвенный воспитывается церковными чинами; въ тѣхъ же чинахъ — и совершеніе таинствъ. Очевидно, какъ совершеніе дѣла служенія возводитъ въ мѣру возраста исполненія Христова. И се—предѣлъ совершенства, до коего возводитъ христіанство. Выше его и вообразить нельзя. Ибо если Богъ въ комъ, чего тому еще желать? И сіе-то надлежитъ всякому христіанину имѣть въ цѣли, къ достиженію коей и употреблять всѣ усилія, не щадя себя. Если не ложно обѣтованіе Господне, если оно несмѣтное число разъ уже оправдалось на христіанахъ: разумно ли не устремляться по указанію его?!

3) Возращеніе всего во Христа.

14—16.

Сказалъ Апостолъ предъ симъ: вотъ вамъ руководители, вотъ ихъ дѣла и цѣли! Они должны возвесть васъ въ мѣру возраста исполненія Христова. Но они—указатели только, и безъ вашего труда собственнаго ничего для васъ сдѣлать не могутъ. Чтобъ они могли возвесть васъ въ такой возрастъ, и сами возревнуйте возращать все во Христа — 15. Это главный урокъ сихъ трехъ стиховъ—14—16. Чтобы возгрѣть посильнѣе ревность о томъ, Апостолъ очерчиваетъ напередъ,—въ ст. 14,— кратко, но полно, горькое состояніе душъ внѣ истинной вѣры—ст. 14. А послѣ, въ ст. 16, указываетъ на рѣшительную нравственную необходимость именно такого рода дѣйствованія. Вступили въ общество, гдѣ

все отъ Христа. Остается одно—или быть въ обществѣ семъ и возращать все во Христа, или, не дѣйствуя такъ, перестать быть въ семъ обществѣ—16. Св. Апостолъ говоритъ отъ лица всѣхъ людей, или всего рода человѣческаго; почему и себя ставитъ въ рядъ лицъ учимыхъ и наставляемыхъ, какъ обычно это дѣлается и въ проповѣдяхъ, когда говорятъ: *мы*.

Ст. 14. *Да не бываемъ ктому младенцы, влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія, во лжи человѣчестѣй, въ коварствѣ козней льщенія.*

Поставилъ Богъ въ Церкви распорядительныя и руководительныя лица. Для нѣкоторыхъ изъ нихъ первое дѣло—но и для всѣхъ—не послѣднее—обращать къ вѣрѣ невѣрующихъ и чрезъ то все выше и выше возводить, все шире и шире—разстраивать зданіе дома Божія—Церкви. Этотъ трудъ и не долженъ у нихъ прекращаться, пока всѣ мы, люди, станемъ одинаково вѣрить въ Господа Іисуса и знать Его, пока весь родъ человѣческій будетъ одной вѣры. Это великое Божіе къ намъ благодѣяніе, чрезъ посредство ихъ оказываемое, за тѣмъ устрояется, чтобъ намъ не быть болѣе младенцами, не быть во лжи, не быть въ коварствѣ козней. Довольно блуждать, суетиться по пусту, быть игрою коварства вражескаго. Сжалился надъ нами Богъ, обратилъ милостивое на насъ око, и избавляетъ отъ этой нестройной жизни. Исповѣдуй всякій милость; прими благодѣяніе; и, видя отъ какого зла избавленъ, крѣпче прилѣпляйся къ Тому, Кто избавилъ.

Признаемъ въ сихъ словахъ изображеніе состоянія внѣ вѣры Христовой, внѣ общенія съ Господомъ, слѣдуя бл. Іерониму, который, сопоставляя ихъ съ словами предыдущаго стиха: *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры*, наводитъ, что внѣ сей вѣры—одно дѣтское непостоянство и волненіе вѣтренное. „Спрашивает-

ся, кого разумѣетъ Апостолъ подъ *всѣ*, когда говоритъ: *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры*: всѣхъ ли людей, или только всѣхъ святыхъ (т.-е. вѣрующихъ)? Мнѣ кажется, что онъ говоритъ о всѣхъ людяхъ, потому что среди ихъ много вѣтровъ ученій, дуновеніемъ которыхъ воздымаемыя волны туда и сюда бросаютъ людей, увлекая ихъ въ разныя заблужденія, и въ незнать какія направленія жизни. Почему всякою заботою надо озаботиться достигнуть единенія вѣры и чрезъ нее познанія Сына Божія. Когда получимъ мы вѣрное этимъ обладаніе, тогда перестанемъ быть младенцами."

Говоритъ Апостолъ: *да не бываемъ ктому*. Слѣдовательно прежде были таковы. „Этимъ выраженіемъ указываетъ на то, что нѣкогда они были таковы" (св. Златоустъ). А гдѣ были Ефесяне прежде вѣры?—Въ язычествѣ. Язычество таково и было. Нынѣ тоже приложимо ко всѣмъ невѣрамъ. Внѣ вѣры истинной нѣтъ опредѣленныхъ понятій ни о чемъ, все шатко, все колеблется сомнѣніями. Когда кто увѣруетъ, понятія устанавливаются. Печать на нихъ налагаетъ божественный авторитетъ откровенія. А до сего невѣръ колеблется, какъ легкій челнъ волнами моря, и носится туда и сюда, какъ легкій пухъ вѣтромъ. *Скитающеся*— περιφερόμενοι— носимы будучи туда и сюда. Всякій вѣтръ ученія внѣ Церкви. Нѣтъ тамъ единства: одинъ одно, другой другое, и невѣръ не знаетъ къ чему пристать. Всюду ему представляются призраки истины: онъ и пристаетъ то къ тому, то къ другому ученію. Какъ ни въ одномъ нѣтъ истины, то ни одно его не успокоиваетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ употребилъ это сравненіе (колебаніе всякимъ вѣтромъ), желая показать, въ какой опасности находится всякая душа, преданная сомнѣнію." Подъ вѣтромъ ученій не могутъ быть разумѣемы разномыслія въ Церкви, ибо ихъ еще не было, а мнѣнія язы-

ческія, кои въ Ефесѣ ходили отъ лица всякаго рода школъ. Но въ наше время это можно прилагать ко всѣмъ, кои находятся внѣ истинной вѣры и Церкви, не исключая и христіанъ инославныхъ.

Во лжи человѣчестѣй—Ἐν τῇ κυβεία τῶν ἀνθρώπων. „Κυβεία—происходитъ отъ глагола, который означаетъ—играть въ шашки“ (Θеод.). Κυβευταὶ—такъ называются занимающіеся шахматною игрою. „Это люди хитрые. И они—то и дѣло—все передвигаютъ и переставляютъ“ (св. Злат.). Потому быть во лжи ἐν τῇ κυβεία будетъ значить или—быть игрушкою хитростей человѣческихъ, или самому заниматься такой игрою, т.-е. увлекаться пустою суетностію, предаваться случайностямъ, дѣйствовать на *авось*, не имѣя постоянныхъ правилъ жизни, а плетясь по заведеннымъ обычаямъ людскимъ. Судя потому, что младенчески колебаться вѣтромъ ученій есть у Апостола и принимать сіи ученія, надо признать, что и быть *во лжи человѣчестѣй* ἐν τῇ κυβεία τ. ἀνθ.—у него тоже есть—быть самому дѣйствователемъ по общему всѣмъ людямъ характеру дѣйствованія, который справедливо можно назвать игрою. Всѣ гоняются за счастіемъ, наудачу, суетятся въ хлопотахъ, преслѣдуютъ призрачныя цѣли, живутъ въ непостоянствѣ, безъ опредѣленныхъ и вѣрныхъ надеждъ. Такова жизнь — безъ Христа; даже между христіанами, у коихъ нѣтъ христіанства въ сердцѣ, она такова. Отъ такой-то жизни, говоритъ Апостолъ, избавляетъ насъ вѣра, которую проповѣдывать, въ которую обращать, и въ которой содержать учредилъ Господь особыя благодатныя лица, чтобъ не быть намъ болѣе такими. Св. Златоустъ и говоритъ при семъ выраженіи: „Апостолъ коснулся здѣсь мірскихъ обычаевъ.“ Если: *да не бываемъ ктому младенцы*—соотвѣтствуетъ предыдущему: *дондеже достигнемъ вси въ соединеніе вѣры и познанія Сына Божія*, то *да*

не бываемъ во лжи человѣчестѣй—ἐν κυβείᾳ... надо признать соотвѣтствующимъ словамъ: *въ мужа совершенна*. Дѣятельность мужа совершенна, по твердымъ правиламъ, по вѣрнымъ планамъ съ обдуманными цѣлями точно противоположна суетности и пустотѣ жизни мірской.

Въ коварствѣ козней льщенія, Ἐν πανουργία πρὸς τὴν μεθοδείαν τῆς πλάνης. Πανουργία—вселукавство, всестороннее, непрестающее, ни предъ какими средствами не останавливающееся коварство. Цѣли его — πρὸς μεθοδείαν (Μεθοδεία—обходы, козни, сѣти; Πλανη—обманъ, обольщеніе), чтобъ увлечь кого въ порокъ или заблужденіе, или ошибку житейскую. Πανουργία — вселукавство употребляетъ всѣ козни, хитрости, уловки къ тому, чтобы обманывать, сбивать съ толку, обольщать и увлекать на худое. Апостолъ говоритъ, чтобъ не быть намъ болѣе въ такомъ состояніи или подъ такими кознями, Господь вѣру дивную учредилъ, въ которую и зоветъ чрезъ избранныхъ Своихъ. Но тутъ возможны двѣ мысли. Тутъ указываетъ Апостолъ или на ту часть невѣрующихъ, живущихъ по духу міра, которые дошли до крайней степени нравственнаго развращенія, и не только во злѣ пребываютъ, но и стали заправителями зла въ своемъ кругу, коноводами другихъ на этомъ пути. Послѣдняя степень огрѣшненія, когда человѣкъ осатаняется и начинаетъ работать за сатану въ кругу людей. Чтобъ самимъ намъ не дѣйствовать въ такомъ духѣ, или не быть опутываемымъ сѣтями другихъ такъ дѣйствующихъ, Богъ далъ намъ св. вѣру христіанскую и призвалъ въ нее. Или можетъ быть тутъ разумѣется самъ сатана — источникъ всякаго лукавства, всякихъ козней, и всякихъ обольщеній. Апостолъ собралъ здѣсь такіе термины, которые наводятъ на мысль о сатанѣ, власти и вліянію котораго подлежатъ всѣ, внѣ Христа Господа сущіе. Въ такомъ случаѣ мысль Апостола будетъ: за тѣмъ учре-

дилъ Господь св. вѣру христіанскую, зоветъ въ нее и держитъ въ ней чрезъ извѣстныя лица, чтобъ избавить насъ отъ власти темныя исконнаго панурга — діавола, который вселукавствомъ своимъ опутываетъ всѣхъ и всѣхъ держитъ въ своей прелести, подъ призраками. Такъ понималъ бл. Θеодоритъ: „*козньми льщенія* называлъ хитрыя средства. Ибо діаволъ не открыто повелѣваетъ прелюбодѣйствовать, но или уловляетъ посредствомъ очей, или плѣняетъ слухомъ, не явно побуждаетъ отречься Бога, но заставляетъ прибѣгать къ птицегаданіямъ, къ предзнаменованіямъ, къ употребленію предохранительныхъ привѣсокъ." Соглашаясь съ этимъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, что первыя двѣ мысли сего стиха соотвѣтствуютъ первымъ двумъ мыслямъ предыдущаго стиха, естественно приводимся къ наведенію, что и это: да не бываемъ *въ коварствѣ козней льщенія*, соотвѣтствуетъ: *въ мѣру возраста исполненія Христова*. Какъ внѣ Христа, состоя подъ дѣйствіемъ сатаны, преданные грѣху осатаняются: такъ въ вѣрѣ Христовой, вѣрные водительству Христову, содѣлываются Христоподобными, исполняются Христомъ и имѣютъ Его въ себѣ живущимъ.

Вотъ отъ какихъ золъ избавились мы, говоритъ какъ бы Апостолъ; и хотя говоритъ о семъ въ видѣ слѣдствія изъ достиженія богоучрежденными въ Церкви руководителями цѣлей, для которыхъ они назначены,—такъ однакожъ, что внушаетъ: избавлены! Смотрите же, не возвращайтесь на старое; но исповѣдуя благодѣяніе и плоды его въ себѣ ощущая, всеусерднѣе прилѣпляйтесь къ Тому, Кѣмъ избавлены. Что же именно дѣлать?

Ст. 15. *Истинствующе же въ любви да возрастимъ въ Него всяческая, иже есть глава Христосъ*.

Истинствующе въ любви можно принимать, какъ выраженіе одной мысли: имѣя истинную, нелицемѣрную, искреннюю любовь. Такъ Θеодоритъ: „Сіе сказалъ Апо-

столъ и въ посланіи къ Римлянамъ: *любы нелицемѣрна* (Рим. 12, 9), сказалъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ: *въ любви нелицемѣрнѣ* (2 Кор. 6, 6). Такъ здѣсь повелѣваетъ имѣть истинную любовь и ею возращать богатство добродѣтели о самомъ Владыкѣ. Ибо сказано: всяку розгу о Мнѣ не творящую плода берутъ и бросаютъ въ огонь (Іоан. 15, 2).“—Но можно и раздѣлять, и подъ *истинствующе* разумѣть—содержа истину, а *въ любви*—„пребывая или живя въ любви.“—Такое раздѣленіе проглядываетъ у Экуменія и Ѳеофилакта, которые, противополагая жизнь нехристіанскую христіанской, говорятъ, что тамъ нѣтъ ничего истиннаго, все призракъ и ложь, а у насъ одна истина и любовь. „Мы истинствуемъ въ догматахъ и въ жизни и въ словѣ“ (Экум.). „Не держимся уже ложныхъ догматовъ, не живемъ болѣе въ лицемѣріи (ибо здѣсь, кажется, онъ даетъ имъ уроки жизни“) (Ѳеоф.). Принимая такое различеніе, получимъ *истинствующе*,—стоя въ истинѣ, какъ пріявшіе вѣру и познаніе Господа Іисуса Христа, и не влающіеся уже всякимъ вѣтромъ ученія; *въ любви*,—при истинѣ пребывая и въ дѣлахъ любви, коими приводятъ въ возрастъ мужа и свидѣтельствуютъ о зрѣлости нрава, установившагося въ правилахъ, въ противоположность нехристіанамъ, живущимъ въ суетѣ, пустой хлопотливости и хитростяхъ другъ предъ другомъ.

Истинствовать и въ любви пребывать кажется бы и довольно; но Апостолъ прибавляетъ: истинствуя въ любви, все да возрастимъ во Христа,—т. е. да будемъ все въ себѣ, свое лице, всѣ свои силы и отправленія, настроивать по духу Христову и въ Его мѣру возращать, какъ напротивъ нехристіане дѣйствуютъ по духу сатаны и себя возращаютъ въ мѣру его, всезлобнаго панурга.—Возращеніе всего во Христа Экуменій выражаетъ такъ: „все наше—и жизнь, и слово, и догматы

да созидаемъ во Христѣ (надстроиваемъ на Христѣ);“ Ѳеофилактъ такъ: „да возрастимъ во Христа все наше, и жизнь и догматы. Ибо съ Нимъ, какъ главою должны мы сгармонировывать все свое, чтобъ не преносить ничего несогласнаго и негармонирующаго съ главою, но все имѣть возращеннымъ по Нему.“ Св. Дамаскинъ такъ: „да достигнемъ такой высоты всѣ, чтобы быть сгармонированными (гармонически сочетанными) со Христомъ, главою нашею.“

Содержаніе истины и преуспѣяніе въ дѣлахъ любви есть только приготовленіе жилища Христу Господу. Надобно искать, чтобъ Онъ вселился и жилъ въ семъ домѣ. Это и будетъ, когда въ насъ все будетъ согласно со Христомъ, ничего не будетъ чуждаго Ему. Для сего въ самомъ началѣ облекаемся во Христа, и затѣмъ дѣйствуемъ во Христѣ, отъ Него принимая возбужденія и все во славу Его обращая и по примѣру Его совершая. Дѣйствованіе въ этомъ духѣ постепенно приводитъ въ согласіе со Христомъ, и все болѣе и болѣе углубляетъ Его въ насъ. Когда трудомъ подвижничества и добродѣланія все чуждое Христу изгонится вонъ,—и напротивъ все настроится по Нему, такъ какъ и вседѣйствующимъ тутъ бываетъ Онъ же; тогда вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ все окажется возращеннымъ во Христа, окажется и Онъ всеисполняющимъ насъ и живущимъ въ насъ.—Но чтобы такъ было, чтобы конецъ увѣнчался такимъ успѣхомъ, надо съ самаго начала все направлять ко Христу, чтобъ не трудиться понапрасну. Ибо говоритъ Господь: *кто не со Мною собираетъ, расточаетъ* (Лук. 11, 23). Много можно встрѣтить людей, которые складно говорятъ и въ жизни незазорны; но пусты отъ Христа, по той причинѣ, что не въ Него все возращаютъ и живутъ, не имѣя Его и въ мысли. Вотъ этой опасности и избавить хочетъ Апостолъ, говоря какъ-бы: у васъ все должно

быть по мысли Христовой силою Его, во славу Его. Въ такомъ только случаѣ и достигнете вы въ мѣру возраста исполненія Христова.

Ст. 16. *Изъ Негоже все тѣло составляемо и счинѣваемо приличнѣ, всяцѣмъ осязаніемъ подаянія, по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части, возращеніе тѣла творитъ, въ созданіе самаго себе любовію.*

Хочетъ сказать: иначе нельзя; необходимо возращать во Христа, ибо такова вѣра наша. Вѣра христіанская сочетаваетъ вѣрныхъ со Христомъ и такимъ образомъ изъ всѣхъ составляетъ единое тѣло стройное. Христосъ творитъ сіе тѣло, каждому сообщая Себя и Духа благодати ему подавая дѣйственно, осязательно, такъ что сей Духъ благодати, сходя на каждаго, дѣлаетъ его тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть въ тѣлѣ Церкви Христовой. Тѣло Христово, стройно сочетаваясь такимъ подаяніемъ Духа, растетъ затѣмъ въ себѣ, по той мѣрѣ, въ какой каждый членъ отвѣчаетъ своему назначенію или дѣйствуетъ во благо Церкви всею полнотою полученнаго дара благодати: *по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части*. Растетъ и созидаетъ себя такимъ образомъ тѣло Христово, при взаимодѣйствіи всѣхъ членовъ или частей цѣлесообразномъ. Сила всюду плѣняющая всѣхъ на такого рода труды есть любовь—любовь къ Господу, съ Коимъ сочетанъ всякій и отъ Коего получаетъ даръ благодати, и любовь ко всѣмъ другимъ христіанамъ, чтобъ чрезъ нихъ воздать Господу полученное отъ Него. Въ семъ-круговращеніе жизни тѣла Христова, въ коемъ отъ Него все исходитъ и къ Нему все возвращается. Это послѣднее и хотѣлъ сказать Апостолъ, т.-е. необходимо все возращать во Христа; ибо вѣра Христова такова, что въ ней всѣ вѣрующіе составляютъ единое тѣло подъ главою Христомъ, и все отъ Него получая, все къ Нему возвращать должны чрезъ

любовное взаимодѣйствіе другъ на друга, по мѣрѣ полученныхъ отъ Христа Господа силъ.

Прямо бы сказать: изъ Коего тѣло возращеніе свое творитъ; но Апостолъ сказалъ: *тѣло... возращеніе тѣла творитъ*, потому что вставлено было много посредствующихъ мыслей, и можно потерять, кто это возращеніе творитъ. Первыя прибавочныя слова: *составляемо и счинѣваемо приличнѣ*, указываютъ характеристическую черту организма, въ коемъ обычно нѣсколько органовъ, всякій на своемъ мѣстѣ, съ особымъ назначеніемъ, гармонически сочетаваются во едино и дѣлаютъ то, что тѣло живетъ. Такъ Господь стройно сочетаваетъ Свое тѣло—Церковь. Особенность здѣсь сравнительно съ вещественными организмами та, что въ этихъ все созидаетъ и возращаетъ жизненная сила,—и самую голову; а въ Церкви Господь—глава, другой главы не производитъ, а все тѣло устрояетъ Самъ для Себя, членъ за членомъ съ Собою, сочетавая и растя изъ Себя тѣло для Себя.

Слова: *всяцѣмъ осязаніемъ подаянія*—показываютъ, какъ Господь творитъ Себѣ тѣло. *Подаяніе* есть дарованіе благодати Святаго Духа—благодати возрожденія въ крещеніи, гдѣ христіанинъ получаетъ христіанское бытіе, и благодати, яко дара на потребу Церкви, въ слѣдствіе коего каждый въ Церкви есть, кто яко рука, кто яко нога и проч. *Осязаніе подаянія* сего означаетъ, что благодать дѣйствительно пріемлется ощутительно и осязательно проникаетъ облагодатствуемаго; вмѣстѣ же съ тѣмъ она членъ къ члену прилагаетъ, кои прикасаясь другъ къ другу, чувствуютъ и осязаютъ себя взаимно. Такъ строится тѣло Церкви. Очевидно, что слова сіи дополняютъ предыдущее: *составляемо и счинѣваемо приличнѣ*. Слова же: *по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части* относятся къ—*возращеніе тѣла творитъ*,—и показываютъ, какъ тѣло Христово, состав-

ленное всякимъ осязанiемъ подаянiя, продолжаетъ возрастать и созидаться. Это совершаетъ она—*по дѣйству въ мѣрѣ единыя коеяждо части*, когда каждый членъ дѣйствуетъ такъ, какъ дѣйствовать способнымъ содѣлала его благодать, по мѣрѣ дара, по своей мѣрѣ.—Каждый, воспрiятъ бывъ въ Церковь, получилъ даръ, и сталъ тѣмъ, чѣмъ есть теперь въ Церкви. Но Церкви отъ него ращенiе прибудетъ, когда онъ даромъ своимъ дѣйствуетъ во благо ей, не заключаетъ и не запираетъ его въ себѣ, а всѣмъ посвящаетъ. Такъ растетъ вещественное тѣло, въ коемъ ни одинъ членъ не живетъ для себя: такъ растетъ и духовное тѣло Церкви.—Но тогда какъ въ вещественномъ тѣлѣ все дѣлается механически, по закону необходимости, въ духовномъ тѣлѣ Церкви все должно дѣлаться по свободному произволенiю. Оно окачествовано у Апостола словомъ: *въ любви*. Любовь, тѣмъ же Духомъ благодати изливаемая въ сердце вѣрующихъ, дѣлаетъ то, что ни одинъ членъ тѣла Церкви не можетъ за собою однимъ удерживать даръ, но дѣйственность его предаетъ всѣмъ братiямъ о Христѣ,—всей Церкви. Отъ этого она растетъ и созидается.

Этотъ текстъ трудноватъ къ понятiю. Къ большему уясненiю его содержанiя приводятся святоотеческiя на него толкованiя.

Св. Златоустъ, приступая къ толкованiю сего текста, говоритъ, что св. Павелъ въ немъ „довольно не ясно изложилъ свои мысли — оттого, что хотѣлъ высказать все вдругъ.“ Потомъ прилагаетъ: „вотъ что означаютъ слова его: какъ духъ, спущаясь изъ головнаго мозга, не просто сообщаетъ, посредствомъ нервовъ, чувствительность всѣмъ членамъ, но — сообразно съ каждымъ изъ нихъ, и тому, который способенъ принять больше, больше и сообщаетъ, а который—меньше, тому—меньше (ибо духъ есть корень жизни): такъ и Христосъ.

Такъ какъ наши души также зависимы отъ Него, какъ члены отъ духа, то Его промышленіе и раздаяніе даровъ, сообразно съ мѣрою того или другаго члена, производятъ возращеніе каждаго.—Но что такое: *осязаніемъ подаянія*? То есть, посредствомъ ощущенія (αἰσθήσεως). Ибо этотъ духъ, распредѣляющійся по всѣмъ членамъ отъ головы, прикасаясь къ каждому изъ нихъ, такимъ образомъ производитъ на нихъ свое дѣйствіе. Можно и такъ сказать: тѣло, воспринимая это воздѣйствіе духа, соразмѣрно своимъ членамъ, возрастаетъ такимъ образомъ. Или иначе: члены, получая каждый свою долю духа, такъ возрастаютъ. Или и еще: духъ, изливаясь обильно отъ головы и прикасаясь ко всѣмъ членамъ и распредѣляясь по нимъ, сколько каждый изъ нихъ можетъ принять въ себя, такъ возращаетъ.—Но для чего прибавилъ онъ слово: *въ любви*? Потому, что этотъ духъ иначе не можетъ сообщиться. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы случилось рукѣ отдѣлиться отъ тѣла, духъ, истекающій изъ головнаго мозга, ища продолженія и не находя его тамъ, не срывается съ тѣла и не переходитъ на отнятую руку, но если не найдетъ ее тамъ, то и не сообщается ей. Тоже бываетъ и здѣсь, если мы не связаны между собою любовію... Любовь возсозидаетъ, соединяетъ, сближаетъ и сопрягаетъ насъ между собою. Итакъ, если хотимъ получить Духа отъ главы, будемъ въ союзѣ другъ съ другомъ. Есть два рода отдѣленія отъ Церкви: одинъ, когда мы охладѣваемъ въ любви, а другой, когда осмѣливаемся совершить что нибудь недостойное въ отношеніи къ сему тѣлу (Церкви).“

Блаж. Ѳеофилактъ, повторяя мысли св. Златоуста, прибавлялъ нѣчто и новое. Такъ къ слову о любви: „для того-то и сказалъ Апостолъ о тѣлѣ: *составляемо и счиняваемо*, чтобъ показать, что члены не просто положены

одинъ подлѣ другаго, но соединены между собою и каждый занимаетъ свое мѣсто. Итакъ наше дѣло сгармонировывать себя самихъ и сочетавать посредствомъ любви; а ниспосылать Духа есть благодать Христа, главы нашей. Слова же: *всякимъ осязаніемъ подаянія* показываютъ, что Духъ, отъ главы подаваемый, осязательно касается всѣхъ. Тѣло растетъ и созидается чрезъ то, что подаяніе Духа касается членовъ и что Онъ дѣйствуетъ въ нихъ, или что имъ доставляетъ силу дѣйствовать." У Ѳеодорита на это сказаны такія слова: „Владыка Христосъ, яко глава, раздѣляетъ духовныя дарованія и чрезъ то сочетаваетъ члены тѣла въ единое стройное тѣло." Продолженіемъ сей рѣчи можно счесть слова св. Дамаскина: „Христосъ, главенствуя надъ нами, преподаетъ намъ Себя, и чрезъ то сочетаваетъ насъ съ Собою и другъ съ другомъ; вслѣдствіе чего мы имѣемъ взаимное сгармонированіе, хотя каждый подаяніе Духа получаетъ въ такой мѣрѣ, какъ можетъ вмѣстить."

Таковъ общій строй жизни христіанъ. Блюдя единеніе духа въ союзѣ мира подъ руководствомъ Богоучрежденныхъ лицъ, возращайте все во Христа.—Что касается до перваго и послѣдняго пункта, никакое изъ христіанскихъ обществъ не споритъ. Во второмъ же иные много погрѣшаютъ. Замѣчательно, что св. Златоустъ говорилъ о сочетаніи тѣла Церкви такъ, какъ будто ихъ имѣлъ въ виду. „Слова: *все тѣло составляемо и счиняваемо прилично* значатъ, что все въ немъ должно занимать свое мѣсто, не вторгаясь въ другое, ему несвойственное. Размысли объ этомъ. Господь свыше всѣмъ распоряжаетъ. Но какъ въ тѣлѣ есть пріемные органы, такъ и у Духа, который всецѣло есть небесный корень жизни. Именно, въ тѣлѣ — сердце есть корень духа, печень—крови, селезенка — желчи, и другіе органы— другихъ элементовъ; но всѣ они зависимы отъ голов-

наго мозга. Согласно съ этимъ и Богъ поступилъ, удостоивая человѣка особенной почести: не желая покинуть его, Самъ Онъ сдѣлался для него виною всего (спасенія), учредивъ въ тоже время сотрудниковъ для себя и однимъ изъ нихъ поручивъ то, другимъ—иное."

Поговоривъ далѣе о руководительныхъ въ Церкви лицахъ, обращается къ погрѣшающимъ въ сужденіи о неотложной ихъ необходимости. „Скажи мнѣ: ужели ты считаешь достаточнымъ, что и они вѣруютъ, тогда какъ у нихъ оскудѣла и погибла благодать рукоположенія? Что же пользы во всемъ прочемъ, если у нихъ не соблюдена сія послѣдняя?—Надобно одинаково стоять какъ за вѣру, такъ и за благодать священства. Потому что, если всякому позволено, по древней пословицѣ, наполнять свои руки, если всякому позволено быть священникомъ, то пусть приступятъ всѣ, — и напрасно устроенъ этотъ жертвенникъ, напрасно установленъ церковный чинъ, напрасно—ликъ священниковъ: ниспровергнемъ и уничтожимъ все это."

Отсюда видно, что гдѣ недостаетъ такого важнаго въ строѣ жизни члена, тамъ можно ли видѣть жизнь христіанскую, какъ ей слѣдуетъ быть?—Нѣтъ тамъ ея, хоть объ ней много толкуютъ.

Б) ПРАВИЛА ЖИЗНИ ХРИСТІАНСКОЙ.

Указавъ строй жизни христіанъ, Апостолъ пишетъ правила для ней, сначала 1) *общія* для всѣхъ христіанъ, въ какомъ бы состояніи кто ни находился, а потомъ 2) *частныя*, по состояніямъ.

1) Правила общія.

4, 17—5, 20.

Приступая къ изложенію сихъ правилъ, Апостолъ ставитъ во главѣ ихъ—а) *главное начало* для вывода ихъ,

и въ руководство въ жизни по нимъ—4, 17—24; и затѣмъ уже предлагаетъ б) *самыя правила* нравственной жизни христіанъ, яко христіанъ,—4, 25—5, 20.

а) Главное начало.

4, 17—24.

Это главное начало выходитъ у него изъ непосредственно предъ симъ сказаннаго. Сказалъ онъ предъ симъ, что Господь далъ Церкви и всему роду человѣческому особыя лица для наученія людей спасенію и для руководства на пути къ нему,—чтобъ мы, люди, не увлекались всякимъ вѣтромъ ученія, не жили во лжи человѣческой подъ коварствомъ козней льщенія, но истинствуя въ любви, возращали все во Христа — главу Церкви, потому что иначе нельзя быть христіаниномъ. По ходу мыслей слѣдовало бы помянуть: вы призваны къ сему спасенію и вступили на прямый путь къ нему. Но какъ онъ неоднократно поминалъ уже объ этомъ, да и здѣсь намекаетъ не слегка (ст. 20 и д.), то прямо дѣлаетъ изъ того выводъ: итакъ вамъ не слѣдуетъ уже держаться тѣхъ порядковъ жизни, отъ которыхъ вы избавлены, а слѣдуетъ все возращать во Христа. Какъ они были язычники, то Апостолъ и очерчиваетъ кратко, но полно худобу жизни язычниковъ въ нравственно-религіозномъ отношеніи, для уясненія—чего же именно удаляться должно (ст. 17—19). Тоже, какъ все возращать во Христа, выясняетъ тѣмъ измѣненіемъ, какое производитъ благодать въ вѣрующихъ при самомъ вступленіи ихъ въ путь въ слѣдъ Христа, чрезъ таинства, полагающія начало жизни во Христѣ (ст. 20—24). То и другое коротко: отложить ветхаго человѣка и облещися въ новаго. Это и значитъ — отложить язычество

и дѣйствовать какъ свойственно христіанамъ. Таково главное начало!

Ст. 17. *Сіе убо глаголю и послушествую о Господѣ, ктому не ходити вамъ, якоже и прочіи языцы ходятъ въ суетѣ ума ихъ.*

Сіе убо глаголю... Какъ бы такъ: всю эту рѣчь я вотъ къ чему веду. Цѣль словъ моихъ та, чтобъ вы сами увидѣли, какъ вамъ теперь слѣдуетъ жить. А чтобъ у васъ никакого уже не оставалось сомнѣнія, что такъ и должно, во свидѣтели привожу Господа—*послушествую о Господѣ*. „При свидѣтелѣ Господѣ сказую сіе" (Θеод.). „Господа свидѣтелемъ ставлю, что слово мое неложно" (Θеоф.). Примите его потому не какъ мое, а какъ Божіе, какъ бы оно исходило изъ устъ Самого Господа. „Такъ-то, преподавая ученіе истинное, не убѣждать только должно, но и устрашать и Богу предавать" (Экум.), напоминая, что Самъ Богъ предстоитъ имъ (Θеоф.), и смотритъ, куда клонятся расположенія ихъ сердца при ученіи, и что потому мало одного внѣшняго мановенія въ изъявленіе согласія, а требуется и пріятіе его всѣмъ сердцемъ.

Ктому не ходити вамъ, якоже и прочіи языцы ходятъ. Не ходити,—„помня званіе, которое есть призваніе къ святости, не возвращайтесь къ жизни, какую вели вы прежде призванія" (св. Дам.),—и какую продолжаютъ вести непризванные язычники. Могъ Апостолъ и прямо сказать: не живите такъ и такъ; но онъ указалъ на примѣръ язычниковъ, потому что въ примѣрѣ яснѣе дѣло и рѣчь при немъ можетъ быть короче, оставляя самимъ привесть на мысль многое, не захваченное словомъ, особенно для Ефесянъ, которые и сами знали опытно всю худобу языческой жизни. И къ тому могло это служить, чтобъ, если кто держался еще чего достойнаго обличенія, принялъ урокъ себѣ на умъ подъ

такимъ прикрытіемъ безъ горечи (Экум. и Ѳеоф.). Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ: не ходити вамъ, якоже вы ходите, такъ какъ это могло уязвить ихъ, но указалъ на другихъ, хотя выразилъ тоже самое. Также поступаетъ онъ и въ посланіи къ Солунянамъ, когда говоритъ имъ: *не въ страсти похотнѣй*, *якоже и языцы* (1 Сол. 4, 5). Вы оставили, говоритъ онъ, языческія вѣрованія; но это всецѣло зависѣло отъ Бога, а я требую того, что зависитъ отъ васъ,—именно: жизни и хожденія по Богу. Это вашъ долгъ: а я призываю Бога во свидѣтели своихъ словъ,—того именно, что я не умолчалъ, но сказалъ, какъ вамъ должно вести себя.“

Не ходити... въ суетѣ ума ихъ.

Умъ — высшая сторона человѣческаго естества, гдѣ сознаніе и произволеніе, или свобода и самодѣятельность. Это слово обнимаетъ весь строй нравственно-религіозной жизни, то, гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ своимъ сознаніемъ и свободою, установившійся образъ мыслей, правила жизни, надежды, цѣли, начинанія, средства и пріемы,—все круговращеніе жизни, за которое не заходитъ человѣкъ ни мыслію, ни желаніемъ. Глядя на язычниковъ съ этой стороны, Апостолъ находитъ, что въ нихъ качествуетъ суета ума. Умъ, по первоначальному своему назначенію, долженъ бы, возгрѣвая страхъ Божій, заставлять человѣка быть вѣрнымъ совѣсти въ надеждѣ блаженной будущности. Но по паденіи, сила котораго во всей полнотѣ раскрылась среди язычниковъ, умъ не выполнялъ такого назначенія. Среди язычниковъ Богъ забытъ, мѣсто совѣсти заняли обычаи, вмѣсто будущихъ благъ преслѣдуются настоящія. Рай на землѣ хотѣли устроить—чувственный, изъ чувственныхъ благъ, своими подручными средствами. Все сюда и направлено было. Какъ это призрачно, то справедливо названо суетою ума. Умъ сталъ вмѣсто существеннаго преслѣдовать

пустое, непрочное, неудовлетворяющее. Суетится, а пользы нѣтъ,—не только для будущаго, но и въ настоящемъ-то, въ коемъ онъ гонится схватить призракъ счастія, всегда отъ него убѣгающій.

Хорошо изображаетъ это состояніе св. Златоустъ. „Что такое суета ума? Занятіе суетными предметами. А что суетно, какъ не настоящее, о которомъ говоритъ Екклезіастъ: *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. 1, 2)?—Но скажетъ кто либо: если то и то суетно и ведетъ къ суетѣ, то для чего же оно существуетъ? Если притомъ это—дѣло рукъ Божіихъ, то какъ же оно будетъ суетно, И много есть подобныхъ возраженій касательно этого предмета. Но послушай, возлюбленный! Не дѣла Божіи назвалъ Екклезіастъ суетными,—отнюдь нѣтъ: не небо суетно, не земля суетна, нѣтъ!—Ни солнце, ни луна, ни звѣзды, ни наше тѣло. Ибо все это—*добро зѣло*. Что же суетно? Послушаемъ, что называетъ суетою самъ Екклезіастъ: *сотворихъ ми винограды*..., *сотворихъ ми поющихъ и поющія*,... *сотворихъ ми купели водныя*,... *и стяжаніе скота и стадъ много ми бысть*,... *собрахъ ми злато и сребро*... *и видѣхъ, яко вся суета* (Еккл. 2, 6—11). Послушай, что говоритъ и Пророкъ: *сокровищствуетъ и не вѣсть, кому соберетъ я* (Пс. 38, 7)! Поэтому суета суетъ—великолѣпныя зданія, обиліе и избытокъ золота, толпы невольниковъ, шумно бѣгущихъ за тобою по площади, гордость и тщеславіе, высокомѣріе и надменіе,—все это—суета: ибо произошло не отъ Бога, но произведено людьми. Почему однакожъ это суетно? Потому что не имѣетъ никакой доброй цѣли. Суетны деньги, когда ихъ расточаютъ на удовольствія: но не суетны онѣ, когда ихъ употребляютъ на вспомоществованіе бѣднымъ. Когда ты употребляешь ихъ на удовольствія: посмотримъ, какое отсюда происходитъ слѣдствіе? Тучность тѣла, головная боль,

разлѣненіе, внутренній жаръ, разслабленіе всего тѣла. Какъ тотъ, кто сталъ бы наливать воду въ просверленный сосудъ, трудился бы напрасно: такъ и человѣкъ, предающійся удовольствіямъ, наливаетъ воду въ просверленный сосудъ. — Еще суетными называютъ несбыточные честолюбивые замыслы: они дѣйствительно суетны, ненадежны, безразсудны: вообще суетнымъ называютъ то, что ни на что не полезно. Посмотри же, не таковы ли дѣла человѣческія? Да *ямы и піемъ, утрѣ бо умремъ* (1 Кор. 15, 32). Какое же отсюда слѣдствіе, скажи мнѣ? Тлѣніе. Мы облекаемся въ дорогія одежды и наряды: и что пользы отъ этого? Ничего. Такъ мыслили нѣкоторые и изъ еллиновъ, но—вотще. Они вели строгую жизнь, но попустому, не имѣя въ виду никакой полезной цѣли, поступая такъ изъ тщеславія, для снисканія почета отъ толпы. Но что такое честь? Ничто.— Видишь-ли, что все суета?—Поэтому и сказалъ Апостолъ (объ язычникахъ): *въ суетѣ ума ихъ.*“—Послѣ сего св. Златоустъ изображаетъ суетность языческой вѣры, что почитали Богомъ деревà, камни, огонь, воду, солнце. И это все, говоритъ, языческая суета ума. „Впрочемъ, прибавляетъ потомъ, здѣсь Апостолъ выразился такъ объ ихъ жизни. Язычники предаются блуду и прелюбодѣянію. Чего и должно ожидать отъ ихъ вѣры. Изобрѣтая себѣ такихъ боговъ, они согласно съ этимъ поступаютъ и во всемъ. Если они могутъ скрыть (свои поступки) отъ взоровъ людей, то нѣтъ уже ничего, что могло бы удержать ихъ отъ худыхъ дѣлъ. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, имѣть для нихъ какую либо силу ученіе о воскресеніи, когда они считаютъ его басней?— А о мученіяхъ въ аду?—Для нихъ и это—басни: и замѣть здѣсь внушеніе сатанинское. Когда имъ разсказываютъ о распутствѣ ихъ боговъ, они не называютъ этого баснями, но вѣрятъ. А когда имъ будутъ говорить

о наказаніяхъ, то они говорятъ, что это поэты выдумываютъ всѣ такія басни для того, чтобы повсюду разстроить счастливый порядокъ жизни. Но философы, говорятъ они, изобрѣли нѣчто, вполнѣ заслуживающее вниманіе и лучше этихъ басней. Какіе-же это философы?—Ужели тѣ, которые выдумали судьбу и утверждаютъ, что все существуетъ безъ Провидѣнія, нѣтъ зиждительнаго Промысла, все сложилось изъ атомовъ? Но, говорятъ, другіе признавали Бога. Какіе же это, скажи мнѣ?—Не тѣ ли, которые производятъ души человѣческія отъ душъ собакъ и увѣряютъ людей, что въ извѣстное время тотъ или другой изъ нихъ былъ собакой, львомъ, рыбой?—Доколѣ не перестанете пустословить?!“

Ст. 18. *Помрачени смысломъ, суще отчуждени отъ жизни Божія, за невѣжство сущее въ нихъ, за окаменѣніе сердецъ ихъ.*

Когда умъ—духъ—такъ низпалъ и запутался въ суету весь, тогда естественно было и всѣмъ силамъ души, жизнь коей, по строю естества нашего, — въ духѣ, не только принять превратное направленіе, но и замереть. Онѣ и замерли. Жизнь мысленной силы—свѣтъ вѣдѣнія. Когда осуетился умъ, свѣта сего не стало, и смыслъ помрачился. Выпали изъ него здравыя понятія о себѣ, о цѣли своей послѣдней, о томъ, зачѣмъ настоящая жизнь, что̀ ожидаетъ его въ будущемъ: все это забыто, забытъ и Самъ Богъ и свои къ Нему отношенія. На мѣсто этого внѣдрились убѣжденія, — не выражаемыя словомъ, но тѣмъ не менѣе строго содержимыя,—что жизнь настоящая—все, что средства ея у тебя подъ руками и что самъ ты съ своимъ разумомъ и силами творецъ своей участи и хранитель ея, и больше ничего тебѣ не нужно, за себя стой, себя береги, себя питай — и довольно. Такія и подобныя убѣжденія составляютъ руководящія начала для тѣхъ, у коихъ осуетился умъ, или низпалъ

духъ и заглушенъ. Св. Златоустъ говоритъ, что у кого какая жизнь, у того такого же рода придумываются и догматы. И какъ они всѣ ложны, ложь же—тьма, то и окружаютъ человѣка тьмою. „Подобно тому, какъ, погрузившись глубоко въ воду, мы не можемъ видѣть солнца, потому что надъ нами вода составляетъ какъ бы какую стѣну; такъ и въ мысленныхъ очахъ происходитъ“ омраченіе отъ превратныхъ понятій, наполняющихъ голову. Тутъ же „многочисленное стеченіе житейскихъ дѣлъ помрачаетъ ясность ума и держитъ насъ въ темнотѣ.“—Вотъ что значитъ: *помрачени смысломъ*.

Особенно это омраченіе выражается относительно охраненія и безопасности жизни. Взявъ на свою опеку блюсти себя, и о себѣ промышлять, осуетившійся умомъ при всѣхъ мощныхъ своихъ средствахъ постоянно находится въ страхѣ. Св. Златоустъ пространно изображаетъ это состояніе—плодъ омрачающаго суевѣрія, поставленнаго на мѣстѣ промысла Божія. „Осуетившіеся умомъ какъ въ разсужденіи догматовъ, такъ и касательно жизни все говорятъ и дѣлаютъ такъ, какъ бы находились въ темнотѣ: человѣкъ, окруженный мракомъ, не видитъ ничего предъ собой; онъ веревку принимаетъ за ползущаго змѣя, или, зашедши въ темное мѣсто, думаетъ, что его готовъ схватить человѣкъ или демонъ. И сколько тутъ страха и безпокойства! Подобныхъ же вещей боятся (и язычники). *Тамо убояшася страха*, сказано, *идѣже не бѣ страхъ* (Пс. 13, 5), а чего бы слѣдовало страшиться, того они не страшатся: но подобно тому, какъ дѣти, находясь на рукахъ у своихъ кормилицъ, неразумно протягиваютъ руки къ огню и смѣло порываются къ зажженному свѣтильнику, а между тѣмъ боятся человѣка въ одеждѣ изъ козьей волны, такъ и эти еллины—настоящія дѣти, какъ и сказалъ объ нихъ нѣкто: „еллины—всегда дѣти.“ Того, что не составляетъ грѣха, они

боятся, какъ то: тѣлесной неопрятности, одра, занимаемаго мертвецомъ, погребенія мертвыхъ, роковыхъ дней и тому подобнаго. А того, что составляетъ настоящій грѣхъ, какъ то: сладострастной любви къ отрокамъ, прелюбодѣянія, блуда, — они и не думаютъ считать за грѣхъ. Ты можешь видѣть, какъ язычникъ обмывается послѣ мертвеца, но отъ мертвыхъ дѣлъ онъ не омывается никогда. Онъ много прилагаетъ старанія о пріобрѣтеніи денегъ и въ тоже время думаетъ, что пѣніе курицы по пѣтушью можетъ имѣть вліяніе на его счастіе. Такъ они *помрачены смысломъ.* У нихъ много примѣтъ, устрашающихъ ихъ. Напримѣръ, такой-то, говоритъ иной,— первый встрѣтился со мною, когда я выходилъ изъ дому: выйдетъ непремѣнно тысяча непріятностей для меня. Сегодня ненавистный слуга, подавая мнѣ сандаліи, поднесъ напередъ лѣвую: быть большимъ бѣдамъ и напастямъ. Самъ я, выходя изъ дому, ступилъ за порогъ лѣвою ногою: и это предвѣщаетъ несчастія. Это домашнія неудачи. Когда же я вышелъ изъ дома, у меня правый глазъ мигнулъ: это предвѣщаетъ слезы. Равнымъ образомъ и женщины,—когда при тканіи то задѣнется что одно за другое, то издастся звукъ, — считаютъ то за предвѣщаніе несчастія. И тысяча другихъ у нихъ достойныхъ смѣха суевѣрій. Закричитъ ли оселъ или пѣтухъ, чихнетъ ли кто,—что ни случится, все тревожитъ ихъ, такъ что они, какъ я сказалъ, какъ будто скованы тысячами узъ и находятся во мракѣ и гораздо большемъ порабощеніи, чѣмъ невольники. Но мы не будемъ таковыми; напротивъ, осмѣявши всѣ такія суевѣрія, какъ чада свѣта, какъ небесные граждане, не имѣющіе ничего общаго съ землею, — будемъ считать для себя страшнымъ одинъ только грѣхъ и оскорбленіе Бога. Если же мы удаляемся отъ грѣха и стараемся не оскорблять Бога, то будемъ смѣяться надъ

всѣмъ другимъ, равно какъ и надъ первымъ виновникомъ грѣха—діаволомъ."

Суще отчуждени отъ жизни Божія, т. е. „отъ жизни по Богу" (Θеоф.). „Обличаетъ Апостолъ беззаконіе ихъ жизни: ибо жизнію Божіею назвалъ онъ жизнь добродѣтельную" (Θеод.). Когда свѣтъ истины освѣщаетъ мысленную область человѣка, тогда при свѣтѣ семъ бываетъ ясенъ и путь истинной жизни, чѣмъ сильно возбуждается энергія дѣятельныхъ силъ къ тому, чтобы устремляться по сему пути. Когда же смыслъ омрачится; путь жизни истинной закрывается, и энергія идти по нему падаетъ. Омраченные смысломъ естественно и жизнію истинною не живутъ, отчуждаются отъ ней, оставляютъ ее.

Подъ жизнію Божіею Апостолъ не могъ разумѣть жизнь благодатную, а разумѣлъ ту жизнь по Богу, какую могли имѣть язычники, слѣдуя указаніямъ, какія давали имъ остатки образа Божія въ падшемъ. Умъ или духъ человѣка первоначально назначенъ для жизни въ Богѣ и по Богу. По паденіи онъ обезсилѣлъ, но не уничтожился. Убѣжденіе, что есть Богъ и что Ему слѣдуетъ благоугождать, осталось у всѣхъ, и, гдѣ его не заглушали, являло плоды свои. И всѣ язычники могли жить подъ дѣйствіемъ страха Божія, по требованіямъ совѣсти, въ надеждѣ будущаго воздаянія. — Въ этомъ существо естественной религіи и возможная для всѣхъ жизнь Божія внѣ благодати. И кто не имѣетъ ея, тотъ виновенъ. Въ этой винѣ Апостолъ обличаетъ всѣхъ, потому что преобладающій духъ жизни язычниковъ былъ таковъ. Забыли Бога, не внимали совѣсти и жили только для настоящаго, какъ будто Бога и другой жизни не было. Такова же жизнь и у тѣхъ, кои работаютъ грѣху и страстямъ и среди христіанъ. Цѣлые города и общества могутъ быть таковы. Тогда и къ нимъ будетъ относиться Апостольское слово: *отчуждени отъ жизни Божія.*

За невѣжество сущее въ нихъ, за окаменение сердецъ ихъ. Нѣкоторые говорятъ: омраченіе смысла за невѣжество, а отчужденіе отъ жизни Божіей за окаменѣніе сердецъ. Но омраченіе смысла съ невѣжествомъ одно и тоже. Потому лучше то и другое относить къ отчужденію отъ жизни, какъ причину, способствованіе или наказаніе. Отчужденіе отъ жизни Божіей послѣдовало за невѣжествомъ и окаменѣніемъ сердца, какъ слѣдствіе. Когда началось такое отчужденіе, невѣжество и окаменѣніе сердца способствовали укорененію его, а когда оно укоренилось, то и Богъ закрѣпилъ его за ними, какъ наказаніе: *предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ творити неподобная. Предаде ихъ похотямъ сердецъ ихъ, предаде въ страсти безчестія* (Рим. 1, 28. 24. 26). Но собственно говоря, всѣ эти три—омраченіе смысла съ невѣжествомъ, отчужденіе отъ жизни Божіей и окаменѣніе сердца, идутъ вмѣстѣ, какъ прямое слѣдствіе осуеченія ума, или заглушенія духа. Свѣтлость смысла или вѣдѣніе истины, падая на сердце, возбуждаетъ въ немъ сочувствіе къ себѣ и образуетъ побужденія къ жизни по истинѣ или по Богу. Когда смыслъ омрачится и истины выпадутъ изъ него, сердце, не получая впечатлѣній, не даетъ и возбужденій къ жизни—и она останавливается, и пути ея закрываются. Отчужденіе отъ жизни, симъ образомъ начавшееся, огрубляетъ сердце; огрубѣвающее сердце въ свою очередь усиливаетъ отчужденіе отъ жизни и сгущаетъ мракъ въ смыслѣ. Такъ одно другимъ поддерживается, и круговращеніе жизни—не по Богу зрѣетъ. Божіе становится непонятнымъ, непріятнымъ, и въ планы не входитъ. Жизнь духовная замерзла. Мертвенность сія очевиднѣе всего выражается окаменѣніемъ сердца; но и все другое вмѣстѣ тутъ же. Св. отцы выражаютъ это состояніе совмѣстностію—невѣдѣнія, нерадѣнія и нечувствія. Пробуждающіеся отъ жизни та-

кой больше всего страждутъ отъ нечувствія.—Когда-то когда оживетъ омертвѣлое сердце!

Такова внутренняя жизнь язычниковъ, и вообще лицъ безблагодатныхъ, не получившихъ благодати, или заглушившихъ ее въ себѣ несообразною съ нею жизнію. Но каковъ внутренній строй, такова и внѣшняя жизнь или дѣла и поведеніе. Св. Апостолъ изображаетъ ее такъ:

Ст. 19. *Иже въ нечаяніе вложшеся предаша себе студодѣянію въ дѣланіе всякія нечистоты въ лихоиманіи.*

Въ нечаяніе вложшеся—по гречески у св. отцевъ выражается такимъ словомъ, которое означаетъ ожесточеніе въ худомъ—крайній предѣлъ нерадѣнія и безпечности о добрѣ. „*Въ нечаяніе вложшеся*—ἀπηλγηκότες, т. е. совсѣмъ разлѣнившись, не хотя дѣлать ничего добраго, потерявши всякій страхъ и сокрушеніе, какъ бы обуморенные“ (Θеоф.). Замерло всякое чувство—и нравственное и религіозное. *Уты, утолстѣ, расширѣ, и забы Бога* (Втор. 32, 15). *Нѣсть страха Божія предъ очима его* (Пс. 35, 2). *Рече безуменъ въ сердцѣ своемъ: нѣсть Богъ* —и предался всякому разврату вмѣстѣ съ другими: *растлѣша и омерзишася въ начинаніихъ* (Пс. 13, 1). Св. Златоустъ говоритъ: „сердце окаменѣваетъ, когда никакой страхъ не тревожитъ души. Это происходитъ отъ безчувственности. Когда какой членъ въ тѣлѣ дѣлается безчувственнымъ, то хотя бы ты сталъ жечь его или рѣзать,—что̀ бы ты ни дѣлалъ съ нимъ, онъ ничего не чувствуетъ. Такъ и они—язычники—послѣ того, какъ разъ навсегда впали въ безпечность, что имъ ни говори, грози имъ огнемъ или мечемъ,—на нихъ ничто не подѣйствуетъ, ничто не убѣдитъ ихъ. Ибо у нихъ разъ навсегда омертвѣло сердце. И пока ты не уничтожишь въ немъ этого безчувствія, пока твое прикосновеніе къ нему не будетъ такъ же ощутительно,

какъ къ здоровымъ членамъ, до тѣхъ поръ всѣ твои усилія будутъ тщетны.“

Пришедши въ такое состояніе, *предаша себе студодѣянію въ дѣланіе всякой нечистоты.*—Предались всякимъ способомъ удовлетворенія плотской похоти. Двѣ противоположности въ насъ—духъ и плоть. Когда духъ замретъ, свирѣпѣетъ плоть. Человѣкъ предается всякаго рода чувственнымъ удовольствіямъ и сластямъ. „Страдали сперва беззаконіемъ, потомъ поползнувшись въ жизнь беззаконную, вскорѣ стали страдать безчувственностію. Потомъ небоязненно уже отваживаются на всякій грѣхъ, до пресыщенія предаваясь растлѣнной жизни“ (Θеод.).

Св. Златоустъ говоритъ: „жизнь ихъ была такою по ихъ собственной безпечности и нерадѣнію. *Предаша себе,* говоритъ. Итакъ, когда ты услышишь, что *предаде ихъ Богъ въ неискусенъ умъ* (Рим. 1, 28), то припомни и настоящее изреченіе, что они сами *предаша себе.* Какъ же предалъ ихъ Богъ, когда они сами предали себя? Если же они сами предали себя, то какъ предалъ ихъ Богъ?—Тебѣ кажется, что здѣсь есть противорѣчіе. Но слово *предаде* значитъ *попустилъ.*—*Въ дѣланіе нечистоты* предали себя. Видишь ли, какъ Апостолъ лишаетъ ихъ извиненія, сказавши о дѣланіи нечистоты? Не по стороннему увлеченію, говоритъ, грѣшили они, но совершали всѣ эти преступныя дѣйствія, заботясь сами о вымышленіи ихъ. *Во всякой нечистотѣ* (и жили). Нечистота—это всякое любодѣяніе, блудъ, сладострастная любовь къ отрокамъ—и всякое невоздержаніе.—У нихъ, говоритъ, такой образъ жизни обратился какъ бы въ правило.“

Слово: *въ лихоиманіи* одни понимаютъ такъ, что при нечистыхъ дѣлахъ предавались и страсти къ стяжаніямъ,—которая въ мірской суетной жизни не менѣе пер-

вой сильна. Св. Дамаскинъ пишетъ: „любоиманіе есть необходимое послѣдствіе плотолюбія. Желаютъ стяжаній, чтобы было что иждивать на удовольствія.“ — Другіе подъ этимъ словомъ разумѣютъ жажду все большихъ и большихъ удовольствій — ненасытимость плотоугодія. „*Лихоиманіемъ* назвалъ Апостолъ незнаніе мѣры“ (Θеод.). По ходу рѣчи у него это есть—незнаніе мѣры въ плотоугодіи. — Но у св. Златоуста видна мысль — незнанія мѣры ни въ чемъ, ни въ стяжаніи денегъ, ни въ изнѣженной жизни. „Можно бы, говоритъ, имъ пользоваться умѣренно и деньгами и удовольствіями, и всякими утѣхами. Но какъ они не соблюли въ этомъ умѣренности, то и испортили все.“ Та же мысль у Θеофилакта. — Экуменій же пишетъ: „говоритъ: *въ лихоиманіи*, въ означеніе того, что они предавали себя двумъ страстямъ: студодѣянію и любоиманію, которыя болѣе другихъ страстей выдаются въ грѣшной жизни и заправляютъ ею;— или того, что они предавались студодѣянію и нечистотѣ чрезмѣрно и жадно.“

Ст. 20. *Вы же не тако познасте Христа.*

Въ безобразной жизни языческой указалъ Апостолъ, чего не должно быть въ жизни христіанъ. Теперь показываетъ, что должно въ ней быть; и какъ въ ней все отъ Христа Господа, то въ Него и устремляетъ вниманіе наше. *Вы же не тако познасте Христа*. Познали, т. е. увѣровали, прилѣпились къ Нему, сочетались съ Нимъ въ таинствахъ, приняли заповѣди отъ Него и вступили въ путь жизни по Немъ,—опытно уже познали, что есть быть христіаниномъ, быть со Христомъ. *Познасте*—по греч. стоитъ ἐμάθετε,—изучили, заучили, какъ изучиваютъ и заучиваютъ уроки. Чѣмъ означается не голое—умовое—познаніе Христа, но освоеніе съ Нимъ, живое извѣданіе Его. Не *тако*, говоритъ, познали вы симъ образомъ Христа; не къ такого рода жизни.

какую указалъ я вамъ въ язычникахъ, обязываетъ васъ знаніе Христа; ничто подобное не можетъ быть терпимо въ васъ. „Вы не для такихъ дѣлъ познали Христа“ (св. Злат.).

Или не *тако* означаетъ — не даромъ. Указываетъ на великія обѣтованія во Христѣ Іисусѣ, какъ бы говоря: вы приняты въ Церковь Христову, истины Его вамъ сообщены, св. крещеніе преподано, отпущеніе грѣховъ даровано, и вѣрное обѣтованіе царствія за вами закрѣплено, — все это вамъ даромъ? вы, все это получивъ, сами и рукою шевельнуть не хотите? все бы готовы жить по старому? Нѣтъ, — вамъ такъ не годится. „Вы не съ такими условіями приняли Христа, чтобы оставаться при прежней жизни“ (св. Злат.). Въ томъ вся сущность христіанства (истина о Іисусѣ), чтобъ отложить все то ветхое, и начать жить совершенно по новому закону и порядку.

Ст. 21. *Аще убо слышасте Его, и о Немъ научистеся, якоже есть истина о Іисусѣ.*

Аще — „если“, — не означаетъ, будто св. Павелъ не зналъ, слышали-ль они о Господѣ Спасителѣ: ибо иначе, какъ бы онъ написалъ къ нимъ все, что писано доселѣ? А означаетъ, что то положеніе: *не тако познасте Христа* и съ тѣмъ, что изъ него выходило, — они и сами должны вывесть и содержать въ умѣ, изъ того, что слышали о Христѣ и чему отъ Него Самого научились, паче же изъ того, что отъ Него Самого слышали и чему отъ Него Самого научились, принявъ Его въ себя въ таинствахъ и сердцемъ ощутивъ, что есть истина въ Немъ. Все такъ можно выразить: если вы надлежащимъ образомъ слышали и научились, то сами знаете, что вамъ не слѣдуетъ жить, какъ язычники. Подразумѣвается конечно: но вы слышали и научились, какъ слѣдуетъ, слѣдовательно знаете то, какъ слѣдуетъ

и жить. Св. Златоуеть говорить: „выраженіе: *аще убо слышасте Его*—не означаеть, будто онъ говорить съ сомнѣніемъ, напротивъ показываетъ полную его увѣренность; подобнымъ образомъ онъ и въ другомъ мѣстѣ выражается: *аще убо праведно у Бога воздати скорбь оскорбляющимъ васъ* (2 Сол. 1, 6). Познаніе Христа въ томъ и состоить, чтобы вести праведную жизнь. Ибо кто ведетъ дурную жизнь, тотъ не знаетъ Бога и Имъ незнаемъ. О семъ Апостолъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его* (Тит. 1, 16)."

Выраженіе, употребляемое здѣсь Апостоломъ: *слышасте Его, о Немъ научистеся,*—даетъ мысли его особый оттѣнокъ, очень важный; ибо показываетъ, что христіане Самого Господа слышать, и въ Немъ,—чрезъ общеніе съ Нимъ живое, пребывая въ Немъ,—научаются. Не всякій слышащій и научающійся о Господѣ отъ другаго лица слышитъ Его въ себѣ слово и научается въ Немъ. Ибо для этого надо къ первому слышанію многія бы дополнить условія,—живую вѣру, крещеніе, и готовность жить по заповѣдямъ Господа, не жалѣя живота. Но что дѣйствительно тотъ христіанинъ,—который исполняетъ всѣ уставы, точно слышитъ Христа въ себѣ глаголющаго, объ этомъ свидѣтельствуетъ св. Іоаннъ Богословъ въ томъ пунктѣ, гдѣ говоритъ о помазаніи, что оно всему учитъ: ибо хоть здѣсь о Духѣ Святомъ говорится, но Духъ и Господь едино суть (1 Іоан. 2, 27). Кто достигъ до такого состоянія, что можетъ различать и понимать гласъ въ себѣ Христовъ, тотъ достигъ полнаго обновленія и освященія естества своего. Грѣхъ уже имъ не обладаетъ; онъ ходитъ въ обновленіи жизни свѣтлой, какъ свѣтелъ Воскресшій Христосъ,—по самому порядку жизни качествующей въ немъ чуждъ всего языческаго, — человѣкъ ветхій уже отложенъ, и обновленіе ума въ немъ во всей силѣ. Дер-

жа эту мысль, можемъ въ словѣ: *аще убо*... видѣть надлежащее условіе, не имѣя нужды прибѣгать къ стороннымъ поясненіямъ.

Такая мысль у блаж. Іеронима. „Если бы всѣ, которые, повидимому, должны слышать Христа, слышали Его дѣйствительно, то св. Апостолъ никакъ не сказалъ бы Ефесянамъ, и вообще всѣмъ, кому открывалъ тайны Христовы: *аще убо слышасте Его*. Изучить Христа есть тоже, что умѣть добродѣтельствовать; и реченіе: слушать Его, не различается отъ того, какъ если бы кто сказалъ: слушать мудрость, правду, мужество, воздержаніе и прочее, чѣмъ Христосъ именуется. Кто такимъ образомъ выслушалъ Христа и изучилъ Его, тотъ не станетъ болѣе ходить въ суетѣ ума своего, не омраченный смысломъ будетъ шествовать, не будетъ отчужденъ отъ жизни Божіей; но будетъ имѣть вѣдѣніе, и вся слѣпота спадетъ съ очей сердца его, потому что впущенный во внутренній мракъ свѣтъ, разгонитъ въ немъ всякое невѣдѣніе. Когда это возъимѣетъ онъ, то не будетъ уже предавать себя студодѣянію, не будетъ дѣлать всякую нечистоту въ лихоиманіи, преступая уступленныя ему въ этомъ границы въ бракѣ. Если же и случится ему иногда быть одолѣту какою либо страстію, онъ поболитъ о ранѣ своей и потерпитъ мученія совѣсти,—за то, что потерялъ свободное дерзновеніе и чистоту непорочнаго ума. Будемъ же учиться у Христа и слушать Его. Христосъ говоритъ намъ въ Церкви чрезъ Слово Свое и пастырей Церкви. Но не должно отчаяваться достигнуть и того, что Онъ нѣкогда и Самъ возглаголетъ въ сердцахъ нашихъ, и Самъ лично научитъ насъ, не употребляя для сего сторонняго орудія: только не будемъ поддаваться грѣху, не попустимъ, чтобы похотныя сласти овладѣвали тѣломъ нашимъ."

Якоже есть истина во Іисусѣ. Якоже—καθὼς какъ:—

научились, какъ есть истина во Іисусѣ, „какова истина во Христѣ Іисусѣ“ (св. Злат.); въ чемъ она состоитъ? Въ томъ, чтобы отложить ветхаго человѣка и облещись въ новаго. Истина во Іисусѣ не теорія, а жизнь и дѣло. Кто отложилъ ветхаго человѣка и облекся въ новаго, тотъ и имѣетъ истину во Іисусѣ. Въ комъ этого нѣтъ, въ томъ нѣтъ и истины Іисусовой. И свидѣтельство сей истины заключается въ отложеніи одного и въ облеченіи въ другаго. Въ крещеніи это и совершается; и не номинально, а дѣйствительно. Кто воспринялъ силу крещенія, тотъ самымъ дѣломъ испытываетъ, что прежнее въ немъ все умерло, а живетъ новое, чего онъ не зналъ и не ощущалъ. Царствіе Христово,—то, что дается во Христѣ,—не слово, а сила. Тутъ дѣломъ совершается: *аще кто во Христѣ, нова тварь*. Что послѣ сего предлежитъ дѣлать? Хранить данное и давать просторъ ему дѣйствовать и осуществляться, какъ долгъ въ отношеніи къ раю былъ—дѣлати и хранити.

Ст. 22. *Отложити вамъ, по первому житію, ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотѣхъ прелестныхъ.*

Поелику въ крещенныхъ уже совершилось сіе отложеніе, и ветхій человѣкъ умеръ, то *отложити* надо понимать не какъ заповѣдь, а какъ извѣщеніе о совершившемся дѣлѣ. Та истина о Іисусѣ,—что вы отлагаете ветхаго человѣка, какъ только приступаете къ Нему и крещаетесь.

Въ семъ отношеніи первыя слова: *вы же не тако познаете Христа...* будутъ значить еще: вы же не безъ ничего познали Христа, не вѣдѣніе только о Немъ приняли, и не имя только отъ Него заимствовали, но вы совсѣмъ измѣнились, совсѣмъ стали новы; тотъ ветхій человѣкъ, по коему вы жили, умеръ въ васъ, вы отложили его. И кажется это прямая мысль Апостола, идущая еще отъ того обязательства, чтобы возвращать все

во Христа. Ибо, сказавши объ этомъ, онъ тотчасъ и навелъ: *сіе же глаголю*, — не жить вамъ по язычески. Почему же? Ибо та жизнь, говоритъ, уже умерла въ васъ, какъ только приступили къ Христу. Вы познали Христа не *такъ-таки*—безъ всего,—а съ вами вотъ что произошло: вы отложили.

Но это совершается не какъ нибудь механически. Тому предшествуетъ рѣшеніе воли, которое и запечатлѣвается благодатію; отсюда нравственное обновленіе. сознаваемое и чувствуемое. Чувствующій это уже не покорствуетъ похоти, а попираетъ ее и отрѣваетъ, какъ нѣчто для него чуждое. Апостолъ говорилъ Ефесянамъ: это вы уже испытали въ Немъ. Урокъ нравственный отсюда все же выходилъ: видите, какъ не пристало вамъ касаться прежней жизни, ибо свобода не отнимается новымъ рожденіемъ.

Что именно отложили, понятно изъ предыдущаго. Двѣ черты новыя прилагаются: тлѣніе и прелестность. Или и третья—ветхость. *Ветхій человѣкъ* опредѣляется прежнимъ житіемъ. *Житіе ἀναστροφή*—все въ чемъ прежде вращались, и внутренно и внѣшно, какъ изобразилъ предъ симъ св. Павелъ. Еслибъ Апостолъ сказалъ только: совлекаетесь ветхаго человѣка, то могъ бы иной недоумѣвать, что это за ветхій человѣкъ; а когда при этомъ словѣ стоитъ: по прежнему житію,—тому, въ которомъ всякій изъ слышавшихъ то слово самъ вращался,—то для всѣхъ понятно было, что это за ветхій человѣкъ. Понятно для нихъ и то, что значитъ: отложити, ибо сознавали и чувствовали, какъ отпала сія ветхость отъ нихъ,—отпала, какъ проказа чешуею спадаетъ съ исцѣленнаго прокаженнаго, и понятія, и вкусы, и позывы, и планы—все прежнее отпало, какъ бы того не было. Озирались назадъ и смотрѣли на это, какъ на сброшенную одежду—чужую будто.

Прежнюю жизнь въ язычествѣ опредѣлилъ св. Павелъ такъ, что это была жизнь въ суетѣ ума, въ слѣпотѣ, нерадѣніи и безчувствіи, и въ полномъ рабствѣ страстямъ, особенно похоти плотской. Это и есть ветхій человѣкъ. Говоритъ еще теперь, что такой человѣкъ *тлѣетъ*. Эгоистическая жизнь въ самоугодіи и страстяхъ разлагаетъ, истощаетъ и снѣдаетъ естество человѣческое. Ибо тогда человѣкъ бываетъ не въ своей атмосферѣ. Какъ зараженнымъ воздухомъ дышащій все болѣе и болѣе истлѣваетъ жизнь свою, такъ губитъ естество свое живущій во грѣхѣ и страстяхъ. Но тлѣетъ онъ, а никогда не истлѣетъ. Разъѣдающая тля все болѣе и болѣе проникаетъ его, точитъ и снѣдаетъ. Такъ всю жизнь, такъ и всю вѣчность, если не покается и не обновится во Христѣ.

Тлѣетъ въ похотяхъ ветхій человѣкъ. Похоть даетъ мысль только о плотскихъ сластяхъ, которыя въ ветхомъ человѣкѣ ярче другихъ слабостей выдаются. Но подъ симъ словомъ можно разумѣть и всѣ страсти, въ коихъ живетъ обычно самоугодливый человѣкъ. Похоть будетъ всякое самоугодливое пожеланіе, въ удовлетвореніи котораго ничего не имѣется въ виду, какъ только себя утѣшить и усладить. Прелестны сіи похоти, потому что манятъ, обѣщая горы счастія, а ничего не даютъ, когда дѣйствуютъ по ихъ влеченію; прелестны еще и потому особенно, что умѣютъ прикрыть свой обманъ, такъ что неудовлетворенный не похоть винитъ въ обманѣ, а себя укоряетъ въ неумѣніи попользоваться ею, какъ слѣдуетъ. Это прельщеніе и держитъ всякаго во власти похотей безъ замѣчанія и чувства пагубности такого рода жизни и безъ чувства тяготы ига рабства, налагаемаго страстями. Св. Златоустъ говоритъ: „похоть растлѣваетъ и губитъ самое существо человѣка. Пагубно славолюбіе, многихъ погубили удовольствія, обманула по-

хоть. Впрочемъ, все это не составляетъ удовольствія въ собственномъ смыслѣ; но есть горечь, обманъ, подлогъ и тѣнь. Наружная сторона этихъ предметовъ приманчива, но сами въ себѣ они ничто иное, какъ тяжелое бремя, влекущее за собою великую нищету, пустоту и бѣдность. И если ты снимешь съ нихъ эту личину, откроешь ихъ настоящее лице, то увидишь обманъ. Ибо въ томъ и состоитъ обманъ, когда что нибудь показывается намъ не тѣмъ, что оно есть, но представляется тѣмъ, чего въ немъ нѣтъ, что и бываетъ причиною ложныхъ сужденій о томъ или другомъ предметѣ.“

Ст. 23. *Обновлятися же духомъ ума вашего.*

Та истина во Іисусѣ, что вы въ немъ отлагаете ветхость и обновляетесь духомъ ума. Что значитъ духъ ума? Поелику сказалъ: духомъ ума вашего, то очевидно, что св. Павелъ не разумѣетъ здѣсь Духа Святаго, а что нибудь изъ находящагося въ человѣкѣ. Высшая сторона человѣческаго естества называется то умомъ, то духомъ. Здѣсь соединены оба названія вмѣстѣ: духомъ ума, т. е. духомъ—умною силою вашею. Созданъ человѣкъ такъ, чтобы духомъ или умомъ жить въ Богѣ. Еслибъ онъ не отпадалъ отъ Бога, то жилъ бы все въ Богѣ духомъ своимъ. Богъ давалъ бы силу духу его властвовать надъ всѣми силами души и тѣла и править всѣми ихъ потребностями. Но когда отпалъ человѣкъ отъ Бога, духъ его силу потерялъ, и надъ нимъ стали властвовать душевныя и тѣлесныя силы, расплодивъ и множество страстей похотныхъ. Если, какъ видѣли, у Апостола эта похотная, страстная тѣлеснодушевная жизнь составляетъ ветхаго человѣка, который отлагается во Христѣ Іисусѣ, то очевидно, подъ обновленіемъ духомъ ума, онъ указываетъ возстановленіе духа нашего въ его правахъ по созданію, высвобожденіе его изъ подъ ига страстей и возвращеніе ему власти надъ всѣми силами

человѣческаго естества, подъ тѣмъ условіемъ, что самъ онъ теперь въ Господѣ Іисусѣ Христѣ возсоединяется съ Богомъ.

Къ понятію, что̀ есть духъ ума, могутъ вести и обычныя у насъ выраженія, напримѣръ, духъ какого либо писанія. Этимъ означаются существенныя характеристическія черты того писанія. Можно полагать, что и духъ ума означаетъ существенныя, характеристическія свойства ума. Судя по сему, слова Апостола: вы обновляетесь во Христѣ Іисусѣ духомъ ума вашего, будутъ означать: уму вашему во Христѣ Іисусѣ снова возвращаются существенныя, характеристическія черты его, Богомъ ему дарованныя въ сотвореніи и потерянныя имъ въ паденіи. Не это ли значатъ и слова св. Златоуста: „духомъ ума, т. е. духомъ, который въ умѣ вашемъ!?“ Но у Θеодорита прямо говорится: „духомъ ума нарекъ духовное стремленіе ума.“ Умъ, или духъ, по естеству, высшая сила наша, вся обращенная къ Божественному. Въ немъ сокрыто непосредственное вѣдѣніе, что есть Богъ съ чувствомъ всесторонней отъ Него зависимости и съ сознаніемъ обязательства покорствовать Ему строгимъ исполненіемъ воли Его, которая въ томъ же духѣ или умѣ и начертана и составляетъ скрижали закона совѣстнаго, исполняя которыя онъ чаетъ и угоднымъ всегда быть Богу и всегда въ Немъ блаженствовать не во времени только, но и паче въ вѣчности, отъ чего онъ и не находитъ довольства ни въ чемъ тварномъ, хотя бы обладалъ всѣмъ міромъ. Всѣ сіи черты ума, или этотъ духъ ума былъ потерянъ чрезъ паденіе, въ Господѣ же Іисусѣ Христѣ возстановляется,—иначе сказать: симъ духомъ ума обновляется человѣкъ во Христѣ Іисусѣ, и жить начинаетъ всегда предъ Богомъ, всегда въ строгой вѣрности волѣ Его, по совѣсти просвѣщенной заповѣдями, всегда съ отрѣшеніемъ отъ всего тварнаго и съ чаяніемъ несомнѣннымъ блаженства въ будущемъ.

Возстановляетъ его благодать Св. Духа, чрезъ сочетаніе съ Господомъ. Въ этомъ актѣ возвращается ему и природная власть надъ душею и тѣломъ, вслѣдствіе чего и начинаетъ онъ править всѣмъ своимъ,—и внутреннимъ и внѣшнимъ.

Ст. 24. *И облещися въ новаго человѣка, созданнаго по Богу, въ правдѣ и преподобіи истины.*

Истина въ Іисусѣ та, что вы не отлагаете только ветхаго, но и облекаетесь въ новаго человѣка. Кто сей новый, видно по противоположности ветхому: видно также и изъ предшествующаго указанія на обновленіе духомъ ума. Но Апостолъ полнѣе опредѣляетъ его здѣсь, въ его происхожденіи, въ его свойствахъ и направленіяхъ его дѣятельности. Новый человѣкъ созидается вновь или возсозидается, возрождается путемъ сверхъестественнымъ. Къ уму, омраченному суетою, приходитъ благодать, и пробуждаетъ въ немъ страхъ Божій; страхъ Божій оживляетъ совѣсть; пробужденная и встревоженная совѣсть поражаетъ безнадежностію и заставляетъ искать примиренія. Евангеліе указываетъ его во Христѣ Іисусѣ: Христосъ объемлется вѣрою, и сочетавается съ вѣрующимъ въ купели крещенія, исполняетъ его благодатію Духа въ мѵропомазаніи. Такъ, приступившій къ Господу примиряется съ Богомъ, и посвящаетъ себя на служеніе Ему, чувствуя, что принялъ силы, яже къ животу и благочестію. Такъ начинается новая жизнь, которая есть жизнь по Богу, въ правдѣ и преподобіи истины.

Созданный по Богу есть тоже, что созданный по образу Божію (Кол. 3, 10). Какъ въ началѣ созданъ человѣкъ по образу Божію, такъ теперь вновь возсозидается въ тотъ же образъ возсозданный по Богу и живетъ потомъ по Богу, т. е. въ жизни его первая забота—сохраненіе должныхъ отношеній къ Богу, или богобоязненность, чтобъ всегда хранить мирное общеніе съ Богомъ и имѣть

къ Нему дерзновеніе и доступъ. Новый человѣкъ живетъ духомъ въ Богѣ. Утверждаясь же въ Богѣ, онъ нисходитъ и въ кругъ жизни и является здѣсь совершенно праведнымъ, ревнуя исполнить всякую *правду*, всякое вѣдомое опредѣленіе воли Божіей, чтобъ ни въ чемъ не погрѣшить предъ Нимъ и ничѣмъ не омрачить своей совѣсти. Въ этомъ настроеніи онъ есть *правый*, какимъ созданъ первоначально первый человѣкъ. Говорится: *созданнаго въ правдѣ*—не „на правду", а уже „въ правдѣ". Такъ, изъ купели выходитъ на свѣтъ новый человѣкъ съ такимъ внутри строемъ, чтобы ревностно исполнять всякую правду въ чувствѣ силы, на то благодатію въ него вліянной. *Въ преподобіи* тоже значитъ, что и въ правдѣ. Преподобіе прилично тому, кто во всемъ совершенствѣ исполняетъ то, что подобаетъ. „Что есть преподобіе?" спрашиваетъ св. Златоустъ, — и отвѣчаетъ: „что чисто и согласно съ требованіемъ долга." Или, можетъ быть, *правда* означаетъ болѣе дѣятельную сторону добродѣтели, а *преподобіе*—болѣе внутреннюю чистоту и непорочность чувствъ и расположеній. *Истины*—относится и къ правдѣ и къ преподобію, и показываетъ, что новый человѣкъ возсозидается въ правдѣ истинной и преподобіи истинномъ; не кажется только такимъ, но дѣйствительно таковъ, не предъ людьми только, но и предъ Богомъ. Въ ветхомъ человѣкѣ все прелесть (ст. 22), все призрачно; а въ новомъ все истинно, все такъ есть, какъ чему слѣдуетъ быть, и какъ сама истина — Богъ опредѣляетъ.

Вотъ какими христіане содѣлываются во Христѣ Іисусѣ, по истинѣ Іисусъ-Христовой.

Подъ новымъ и ветхимъ человѣкомъ разумѣется нравственно-религіозный характеръ человѣка, а не лица какія особыя отъ человѣка. Человѣкъ одинъ; но то онъ живетъ въ самоугодіи и страстяхъ, то посвящаетъ себя Богу

и всѣмъ Богу угождать ревнуетъ. Въ первомъ случаѣ онъ ветхій, во второмъ—новый человѣкъ. Св. Златоустъ: „дабы кто не подумалъ, будто онъ выдумываетъ иного человѣка, когда говоритъ о новомъ и ветхомъ человѣкѣ, онъ говоритъ: *обновлятися*. Обновленіе происходитъ тогда, когда обветшавшее принимаетъ другой видъ, такъ что предметъ остается одинъ и тотъ же, но происходитъ перемѣна съ его случайными свойствами.—*И облещися въ новаго*.—Видишь, что предметъ одинъ, а одежды двѣ: одна, которая совлекается, и другая, въ которую облекаются?—Почему онъ представляетъ человѣка подъ именемъ добродѣтели? И также подъ именемъ порока? Потому что для того, чтобы опредѣлить свойство человѣка, нужно указать на его дѣятельность. Такимъ образомъ дѣйствія человѣка не меньше, чѣмъ естественныя его свойства, показываютъ, добръ онъ или не добръ. Какъ легко разоблачить (раздѣть) человѣка, такъ же легко по добродѣтели или пороку видѣть свойства его.“—Та же мысль и у Ѳеодорита: „*ветхимъ человѣкомъ* назвалъ Апостолъ не самое естество, но дѣйственность грѣха. Ибо крещаемый слагаетъ съ себя не тѣло, но оскверненную грѣховную одежду; *новымъ же человѣкомъ* нарекъ жительствующаго по евангельскому законоположенію. А человѣкомъ назвалъ и добродѣтель и порокъ, потому что людьми они совершаются.“

Бл. Іеронимъ говоритъ, что облещися въ новаго человѣка есть облещися во Іисуса Христа (Рим. 13, 14): ибо Онъ есть истинно новый человѣкъ. И прибавляетъ: „Итакъ, кто подражаетъ Его жизни и всѣ Его добродѣтели въ себѣ показываетъ,—бываетъ кротокъ, какъ Онъ былъ кротокъ и смиренъ сердцемъ, и полагаетъ душу свою за други своя, какъ Тотъ положилъ за овцы Своя,—будучи біенъ не отвѣчаетъ, и злословимъ будучи не противозлословитъ, но препобѣждаетъ гордость сми-

реніемъ; тотъ облекся въ новаго человѣка и можетъ говорить со Апостоломъ: *живу не ктому азъ, но живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). И: *подражатели мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. 11, 1). Такой исполняетъ и слова Іоанна Богослова: *глаголяй въ Немъ пребывати, долженъ есть, якоже Онъ ходилъ есть, и сей такожде да ходитъ* (1 Іоан. 2, 6).“

Св. Златоустъ, сказавши, во что и какъ облекаются христіане въ крещеніи, прибавляетъ, что намѣреніе у Апостола при сихъ словахъ то, чтобы побудить всѣхъ „не жить больше по влеченію похотей прелестныхъ, но по заповѣдямъ Божіимъ.—Нашъ долгъ не совлекать уже болѣе съ себя этой одежды оправданія, которую Пророкъ называетъ одеждою спасенія (Ис. 61, 10), чтобы намъ сдѣлаться подобными Богу. — Апостолъ хочетъ, чтобы мы не одинъ день, не два, не три, но всегда пребыли въ добродѣтели и никогда не снимали съ себя этой одежды. Ибо не такъ непристойно человѣку быть нагимъ по тѣлу, сколько быть обнаженнымъ отъ добродѣтели. При тѣлесной наготѣ его непристойное положеніе видятъ такіе же рабы, а тамъ—это видитъ Господь и Ангелы. — Какъ же проститъ намъ Богъ, если мы погубимъ эту одежду?—Обнажимъ себя отъ денегъ, чтобы не обнажиться отъ праведности. Одежда, состоящая въ деньгахъ, повреждаетъ одежду оправданія.—Чувственныя наклонности также лишаютъ насъ этой одежды: ибо онѣ суть огонь, а такой огонь сожигаетъ сію одежду. Богатство также есть моль: и какъ моль поѣдаетъ все и не щадитъ даже шелковыхъ одеждъ, такъ и богатство не щадитъ нашей истинной одежды. Итакъ, оставимъ все это, дабы намъ быть праведными, дабы облечься въ новаго человѣка. Не оставимъ у себя ничего ветхаго, ничего преходящаго, ничего тлѣннаго. Добродѣтель не тяжела, не неудобоисполнима. Не видишь ли тѣхъ, кои

проводятъ жизнь въ горахъ?—Они оставляютъ и свои домы, и женъ, и дѣтей, и всѣ свои занятія, и удалившись изъ міра, облекаются во вретище, заключаютъ себя въ тѣсной кельѣ... Изнуряютъ себя постомъ и постояннымъ голодомъ. Еслибъ теперь я предложилъ вамъ это, не отказались ли бы вы всѣ отъ такого предложенія?—Но я не говорю этого... Даже что скажу еще?—Пользуйся и банями, имѣй попеченіе и о тѣлѣ, ходи и на площадь, имѣй у себя домъ, имѣй и слугъ, употребляй и яства и напитки: изгони только отвсюду корыстолюбіе. И не говори мнѣ, что тѣ (отшельники) имѣли особыя силы къ такой строгой жизни, ибо многіе гораздо тебя слабѣе и богаче и изнѣженнѣе вступали въ эту суровую жизнь. Но что я говорю о мужахъ? —Дѣвы,—воспитанныя въ нѣгѣ—эти дѣвы, бывъ объяты внезапно огнемъ Христовымъ, оставили всю свою роскошь и пышность, и забывши о своей изнѣженности, подобно храбрымъ борцамъ, вступили на поприще подвиговъ.—Такую имѣетъ силу огонь Христовъ, такъ благое изволеніе превышаетъ самую природу! — Однакожъ ничего такого я не требую отъ васъ; потому что вы хотите, чтобы жены опередили васъ на поприщѣ благочестивой жизни. По крайней мѣрѣ, дѣлайте то, что не трудно: удержите свою руку отъ непозволительнаго, удержитесь отъ безстыдныхъ взглядовъ. Что въ этомъ труднаго, скажи мнѣ? Что тяжелаго? Будьте справедливы, никому не дѣлайте обиды—ни бѣдный, ни богатый, ни продавецъ, ни наемщикъ. Вступай въ бракъ, имѣй дѣтей.—Великъ точно подвигъ (отшельничества), высока скала та... и ты не въ состояніи подняться на нее?—Имѣй же хотя меньшее и достигни нижайшаго. Ты не можешь раздать своихъ денегъ? Не похищай, по крайней мѣрѣ, чужихъ, и не обижай другихъ. Ты не можешь поститься? Не отдавайся по крайней мѣрѣ сластолюбію. Ты не можешь

лежать на тростниковомъ ложѣ? Не устрояй, по крайней мѣрѣ, себѣ одровъ, обитыхъ серебромъ, но употребляй одръ простой и ложе, сдѣланное не на показъ, а для отдохновенія; равно не устрояй одровъ и изъ слоновой кости; стѣсняй себя. Если будешь вести скромную жизнь, то не будешь бояться ничего, ни зависти, ни воровъ, ни козней. — Я не говорю тебѣ: услуживай больному; прикажи, по крайней мѣрѣ, это своему слугѣ. Видишь ли какъ это не тяжко?"

б) Самыя правила нравственной жизни христіанъ, яко христіанъ вообще.

4, 25—5, 20.

аа) Истинность въ словѣ.

Ст. 25. *Тѣмже отложше лжу, глаголите истину кійждо ко искреннему своему: зане есмы другъ другу удове.*

На первомъ мѣстѣ ставитъ св. Павелъ истинность въ словѣ. Рѣчь свою связываетъ съ предыдущею. Тамъ сказалъ онъ: облеклись вы *въ новаго человѣка созданнаго по Богу въ правдѣ и преподобіи истины.* Теперь беретъ въ этихъ словахъ поводъ и говоритъ объ истинности въ словѣ: *тѣмже отложше лжу, глаголите истину.* Основаніе сему правилу беретъ не въ предъидущемъ положеніи, а въ томъ, что мы *другъ другу удове есмы.* Есть въ логикахъ правило, что мышленію нельзя составиться, если умъ не будетъ всякій предметъ представлять одинаковымъ (законъ тождества), всегда себѣ равнымъ, однимъ и тѣмъ же. И обществу людей нельзя состояться, если каждый на дѣлѣ будетъ не то, что на языкѣ. Связующая людей цѣпь есть взаимное довѣріе. Довѣрію сему нельзя укорениться, если не будетъ у всѣхъ истины въ словѣ. Въ какой степени, гдѣ сильна увѣренность во

взаимномъ истиннорѣчіи,—въ такой—силенъ тамъ и союзъ людей; и на оборотъ въ такой—слабъ союзъ, въ какой—допускается неистиннорѣчіе. Христіане составляютъ едино тѣло, живо сочетанное. Слѣдовательно, истиннорѣчіе уже качествуетъ среди ихъ: иначе и составиться нельзя бы было такому союзу. Апостолъ говоритъ какъ бы: не ставьте себя въ противорѣчіе съ тѣмъ, что вы есте. И то еще наводитъ это указаніе на мысль, что если мы другъ другу удове, то всякій долженъ имѣть другаго какъ себя. А предъ собою кто лжетъ?—Хоть бы и хотѣлъ кто, да не можетъ: ибо сознаніе и въ лгущемъ и въ томъ, предъ кѣмъ лгалъ бы лгущій—одно и тоже. И слово такое употребилъ Апостолъ: говорите *истину искреннему*,—тому, кто къ вамъ искрененъ, и къ кому вы искренни. Повернется ли языкъ сказать ложь такому? Но удове и должны находиться именно въ такомъ другъ къ другу отношеніи.—Сказать: вы удове другъ другу—тоже, что сказать: между вами должна господствовать искренняя любовь. Гдѣ любовь, тамъ невозможна ложь.

Св. Златоустъ говоритъ: „представивъ общее ученіе о ветхомъ человѣкѣ, Апостолъ потомъ изображаетъ его подробно; потому что ученіе о какомъ либо предметѣ, касающееся его подробностей, бываетъ удобопонятнѣе. Что же говоритъ онъ? *Тѣмже отложше лжу*. Какую лжу? Не разумѣетъ ли онъ идоловъ? Нѣтъ. Ибо хотя и идолы—ложь, но здѣсь рѣчь не о нихъ: такъ какъ Ефесяне не имѣли никакого общенія съ идолами. Онъ говоритъ имъ о лжи по отношенію другъ къ другу, т. е. о лукавствѣ и обманахъ: *глаголите истину кійждо ко искреннему своему*, говоритъ онъ, и представляетъ главное побужденіе къ этому: *зане есмы другъ другу удове*. Замѣть, какъ вездѣ Апостолъ пристыждаетъ ихъ, указывая на взаимную вѣрность членовъ тѣлесныхъ. Глазъ,—говоритъ онъ,—не обманываетъ ноги, ни нога глаза...

Если глазъ увидитъ змія, или звѣря, обманетъ ли онъ ногу? Не дастъ ли тотчасъ знать ей объ этомъ? И она, узнавши это отъ него, уже будетъ идти осторожно. Точно также, когда ни глазъ, ни нога не имѣютъ средствъ узнать вреднаго яда, но все будетъ зависѣть отъ обонянія, ужели обоняніе солжетъ устамъ? Никакъ. Почему? Потому что оно въ такомъ случаѣ погубитъ и себя. Напротивъ, какъ ему (обонянію) представится, такъ оно и говоритъ. А языкъ развѣ обманываетъ желудокъ? Не выбрасываетъ ли онъ того, что находитъ противнымъ? Таковъ взаимный обмѣнъ услугъ и взаимныя содѣйствія между членами тѣла. Замѣчай же, какъ вѣрно, и притомъ, такъ сказать, чистосердечно производится это взаимное предостереженіе. Такъ и мы не будемъ лгать, если мы члены одного тѣла. Это будетъ знакомъ нашего дружества, а противное сему—вражды.“

бб) Безгнѣвіе.

Ст. 26. *Гнѣвайтеся и не согрѣшайте: солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ.*

Гнѣвайтесь. Чтобъ св. Павелъ разрѣшалъ на гнѣвъ, нельзя думать, тѣмъ паче, что тутъ же спустя нѣсколько стиховъ говоритъ: *гнѣвъ... да возмется отъ васъ* (—— 31), т.-е. да будетъ изгнанъ изъ среды васъ, чтобъ и мѣста ему тутъ не было. Надо полагать, что самую фразу взялъ Апостолъ, какъ она читается въ Псалмѣ 4, 5, мысль же съ нею соединилъ запретительную на гнѣвъ, какъ бы такъ: что касается до гнѣва, то не согрѣшайте имъ.—Законъ вмѣненія въ отношеніи къ гнѣву тотъ же, что и относительно всѣхъ другихъ страстныхъ движеній. Приraженія страсти не вмѣняются въ грѣхъ. Вмѣненіе начинается съ того момента, какъ, замѣтивъ движеніе страсти, уступаютъ ей, и не только не про-

тивятся ей, но становятся на сторону ея, раздувають ее и сами помогають ей взойти до неудержимости. Коль же скоро кто, замѣтивъ прираженіе страсти, вооружается противъ нея и соотвѣтственными пріемами въ мысляхъ и положеніяхъ тѣла старается прогнать ее, то это не въ грѣхъ, а въ добродѣтель вмѣняется. Тоже и въ отношеніи къ серчанію и гнѣву. Въ непрестанныхъ столкновеніяхъ съ другими поводамъ къ раздраженію числа нѣтъ. Но когда кто всякое возникновеніе гнѣва подавляетъ и прогоняетъ, то онъ и гнѣвается и не согрѣшаетъ. Совсѣмъ не гнѣваться и никакого розогорченія никогда не чувствовать есть даръ благодати и принадлежитъ совершеннымъ. Въ обычномъ же порядкѣ долгъ всѣхъ не поддаваться гнѣву, чтобы не согрѣшить имъ. Экуменій и Өеофилактъ говорятъ: „Хорошо бы совсѣмъ не серчать, но ужъ когда прорвалось серчаніе, не допускай его до грѣха.“ Подавляй его внутри, чтобъ оно не прорвалось въ слово, въ мину, въ движеніе какое.

Но бываетъ иногда и такъ, что гнѣвъ мгновенно охватитъ, и прежде чѣмъ спохватится человѣкъ, онъ уже и въ слово и въ движеніе вышелъ. И тутъ умѣстно невмѣненіе, но только до того момента, какъ спохватишься. Какъ же только сознана оплошность, надо спѣшить исправить дѣло братскимъ примиреніемъ. Кто идетъ между разными разставленными въ разныхъ сочетаніяхъ вещами, и случится ему неосторожнымъ движеніемъ иное повалить, иное сдвинуть съ мѣста,—что дѣлаетъ онъ тогда?—Оборачивается и ставитъ все опять на свое мѣсто съ извиненіемъ предъ хозяиномъ. Тоже и между обычными у насъ столкновеніями. Случилась вспышка и размолвка, спѣши опять все поставить въ прежній ладъ примиреніемъ. Примиреніе можетъ возстановиться тотчасъ же; но могутъ привзойти моменты, отдаляющіе его. Всяко начни тотчасъ; Богъ поможетъ и сладитесь. Тутъ много значатъ

внѣшнія соприкосновенности, личные характеры, прежнія отношенія. Но ничто изъ этого не можетъ оправдать и узаконить продленія серчанія и разлада. Грѣхъ начался съ той минуты, какъ замѣчена погрѣшность, и въ душѣ не положено тотчасъ же употребить мѣры къ примиренію. Коль же скоро это сдѣлано, то вмѣненіе грѣха отклонено. Всякая однакоже опасность вмѣненія минуетъ, когда и дѣломъ употреблены мѣры и миръ возстановленъ.

Апостолъ заповѣдуетъ поспѣшать этимъ дѣломъ и всячески стараться, чтобы солнце не зашло во гнѣвѣ, т.-е. чтобъ помириться въ тотъ же день. Мало ли впрочемъ можетъ быть обстоятельствъ, которыя помѣшаютъ исполнить это въ тотъ же день, и солнце зайдетъ прежде примиренія? Но Апостолъ и не пишетъ о примиреніи, а о взаимномъ другъ на друга серчаніи. Переломъ серчанія есть внутреннее дѣло. Его можно устроить въ одинъ моментъ; а примиреніе требуетъ времени. Онъ хочетъ чтобъ внутри гнѣвъ былъ подавленъ тотчасъ, и движеніе къ примиренію начато въ тоже время,—а по крайней мѣрѣ, до захода солнца. Можетъ быть слова Апостола можно и не понимать буквально. Всяко однакожъ, какъ замѣчаютъ, есть опасность, что ночью, на свободѣ, малое неудовольствіе можетъ раздуться въ пламень, и сдѣлать разладъ непримиримымъ. О снѣ въ отношеніи къ тѣлу говорятъ, что онъ закрѣпляетъ въ тѣлѣ новые элементы, принятые днемъ въ пищѣ. То же можно сказать о немъ и въ отношеніи къ душѣ,—что онъ закрѣпляетъ въ ней движенія и мысли, какія лелѣяла и набрала она днемъ. И гнѣвъ можетъ въ ней закрѣпнуть. Потому и надобно разорить его до сна, чтобъ онъ не закрѣпился и не превратился въ непримиримую вражду.

Приводимъ разсужденіе объ этомъ св. Златоуста. „Хорошо не гнѣваться; но если кто впадетъ въ эту страсть,

то по крайней мѣрѣ не на долгое время: *солнце да не зайдетъ во гнѣвѣ вашемъ.* Ты не можешь удержаться отъ гнѣва? Гнѣвайся часъ, два, три: но да не зайдетъ солнце, оставивъ насъ врагами. Оно по благости Господа взошло, да не зайдетъ же сіявши на недостойныхъ. Ибо если Господь послалъ его по многой Своей благости и Самъ оставилъ тебѣ согрѣшенія, а ты не оставляешь ихъ своему ближнему, то размысли, какое въ этомъ зло? Притомъ отъ него можетъ происходить и другое зло. Блаженный Павелъ опасается, чтобы ночь, захвативши въ уединеніи человѣка потерпѣвшаго обиду и еще пламенѣющаго гнѣвомъ, не разожгла сего огня еще болѣе. Днемъ, пока еще многое раздражаетъ тебя, тебѣ позволительно дать въ себѣ мѣсто гнѣву; но когда наступаетъ вечеръ, примирись и погаси возникшее зло. Если ночь застанетъ тебя во гнѣвѣ, то слѣдующаго дня уже не довольно будетъ для погашенія зла, которое можетъ возрасти въ тебѣ въ продолженіе сей ночи. Если даже большую часть его ты и уничтожишь, то не въ состояніи будешь уничтожить всего, и въ слѣдующую ночь дашь возможность болѣе усилиться оставшемуся злу. Какъ солнце, если дневной теплоты его не довольно бываетъ для осушенія и очищенія воздуха, наполнившагося облаками и испареніями въ продолженіе ночи, даетъ этимъ поводъ быть грозѣ, когда ночь, захвативши остатокъ этихъ паровъ, прибавляетъ къ нимъ еще новыя испаренія: такъ точно бываетъ и въ гнѣвѣ.“

Ст. 27. *Ниже дадите мѣста діаволу.*

Діаволъ не имѣетъ доступа къ душѣ, когда она не питаетъ никакой страсти. Тогда она свѣтла, и діаволъ не можетъ воззрѣть на нее. Когда же она попуститъ движеніе страсти и согласится на нее, тогда омрачается, и діаволъ видитъ ее, смѣло подходитъ къ ней и начинаетъ въ ней хозяйничать. Два главныхъ порочныхъ дви-

женія тревожать обычно душу—похоть и раздражительность. Кого успѣетъ врагъ одолѣть похотію, того и оставляетъ съ нею, не тревожа, или слабо тревожа гнѣвомъ; а кто не поддается похоти, того спѣшитъ подвигать на гнѣвъ, и собираетъ вокругъ его много раздражающаго. Кто не разбираетъ уловокъ діавола и за все серчаетъ, тотъ даетъ мѣсто діаволу, давая себя побѣждать гнѣву. А кто подавляетъ всякое возбужденіе гнѣва, тотъ противится діаволу и отгоняетъ его, а не только мѣста въ себѣ не даетъ. При гнѣвѣ дается мѣсто діаволу тотчасъ, какъ серчаніе признается справедливымъ и удовлетвореніе его законнымъ. Въ тотъ же моментъ врагъ входитъ въ душу и начинаетъ влагать въ нее мысли за мыслями—одна другой раздражительнѣе. Человѣкъ начинаетъ горѣть во гнѣвѣ, какъ въ пламени. Это діавольскій, адскій пламень. А бѣдный человѣкъ думаетъ, что онъ такъ горитъ отъ ревности по правдѣ; тогда какъ въ гнѣвѣ никогда правды не бываетъ (Іак. 1, 20). Это своего рода прелесть въ гнѣвѣ, какъ есть прелесть въ похоти. Кто подавляетъ тотчасъ гнѣвъ, тотъ разсѣяваетъ сію прелесть, и діавола тѣмъ отражаетъ такъ же, какъ иной въ сердцахъ сильно ударяетъ кого въ грудь. Кто изъ гнѣвающихся, по погашеніи гнѣва, разобравъ дѣло добросовѣстно, не находилъ, что въ основѣ раздраженія была неправда?! А врагъ эту неправду превращаетъ въ правду, и въ такую гору ее взгромождаетъ, это покажется, будто и міру стоять нельзя, если не удовлетворить нашему негодованію.

Св. Златоустъ говоритъ: „*Ниже дадите мѣста діаволу*. Итакъ враждовать другъ противъ друга значитъ давать мѣсто діаволу. Ибо тогда какъ должно намъ соединиться вмѣстѣ и возстать противъ него, мы, оставивши вражду противъ него, позволяемъ себѣ обратиться другъ на друга. Подлинно ничто такъ не способствуетъ діаволу

находить мѣсто среди насъ, какъ вражда! Какъ камни до тѣхъ поръ, пока они плотно сбиты и не имѣютъ пустоты, трудно разламываются; коль же скоро окажется въ нихъ скважина, хотя бы такая малая, какъ остріе иглы, или сдѣлается трещина, въ которую можно лишь продѣть одинъ волосъ, распадаются и разрушаются: такъ и при нападеніяхъ (діавола). Пока мы будемъ тѣсно соединены и сближены между собою, тогда онъ не можетъ ввести (въ среду насъ) ни одного изъ своихъ (злыхъ навѣтовъ). Но когда хотя немного онъ раздѣлитъ насъ, тогда вторгается къ намъ подобно бурной волнѣ. Вездѣ ему нужно только начало, это для него самое трудное; когда же начало сдѣлано, тогда онъ уже самъ собой все подвигаетъ впередъ. Такъ лишь только онъ открылъ твой слухъ для клеветъ, и лжецы уже пріобрѣтаютъ твое довѣріе. Ибо враждующіе руководствуются своею ненавистію, все осуждающею, а не истиною, право судящею. Ибо какъ во время дружбы даже справедливымъ, но нехорошимъ слухамъ не хочется вѣрить, такъ при враждѣ напротивъ и ложные слухи принимаются за истину. Другой тогда бываетъ у насъ умъ, другое судилище, выслушивающее не съ равнодушіемъ, но съ пристрастіемъ и предубѣжденіемъ. Какъ положенный на вѣсы свинецъ все перетягиваетъ, такъ и тягчайшая свинца тяжесть вражды. Она заставляетъ и слова, которыя говорятся въ одномъ смыслѣ, принимать въ другомъ, заставляетъ заподозривать движеніе, и все, что ни есть, перетолковывать въ худую сторону, и тѣмъ ожесточаетъ и раздражаетъ человѣка, дѣлая его хуже бѣсноватыхъ, такъ что онъ не хочетъ ни называть, ни слышать имени того, противъ кого враждуетъ, но всегда называть его бранными словами. Какъ же мы смягчимъ свой гнѣвъ? Какъ погасимъ этотъ пламень? Если помыслимъ о своихъ собственныхъ грѣ-

хахъ и о томъ, сколько мы виновны предъ Богомъ; если помыслимъ, что мы мстимъ не врагу, но самимъ себѣ; если помыслимъ, что враждою мы доставляемъ радость діаволу, этому врагу, этому истинному врагу нашему, ради котораго мы наносимъ обиду собрату своему. Ты не можешь не злопамятствовать, не враждовать? Будь врагомъ, но враждуй противъ діавола, а не противъ своего собрата. Для того и далъ намъ Богъ въ орудіе гнѣвъ, чтобы мы не собственныя тѣла поражали мечемъ, но чтобы вонзали все его остріе въ грудь діавола. Вверзи туда свой мечъ по самую рукоять: если хочешь, вдави и рукоять, и не извлекай его никогда оттолѣ, напротивъ, вонзи туда еще и другой мечъ. А это произойдетъ тогда, когда мы будемъ щадить другъ друга, когда будемъ миролюбно расположены другъ къ другу. Пусть я лишусь денегъ, пусть я погублю свою славу и честь: мой членъ всего для меня дороже. Такъ будемъ говорить другъ другу: не будемъ оскорблять своей природы для пріобрѣтенія денегъ, для снисканія славы."

вв) Трудолюбіе съ милостынею.

Ст. 28. ***Крадый ктому да не крадетъ, но паче да труждается, дѣлая своима рукама благое, да иматъ подаяти требующему.***

Между христіанами Ефесскими, можетъ быть, и не было такихъ, которые бы падали въ грѣхъ воровства; но конечно были такіе, которые, до обращенія, въ язычествѣ промышляли этимъ. По св. Златоусту это одна изъ чертъ ветхаго человѣка, вмѣстѣ съ ложью и памятозлобіемъ. Зная это и опасаясь, чтобъ такія лица, по удаленіи его и прекращеніи личнаго его надъ ними наблюденія, не возвратились на прежнее, онъ напоминаетъ имъ, что это недоброе дѣло навсегда должно быть остав-

лено. Ктому никто изъ таковыхъ *да не крадетъ*. Говорятъ, что воровство для занимавшихся имъ имѣетъ особую привлекательность. Шумный городъ представлялъ повсюду благопріятные къ нему поводы. Долго ли разбередиться старой болѣзни? Какъ мудрый и добрый врачъ онъ и говоритъ имъ: смотрите, поопаситесь!

„Поелику грѣхъ сей преимущественно порождается праздностію, то Апостолъ справедливо противопоставилъ ему доброе дѣланіе“ (Θеод.). *Но паче да труждается*. „Не довольно отстать отъ грѣха; надо вступить на противоположный ему путь добра. Прежде дѣлали злое, теперь пусть дѣлаютъ благое, и не просто дѣлаютъ, но преутруждаютъ себя въ дѣланіи“ (Θеоф.). Обращая такую рѣчь къ кравшимъ, не то внушаетъ Апостолъ, будто другіе могутъ сидѣть сложа руки, но паче то, что кравшій вступаетъ теперь въ общество лицъ, живущихъ трудами рукъ своихъ. Почему не только да воспріиметъ подобный ихнему трудолюбивый образъ жизни, но даже да превзойдетъ всѣхъ ихъ въ трудѣ, чтобы показать искренность исправленія. Въ гражданскомъ порядкѣ вора остепеняетъ внѣшній судъ и тѣлесное наказаніе; въ порядкѣ нравственномъ связываетъ вору руки совѣсть. Но она однимъ прекращеніемъ худаго дѣла не ограничивается, а требуетъ вознагражденія. Этого требуетъ и совѣсть вора, чтобы противоположнымъ трудомъ насытить себя, и совѣсть другихъ, чтобы возстановилось довѣріе къ недобросовѣстно жившему. Св. Златоустъ говоритъ: „для того, чтобы снять съ себя осужденіе, нужно не отстать только отъ грѣха, но и сдѣлать что либо доброе. Смотри, какъ должно заглаждать грѣхи. Они крали,—это значитъ—совершали грѣхъ. Но когда перестали, это не значитъ—загладили грѣхъ. Какъ же имъ это сдѣлать? Надо трудиться и помогать другимъ. Которые сдѣлали такъ, тѣ, значитъ, и загладили грѣхъ.“

И нѣсколько ниже, подъ слѣдующимъ стихомъ говоритъ онъ еще: „такое наставленіе даетъ Апостолъ не столько для того, чтобы оказать снисхожденіе тѣмъ (кравшимъ), сколько для того, чтобы потерпѣвшимъ отъ сего внушить кротость и убѣдить ихъ удовольствоваться тѣмъ, что они уже больше не подвергнутся этому." Бл. Ѳеофилактъ прибавляетъ къ сему: *„да труждается"*—частію для того, чтобы сокрушить тѣло, которое прежде отъ бездѣйствія проворно было на злыя дѣла, частію для того, чтобы въ достаточномъ количествѣ имѣть способы къ жизни и продовольствію, дабы удѣлять и другимъ,— и дабы тотъ, кто прежде другихъ обиралъ, теперь являлся благодѣтелемъ другихъ. Дивно!... Какъ Евангеліе дѣлаетъ ангелами тѣхъ, которые прежде были почти тоже, что демоны."

Дѣлать благое заповѣдуетъ здѣсь Апостолъ, разумѣя подъ симъ не вообще дѣланіе добрыхъ дѣлъ, а какое-либо доброе и честное ремесло, ибо говоритъ: *дѣлая своими руками благое;* что вмѣстѣ съ выраженіемъ *да труждается* указываетъ на рукодѣліе. У Апостола во всѣхъ посланіяхъ какъ общій для всѣхъ законъ прописывается: жить своими трудами. Нуждающіеся среди христіанъ — только тѣ, которые не могутъ трудиться. Ихъ нужды покрывать—назначаются избытки, остающіеся отъ содержанія, которое могущіе трудиться достаютъ себѣ своими трудами. Эта послѣдняя цѣль труда, по Апостолу, такъ неотложна, что обязывая всѣхъ трудиться онъ и не указываетъ на ближайшую цѣль — содержать себя, которая сама собою разумѣется, но выставляетъ одну эту дальнѣйшую—помогать другимъ, которую легко могли забывать,—чтобъ приблизить ее къ сознанію или даже поставить напереди во вниманіи, чтобъ изъ-за ней уже виднѣлась и та. „Апостолъ повелѣваетъ заниматься дѣланіемъ (рукодѣліемъ и ремесломъ), не ради

одного чрева, но и на потребность нуждающимся“ (Θеод.). Эта подача нуждающимся освящаетъ и ту часть, которая употребляется на себя; и на весь трудъ низводитъ Божіе благословеніе. Таковъ благочестивый строй жизни христіанъ! Все—къ Богу, и все отъ Бога.

г) Назидательность въ рѣчахъ.

Ст. 29. *Всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ: но точію еже есть благо къ созиданію вѣры, да дастъ благодать слышащимъ.*

Слово гнило—надо объяснять изъ понятія о гниломъ. Гнило говорится о деревѣ,—и въ такомъ случаѣ оно не гоже ни на какое дѣло. Прилагая это къ слову, гнилымъ надо счесть всякое пустое, праздное, шутливое и смѣхотворное лишь слово, остроты, каламбуры,—пересыпаніе изъ пустаго въ порожнее. Но иное тѣло, когда гніетъ, не только ни къ чему не гоже бываетъ, но распространяетъ зловоніе и заразу. Зловонныя слова суть злорѣчія, пересуды, клеветы, срамословіе, лесть, коварныя козни и всякіе кривотолки. Слова, какъ зараза, суть тѣ, которыми подрывается вѣра и колеблется добрый нравъ, посѣвается раздоръ, подозрѣнія, смятенія народныя. Всѣхъ этихъ родовъ слова запрещаетъ Апостолъ, когда говоритъ: *слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ.* Такъ разумѣютъ всѣ наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ: „какое это слово гнило? То, какое въ другомъ мѣстѣ онъ называетъ словомъ празднымъ, злословіемъ, срамословіемъ, буесловіемъ.“ Θеодоритъ пишетъ: „слово гнило — сквернословіе, злорѣчіе, клевета, ложь и тому подобное.“ Бл. Іеронимъ: „слово гнилое то, которое располагаетъ къ грѣху и приводитъ къ паденію.“ Экуменій: „гнилымъ называетъ или праздное и безразсудное слово, или растлѣнное и зловонное, какъ то: злорѣчіе, клевету, срамословіе, смѣхотворство;

ибо что растлѣннѣе и зловоннѣе этого?“—Тоже и Θеофилактъ — прибавляя: „ибо за всякое праздное слово должны мы будемъ дать отчетъ.“

Слово благое опредѣляется и само собою, по противоположности тому, что есть слово гнилое. Но св. Павелъ прямо его опредѣляетъ—*благо къ созиданію вѣры*. Кому заповѣдано со страхомъ и трепетомъ свое спасеніе содѣвать, тѣмъ все туда и направлять должно,— тѣмъ паче языкъ, подвижнѣйшій и неудержимѣйшій изъ органовъ. Есть у насъ присловіе: что у кого болитъ, тотъ о томъ и говоритъ. Кто вседушно болѣетъ объ одномъ, какъ бы душу спасти, у того не повернется языкъ говорить о чемъ либо стороннемъ. Скажешь: вотъ все объ этомъ, да объ этомъ?—Но общество христіанъ предполагается, и должно быть, все состоящимъ изъ лицъ, исполненныхъ одинаковой болѣзненной заботы о спасеніи. Тутъ странно не то, что всѣ ведутъ рѣчь о спасеніи, а то, если кто заведетъ рѣчь о чемъ либо другомъ, кромѣ этого. Св. Златоустъ говоритъ: говори только то, что назидаетъ ближняго, но — ничего излишняго. Богъ далъ тебѣ уста и языкъ для того, чтобъ ты благодарилъ Его и назидалъ ближняго. Если ты разрушаешь зданіе, то лучше молчать и ничего не говорить. Ибо и руки художника, назначенныя для построенія стѣнъ, но вмѣсто того навыкшія разрушать ихъ, справедливо было бы отсѣчь. Такъ (о языкѣ) и Псалмопѣвецъ говоритъ: *потребитъ Господь вся устны льстивыя* (Пс. 11, 4). Языкъ — причина всѣхъ золъ, или, лучше, не языкъ, а тѣ, которые злоупотребляютъ имъ.“— Потому нельзя безъ разбора говорить, что ни попало.

Замѣтить надо, что у насъ въ славянскомъ и русскомъ стоитъ: къ *созиданію вѣры*. Такъ и въ Вульгатѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ рукописяхъ. И кажется, что это чтеніе лучше. Нынѣшніе же приняли другое чтеніе:

πρός οἰκοδομὴν χρείας—къ удовлетворенію нужды. Говори только то, что тебѣ нужно, или нужно тѣмъ, съ кѣмъ заводишь рѣчь. Но если разумѣть подъ нуждой не одну житейскую или гражданскую нужду, какъ и слѣдуетъ предполагать въ тѣхъ, у коихъ и имѣется единое на потребу, помимо этихъ нуждъ, то мысль сойдетъ на одно и то же. Какія нужды чувствительнѣе для христіанъ, какъ не нужды вѣры, вопросы и недоумѣнія, касающіяся догматовъ и устроенія жизни христіанской по нормѣ Христовой? Житейское и самъ всякій сладитъ, а если и случится что, немного объ этомъ рѣчей требуется: слово—другое, и все тутъ. Напротивъ область вѣры и жизни по вѣрѣ и многообъятна и затемнена бываетъ. Все содержать здѣсь въ ясности—есть кровная потребность живой вѣры. Да, гдѣ собираются или случайно сходятся лица живой вѣры, у тѣхъ всегда и рѣчь все о вѣрѣ и о вѣрѣ. Судя по этому, можно положить, что въ какихъ собраніяхъ и помина нѣтъ о вѣрѣ и жизни по ней, тамъ она у всѣхъ оттѣснена на задній планъ.

У св. Златоуста не видно, какъ онъ читалъ; но рѣчь его вся направлена къ тому, чтобы внушить — всегда весть бесѣды назидательныя для вѣры и нрава. Θеодоритъ понялъ слово Апостола, какъ указаніе, что слово должно быть приспособляемо ко времени. „Но и такое слово (т. е. благое), говоритъ онъ, повелѣваетъ (Апостолъ) произносить во время.“—Бл. Іеронимъ пишетъ: „слово благо, которое учитъ, какъ слѣдовать путемъ добродѣтелей и избѣгать пороковъ. Всякій разъ, какъ слово наше приноситъ кому либо пользу, и, по приспособленности ко времени, мѣсту и лицу, созидаетъ слушающихъ,—благое изъ устъ нашихъ исходитъ слово. А когда мы говоримъ, или не во время, или не по мѣсту, или не такъ, какъ потребно для слушающихъ, тогда гнилое слово исходитъ изъ устъ нашихъ. Итакъ,

надо намъ обсуждать, что говорить, потому что въ день суда должны будемъ дать отвѣтъ за всякое праздное слово (Мѳ. 12, 36). Выходитъ, что пусть не вредимъ, но если не созидаемъ, то все таки лежитъ на насъ вина недобраго слова." И Экуменій съ Ѳеофилактомъ читали вмѣсто *вѣры—нужды*, но нужду разумѣли одну духовную. Первый пишетъ: „но точію еже благо къ удовлетворенію нужды—πρός οἰκοδομὴν τῆς χρείας. Какой это нужды?—Предлежащей, т. е. той, о которой идетъ разговоръ. Ибо духовному мужу надлежитъ всякій предлежащій разговоръ направлять къ созиданію соприсутствующихъ." Второй такъ: „то только, что созидаетъ ближняго, будучи необходимо въ предлежащей нуждѣ, и будемъ говорить, — и ничего неблаговременнаго и непотребнаго."

Слова: да *дастъ благодать слышащимъ* прямо даютъ ту мысль,—чтобъ слово благотворное оказало дѣйствіе на слушающихъ, чтобъ оно было, какъ дождь для жаждущей земли, или елей, цѣлебный для раны. Какъ благодать, входя въ душу, все тамъ устроеетъ, созидаетъ и оживляетъ, такъ чтобъ и слово твое благотворно было для всѣхъ и всегда. Оно такъ всегда бываетъ, что благой изъ благаго сокровища сердца своего износитъ благое, а злой—злое. Но благоразумную сдержанность ничто не мѣшаетъ всякому всегда соблюдать; и если не умѣешь созидать, чтобъ дать благодать, лучше молчи, какъ говоритъ Златоустъ.

Св. Златоустъ впрочемъ подъ благодатію разумѣетъ и благодарность, въ такой мысли: говори такъ, чтобъ другой получилъ существенную пользу и за то былъ тебѣ благодаренъ. Онъ говоритъ: „такъ какъ словъ великое множество, то справедливо Апостолъ выразился неопредѣленно, давая повелѣніе касательно ихъ употребленія, и правило, какъ вести рѣчь. Какое же пра-

вило?—*Еже есть—къ созиданію*, сказалъ онъ. — Иначе сказать: говори такъ, чтобы слушающій тебя былъ благодаренъ тебѣ (получивъ пользу). Напримѣръ, твой братъ соблудилъ: не поноси его обидными словами, не насмѣхайся надъ нимъ. Ты не доставишь этимъ ни мало пользы слушающему, но рѣшительно повредишь ему, если будешь язвить его своими остротами. Если же ты увѣщаешь его, какъ онъ долженъ поступать, то этимъ заслужишь отъ него великую благодарность. Если также научишь кого имѣть благорѣчивыя слова, научишь не злословить, то ты этимъ многому его научишь, и, конечно, заслужишь благодарность. Если будешь говорить съ кѣмъ о раскаяніи, о цѣломудріи, о милостынѣ (и расположишь къ симъ добродѣтелямъ); за все это онъ выскажетъ тебѣ свою благодарность.—Если же ты возбудишь смѣхъ, произнесешь непристойное слово, или еще хуже—похвалишь порокъ, то ты все разстроилъ и погубилъ. Такъ можно понимать слова Апостола.“

Иные—*да дастъ благодать*—иначе разумѣютъ. Ѳеодоритъ разумѣетъ подъ симъ пріятность или благопріятность слова: „благодатію назвалъ пріятность, т. е. чтобы слово казалось удобопріемлемымъ для слышащихъ.“ Экуменій вмѣстѣ съ Златоустомъ разумѣетъ благодарность, и прямо по буквѣ благодать Божію: „да дастъ, говоритъ, слышащимъ Божію благодать.“—Помазанное слово, благодатное,—благодатно воздѣйствуетъ на другихъ. Говоритъ: благодать во устахъ твоихъ. И въ каждомъ христіанинѣ есть благодать. Чрезъ благодатное слово пришедши въ душу его, благодатное воздѣйствіе возгрѣваетъ присущую въ немъ благодать и поставляетъ его въ облагодатствованное состояніе. Святыя слова Писанія всѣ суть Духодвижныя слова. Кто ими ведетъ бесѣду, тотъ проводитъ въ души другихъ струи дѣйствій благодати Св. Духа. — И точно даетъ благо-

дать.“ И св. Златоустъ прибавляетъ къ прежней рѣчи: „Или же слова эти значатъ: дабы ихъ—слушающихъ—сдѣлать облагодатствованными. Ибо какъ муро подаетъ благодать помазующимся имъ, такъ и благое слово. Посему и сказалъ нѣкто: *муро изліянное—имя твое* (Пѣс. Пѣс. 1, 2). Оно — благое слово — наполняетъ слушающихъ своимъ благовоніемъ.“

Эта мысль, можетъ быть, и есть главная въ семъ мѣстѣ: ибо она состоитъ въ прямомъ соотвѣтствіи съ слѣдующимъ текстомъ.

Ст. 30. *И не оскорбляйте Духа Святаго Божія, Имже знаменастеся въ день избавленія.*

Урокъ о назидательности въ словѣ продолжается и здѣсь,—и ограждается угрожающимъ побужденіемъ. Всякій христіанинъ есть храмъ Божій и Духъ Божій живетъ въ немъ, созидая въ немъ все ко спасенію. Кто словомъ своимъ назидаетъ, тотъ приходитъ въ согласіе съ дѣломъ Духа Божія въ сердцахъ вѣрующихъ, помогаетъ Его созиданію душъ. Напротивъ кто разстроиваетъ души другихъ, пусторѣчіемъ разсѣевая ихъ, а злорѣчіемъ возбуждая недобрыя чувства, тотъ разоряетъ дѣло Духа Божія въ вѣрующихъ и тѣмъ оскорбляетъ Его, Создателя. Но и самъ разстроивающій другаго есть жилище Духа Святаго. Если разстроивая другихъ онъ оскорбляетъ Духа Божія, живущаго въ нихъ, то еще прежде и паче оскорбляетъ Его въ себѣ самомъ: ибо худыя рѣчи исходятъ изъ худо настроеннаго сердца, къ которому не можетъ благоволительно относиться Духъ Божій — Пречистый. Худо настроенное сердце то же, что домъ, смрадомъ, чадомъ и всякою изгарью наполненный. Кому пріятно обитать въ такомъ домѣ? Въ этомъ отношеніи говоритъ Θеофилактъ: „если сказалъ ты слово гнилое, недостойное христіанскихъ устъ, то ты не человѣка оскорбилъ, но Духа Божія, Кото-

рымъ облагодѣтельствованъ, Которымъ освящены уста твои.“

Имже знаменастеся. Всѣ христiане знаменаны Духомъ Святымъ и прiяли печать дара Духа Святаго. „Духъ Святый запечатлѣлъ насъ въ показанiе, что мы принадлежимъ къ царскому стаду. Не оставилъ Онъ насъ въ числѣ повинныхъ гнѣву Божiю, но изъялъ отъ нихъ и печать наложилъ, чтобъ избавить отъ сего гнѣва. Его убо оскорблять не стыдно ли? Уста твои запечатлѣны Духомъ, чтобъ не говорить ничего недостойнаго Его. Не отрѣшай печати сей“ (Θеоф.).

Какой день разумѣется подъ днемъ избавленiя?—Экуменiй говоритъ, что это есть день крещенiя. „Въ показанiе, что мы есмы народъ Божiй, Онъ запечатлѣлъ насъ въ крещенiи: ибо оно есть день избавленiя.“ Iеронимъ разумѣетъ подъ днемъ избавленiя послѣднее рѣшенiе участи каждаго на судѣ съ опредѣленiемъ къ блаженству,—и мысль свою выражаетъ такъ: „вѣрующiй всякiй знаменается Духомъ съ тѣмъ, чтобы сохранить сiе знаменiе и показать его въ день избавленiя чистымъ и нисколько не поврежденнымъ, и за то причислену быть къ избавленнымъ.“ Послѣдняя мысль можетъ оправдываться тѣмъ, что по гречески стоитъ: εἰς ἡμέραν ἀπολυτρώσεως,—какъ бы на тотъ день, къ тому дню. Тогда точно окажется вся сила запечатлѣнiя Духомъ, который есть и задатокъ наслѣдiя; но самое запечатлѣнiе совершается въ начальныхъ таинствахъ,—по крещенiи въ мѵропомазанiи. Силою его содѣлываемся христiанами и сохраняемся до будущаго возустроенiя всѣхъ и чрезъ всю вѣчность хранимы будемъ.

Нельзя пропустить словъ св. Златоуста на это мѣсто. Выписываемъ имъ сказанное по поводу его. „*И не оскорбляйте Духа Святаго*,—слова, приводящiя въ страхъ и ужасъ!—Если ты скажешь оскорбительное слово, если

огорчишь брата, то огорчишь не его, а оскорбишь Духа Святаго. При этомъ Апостолъ указываетъ еще и на благодѣяніе полученное отъ Св. Духа, дабы тѣмъ сильнѣе было обвиненіе: и *не оскорбляйте*, говоритъ, *Духа Святаго Божія, Имже знаменастеся въ день избавленія.* Св. Духъ содѣлалъ насъ пажитію царскою, освободилъ насъ отъ всѣхъ прежнихъ золъ, не оставилъ насъ въ числѣ тѣхъ, кои подлежатъ гнѣву Божію и—ты оскорбляешь Его? *Не оскорбляйте Духа, Имже знаменастеся.* Пусть эти слова, какъ печать, лежатъ на твоихъ устахъ. Уста, запечатлѣнныя Духомъ, ничего непристойнаго не изрекаютъ. Не говори: не важно, если я произнесу дурное слово, если оскорблю того и другаго. Потому-то это и великое зло, что ты почитаешь его ничтожнымъ. Ибо зло, которое почитаютъ ничтожнымъ, легко оставляютъ въ пренебреженіи, а оставленное въ пренебреженіи, оно усилится, усилившись же—станетъ неизлѣчимымъ. У тебя уста запечатлѣны Духомъ?—Помни же о достоинствѣ твоихъ устъ. Къ тому же не забывай, что ты Бога называешь своимъ Отцемъ.—Бога называешь Отцемъ,—и въ тоже время поносишь брата своего?!—Не посрамляй своего благородства,—которое самъ ты получилъ по милости,—жестокимъ обращеніемъ съ своими братьями, Называешь Бога своимъ Отцемъ, и оскорбляешь своего ближняго?! Это не свойственно сыну Божію. Дѣло сына Божія прощать врагамъ, молиться за своихъ распинателей, проливать кровь за ненавидящихъ его. Вотъ что достойно сына Божія: своихъ враговъ, неблагодарныхъ, воровъ, безстыдныхъ, коварныхъ сдѣлать своими братьями и наслѣдниками, а не то, чтобы своихъ братьевъ оскорблять. Помысли, какой трапезы удостоиваются уста твои, къ чему прикасаются, что вкушаютъ, какую принимаютъ пищу. Помысли, съ кѣмъ ты стоишь во время тайнодѣйствія: съ Херувимами, съ Серафимами. Серафи-

мы не злословятъ, но ихъ уста имѣютъ только одно занятіе славословить и прославлять Бога. Какъ же ты будешь прославлять Бога? Какъ ты вмѣстѣ съ ними будешь говорить: Святъ, Святъ, Святъ, послѣ того, какъ произносилъ своими устами злословія? Скажи мнѣ: если бы царскій сосудъ, всегда наполнявшійся царскими кушаньями и назначенный на такое употребленіе, кто нибудь изъ слугъ употребилъ для нечистотъ, посмѣлъ ли бы онъ послѣ этого опять ставить вмѣстѣ съ другими, употребляющимися при царскомъ столѣ, сосудами и этотъ, наполненный нечистотами? Отнюдь нѣтъ. Таково и злословіе, таково же и оскорбленіе ближняго! Ты имѣешь Отца на небесахъ: не дѣлай же и не говори ничего земнаго.—Предстоишь предъ престоломъ Божіимъ, и произносишь злословія?—Ужели ты не боишься, что Царь почтетъ твой поступокъ за оскорбленіе Себѣ? Когда рабъ предъ нашими глазами наноситъ удары другому рабу и поноситъ его, то, хотябы онъ дѣлалъ это и по праву, мы оскорбляемся этимъ и принимаемъ такой поступокъ за обиду себѣ: а ты,—поставленный вмѣстѣ съ Херувимами предъ престоломъ Божіимъ,— осмѣливаешься поносить своего брата? Видишь ли эти св. сосуды? Они имѣютъ одно назначеніе: кто же осмѣлится употребить ихъ на другое?—А ты—святѣе этихъ сосудовъ,—и гораздо святѣе! Зачѣмъ же ты оскверняешь себя и мараешь грязью? Стоишь на небесахъ, и предаешься злословію? Живешь съ Ангелами, и предаешься злословію? Удостоился лобызать Господа, и произносишь злословія? Богъ украсилъ твои уста столькими Ангельскими пѣснопѣніями, удостоилъ ихъ лобзанія не Ангельскаго, но превосходящаго Ангельское, — Своего лобзанія, и Своихъ объятій, и ты предаешься злословію? Научимъ же уста свои благорѣчію. Отсюда происходитъ великая польза, а отъ злорѣчія—великій вредъ.“

дд) Удаленіе отъ всякаго раздора.

Ст. 31. ***Вслка горесть, и гнѣвъ, и ярость, и кличъ, и хула**, да **возмется отъ васъ**, со всякою злобою.*

Улаживаетъ здѣсь св. Апостолъ непрестанныя житейскія столкновенія, отъ которыхъ, если не положить закономъ уступать другъ другу и извинять взаимныя непріятности, ладъ и миръ невозможенъ въ общежитіи. Обычнѣе, дѣло начинается изъ мелочей, легкимъ огорченіемъ,—горечью,—которая, если тотчасъ не уничтожить ее, скоро переходитъ въ серчаніе; не удержи серчаніе, оно разгорится въ вспышку гнѣва, — въ ярость; послѣ этого тотчасъ начинаются крупныя слова, брань, а вмѣстѣ съ этимъ и хула,—укоры и поношенія другъ друга. Побранились, накричались, — разошлись не помирившись,—и злятся другъ на друга, придумывая и приговаривая даже: я тебѣ то сдѣлаю, я тебѣ докажу. Это месть въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ. Всему этому неумѣстно быть среди христіанъ. *Да возмется,* говоритъ, отъ васъ,—такъ, чтобы и духа этой вздорливости не было. Не указываетъ никакой, даже малѣйшей мѣры, въ которой бы это могло быть терпимо между христіанами, а рѣшительно изгоняетъ все это изъ общества христіанскаго.

Есть два недобрыхъ возбужденія, смущающихъ насъ,—похоть и раздраженіе. Какъ въ похоти дѣло начинается помысломъ, такъ и въ раздраженіи—огорченіемъ. Первый помыслъ, непрогнанный, чрезъ вниманіе, сочувствіе и рѣшимость,—приводитъ къ дѣлу похотному. Огорченіе,—непрогнанное,—тоже своимъ путемъ, чрезъ осерчаніе, гнѣвъ и ярость, крикъ, брань и взаимныя поношенія, и наконецъ—злость доходитъ до раздора, непримиримой ненависти, дракъ и убійства. Какъ тотъ, кто прогоняетъ помыслъ, пресѣкаетъ тѣмъ дальнѣйшее его

движеніе къ созрѣнію до дѣла, такъ и тотъ, кто прогоняетъ первое огорченіе, полагаетъ тѣмъ конецъ дальнѣйшему его движенію—до раздора, дракъ и убійствъ. Такъ да возмется отъ среды огорчительность, будучи прогоняема взаимною уступчивостію, и мирное согласіе никогда нарушаемо не будетъ.

Пространно разсуждаетъ объ этомъ св. Златоустъ. „Какъ рой пчелъ никогда не садится въ нечистый сосудъ, и потому люди, опытные въ этомъ, приготовляютъ для нихъ мѣсто, окуривая его куреньями, мастиками и всякаго рода благовоніями; сбрызгиваютъ ароматными винами и всякими другими составами корзины, въ которыя они должны садиться, отроившись изъ ульевъ,—и дѣлаютъ все это для того, чтобы непріятный запахъ, противный пчеламъ, не заставилъ ихъ летѣть прочь: такъ все это примѣнимо къ Святому Духу. Наша душа есть какъ бы какой сосудъ или корзина, въ которой могутъ помѣщаться рои духовныхъ дарованій; но если она наполнена желчью, горечью и гнѣвомъ, то эти рои отлетаютъ отъ нея прочь. Поэтому-то сей блаженный и мудрый домохозяинъ (св. Павелъ) тщательно очищаетъ наши сосуды, не употребляя для этого ни ножа, ни другаго какого желѣзнаго орудія. Посмотри, какъ онъ очищаетъ наше сердце: отгоните, говоритъ, ложь, отгоните гнѣвъ; и при этомъ показываетъ, какъ можно истреблять зло съ корнемъ: да не будемъ, говоритъ, гнѣвливы духомъ.“

Затѣмъ св. Златоустъ изображаетъ вредное дѣйствіе желчи, когда она разливается по тѣлу. Потомъ говоритъ: „Но для чего мы говоримъ обо всемъ этомъ съ такою подробностію? Для того, чтобы намъ чрезъ сравненіе съ чувственною желчію, лучше понять весь нестерпимый вредъ желчи духовной,—какъ она, производя совершенное разстройство въ душѣ нашей, причиняетъ

ей совершенную погибель,—и чтобы, зная это, мы береглись, чтобы не испытать на себѣ ея вредное дѣйствіе. Какъ желчь вещественная производитъ воспаленіе въ тѣлесномъ составѣ, такъ духовная—разжигаетъ наши мысли и низводитъ того, кѣмъ овладѣваетъ, въ геенскую пропасть. Итакъ, послушаемъ словъ Павла: *всяка горесть да возмется*, — не сказалъ: да очистится, — *отъ васъ*. Въ самомъ дѣлѣ какая мнѣ въ ней надобность и для чего мнѣ удерживать ее при себѣ? Для чего мнѣ держать у себя звѣря, котораго можно удалить изъ души и прогнать въ чужую сторону?... *Всяка горесть*, говоритъ, *да возмется отъ васъ*,—такъ, чтобы ея уже нисколько въ душѣ не оставалось. Иначе этотъ остатокъ, если будетъ возбужденъ, то, подобно искрѣ, произведетъ внутри цѣлый пламень.

„*И кличъ*: почему Апостолъ запрещаетъ и это? Потому что таковъ долженъ быть человѣкъ кроткій (т.-е. не крикунъ). Крикъ—это конь, имѣющій своимъ всадникомъ гнѣвъ. Смири коня и побѣдишь всадника. Пусть выслушаютъ это съ особымъ вниманіемъ женщины; потому что онѣ особенно любятъ кричать и шумѣть во всякомъ дѣлѣ. Въ одномъ только случаѣ полезно говорить громко, это—въ проповѣданіи и ученіи, а болѣе нигдѣ, ни даже въ молитвѣ.

Если ты хочешь повѣрить наши слова на дѣлѣ, то воздерживайся всегда отъ крика и ты никогда не придешь въ гнѣвъ. Вотъ способъ укрощенія гнѣва! Потому что, какъ невозможно не придти въ гнѣвъ тому, кто кричитъ, такъ невозможно разгнѣваться тому, кто удерживается отъ крика. Итакъ, если мы пріучимъ себя воздерживаться отъ крика и брани, то это много поможетъ намъ къ укрощенію гнѣва. Подави крикъ, и ты этимъ отнимешь крылья у своего гнѣва, подавишь волненіе своего сердца. Ибо какъ невозможно, не подни-

мая рукъ, вступать въ кулачный бой, такъ невозможно, не поднимая крика, предаться гнѣву. Свяжи руки у бойца и вели ему биться, онъ не въ состояніи будетъ это дѣлать: точно тоже можно сказать и о гнѣвѣ. Крикъ же можетъ возбудить гнѣвъ даже и тогда, когда его нѣтъ.

„*И хула*, говоритъ Апостолъ, *да возмется отъ васъ*. Замѣчай, какъ происходитъ зло: горесть раждаетъ гнѣвъ, гнѣвъ—ярость, ярость—кличь, кличъ—хулу, т. е. бранныя слова, за тѣмъ хула—удары, удары—раны, раны—смерть. Но ничего подобнаго не хотѣлъ сказать св. Павелъ, а сказалъ только: *да возмется отъ васъ со всякою злобою*. Что такое со всякою злобою? Всякая злоба ведетъ къ этому концу. Есть люди, которые подобны тѣмъ хитрымъ собакамъ, которыя не лаютъ и не нападаютъ прямо на проходящихъ, но, притворяясь смирными и кроткими, схватываютъ неосторожныхъ и вонзаютъ въ нихъ свои зубы. Такія гораздо хуже нападающихъ прямо. Такъ какъ и между людьми есть подобные такимъ собакамъ, которые, не прибѣгая къ крику, къ гнѣву, къ оскорбленіямъ и угрозамъ, строятъ тайныя ковы и приготовляютъ другимъ тысячи золъ, мстя имъ дѣлами; то Апостолъ указалъ и на такихъ людей. *Да возмется*, говоритъ, *отъ васъ со всякою злобою*. Не мсти и дѣлами, если щадишь слова. Для того я удержалъ твой языкъ, остановилъ кличъ, чтобы въ тебѣ не возгорѣлся сильнѣйшій пламень. Если же ты и безъ крика дѣлаешь тоже самое, таишь внутри себя пламень и угли, то что пользы въ твоемъ молчаніи? Развѣ ты не знаешь, что тѣ пожары хуже, которые таятся внутри и не бываютъ видны снаружи? Не также ли и раны, которыя производятъ воспаленіе внутри? Такъ и скрытый гнѣвъ хуже и вреднѣе для души. Но и онъ, говоритъ Апостолъ, *да возмется отъ васъ со всякою злобою*, какъ малою, такъ и великою. Будемъ же

послушны ему и изгонимъ изъ себя всякую горечь, всякую злобу, дабы намъ не оскорбить Святаго Духа. Истребимъ горечь съ корнемъ, отсѣчемъ ее. Ничего добраго не можетъ быть душѣ, наполненной горечью, ничего полезнаго, но отъ ней всѣ несчастія, всѣ слезы, всѣ вопли и стенанія.“

ее) Взаимное благорасположеніе, и взаимное прощеніе.

Ст. 32. ***Бывайте же другъ ко другу блази, милосерди, прощающе другъ другу, якоже и Богъ во Христѣ простилъ есть вамъ.***

Врачевство прописываетъ Апостолъ противъ сердитости, бранчивости и злобы. Вмѣсто этихъ недобрыхъ расположеній имѣйте добрыя. Вмѣсто всякой горечи, по коей и сами огорчаетесь, и другихъ огорчаете, будьте блази—χρηστοὶ, — сладки (бл. Іеронимъ), пріятны, радушны; вмѣсто всякой злобы будьте милосерды — εὔσπλαγχνοι — благосерды. Такого рода расположенія не допустятъ до того, чтобы самому огорчиться кѣмъ и разсерчать на кого, а не только чтобы другаго огорчить и разсердить. Радушіе и благосердіе поглощаютъ всѣ непріятности и вокругъ распространяютъ сладостный, теплый миръ. Но скажетъ кто: какъ же быть, когда у кого желчный характеръ! И радъ бы покрывать все благосердіемъ и кротостію, да не совладаешь съ собою. Хорошо тому, у кого преобладаютъ симпатическія расположенія, — а у кого преобладаютъ чувства эгоистическія, тому не обойтись безъ серчанія, раздора и мстительности.—На это надо сказать, что въ христіанствѣ подъ дѣйствіемъ благодати всякій дурной естественный нравъ передѣлывается въ добрый, когда кто возьмется за это усердно и съ своей стороны употребитъ всякій надъ собою трудъ. Не самъ собою онъ передѣлаетъ себя, но передѣлаетъ его благодать, дѣйствуя сокровенно подъ

его собственнымъ надъ собою трудомъ. Въ чемъ это усиліе? Прощать все другимъ наперекоръ своему неуступчивому нраву. Многократно повторенные опыты уступчивости и прощенія противъ воли, неохотно, приведутъ къ охотному прощанію всего, а далѣе и къ безобидливости,—къ тому, чтобы и не огорчаться ничѣмъ. Чѣмъ воодушевляться на такое самопротивленіе? — Живымъ сознаніемъ того, что самъ безотвѣтно виноватъ былъ предъ Богомъ, и однакожъ Онъ простилъ тебѣ все даромъ, ради Господа Іисуса Христа. „Переносите, говоритъ Апостолъ, недостатки другъ друга и уподобляйтесь Богу всяческихъ, Который Владыкою Христомъ даровалъ намъ оставленіе всего множества нашихъ грѣховъ“ (Θеод.). Тутъ движущая сила есть чувство благодарности; но если припомнить къ сему и притчу Спасителя о немилосердомъ заимодавцѣ и вмѣстѣ должникѣ, который за то, что, послѣ того, какъ самъ получилъ оставленіе большаго долга, не хотѣлъ простить своему должнику сравнительно очень малаго, лишенъ всякой милости и брошенъ въ темницу, то къ чувству благодарности присоединится и страхъ, которые вмѣстѣ сильны возбуждать всякій разъ достаточно энергіи къ тому, чтобъ не поддаваться немилостивости къ тѣмъ, кои причиняютъ намъ какое либо огорченіе, или оказываются въ чемъ либо не въ должныхъ къ намъ отношеніяхъ. И Господь, начертывая образецъ молитвы всегдашней, вложилъ въ нее: *остави, якоже и мы оставляемъ*, — чтобы всегдашнее сознаніе нужды получать оставленіе себѣ, всегда располагало самихъ насъ оставлять другимъ. Ибо кто не оставляетъ самъ, тотъ противъ воли и въ молитву вставляетъ: не остави, какъ не оставляю,— хотя бы читалъ ее и иначе. Итакъ памятію о прощеніи намъ неоплатныхъ долговъ во Христѣ Іисусѣ,—въ крещеніи или покаяніи, съ соотвѣтственнымъ размышленіемъ

принуждай себя прощать, и благодать Божія поможетъ тебѣ взойти въ состояніе не раздражаться ничѣмъ отъ сопротивныхъ и все покрывать благосердіемъ и кротостію.

Беремъ опять рѣчь св. Златоуста.

Объяснивши пространно въ началѣ, что для достиженія царствія недостаточно отстать отъ грѣха, но что должно еще стяжать и противоположную ему добродѣтель, говоритъ онъ далѣе: „потому-то и блаженный Павелъ, отвлекая насъ отъ неправды, ведетъ къ добродѣтели, ибо что пользы, скажи мнѣ, въ томъ, если будутъ вырваны всѣ тернія, но не будутъ насѣяны полезныя сѣмена? Трудъ опять послужитъ намъ къ такому же вреду, если останется недовершеннымъ. Потому-то и Павелъ, усильно заботясь о насъ, даетъ намъ заповѣди не только объ отсѣченіи и удаленіи злыхъ дѣлъ, но и побуждаетъ въ скоромъ времени показать насажденіе дѣлъ благихъ. Ибо, сказавши: *всяка горесть, и гнѣвъ, и ярость, и кличъ, и хула да возмется отъ васъ со всякою злобою,* онъ присовокупилъ: *бывайте же другъ ко другу благи, милосерди, прощающе другъ другу;* ибо это—навыки и расположенія, и недостаточно удалиться отъ одного навыка, чтобы вмѣсто него пріобрѣсти другой (противоположный), но нужно снова нѣкоторое движеніе и стремленіе, не менѣе скорое, чѣмъ при удаленіи отъ злыхъ дѣлъ, для того, чтобы стяжать дѣла добрыя. Тотъ, кто не врагъ, не есть уже и полный другъ: есть нѣчто среднее между враждою и дружбою, въ каковыхъ отношеніяхъ большая часть людей преимущественно и находится къ намъ. Тотъ, кто не плачетъ, еще не всегда смѣется, но есть состояніе среднее. Такъ и здѣсь, кто недосадителенъ, тотъ еще не совершенно добръ, и кто не гнѣвливъ,—не совершенно участливъ. Но нужно еще новое стараніе, чтобы стяжать такое благо. И смотри, какъ, по требованіямъ лучшаго земледѣлія, блаженный

Павелъ очищаетъ и воздѣлываетъ землю, ввѣренную ему Землевладѣльцемъ: онъ выбросилъ гнилыя сѣмена, потомъ увѣщеваетъ, чтобы пріобрѣсти растенія надлежащія. *Будьте блази*, говоритъ онъ. Ибо, если послѣ того, какъ тернія вырваны, земля будетъ оставаться праздною, то снова возраститъ безполезные злаки. Апостолъ уничтожилъ гнѣвъ,—полагаетъ доброту; уничтожилъ досаду,—полагаетъ сострадательность; вырвалъ злобу и злорѣчіе, — насадилъ помилованіе. Ибо слова: *прощающе другъ другу* означаютъ это. Будьте, говоритъ, склонны къ прощенію обидъ. Такая милость больше той, какая оказывается въ дѣлахъ денежныхъ. Тотъ, кто прощаетъ деньги сдѣлавшему у него заемъ, дѣлаетъ прекрасное и достойное удивленія дѣло, но такая милость касается тѣла, хотя онъ и пріемлетъ себѣ воздаяніе сокровищами духовными и относящимися къ душѣ. Но тотъ, кто простилъ грѣхи, принесъ пользу душѣ — и своей собственной, и того, кто получилъ прощеніе: потому что такимъ образомъ дѣйствій онъ сдѣлалъ болѣе кроткимъ не только себя, но и его. Ибо не столько, преслѣдуя обидѣвшихъ, мы уязвляемъ ихъ души, сколько, прощая ихъ, приводимъ ихъ въ смущеніе и стыдъ. Между тѣмъ, поступая мстительно, мы не приносимъ пользы ни самимъ себѣ, ни имъ, а напротивъ и имъ и себѣ вредимъ. Итакъ, если хочешь мстить, мсти этимъ способомъ; воздавай добромъ за зло, чтобы сдѣлать его (врага) должникомъ и одержать дивную побѣду. Почему, думаешь ты, Господь нашъ Іисусъ Христосъ говоритъ: *аще кто ударитъ въ десную твою ланиту, обрати ему и другую* (Мѳ. 5, 39)?—Не потому ли, что чѣмъ болѣе будетъ кто великодушенъ, то тѣмъ болѣе и себѣ и ему приноситъ пользы? Итакъ не будемъ злопамятны, но погасимъ гнѣвъ, чтобы сподобиться милости отъ Бога. Ибо *въ нюже мѣру мѣрите*, говоритъ Онъ, *возмѣрится вамъ: и имже судомъ судите, судятъ вамъ* (Мѳ. 7, 2)."

жж) Богоподражательная любовь.

5, 1. 2.

Ст. 1. *Бывайте убо подражатели Богу, якоже чада возлюбленная.*

Эти два первые стиха можно считать и продолженіемъ предыдущей мысли, и особою заповѣдію о любви, какъ высшемъ христіанскомъ законѣ взаимно-отношеній.

Убо—итакъ, прямо связываетъ рѣчь съ предыдущимъ. Тамъ сказалъ: *прощайте, какъ и Богъ во Христѣ простилъ вамъ.* Теперь говоритъ: прощайте, и какъ дѣти Божіи. Дѣти подражаютъ отцу и съ него берутъ примѣръ. Берите и вы примѣръ съ своего Отца небеснаго, Который простилъ не другому кому, а вамъ же самимъ,— и прощайте. Но не холоднаго прощенія требуетъ Апостолъ, а любовнаго, какъ видно было и впереди, гдѣ прощеніе онъ вывелъ изъ словъ: будьте блази и милосерды, и здѣсь видно: ибо тотчасъ слѣдуетъ: *и ходите въ любви,* какъ указаніе, въ чемъ подражать.—Въ христіанствѣ истинномъ не терпятся дѣла по холодному требованію разсудка, а требуется, чтобы все исходило изъ сердца, сердце же чтобы было полно любви. Самъ Богъ сказалъ: *будьте совершенны, какъ Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѳ. 5, 48). По сочетанію рѣчи, гдѣ это говорится, видно, что требуемое Богоподражательное совершенство здѣсь есть любовь и милосердіе, какъ св. Лука прямо и приводитъ въ подобной же рѣчи Господа: *будите милосерды, якоже и Отецъ вашъ милосердъ есть* (Лук. 6, 36). Любовь же Спаситель ту и почитаетъ истинною, которая имѣется ко врагамъ. Ибо говоритъ: *любите враги ваша, благословите кленущыя вы, добро творите ненавидящимъ васъ, и молитеся за творящихъ вамъ напасть, и изгонящія вы: яко да будете*

сынове Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ, яко солнце Свое сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя. Аще бо любите любящихъ васъ, кую мзду имате? Не и мытари ли тожде творятъ? — И аще цѣлуете други ваша токмо, что лишше творите? Не и язычницы ли тожде творятъ? (Мѳ. 5, 44—47). Вотъ проба любви. Такая только и должна быть почитаема Богоподражательною.

Св. Златоустъ видитъ въ этомъ Богоподражаніи несравненное преимущество христіанъ.

„Что можетъ быть сладостнѣе сихъ словъ, *подражатели Богу бывайте?* Если ты назовешь царство, если— другое что либо: все это нисколько не будетъ равняться съ ними! Ты подражаешь Богу, ты уподобляешься Богу, когда прощаешь вмѣстѣ съ Нимъ. Грѣхи нужно прощать скорѣе, чѣмъ долги денежные; потому что если ты простишь деньги, ты этимъ не будешь подражать Богу; а если будешь прощать грѣхи, ты подражаешь Богу.“

Бл. Іеронимъ особый нѣкій усмотрѣлъ оттѣнокъ въ словахъ Апостола. „Кто разумѣетъ, въ какомъ смыслѣ сказано: *будьте совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ есть* (Мѳ. 5, 48), тотъ знаетъ, въ какомъ и здѣсь говорится: *бывайте подражатели Богу*. — Пиша къ Коринѳянамъ, Апостолъ говоритъ: *подражатели мнѣ бывайте, якоже азъ Христу* (1 Кор. 11, 1; сн. 4, 16). Ибо они не могли тотчасъ сдѣлаться подражателями Христа; но велико было для нихъ, если смогутъ быть подражателями подражателя. А Ефесянамъ,—яко такимъ, коихъ научилъ уже онъ такимъ таинствамъ,—не говоритъ: подражатели мнѣ бывайте, или подражатели Христу,—но подражатели Богу. Не потому, чтобы меньше было — быть подражателемъ Христу, чѣмъ Богу (ибо Христосъ есть Богъ), но потому, что иное есть подражать по человѣку, а иное по Богу, хотя и Христа мы

уже не разумѣемъ по плоти, какъ разумѣли (иные) его въ началѣ. — Говоритъ и Самъ Спаситель, показывая Свое по домостроительству спасенія смиреніе: *не можетъ Сынъ творити о Себѣ ничесоже, аще не еже видитъ Отца творяща: яже бо Онъ творитъ, сія и Сынъ такожде творитъ* (Іоан. 5, 19). Не то, чтобы иное небо и иную землю сотворилъ Отецъ, а по подобію ихъ иное небо и иная земля сотворены были потомъ Христомъ; но что и Сынъ творитъ тоже самое, что творитъ Отецъ (т.-е. нераздѣльно). — Въ чемъ же именно можемъ мы уподобляться Богу, объ этомъ засвидѣтельствовалъ онъ выше, говоря: *прощающе другъ другу, якоже и Богъ во Христѣ простилъ есть вамъ*. Не думаю, чтобы въ прочемъ, что творитъ Богъ, человѣкъ могъ подражать Богу. Но то возможно, чтобы какъ Богъ милосердъ есть и дождитъ на благія и злыя, такъ и мы изъявляли свою доброту ко всѣмъ людямъ. Когда исполнимъ это, то будемъ чадами возлюбленными, или самого Павла, или, какъ думаю лучше,—Бога."

Въ словахъ: *якоже чада возлюбленная* видно указаніе на нравственную необходимость предлагаемаго образа расположеній, исключительно христіанскую.—Ѳеодоритъ пишетъ: „Сподобились вы всыновленія, именуете Бога Отцемъ; поэтому ревнуйте о семъ родствѣ." *Чада возлюбленная*, или поколику Богъ ихъ любитъ, или поколику они Бога любятъ, т. е. какъ чада Боголюбивыя. Послѣдняя мысль проглядываетъ у св. Златоуста: „а вотъ и еще прекраснѣйшее увѣщаніе: *якоже чада*, говоритъ, *возлюбленная*. У васъ есть и другая необходимость подражать Ему,—не только потому, что вы Имъ облагодѣтельствованы, но и потому, что содѣлались чадами. Такъ какъ не всѣ сыновья подражаютъ отцамъ, но только возлюбленные, поэтому и говоритъ: *якоже чада возлюбленная*."

И дальше можно вести наведеніе изъ сихъ словъ, именно,—до того, чтобы положить, что кто не таковъ, тотъ и не христіанинъ. Чадами Божіими быть область пріемлютъ тѣ, которые отъ Бога раждаются. Раждаются же они такъ Духомъ Святымъ. Духъ же Святый, пришедши, изливаетъ любовь Божію—или Божескую въ сердца наши (Римл. 5, 5). Доказательство такой любви, по слову Господа, есть любовь ко врагамъ,—не прощеніе только, но любовь. Идя обратно, получимъ: кто не имѣетъ такой любви, тотъ Духа не имѣетъ; кто не имѣетъ Духа и не рожденъ отъ Него; кто—не рожденъ свыше, тотъ не сынъ Богу; кто не сынъ Богу по благодати, тотъ не христіанинъ. Отсюда выходитъ, что въ словахъ: *якоже чада возлюбленная*, сокрыта мысль: иначе не чада;—не чада?—такъ извѣстно, что.—Это однакожъ не даетъ права тому, кто не чувствуетъ такой любви, говорить: *чтожъ, когда не изливается*,—и сидѣть сложа руки, ожидая, пока за него все въ немъ сдѣлаетъ Самъ Богъ. При всемъ томъ, что нравственныя добрыя расположенія всѣ бываютъ въ насъ въ настоящемъ своемъ видѣ, неиначе, какъ отъ дѣйствія благодати Св. Духа, никто не увольняется отъ дѣлъ, принадлежащихъ къ области тѣхъ расположеній, и служащихъ выраженіемъ ихъ. Пусть нѣтъ расположенія, нуди себя на дѣла, кои отъ него,—и оно придетъ; придетъ и благодать Духа и возведетъ въ окончательное совершенство все, чему своими усиліями не могъ ты придать совершенства.

Ст. 2. *И ходите въ любви, якоже и Христосъ возлюбилъ есть насъ, и предаде Себе за ны приношеніе и жертву Богу въ воню благоуханія.*

Теченіе мыслей таково. Подражатели бывайте Богу. Въ чемъ подражать? Въ любви. А любить какъ? Такъ, какъ Христосъ возлюбилъ насъ. Предавъ Себя за насъ, Онъ принесъ Богу наипріятнѣйшую жертву; предавай и

ты себя всякимъ трудамъ и лишеніямъ во благо другихъ, и будешь тѣмъ и любовь свою искреннюю ко всѣмъ свидѣтельствовать и дѣла предъ Богомъ являть, кои будутъ Ему, какъ жертва въ воню благоуханія. Какъ мудро у Апостола все нравоученіе христіанское возводится ко Христу!

И ходите въ любви. Не одно, не два, не десятки и сотни совершите дѣйствій любви, и довольно; но ходите въ любви, постоянно и непрерывно дѣйствуйте въ духѣ любви. Богъ—Отецъ нашъ есть всегдашняя, неистощимая любовь (1 Ін. 4, 16). И мы по мѣрѣ силъ нашихъ явимъ нѣкую полноту любви, если будемъ всегда ходить въ любви. Св. Златоустъ говоритъ: „а вотъ и основаніе всего: *ходите въ любви.* Если будетъ любовь, то не будетъ ни ярости, ни гнѣва, ни крика, ни брани, но все это будетъ уничтожено. Посему онъ и поставляетъ главнѣйшее на концѣ.“

Дѣла любви, особенно въ томъ смыслѣ, какъ требуетъ Господь, т.-е. чтобы являть любовь къ врагамъ, требуютъ жертвъ—неизбѣжно. Какъ это можетъ подрывать энергію нашу, слабую всегда; то для воодушевленія насъ Апостолъ выставляетъ жертву, которую Христосъ принесъ за насъ. Онъ какъ бы говоритъ: уразумѣйте силу жертвы Христовой, войдите въ сочувствіе съ нею, и уже не остановитесь ни предъ какими жертвами въ хожденіи вашемъ по духу любви. Христова любовная за насъ жертва есть для насъ второй образецъ любви, болѣе близкій къ намъ, болѣе осязательный. Любовь Бога невидима и всеобъемлюща; любовь Христа видима и всякаго касается. Вкусивъ плодовъ ея, естественно и ею возгорѣться. Христосъ возлюбилъ насъ и предалъ Себя за насъ. Ради этого изъ любви преданія Его за насъ, и ты помилованъ, принятъ въ любовь Божію, и не только прощенъ, но и сыновства

Ему удостоенъ: возлюби же и ты сію самую любовь, себя предающую на всякія жертвы и ходи именно въ ней. Св. Златоустъ особенно останавливается на сей чертѣ: „Скажи мнѣ, еслибы кто тебѣ, когда ты былъ въ горячкѣ и боролся со смертію, помогъ какимъ нибудь лѣкарствомъ, не превознесъ ли бы ты выше всего этого человѣка и даже самое названіе лѣкарства? Ибо если къ временамъ и мѣстамъ, при которыхъ получили пользу, мы привязаны, какъ къ собственной душѣ, то тѣмъ болѣе къ самымъ дѣйствіямъ. Будь привержень къ любви, потому что чрезъ нее ты спасенъ, чрезъ нее содѣлался сыномъ (Божіимъ), и если въ состояніи будешь спасать другихъ, то тѣмъ же пользуйся врачевствомъ и всѣхъ увѣщевай: *отпустите, и отпустятъ вамъ* (Лук. 6, 37): такъ поступать—дѣло душъ признательныхъ, свободныхъ и благородныхъ.“

И то, что любить надобно до самопожертвованія именно враговъ, видно въ примѣрѣ любви къ намъ Христа Господа. Ибо Онъ принесъ Себя за насъ, враговъ сущихъ Своихъ и Божіихъ. Если долгъ лежитъ на тебѣ подражать любви Его, то люби враговъ. „Иначе какъ слово: *якоже*, удержитъ свой смыслъ? Не явно ли, что въ такомъ только случаѣ, если мы будемъ благотворить врагамъ“ (св. Злат.).

О значеніи и силѣ жертвы Христовой не разсуждаетъ здѣсь Апостолъ, а беретъ сію истину, какъ извѣстную, и съ тою особенною цѣлію, чтобы возвысить воодушевленіе къ подражанію любви Христа Господа указаніемъ на плодъ ея,—тотъ, что жертва, по силѣ ея Богу принесенная, была Богу въ воню благоуханія. Онъ какъ бы говоритъ тѣмъ: не бойся и не останавливайся предъ жертвами, по силѣ любви въ нихъ являемой они будутъ Богу въ воню благоуханія. Кто принявъ это къ сердцу, не готовъ будетъ на всякіе труды и жертвы изъ любви къ братіямъ своимъ?

Выраженіе: *въ воню благоуханія*—въ жертву пріятнѣйшую, Богу угодную и цѣнную предъ Нимъ,—въ первый разъ встрѣчаемъ въ оцѣненіи жертвы Ноевой. Тамъ сказано: *и обоня Господь воню благоуханія и рече Господь Богъ: не приложу ктому прокляти землю за дѣла человѣческая* (Быт. 8, 21). Обоняніе вони жертвенной приписывается Богу, въ означеніе, что жертва та дошла до Бога, принята Имъ благосклонно и заслужила благоволеніе Божіе. Жертва Христа Спасителя, Себя принесшаго, была наипріятнѣйшая: другая такая невозможна и не требуется, ибо она одна замѣнила всѣ жертвы. Христосъ Самъ, не яко человѣкъ, но яко Богочеловѣкъ, былъ и священникъ и жертва. Принесъ Онъ не яко человѣкъ, но яко Богочеловѣкъ, и Себя принесъ не яко человѣка, но яко Богочеловѣка. Отсюда безконечная цѣна Его жертвы! Воня же благоуханія отъ сей жертвы—не одной ради цѣны ея безпредѣльной, но и ради того, что она была плодъ любви самоохотной: *возлюби и предаде Себе*. Въ этомъ отношеніи она есть предметъ подражанія для насъ: влагай искреннюю любовь въ дѣла самопожертвованія для другихъ, и будетъ изъ нихъ восходить предъ Бога воня благоуханія. Предалъ Себя Господь *за насъ* не святыхъ и друзей, а за грѣшниковъ и враговъ, чтобы заслужить всепрощеніе грѣхамъ нашимъ,—чтобы отогнавъ, говоря человѣчески, отъ Божія обонянія смрадъ грѣховъ нашихъ, наипріятнѣйшею вонею благоуханія жертвы Своей, умилостивить Бога, да изречетъ намъ всепрощеніе и всепомилованіе,--изречетъ, что проклятію на насъ лежавшему положенъ конецъ. Изъ сей жертвы Христовой, за насъ враговъ еще бывшихъ принесенной, да научимся любить враговъ, съ готовностію всѣмъ жертвовать для нихъ до положенія живота, чтобъ всегда быть благоугодными предъ Богомъ.

Доселѣ училъ св. Павелъ, какъ исправить раздражи-

тельную часть души, поставить на верху очищенія ея самоотверженную любовь. Теперь указываетъ на очищеніе другой части ветхаго человѣка—похотной. На этомъ мѣстѣ можно означить поворотъ общихъ наставленій Апостола о жизни христіанской.

зз) Всесторонняя чистота сердца отъ похотныхъ пожеланій.

(3—8).

Ст. 3. *Блудъ же и всяка нечистота и лихоимство ниже да именуется въ васъ, якоже подобаетъ святымъ.*

„Сказалъ о раздражительной страсти—гнѣвѣ, ярости и горечи. Теперь приступилъ къ страсти похотной—къ блуду. Такъ и законъ послѣ того уже, какъ сказалъ: *не убій*—что есть дѣло раздражительной страсти,—сказалъ и: *не прелюбы сотвори*—что есть дѣло страсти похотной. Какъ горечь, кличъ, злоба и хула суть плоды раздражительной страсти, такъ и плоды похотной — — суть — блудъ, прелюбодѣяніе, нечистота, любоиманіе: ибо если кто не похотствуетъ на тѣла, похотствуетъ на деньги и стяжанія“ (Экум.). Такъ и всѣ наши толковники, и св. Златоустъ.

Блудъ—всякій грѣхъ съ женщиною безъ брачнаго съ нею союза; *всякая нечистота* — всѣ другія проявленія похотной страсти—похотныя мысли, разженія огня плоти самоохотныя, удовлетворенія ей неестественныя; *лихоимство*—страсть къ стяжаніямъ, ненасытное желаніе имѣть все болѣе и болѣе. Что и это принадлежитъ къ похоти, показалъ и св. Іоаннъ Богословъ, относя къ ней не одну похоть плоти, но и похоть очесъ, подъ коею разумѣютъ любоиманіе, какъ и всѣ обычно говорятъ: глаза не сыты у тебя. Св. Златоустъ и говоритъ:

„одна и таже у насъ страсть, которою мы любимъ и деньги и тѣла.“ *Ниже да именуется въ васъ.* „Достаточно показалъ отвратительность исчисленныхъ пороковъ, повелѣвъ и самыя наименованія ихъ истребить изъ памяти“ (Θеод.). „Ибо зналъ, что рѣчи объ нихъ бываютъ поджежкою (страсти) и наводителями на дѣла“ (Экум.). „Апостолъ желалъ, чтобы они всецѣло были чисты и непорочны, чтобъ и самый языкъ ихъ не осквернился произношеніемъ такихъ именъ“ (Θеоф.). О проявленіяхъ раздражительной страсти говоритъ: *да возмутся отъ васъ*; а о дѣлахъ похоти говоритъ: *ниже да именуются.* Послѣднее сильнѣйшій представляетъ запретъ: ибо хочетъ, чтобъ и помину объ нихъ не было, чтобъ забыты были и самыя имена ихъ, чтобы дойти до того, что когда произнесетъ кто такія имена, слышащіе не понимали, о чемъ онъ говоритъ. *Якоже подобаетъ святымъ.* Такъ надлежитъ тѣмъ, которые прежде сложенія міра избраны быть святыми и непорочными (1, 4), которые, принимая вѣру въ Господа, прилѣпляясь къ Нему и отъ Него получая новую жизнь, даютъ обязательство къ чистой совѣсти (1 Петр. 3, 21), которые ревновать должны о всесторонней чистотѣ, поставлены въ состояніе чистоты и силы къ храненію ея и жизни въ ней приняли.

Святость есть исполненіе сердца всѣми добродѣтелями, но преимущественно она свидѣтельствуется чистотою отъ плотскихъ влеченій и сочувствій. Почему св. Павелъ пиша къ Солунянамъ и говоритъ: вотъ воля Божія для васъ,—*святость ваша.* Въ чемъ же святость?—*хранити себя отъ блуда* (1 Сол. 4, 3). Такъ высоко ставитъ онъ чистоту, что и самому призванію нашему послѣднею цѣлію назначаетъ именно ее, говоря: *не призва насъ Богъ въ нечистоту, но въ святость* (1 Сол. 4, 7). И пиша къ Коринѳянамъ, онъ убѣждаетъ ихъ бѣ-

гать блудодѣянія потому особенно, что тѣлеса наши суть храмъ живущаго въ насъ Святаго Духа (1 Кор. 6, 18. 19). Почему растлителямъ сего храма угрожаетъ карою свыше: *не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ? Аще кто Божій храмъ растлитъ, растлитъ сего Богъ: храмъ бо Божій святъ есть, иже есте вы* (1 Кор. 3, 16. 17). Духъ Божій, пришедши, возставляетъ его въ первоначальное его достоинство—жизнь въ Богѣ. Сія жизнь, воспріятая и ощущенная отрѣшаетъ отъ всего чувственнаго и плотскаго, какъ бы отрѣзываетъ отъ этого. Такимъ образомъ жизнь въ Богѣ, святость, чистота, исполненіе Духомъ—стоятъ на одной линіи въ христіанской жизни, и современно проявляются и дѣйствуютъ.

Ст. 4. *И сквернословіе, и буесловіе, или кощуны, яже неподобная, но паче благодареніе.*

И это все не должно имѣть среди васъ мѣста. *Сквернословіе* — αἰσχρότης — собственно срамотность, — срамные пріемы, взгляды, движенія, одежда, все поведеніе срамотное, или распущенность, свидѣтельствующая о нечистотѣ и къ ней соблазняющая. Но, конечно, преимущественное проявленіе этой срамотности есть срамословіе, —срамныя рѣчи, съ которыхъ и начинаются обычно срамныя дѣла. *Буесловіе*—μωρολογια—глупыя, безумныя, пустыя рѣчи. *Кощуны* — εὐτραπελία, — страсть острить, шутить, смѣхотворить. *Яже неподобная*, надо перевесть:—эти неподобности, т. е. тоже да не именуются въ васъ.—Не пристало намъ такъ поступать. Обѣщали жить свято, со страхомъ Божіимъ содѣвая свое спасеніе. Какъ могутъ быть умѣстны у насъ такія рѣчи?! Богу себя посвятили, печатію Духа Святаго запечатлѣны; когда же распускаемъ пустыя, шутовскія и срамныя слова, скверня ими души другихъ и воспѣняя въ нихъ похотныя мысли и движенія, то святотатствуемъ, въ Бога согрѣ-

шаемъ. Это тоже, что сосудъ священный обращать на нечистое употребленіе. Вспомни всякъ, какова была участь Валтасара!

У всѣхъ святыхъ подвижниковъ находимъ указаніе, что пусторѣчіе и смѣхотворство состоятъ въ прямой связи съ похотію. Кто смѣхотворитъ, самъ находится въ состояніи похотномъ, которое чрезъ пусторѣчіе свое распространяетъ онъ и вокругъ. Св. Златоустъ и говоритъ: „Не произноси словъ, ни шутливыхъ, ни постыдныхъ,—и ты угасишь пламя: ибо слова ведутъ къ дѣламъ. Какъ тамъ (выше, говоря противъ раздражительной страсти) уничтожилъ Апостолъ ссоры, поддерживающія гнѣвъ, такъ теперь отсѣкаетъ скверноcловіе и шутки, ведущія къ распутству.“

Но паче благодареніе, т. е. да выражается въ словѣ и да слышится. Вотъ чѣмъ должна быть полна бесѣда христіанъ! Когда случится что особенно выдающееся изъ ряда, въ обществѣ только и рѣчей, что о томъ. Но что можетъ быть выдающимся изъ ряда больше того, чѣмъ христіане стали христіанами? Богъ Самъ преклонилъ небеса и сниде, чтобъ насъ возвесть на небеса; всѣ мы уже къ тому и призваны и живемъ на землѣ только за тѣмъ, чтобъ получше приготовиться къ жизни на небѣ, гдѣ уже ждутъ насъ уготованныя намъ обители. Прими это на сердце,—и ненайдешь охоты говорить о другомъ чемъ, какъ объ этомъ, въ чувствахъ благодаренія за неизреченныя милости Божіи. Кто получилъ назначеніе—явиться во дворецъ, чтобъ тамъ служить и жить, только и думаетъ, какъ бы поскорѣе все уладить для того житья,—и благодарностямъ его къ царю и мѣры нѣтъ. И у него и у знающихъ его только и рѣчей, что о милостивомъ его назначеніи. И благодарятъ всѣ царя. Точь въ точь въ такомъ положеніи и всѣ мы христіане. Очень естественно потому сказать, что изъ устъ нашихъ

должно исходить преимущественно благодареніе Богу—Отцу, и Господу нашему Іисусу Христу со Святымъ Духомъ, за спасеніе, намъ даруемое и дѣйствующее въ насъ, если не мѣшаемъ ему своимъ неразуміемъ.

Никто не станетъ спорить съ этимъ, равно и съ тѣмъ, что неприлично срамословіе и буесловіе; но чтобы надлежало изгнать изъ христіанскихъ обществъ шутки, острословіе, и смѣхи—это не всякій вмѣщаетъ. Замѣтилъ это св. Златоустъ, и пространно обличаетъ такое сужденіе и дѣло. Выпишемъ нѣкоторыя изъ его положеній.

„Что пользы сказать шутку? Только возбудимъ ею смѣхъ. Да не будетъ ни одного слова празднаго, такъ какъ отъ празднословія можно перейти къ разговору неприличному. Теперь время не увеселеній, но плача, скорбей и рыданій. А ты шутишь! Какой боецъ, вышедши на арену, оставляетъ борьбу съ противникомъ и произноситъ шутки? Близъ тебя діаволъ ходитъ вокругъ, рыкая, чтобы поглотить тебя, все воздвигаетъ, и все обращаетъ на твою голову, замышляетъ, какъ бы выгнать тебя изъ твоего убѣжища, скрежещетъ зубами, воетъ, раздуваетъ огонь противъ твоего спасенія: а ты сидишь и произносишь шутки, пустословишь и произносишь неприличныя рѣчи?! Можешь ли ты одолѣть его? Мы забавляемся по дѣтски, возлюбленные!

„Христосъ распятъ на крестѣ изъ-за твоихъ злодѣяній, а ты смѣешься? Онъ потерпѣлъ заушенія и столько пострадалъ изъ-за твоихъ бѣдствій и объявшей тебя бури, а ты веселишься? И развѣ не тѣмъ болѣе ты этимъ Его оскорбляешь? Посмотримъ, каковъ долженъ быть святой? Онъ долженъ быть тихимъ, кроткимъ, скорбящимъ, плачущимъ, сокрушеннымъ. Слѣдовательно, кто говоритъ шутки, тотъ не святой, и такой — смѣшонъ. Это позволительно только играющимъ на сценѣ. Гдѣ срамота, тамъ и шутки.—Послушай, что говоритъ Про-

рокъ: *работайте Господеви со страхомъ и радуйтеся Ему съ трепетомъ* (Пс. 2, 11). Шутливость дѣлаетъ душу слабою, лѣнивою, вялою. Прекрасно, если душа трезвенна, ее нельзя увлечь; а разсѣянной кто не увлечетъ? Она будетъ обманута сама собою, и не нужно ей будетъ козней и нападеній діавола. Много золъ гнѣздится въ пристрастной до шутокъ душѣ,—большая разсѣянность и пустота; разстроивается порядокъ, ослабляется благоустройство, исчезаетъ страхъ, отступаетъ благочестіе. У тебя есть языкъ не для того, чтобы передразнивать другихъ, а для того, чтобы благодарить Бога. Изгонимъ этотъ обычай изъ-за трапезъ. Изгнавши отвсюду этотъ обычай, будемъ говорить то, что намъ прилично, и пусть святыя уста не произносятъ словъ, свойственныхъ устамъ безчестнымъ и позорнымъ. *Кое бо причастіе правдѣ къ беззаконію? Или кое общеніе свѣту къ тмѣ* (2 Кор. 6, 14)?

„Итакъ, упорядочивши эти два душевныя состоянія и подчинивши ихъ разуму, какъ послушныхъ коней,—я разумѣю похоть и гнѣвъ,—поставимъ надъ ними возницею умъ, чтобы получить награду вышняго званія, которой да сподобимся мы во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ.“

Ст. 5. *Сіе бо да вѣсте, яко всякъ блудникъ, или нечистъ, или лихоимецъ, иже есть идолослужитель, не иматъ достоянія въ царствіи Христа и Бога.*

Къ укрощенію гнѣвливости и прощенію непріятностей располагалъ Апостолъ тѣмъ, что самимъ намъ прощеніе дается въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, съ напоминаніемъ, что если не будемъ прощать и намъ не будетъ прощено. Къ погашенію похоти плоти и очесъ располагаетъ онъ опасностію потерять изъ-за нихъ царство небесное, предлагая какъ бы на выборъ—или минутную сласть похоти или вѣчное блаженство въ царствѣ Хри-

стовомъ. Обоимъ имъ вмѣстѣ быть нельзя. Одно изъ двухъ: или временная грѣха сладость и лишеніе вѣчнаго блаженства; или вѣчное блаженство и отверженіе сласти похотной. *Сіе да вѣсте*—приговоръ рѣшительный, безъ всякихъ исключеній и ограниченій, что тѣ, которые имѣютъ несчастіе работать помянутымъ страстамъ, не имѣютъ достоянія въ царствіи Христовомъ, — уже исключены изъ него, и тѣ, которые впадутъ только въ нихъ, какъ только впадутъ, такъ и исключаются, самымъ дѣйствіемъ паденія. Такъ несовмѣстно царствіе съ похотствованіемъ.

Апостолъ подъ этотъ приговоръ подводитъ только блудъ, нечистоту и лихоимство; а сквернословіе, буесловіе и кощуны—пропустилъ. Но это не значитъ, что, по Апостолу, съ ними можно войти въ царствіе,—а то, что они у него не имѣютъ самостоятельнаго значенія, и суть орудныя дѣйствія въ отношеніи къ тѣмъ главнымъ страстямъ, такъ что ихъ не бываетъ, когда не бываетъ тѣхъ, и наоборотъ, гдѣ тѣ, тамъ и они. Съ тѣми, слѣдовательно, раздѣлятъ они и участь. Пустословіе и смѣхотворство на видъ представляются не такъ важными; но какъ подъ ними кроется блудная страсть, которая и приводитъ языкъ въ движеніе; то, судя по этому родству, важность ихъ значительна очень. И взглядъ какой тоже будто незначителенъ; но *воззрѣвый на жену ко еже вожделѣти ея* осуждается какъ блудникъ.

Блудникъ и *нечистъ* сказаны Апостоломъ въ томъ же смыслѣ, какъ прежде *блудъ* и *нечистота*; но лихоимецъ окачествованъ особою вѣскою очень чертою; *иже есть идолослужитель*. И въ посланіи къ Колоссаямъ называетъ онъ лихоиманіе идолослуженіемъ (Кол. 3, 5). И Господь сказалъ, что нельзя служить Богу и мамонѣ (Мѳ. 6, 24). Слѣдовательно, кто служитъ мамонѣ, т.-е. работаетъ страсти любостяжанія, тотъ не служитъ Богу.

Мамона сталъ для него богомъ. Ему онъ преданъ всею душею, всѣмъ сердцемъ, всѣмъ помышленіемъ и всѣми силами. Какъ слѣдовало ему быть расположену къ Богу, такъ онъ расположился къ богатству. Такова впрочемъ и всякая страсть, что когда кого одолѣваетъ, то всего его поглощаетъ; почему и чрево назвалъ Апостолъ богомъ (Фил. 3, 19), но въ пристрастіи къ богатству есть особая черта, ставящая обладаемаго имъ на одной линіи съ идолопоклонниками, именно упованіе на богатство. Надлежитъ всего ожидать отъ Бога и на Немъ опираться всѣми надеждами своими. Но обладаемый лихоиманіемъ всего ожидаетъ отъ денегъ и богатства, на нихъ опирается, и почиваетъ своими надеждами. Тамъ, гдѣ слѣдуетъ стоять Богу, стоитъ у него мамона. Стало, онъ прямой идолопоклонникъ.

Не иматъ достоянія въ царствіи Христа и Бога. Достояніе,—κληρονομία,—что кому опредѣлено въ наслѣдство. Неизслѣдованное богатство Христово все распредѣлено по добродѣтелямъ, и всякой добродѣтели свое мѣсто и свой удѣлъ богатства Христова. Когда наступитъ царствіе Христово, тогда какою кто добродѣтелію особенно отличился, туда и поступитъ, гдѣ часть на добродѣтель ту отряженная. Всѣ, по вѣрѣ, въ добродѣтеляхъ потрудившіеся будутъ въ царствіи, и всѣмъ будетъ неизреченно блаженно пребывать тамъ, — но всякій въ своемъ будетъ мѣстѣ и чинѣ. Посреди сихъ свѣтлыхъ обителей нѣтъ мѣста—никакой страсти. *Внѣ... любодѣи... и идолослужители...* (Апок. 22, 15).

Это очевидно само собою; но Апостолъ напоминаетъ о томъ съ особымъ напряженіемъ, говоря: *сіе да вѣсте.* Вѣрно нужно было сдѣлать на этомъ удареніе. Можетъ быть ходили какія-либо мысли, подрывающіе увѣренность въ этомъ. Почему и далѣе, остерегая вѣрныхъ отъ кривотолковъ, пишетъ:

Ст. 6. *Никтоже васъ да льститъ суетными словесы: сихъ бо ради грядетъ гнѣвъ Божій на сыны непокоривыя.*

Смотрите, какъ бы кто не обольстилъ васъ и обманомъ не ввелъ въ заблужденіе. Относительно чего? Не относительно новыхъ какихъ предметовъ, а все тѣхъ же:—дѣлъ похотныхъ, лихоимства, пустословія, смѣхотворства. Кто бы такіе были суесловцы, не указываетъ св. Павелъ.—Ефесъ былъ полонъ разнородными школами и общинами. Между ними епикурейцы не строго судили о дѣлахъ блудныхъ, какъ между Іудеями — саддукеи. Говорятъ, что и симоніане очень хромали на это плесно. А чтобы такъ строго отнестись къ любоиманію, какъ относится св. Апостолъ, и какъ требовалось по духу христіанства, никому въ голову не приходило. Апостолъ конечно зналъ это, зналъ, что говорить могли всѣ эти суесловцы, и не входя въ подробное разсмотрѣніе ихъ суесловія, однимъ словомъ отсѣкаетъ соблазнъ: смотрите, что̀ бы кто ни говорилъ противъ этого, не обольщайтесь: то пустыя слова. А недивно, что Апостолъ въ бытность свою въ Ефесѣ всѣ эти пустыя рѣчи опровергъ предъ христіанами, теперь же только напоминаетъ, чтобъ не забыли уроковъ личныхъ, и продолжали держать себя на сторожѣ.

А то—у всякаго и свои мысли могли приходить,—что-де похотныя дѣла натуральны,—что имѣть—нельзя не имѣть,—что пошутить и посмѣхотворить—ничтожныя дѣла. Почему, пиша къ Коринѳянамъ, св. Павелъ писалъ: *не льстите себе: блудники,... сквернители,... лихоимцы... царствія Божія не наслѣдятъ* (1 Кор. 6, 9). Вѣрно, повсюду ходили тогда, какъ и доселѣ ходятъ, суетныя рѣчи, подрывающія увѣренность въ тяжести отрицаемыхъ Апостоломъ страстей, и тѣмъ разслабляющія бдительность надъ собою вѣрныхъ долгу христіанъ. Св. Златоустъ про свое время говорилъ: „когда мы гово-

римъ, что всякъ, назвавшій брата уродомъ, подлежитъ геенн҃ѣ, нѣкоторые говорятъ: „ужели назвавшій брата уродомъ подлежитъ гееннѣ? Нѣтъ!“—говорятъ. И когда говоримъ, что лихоимецъ есть идолослужитель, и надъ этимъ опять смѣются, говоря, что это выраженіе преувеличено: и всѣ заповѣди унижаютъ подобнымъ образомъ. Такъ ихъ-то имѣя въ виду, и писалъ тогда къ Ефесянамъ блаженный Павелъ, говоря: *никтоже васъ да льститъ суетными словесы*,—„суетными словами называя слова недѣльныя, а между тѣмъ обольстительныя и вводящія въ обманъ.“

Сихъ бо ради,—по причинѣ размноженія этихъ именно пороковъ,—блуда, нечистоты, лихоиманія,—*грядетъ гнѣвъ Божій*, т.-е. страшный судъ. Быть страшному суду опредѣлено. Когда онъ будетъ, никто не знаетъ. Но время течетъ и его приближаетъ. Естественно,—онъ идетъ къ намъ. Но размноженіе сказанныхъ пороковъ ускоряетъ его шествіе. Нравственное состояніе въ послѣдніе дни сравниваетъ Господь съ нравственнымъ состояніемъ жившихъ при Ноѣ. Тогда былъ ужасающій разливъ чувственности. Всѣ они—плоть, сказалъ объ нихъ Богъ. Тоже будетъ и предъ концемъ міра. Плотскія дѣла—съ лихоимствомъ возмутъ верхъ надъ всѣмъ. Думается, на это сходство указываетъ здѣсь и Апостолъ Павелъ,—и *сыновъ непокоривыхъ* образецъ видѣть наводитъ онъ въ противльшихся иногда во дни Ноевы. Ибо сыны непокоривыя υἱοὶ τῆς ἀπειθείας — суть сыны неубѣжденности, такіе люди, которыхъ ничѣмъ не убѣдишь, что ни говори, не вѣрятъ Самому Богу, не вѣрятъ и противятся—упорные невѣры. Таковы были жившіе при Ноѣ. Сколько онъ твердилъ отъ лица Божія, чтобъ покаялись? Не послушали. Таковы будутъ люди и предъ концемъ міра. Тогда потопъ взялъ сыновъ противленія; въ концѣ же міра судъ страшный внезапно постигнетъ

непокорныхъ. Евангеліе всѣмъ станетъ извѣстно; всѣ будутъ слышать уроки, что жить нечисто—пагубно, но никто слушать того не будетъ, успокоивая, конечно, свою совѣсть какими нибудь суетными *словесы*, подобными тѣмъ, отъ которыхъ предостерегалъ Апостолъ Ефесянъ.—Вотъ что приводитъ св. Павелъ на мысль христіанамъ Ефесскимъ, чтобъ воодушевить ихъ и пороковъ тѣхъ бѣгать и отъ всѣхъ кривотолковъ, суетными словами умаляющихъ ихъ тяжесть, слухъ отвращать. Онъ хотѣлъ страхомъ суда страшнаго исполнить души ихъ, и тѣмъ поставить ихъ души въ напряженную трезвенность и бдѣніе какъ надъ сердцемъ своимъ, такъ и надъ внѣшними сношеніями своими.

Ст. 7. *Не бывайте убо сопричастницы симъ.*

Симъ, т.-е., сынамъ противленія. Причастниками ихъ станутъ, если имъ уподобятся; а уподобятся имъ, если, послушавъ суесловцевъ, разслабнутъ въ строгомъ блюденіи себя противъ означенныхъ пороковъ, и, впадши въ нихъ, окажутся противниками Слову Божію, которое Апостолъ имъ проповѣдалъ и теперь предлагаетъ. Убойтесь, говоритъ, противленіемъ истинѣ и поблажкою нечистотѣ и лихоимству уподобиться имъ. Если допустите это, то и участь тѣхъ раздѣлите. А участь ихъ—огнь суда и мученія! — Итакъ остерегитесь, и всегда возбуждайте въ себѣ трезвенную бдительность представленіемъ себѣ картины страшнаго суда, чтобъ соблюсти себя чистыми отъ похотныхъ, не дѣлъ только, но чувствъ и мыслей. Видимъ, въ аскетическихъ писаніяхъ, что для отгнанія приражeній похоти нѣтъ мугущественнѣе средства, какъ память о судѣ. Иные совѣтуютъ стать на судѣ и не отводить отъ него мыслей. Это держитъ въ страхѣ, поядающемъ все нечистое.

Два многовозбудительныхъ образа заповѣдуетъ Апостолъ держать въ умѣ и сердцѣ борющимся со страсть-

ми—образъ Господа, распявшагося за насъ на крестѣ для погашенія всѣхъ недобрыхъ движеній, пораждаемыхъ раздражительною силою души, и образъ страшнаго суда для погашенія страстныхъ движеній похоти. Ими изгоняется изъ души всякая страсть; ими же, когда доброе намѣреніе угождать Богу утвердится въ душѣ, предотвращается и самое ихъ возникновеніе. У кого онѣ сорастворились съ сознаніемъ, тотъ вошелъ въ область безстрастія.

Состояніе безстрастія приближаетъ къ всесовершенству Божію, или къ свѣтлости Божіей. Создавъ человѣка по образу Своему, Богъ вложилъ въ него всѣ Свои добротности, какія только могъ вмѣстить тварь—человѣкъ. Сіи добротности, по паденіи, помрачены, закрыты и извращены страстями, прившедшими съ самостію, бывшею источникомъ паденія. Во Христѣ Іисусѣ привходящая благодать возстановляетъ духъ нашъ, въ коемъ образъ Божій, и научаетъ его и помогаетъ ему изгнать изъ естества человѣческаго всѣ страсти, омрачающія его, положивъ въ основаніе сего изгнанія попраніе самости самоотверженіемъ—что составляетъ первый шагъ въ слѣдованіи Христу. Когда страсти изгнаны, естество человѣческое входитъ въ предопредѣленное ему совершенство Божеское, въ Богоподобіе. *Богъ свѣтъ есть и тмы въ Немъ нѣсть ни единыя* (1 Іоан. 1, 5). Этимъ выражается всесовершеннѣйшее Его всесовершенство. И человѣкъ, когда вступаетъ въ Богоподобіе или причащается всесовершенствъ Божескихъ, или вкушаетъ Божескихъ добротъ, называется вступающимъ въ свѣтъ Божій, облекающимся въ него; и самымъ дѣломъ онъ тогда становится свѣтомъ. И вотъ это—и есть, о чемъ теперь начинаетъ рѣчь свою св. Апостолъ. Доселѣ вводилъ онъ христіанина въ борьбу со страстьми, изъ раздраженія и похоти исходящими, и довелъ его до со-

стоянія безстрастія—чистаго и свѣтлаго свѣтлостію Божескою. Теперь, обращая вниманіе самихъ же христіанъ на это измѣненіе, въ нихъ совершившееся, онъ говоритъ какъ бы имъ: вы были тьма, а теперь стали свѣтъ. Съ этого слова начиная, онъ изображаетъ далѣе свѣтлость дѣятельной христіанской жизни въ себѣ самой (8—10), и свѣтоносность ея для всѣхъ не причастившихся свѣта Христова (11—14). Подобное сему Господь говорилъ Апостоламъ: вы свѣтъ... будьте свѣтильникомъ для всѣхъ (Мѳ. 5, 13—16).

ии) Свѣтлость дѣятельной христіанской жизни въ себѣ.

Ст. 8. *Бѣсте бо иногда тма, нынѣ же свѣтъ о Господѣ: якоже чада свѣта ходите.*

„Потому такъ говоритъ объ нихъ, что они озарились Божественнымъ свѣтомъ“ (Ѳеод.).

„Напоминаетъ имъ о прежней жизни во грѣхѣ и заблужденіяхъ языческихъ, говоря какъ бы: вспомните, что вы были и чѣмъ стали,—изъ тьмы—свѣтъ. Прежде вы и по догматамъ (по образу мыслей и вѣрованій), и по жизни были настоящая тьма, а нынѣ вы свѣтъ: и Бога истиннаго знаете и дѣла свѣта творите. Сбылось же такъ съ вами не отъ вашей добродѣтели, а въ Господѣ, т.-е. Божественною благодатію. Такъ не слѣдуетъ уже вамъ бывать причастниками сыновъ непокоривыхъ, на которыхъ грядетъ гнѣвъ Божій. Были нѣкогда и вы таковы же, и были достойны за то гнѣва Божія, а нынѣ уже нѣтъ: не бѣгите опять во тьму“ (Ѳеофилактъ, почти слово въ слово изъ св. Златоуста).

Первоначально всѣ крещаемые и мѵропомазуемые—или возложеніе рукъ принимавшіе осязательно для себя и видимо для другихъ исполнялись свѣтомъ. Отчего и день крещенія Господня, въ который наиболѣе собиралось крещаемыхъ, названъ праздникомъ свѣтовъ. Въ

самыхъ крещаемыхъ это сопровождалось совершеннымъ внутреннимъ обновленіемъ, состояніемъ, въ коемъ они чувствовали, что грѣхъ ими уже не обладаетъ (Римл. 6 гл.),—иначе состояніемъ безстрастія, которое имъ предлежало лишь хранить. Нынѣ мы не видимъ этого, крещаемые въ младенчествѣ. Не можемъ однакожъ не видѣть, что изъ дѣтей, входящихъ въ самосознательный возрастъ, одни бываютъ мирнаго строя духа, а другіе—бурнаго, то и другое въ разныхъ степеняхъ. Это слѣдствіе сохраненія или несохраненія благодати св. крещенія и мѵропомазанія. И вообще нынѣ такой порядокъ, что благодать въ начальныхъ таинствахъ дается вся сполна; получившіе ее тогда, по вѣрѣ и силѣ Церкви, пришедши въ возрастъ принимаютъ обязательства, условливающія общеніе благодати, и съ этой минуты становятся тѣмъ, чѣмъ первые христіане (и вообще возрастные крещаемые) становились въ самый часъ принятія таинствъ. Другая разность теперь та, что мы, вступая въ сознательный возрастъ, находимъ въ себѣ въ большей или меньшей степени развившіяся страсти, не смотря на присутствіе благодати: это дико растущія сорныя травы на полѣ, котораго еще не касалась рука земледѣльца. Они и дѣйствіе благодати Божіей закрываютъ. Почему намъ всегда предлежитъ трудъ борьбы со страстьми прежде, чѣмъ благодать Божія явится въ силѣ. Когда страсти самодѣятельно съ помощію той же присущей намъ благодати бываютъ наконецъ побѣждены, тогда благодать Духа, просіяваетъ. И достигшій сего ощущаетъ ее, и другіе могутъ замѣтить ее. Тогда къ таковому вполнѣ приложимо: былъ тьма и сталъ свѣтъ,—сталъ то, что первоначально крещаемый и принимавшій возложеніе рукъ Апостольскихъ, становился въ этотъ самый часъ.

Механическаго въ духовной жизни ничего нѣтъ. На

какой-бы степени духовнаго просвѣтленія ни стоялъ кто, всегда на немъ лежитъ бдительно хранить и усердно дѣлать. Какъ тогда, такъ и нынѣ, для восприявшихъ дѣйство духа, неотложный есть законъ, выраженный въ слѣд. стихѣ:

Якоже чада свѣта ходите. Чада свѣта, т.-е., рожденные вновь благодатію Св. Духа, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, по благоволенію Бога Отца.—Чада свѣта—чада Бога, въ Троицѣ покланяемаго. Почему? По причинѣ Богоподобія, благодатію возставляемаго въ духѣ нашемъ. Ходить, какъ свойственно чадамъ свѣта, есть ходить въ Богоподобіи, — являя въ своемъ хожденіи, или въ жизни, совершенства или доброты Божіи. Отрицательно опредѣляетъ это св. Іоаннъ Богословъ, въ Ефесѣ же жившій, такъ: *рожденный отъ Бога грѣха не творитъ* (1 Іоан. 3, 9). И самъ св. Павелъ въ посланіи къ Римлянамъ, по объясненіи силы крещенія, говоритъ: *грѣхъ вами да не обладаетъ... да не царствуетъ грѣхъ въ мертвеннѣмъ тѣлѣ вашемъ... ветхій* вашъ *человѣкъ распятъ* въ крещеніи; *да упразднится тѣло грѣховное, яко ктому не работати вамъ грѣху...* Теперь предлежитъ намъ одно: *ходить въ обновленіи жизни* (Римл. 6, 14. 12. 6. 4). Таково состояніе безстрастныхъ!—Но оно же есть состояніе свѣтлости духовной, по причинѣ проявленій дѣйственности Духа, или исполненія сердца Духомъ.—Почему далѣе объясняя, въ чемъ состоитъ это хожденіе яко чадъ свѣта, Апостолъ указываетъ на плоды Духа.

Ст. 9. *Плодъ бо духовный есть во всякой благостыни и правдѣ и истинѣ.* Отвѣтъ на то, еслибъ кто спросилъ: что значитъ *ходить яко чада свѣта?* Ходить *въ благостынѣ, правдѣ и истинѣ.* Ибо такъ естественно ходятъ тѣ, въ коихъ обитаетъ и дѣйствуетъ Духъ; а эти-то и суть чада свѣта, рожденныя отъ Бога, Который свѣтъ есть.

Почему указать плоды Духа есть тоже, что указать, какъ ходятъ чада свѣта. Чада свѣта суть рожденные отъ Духа и исполненные Духомъ. Гдѣ Духъ, тамъ жизнь въ благостынѣ, правдѣ и истинѣ. Слѣдовательно, кто чадо свѣта, тотъ такъ, а не иначе ходитъ. Св. Златоустъ говоритъ: „объясняетъ здѣсь, что значитъ—ходить *яко чада свѣта*, и говоритъ: *во всякой благостыни*—противъ гнѣвливыхъ и жестокихъ,—*и правдѣ*—противъ любостяжательныхъ,—*и истинѣ*—противъ ложнаго удовольствія." Такимъ образомъ, по св. Златоусту, которому послѣдуютъ Экуменій и Өеофилактъ, благостыня, правда и истина, водворяясь въ насъ благодатію Святаго Духа, изгоняютъ всѣ страсти, или и водворяются подъ условіемъ изгнанія страстей, о которыхъ доселѣ писалъ Апостолъ. Водворившись же начинаютъ и дѣйствовать вмѣсто ихъ: ибо они суть дѣятельныя силы, а не покоящіяся свойства. Если же тамъ, гдѣ прогнаны страсти, водворяются благостыня, правда и истина, то очевидно, что ими опредѣляется состояніе безстрастія и чистоты.

Что значатъ именно благостыня, правда и истина, можетъ иной и иначе объяснить, нежели наши толковники; но того нельзя перетолковывать, что они внѣдряются вмѣсто страстей, и что сами обнимаютъ всю свѣтлую, богоподобную жизнь. Что значитъ каждая изъ сихъ коренныхъ добродѣтелей,—понятно изъ самаго ихъ названія. Благостыня обнимаетъ всю любовь; правда—всякую правду, не допускающую ничего неправеднаго не только въ дѣлѣ и словѣ, но и въ мысли. Любовь и правда—яснѣйшіе представители богоподобія; ибо Богъ любы есть и самая правда.—Что означаетъ истина? Поелику жить право и любовно нельзя безъ вѣдѣнія истины; то можно разумѣть подъ симъ и вѣдѣніе истины. Сіе вѣдѣніе—благодатное—освѣщаетъ всѣ пути жизни, указывая, что и какъ въ какомъ случаѣ дѣлать должно, чтобы

дѣйствовать благоугодно Богу. Но ничего нѣтъ неумѣстнаго — принять вмѣстѣ съ св. Златоустомъ, что здѣсь указывается на вкушеніе истиннаго блага въ Господѣ въ противоположность обманчивымъ чувственнымъ удовольствіямъ. Пріобщающіеся ко Господу вкушаютъ, яко благъ Господь, и удостовѣряются, что въ семъ только вкушеніи и есть ихъ истинное благо. Это удостовѣреніе, при постоянномъ вкушеніи благъ отъ Господа, и служитъ истинною и прочною поддержкою жизни духовной, не дающею замѣчать лишеній, сопряженныхъ съ тою жизнію. Какъ потокомъ течетъ въ сердце сладкое истинное благо отъ жизни по Богу, когда кто вкушаетъ, сколько благъ Господь.

Пускаясь въ подробности, что есть благостыня, правда и истина, можно построить цѣлую систему христіанскаго нравоученія, и представить полный свѣтлый образъ жизни сыновъ свѣта. Желающій можетъ поруководствоваться при семъ тѣмъ, что, въ пространномъ катихизисѣ и въ православномъ исповѣданіи, говорится въ объясненіе блаженствъ: *блаженни алчущіи и жаждущіи правды,—блаженни милостивіи,— и блаженни чистіи сердцемъ.*—Но св. Апостолъ хотѣлъ, кажется, обнять все сіе и однимъ словомъ, говоря:

Ст. 10. *Искушающе, что есть благоугодно Богови.*

Чада свѣта ходятъ въ благостынѣ, правдѣ и истинѣ,— искушая, тщательно доискиваясь и удостовѣряясь, что именно въ кругѣ дѣлъ, подлежащихъ тѣмъ добродѣтелямъ, какъ началамъ, благоугодно Богу,—и тому единственно слѣдуя, а не тому, что хотѣлось бы ихъ волѣ, вкусамъ и смышленіямъ. Ибо въ области добра всякое добро только въ своемъ мѣстѣ, въ свое время, въ своей мѣрѣ и въ своемъ приложеніи есть истинное добро. Что вообще благоугодно Богу, то не трудно знать: въ Словѣ Божіемъ все то подробно опредѣлено. Сказанное

тамъ вѣрующій искренно принимаетъ въ совѣсть, которая, подъ дѣйствіемъ благодати, съ того времени, становится просвѣщеннымъ свыше руководителемъ въ жизни и указателемъ воли Божіей. Но и она общее тотчасъ указываетъ; а какъ опредѣлить подробности предлежащаго добраго дѣла не всегда ясно указываетъ. Ибо бываютъ обстоятельства многочисленныя и многосплетенныя. Богъ хочетъ, чтобъ и здѣсь поступлено было по Его волѣ, а соприкосновенности дѣла не даютъ ясно видѣть сію волю. Сыны свѣта ревностію ревнуютъ попасть непремѣнно на слѣдъ воли Божіей, какъ бы ни были запутаны случайности дѣла. И доискиваются того, и приступаютъ къ дѣлу не иначе, какъ по удостовѣреніи, что воля Божія есть, чтобы въ предлежащемъ случаѣ было поступлено именно такъ и такъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „одарены вы разумомъ, и пріяли благодать Всесвятаго Духа. Посему удобно можете распознавать благоугодное Богу.“—Всегда ли попадаютъ они на слѣдъ воли Божіей,—кто это скажетъ? Но то несомнѣнно, что они доискиваются сего и дѣйствуютъ всегда по ясному сознанію благоугодности дѣла Богу. Но жизнь течетъ все въ одномъ и томъ же духѣ, растетъ и опытность. Если въ искусствахъ человѣческихъ доходятъ до того, что всякаго мастерскаго дѣла части умѣютъ слаживать хорошо, въ совершенствѣ: можно ли, чтобъ Духомъ Божіимъ научаемые не доходили наконецъ до такого искусства въ жизни, что бываютъ въ состояніи точно опредѣлять—что, когда и въ какой мѣрѣ благоугодно Богу. Въ лицахъ, Духомъ Божіимъ водимыхъ, обновляется наконецъ духъ правый во утробахъ ихъ. Сей правый духъ и диктуетъ всегда, что право предъ Богомъ; и имѣющій его непосредственно видитъ и сознаетъ сіе правое. — Это есть достоинство совершенныхъ, въ которыхъ погашены страсти, обычно сби-

вающія насъ съ пути праваго. Но для лицъ, начавшихъ только жизнь Богоугодную, или даже и въ средину ея доспѣвшихъ, кромѣ указаній совѣсти, требуется совѣтъ опытныхъ. Подъ ихъ руководствомъ созрѣетъ и свой духъ правый; и руководимый самъ поступитъ въ руководители. Такъ и жизнь христіанская истинная, другъ — друго-пріимательна, какъ благодать и догматъ.

ii) Свѣтоносность совершенныхъ христіанъ для другихъ, непричастныхъ свѣта жизни ихъ.

Ст. 11. *И не пріобщайтеся къ дѣломъ неплоднымъ тмы, паче же и обличайте.*

Изобразилъ Апостолъ свѣтлую жизнь безстрастныхъ, достигшихъ совершенства, и указалъ норму ихъ дѣятельности въ дѣланіи всегда благоугоднаго Богу. Теперь поставляетъ предъ лице тѣхъ, кои живутъ нерадиво, безпечно, въ Богозабвеніи, въ угоду лишь своимъ пожеланіямъ, и въ суетностяхъ житейскихъ, безъ мысли о спасеніи и безъ заботы о вѣчной участи, и говоритъ имъ: смотрите, не сдѣлайтесь какъ либо причастными дѣламъ такого рода. Не говоритъ: не дѣлайте подобныхъ дѣлъ; ибо для побѣдившихъ страсти это излишне, когда они ненавидятъ всякій грѣхъ, и все нечистое и Богу не угодное. Но говоритъ: не пріобщайтеся; ибо можно, не дѣлая худаго самъ, стать виновнымъ въ худобѣ другаго чрезъ соучастіе въ дѣлахъ его. Какъ? когда какимъ либо образомъ обнаруживается согласіе на худыя дѣла другихъ. Случаевъ къ этому много. Послѣдній предѣлъ,—если видишь или слышишь, или знаешь, да молчишь. Его и беретъ во вниманіе Апостолъ и говоритъ: не молчи, а обличай.

Неужели всякій христіанинъ такъ долженъ дѣлать? Вникните въ теченіе рѣчи Апостола; она у него здѣсь обращается къ побѣдившимъ страсти, къ совершеннымъ,

умѣющимъ точно опредѣлять, что въ какомъ случаѣ благоугодно Богу. Таковые знаютъ—когда какъ направить обличительную рѣчь, чтобъ она шла во благо другимъ. Обличеніе—ножъ; не умѣющій дѣйствовать имъ можетъ только надѣлать ранъ къ горшему злу, а болячки или нароста не отрѣзать въ уврачеваніе болящаго. Съ этой стороны смотритъ на сей предметъ блаженный Іеронимъ: „обличить другихъ есть дѣло большой важности. Его достойно можетъ совершать лишь тотъ, къ кому неприложимъ слѣдующій упрекъ: *лицемѣре, изми первѣе бревно изъ очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего* (Лк. 6, 42). Такъ Пророки, не запятнанные никакою нечистотою грѣховъ и имѣя неоскверненную совѣсть, могли обличать другихъ согрѣшающихъ. Изъ сего слѣдуетъ, что обличать можетъ тотъ, кто самъ въ себѣ не обличается (совѣстію).“ Это можетъ идти только къ совершеннымъ христіанамъ, о коихъ и рѣчь у Апостола.

Но и всякій можетъ—не соглашаться съ дѣлающимъ нехорошо, не одобрять его, даже и въ шутку не говорить снисходительно о худомъ; и одною миною можно много сказать. Общедоступное же обличеніе другихъ есть обличеніе свѣтомъ дѣлъ. Удаляющійся дѣломъ показываетъ, что не одобряетъ того, отъ чего удаляется Отчего жизнь совершенно богобоязненныхъ всегда есть обличеніе нечестивыхъ и грѣшныхъ. Надо твердо стоять въ христіанскихъ правилахъ жизни и, свѣтя тѣмъ въ окружающей мрачности дѣлъ, обличать ихъ. Фотій у Экуменія говоритъ: „обличайте, говоритъ, образомъ своей жизни. Не говорю: обличайте ихъ, перечисляя ихъ дѣла, укоряя за нихъ: ибо знаю, что ревнители чистоты считаютъ оскверненіемъ одно воспоминаніе объ нихъ. Между тѣмъ, какъ они неменьше (словъ) будутъ обличены, когда дѣла ваши будутъ блистать доброде-

телями. Дѣла ихъ свѣтомъ жизни вашей обличатся, откроются и обнаружатся. Обнаруженныя освѣтятся, и на лучшее преложатся и претворятся. Обнаруженіе вашею жизнію срамоты ихъ дѣлъ приведетъ ихъ въ сознаніе и самоосужденіе; а это есть начало обращенія и исправленія." — Такимъ образомъ свѣтлая жизнь христіанъ молча доводитъ неисправныхъ до того, до чего доводить ихъ назначается обличительное слово совершенныхъ.

Ст. 12. *Бываемая бо отай отъ нихъ срамно есть и глаголати.*

Мысль видна, но чего ради она вставлена здѣсь, не видно. Какъ будто св. Павелъ различаетъ дѣла неплодныя тьмы отъ того, что бываетъ отай отъ нихъ. И первыя, говоритъ, обличайте, а второе такъ дурно, что срамно и говорить о томъ. И выходитъ, будто о томъ и говорить нечего; то дѣла самообличенныя, когда съ ними прячутся даже отъ тѣхъ, кои только и дѣлаютъ, что безплодныя дѣла тьмы. Неплодныя дѣла тьмы, въ такомъ случаѣ, будутъ означать ходячую жизнь нечестивыхъ и грѣшниковъ,—жизнь суетную, чувственную, небогобоязненную, не имѣющую въ умѣ смерти и суда,—которой непотребства и пагубности не сознаютъ сплетшіеся теченіемъ дѣлъ ея. Апостолъ говоритъ: постарайтесь изобличить этой-то жизни непотребство и пагубность, а рѣчью о тѣхъ срамотахъ, что дѣлаются тайно, нечего языкъ сквернить. Обличеніе ихъ уже есть; и оно еще сильнѣе станетъ, когда обличеніе первыхъ произведетъ свое дѣйствіе.

Или такъ: неплодныя дѣла живущихъ въ суетѣ и безстрашіи не всегда бываютъ на видъ слишкомъ укорны. Это можетъ связывать языкъ обличителя изъ снисхожденія, какъ говорится, къ немощамъ людскимъ. Апостолъ говоритъ: не смотри на эту будто терпимую внѣш-

ность, за нею кроются такія дѣла, о которыхъ и говорить срамно; потому обличай ихъ нещадно.

Но если разумѣть обличеніе дѣлами и жизнію, то прямѣе будетъ видно, почему сказалъ это св. Павелъ. Обличайте ихъ свѣтомъ жизни вашей, потому что стань обличать ихъ словомъ, осквернишь языкъ: ибо дѣла ихъ крайне срамны. Св. Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ: „Не одно и тоже, говоритъ, обличать словомъ, какъ и дѣлами. Словомъ срамно и говорить о томъ, что они дѣлаютъ: они и сами отъ стыда скрываютъ то. Но если мы будемъ свѣтомъ и возможемъ обнаружить тьму (ихъ дѣлъ) противоположностію свѣтлой жизни; то такое обличеніе будетъ самое лучшее.“ Эту же мысль высказалъ и Фотій, какъ видѣли.

Ст. 13. *Вся же обличаемая, отъ свѣта являются: все бо являемое, свѣтъ есть.*

Мѣсто темновато. Кажется, св. Павелъ хотѣлъ сказать, какъ пробуждается совѣсть у грѣшниковъ и нечестивыхъ чрезъ обличеніе. Дѣла ихъ темны, совѣсть у нихъ помрачилась, и никто изъ нихъ не видитъ, какъ срамно и пагубно такъ жить, какъ они живутъ. Когда же, говоритъ, вы своею свѣтлою, безстрастною жизнію и своимъ словомъ обличите ихъ, обнаружится вся срамота такой ихъ жизни, совѣсть у нихъ самихъ пробудится и въ свою очередь станетъ ихъ обличать. Такъ жизнь ихъ срамная будетъ видна во всей своей наготѣ для всѣхъ. Свѣтъ возсіялъ въ этой тьмѣ, и все въ ней скрывавшееся освѣтится. Подобное сему писалъ онъ къ Филипписеямъ: *вся творите безъ роптанія и размышленія, да будете неповинни и цѣли, чада Божія непорочна посредѣ рода строптива и развращенна, въ нихже являетеся, яко свѣтила въ мірѣ, слово животно придержаще* (Фил. 2, 14—16). Жизнь совершенныхъ христіанъ, — чистыхъ и непорочныхъ чадъ Божі-

ихъ, — точно есть свѣтило для грѣшнаго рода. Книгъ много, и словъ много, и своего смысла у всякаго достанетъ: чего не достаетъ? Умѣнья жить. Покажи, какъ жить, своею жизнію, и ненужно будетъ слова. Все ясно будетъ и безъ слова. Безъ жизни же и ясное слово темновато. При жизни и слово сильнѣе. Указаніе на то, какъ слово разоблачаетъ совѣсть, находимъ у св. Павла въ описаніи порядка, какой надо держать въ церковныхъ собраніяхъ, и именно относительно употребленія дара языковъ. На языкахъ, говоритъ, если нѣтъ въ собраніи понимающихъ ихъ, не говорите, развѣ только будетъ кто, который могъ бы переводить и истолковать рѣчь вашу собранію. Въ противномъ случаѣ, лучше молчать. Ибо въ церковномъ собраніи все должно быть направлено ко взаимному всѣхъ назиданію. Говори всякій на понятномъ языкѣ и понятною рѣчью.— Положите, что вы собрались въ церковь, и всѣ начали говорить на языкахъ. Войди въ эту пору кто неразумный и невѣрный: слушая васъ, не скажетъ ли, что вы съ ума посошли. Но если вы будете говорить на понятномъ языкѣ и понятною рѣчью, то, какой нибудь невѣръ или невѣжда, вошедши, *обличается всѣми и истязуется отъ всѣхъ: и сице тайная сердца его явлена бываютъ и тако падъ ницъ, поклонится Богови, возвѣщая, яко воистинну Богъ съ вами есть* (1 Кор. 14, 24—25). — Объ этомъ образѣ раскрытія совѣсти и явленія тайныхъ сердца говоритъ и въ нашемъ мѣстѣ св. Павелъ. Обличайте, говоритъ, ихъ и словомъ и противоположнымъ образомъ жизни. Симъ свѣтомъ, отъ васъ исходящимъ, освѣтятся нравы нечестивыхъ и грѣшныхъ, и нечистота и срамота ихъ, невидныя для живущихъ по нимъ, обнаружится и явною станетъ. Подобно тому, какъ предметы сокрытые во тьмѣ, когда падетъ на нихъ свѣтъ, становятся явными отъ сего свѣта: такъ и всѣ

неплодныя дѣла тьмы, будучи обличаемы вашимъ словомъ и вашею противоположною жизнію, принимая на себя это освѣщеніе отъ васъ, откроются и обнаружатся яко непотребныя и будутъ сознаны таковыми отъ всѣхъ. Вотъ смыслъ словъ: *вся же обличаемая отъ свѣта являются.* Далѣе: *все бо являемое свѣтъ есть,* представляетъ поясненіе предыдущаго. Предметъ теменъ, пока не пали на него лучи свѣта, когда же падаютъ на него лучи, онъ явнымъ становится, свѣтлымъ, освѣщеннымъ. Слово: *свѣтъ есть*—тоже что—свѣтелъ есть, освѣщенъ. Такъ свѣтла станетъ жизнь нечестивыхъ и грѣшныхъ отъ вашего обличенія и жизни, свѣтла не яко издающая свѣтъ, а свѣтла въ своей мрачности, свѣтло видно будетъ, какъ она непотребна.

Св. Златоустъ говоритъ: „сказалъ, что вы — свѣтъ; свѣтъ же открываетъ все то, что бываетъ во тьмѣ, такъ что, говоритъ, если вы будете добродѣтельны и достойны удивленія, нечестивые не будутъ имѣть возможности таиться. Потому что, какъ въ то время, когда стоитъ свѣтильникъ, освѣщаются всѣ; такъ при сіяніи свѣта отъ васъ обличаемые нечестивцы будутъ поражены. Слѣд. должно обличать. — Какъ рана тѣлесная, до того времени, пока таится, бывъ прикрыта снаружи, и пока углубляется далѣе, не пользуется никакимъ лѣченіемъ, такъ и грѣхъ, доколѣ скрывается какъ бы во мракѣ, до тѣхъ поръ весьма свободно продолжаетъ дѣйствовать смѣло, но какъ скоро будетъ обнаруженъ, — дѣлается свѣтомъ: не самый грѣхъ,—ибо какъ это возможно?—но тотъ, кто дѣлалъ его. Ибо если онъ будетъ приведенъ на средину собранія, если будетъ вразумленъ, если покается, если получитъ отпущеніе, то не разогналъ ли ты тьмы его? Не исцѣлилъ ли тогда его раны? Не вызвалъ ли безплодія къ плоду?“

Ст. 14. *Сего ради глаголетъ: востани спяй, и воскресни отъ мертвыхъ, и освѣтитъ тя Христосъ.*

Сего ради глаголетъ,—кто глаголетъ? Въ Божественномъ Писаніи нѣтъ такого изреченія. Откуда же оно? Кто говоритъ, что св. Павелъ взялъ его изъ какого либо апокрифа и забывши привелъ какъ мѣсто Писанія; кто говоритъ, что такое изреченіе изошло изъ устъ Самого Господа и дошло до св. Павла по устному преданію; кто говоритъ, что такой гласъ слышалъ св. Павелъ въ духѣ и сердцѣ, и приводитъ его какъ слово Господа; кто полагаетъ, что оно составлено св. Павломъ изъ разныхъ мѣстъ Писанія. Всѣ эти объясненія неудовлетворительны. Ближе всѣхъ, можетъ быть, догадка блаж. Ѳеодорита, что это слово какой либо церковной пѣсни, которыя тогда составлялись совершеннѣйшими христіанами или даже и Апостолами. Что такъ было, свидѣтельствуетъ самъ св. Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ: *кійждо васъ псаломъ иматъ* (1 Кор. 14, 26).—Не слышалъ ли кто изъ обращенныхъ необыкновеннымъ образомъ такихъ словъ въ минуты сверхъестественнаго возбужденія и можетъ быть изъ среды самыхъ Ефесянъ. Поелику слово это было извѣстно и ходило между Ефесянами, какъ слово свыше, то Апостолъ и выражается такъ: сего ради глаголетъ,—разумѣя, — нѣкто свыше, или гласъ свыше, какъ вамъ извѣстно.

Другіе наши толковники не обращаютъ вниманія на указаніе, кто сказалъ, а берутся прямо выяснять, что сказано.—Что же сказано?—Призываніе грѣшника въ покаяніи обратиться къ Господу Спасителю. Словомъ и жизнію совершенныхъ христіанъ совѣсть грѣшника пробуждена; онъ ясно видитъ свое непотребство и готовъ взыскать спасенія: что ему дѣлать?—Встань отъ сна грѣховнаго, приступи ко Господу и Онъ тебя освѣтитъ. Да и вообще христіане, образомъ своей жизни

и своимъ исповѣданіемъ вѣры, что другое говорили тѣмъ, среди коихъ были, яко свѣтила, какъ не то: востани всякъ отъ сна грѣховнаго и грѣховной смерти и приступи ко Христу Спасителю!

Сонъ и смерть естественные служатъ выраженіемъ сна и смерти грѣховныхъ. И сонный, какъ и мертвый, не слышитъ, не видитъ, не чувствуетъ, не движется. Такъ и грѣшникъ пораженъ въ духовномъ отношеніи безпечностію, нечувствіемъ и ослѣпленіемъ; и никакого у него движенія нѣтъ въ смыслѣ спасенія души и полученія вѣчнаго блаженства богоугожденіемъ.—Но духъ въ немъ есть, только пораженъ летаргическимъ сномъ. Когда лучъ благодати чрезъ помазанное слово христіанъ или свѣтлую жизнь ихъ, проходитъ до духа, онъ тотчасъ открываетъ глаза и начинаетъ обнаруживать свойственныя ему движенія—страхъ Божій, безпокойство совѣсти, осужденіе всей прежней жизни и требованіе перемѣны ея. Тогда грѣшникъ и самъ въ себѣ слышитъ: востани спяй! — Но одна совѣсть только измучитъ, а покоя не дастъ. Къ ней приходитъ слово о Спасителѣ, и она заставляетъ тогда грѣшника ятися за вѣру въ Него, какъ единственное средство спасенія. Вѣруетъ грѣшникъ, примиряется съ Богомъ и просвѣтляется Христомъ Господомъ. Ясно для него тогда становится все, какъ чему слѣдуетъ быть въ его жизни и чего ожидать ему въ будущемъ. Прочее онъ уже во свѣтѣ лица Его идетъ и о имени Его радуется лишь. — Слава безпредѣльному Божію милосердію къ намъ грѣшнымъ.

кк) Осмотрительность и благоразуміе въ поведеніи.

Ст. 15. *Блюдите убо, како опасно ходите, не якоже немудри, но якоже премудри.*

Имѣя такое высокое назначеніе—быть свѣтомъ міра, ходите такъ, чтобы соотвѣтствовать своему значенію,

чтобъ никто ничего не могъ найти въ васъ укорнаго, кромѣ развѣ того, что вы христіане, и всѣмъ желаете быть христіанами. — *Како опасно* — πῶς ἀκριβῶς, точно вѣрно, пунктуально по лежащимъ на васъ обязанностямъ, точь въ точь какъ ожидается отъ васъ. Но заповѣди извѣстны: по нимъ дѣйствуй — и все тутъ. Къ чему предостереженіе: *блюдите*, и эта норма: не *якоже немудри, но якоже премудри?*—Къ тому, что можно портить и добрыя дѣла, когда безвременностію, когда неумѣстностію, когда излишнею ревностію. Опредѣлять, какъ сдѣлать дѣло, чтобъ оно какъ разъ приходилось къ своему мѣсту и времени и въ своей мѣрѣ есть дѣло мудрости. Мудрость и общую норму поведенія опредѣляетъ и держитъ, и каждое дѣло осматриваетъ. Немудрость дѣйствуетъ съ плеча, или какъ еще говорятъ, зря. Отъ того и силы и время тратитъ, а плода мало имѣетъ, хоть дѣлать старается все доброе, а не худое.— *Блюдите* сверхъ того, предполагаетъ опасности, козни, сѣти. И въ нихъ недостатка нѣтъ. Много сплетеній во внѣшнихъ обстоятельствахъ, могущихъ отвлекать отъ праваго и увлекать къ неправому; и въ себѣ много такого, что можетъ сбивать съ пути; и врагъ не дремлетъ. Такъ много причинъ къ тому, чтобы блюстись и ходить съ крайнею опасливостію. Бл. Іеронимъ пишетъ: „Добрѣ говорится Ефесянамъ, чтобъ они, имѣя чувства обученныя въ разсужденіи добра и зла, опасно шествовали, и все искушающе, добрая держали. Кто видитъ, какъ ему слѣдуетъ шествовать и умѣетъ осторожно ступать ногою, чтобъ не поткнуться о камень, говоря: *свѣтильникъ ногамъ моимъ законъ Твой* (Пс. 118, 105), тотъ конечно мудръ. И я не думаю, чтобы простецъ какой, человѣкъ недалекаго ума, могъ исполнить эту заповѣдь, хотя бы и хотѣлъ ходить опасно. Изъ этого понять намъ должно, что и нравственныя правила — (кои

многими почитаются совершенно ясными, на томъ основанiи, что говорится: *заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи* — (Пс. 18, 9) — имѣютъ нужду во всестороннемъ обслѣдованiи, чтобъ найти благоразумное приложенiе. Свѣтлая та заповѣдь просвѣщаетъ очи тѣхъ, кои, отвергши неразумiе, посвятили себя дѣятельному усвоенiю уроковъ мудрости."

Ст. 16. *Искупующе время, яко днiе лукави суть.*

Показываетъ способъ, какъ исполнить предыдущую заповѣдь, какъ мудро и опасно ходить. Успѣете, говоритъ, въ этомъ, *искупующе время.* Но что значитъ *искупать время?* Не тратить его попусту, а всячески стараться сдѣлать изъ него что нибудь, что можетъ споспѣшествовать цѣлямъ нашей жизни. Бл. Θеодоритъ говоритъ: „искупайте время, употребляя его какъ должно." Бл. Iеронимъ пишетъ: „Когда иждиваемъ время на доброе дѣло, тогда искупаемъ его."—Цѣль времени въ вѣчности; жизнь настоящая дана для приготовленiя къ блаженной жизни въ будущемъ. Кто все къ этой цѣли направляетъ, не попуская и малымъ промежуткамъ своего времени проходить въ пустыхъ занятiяхъ, тотъ все свое время искупаетъ. Причина, почему надо спѣшить такъ искупить время, та, *яко днiе лукави суть.* Лукавый означаетъ злый, означаетъ и хитрый. Хитраго человѣка думаешь, что вотъ — вотъ уловишь, а онъ ускользаетъ изъ рукъ. Таково время: быстро течетъ, такъ скоро течетъ, что не уловишь. Апостолъ говоритъ какъ бы: спѣшите; въ каждую минуту дѣлайте что можно; не пропускайте его даромъ, уйдетъ, не воротишь.

Или—*дни лукавые*—означаетъ вѣкъ нынѣшнiй лукавый, полный зла и прелестей. Онъ хочетъ у насъ отнять все время; а намъ надобно стараться не допускать до этого, стараться удержать за собою время, обращать его въ свою пользу, для своихъ вѣчныхъ цѣлей.

Время представляется предметомъ борьбы между нами и лукавымъ вѣкомъ. Этотъ къ себѣ тянетъ, а намъ надлежитъ къ себѣ тянуть. Блаж. Іеронимъ пишетъ: „дѣлая добро, искупаемъ время и собственнымъ его дѣлаемъ, вмѣсто того, чтобы продать его злу. Никто, снѣдаемый заботами житейскими и богатства ищущій, не искупаетъ себѣ времени. — Если мы искупаемъ время какъ должно, то нѣкоторымъ образомъ измѣняемъ его: злые дни превращаемъ въ добрые, и дѣлаемъ ихъ изъ дней настоящаго вѣка днями вѣка будущаго. — Можно и иначе это мѣсто изъяснить: о, Ефесяне, которымъ, по пробужденіи отъ сна вѣка сего, возсіяло солнце правды—Христосъ Господь! опасно и мудро ходите, не поддаваясь измѣнчивости времени, а напротивъ, стараясь, при измѣнчивости его, себя выдержать всегда одинаково неизмѣнными. Пусть наступаетъ гоненіе за гоненіемъ, вы держите одно теченіе, и объ одномъ заботьтесь, чтобъ не мѣняться подобно лунѣ, какъ дѣлаютъ неразумные, но что однажды начато, въ томъ стойте неуклонно. Объясню мысль свою примѣромъ изъ писанія. Іосифъ одно имѣлъ въ цѣли — какъ угодить Богу. И это неизмѣннымъ было у него при многократномъ измѣненіи обстоятельствъ его жизни. Не измѣнили этого ни ненависть братьевъ, ни состояніе рабства, ни обольщенія госпожи, ни мрачность темницы, ни власть надъ всѣмъ Египтомъ. Всегда онъ былъ одинаковъ, и искупая себѣ время, дни злые превращалъ въ добрые. Это же самое можно сказать и объ Іовѣ. Разнымъ подвергался онъ искушеніямъ; но ни богатство, ни бѣдность, ни раны, ни укоры друзей, ни заброшенность всѣми, ни потомъ возстановленіе его благоденствія—ничто не измѣняло его. Онъ искупалъ себѣ время, и дни злые превращалъ въ добрые.“

Ст. 17. *Сего ради не бывайте несмысленни, но разумѣвайте, что есть воля Божія.*

Вотъ средство и ходить съ мудрою опасливостію и время искупать какъ должно! — Узнай, чего хочетъ отъ тебя Богъ въ томъ или другомъ случаѣ, и исполни то. Впереди говорилъ уже: *искушающе, что есть благоугодно Богови;* теперь опять тоже говоритъ: *уразумѣвайте, что есть воля Божія.* Такъ это важно и такъ необходимо, чтобъ не покривить своимъ благоразуміемъ, всегда недостаточнымъ, достодолжный образъ дѣйствованія. Наше благоразуміе — очень часто если не всегда — кривитъ дѣло, будучи уклоняемо отъ правоты саможалѣніемъ, человѣкоугодіемъ и многими другими, по человѣчески судя, уважительными причинами. Но уразумѣніе воли Божіей разгоняетъ всѣ туманы, налегающіе на тропы жизни нашей, и ясно указуетъ прямую стезю, и этимъ обезопашиваетъ правость дѣйствованія нашего, и устанавливаетъ ее, или являетъ ее въ жизни, — подъ условіемъ, конечно, что первоначальный завѣтъ — ходить неуклонно въ волѣ Божіей, не щадя живота, — живо сознается, такъ что это сознаніе, а не другое что заправляетъ планами нашей жизни. Бл. Іеронимъ пишетъ: „поелику время лукаво и надлежитъ искупать его, то напередъ надобно испросить мудрость, чтобъ уразумѣть, что есть воля Божія. Не можемъ мы опасно ходить, если прежде не уразумѣемъ воли Божіей. Во всякомъ случаѣ сначала надобно разсмотрѣть, чего хочетъ Богъ, и уже по должномъ обсужденіи, дѣлать то, что будетъ признано благоугоднымъ Ему.“

лл) Молитвенное въ Богѣ пребываніе — единое христіанское утѣшеніе.

Ст. 18. *И не упивайтеся виномъ, въ немже есть блудъ: но паче исполняйтеся Духомъ.*

На горькой землѣ натурально искать увеселеній человѣку, не могущему забыть, что онъ созданъ для жизни райской. И ищетъ, и находитъ всякій по своему. У всякаго народа и у всякаго человѣка есть свои утѣхи. Наиболѣе развеселяющая стихія есть вино. Но какъ чувственное, оно и веселіе подаетъ чувственное. Для христіанъ, кои рождены Духомъ и суть жилище Духа, и коихъ животъ сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ, нейдетъ такого рода развеселеніе себя. Имъ свойственна радость о Духѣ Святомъ. Апостолъ и пишетъ Ефесянамъ—удаляться первой и искать второй.

Не упивайтеся. Но какъ положить мѣру, съ которой начинается упиваніе? Христіанамъ скорѣе идетъ — совсѣмъ не пейте,—развѣ только въ крайностяхъ, — въ видахъ врачеванія. Конечно не вино укоризненно, а пьянство; но огонь въ кровь влагается и малымъ количествомъ вина, и прибывшее отъ того развеселеніе плотское развѣваетъ мысли и расшатываетъ нравственную крѣпость. Какая же нужда ввергать себя въ такое опасное положеніе? Особенно когда сознается, что всякую минуту времени надобно искупать, а этимъ поступкомъ не минуты, а дни отдаются даромъ врагамъ, и добро бы даромъ, а то еще съ приплатою? — Такъ строго судя, винопитіе совсѣмъ должно быть изгнано изъ употребленія изъ среды христіанъ.

Св. Златоустъ хотя разрѣшаетъ употребленіе вина для веселія, но не всѣмъ, а только сущимъ въ печали и болѣзни. „Хочешь ли, говоритъ, знать, что вино хорошо? Послушай словъ Писанія: *дадите сикера сущимъ въ печалехъ, и вино пити сущимъ въ болѣзнехъ* (Прит. 31, 6). И справедливо: ибо оно имѣетъ силу смягчать огорченіе и тоску и удалять печаль. *Вино веселитъ сердце человѣка*“ (Пс. 103, 15).—Другое разумное употребленіе вина есть—питіе его для здоровья. Это и есть, по

Златоусту, первоначальное его назначеніе. „Вино, говоритъ онъ, дано намъ не для чего нибудь другаго, какъ для здоровья тѣла. Послушай сего блаженнаго (ап. Павла), который пишетъ и говоритъ Тимоѳею: *мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ* (1 Тим. 5, 23).—Для того Богъ и сотворилъ тѣла наши умѣренными, требующими немногаго для своего насыщенія, чтобы отсюда уже научить насъ, что мы созданы для другой жизни. Такую жизнь Онъ и хотѣлъ даровать намъ сначала, но такъ какъ мы стали недостойными ея, то Онъ отсрочилъ ее, и во время отсрочки не позволяетъ намъ наслаждаться безъ мѣры. Небольшаго стакана вина и одного хлѣба достаточно для насыщенія чрева человѣческаго. Владыку всѣхъ безсловесныхъ Богъ создалъ нуждающимся гораздо менѣе сравнительно съ ними, далъ небольшое тѣло, указывая тѣмъ, чтобы мы стремились къ другой жизни. *Не упивайтеся*, говоритъ Апостолъ, *виномъ, въ немже есть блудъ*: оно не спасаетъ, а губитъ не только тѣло, но и душу.“

Блудъ—ἀσωτία,—распутство, разгульная жизнь, всесторонняя распущенность и развратность. Упиваніе—матерь и питательница всѣхъ пороковъ; и раздражительную часть оно разжигаетъ. Св. Златоустъ говоритъ: „оно дѣлаетъ насъ вспыльчивыми и дерзкими, и стремительными, раздражительными и несносными.“ Но пряиѣе всего—оно размножаетъ блудныя дѣла. Ибо „чрево, крайне разгоряченное, пѣнится похотію,“ какъ выражается блаж. Іеронимъ.

Но паче исполняйтеся Духомъ. „Какъ невозможно двумъ господамъ работать, Богу и мамонѣ (Мѳ. 6), такъ невозможно исполняться Духомъ вмѣстѣ и виномъ“—(Іерон.). Почему „св. Апостолъ, отвергнувъ упоеніе вредное, ввелъ на мѣсто его духовное“ (Ѳеод.). „Хочешь,

говорить, веселиться? хочешь провести день? Я даю тебѣ пѣніе духовное. Пьянство уничтожаетъ благозвучіе нашей рѣчи, заставляя заикаться, равнымъ образомъ извращаетъ и глаза и все. Учись пѣть псалмы и увидишь сладость этого дѣла; потому что поющіе псалмы исполняются Духа Святаго, а поющіе сатанинскія пѣсни — духа нечистаго" (св. Злат.).

Какъ разны плотскихъ и духовныхъ людей утѣхи! Тѣ виномъ, а эти Духомъ Святымъ исполняются; у тѣхъ вино возбуждаетъ плотское веселье, а этимъ Духъ Святый подаетъ обрадованіе духовное и божественное; тѣхъ вино разжигаетъ на всякаго рода похотныя дѣла, а этихъ Духъ Святый научаетъ Богохваленію и благодаренію со всякаго рода добромъ. Утѣшителю, Душе истины, пріиди и вселися—и въ ны!

Какая мысль въ словахъ: *исполняйтеся Духомъ*? Духъ благодати обитаетъ въ христіанахъ со времени крещенія и мvропомазанія. А приступаніе къ таинствамъ покаянія и причащенія не есть ли пріятіе обильнѣйшихъ притоковъ благодати?—Тѣмъ, которые имѣютъ уже Духа, пристойно сказать: *Духа не угашайте* (1 Сол. 5, 19). Но какъ имъ же сказать: *исполняйтеся Духомъ*?—Благодать Св. Духа подается христіанамъ, потому что такова сила вѣры христіанской. Но живущій въ христіанахъ Духъ содѣваетъ спасеніе ихъ не одинъ, а вмѣстѣ съ свободными дѣйствіями и самаго христіанина.—Въ семъ отношеніи христіанинъ можетъ и оскорбить и погасить Духа,—и можетъ способствовать къ тому, чтобы Онъ ощутительно проявлялъ въ немъ Свои воздѣйствія. Когда сіе бываетъ, тогда христіанинъ сознаетъ себя въ необыкновенномъ состояніи, выражающемся тихою, глубокою, сладостною радостію, восходящею иногда до взыгранія духа. Вотъ и упоеніе духовное!—Противополагая его упоенію виномъ, Апостолъ говоритъ: не того,

а вотъ этого упоенія ищите, назвавъ его исполненіемъ отъ Духа. Такъ повелѣніе—исполняться Духомъ есть не что иное, какъ предписаніе—такъ себя держать или такія употреблять съ своей стороны дѣйствія, которыя способствовали бы или дали бы возможность и просторъ Св. Духу—ощутительно проявиться: осязательно воздѣйствовавъ на сердце.

Въ писаніяхъ мужей Божіихъ, удостоившихся такой благодати и даже постоянно пребывавшихъ подъ осѣненіемъ ея, находимъ указаніе на два особенно дѣла, требующіяся для того отъ человѣка—очищеніе сердца отъ страстей и молитвенное къ Богу обращеніе. Эти же средства и Ап. Павелъ указалъ. Впереди училъ онъ, какъ очищать душу отъ страстей похоти и гнѣва, а здѣсь—вслѣдъ за словомъ: *исполняйтеся Духомъ*, указываетъ и на молитву. Св. Златоустъ ввелъ сіи два способа и въ толкованіе. Что молитва открываетъ Духу Божію свободу воздѣйствовать на сердце, объ этомъ онъ сказалъ уже въ предыдущей выпискѣ, говоря: „поющіе псалмы исполняются Духа.“ А что къ тому же ведетъ и чистота отъ страстей, объ этомъ онъ говоритъ вслѣдъ за тѣмъ: „Въ нашей ли власти исполняться Духомъ? Да, въ нашей. Когда будемъ очищать душу свою отъ лжи, жестокости, блуда, нечистоты и любостяжанія, когда сдѣлаемся добродушны, сострадательны, заботливы о себѣ, когда не будетъ въ насъ кощунства (смѣхотворства),—когда мы сдѣлаемся достойными того; то что̀ воспретитъ Св. Духу приблизиться и прилетѣть къ намъ? И Онъ не просто приблизится, но исполнитъ сердце наше.“

Ст. 19. *Глаголюще себѣ во псалмѣхъ и пѣніихъ и пѣснехъ духовныхъ, воспѣвающе и поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви.*

Въ какомъ сочетаніи принять слова сіи, въ такомъ ли: когда исполнитесь Духомъ, тогда и пойте устами

и сердцемъ? Или въ такомъ: если хотите исполниться Духомъ, то пойте?—Предлагаемое пѣніе устами и сердцемъ сказывается ли, какъ слѣдствіе исполненія Духомъ, или указывается какъ средство къ тому?

Наитіе Духа не въ нашей власти, оно приходитъ, какъ благоволитъ Самъ Духъ. И когда приходитъ, приводитъ въ сильное возбужденіе силы нашего духа. Пѣснь Богу тогда сплетается сама собою. Свобода возможна лишь въ томъ, оставить ли пѣснь сію пѣться въ сердцѣ, или выражать ее и языкомъ гласно для всѣхъ. Въ послѣднемъ случаѣ закономъ положено у Апостола, чтобы въ церкви все шло благообразно и по чину.

Отсюда видно, что какъ исполненіе Духомъ, такъ пѣніе подъ дѣйствіемъ и наитіемъ Его не можетъ быть предметомъ предписанія, а лишь предметомъ желанія и исканія, съ употребленіемъ соотвѣтствующихъ средствъ. Указаніе же на благоразумное обнаруженіе образовавшагося внутри пѣнія не входитъ въ содержаніе настоящаго текста. Слѣдовательно слова сіи должно принять не въ первомъ, а во второмъ сочетаніи. Исполняйтеся Духомъ; и для того пойте. Пѣніе возбудитъ Духъ, или приведетъ въ состояніе наитія Духа, или ощутительнаго Его воздѣйствія. Блаженный Өеодоритъ пишетъ, что Апостолъ вводитъ духовное упоеніе, когда говоритъ: *исполняйтеся Духомъ*, и показываетъ, какъ достигнуть до сего, именно: „непрестанно пѣснословя Бога, углубляясь въ самихъ себя, и возбуждая всегда помыслъ.“ Это тоже, что сказать: посредствомъ пѣнія языкомъ и сердцемъ.

Не трудно понять, что въ семъ дѣлѣ главное—не благозвучіе пѣнія, а содержаніе поемаго. Оно же воздѣйствуетъ такъ же, какъ съ воодушевленіемъ написанная рѣчь воодушевляетъ читающаго ее. Чувство, вложенное въ слово, чрезъ слово переходитъ въ душу

слышащаго или читающаго. Такъ и въ пѣсняхъ церковныхъ. Псалмы, гимны (пѣнія) и оды (пѣсни) церковные суть духо-движныя изліянія благоговѣйныхъ чувствъ къ Богу. Духъ Божій исполнялъ избранниковъ Своихъ, и они полноту своихъ чувствъ выражали въ пѣсняхъ. Поющій ихъ, какъ должно, обратно можетъ войти въ выраженныя въ нихъ чувства и, исполнясь ими, приблизить себя къ состоянію способному принять воздѣйствія благодати Духа или приспособить себя къ нему. Таково именно и есть назначеніе церковныхъ пѣсней, чтобъ посредствомъ ихъ возгрѣвать и раздувать кроющуюся въ насъ искру благодати. Искру сію даютъ таинства. Чтобы раздуть ее и превратить въ пламень, для этого введены псалмы, пѣнія (гимны) и пѣсни (оды) духовныя. Они дѣйствуютъ на искру благодати такъ же, какъ вѣтеръ на искру, внѣдрившуюся въ горючее вещество.

Но припомнимъ, что такое дѣйствіе принадлежитъ имъ подъ тѣмъ условіемъ, если вмѣстѣ съ употребленіемъ ихъ идетъ и очищеніе сердца, какъ сказалъ св. Златоустъ, руководствуясь ходомъ рѣчи самого св. Ап. Павла. Другія условія указываются въ этомъ самомъ мѣстѣ, именно: первое, чтобъ онѣ были духовныя, и второе, чтобы пѣлись не языкомъ только, но и сердцемъ.

Апостолъ указываетъ три рода пѣсней: псалмы, пѣнія—гимны, и пѣсни—оды. Вѣрно всѣ они употреблялись въ Апостольское время, и чѣмъ нибудь разнились между собою. Не имѣя образчиковъ, не беремся опредѣлять, что за пѣсни были церковныя пѣсни, носившія сіи названія, и будемъ разумѣть подъ всякимъ изъ нихъ пѣснь церковную. А что это точно были пѣсни церковныя, т. е. пѣсни поемыя въ собраніи христіанъ, это видно изъ того, что Апостолъ заповѣдуетъ глаголать ихъ себѣ „ἑαυτοῖς“, что всѣ толковники понимаютъ: другъ другу взаимно.

Итакъ для того, чтобы пѣніе пѣсней церковныхъ вело къ исполненію Духомъ, требуетъ Апостолъ, чтобы пѣсни сіи были *духовны*, подъ чѣмъ надо разумѣть не то только, что онѣ должны быть духовны по содержанію, но чтобъ были духо-движны, сами были плодомъ Духа, или излились изъ сердецъ, исполненныхъ Духа. Иначе онѣ не будутъ вести къ исполненію Духомъ. Это по тому закону, что что̀ вложено въ пѣснь, то она и дастъ поющему. Вложена туда человѣческая мысль, человѣческую мысль и породитъ; вложенъ туда элементъ благодатный, благодать возбудитъ она и въ поющемъ. Но если она—простой наборъ словъ, то ничего и не породитъ.

Второе требованіе Апостолово то, чтобы пѣсни пѣлись не языкомъ только, но и сердцемъ. Не понимать только пѣснь надобно, но войти въ сочувствіе съ нею, или воспріять содержаніе ея въ сердце, и пѣть ее уже такъ, какъ бы она исходила изъ нашего сердца. Изъ снесенія настоящаго мѣста съ другими видно, что въ Апостольское время тѣ только и пѣли, которые бывали въ такомъ настроеніи, другіе входили въ подобонастроеніе съ ними—и все церковное собраніе воспѣвало и пѣло Господу не иначе, какъ, въ сердцѣ. Что дивнаго, если вслѣдствіе того все оно исполнялось и Духомъ? Какое сокрыто сокровище въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, если онѣ совершаются какъ должно!

Св. Златоустъ говоритъ: „что означаютъ слова: *поюще въ сердцахъ вашихъ Господеви?* Это значитъ со вниманіемъ приступай къ этому дѣлу; ибо невнимательные поютъ безъ пользы, произнося только слова, тогда какъ сердце ихъ блуждаетъ въ другомъ мѣстѣ.“ Блаженный Ѳеодоритъ къ этому прибавляетъ: „поетъ сердцемъ, кто не только приводитъ въ движеніе языкъ, но и умъ возбуждаетъ къ уразумѣнію произносимаго.“ Другіе св. отцы, пиша о молитвенномъ къ Богу обращеніи, пола-

гаютъ, что оно наилучшимъ образомъ совершается, когда совершается умомъ въ сердцѣ утвержденнымъ.

То, что здѣсь у Апостола говорится о церковномъ собраніи, идетъ и къ частному псалмопѣнію, которое всякій совершать можетъ особо въ домѣ. И плодъ отъ сего можетъ быть тотъ же, когда оно совершается какъ должно, т.-е. со вниманіемъ, пониманіемъ, сочувствіемъ, изъ сердца.

Замѣтимъ также, что хотя слова Апостола говорятъ о пѣніи, но мысль его указываетъ на молитвенное къ Богу обращеніе. И оно собственно есть возбудитель Духа.

Ст. 20. *Благодаряще всегда о всѣхъ о имени Господа нашего Іисуса Христа Богу и Отцу.*

Псалмы, гимны, оды предполагаютъ преимущественно богохваленіе—изображеніе безконечныхъ совершенствъ Бога, въ Троицѣ покланяемаго, и необъятныхъ Его дѣлъ творенія, промышленія, искупленія и чаемаго совершенія всяческихъ. Но войди въ созерцаніе всего этого, увидишь, что главнымъ предметомъ Божескихъ попеченій былъ, и есть и будетъ человѣкъ, высоко поставленный въ твореніи, глубоко низпадшій въ паденіи, и превысоко подъемлемый въ возстановленіи; что сіе благо возстановленія уже въ дѣйствіи, и что причастниками его сдѣланы тѣ самые, которые поютъ, не призваны только къ тому, но и вкушаютъ уже плоды его. Отсюда само собою исходитъ благодареніе, благодареніе о имени Господа нашего Іисуса Христа, всѣхъ спасшаго и каждаго спасающаго, благодареніе Богу и Отцу, Коему по домостроительству спасенія усыновляемся, не именословно, но существенно, становясь едино съ Господомъ и возраждаясь благодатію Св. Духа.

Благодареніе столь существенно въ молитвенномъ къ Богу обращеніи, что безъ него и приступать къ сему дѣлу нельзя. Ибо все у насъ Божіе и самый сей умъ,

къ Нему обращающійся, и самое дерзновеніе обращаться къ Нему, все у насъ Божіе, и участь наша вся и временная и вѣчная въ десницѣ Его. Все Имъ для насъ приготовлено, и все такъ устроено и приспособлено, что всякій имѣетъ въ своихъ рукахъ возможность достигнуть вѣчнаго въ Немъ блаженства. Усмотрѣніе всего этого въ частности каждымъ въ отношеніи къ себѣ—естественно поставляетъ его въ состояніе благодаренія, котораго вполнѣ нельзя выразить. Благодареніе настоящее есть благодарное изумленіе безпредѣльной благости Божіей. Много мѣшаетъ развиться благодарности непониманіе, какъ всѣ случайности жизни служатъ во благо намъ вѣчное, особенно непріятности. Усмотрѣть это и не дается, кажется, никому. Живая вѣра признаетъ, что такъ есть, и располагаетъ за все благодарить. Всѣмъ, что бываетъ съ нами, Богъ устрояетъ наше спасеніе. Такъ это есть, хотя и не видно какъ. Св. Златоустъ въ объясненіе этого говоритъ: введу тебя въ мастерскую плотника. Что увидишь? то рѣжетъ, то долбитъ, то стругаетъ. А къ чему все это, ты не видишь. Однакожъ не говоришь, что онъ все это дѣлаетъ безъ цѣли, а полагаешь, что изъ разбросанныхъ въ безпорядкѣ частей выйдетъ какая нибудь вещь полезная—столъ, стулъ, ящикъ. Такъ это и бываетъ. Повѣрь же, что и Богъ изъ тебя хочетъ сдѣлать нѣчто гожее для царства Своего. Оттого, когда бываешь въ положеніяхъ, похожихъ на строганіе, долбленіе и пиленіе, вѣрь, что все то необходимо, чтобы изъ тебя что-либо вышло, и по вѣрѣ сей—благодушно терпи и благодари.

2) частныя правила хр. жизни по состояніямъ.

5, 21—6, 9.

Беретъ во вниманіе св. Павелъ только отношенія членовъ семейства и опредѣляетъ христіанскій образъ

дѣйствованія для каждаго класса ихъ. Можетъ быть потому такъ, что Ефесяне, составлявшіе церковь, ни въ какихъ другихъ соотношеніяхъ и не состояли; или можетъ быть потому, что эти отношенія—главныя между людьми, и никого не найдешь, кто бы не состоялъ въ нихъ какою-либо стороною; или еще и потому, что исправный здѣсь будетъ исправенъ и вездѣ. *Сначала* опредѣляетъ Апостолъ отношенія главныхъ членовъ, на коихъ стоитъ само семейство—мужа и жены, 5, 22—33; *потомъ*—дѣтей и родителей, 6, 1—4; *наконецъ*—слугъ и господъ, 6, 5—9. Такъ какъ весь сей семейный союзъ держится на повиновеніи однихъ другимъ; то онъ поставляетъ урокъ повиновенія *во главу*—5, 21; а далѣе прилагаетъ его къ тѣмъ членамъ семейства, которые должны особенно исполнять его, именно: къ женамъ—*жены мужамъ повинуйтеся*—5, 22; къ дѣтямъ—*чада послушайте родителей*—6, 1; къ рабамъ—*раби послушайте господій*—6, 5. Вслѣдъ за уроками этимъ членамъ указываетъ онъ образъ дѣйствованія и соотвѣтствующихъ имъ лицъ, коимъ принадлежитъ преобладающее достоинство мужей—5, 25, отцевъ,—6, 4. и господъ—6, 9. Казалось бы, что со стороны сихъ послѣднихъ не повиновеніе оказывается, а власть упражняется; но когда имъ предписывается любовно внимать нуждамъ соотвѣтствующихъ имъ низшихъ, и всячески устроять ихъ благосостояніе, то этимъ безъ словъ говорится тоже, что Господь сказалъ: большій—будь всѣмъ слуга (бл. Іеронимъ). И Апостолъ изображаетъ образъ служенія сихъ бо̀льшихъ меньшимъ въ семействѣ, характеризуя власть ихъ возможностію къ ширшему дѣланію добра. Взаимныхъ обязанностей членовъ семейства касается св. Павелъ и въ другихъ посланіяхъ. Въ посланіи къ Ефесеямъ та особенность, что здѣсь существеннѣе опредѣлено значеніе брачнаго союза. Нигдѣ онъ такъ высоко не поставленъ,

и на достоинство его нигдѣ такъ глубоко не воззрѣно, какъ здѣсь, когда идеалъ союза сего указанъ въ союзѣ Господа Іисуса Христа съ Церковію.

а) Главный урокъ взаимнаго повиновенія.

Ст. 21. *Повинующеся другъ другу въ страсѣ Божіи.* Грамматически этотъ текстъ относится къ предыдущему, а по содержанію къ послѣдующему. Сему дивиться нечего; ибо св. Павлу не чужды такіе пріемы. *Повинующеся* стоитъ въ рядъ съ *благодаряще, поюще, глаголюще.* Но эти послѣднія находятся въ сочетаніи съ *исполняйтеся духомъ* а *повинующеся*—съ этимъ въ сочетаніе поставить нельзя. Св. Павелъ поставилъ такъ слово сіе за рядъ съ тѣми, на переходѣ къ послѣдующимъ урокамъ. Будемъ принимать сіи слова, какъ бы сказано было: *повинуйтеся другъ другу въ страхѣ Божіи.*

Этотъ урокъ не однихъ членовъ семейства касается, хотя ихъ отношенія изъ него вытекаютъ, но обнимаетъ всѣхъ христіанъ. Всякій повинуйся другому, т.-е. никогда не ставь на своемъ, а свою волю подклоняй подъ волю другаго. Такимъ образомъ не имѣть своей воли есть коренной законъ во взаимно-отношеніяхъ христіанскихъ. Апостолъ не указываетъ никакого ограниченія сему закону; развѣ только принять въ семъ смыслѣ слово: *въ страхѣ Божіи.* Это значитъ: не изъ человѣкоугодія, не въ надеждѣ какихъ выгодъ, не по какимъ либо другимъ внѣшнимъ уваженіямъ, а по *одному страху Божію*, по увѣренности, что на то есть воля Божія, не вообще только, но и въ каждомъ частномъ случаѣ. Чтобъ возымѣть такую увѣренность, надо въ каждомъ случаѣ увидѣть, что желаніе или требованіе другаго, предъ которымъ должна склоняться наша воля, если будетъ удовлетворено, принесетъ ему существенную пользу временную или вѣчную. Повиновеніе при этомъ условіи

будетъ истекать изъ христіанскаго долга—самоотверженія и любви, которой заповѣдано простираться до положенія души своей за брата. Крѣпость же сихъ обязательствъ стоитъ на страхѣ Божіемъ. Какъ въ совершенствѣ исполнить эту заповѣдь взаимнаго повиновенія при многоразличнѣйшихъ сочетаніяхъ и сплетеніяхъ случайностей,—въ этомъ христіанская мудрость. То несомнѣнно, что жертвующій для другихъ собою и своимъ никогда не бываетъ въ проигрышѣ, если дѣлаетъ все по страху Божію. Ибо есть Око всевидящее; и стаканъ воды не останется безъ воздаянія въ свое время, нужнѣйшее для каждаго.

Св. Златоустъ говоритъ: „Если ты повинуешься изъ-за подчиненія, изъ-за денегъ, или изъ-за стыда, то тѣмъ болѣе изъ страха Божія (повинуйся). Пусть не занимаетъ одинъ мѣсто свободнаго, а другой раба; но пусть у васъ будетъ общество другъ другу служащихъ друзей, гдѣ нѣтъ ни гнѣва, ни досады, ни раздраженія, гдѣ всѣ дѣйствуютъ по свободному избранію и по любви другъ къ другу. Служи всѣмъ, какъ господамъ, и скоро ты будешь имѣть ихъ слугами. Еще болѣе ты пріобрѣтешь ихъ, если ничего отъ нихъ не получая будешь отдавать имъ свое. *Повинующеся другъ другу въ страсѣ Христовомъ*, значитъ, чтобы мы обуздывали всѣ страсти, служили Богу, питали любовь другъ къ другу; и тогда будемъ достойны человѣколюбія Божія“ (сокращенно).

б) Приложеніе сего начала къ членамъ семейства.

аа) *къ женѣ и мужу,* 5, 22—33.

Ст. 22. *Жены своимъ мужемъ повинуйтеся, якоже Господу.*

Начинаетъ съ супружескаго союза, показывая особенную о немъ заботливость, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ.

„И это не напрасно, потому что если супружескія отношенія въ порядкѣ, то и дѣти воспитываются хорошо, и слуги благочинны, и сосѣди, и друзья, и сродники (радуются), всѣмъ пріятно ихъ счастіе, какъ бы нѣкое благоуханіе. Если же гдѣ бываетъ напротивъ, то тамъ во всемъ безпорядокъ и замѣшательство.“ Съ женъ же началъ или потому, что къ нимъ прямѣе идетъ — *повинуйтеся*, или можетъ быть въ показаніе высокаго значенія жены въ семейной жизни. Ибо коль скоро она въ порядкѣ, то все въ домѣ въ порядкѣ. Сила рѣчи Апостола не въ указаніи на долгъ повиновенія, ибо это и безъ того повсюду велось, а на то, въ какомъ духѣ должно быть оказываемо сіе повиновеніе, именно: *повинуйтеся, якоже Господу*. Повиновеніе жены мужу въ христіанствѣ принимаетъ высшій характеръ, яко такое, которое вытекаетъ изъ страха Божія и уравнивается съ дѣлами Богоугожденія, прямо Самому Господу творимыми. Она повинуется мужу въ увѣренности, что Господь принимаетъ такое повиновеніе, какъ бы оно Ему прямо было оказываемо; или повинуется ему, не яко сильнѣйшему и господственному по порядку естества, но яко представителю Господа. Св. Златоустъ говоритъ: „Сказавши: *повинуйтеся, яко Господу*—Апостолъ *или* разумѣетъ слѣдующее: яко знающія, что служите Господу, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что (онѣ должны повиноваться) если не ради мужей, то въ особенности ради *Господа* (Кол. 3, 18); *или*: если повинуешься мужу, то думай, что ты повинуешься, какъ работающая Господу. Ибо если противящійся даже внѣшнимъ общественнымъ властямъ, противится *Божію повелѣнію* (Римл. 13, 2), то тѣмъ болѣе не повинующаяся мужу. Этого Богъ требуетъ отъ начала.“

Ст. 23. *Зане мужъ глава есть жены, якоже и Христосъ глава Церкве, и Той есть Спаситель тѣла.*

Мужъ—глава. Кажется св. Павелъ хотѣлъ симъ напомнить, что древнее присужденіе: *къ мужу твоему обращеніе твое и той тобою обладати будетъ* (Быт. 3, 16) не потеряло силы и въ христіанствѣ, только здѣсь мужъ представляется на́большимъ, не какъ носитель преобладающей власти, а какъ всесторонній попечитель и охранитель жены, и только въ этомъ, а не въ другомъ смыслѣ—глава ея, къ которой она, какъ тѣло́, должна обращаться. Мужъ, по Апостолу, въ брачномъ союзѣ тоже для жены, что Христосъ для Церкви, въ благодатномъ порядкѣ, или по домостроительству спасенія. Сравнивается мужъ со Христомъ, жена съ Церковію. Пунктъ сравненія — главенство: мужъ глава жены, какъ Христосъ—Церкви. Но Апостолъ пишетъ, не какъ что есть, а какъ что должно быть. Потому въ словахъ его должно видѣть такую мысль: мужъ глава жены въ такомъ же смыслѣ, въ какомъ Христосъ глава Церкви. Но Христосъ, глава Церкви, яко Спаситель сего тѣла Своего. Да будетъ же и мужъ глава женѣ по причинѣ спасительства своего для нея. Въ чемъ и да будетъ для мужа основаніе главенства; для жены, побужденіе къ повиновенію. Сказавши: мужъ глава жены, какъ Христосъ—Церкви, Апостолу предлежало лишь сдѣлать выводъ: итакъ пусть жены повинуются во всемъ мужьямъ, какъ Церковь Христу; что и дѣлаетъ онъ въ слѣдующемъ стихѣ. Но онъ намѣренно прибавилъ положеніе, въ коемъ указываетъ, почему Христосъ глава Церкви, чтобъ и главенству мужа придать христіанское основаніе и повиновенію жены—нравственнѣйшее побужденіе,—именно: *Той есть Спаситель тѣла.*

Христосъ есть глава Церкви, потому что есть Спаситель сего тѣла Своего. Онъ сталъ Главою чрезъ спасеніе спасенныхъ, и спасенные стали членами Его чрезъ спасеніе. Поставляя главенство мужа надъ женою на-

равнѣ съ главенствомъ Христа надъ Церковію, яко Спасителя ея, не указываетъ ли, что мужъ долженъ являть себя спасителемъ жены, чтобъ и жена видѣла въ немъ своего спасителя, и на томъ чувствѣ, что онъ защита, оберегатель и покровъ ея и что она за нимъ, какъ за горою, должна держать и оживлять свое ему повиновеніе. Θеофилактъ пишетъ: „какъ Христосъ, будучи главою Церкви, промышляетъ о ней и спасаетъ ее, такъ и мужъ — спаситель жены, тѣла своего. Какъ же тѣлу сему не повиноваться главѣ, пекущейся о немъ и спасающей его?“ „Такимъ образомъ, говоритъ св. Златоустъ, онъ предложилъ мужу и женѣ, какъ основаніе ихъ счастія, взаимную любовь и заботливость, указавъ каждому изъ нихъ то, что кому прилично, — одному начальство и попеченіе, другой — повиновеніе.“ Таже мысль и у блаж. Θеодорита: „весьма премудро Божественный Апостолъ представилъ сей примѣръ. Ибо онаго достаточно, чтобы и женамъ внушить уваженіе къ своимъ мужьямъ, и въ мужей вложить нѣжную любовь къ своимъ женамъ.“

Ст. 24. *Но якоже церковь повинуется Христу, такожде и жены своимъ мужемъ во всемъ.*

Текстъ этотъ и по содержанію понятенъ самъ собою, и въ томъ отношеніи, какъ онъ здѣсь стоитъ. Онъ есть прямой выводъ изъ предыдущаго и не представляетъ ничего новаго, что бы не сказано было выше. И наши толковники ничего почти не говорятъ на него. Только блаж. Θеофилактъ рѣшаетъ вопросъ: „какъ во всемъ повиноваться? И тогда будто повиноваться, когда онъ уклонится въ невѣріе и ее станетъ склонять къ тому же?—Но, говоритъ, у Апостола здѣсь слово не о невѣрныхъ, а о вѣрныхъ мужахъ. Христосъ—глава Церкви—Богъ есть, собираетъ и ведетъ Церковь Свою къ вѣчной славѣ. Это она знаетъ и не колеблясь повинуется

Ему во всемъ, что угодно Ему творить въ ней и съ нею во внутреннемъ ея устройствѣ и во внѣшней участи. Но о человѣкѣ всегда умѣстно сомнѣніе, а потому и ограниченіе этого *во всемъ*. Оно впрочемъ и въ рѣчи Апостола очень сильно ограничено словомъ: *яко Господу*, которое даетъ и такую мысль: въ цѣляхъ и въ видахъ Господа, какъ въ посланіи къ Колоссаемъ и сказано: *якоже подобаетъ о Господѣ* (3, 18), и еще болѣе сравненіемъ главенства мужа съ главенствомъ Господа, которое исходитъ изъ спасенія. Что за спаситель мужъ, если онъ спасаетъ тѣло только подъ условіемъ погубленія души?!"

Другое замѣчаніе дѣлаетъ блаженный Іеронимъ — о святости супружеской жизни. „Если жена такъ должна повиноваться мужу, какъ Церковь — Христу, то между мужемъ и женою союзъ долженъ быть святой, и никогда не должны они работать плотскимъ страстямъ." Таже мысль и у св. Дамаскина: „Апостолъ обязываетъ жену повиноваться мужу образомъ повиновенія Церкви Христу для того, чтобы это повиновеніе было не тѣлеснаго, но духовнаго характера."

Ст. 25. *Мужіе, любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби Церковь, и Себе предаде за ню.*

Далъ женамъ заповѣдь и примѣръ повиновенія, даетъ теперь мужьямъ заповѣдь и примѣръ любви,—въ любви Христа Спасителя къ Церкви. Въ брачномъ союзѣ главная обязанность жены—повиноваться мужу; главная обязанность мужа—любить жену. Но какъ въ мужѣ не исключается обязанность слушаться разумныхъ совѣтовъ и желаній жены, такъ въ женѣ — обязанность любить мужа. У нихъ все должно быть взаимообразно. Св. Павелъ, въ изложеніи ихъ Богу угодныхъ отношеній, настаиваетъ на томъ особенно, что скорѣе съ чьей стороны можетъ быть нарушаемо. Что жена любитъ, объ

этомъ и говорить нечего; но она скорѣе и забываться можетъ. Что мужъ любитъ себѣ подчинять жену, и это— само собою дѣлается; но онъ можетъ простирать сіе далѣе надлежащаго. Св. Апостолъ и оговариваетъ сіи возможныя уклоненія съ той и съ другой стороны. Жена должна паче всего соблюдать повиновеніе мужу; потому что покушеніе жены взять преобладаніе разстроиваетъ миръ семейный. Мужъ паче всего любить долженъ жену, потому что эгоизмъ съ его стороны дѣлаетъ невозможными благоденствіе и сладость семейной жизни.

Если сличить, на кого болѣе налегаетъ Апостолъ, то окажется, что больше на мужа. Принявъ во всей строгости, что жены по образу повиновенія Церкви Христу Господу, должны повиноваться мужамъ во всемъ, должно принять во всей строгости и обязательную для мужей любовь—въ мѣрѣ любви Христа Господа къ Церкви. Но Господь предалъ Себя за Церковь; слѣдовательно и мужья должны простирать свою любовь къ женамъ до готовности жертвовать за нихъ и самою жизнію. Гдѣ есть впрочемъ любовь, тамъ это дѣлается само собою. Но и справедливость этого требуетъ: ибо если взять въ настоящей силѣ повиновеніе, увидимъ, что оно есть непрестанное умираніе,—своихъ желаній и разсужденій отсѣченіе. Справедливо, за такую долгую смерть жены, мужу, въ случаѣ нужды, умереть однократно.

Св. Златоустъ въ этой силѣ разумѣетъ любовь мужа къ женѣ. Обращаясь къ мужу, онъ говоритъ: „Ты слышалъ о великомъ послушаніи; ты доволенъ Павломъ, что онъ, какъ нѣкій дивный и духовный учитель, учитъ насъ порядку въ жизни. Хорошо! Но послушай, чего онъ требуетъ и отъ тебя: тотъ же самый примѣръ онъ приводитъ и далѣе: *мужіе*, говоритъ, *любите своя жены, якоже и Христосъ возлюби Церковь*. Видѣлъ мѣру по-

слушанія? Послушай же и о мѣрѣ любви. Хочешь, что бы жена повиновалась тебѣ, какъ Христу повинуется Церковь? Заботься же и самъ объ ней, какъ Христосъ о Церкви. Хотя бы нужно было пожертвовать за нее жизнію, или потерпѣть и пострадать что бы то ни было, не отказывайся, но и хотя бы ты потерпѣлъ все это, не думай, что ты сдѣлалъ что нибудь подобное тому, что̀ сдѣлалъ Христосъ. Умѣй заставить ее быть тебѣ покорною твоимъ великимъ объ ней попеченіемъ, любовью, дружбой. Нѣтъ узъ крѣпче этихъ, особенно для мужа и жены. Слугу можно иногда связать страхомъ, но сопутницу жизни, мать дѣтей и виновницу всѣхъ семейныхъ радостей нужно привязывать къ себѣ не страхомъ и угрозами, но любовію и расположенностію. Что за супружество, когда жена трепещетъ мужа? Какимъ удовольствіемъ можетъ насладиться мужъ, который сожительствуетъ съ женою, какъ съ рабою, а не какъ съ свободной? Еслибы и случилось потерпѣть что за нее, не ропщи: Христосъ этого не дѣлалъ.“

Ст. 26. 27. *Да освятитъ ю, очистивъ банею водною въ глаголѣ: да представитъ ю Себѣ славну Церковь, не имущу скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ, но да будетъ свята и непорочна.*

О сихъ спасительныхъ дѣйствіяхъ домостроительства нашего спасенія св. Павелъ поминаетъ не съ тѣмъ, чтобы ихъ изъяснить: это дѣлаетъ онъ въ другихъ мѣстахъ; но душа его всегда полна была созерцаніемъ сихъ таинствъ, и онъ не могъ пропустить случая, когда онъ представлялся, чтобъ не коснуться ихъ. Онъ хотѣлъ провесть ихъ во всѣ порядки жизни, чтобы, въ какихъ бы сочетаніяхъ отношеній ни текла жизнь, она не отвлекала отъ созерцанія ихъ, а оживляла и поддерживала его. Въ этомъ отношеніи можно предполагать у Апостола намѣреніе—далѣе провесть параллель обязательныхъ для

христіанскаго мужа отношеній къ женѣ изъ отношеній Христа Господа къ Церкви.

Самое содержаніе сихъ текстовъ понятно. Господь предалъ Себя за Церковь, благоволивъ понести крестную смерть. Предалъ Себя такъ Господь, да освятитъ Церковь, — или всѣхъ вѣрующихъ чрезъ освященіе каждаго христіанина. Какимъ образомъ? *Очистивъ банею водною въ глаголѣ*, т. е. святымъ крещеніемъ, въ коемъ съ погруженіемъ въ воду троекратнымъ, произносятся слова: во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа. Это видимыя дѣйствія св. крещенія. Невидимо же при семъ крещаемый погружается въ смерть Христову, получаетъ отпущеніе грѣховъ и совсѣмъ умираетъ грѣховной жизни, а выникая изъ воды пріобщается силы воскресенія Христова и возраждается къ новой духовной святой жизни. Крещеный, не именемъ только, но существенно чистъ и святъ. Это дѣлается съ каждымъ, слѣдовательно со всѣми приступающими къ Господу, со всею Церковію. Вся Церковь свята, прошедши чрезъ очистительную и освятительную баню пакибытія. *Да представитъ ю Себѣ.* Сими словами показывается для чего такъ учреждено, чтобы всѣмъ проходить чрезъ купель крещенія. Для того, говоритъ, такъ дѣлаетъ Господь, чтобы представить предъ Себя Церковь, т. е. всѣхъ вѣрующихъ, славною,—внутренними совершенствами, не имѣющею никакого недостатка, чистою и непорочною. Невѣсту для представлёнія жениху, и тѣмъ паче подъ вѣнецъ,— моютъ, чистятъ, наряжаютъ всячески. Это дѣлаетъ и Христосъ Господь съ Церковію. Положивъ сочетаться съ нею, Онъ преукрашаетъ ее всякими добротами. Ибо не пристало, чтобы съ чистѣйшимъ и совершеннѣйшимъ могло что либо сочетаться, оставаясь въ нечистотѣ и съ недостатками. Въ словахъ: *да будетъ свята и непорочна,* можно видѣть указаніе на продолженіе освя-

щенія, полученнаго въ крещеніи и чрезъ всю жизнь. За тѣмъ тамъ все старое и безобразное умираетъ и подается все новое чистое, чтобы получить возможность сочетаться со Христомъ, а далѣе и для того, чтобы сподобившись сего великаго блага—всю жизнь хранить себя въ святости и непорочности, чтобъ сохранить и сочетаніе со Христомъ.

Таково отношеніе Церкви ко Христу. Параллели подобныхъ отношеній мужа къ женѣ не дѣлаетъ св. Павелъ, предоставляя это сдѣлать всякому. Главная цѣль его—расположить мужа ко всякой любовной попечительности о женѣ достигается и этимъ простымъ указаніемъ. Наши толковники проводятъ эту параллель. Блаженный Іеронимъ упоминаетъ, что нѣкоторые еретики злоупотребляли симъ мѣстомъ, покушаясь доказать, что бракъ въ обыкновенномъ его смыслѣ непозволителенъ христіанамъ. „Таковымъ, говоритъ, коротко отвѣтить должно, что если что воспрещается здѣсь Апостоломъ, то воспрещаются страсти, нечистота, чувственная похотливость, а не святый союзъ. Рожденіе дѣтей въ брачномъ союзѣ разрѣшается, а похотствованія, на подобіе блудническихъ обыманій, въ супругахъ осуждаются.—Читая это, всякій мужъ и жена да разумѣютъ, что, по зачатіи, имъ слѣдуетъ болѣе упражняться въ молитвѣ, а не въ удовольствіяхъ брачныхъ. Въ животныхъ это исполняется по закону естества, а въ христіанахъ тоже должно быть дѣломъ свободы, чтобы воздержаніе имѣло нравственную цѣну и заслуживало воздаянія."

Бл. Ѳеодоритъ видитъ въ семъ указаніе вообще на попечительность о женѣ. „Подражайте Владычней попечительности, и какую Господь оказалъ въ разсужденіи Церкви, такую же и вы имѣйте въ разсужденіи живущихъ съ вами въ супружествѣ. Ибо Владыка Христосъ не отрекся и умереть за невѣсту Свою, чтобы ее

очистить, сдѣлать славною, сгладить съ нея слѣды прежней старости и явить свободною отъ всякаго порока. Посему и намъ надлежитъ имѣть такую же любовь къ супругамъ, и прилагать объ нихъ попеченіе, какъ о собственномъ своемъ тѣлѣ.“

Св. Златоустъ обязываетъ мужа обращать преимущественное вниманіе на нравственную сторону жены и при выборѣ ея и во время жизни съ нею. „*Да освятитъ ю, очистивъ.*—Значитъ, она была нечиста; значитъ, на ней были грязныя пятна; значитъ, была безобразна и ничего не стоила. А ты какую бы ни взялъ жену, твоя невѣста не будетъ такова, какою Христосъ обрѣлъ Церковь; она не такъ будетъ отлична отъ тебя, какъ была отлична Церковь отъ Христа. При всемъ томъ Онъ не возгнушался ею и не возненавидѣлъ ее за ея чрезмѣрное безобразіе. Хочешь знать, какъ она была безобразна? Послушай, что̀ говоритъ св. Павелъ: *бѣсте бо иногда тма* (Еф. 5, 8). Видишь черноту ея? Что чернѣе тьмы? Что еще сказать? Она была и безумна, и богохульна. Однако не смотря на то, что въ ней было такъ много дурнаго, Онъ и за безобразную предалъ Себя, какъ за прекрасную, какъ за возлюбленную, какъ за достойную дивной похвалы. И принявши ее такою, Онъ украшаетъ ее и омываетъ, и не отказывается отъ этого. И не только украсилъ ее, но и сдѣлалъ славною, не имѣющею скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ. Не требуй отъ жены того, чего у нея нѣтъ. Видишь, что Церковь все получила отъ Господа? Чрезъ Него она сдѣлалась славною, чрезъ Него непорочною. Не отвращайся же и ты отъ жены изъ-за ея непривлекательности. Она Божіе созданіе; не ее ты порицаешь, но Того, Кто создалъ ее; чѣмъ виновата жена? Не хвали ее и за красоту. Развратнымъ душамъ свойственны такая похвала и такая ненависть, да и самая страстная любовь. Ищи кра-

соты душевной; подражай Жениху Церкви. Тѣлесная красота производитъ великую наглость и много неразумнаго; она возбуждаетъ ревнивость и нерѣдко заставляетъ подозрѣвать себя въ гнусныхъ поступкахъ.—Но она, скажешь, доставляетъ мнѣ удовольствіе?—Одинъ мѣсяцъ или два, и много, если годъ, но далѣе отнюдь нѣтъ; напротивъ отъ привычки диво это скоро теряетъ свою прелесть. А то, что въ немъ есть дурнаго, остается навсегда: ослѣпленіе, безуміе, высокомѣріе. Въ удовольствіи же, доставляемомъ не этою красотою, ничего нѣтъ подобнаго; тамъ любовь, начавшаяся надлежащимъ образомъ, остается постоянною, какъ любовь къ красотѣ душевной, а не тѣлесной. Будемъ же искать въ женѣ благоразумія, умѣренности, кротости; таковы признаки истинной красоты. Но не будемъ искать тѣлесной красоты, и не станемъ много укорять ее за то, что не отъ нея зависитъ, или лучше и вовсе не станемъ укорять, ибо это свойственно дерзости, и не будемъ огорчаться и негодовать. Или не видите, сколько такихъ, которые жили и съ красивыми женами, но бѣдственно окончили свою жизнь: напротивъ сколько такихъ, которые имѣли женъ не очень благообразныхъ, но въ полномъ благополучіи дожили до глубокой старости? Истребимъ внутреннюю скверну, очистимъ внутренніе недостатки, уничтожимъ пятна душевныя.—Богъ желаетъ такой красоты. Уготоваемъ ее (жену) прекрасною для Бога, а не для самихъ себя. Не станемъ искать ни денегъ, ни внѣшняго благородства, но благородства душевнаго.—Кто, скажи мнѣ, оставивъ важнѣйшее, станетъ заботиться о маловажномъ? Но, увы, мы всегда такъ поступаемъ. Если у насъ есть сынъ, то мы не о томъ стараемся, чтобы онъ былъ хорошъ, но какъ бы найти ему богатую жену, не о томъ, чтобы былъ благонравенъ, а о томъ, чтобы былъ богатъ. И если начертываемъ образъ жизни, то также не о томъ заботимся, какъ

бы намъ жить безгрѣшно, но о томъ, какъ бы намъ пріобрѣсть больше прибытковъ. Деньги стали значить все. Оттого и повредилось все, что мы одержимы этой страстію."

Ст. 28. *Тако должни суть мужіе любити своя жены, яко своя тѣлеса: любяй бо свою жену, себе самаго любитъ.*

Выставляетъ новое сильнѣйшее и яснѣйшее побужденіе къ любви. Сказанное предъ симъ могло быть не ясно понято, могло казаться далекимъ. Онъ и говоритъ какъ бы: можетъ быть сказанное не такъ для васъ понятно; скажу прямѣе и ближе: *любите женъ, какъ свои тѣла;* ибо въ самомъ дѣлѣ онѣ суть тѣла ваши, и любя ихъ, вы не на сторону обращаетесь, а на себя же, ибо любя женъ, себя любите. Такъ сочетаваетъ теченіе рѣчи св. Златоустъ: „переходитъ—Апостолъ къ сильнѣйшему примѣру; и не только это, но къ ближайшему и яснѣйшему, и къ новой причинѣ. Ибо то (сказанное) не казалось весьма необходимымъ, и для того, чтобы не сказалъ кто-нибудь: Онъ былъ Христосъ, былъ Богъ, и Самъ Себя предалъ,—Апостолъ инымъ способомъ доказываетъ тоже, говоря: *тако должни суть любити, яко своя тѣлеса.*—Итакъ это—не милость, а долгъ."

Что слѣдуетъ изъ обязанности любить своихъ женъ, *яко своя тѣлеса,* очевидно само собою. „Но какимъ образомъ жена есть плоть мужа? Послушай: *се нынѣ,* говоритъ Адамъ, *кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея* (Быт. 2, 23). Ева есть плоть отъ плоти Адама" (св. Злат.). Это основаніе Апостолъ не выставляетъ здѣсь, предполагая его извѣстнымъ. Ибо кто знаетъ, какъ первоначально произошла жена, тотъ не можетъ недоумѣвать, какъ жена есть тѣло мужа. Праматерь Ева взята изъ праотца Адама, и Адамъ прямо опредѣлилъ ее, говоря: *се плоть отъ плоти моея.* Но что тогда физически совершено то потомъ по закону, Богомъ положенному, совершается у мужа съ женою нравствен-

но. По бракѣ мужъ жену имѣетъ, въ чувствѣ своемъ, частію себя самаго; и жена въ чувствѣ своемъ имѣетъ себя привитою къ мужу, такъ что самымъ дѣломъ выходитъ, что они оба—плоть едина, т.-е. одно существо, одно лице. Апостолъ и говоритъ какъ бы: нечего тебя учить, какъ любить жену; люби, какъ часть тебя самаго. Конечно, любовь къ женѣ требуетъ жертвъ (какъ выше выходило изъ указанія на отношеніе Христа Господа къ Церкви); но эти жертвы не на сторону, а на тебя же. Любяй жену, себя любитъ. Слѣдовательно и жертвуяй чѣмъ для жены, на себя жертвуетъ.

Ст. 29. *Никтоже бо когда свою плоть возненавидѣ, но питаетъ и грѣетъ ю, якоже и Христосъ Церковь.*

Если любовь мужа къ женѣ такъ натуральна, то нечего бы и говорить о томъ.—Любовь и бываетъ всегда; но нерѣдко смыслъ свой теряетъ. Бываетъ, что мужъ и любитъ жену, но помыкаетъ ею, какъ вещію. Апостолъ напоминаетъ такому: смотри, она часть равная тебѣ; ибо вы съ нею одно цѣлое составляете. Бываетъ, что мужъ смотритъ на жену слишкомъ чувственными очами. Апостолъ напоминаетъ такому: она тѣло твое, но не для тѣлесныхъ сластей; имѣй къ ней разумную любовь, какъ законъ велитъ разумно относиться и къ тѣлу. Разумно относящійся къ тѣлу питаетъ и грѣетъ его не ради сластей плотскихъ, а ради того, что оно есть необходимое орудіе къ исполненію цѣлей жизни (Бл. Іерон.). Блюди, питай и грѣй жену, какъ орудіе, но не механическое, а самодѣятельное,—какъ помощницу и сотрудницу.

Цѣль въ словахъ Апостола не та, чтобъ располагать мужей любить женъ, ибо это само собою бываетъ; но та, чтобы любовь сію—изъ естественной преобразовать въ нравственный законъ и долгъ, который не долженъ быть нарушаемъ по какой либо блажи сердечной, а дол-

женъ сохранять силу свою на всю жизнь, какъ союзъ души съ тѣломъ,—и особенно та, чтобы изъ плотской преобразовать ее въ духовную—одухотворить ее: что дѣлаетъ онъ указаніемъ на разумное отношеніе къ тѣлу, наипаче же на указаніе отношенія Христа Господа къ Церкви.

Всякій питаетъ и грѣетъ плоть свою: питай и грѣй и жену свою; но такъ, какъ питаетъ и грѣетъ Церковь Свою Христосъ Господь. Словами—*питать и грѣть* означилъ Апостолъ всестороннюю попечительность, а указаніемъ на грѣніе и питаніе Христомъ Церкви опредѣлилъ качества и цѣли сей попечительности. Христосъ попеченіе имѣетъ о Церкви въ какихъ видахъ? *Да будетъ свята и непорочна*, какъ сказано выше. Надо полагать, что подобныя же цѣли разумѣетъ Апостолъ и подъ питаніемъ и грѣніемъ жены, а не одно то, чтобы кормить только ее, одѣвать и обувать. Блаженный Іеронимъ подаетъ мысль: пусть и жены стремятся къ полному Богоугожденію, чтобы востечь въ мужа совершенна,—и перестать быть женами. За тѣмъ, взявши слова Апостола въ переносномъ смыслѣ, и въ мужѣ видя—душу, а въ женѣ—плоть, говоритъ: пусть душа такъ обучаетъ плоть свою, чтобъ и она увидѣла спасеніе Божіе. Наконецъ сводитъ то и другое въ едино и говоритъ: „да грѣютъ мужья женъ, и души тѣлá такъ, чтобъ жены преобразовались въ мужей и тѣла въ души,—и чтобы престало различіе половъ. Но какъ у Ангеловъ нѣсть мужескъ полъ и женскъ; такъ и мы, имѣющіе быть равными Ангеламъ, уже отнынѣ да начнемъ быть тѣмъ, чѣмъ обѣтовано намъ быть на небесахъ.“

Но все же нельзя упускать изъ вида, что Апостолъ выясняетъ долгъ любви только съ христіанской точки зрѣнія. Примѣръ же любви Христа Господа къ Церкви выставляетъ онъ и въ образецъ и, можетъ быть, для того, чтобы взаимно прояснить и отношеніе Христа

Господа къ Церкви, прилагая извѣстное въ естественномъ порядкѣ къ порядкамъ сверхъестественнымъ. Но и то правда, что тому, какъ Христосъ питаетъ и грѣетъ Церковь, ничего нѣтъ и быть не можетъ подобнаго, ни въ какомъ естественномъ порядкѣ. Здѣсь не то разумѣется, что сказалъ Господь о Своемъ попеченіи о Церкви ветхозавѣтной: *коль краты восхотѣхъ собрати чада твоя подъ крылѣ*, хотя и это имѣетъ мѣсто, но нѣчто особеннѣйшее, ближайшее, существеннѣйшее. Ибо у Христа съ Церковію не внѣшній союзъ—одного послѣ другаго, но внутреннѣйшій—одного въ другомъ. Ева изъ Адама; но стала внѣ его, и союзъ у нихъ остался душевный, каковъ и у мужа съ женою. И Церковь изъ Христа, но не становится внѣ Его, а Его имѣетъ въ себѣ, проникающимъ все въ ней и живущимъ въ ней всей. Это выражаетъ Апостолъ въ слѣдующемъ текстѣ:

Ст. 30. *Зане уди есмы тѣла Его, отъ плоти Его, и отъ костей Его.*

Мы—всѣ вѣрующіе есмы члены тѣла Его, составляемъ тѣло Его—Церковь. Каждый вѣрующій отъ Христа отрождается и поступаетъ въ тѣло Его, не отдѣляясь отъ Него. *Отъ плоти Его и отъ костей Его*—образное выраженіе того, что существенность христіанская заимствована нами отъ Христа. Св. Златоустъ говоритъ: „какъ Сынъ Божій—нашего естества, такъ и мы—Его сущности; и какъ Онъ имѣетъ насъ въ Себѣ, такъ и мы имѣемъ Его въ себѣ.“ Это совершается въ крещеніи и поддерживается причащеніемъ: ибо—*во Христа облекостеся*, не одни слова, а существенное преобразованіе по образу Христа, и по причинѣ подобія такого сочетанія съ Нимъ. Равно и то, что говорится о причастникѣ: *во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ*, существенное дѣло есть.—Вотъ какъ мы отъ плоти Его и отъ костей Его,—и какъ есмы уды Его.—Св. Златоустъ говоритъ: „что

значитъ: *отъ плоти Его?* Значитъ—истинно отъ Него. Но какъ чрезъ это мы бываемъ членами Христовыми?—Такъ, какъ мы родились подобно Ему. Какимъ образомъ отъ плоти?—Это знаете вы, которые причащаетесь тайнамъ: ибо чрезъ это мы тотчасъ преобразуемся.“ Блаженный Θеодоритъ пишетъ: „какъ Ева создана изъ Адама, такъ мы изъ Владыки Христа. Съ Нимъ погребаемся и возстаемъ въ крещеніи, ядимъ тѣло Его и піемъ кровь Его.“

Вотъ какъ питаетъ и грѣетъ Церковь Свою—всѣхъ вѣрующихъ Христосъ Господь. Дѣло совершается существеннѣе и глубже, чѣмъ идетъ общее промышленіе.—Такъ это есть, хотя невмѣстимо для понятія, а можетъ быть иную и вѣру превышаетъ. Господи, приложи намъ вѣру!

Ст. 31. *Сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь, и прилѣпится къ женѣ своей, и будета два въ плоть едину.*

Мысль мѣста ясна. „Уважай сей первый законъ, который данъ по сотвореніи жены, и внѣдренъ въ естествѣ человѣческомъ. Ибо вступающій въ бракъ, оставляя родителей, сочетавается съ женою, и союзъ дѣлается столько тѣснымъ, что двое почитаются составляющими одну плоть“ (Бл. Θеод.). — Но чего ради приводится сей законъ?

Всѣ толковники относятъ слова сіи къ 28 стиху, какъ доказательство, почему мужъ, любя жену, любитъ ее, какъ свое тѣло и какъ самого себя. Потому, говоритъ, такъ это бываетъ и быть должно, что они становятся плоть одна. — Но, думается, ближе относить ихъ къ непосредственно предшествующей рѣчи о тѣсномъ живомъ союзѣ вѣрующихъ со Христомъ Господомъ. Сказано: мы отъ плоти Его и отъ костей Его. Поэтому къ намъ же идетъ и тотъ законъ, который изреченъ Бо-

гомъ вслѣдъ за такими же словами, сказанными Адамомъ. Адамъ сказалъ: се кость отъ костей моихъ и плоть отъ плоти моея,—и Богъ запечатлѣлъ это закономъ: сего ради оставитъ человѣкъ и проч. Такъ будетъ отселѣ во всѣ роды вѣка. Св. Апостолъ, приведши слова Адама въ поясненіе союза вѣрующихъ съ Господомъ, приводитъ и законъ тотъ о сочетаніи мужа съ женою. Но если мы слова—*отъ костей Его и отъ плоти Его*, взятыя изъ рѣчи Адама, должны понимать о союзѣ вѣрующихъ со Христомъ, то чего ради законъ, изреченный вслѣдъ за словами Адама, понимать въ прямомъ, а не въ примѣнительномъ къ союзу вѣрующихъ со Христомъ смыслѣ?—Никакой нѣтъ на это необходимости; тѣмъ паче, что вслѣдъ за симъ Апостолъ опредѣляетъ самъ направленіе своей рѣчи: это говорю я въ отношеніи ко Христу и къ Церкви.—Итакъ ничто не мѣшаетъ слова текста сего разумѣть какъ указаніе на законъ, по которому Христосъ Господь сочетавается съ душами вѣрующими, и души вѣрующія со Христомъ Господомъ. И кажется Апостолъ имѣлъ въ виду преимущественно эту послѣднюю сторону союза, именно союзъ душъ съ Господомъ, — и цѣль слова его: — *два плоть едина*,—вѣрующіе и Господь—едино. Посему-то и стоитъ у Апостола: ἀντὶ τούτου—вмѣсто сего. Впереди сказалъ: Господь питаетъ и грѣетъ насъ, такъ какъ мы плоть отъ плоти Его и кость отъ костей. Теперь говоритъ: вмѣсто сего — мы должны такъ прилѣплены къ Нему быть, чтобы составлять едино. Ибо и Онъ уже такъ пріобщился намъ, что всего Себя предалъ намъ. Можно находить указаніе на такую мысль въ словахъ св. Златоуста: „такимъ образомъ и мы дѣлаемся со Христомъ едина плоть,—по причастію.“ И нѣсколько ниже: тутъ происходитъ „духовный союзъ, въ которомъ душа соединяется съ Господомъ неизреченнымъ союзомъ, какъ

Онъ одинъ знаетъ. Посему и сказано: *прилѣпляяйся Господеви, единъ духъ есть съ Господомъ* (1 Кор. 6, 17). Объ этомъ и Псалмопѣвецъ говоритъ: *слыши дщи, и виждь, и приклони ухо твое, и забуди люди твоя, и домъ отца твоего, и возжелаетъ царь доброты твоея* (Пс. 44, 11. 12)." На это же наводятъ и слова блаженнаго Іеронима: „слова сіи въ переносномъ смыслѣ относятся ко Христу и къ Церкви. Адамъ прообразовалъ Христа, Ева—Церковь. Какъ изъ Адама и Евы народился весь родъ человѣческій, такъ отъ Христа и Церкви народилось и нараждается все множество вѣрующихъ, которое, составляя единое тѣло, опять влагается въ бокъ Христовъ, и наполняетъ мѣсто ребра, ставъ въ едину плоть съ Нимъ, какъ съ мужемъ. Объ этомъ и Самъ Господь въ Евангеліи молился: *да вси едино будутъ: якоже Ты, Отче, во Мнѣ, и Азъ въ Тебѣ, да и тіи въ Насъ едино будутъ* (Ін. 17, 21)."

При такой мысли понятными становятся и слѣдующія за симъ слова:

Ст. 32. *Тайна сія велика есть: азъ же глаголю во Христа, и во Церковь.*

Очевидно, что предыдущія слова привелъ Апостолъ съ тѣмъ, чтобы навесть читателей на мысль объ отношеніи Христа Господа къ Церкви, и Церкви ко Христу. Это онъ и подтверждаетъ теперь, говоря какъ бы: слова сіи я привожу въ высшемъ таинственномъ значеніи; въ нихъ прямо указывается на тѣсный союзъ мужа и жены, но выражается и великая тайна общенія Христа Господа и Церкви. Какъ приложить ихъ къ сей тайнѣ, Апостолъ не объясняетъ, оставляя это сдѣлать самимъ вѣрующимъ; но въ руководство къ этому онъ сказалъ уже нѣсколько словъ впереди, именно: Христосъ питаетъ и грѣетъ Церковь, мы отъ плоти Его и отъ костей. Нетрудно послѣ сего и далѣе провесть это соотношеніе,

и видѣть въ словахъ, выражающихъ существо брака и его неразрывность, выраженіе и таинственнаго союза Христа Господа съ Церковію. Сынъ Божій въ воплощеніи оставилъ какъ бы Отца Своего небеснаго (не раздѣляясь съ Нимъ) и вступилъ въ таинственный союзъ съ искупленнымъ человѣчествомъ — Церковію, которая тоже есть отъ ребра Его, и вмѣстѣ съ Нимъ составляетъ едино.

Св. Златоустъ хотя указываетъ великую тайну и въ брачномъ союзѣ, но настоящая тайна, и по нему, въ снисхожденіи Господа и сочетаніи Его съ Церковію. Онъ говоритъ: „подлинно это таинство,—что человѣкъ, оставивъ произведшаго его, родившаго, воспитавшаго, и ту, которая зачала его, болѣла имъ, въ болѣзняхъ родила,—оставивши тѣхъ, которые столько благодѣтельствовали ему, къ которымъ онъ привыкъ,—сочетавается съ тою, которой прежде не видалъ, которая ничего не имѣетъ съ нимъ общаго, и предпочитаетъ ее всему. Подлинно—это таинство. И родители не печалятся, но напротивъ печалятся, когда этого не бываетъ, и въ знакъ радости не жалѣютъ издерживать деньги и дѣлать расходы. По истинѣ—это таинство великое, заключающее въ себѣ какую-то сокровенную мудрость.“—Но это сказалъ св. Златоустъ послѣ того, какъ указалъ уже въ сихъ словахъ тайну союза Христа Господа съ Церковію. „*Азъ глаголю*, говоритъ при томъ Апостолъ, *во Христа*,—такъ какъ и Онъ, оставивши Отца, сошелъ и пришелъ къ невѣстѣ и сдѣлался единымъ духомъ съ ней (а она съ Нимъ). Ибо *прилѣпляяйся Господеви, единъ духъ есть съ Господомъ* (1 Кор. 6, 17).“ То же пишетъ и Ѳеодоритъ: „Самъ Христосъ, оставивъ вышняго Отца, сочетался съ Церковію. Но оставилъ по понятію вочеловѣченія, потому что, какъ Богъ, неотлученъ отъ Бога, такъ какъ и Самъ имѣетъ неописанное

естество.“ Въ этомъ и тайна.—Пополнѣе выясняетъ эту истину бл. Іеронимъ: „Не все сказаніе объ Адамѣ и Евѣ, написанное въ книгѣ Бытія, можно удобно, какъ думаютъ нѣкоторые, относить ко Христу и къ Церкви, но только то, что сказано въ настоящемъ мѣстѣ, то есть: *сего ради оставитъ человѣкъ отца своего и матерь и прилѣпится къ женѣ, и будета два въ плоть едину.* Первый человѣкъ, Адамъ, какъ первый Пророкъ, прорекъ это о Христѣ и о Церкви,—что оставитъ Господь нашъ и Спаситель Отца Своего Бога и матерь Свою, Іерусалимъ небесный, и придетъ на землю ради тѣла Своего Церкви, и образуетъ ее изъ ребра Своего: для чего Слово и бысть плоть. И какъ не всѣ таинства равны, но одно таинство больше, а другое меньше; то и говоритъ теперь: *тайна сія велика есть*; показывая же вмѣстѣ и знакъ смиренія своего, прибавляетъ: *азъ же глаголю во Христа и во Церковь.* Григорій Назіанзинъ, мужъ краснорѣчивѣйшій и много свѣдущій въ Писаніи, когда мы разсуждали съ нимъ объ этомъ мѣстѣ, не разъ сказалъ: смотри, какова таинственность той главки (кажется, въ кн. Бытія), что Апостолъ, истолковывая ее въ отношеніи ко Христу и къ Церкви, не утверждаетъ, чтобъ изъяснился, какъ требуетъ достоинство свидѣтельства; но сказалъ какъ бы: знаю, что мѣсто сіе полно неизреченныхъ таинствъ и требуетъ отъ истолкователя своего божественнаго сердца; я же по малости моего смысла, думаю, что его должно разумѣть въ отношеніи ко Христу и къ Церкви не потому, чтобы что либо было больше Христа и Церкви, но потому, что все, сказанное объ Адамѣ и Евѣ, изъяснить въ отношеніи ко Христу и къ Церкви очень трудно.“

Ст. 33. *Обаче и вы по единому, кійждо свою жену сице да любитъ якоже и себе, а жена да боится своего мужа.*

Апостолу, кажется, пришло на мысль, какъ бы кто не злоупотребилъ его словомъ о прилѣпленіи вѣрующихъ къ Господу до того, чтобы стать едино съ Нимъ, — и не сталъ учить, что для христіанъ совсѣмъ неумѣстна любовь брачная къ женамъ, а слѣдовательно и самый бракъ. Почему и оговариваетъ: *обаче*... Однакожъ это не мѣшаетъ каждому изъ васъ любить свою жену; люби всякій свою жену, какъ себе, и жена да боится мужа. Надо прибавить: только все о Господѣ,—чтобъ не допускать такой любви стать препятствіемъ къ прилѣпленію къ Господу. Св. Златоустъ говоритъ: „какъ будто бы сказалъ: это иносказательное доказательство не уничтожаетъ необходимости любви.“ „Хотя слова тѣ я принялъ въ таинственномъ смыслѣ, однакожъ это не отмѣняетъ того, буквально высказаннаго здѣсь закона, коимъ опредѣляются отношенія мужа и жены“ (Ѳеоф.). Тоже говорятъ Ѳеодоритъ и Экуменій.

Слова: *жена да боится своего мужа*, не предполагаютъ страха рабыни, но обязываютъ жену къ почитанію и уваженію мужа, будто благоговѣнію предъ нимъ. Такъ блаженный Іеронимъ: „да боится, т. е. да чтитъ мужа и благоговѣетъ предъ нимъ.“ Въ этомъ значеніи тутъ тоже говорится, что выше: *повинуйтеся*,—чтобъ жены не выходили изъ воли мужа, а чтили его распоряженія и строго исполняли ихъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Жена есть второе начало; значитъ не должна требовать равенства съ мужемъ, такъ какъ стоитъ подъ главою, ни онъ не долженъ высокомѣрно смотрѣть на нее, какъ на подчиненную, ибо она—тѣло его. Если голова станетъ пренебрегать тѣломъ, то пропадетъ и сама; но въ замѣнъ послушанія должна она (глава — мужъ) привносить любовь: какъ глава, такъ и тѣло. Но какая, скажутъ, можетъ быть любовь тамъ, гдѣ есть страхъ? Тамъ-то собственно она и будетъ. Ибо та, которая боится,

и любитъ, и которая любитъ, боится, какъ главы, и любитъ, какъ членъ: такъ какъ голова есть членъ всего тѣла. Для того онъ и подчинилъ ее, а мужа превознесъ надъ нею, чтобы былъ миръ.—Апостолъ показалъ образъ любви, а образъ страха—нѣтъ.—Почему же это? Потому что хочетъ, чтобы преимуществовала любовь. Если будетъ она, то за нею послѣдуетъ все остальное; а если будетъ страхъ, то не вполнѣ. Кто любитъ свою жену, тотъ, хотябы она была и не очень послушна, все переноситъ; но если супруги не связаны силою любви, то единомысліе между ними — дѣло трудное. Страхъ же въ этомъ случаѣ не производитъ такого дѣйствія. Потому Апостолъ и останавливается преимущественно на томъ, что̀ сильнѣе. И жена, хотя ей, по видимому, назначается худшая доля въ томъ, что ей предписывается страхъ, но она ничего не теряетъ отъ этого; потому что мужу предписывается то, что особенно важно,—предписывается любить ее. — И ты, мужъ, слыша о страхѣ, требуй страха, приличнаго свободной, а не какъ отъ рабы: такъ какъ она—тѣло твое. А если будешь поступать не такъ, то опозоришь себя самого, безчестя свое тѣло. Что же это за страхъ? — Чтобы она не противорѣчила, чтобы не выходила у тебя изъ послушанія, чтобы не стремилась къ первенству. Довольно возбуждать только такого рода страхъ. Если же ты любишь, какъ должно, то достигнешь гораздо большаго почтенія себѣ, и достигнешь этого не столько угрозами, но собственно любовію. Женскій полъ весьма слабъ; ему нужна большая помощь, особенное снисхожденіе. Снисходя къ ея немощи, доставляй ей все; все для нея дѣлай и терпи: это необходимо тебѣ. Хотя женѣ принадлежитъ также власть въ домѣ,—вторая; хотя она имѣетъ начальство и равночестна мужу, но при всемъ томъ мужъ имѣетъ нѣчто большее; именно—

преимущественное попеченіе о домѣ. Соотвѣтственно со Христомъ, онъ получилъ и то, чтобы не только любить свою жену, какъ должно, но и благоустроять жизнь ея. *Да будетъ,* говоритъ, *свята и непорочна*. Если ты сдѣлаешь ее святою и непорочною, то за симъ послѣдуетъ все. Ищи того, что Божіе, а человѣческое послѣдуетъ весьма легко. Управляй женою, и домъ твой будетъ благоустроенъ.—Вспомни объ Авраамѣ, о Саррѣ, объ Исаакѣ, о трехъ стахъ осьмидесяти домочадцахъ: какъ благоустроенъ былъ домъ ихъ, какъ онъ весь былъ полонъ благочестія. Сарра исполняла Апостольскую заповѣдь и боялась мужа (господина того зовущи). И Авраамъ такъ любилъ ее, что слушалъ ее во всемъ, чего она желала справедливо.“

бб) Къ дѣтямъ и родителямъ,

6, 1—4.

Ст. 1. *Чада, послушайте своихъ родителей о Господѣ: сіе бо есть праведно.*

„Какъ художники, изображая тѣла, начинаютъ съ головы, потомъ переходятъ къ шеѣ, и наконецъ—къ ногамъ: точно такъ поступаетъ блаженный Павелъ въ рѣчахъ своихъ. Сказавъ прежде о мужѣ и женѣ, теперь приступаетъ говорить о дѣтяхъ; потому что надъ женой господствуетъ мужъ, а надъ дѣтьми мужъ и жена—вмѣстѣ. Итакъ, слушай, что говоритъ онъ: *чада послушайте родителей своихъ о Господѣ*“ (св. Злат.).

Послушаніе—основная обязанность дѣтей въ отношеніи къ родителямъ, естественное слѣдствіе физической и нравственной зависимости, въ какой состоятъ дѣти отъ родителей. Христіанскій характеръ получаетъ оно, когда кромѣ того, исполняется *о Господѣ*, т. е. Іисусѣ

Христѣ, въ духѣ Христовомъ, ради Христа, изъ предваряющаго всесторонняго послушанія Христу Господу, или, какъ въ началѣ сказано, въ страхѣ Господни.

Словомъ: *о Господѣ* и то сказывается, что это послушаніе благоугодно Господу, и то внушается, что въ случаѣ, если воля родителей будетъ несогласна съ волею Господнею, то дѣти могутъ и не послушать ихъ, чтобъ не преслушать Господа. Св. Златоустъ говоритъ: „о Господѣ, т. е. на это есть воля Господня.—Богъ, говоритъ, повелѣлъ такъ. Но какъ поступить, если бы приказанія были безнравственныя? Хотя весьма трудно ожидать, чтобы какой. нибудь отецъ, даже самый безчестный, сталъ приказывать своимъ дѣтямъ что либо безнравственное, впрочемъ и для подобнаго случая Апостолъ даетъ наставленіе, сказавъ: *о Господѣ*, т. е. такъ, чтобы исполненіемъ воли родителей тебѣ не оскорбить Бога. Напримѣръ, если отецъ будетъ еллинъ, или еретикъ, то уже не слѣдуетъ во всемъ слушаться его; потому что это не *о Господѣ* (т. е. слушаться по предметамъ еллинства и еретичества).“

Сіе бо есть праведно. Первое основаніе заповѣди сей и первое къ тому побужденіе. И естественный законъ справедливости того требуетъ. Что можетъ быть справедливѣе, какъ повиноваться тѣмъ, отъ которыхъ получили бытіе, воспитаніе и направленіе жизни. Равнаго за это воздаянія и принесть нельзя. Да воздается всегдашнее послушаніе. Чтобы это естественное дѣло освящалось вѣрою, надо дѣтямъ видѣть въ родителяхъ представителей Творца и Промыслителя, чрезъ нихъ волю Свою о нихъ изрекающаго, и въ семъ качествѣ слушаться ихъ и чтить ихъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Замѣть, какое твердое основаніе для добродѣтельной жизни полагаетъ Апостолъ,—и справедливо,—въ почитаніи и уваженіи родителей. Запретивъ худые поступки и намѣреваясь

изложить ученіе о добрыхъ дѣлахъ, онъ заповѣдуетъ, прежде всего, почитаніе къ родителямъ; такъ какъ они для насъ, послѣ Бога главные виновники жизни нашей; поэтому они же первые имѣютъ право на наше почитаніе, а потомъ и всѣ прочіе люди. Если же кто не почтителенъ къ родителямъ, тотъ будетъ ли когда нибудь таковымъ въ отношеніи къ стороннимъ лицамъ?!“

Ст. 2. *Чти отца твоего и матерь: яже есть заповѣдь первая въ обѣтованіи.*

Второе основаніе и побужденіе къ повиновенію родителямъ для дѣтей беретъ Апостолъ въ заповѣди закона чтить отца и матерь. Кто искренно почитаетъ родителей, тотъ какъ рѣшится оказать имъ непослушаніе?—И кто не оказываетъ послушанія, тому кто повѣритъ, что онъ почитаетъ родителей? Почитаніе родителей—внутреннее чувство; дѣла послушанія имъ—обнаруженіе внутренняго почитанія. Но какъ послушаніе возможно и не изъ почитанія, а или по страху или по разсчетамъ какимъ, напр. о наслѣдіи, то Апостолъ хорошо поставилъ въ основу послушанія законъ почитанія, чтобъ видно было, кто есть истинный оказыватель послушанія.

„Но въ какомъ смыслѣ сказано: *Яже есть заповѣдь первая?* Апостолъ называетъ эту заповѣдь первою не въ отношеніи къ порядку, а въ отношеніи къ обѣтованію“ (св. Злат.).

Ст. 3. *Да благо ти будетъ, и будеши долголѣтенъ на земли.*

„Здѣсь не бесѣдуетъ Апостолъ ни о Христѣ, ни о другихъ возвышенныхъ предметахъ, потому что умы, къ которымъ обращаетъ свою рѣчь, еще нѣжны; посему же и увѣщаніе дѣлаетъ краткое, такъ какъ дѣти не могутъ слѣдовать за длиннымъ словомъ; по этой же причинѣ и о царствіи Божіемъ не говоритъ ни слова: не такому возрасту слушать объ этомъ; но что больше всего желаетъ слышать младенческая душа, о томъ

и говоритъ, именно, что она будетъ долголѣтна. Если же кто станетъ доискиваться, для чего Апостолъ не говоритъ дѣтямъ о царствѣ благодати, а предлагаетъ заповѣдь изъ закона Моvсеева,—тѣмъ мы скажемъ, что онъ поступилъ такъ съ ними потому, что они еще очень молоды, и потому еще, что весьма хорошо понималъ, что если мужъ и жена вѣрны будутъ тому закону, который онъ имъ изложилъ, то для нихъ не будетъ стоить большаго труда подчинить и дѣтей тому же закону. Когда дѣло получаетъ доброе начало и имѣетъ вѣрное и прочное основаніе, тогда оно идетъ весьма легко, успѣшно и твердо. Но положить основаніе и поставить опору—въ этомъ-то и заключается не маловажная трудность" (св. Злат.).

Ст. 4. *И отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитовайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни.*

Отцы. О матеряхъ не поминаетъ, не потому, чтобы и имъ не принадлежала часть въ попеченіи о дѣтяхъ, но потому, что трудъ этотъ у отца и матери нераздѣленъ, и что говорится одному, то падаетъ на обоихъ. Отцы—тоже, что родители.

Не раздражайте чадъ. Образомъ своего на нихъ дѣйствованія не доводите ихъ до того, чтобъ они могли возымѣть на васъ неудовольствіе, серчаніе, досаду, гнѣвъ. Гнѣвъ вообще грѣшенъ; гнѣвъ на родителей еще грѣшнѣе. Не вводите ихъ въ этотъ грѣхъ. Это бываетъ отъ излишней строгости, отъ неразборчивой взыскательности и какихъ либо несправедливостей,—отъ чего всего дѣтямъ иногда бываетъ тѣснѣе рабовъ. Почему въ посланіи къ Колоссаемъ въ побужденіе къ нераздраженію дѣтей поставлено: *да не унываютъ* (3, 21). До христіанства отцы слишкомъ много власти являли надъ дѣтьми: вошло въ обычай такъ. Въ отсѣченіе сего излишества и пишетъ такъ Апостолъ, чтобъ между христіанами не повторялось того, что обычно среди язычниковъ.

Обязавши—*не раздражать*, чѣмъ, можно сказать, запретилъ всякое не соотвѣтствующее духу христіанства дѣйствованіе на дѣтей,—обязываетъ *воспитывать*. Настаиваетъ же Апостолъ не столько на томъ, чтобъ заставить воспитывать: ибо это и такъ дѣлается повсюду, по закону естества, сколько на томъ, чтобы воспитывали ихъ какъ должно. Двумя словами опредѣляетъ это Апостолъ: въ *наказаніи и ученіи*—παιδεία и νουθεσία. Если брать во вниманіе образъ воспитанія, то первымъ внушается педагогическая строгость, а вторымъ сердечныя материнскія внушенія и убѣжденія. Отсюда: воспитывать въ строгости съ кротостію и нѣжностію. Если брать во вниманіе предметы или стороны воспитанія, то первымъ указывается на образованіе нрава, а вторымъ—на вложеніе въ умъ здравыхъ о всемъ понятій.

Норма для того и другаго—духъ христіанства, чтобъ и наказаніе и ученіе были Господни. Итакъ Апостолъ требуетъ отъ родителей, чтобы они, соразмѣряя строгость съ кротостію, научали ихъ и жить по христіански и смотрѣть на все глазами христіанскими или судить о всемъ христіанскимъ умомъ.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: „Не сказалъ: любите ихъ; къ этому влечетъ ихъ, хотя бы они этого не хотѣли, самая природа; а потому излишне было полагать законъ касательно этого предмета. Но что говоритъ? *не раздражайте чадъ своихъ*, какъ это дѣлаютъ многіе родители, лишая дѣтей своихъ наслѣдства, оставляя ихъ безъ призрѣнія, обращаясь съ ними жестоко, какъ съ рабами. Поэтому говоритъ: *не раздражайте чадъ своихъ*. Затѣмъ, что̀ особенно важно, указываетъ, какъ сдѣлать ихъ послушными, и говоритъ, что это зависитъ отъ главы и начальника. Какъ причину послушанія жены онъ указалъ въ мужѣ, съ которымъ потому и говоритъ о многомъ, умоляя его, между прочимъ, при-

влекать къ себѣ жену силою любви: такъ и въ настоящемъ случаѣ, въ немъ же полагаетъ причину послушанія дѣтей, когда говоритъ: *воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни.* Видишь ли, что когда есть духовное добро, за нимъ явится и плотское? Хочешь ли, чтобы сынъ твой былъ послушенъ? Съ дѣтства воспитывай его въ наказаніи и ученіи Господнемъ. Не думай, чтобы слушаніе Божественныхъ Писаній было для него дѣломъ излишнимъ. Тамъ онъ услышитъ: *чти отца твоего и матерь твою*,—слова, направленныя къ твоей пользѣ. Не говори: „это слушаніе Писаній—дѣло монаховъ; ужели мнѣ сдѣлать его монахомъ? Нѣтъ надобности быть ему монахомъ!“ Что это въ тебѣ за страхъ,—боишься того, что преисполнено многихъ выгодъ? Сдѣлай его христіаниномъ. Ибо и мірянамъ весьма нужно внимать ученію, заключающемуся въ Писаніи, а особенно дѣтямъ, такъ какъ въ этомъ возрастѣ еще многаго не знаютъ. Но не зная Божественныхъ истинъ, они знаютъ однакожъ нѣчто изъ сочиненій языческихъ, изучая въ нихъ жизнь дивныхъ, по ихъ понятіямъ, героевъ, которые служили страстямъ, и ничего добраго въ примѣръ и подражаніе не представляютъ. Итакъ сынъ твой нуждается въ этомъ спасительномъ руководствѣ,—въ наказаніи и ученіи Господни.

„Не безразсудно ли учить дѣтей искусствамъ, посылать ихъ въ училище, ничего не жалѣть для такого ихъ образованія; а о воспитаніи ихъ *въ наказаніи и ученіи Господни* не заботиться? За то-то сами мы первые и пожинаемъ плоды такого воспитанія дѣтей своихъ, видя ихъ дерзкими, невоздержными, непослушными, развратными. Не будемъ же поступать такимъ образомъ и послушаемъ увѣщанія блаженнаго Павла: станемъ воспитывать дѣтей своихъ въ наказаніи и ученіи Господни, подадимъ имъ примѣръ благочестія, за-

ставимъ ихъ съ ранняго возраста упражняться въ чтеніи Писаній. Ахъ! я постоянно говорю это; только мнѣ думается, не напрасно ли трачу слова свои? Но при всемъ томъ я не перестану говорить объ этомъ: это—мой долгъ!

„Доколѣ будемъ мы оставаться плотскими людьми? Доколѣ будемъ пресмыкаться по землѣ? Все у насъ должно быть второстепеннымъ въ сравненіи съ заботой о дѣтяхъ, и съ тѣмъ, чтобы воспитывать ихъ *въ наказаніи и ученіи Господни*. Кто прежде всего научается быть любомудрымъ, тотъ чрезъ это пріобрѣтаетъ богатство, превосходящее всякое богатство и величайшую славу. Не такъ полезно образовать сына, преподавая ему науки и внѣшнія знанія, посредствомъ которыхъ онъ станетъ пріобрѣтать деньги, сколько—если научить его искусству презирать деньги. Если хочешь сдѣлать его богатымъ, поступай такимъ образомъ. Богатъ не тотъ, кто заботится о большомъ стяжаніи имѣнія и владѣетъ многимъ, а тотъ, кто ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Это внушай твоему сыну, этому учи его: въ этомъ величайшее богатство. Не заботься о томъ, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ по внѣшней учености и доставить ему славу, но старайся о томъ, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни; отъ этого онъ будетъ славнѣе и знаменитѣе. Это возможно сдѣлать и богатому и бѣдному; этому научаются не отъ свѣтскихъ учителей и не при пособіи наукъ, а изъ Божественныхъ Писаній. Не заботься, чтобы сынъ твой здѣсь пожилъ долго, но чтобы тамъ удостоился жизни безпредѣльной и нескончаемой: давай ему великое, а не малое. Внимай словамъ Ап. Павла: *воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни*. Не риторомъ старайся сдѣлать его, но научи его любомудрію. Если онъ не будетъ риторомъ, отсюда не произойдетъ еще никакого вреда; а при недостаткѣ любомудрія, самое обильное риторство не принесетъ

никакой пользы. Благоповеденіе нужно, а не остроуміе, — нравственность, а не сила рѣчи, — дѣла, а не слова: это доставляетъ царство, это даруетъ и дѣйствительныя блага. Не языкъ изощряй, но очищай душу. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы запретить свѣтское образованіе, но для того, чтобы не привязывались къ нему исключительно."

вв) Къ слугамъ, съ указаніемъ соотвѣтствующей обязанности господъ.

Ст. 5. *Раби, послушайте господій своихъ по плоти, со страхомъ и трепетомъ, въ простотѣ сердца вашего, якоже и Христа.*

„По необходимости поставляетъ законъ и рабамъ. Ибо тѣло Церкви заключаетъ въ себѣ все,—и мужей и женъ, и отцевъ и дѣтей, и рабовъ и господъ, и богатыхъ и бѣдныхъ, и начальниковъ и подчиненныхъ" (Ѳеод.). „Итакъ не мужъ только, жена и дѣти, но и слуги съ своими добродѣтелями входятъ въ составъ дома, и обусловливаютъ его благоустройство. Поэтому бл. Павелъ и этой его части не оставилъ безъ вниманія, но напослѣдокъ приступаетъ къ ней, такъ какъ и по достоинству она занимаетъ послѣднее мѣсто. И съ ними (рабами) много разсуждаетъ онъ, и уже не какъ съ дѣтьми, но гораздо возвышеннѣе. Онъ не даетъ имъ здѣсь обѣтованія, а указываетъ на послѣдствія: *вѣдяще,* говоритъ онъ, *яко кійждо, еже аще сотворитъ благое, сіе пріиметъ отъ Господа.* Учитъ даже любомудрствовать. Ибо хотя они по достоинству ниже дѣтей, но смысла имѣютъ больше ихъ" (св. Злат.).

Рабство, въ древнемъ мірѣ, было въ широкомъ употребленіи. Св. Павелъ, посланный не гражданскій бытъ перестроивать, а нравы людскіе преобразовать, беретъ

гражданскія состоянія, какъ они есть и влагаетъ въ нихъ новый духъ жизни въ указаніяхъ сообразнаго съ христіанствомъ образа дѣйствованія. Внѣшнее оставляетъ Апостолъ, какъ оно установилось, и обращается къ одному внутреннему, и ему даетъ новый строй, чтобъ если нужно преобразованіе и внѣшняго, оно шло извнутрь, — вслѣдствіе свободнаго развитія духовной жизни. Передѣлай внутреннее; внѣшнее, если оно нелѣпо, само собою отпадетъ. Столѣтія однакожъ должны были пройти, пока духъ язычества упразднился, въ корнѣ сокрушенъ былъ, и духъ христіанской свободы родилъ повсюдное убѣжденіе въ несовмѣстимости рабства съ христіанскими отношеніями людей и христіанскою жизнію. Нельзя думать, чтобы рабство не дѣлало никакой помѣхи и задержки истинѣ Евангельской и развитію христіанской жизни. Нѣтъ, оно была помѣха, какъ и многіе другіе порядки іудейской и языческой жизни; но христіанство было довольно сильно, чтобъ препобѣждать то.

Перемѣну во взглядѣ на рабство можно видѣть въ томъ, что Апостолъ научаетъ считать господъ—господами только *по плоти*. Рабство ограничено внѣшнею стороною рабовъ. Господа господствуютъ только надъ физическою ихъ силою, духъ же ихъ не связанъ, совѣсть свободна, непринужденно предана небесному Владыкѣ Христу. Этою свободною работностію Христу Господу освѣщаетъ Апостолъ и невольную работность людямъ. „*Раби*, такъ говоритъ онъ, *послушайте господій своихъ по плоти*. Тотчасъ ободрилъ опечаленную душу, тотчасъ утѣшилъ ее. Не скорби, какъ бы такъ онъ говоритъ, что твоя доля ниже другихъ: это рабство только по имени, и господство по плоти, слѣдовательно, господство временное и не продолжительное. Ибо все плотское скоропреходяще“ (св. Злат.). Самое послушаніе рабовъ окачествуетъ Апостолъ тремя чертами, — со

страхомъ и трепетомъ, въ *простотѣ сердца*,—и, *якоже Христу*.

Со страхомъ и трепетомъ. „Видишь, что не одинаковаго страха требуетъ отъ жены и отъ рабовъ. Тамъ просто сказалъ: *жена да боится своего мужа*, а здѣсь усиливаетъ рѣчь, и говоритъ: *со страхомъ и трепетомъ*" (св. Злат.). Бл. Іеронимъ поясняетъ, что если бы было сказано только: *со страхомъ*, то можно бы понять это: съ почтительностію, благоговѣніемъ, какъ можно понимать слово о женѣ *да боится*. Но когда прибавлено: *и трепетомъ*; то вѣрно надо здѣсь разумѣть настоящій рабскій страхъ (не слово въ слово).—Въ этомъ же смыслѣ принимая сіи слова, св. Златоустъ спрашиваетъ: „Что говоришь ты, блаженный Павле? Онъ (рабъ)—братъ своему господину; онъ получилъ одинаковыя съ нимъ блага, одной съ нимъ природы, а что̀ всего важнѣе,—содѣлался братомъ не только своего господина, но Самого Сына Божія, наслаждается равными съ Нимъ благами,—и ты говоришь: *со страхомъ и трепетомъ?*—Но поэтому-то я и говорю такъ, отвѣчаетъ Апостолъ. Ибо если свободнымъ повелѣваю подчиняться другъ другу, ради страха Божія, какъ выше сказано: *повинуйтеся другъ другу въ страсѣ Божіи*, если женѣ приказываю бояться своего мужа, хотя она имѣетъ равную съ нимъ честь, то не больше ли все это относится къ рабу? Въ этомъ нѣтъ безчестія, напротивъ,—это высокое благородство, умѣть уничижаться, вести себя скромно, уступать ближнему: ибо и свободные свободнымъ служивали съ большимъ страхомъ и трепетомъ."

Ктому же, когда Апостолъ говоритъ: *послушайте со страхомъ и трепетомъ*, то ничто не мѣшаетъ видѣть здѣсь указаніе на обязательный страхъ и трепетъ не предъ господами, будто страшилищами, а предъ самымъ послушаніемъ, чтобъ исполнить его, какъ слѣдуетъ. Апо-

столъ внушаетъ: принимая послушанія отъ господъ, не небрежно и не равнодушно принимайте ихъ, и исполняйте не кое-какъ съ разсѣянностію и невниманіемъ, а со страхомъ и трепетомъ, какъ бы не погрѣшить въ чемъ противъ желанія господъ и не оказаться неисправными исполнителями своего долга. Страхъ и трепетъ—предъ долгомъ послушанія. Бл. Іеронимъ наводитъ и на другую мысль—ту, что Апостолъ такъ заповѣдуетъ въ видахъ нравственнаго воспитанія. Не могли рабы вдругъ стать совершенными въ повиновеніи волѣ Божіей. Апостолъ представляетъ имъ Господа въ лицѣ господъ, и заповѣдуетъ: „служите имъ со страхомъ и трепетомъ, какъ Господу, и чрезъ это научитесь, какъ должно, работать и Самому Господу.“

Въ простотѣ сердца своего: съ нераздвоенною мыслію, а съ полнымъ убѣжденіемъ, что такъ и должно; потому нести послушаніе безъ раздумываній, съ свободнымъ рѣшеніемъ быть всегда исправнымъ въ этомъ родѣ жизни, полюбивъ самую службу рабскую. „Повелѣваетъ, чтобы рабы служили господамъ надлежащимъ образомъ и были чужды злонравія. Сіе и выразилъ, сказавъ: *въ простотѣ сердца*“ (Ѳеод.). „Хорошо сказано: *въ простотѣ сердца*,—такъ какъ можно служить со страхомъ и трепетомъ, однако же не съ добрымъ расположеніемъ, но какъ нельзя хуже. Есть много такихъ, которые втайнѣ весьма много дѣлаютъ зла господамъ своимъ. Такое-то худое поведеніе Апостолъ и старается устранить, говоря такъ“ (св. Злат.).

Якоже и Христа. И рабы, прилѣпившись къ Господу, на совѣсть приняли обязательство—ходить прочее во всякомъ добродѣланіи. Имѣя это на сердцѣ, рабъ могъ стать въ недоумѣніе: какое отъ меня добродѣланіе, когда я плотію,—и всею внѣшнею дѣятельностію,—не принадлежу себѣ. Апостолъ говоритъ ему: ты служи усердно

господину, и это будетъ служеніемъ Господу. Этимъ ограничивается весь кругъ обязательнаго для тебя добродѣланія. Того требуетъ отъ тебя Самъ Христосъ Господь. Поставивъ послушаніе господамъ въ такую тѣсную связь съ послушаніемъ Господу, Апостолъ и побужденіе къ покорности господамъ возвысилъ до началъ вѣры, и придалъ нравственную силу рабамъ къ понесенію всей тяготы сего служенія ихъ. Ибо послѣ сего они не могли не быть увѣрены, что, оказывая во всемъ послушаніе господамъ, они оказываютъ его не имъ однимъ исключительно, но чрезъ нихъ и Самому Господу. Для Господа же истинно вѣрующій чего не готовъ сдѣлать?

Ст. 6. 7. *Не предъ очима точію работающе яко человѣкоугодницы, но яко раби Христовы, творяще волю Божію, отъ души, со благоразуміемъ служаще якоже Господу, а не яко человѣкомъ.*

Какъ только положилъ Апостолъ, что служа господамъ рабы служатъ Господу,—тотчасъ перенесъ на служеніе рабовъ и всѣ тѣ качества, какими должно отличаться служеніе Господу. Господь видитъ сердце. Ему нельзя показать только наружно служеніе, не имѣя его въ сердцѣ. Это должны имѣть въ умѣ и рабы, служа господамъ: не предъ очами только ихъ работать, а въ сердцѣ проклинать ихъ, или замышлять что злое, но работать отъ души, какъ слѣдуетъ работать Христу, — работать въ увѣренности, что этимъ исполняютъ волю Божію, а не на показъ только и не изъ человѣкоугодія. Тутъ двѣ неисправныя черты: *первая*—предъ очами работаніе, — когда на глазахъ, идетъ работа исправно: какъ только за глаза, все напротивъ: этимъ осуждается лѣность, „работаніе изъ-подъ кнута; *вторая* — человѣкоугодіе, — когда не дѣло имѣется въ виду, а лишь бы угодить: при этомъ и дѣло можно покривить и въ родѣ дѣлъ погрѣшить, соглашаясь дѣлать и недолжное въ угоду госпо-

дамъ. Все это отрицаетъ Апостолъ, обязывая работать— не только отъ души, но и съ *благоразуміемъ*—μετ' εὐνοίας, съ благоуміемъ, — съ тѣмъ здравымъ воззрѣніемъ на свою работу, что вы въ ней не человѣкамъ работаете, а Господу. Одно это благопомышленіе если усвоятъ рабы, то оно исправитъ въ нихъ и внутренній строй и дастъ внѣшнюю во всемъ исправность, такъ что рабство ихъ будетъ не тягота какая, а свободное и самоохотное служеніе, совершаемое съ радостію, вседушно, съ удовольствіемъ. Εὔνοια—можно перевесть — и благорасположеніемъ.

Св. Златоустъ говоритъ на это: „Видишь ли, какъ многаго требуетъ Апостолъ? Онъ внушаетъ полное добро, ибо многіе, какъ видишь, служатъ своимъ господамъ точно со страхомъ и трепетомъ, и къ этому много побуждаетъ ихъ строгость хозяина: но покажи, говоритъ онъ, что ты служишь, какъ рабъ Христовъ, а не какъ рабъ человѣка; сдѣлай такъ, чтобы твои служебныя занятія были у тебя добродѣтелію, и не были производимы по необходимости. Какъ того, кто терпитъ обиды отъ другаго, Христосъ убѣждаетъ и научаетъ принимать обиду, какъ благо для себя, и терпѣть ее по собственному изволенію; точно такъ же и рабовъ учитъ Апостолъ. Покажи, что несешь рабство добровольно, а не какъ человѣкоугодникъ. Человѣкоугодникъ не рабъ Христовъ, и рабъ Христовъ—не человѣкоугодникъ. Ибо кто будучи рабомъ Божіимъ, захочетъ угождать человѣкамъ? Напротивъ, кто, угождая человѣкамъ, можетъ быть рабомъ Божіимъ? *Отъ души,* говоритъ, *со благоразуміемъ* (съ благоуміемъ, съ благимъ расположеніемъ) *служаще.* Хорошо это сказано, такъ какъ можно служить въ простотѣ и безъ злобы, однакоже не всѣми силами, а только выполняя долгъ. Поэтому говоритъ: по усердію, а не по необходимости,—по доброй волѣ, а не по принужденію. Если будешь служить такимъ образомъ, именно: по

доброй волѣ, съ благоумѣіемъ, отъ души, ради Христа; то ты не рабъ. Видишь ли, какъ у твоего рабства отнимается безчестіе?“

Ст. 8. *Вѣдяще, яко кійждо, еже аще сотворитъ благое, сіе пріиметъ отъ Господа, аще рабъ, аще свободь.*

Этимъ рѣшаетъ св. Апостолъ всѣ недоумѣнія и вопросы, какіе могли бы рождаться у рабовъ на счетъ ихъ нелегкаго служенія. Самая крупная съ ихъ стороны рѣчь обычно такова: служишь, служишь, вниманія никакого!— Св. Павелъ сказалъ уже: служи господамъ, какъ Господу, исполняй волю ихъ, какъ волю Божію, работай имъ, какъ предъ лицемъ Господа. Теперь говоритъ: если будешь такъ настроенъ, то Тотъ, для Кого ты будешь служить господамъ, ни одного дѣла твоего, какъ бы оно мало ни было, не забудетъ и не оставитъ безъ воздаянія. Еслибъ ты служилъ только господамъ, и предъ ихъ только очами желалъ отличиться, резонно было бы слово твое; но если ты чрезъ нихъ имѣешь въ мысли служить Господу, то не раздумывай: все воздастъ Господь.— Какое воодушевленіе изъ этого слова Апостольскаго къ достодолжному рабскому служенію должны были черпать рабы?! Прими только они это къ сердцу. „Рабство и господство ограничиваются настоящею жизнію; по отшествіи отсюда будетъ разность уже не между рабствомъ и господствомъ, но между добродѣтелію и порокомъ“ (Ѳеод.).—И самое рабское служеніе посредствомъ указанныхъ Апостоломъ расположеній превращается въ поприще добродѣтели. Не скажетъ ли всякій рабъ: буду же доброхотно и усердно рабствовать, когда и рабство не заграждаетъ пути къ воздаяніямъ. Воодушевляетъ такого и св. Златоустъ, говоря: „господа, обязанные твоими услугами, если не вознаграждаютъ тебя, то тѣмъ самымъ доставляютъ тебѣ большую награду, дѣлая должникомъ твоимъ Бога.“

Все, сказанное Апостоломъ къ рабамъ, въ настоящее время, приложимо къ слугамъ, которые, хотя добровольно поступаютъ на служеніе, но изъ этого должны не поводъ къ нерадѣнію брать, а сильнѣйшее побужденіе почерпать къ добросовѣстному и усердному служенію. И имъ должно во всемъ слушаться хозяевъ, почитать ихъ и уважать, волю ихъ исполнять какъ она дана, въ простотѣ, безъ раздумываній, и всѣ дѣла дѣлать такъ, какъ умѣютъ ихъ дѣлать, по совѣсти, въ той увѣренности, что поступая такъ, волю Божію исполняютъ и угодное Ему творятъ,—ни въ чемъ не поблажая лѣности, а служа какъ предъ лицемъ Господа, отъ Кого не лишатся и достойнаго воздаянія за доброе служеніе свое.

Ст. 9. *И господіе, таяжде творите къ нимъ, послабляюще имъ прещенія: вѣдуще, яко и вамъ самѣмъ и тѣмъ Господь есть на небесѣхъ, и обиновенія лица нѣсть у Него.*

Какъ господіе могутъ *таяжде* творить слугамъ?—Самихъ дѣлъ это не можетъ касаться: ибо дѣло слугъ—служить, а господамъ свойственно приказывать и требовать исполнительности. Потому этимъ словомъ вѣрно опредѣляется духъ отношенія господъ къ слугамъ. Тѣ вамъ служатъ, какъ Господу и предъ лицемъ Господа, а вы приказывайте о Господѣ; тѣ вамъ доброхотствуютъ, а вы объ нихъ попеченіе возымѣйте; тѣ видятъ въ васъ Господа, а вы видьте въ нихъ—братій; тѣ чтутъ васъ и боятся, и вы не помыкайте ими; тѣ служатъ вамъ съ благорасположеніемъ, будьте и вы къ нимъ благосклонны и добры. Св. Златоустъ это послѣднее особенно выставляетъ,—и еще возлагаетъ на господъ попеченіе о рабахъ, устрашая, какъ бы Богъ не осудилъ ихъ за нерадѣніе о нихъ. Бл. Іеронимъ находитъ изъ сказаннаго рабамъ приложимыми къ господамъ слѣдующія внушенія: *въ простотѣ сердца,—творяще волю Божію,—*

отъ души, — *и съ благоуміемъ*, — благосклонно, — но не объясняетъ подробно, въ какомъ значеніи. Вообще тутъ одна заповѣдь: и вы, господа, по христіански относитесь къ слугамъ.

Самъ св. Апостолъ на томъ особенно настаиваетъ, чтобы господа умѣряли строгость, — не совсѣмъ чтобы оставили ее, а послабляли бы прещенія; чѣмъ обязываетъ ихъ обходиться съ рабами „съ благостію и кротостію“ (Θеод.), „не быть страшными для нихъ, а отцами ихъ“ (Іерон.). „Не будьте, говоритъ, жестокими и строптивыми“ (св. Злат.).

Чтобъ удержать власть господъ въ должныхъ предѣлахъ, св. Апостолъ не нашелъ лучшаго побужденія, какъ указать на Господа на небесахъ, всевидящаго и имѣющаго воздать какъ рабамъ, такъ и имъ безъ всякаго лицепріятія. Онъ какъ бы говоритъ: „какимъ хочешь имѣть къ себѣ Владыку, такимъ самъ будь къ слугѣ; потому что Богъ не знаетъ разности между рабомъ и господиномъ, всѣхъ сотворилъ одинаково“ (Θеод.). „Онъ хотѣлъ и въ господахъ возбудить страхъ. Чѣмъ же? А вотъ чѣмъ: *еюже мѣрою мѣриши, возмѣрится тебѣ*. т. е., чтобы не услышать: *рабе лукавый весь долгъ онъ отпустихъ тебѣ* (Мѳ. 18, 32)! *И лицепріятія*, сказано, *нѣсть у Него*, т.-е., чтобы не подумалъ кто нибудь, что за обиду, причиненную рабу, Богъ проститъ потому, что она причинена рабу. Внѣшніе законы, какъ законы человѣческіе, допускаютъ еще различіе между сословіями; но законъ общаго Владыки не знаетъ никакого различія, такъ какъ благодѣтельствуетъ всѣмъ вообще и надѣляетъ всѣхъ однимъ и тѣмъ же“ (св. Злат.).

В) ДУХОВНОЕ ХРИСТІАНСКОЕ ВСЕОРУЖІЕ.

6, 10—18.

Жизнь христіанская есть непрестанная борьба—борьба съ живущимъ въ насъ грѣхомъ, борьба съ прелестями и непріязненностію міра, борьба съ діаволомъ и слугами его. Нашъ подвигоположникъ—Христосъ Господь; противною стороною заправляютъ бѣсы. Ничто грѣшное не обходится безъ участія сихъ послѣднихъ. Всюду они окружаютъ борца Христова и всякимъ случаемъ пользуются, чтобы дѣлать ему пакости. И плоть влечетъ, и міръ соблазняетъ и тѣснитъ, но и тутъ всюду приражаются бѣсы. Ихъ вмѣшательство въ наши дѣла обширнѣе, нежели сколько мы вообразить можемъ. Потому св. Павелъ всю брань духовную почитаетъ бранію съ ними одними.—Уже пространно училъ онъ преодолѣвать страсти—сначала гнѣва, потомъ похоти, училъ и тому, какими христіане должны являться среди міра. Теперь вооружаетъ ихъ противъ главныхъ враговъ.— Они обычно своимъ лицомъ вступаютъ въ борьбу уже послѣ того, какъ плоть и міръ оказываются безсильными противъ ревниваго христіанина.

Ст. 10. *Прочее же, братіе моя*, *возмогайте во Господѣ, и въ державѣ крѣпости Его.*

Прочее же. Теперь я все сказалъ; остается еще воодушевить васъ на брань и вооружить. *Братіе моя.*— Вы не одни,—и я съ вами. Все одно, какъ бы сказалъ: ну, братцы, постоимъ! *Возмогайте,*—ἐνδυναμοῦσθε,—можетъ значить—*и* исполняйтесь силою, облекайтесь въ силу,—*и* собирайтесь съ силами, воодушевляйтесь мужествомъ, дерзайте, выходите на брань не робѣя. Это

тоже, что въ другомъ мѣстѣ говоритъ Апостолъ: *мужайтеся и да крѣпится сердце ваше*, или, какъ Господь Самъ воодушевлялъ Апостоловъ: *дерзайте, яко Азъ побѣдихъ міръ*. На Него уповая и Апостолъ учитъ возмогать, говоря: *возмогайте*.

Во Господѣ, и въ державѣ крѣпости Его. Вотъ гдѣ возмоганіе! Въ Господѣ, и въ крѣпкой державѣ Его, въ Его вседержительной власти, коею все содержитъ и всѣмъ правитъ. Таковъ Господь,—и Онъ же нашъ Господь, и мы—Его. Не дастъ Онъ своихъ въ обиду.—Господь намъ помощникъ; не убоимся! Что сотворятъ намъ?! Аще Богъ по насъ, кто на ны? Будемъ дерзновенны и мужественны. Съ такимъ Вождемъ и Защитникомъ какая вражеская сила возможетъ преодолѣть насъ?—„*Возмогайте во Господѣ*, т. е. въ надеждѣ на Него, чрезъ Его помощь; говоритъ какъ бы: не бойтесь, возложите надежду на Бога, и Онъ все облегчитъ для васъ“ (св. Злат.). „Отложите всякую боязнь, охраняемые силою Божіею“ (Θеод.).—Когда Апостолъ говоритъ: *возмогайте во Господѣ*,—не искать помощи заповѣдуетъ, а мужаться, уповая на готовую помощь. Господь уже съ вами и готовъ защитить и разогнать враговъ. Вы только не робѣйте. Робость будетъ означать ослабленіе упованія на Господа, внутренняя измѣна Ему, будто умаленіе силы Его предъ лицемъ враговъ. За этимъ умаленіемъ слѣдуетъ умаленіе помощи и покрова; и вслѣдствіе того сильнѣйшія нападки враговъ. Тогда какъ для совершенно уповающаго на Господа и преданнаго Ему, одно мановеніе Господне разсѣеваетъ всѣ ихъ полчища.

Ст. 11. *Облецытеся во вся оружія Божія, яко возмощи вамъ стати противу кознемъ діавольскимъ*.

Уповать—уповай крѣпко, самъ же не сложа руки сиди. Помощь Божія готова, но приходитъ не на твое бездѣйствіе, а на твое безсильное усиліе. Истощи всѣ свои

средства, кои тоже суть даръ Божій; и тогда, не сомнѣвайся, тотчасъ начнется и Божіе помогательное тебѣ содѣйствіе, которое и сдѣлаетъ твои безсильныя силы всепобѣдительными. Что именно нужно дѣлать съ своей стороны, это описываетъ Апостолъ ниже; здѣсь говоритъ онъ объ этомъ въ общемъ положеніи, подъ образомъ облеченія во всеоружіе.

Облецытеся,—не одѣвайтесь всякій разъ, какъ брань настаетъ, а—будьте всегда одѣты, облекитесь во всеоружіе и не скидайте его; ибо брань наша не имѣетъ ни времени, ни мѣста, а есть повсюдная, и поминутная.

Во вся оружія — πανοπλία — во всеоружіе, — какъ бы это было одно многосложное оружіе, такъ тѣсно скрѣпленное въ частяхъ, что ничего изъ него отложить нельзя. Не одно, а всѣ оружія надо надѣть, чтобы со всѣхъ сторонъ оградить себя, а вмѣстѣ чтобъ, лишь только сдѣлалъ движеніе, тотчасъ попасть на какое либо оружіе.

Божіими названы сіи оружія ради того, что онѣ Богомъ указаны и опредѣлены, Богомъ даются, и сильны Богомъ: Богъ ими побѣждаетъ чрезъ насъ врага.—Всѣми оружіями надо вооружиться; ибо если не достанетъ какого, то устояніе противъ врага сомнительно. Почему Апостолъ и говоритъ:

Яко возмощи вамъ стати—πρὸς τὸ δύνασθαι—для того, чтобы возмочь стать. Коль скоро нѣтъ оружія или недостаетъ какого, тутъ умѣстно не стоять, а бѣжать, или сдаваться. *Стати*—выступить на борьбу, стать въ бранное положеніе,—или, поелику брань все идетъ не прекращаясь, стоять въ такомъ положеніи небоязненно, лицемъ къ лицу со врагомъ, или не стоять только, но и устоять,—чтобъ возмочь вамъ ни въ чемъ не поддаться врагу.

Противу кознемъ діавольскимъ. Козни — μεθοδεῖαι— обходы. Воодушевляетъ Апостолъ, говоря, какъ бы:

врагъ не силенъ; онъ беретъ только хитростями. И у насъ говорятъ: обошелъ меня такой-то. Главная уловка врага—въ мысляхъ представлять истиннымъ то, что есть ложь,—въ дѣлахъ и начинаніяхъ представлять добрымъ то, что худо,—въ исканіяхъ увлекать обманчивыми надеждами. Все это умѣетъ онъ такъ представить, что невнимательный попадается въ сѣти и запутывается. Въ этомъ отношеніи—*стати*—неразлучно съ *внимать*. Стой и смотри во всѣ стороны зорко. Если не прозѣваешь, врагъ ничего не сдѣлаетъ.

Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ: стати противъ сраженій, противъ войнъ; но, противъ козней. Ибо врагъ нашъ не просто и не открыто воюетъ съ нами, но съ коварствомъ. Что такое коварство? Быть коварнымъ значитъ—обольщать, обманывать хитростію: это бываетъ и въ словахъ, и въ дѣлахъ, и въ борьбѣ,—когда намъ случается имѣть дѣла съ обманщиками. Врагъ никогда не предлагаетъ явныхъ грѣховъ, но, по своему коварству, устрояетъ это иначе, именно: пользуясь предлогами, выставляетъ уважительную причину. Этимъ Апостолъ ободрилъ воиновъ и заставилъ ихъ трезвиться, побуждая къ осторожности. Онъ хочетъ не ослабить воиновъ, которые противостоятъ врагу (діаволу), но подвигнуть ихъ противъ него. Сказавъ объ ухищреніяхъ врага, этимъ онъ научаетъ внимательности. Еслибъ онъ указалъ имъ на силу враговъ и на этомъ остановился, то привелъ бы ихъ въ уныніе. Напротивъ, онъ и прежде и послѣ этого показываетъ, что возможно одолѣть врага, и тѣмъ самымъ особенно ободряетъ ихъ.“ Ѳеодоритъ указываетъ и на нѣкоторыя козни: „*кознями* назвалъ Апостолъ ухищренія врага; ибо онъ нерѣдко подъ видомъ добродѣтели уготовляетъ порокъ; въ иныхъ случаяхъ, напримѣръ къ посту, къ молитвѣ, и попечительности о нуждающихся примѣшиваетъ тщеславіе, а въ

цѣломудріе влагаетъ предосудительную кичливость.“ Бл. Іеронимъ другія вражескія козни выставляетъ. „Неуспѣетъ, говоритъ, увлечь похотію, любоиманіе предлагаетъ; этимъ не успѣетъ плѣнить, наводитъ на то, чтобы чрево сдѣлалось богомъ. Вообще и онъ такъ же дѣйствуетъ, какъ военачальники искусные. Замѣтитъ слабую у человѣка сторону, на нее всѣ силы свои и направляетъ въ той мысли, что, завладѣвши слабою, и крѣпкія заберетъ въ свои руки“ (сокращено).

Ст. 12. *Яко нѣсть наша брань къ крови и плоти, но къ началомъ и ко властемъ, и къ міродержителемъ тмы вѣка сего, къ духовомъ злобы поднебеснымъ.*

Причину показываетъ, почему заповѣдуетъ быть всегда одѣтыми во всеоружіе и находиться въ постоянной бдительности и осторожности. Потому, говоритъ, это необходимо, что таковы враги наши и такова война, что этого требуетъ злокозненность и невидимость враговъ.

Яко нѣсть наша брань πάλη,—борьба, бой, схватки у насъ идутъ не съ *кровію и плотію*, „не съ людьми подобострастными намъ и намъ равносильными“ (Бл. Θеоф.). И въ посланіи къ Галатамъ, когда Апостолъ говорилъ, что по обращеніи онъ абіе не приложился къ плоти и крови,—сею фразою означаются люди. Хочетъ сказать Апостолъ, что не такова у насъ брань, какъ бываетъ у людей съ людьми. Тутъ враги другъ друга видятъ, видятъ, что одинъ предпринимаетъ противъ другаго, и послѣдній противопоставляетъ ему соотвѣтственный отпоръ, какъ въ фехтованіи. Наши враги невидимы, невидимы и козни ихъ. Надобно, слѣдовательно, поставить себя такъ, чтобы, что̀ бы они ни предпринимали, уловки ихъ не имѣли въ насъ никакого успѣха. Такъ это и бываетъ: ибо, хотя мы и не видимъ ихъ, но всеоружіе наше таково, что и безъ видѣнія сего можно противостоять имъ. Надобно однакожъ замѣтить,

что опытные въ духовной брани доходятъ до разумѣнія ухищреній лукаваго; по первымъ приражеǹіямъ его догадываются, куда онъ мѣтитъ, и соотвѣтственно тому противодѣйствуютъ ему. И св. Павелъ говорилъ о себѣ, что онъ не неразумѣетъ умышленій сатанинскихъ. Замѣтивъ ихъ, онъ тотчасъ давалъ имъ и отпоръ. Но это есть достояніе совершенныхъ; большею же частію мы бьемся съ духами, какъ бьются въ потемкахъ.

Бл. Іеронимъ иначе взглянулъ въ этомъ мѣстѣ на кровь и плоть. Онъ говоритъ, что есть у насъ брань съ плотію и кровію, когда плоть похотствуетъ противъ духа. Апостолъ не отвергаетъ ея; но даетъ разумѣть, что за плотію и кровію надо провидѣть другія силы, дѣйствующія чрезъ нихъ и насъ борющія. Ибо есть духи похоти, какъ Пророкъ Осія поминаетъ о нѣкіихъ, обольщенныхъ духомъ блуднымъ (Осіи 4, 12); есть духи гнѣва, вражды, ненависти, и всякой страсти. Апостолъ хочетъ научить насъ, что страсти въ насъ, не отъ естества тѣла, не изъ плоти и крови, а отъ духовъ злобы возбуждаются; почему и говоритъ такъ (сокращено).

Такой мысли нельзя не дать вѣса. Ибо она совершенно истинна. И всякій можетъ осязательно удостовѣряться въ ней, при наблюденіи надъ проявленіями страстей, когда онѣ доходятъ до маніи, каковы: пьянство, блудъ, воровство, обжорство.—Не дать ли даже этому пониманію преимущества предъ первымъ?

Но къ началомъ и ко властемъ,—и проч. При невидимости и спрятанности, враги наши еще многочисленны, и такіе все властные, чиновные. Словами: *начала и власти* означаются ранги нечистыхъ духовъ. Въ какихъ чинахъ пали, тѣ и въ паденіи удержали за собою. Какъ между чистыми Ангелами есть девять чиновъ, такъ есть свои ранги и между нечистыми. Апостолъ только два

указалъ здѣсь. Такъ св. Златоустъ: „*началами и властями* онъ ихъ назвалъ по подобію того, какъ между небесными духами есть престолы, господства, начала и власти.“ Ѳеодоритъ прибавляетъ: „Злые демоны были въ числѣ св. чиновъ, но за злобу лишились сего чина. Но и до нынѣ имѣютъ они сіи наименованія въ обличеніе ихъ растлѣнія.“

Враги наши не только численны и властны, но и знатоки своего дѣла: отъ чего и титулуетъ ихъ Апостолъ: *міродержители тмы вѣка сего, духи злобы.*

Міродержители не міра, Богомъ созданнаго и во вседержительствѣ Его состоящаго, но міра, который во злѣ лежитъ и въ которомъ только и есть что похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская, съ достаточнымъ количествомъ людей, увлеченныхъ сими похотями и множествомъ обычаевъ въ удовлетвореніе имъ. Въ этомъ мірѣ люди толкутся по симъ обычаямъ, разжигаемые похотями и ихъ болѣе и болѣе разжигая. Отъ толченія и смятенія—никто разобрать ничего не можетъ, отъ чего что, для чего и какъ. Тьма покрываетъ всю эту область и есть ближайшая причина того, что міръ сей еще стоитъ и цѣну какую-то имѣетъ. Этого-то міра злые духи суть держатели. Они прельщаютъ людей, они и держатъ ихъ въ прелести. Власть ихъ не по естеству принадлежитъ имъ, а по неразумію людей, падкихъ на похоти. Люди сами себя предаютъ въ рабство имъ и рабствуютъ. Сатана и сталъ случайно княземъ, по избранію грѣшныхъ людей. Но какъ только кто отказывается жить по похотямъ и страстямъ, тотчасъ выходитъ изъ подъ власти діавола. Еслибъ всѣ образумились, совсѣмъ бы пала власть сатаны, и бѣсы перестали бы быть міродержителями. Но такъ суждено, что люди будутъ грѣшить до конца вѣка: до конца вѣка будетъ и міродержительство бѣсовъ. Оттого они и на-

зываются міродержителями тьмы только вѣка сего. Св. Златоустъ говоритъ:

„Міродержителями Апостолъ назвалъ демоновъ не потому, чтобъ они держали міръ, но потому, что они настоящіе виновники злыхъ дѣлъ. Ибо Писаніе обыкновенно называетъ міромъ грѣховныя дѣла. Можетъ быть, подъ міромъ разумѣетъ онъ и злыхъ людей: ибо демоны на нихъ преимущественно простираютъ власть свою.“ Өеодоритъ же пишетъ, что демоны потому стали міродержителями, что люди нерадиво живущіе добровольно возлюбили ихъ рабство (сокращено).

Другое титло бѣсовъ есть *духи злобы*,—πονηρίας,—лукавства. Лукавство такъ углубилось въ нихъ, что стало составлять будто ихъ природу: они стали будто самое лукавство, и ничего отъ нихъ не ожидай, кромѣ лукавства.

Наше слово—*поднебеснымъ*, по гречески стоитъ—ἐν ἐπουράνιοις. Επουράνιος—не поднебесный, а наднебесный, потому къ духамъ злобы слово сіе относиться не можетъ, ибо они свержены съ неба. Не можно его относить къ духамъ и по грамматическому сочетанію. Наши толковники всѣ и не относятъ его къ нимъ, а разумѣютъ подъ симъ духовныя небесныя блага, полагая, что предлогъ ἐν стоитъ здѣсь вмѣсто ὑπὲρ—изъ-за,—на что они приводятъ и примѣры. Выходитъ такая мысль: брань у насъ съ духами злобы идетъ изъ-за небесныхъ благъ. Такъ, св. Златоустъ говоритъ: „борьба происходитъ ἐν ἐπουρανίοις,—не изъ-за денегъ, не за славу. Ἐν ἐπουρανίοις тоже что ὑπὲρ ἐπουρανίοις за небесное. Враги наши не затѣмъ воюютъ съ нами, чтобы послѣ побѣды чѣмъ либо воспользоваться, но для того только, чтобы насъ лишить неба.“ Такъ и Экуменій съ Өеофилактомъ. Обыкновенный же образъ перевода и пониманія сего слова: *поднебеснымъ*, означаетъ, что духи ви-

таютъ между небомъ и землею,—въ воздухѣ, и какъ воздухъ обнимаетъ насъ повсюду, такъ повсюду окружаютъ насъ и духи злобы, и непрестанно приражаются къ намъ, какъ комары въ сыромъ мѣстѣ.

По цѣли Апостола то и другое умѣстно здѣсь. Өеодоритъ будто хотѣлъ совмѣстить обѣ мысли: ибо говоритъ, что борьба происходитъ съ поднебесными, но изъ-за небеснаго. „Указываетъ Апостолъ и выгоды побѣды, чтобы воиновъ содѣлать болѣе ревностными; потому что, говоритъ онъ, борьба съ поднебесными, т. е. съ небесными чинами, и наградою за борьбу сію уготовано царство небесное.“

Но все это, говоритъ Апостолъ, для того, чтобы показать какъ необходимо всегда быть во всеоружіи, быть бдительными и трезвенными. Изъ невидимости и скрытности враговъ видно это само собою, видно и изъ того, что они суть духи злобы—лукавства, и изъ того, что многочисленны. Какъ же видно это изъ того, что они міродержцы тьмы вѣка сего, когда христіане изъяты изъ-подъ ихъ власти?—Тѣмъ, что изъяты, злобу ихъ раздражаютъ и вооружаютъ противъ себя. Если такъ, то и себѣ надо вооружаться противъ нихъ.

Блаж. Өеодоритъ ставитъ въ этомъ смыслѣ одну общую мысль: „Божественный Павелъ подражаетъ доблестному военачальнику, который съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ воинствѣ его не было лѣности, описываетъ мужество враговъ.“ Св. Златоустъ свою объ этомъ мысль прикрѣпляетъ къ слову: изъ-за небеснаго. „Замѣть, какую бдительность возбуждаетъ въ насъ сила врага, и какая трезвенность происходитъ отъ того, что мы знаемъ, что дѣйствительная опасность предстоитъ нашему великому благу, и что также мы должны заботиться о побѣдѣ изъ-за великаго блага: потому что врагъ нашъ старается свергнуть насъ съ неба.“

Ст. 13. *Сего ради пріимите вся оружія Божія, да возможете противитися въ день лютъ, и вся содѣявше стати.*

Сего ради. Будто непонятно было, чего ради велѣлъ онъ впереди облещися во вся оружія Божія. Теперь, показавъ и скрытность враговъ, ихъ число и силу, и ихъ умѣнье вести съ нами брань, говоритъ: вотъ для чего! Иначе нельзя вести брани, а не только успѣха въ ней чаять. *Пріимите*—ἀναλάβετε,—возмите, возложите на себя, тоже что прежде—облекитесь. Да возможете противитися—ἀντιςῆναι *и* противустать,—воспротивиться, *и* противо-устоять,—не поддаться врагу, остаться побѣдителями. *Въ день лютъ*,—прямѣе всего въ минуту искушенія, или внѣшняго или внутренняго, когда оно налетаетъ съ такою силою, что подвергаетъ опасности пасть, и чрезъ то потерять все. Такъ Ѳеодоритъ: „*днемъ лютымъ* называетъ день брани, давъ имя сіе,—πονηρὰ—отъ дѣйствующаго въ тотъ день діавола. Въ тогдашнее же время они явно подвергались брани, будучи гонимы, мучимы и терпя всевозможные виды смерти." Но какъ не бываетъ времени свободнаго отъ искушенія, такъ что и все житіе человѣка на землѣ есть искушеніе, то не неумѣстно подъ днемъ лютымъ разумѣть всю жизнь въ вѣкѣ семъ лукавомъ, полномъ искушеній. Такъ, св. Златоустъ: „*днемъ лютымъ* называетъ Апостолъ настоящую жизнь, по причинѣ золъ въ ней бывающихъ и требующихъ, чтобы мы постоянно были вооружены. Днемъ же назвалъ, чтобы воодушевить. Непродолжительно время, какъ бы такъ говорилъ онъ; потому можно простоять бодро во время брани." Впрочемъ изъ словъ св. Златоуста видно, что, именуя всю жизнь днемъ лютымъ, онъ также именуетъ и всякое искушеніе, когда говоритъ, что и послѣ побѣды не должно ослабѣвать, а это тоже, что, устоявши въ день лютъ, не должно покидать бод-

ренности, а стоять, ожидая новаго лютаго дня. Такъ и Экуменій съ Өеофилактомъ.

Ничто не мѣшаетъ, кромѣ всего этого подъ днемъ лютымъ разумѣть и особенныя рѣшительныя минуты въ жизни нашей, каковы: смерть и судъ. Такъ, блаженный Іеронимъ: „днемъ лютымъ означаетъ *или* настоящую жизнь, какъ и прежде сказалъ: *искупующе время, яко дніе лукави суть*, *или* время кончины и суда, когда діаволъ—врагъ и клеветникъ, всячески будетъ усиливаться удержать насъ на своей сторонѣ. Такъ, чтобы устоять въ этотъ день противъ діавола, который выступитъ тогда обличителемъ, надо воспріять всеоружіе Божіе, все сдѣлать, и всякими добродѣтелями полну стать. И третье еще толкованіе этихъ словъ приводится нѣкоторыми, которые говорятъ, что смертію не кончается брань съ діаволомъ, но, что, когда исходимъ мы изъ сей жизни, намъ предстоитъ брань съ нимъ болѣе сильная,—брань открытая, лицемъ къ лицу.“ Этимъ очевидно указывается на мытарства, которыхъ, какъ ни дичится ихъ наша разумность, никому не миновать, какъ показываютъ многократныя видѣнія святыхъ, достовѣрно засвидѣтельствованныя.

И вся содѣявше стати. Содѣявше,—*κατεργασάμενοι*,—что означаетъ *и* все сдѣлавши, что отъ насъ зависитъ, *и* все раздѣлавши, разрушивши, уничтоживши. Въ первомъ случаѣ будетъ мысль: когда найдетъ искушеніе, становись въ бранное положеніе, и начинай употреблять оружія свои--одно за другимъ, пока достигнешь того, что врагъ уйдетъ. Не то внушается: перебери оружія, а перебирай, чтобъ устоять. Потому, когда все перебрано, а врагъ еще стоитъ, не значитъ: бросай оружія, и бѣги, или отдавайся въ плѣнъ; а: все перебирай оружія, пока одолѣешь врага и устоишь. Во второмъ—такая: борясь съ искушеніями,—приражёніями страстей,—когда и увидишь, что врагъ отошелъ уже, не оставляй

труда надъ собою, но потрудись изгладить изъ сердца всякій слѣдъ искушенія, чтобы вполнѣ возставилось то мирное устроеніе сердца, какое было въ немъ до начала искушенія. Послѣдній пріемъ у св. подвижниковъ особенно поставляется на видъ борцамъ: ибо имъ отсѣкается повтореніе бывшаго искушенія, которое, если оставленъ слѣдъ его въ сердцѣ, скоро можетъ возвратиться.

„Вся, говоритъ, *содѣявше*, а не такъ, чтобы одно что нибудь исполнить, а другаго нѣтъ“ (св. Злат.). И содѣявши такъ все, *стати*. Когда началось искушеніе, надо ему противостоять, а когда прогнано, стоять,—не сложа руки, а въ той же бодренности, смотря во всѣ глаза и во всѣ стороны, чтобъ не подкрался врагъ опять откуда нибудь. Апостолъ хочетъ этимъ сказать: не слагай оружій, все продолжай стоять во всеоружіи. Или то имѣетъ въ виду показать, что то и побѣда, когда устоишь на мѣстѣ. Таковъ врагъ нашъ, что убить его мы не можемъ; и онъ имѣетъ въ цѣли не то, чтобы убить насъ, а чтобъ увлечь на свою сторону. Потому, когда мы устояли, это значитъ, что мы одолѣли врага.

Ту и другую мысль пространно излагаетъ св. Златоустъ: „*Вся*, говоритъ, *содѣявше стати*, т. е. стоять послѣ того, какъ побѣдимъ и страсти и пожеланія и все, что причиняетъ намъ зло. Надо не только одолѣть, но и одолѣвши стоять; а то случалось, что многіе, одержавши побѣду, тотчасъ падали. И послѣ побѣды потребна бодрость; иначе то, что тебѣ удалось низложить, снова можетъ подняться. Если мы не стоимъ, возстаетъ то, что нами низложено. Когда же мы стоимъ, то оно не поднимается отъ паденія. Пока мы бодрствуемъ, побѣжденный нами врагъ не воскреснетъ. Стой бодро по окончаніи борьбы, и ты побѣдитель. Не должно ослабѣвать и послѣ побѣды. Въ самомъ дѣлѣ, если у насъ идетъ война; если противъ насъ составляются такія

ополченія; если онѣ состоятъ изъ безплотныхъ началъ и міродержителей и духовъ злобы, то скажи, пожалуй, какъ можно предаваться нѣгѣ? Какъ можно быть разсѣяннымъ? Можно ли побѣдить, не будучи вооруженнымъ? Пусть каждый размышляетъ объ этомъ всякій день, когда имъ овладѣваетъ гнѣвъ, одолѣваетъ его похоть, когда пожелаетъ онъ этой изнѣженной и безпорядочной жизни. Кто борется, тотъ еще встрѣчаетъ препятствія; за то, какъ онъ счастливъ, если не падетъ! Побѣда бываетъ блистательнѣе тогда, когда была борьба. Напримѣръ, если тобой овладѣло какое либо злое пожеланіе, то весьма славное дѣло ты сдѣлаешь, если погасишь его. Но, хотя этого въ совершенствѣ и нельзя бы было сдѣлать, все таки мы должны бороться и всегда укрощать себя. Если мы не падемъ во время этой борьбы, то мы будемъ побѣдителями. Здѣсь не такъ, какъ у атлетовъ. Тамъ до тѣхъ поръ не сдѣлаешься побѣдителемъ, пока не повергнешь на землю другаго; а здѣсь только самъ не будь повергнутъ и ты побѣдитель; ты уже одолѣлъ, если тебя не опрокинули. И дѣйствительно! Тамъ оба бьются о побѣдѣ, и, если одинъ упадетъ, другой получаетъ вѣнецъ. Здѣсь же не такъ; здѣсь діаволъ старается поразить насъ. Итакъ, если мы лишимъ его того, о чемъ онъ заботится, мы побѣдили. Онъ усиливается не низринуть только, но низринуть вмѣстѣ съ собою; стало быть, онъ уже побѣжденъ, такъ какъ онъ уже свергнутъ и находится въ состояніи погибели; онъ заботится о побѣдѣ не съ тѣмъ, чтобы потомъ получить вѣнецъ, но съ тою цѣлію, чтобы погубить меня. Итакъ, я побѣдитель въ томъ случаѣ, когда не буду опрокинутъ (діаволомъ), хотя бы самъ я и не опрокинулъ его. Въ чемъ же состоитъ блистательная побѣда? Въ томъ, чтобы съ крайнимъ презрѣніемъ попирать врага. Сражающійся не знаетъ, какой

конецъ сраженія, и можетъ думать еще: не быть бы самому побѣждену и ранену? А кто попираетъ врага своего, тотъ очевидно одержалъ уже побѣду. Итакъ, будемъ попирать силу діавола, попирая грѣхи: гнѣвъ. похоть, высокомѣріе и всѣ страсти, дабы по отшествіи нашемъ туда, не оказалось, что мы отказались отъ власти, какую получили отъ Бога (т. е. наступать на всю силу вражію). Имѣетъ ли кто недруга, терпитъ ли кто обиду, питаетъ ли кто въ сердцѣ своемъ злобу, пусть онъ соберетъ, и изольетъ всю эту ярость и гнѣвъ на главу діавола. Въ этомъ случаѣ гнѣвъ будетъ дѣломъ добрымъ, негодованіе—полезно, злопамятство—похвально. Имѣй въ сердцѣ своемъ зло противъ діавола и никогда не прекращай вражды съ нимъ. Всегда будь врагомъ, всегда гнѣвливымъ, всегда непримиримымъ съ нимъ. Отъ этого онъ сдѣлается смирнымъ, и не столько опаснымъ.“

Ст. 14. *Станите убо препоясани чресла ваша истиною, и оболкшеся въ броня правды.*

„Устроивъ такое войско, пробудивъ въ немъ воинственный духъ, и ободривъ его, св. Павелъ наконецъ и вооружаетъ это войско. Ибо никакой пользы не будетъ отъ оружія, если прежде не будутъ собраны воины и въ душахъ ихъ не будетъ возбуждено мужество. Сначала надлежитъ вооружить ихъ извнутри, а потомъ уже извнѣ. Если такъ бываетъ въ отношеніи къ воинамъ, сражающимся противъ внѣшнихъ враговъ, то тѣмъ болѣе такъ должно быть въ отношеніи къ воинамъ духовнымъ, которымъ нисколько не свойственно вооружаться съ внѣшней стороны, но все ихъ вооруженіе должно быть со стороны внутренней. И Апостолъ пробудилъ въ собранныхъ имъ воинахъ воинственный духъ, воспламенилъ его, придалъ имъ смѣлости, поставилъ ихъ въ добромъ порядкѣ, и теперь вооружаетъ ихъ. Но смотри, какъ облекаетъ ихъ въ самое оружіе.

„*Станите убо*, говоритъ онъ. Первое дѣло строевыхъ—умѣть хорошо стоять: отъ этого зависитъ многое. Почему и Апостолъ не рѣдко бесѣдуетъ о томъ, что должно стоять. Такъ, напримѣръ, и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *стойте*, *бодрствуйте* (1 Кор. 16, 13). И опять: *тако стойте о Господѣ* (Фил. 4, 1). Или еще: *мняйся стояти*, *да блюдется*, *да не падетъ* (1 Кор. 10, 12). Но замѣть, что не о простомъ какомъ нибудь говоритъ онъ стояніи, а о стояніи благочинномъ. Опытные въ воинскихъ дѣлахъ понимаютъ, что значитъ умѣнье стоять. Кто прямо стоитъ, тотъ стоитъ не развлекаясь, и ни къ чему не наклоняясь. Въ стояніи видна точная прямота. Итакъ, дѣйствительно, прямые стоятъ. А кто не стоитъ, тѣ не могутъ сохранить прямаго положенія, развлекаются и предаются разсѣянности. Тотъ, кто ищетъ удовольствій, находится не въ прямомъ положеніи, а въ наклонномъ, равнымъ образомъ и сребролюбецъ, и человѣкъ сладострастный. Умѣющему стоять самое стояніе можетъ служить какъ бы нѣкоторой опорой, и все, касающееся борьбы, ему представится легкимъ“ (св. Злат.).

Кого же именно въ духовномъ смыслѣ можно почитать стоящимъ? Припомнимъ, что выше говорилось: *востани спяй*. Это воззваніе—къ грѣшнику спящему. Когда пробуждается онъ; то возжелавъ лучшаго, рѣшается посвятить жизнь свою всю Богоугожденію, во Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, сіе единое имѣя на потребу, и на то единое взоръ свой, всѣ силы и заботы свои устремляя. Вотъ такой—и есть стоящій! Такой только и становится цѣлію для вражескихъ стрѣлъ и нападеній. Такого только и вооружать можно; потому что онъ горитъ желаніемъ все дѣлать, чтобъ достигнуть преднамѣреннаго. У кого же нѣтъ этого, тому что ни говори, все безполезно. Руки не протянетъ онъ, и ноги не дви-

нетъ въ этомъ смыслѣ, потому что не тѣмъ заняты его умъ и сердце.

Принявшему такое стамое положеніе, и всѣ мысли ума и всѣ желанія сердца своего къ Богу устремившему,—что совѣтуетъ прежде всего сдѣлать св. Павелъ? *Препоясать чресла свои истиною.*

И св. Ап. Петръ заповѣдуетъ христіанамъ препоясаніе, именуя его препоясаніемъ помышленій, и уравниваетъ съ трезвеніемъ (1 Петр. 1, 13). Мысли грѣшника непрестанно блуждаютъ, и никогда не постоятъ на одномъ. Это броженіе помышленій дѣлаетъ его безсильнымъ нравственно, и вмѣстѣ открываетъ его всѣмъ приpаженіямъ и злокозненностямъ врага. Вмѣстѣ съ бродящими въ головѣ мыслями и образами пробирается туда и врагъ, и начинаетъ строить свои призрачные планы и увлекать на страстное и грѣховное. Грѣшникъ думаетъ, что все то его построеніе собственное, а оно все вражье, и, исполняя то, онъ врагу служитъ. Когда покается онъ, и станетъ, какъ показано, первая его забота должна быть — остановить броженіе помысловъ, чтобъ преградить врагу всякій къ себѣ доступъ: ибо онъ чрезъ помыслы подходитъ. Останавливается броженіе помысловъ трезвеніемъ, — которое есть постоянное вниманіе ума къ движеніямъ помысловъ съ цѣлію не допускать ни одного недобраго. Это и есть препоясаніе помышленій св. Ап. Петра.

Св. Павелъ велитъ препоясать ихъ истиною. Самое дѣйствительное средство! Отчего блуждаетъ умъ въ пустомысліи и мечтахъ? Оттого, что пустъ. Пустъ онъ,—а между тѣмъ быстродвиженъ по природѣ, и безъ занятія быть не можетъ. Какъ нечѣмъ дѣльнымъ заняться, онъ и пускается въ пустомысліе,—пустое броженіе мыслей и мечты. Наполните его истиной, — и вмѣсто пустыхъ мечтаній онъ будетъ переходить созерцаніемъ отъ

одной истины къ другой. Тогда *и* движеніе быстрое помысловъ прекратится; ибо всякая истина будетъ удерживать на себѣ вниманіе не на одно мгновеніе, а надолго, иногда часы и дни, мѣсяцы и годы; *и* врагу доступъ пресѣчется; ибо онъ ложь есть и не можетъ показываться тамъ, гдѣ царствуетъ истина; лучи ея, какъ молніи, поражаютъ его.

Какъ умъ наполнить истиною?! Пересмотри все содержаніе христіанскаго ученія,—каждую истину уясни, обставь приличными основаніями, возведи до убѣжденія и углуби ее въ умъ. Такъ истина за истиною будетъ влагаться въ умъ и проникать его; наконецъ и всѣ войдутъ туда, и содержаніе ума отождествится съ содержаніемъ Богооткровенныхъ истинъ. Отъ этого онъ будетъ преисполненъ здравыхъ понятій и сужденій о всемъ сущемъ и бывающемъ, и станетъ крѣпокъ самъ въ себѣ, такъ что его ничѣмъ не собьешь. Врагъ чѣмъ беретъ? Представляетъ призракъ истины и добра, и увлекаетъ. Но кто вѣдаетъ истину полно, тотъ сразу разоблачитъ призрачность лжи и отразитъ тѣмъ нападеніе. Исполненный такимъ образомъ истиною силенъ бываетъ какъ и тотъ, кто опоясанъ. Опоясываются затѣмъ, чтобъ стать крѣпче. И тотъ, кто истиною исполняется, становится крѣпкимъ, будто опоясывается. Такова и есть цѣль слова Апостольскаго. Воинъ духовный непобѣдимъ, когда полонъ истины.

Св. Златоустъ говоритъ: „Не о чувственномъ препоясаніи говоритъ Апостолъ; въ этомъ мѣстѣ онъ выражается иносказательно. Что же это значитъ? Человѣка разсѣяннаго, преданнаго пожеланіямъ, у котораго помыслы устремлены долу, онъ обуздываетъ посредствомъ опоясанія. Когда онъ опоясываетъ чресла, то тѣмъ самымъ укрѣпляетъ нашу душу; потому что онъ разумѣетъ не тѣлесныя чресла, но чресла въ смыслѣ духовномъ. И

какъ тѣлесныя чресла служатъ основаніемъ (скрѣпою) для нижнихъ и верхнихъ частей тѣла, такъ точно и духовныя чресла. Чтобы намъ удобнѣе было бѣжать, мы опоясываемъ себя: это обезопашиваетъ нашу силу. Пусть то же, говоритъ Апостолъ, наблюдается и въ отношеніи къ душѣ; и тогда во всѣхъ дѣлахъ своихъ мы будемъ имѣть болѣе силы. Тѣлесныя чресла мы опоясываемъ поясомъ; а здѣсь чѣмъ? Главою нашихъ помысловъ, т.-е. истиною. Итакъ оставимъ всякую ложь, будемъ поступать во всемъ по истинѣ. Будемъ ли искать славы,—но славы истинной, или желать жизни,—но жизни истинной. Если мы оградимъ себя этимъ, т.-е. опояшемся истиною, то никто насъ не одолѣетъ.—Препоясанный истиною, во-первыхъ, никогда не почувствуетъ изнеможенія; во-вторыхъ, хотя бы онъ и утомился, то получитъ подкрѣпленіе въ той же истинѣ. Въ самомъ дѣлѣ, заставитъ ли его страдать бѣдность? Нисколько. Помышленіе объ истинномъ богатствѣ успокоитъ его, а бѣдность напомнитъ ему объ истинной нищетѣ—духовной. Не покажется ли ему тяжкимъ рабство? Ни мало. Ибо онъ знаетъ истинное рабство.—Болѣзнь? И она—нѣтъ.— Быть препоясаннымъ, значитъ имѣть бодрствующую душу. Чтобы стоять мужественно, для этого нужно опоясаться. Препояшемъ же и мы себя (подобно Израильтянамъ предъ выходомъ изъ Египта, вкушавшимъ пасху опоясавшись). Ибо и мы также хотимъ выдти, и много потомъ придется испытать намъ трудностей. Когда мы проходимъ чрезъ эту грѣховную область, тотчасъ является діаволъ, начинаетъ хитрить, употребляетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы людей, которые избавились отъ Египта (грѣха и страстей), перешли Чермное море (въ слезахъ покаянія), освободились отъ демоновъ и неисчислимыхъ бѣдъ,—взять и погубить. Но да не унываемъ. И у насъ есть столпъ огненный. Это благодать Духа. Нашимъ исхо-

домъ предводительствуетъ не Моvсей, а Iисусъ.—Будемъ ходить благопрепоясанные, чтобъ одолѣть враговъ."

Оболкшеся въ броня правды. Воины надѣваютъ броню—многосоставныя латы Ударъ врага, падая на нее, не проходитъ до тѣла и раны не причиняетъ. Это—многопомощное оружiе! Нужно имъ облечься и духовному воину. Что же здѣсь броня? Правда. Правда здѣсь—праведность, всякое правое доброе и святое расположенiе сердца. Чтобы видѣть, какъ совокупность такихъ расположенiй составляетъ броню, отражающую удары, приведемъ на память, какъ дѣйствуютъ вражескiя искушенiя. Размахъ вражескаго меча—есть нанесенiе помысла, въ надеждѣ, что въ сердцѣ отзовется ему сочувствiе, на основанiи котораго онъ потомъ состроитъ сильное искушенiе. Представляется, напримѣръ, лице оскорбившее: это вражескiй взмахъ меча. Когда на это въ сердцѣ отзовется непрiязненное чувство къ оскорбившему: это значитъ, что мечъ прошелъ до тѣла души и уранилъ ее. Подскакиваетъ тогда врагъ къ душѣ и воздымаетъ въ ней цѣлую бурю враждованiя и мстительности. Но когда въ сердцѣ лежитъ постоянное расположенiе прощать обиды и держать себя всегда въ тихой кротости и мирности со всѣми, тогда сколько врагъ ни напрягайся представлять душѣ въ помыслахъ лица оскорбившiя, въ сердцѣ никакого отзвука имъ не будетъ, а слѣдовательно врагу не къ чему будетъ приплесть и свое искушенiе. Ударъ его меча отскочитъ отъ сердца, какъ отъ воина, облеченнаго въ броню. Такъ вообразите, что въ сердцѣ положены всѣ добрыя расположенiя, возлюблены имъ и составляютъ предметъ его драгости и блюденiя, какъ сокровища: тогда какiя бы хитрости врагъ ни употреблялъ насѣять въ душу возбудительные помыслы, пользы ему отъ этого никакой не будетъ, потому что отъ нихъ никакого не останется слѣда въ душѣ. Помыслы, при

всемъ препоясаніи ихъ трезвеніемъ, вниманіемъ и бодренностію, могутъ проскользать; потому Апостолъ и не удовольствовался однимъ препоясаніемъ; а велѣлъ надѣвать и броню—въ сердцѣ внѣдрить всѣ святыя расположенія, чтобы хоть и прокрадутся какъ либо помыслы, никакого отъ нихъ худаго воздѣйствія не произошло въ сердцѣ.

Эту духовную броню,—многосоставныя духовныя латы,—св. Павелъ часто изображалъ въ своихъ посланіяхъ. Такъ въ посланіи къ Колоссаемъ пишетъ онъ: *облецытеся во утробы щедротъ, благость, смиренномудріе, кротость и долготерпѣніе,—прощающе——надъ всѣми—стяжите любовь—и миръ Божій да водворяется въ сердцахъ вашихъ* (Кол. 3, 12—15). Подобно сему и св. Ап. Петръ сцѣпляетъ такую духовную броню: *тщаніе все привнесше, подадите въ вѣрѣ вашей добродѣтель, въ добродѣтели же разумъ, въ разумѣ же воздержаніе, въ воздержаніи же терпѣніе, въ терпѣніи же благочестіе, во благочестіи же братолюбіе, въ братолюбіи же любовь* (2 Петр. I, 5—7). И вообще кто облеченъ въ броню правды, тотъ о томъ только и помышляетъ, *елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика доброхвальна, аще кая добродѣтель и аще кая похвала* (Фил. 4, 8).—Кто такъ огражденъ, того какой вражій ударъ поранить сможетъ?!

Такія добрыя расположенія всѣ въ естество наше вложены, какъ учитъ св. Макарій *), въ самомъ созданіи: но прившедшія страсти помрачили ихъ и прикрыли. Слѣдуетъ только возочистить ихъ, сбросивъ налегшій на нихъ срамный покровъ. Это совершается уже въ первой рѣшимости благоугождать Богу возлюбленіемъ всякой добродѣтели. Хотя онѣ не бываютъ еще внѣдрены, но

*) Св. Антоній называетъ ихъ нашимъ воинствомъ. Упражняй только ихъ, и пребудешь непобѣдимъ. Глл. 3 и 39 изъ 170.

возжеланіе ихъ замѣняетъ мѣсто внѣдренія, и хотя съ болію, но все-таки всякій разъ отражаетъ ударъ, и воина представляетъ непобѣжденнымъ. Въ этомъ смыслѣ говоритъ о семъ и св. Златоустъ: „какъ броня хранитъ отъ пораненій, такъ и правда спасаетъ насъ.“ Правдою же называетъ здѣсь всякую вообще добродѣтель. Какъ бы такъ было сказано: „внѣдривши въ свое сердце праведныя намѣренія и предпріятія.“ О такихъ людяхъ и Христосъ говоритъ: *блажени алчущіи и жаждущіи правды, яко тіи насытятся* (Мѳ. 5, 6). „Кто оградилъ свое сердце правдою, тотъ такъ же бываетъ крѣпокъ, какъ и самая броня.“—О тѣхъ же, въ сердцѣ коихъ уже дѣйствительно внѣдрены всѣ добрыя расположенія, св. Златоустъ говоритъ ниже: „*праведный, яко левъ, уповая* ходитъ (Притч. 28, 1). Кто облеченъ въ такую броню, тому нечего бояться вражескихъ полчищъ. Напротивъ, онъ смѣло можетъ идти въ самую среду непріятелей.“

Ст. 15. *И обувше нозѣ во уготованіе благовѣствованія мира.*

„Выраженіе, не совсѣмъ понятное,“ замѣчаетъ св. Златоустъ. Еслибъ св. Павелъ писалъ наставленіе проповѣдникамъ Евангелія, то слова эти были бы понятны сами собою. Но какъ онъ пишетъ общія всѣмъ христіанамъ правила брани, благовѣстіе же Евангелія нельзя поставлять въ общую всѣмъ обязанность, то его здѣсь и не слѣдуетъ разумѣть. И св. Златоустъ не настаиваетъ на этомъ, выставляетъ только какъ предположеніе: „разумѣетъ здѣсь Апостолъ *или* готовность къ благовѣстію.“ Или, т. е. можетъ быть.—Нельзя разумѣть здѣсь и добродѣтели миролюбія, какъ бы такъ: будьте готовы и всегда ревнуйте сохранять миръ со всѣми: ибо миролюбіе заключается уже въ бронѣ правды. Можно бы—понимать слово *миръ* не какъ указаніе на особую добродѣтель, а какъ обозначеніе качества Евангелія умиро-

творительнаго, и потому заключающагося уже въ словѣ *Евангелія*, такъ что и сего одного слова,—т. е. Евангелія — достаточно бы было для выраженія мысли, — можно бы разумѣть здѣсь готовность жить по Евангелію. Св. Златоустъ и другіе—наши толковники на этой мысли больше и останавливаются. Такъ св. Златоустъ говоритъ: „подъ уготованіемъ благовѣствованія разумѣется самый лучшій образъ жизни." Что это за лучшій образъ жизни, сказываетъ онъ ниже: „будемъ вести себя достойно Евангелія, будемъ поступать такъ, чтобы вся жизнь и дѣла наши были чисты въ теченіе всего нашего земнаго поприща."—Но твердая рѣшимость на такую жизнь,—готовность,—заключается уже во внушеніи: *станите,* и составляетъ существенную черту стоянія. Частныя же добродѣтели, въ которыхъ проявляется сія готовность, заключаются уже въ бронѣ правды.— Приходится или оставить нерѣшеннымъ, что именно разумѣетъ здѣсь св. Павелъ, или придумать еще какое либо предположеніе.

Рѣшаемся на послѣднее, и беремъ въ руководство слово св. Златоуста, который говоритъ: „Или, — если это объясненіе, — т. е. пониманіе здѣсь готовности къ благовѣстію, — невѣрно, — (Апостолъ) хочетъ сказать, чтобы они (Ефесяне) готовились къ исходу."—Память объ исходѣ, или о смерти, съ заботливымъ приготовленіемъ къ ней, у всѣхъ подвижниковъ, — неутомимыхъ борцовъ съ врагами нашего спасенія,—почитается самымъ могущественнымъ средствомъ къ отраженію вражескихъ стрѣлъ. Не она ли точно и разумѣется здѣсь? только надобно выяснить всѣ соприкосновенныя сей памяти проявленія духовной жизни.—Память о смерти не есть голая память. Она содержитъ въ себѣ переселеніе сердцемъ изъ сей жизни въ другую. Помнятъ о смерти не затѣмъ только, чтобы пугать себя, но чтобы ни къ

чему временному не привязываться, потому что какъ бы оно велико ни было, нынѣ или завтра его надо оставить. Сердце ни къ чему здѣсь не привязанное отбросило всѣ вкусы земные, а находитъ вкусъ только въ неземномъ, и тѣмъ услаждается. У кого таково сердце, тотъ тѣломъ здѣсь живетъ, а сердцемъ на небѣ въ другой жизни. Но такое настроеніе есть существо Евангелія. Ибо Господь говоритъ, то что царство Его внутрь насъ есть, то что оно не отъ міра сего. Кто въ сердцѣ, — тотъ внутрь и есть, и кто сердцемъ въ другомъ мірѣ живетъ, тотъ уже не отъ міра сего есть. Не въ царствѣ же ли онъ, которое указалъ Спаситель, и о коемъ благовѣствуетъ Евангеліе?

Возьмемъ другой нѣсколько ходъ мыслей. Тѣмъ, которые рѣшаются идти въ слѣдъ Господа, что Онъ заповѣдуетъ во первыхъ? *Да отвергнутся себе.* По ходу рѣчи слово сіе значитъ: возлюбить путь Господень и рѣшиться вѣрнымъ ему пребыть до положенія живота. Оно требуетъ готовности на всякія жертвы, на всякаго рода лишенія и страданія и даже на смерть. У св. подвижниковъ часто слышится завѣтъ: хочешь успѣшно течь путемъ Господнимъ?—Умри напередъ.

Собираемъ всѣ эти мысли во едино, и говоримъ: таковъ духъ жизни по Евангелію, что онъ требуетъ мертвости всему земному, и переселенія сердцемъ въ иную жизнь, съ готовностію на всякія лишенія и даже смерть. Кто такъ настроился, тотъ уготовился къ жизни по Евангелію;—исполнилъ то, что внушаетъ Апостолъ, заповѣдуя обуть ноги въ готовность, требуемую Евангеліемъ *). Кто таковъ, тотъ не досязаемъ для стрѣлъ вражіихъ.—Какая стрѣла достанетъ то сердце, которое

*) Благовѣствованіе мира,—Евангеліе мира. Уготованіе благовѣствованія мира будетъ готовность къ Евангелію мира—т. е. къ жизни по Евангелію мира. Евангеліемъ же мира названо оно, поколику даетъ миръ.

на небѣ? Или какая чувствительная рана можетъ быть нанесена тому, кто умеръ,—и держитъ себя въ недвижимой мертвости?

Остановиться на такомъ пониманіи словъ Апостола заставляетъ и самый строй рѣчи его. Препоясавъ воина духовнаго истиною, онъ преобразовалъ его умъ; облекши его въ броню правды—онъ преобразовалъ его волю. Ожидается, что скажетъ о преобразованіи сердца. Указанное нами настроеніе и есть дѣйствительное его преобразованіе, и вмѣстѣ съ первыми двумя самое сильное средство къ отраженію врага. Но что всѣ эти три орудія должно истолковать такъ, чтобы понятія, въ нихъ влагаемыя, состояли въ соотвѣтствіи (были координаты); этого требуетъ образъ выраженія:—*препоясавше,—оболкшеся,—обувше*.

Примѣнимъ къ обуви указанное настроеніе сердца. Кто босъ, или плохо обутъ, тотъ робко ступаетъ, боясь боли отъ неровностей пути. А кто обутъ хорошо, тотъ смѣло ступаетъ и по колчамъ, и по кремнистымъ, и по усѣяннымъ колючками стезямъ. Таковъ, кто всему земному умеръ и сердцемъ живетъ на небѣ, съ готовностію на лишенія и смерть. Смѣло идетъ онъ, ничего не боясь; ибо на все уже уготовился, и ничего нельзя придумать, на что бы онъ не былъ готовъ. А кто еще живетъ на землѣ и земные питаетъ вкусы, интересы и надежды. тотъ непрестанно охаетъ и вскрикиваетъ, будто на колючки ступаетъ.

Ст. 16. *Надъ всѣми же, воспріимше щитъ вѣры, въ немже возможете вся стрѣлы лукаваго разжженныя угасити.*

Слѣдуетъ новый рядъ оружій духовныхъ—щитъ вѣры, шлемъ спасенія, мечъ духовный. И ихъ, судя по обороту рѣчи, надлежитъ истолковать такъ, чтобы понятія, ими подаваемыя. состояли въ соотвѣтствіи (были тоже координаты) между собою. И не только это,—но и въ

извѣстномъ соотношеніи съ тремя предыдущими. Полагать можно, что щитъ вѣры имѣетъ соотношеніе съ обутіемъ ногъ въ сказанную готовность, шлемъ спасенія—съ облеченіемъ въ броню правды, мечъ духовный, — глаголъ Божій,—съ препоясаніемъ истиною. Идутъ въ восходящемъ порядкѣ. Если первый рядъ орудій весь— указываетъ, что должно быть отъ насъ, то второй укажетъ, что есть отъ Бога и порядка спасенія, Имъ учрежденнаго. Такъ будемъ вести и толкованіе.

Надъ всѣми,—поверхъ всѣхъ этихъ трехъ надложите новый рядъ орудій, поверхъ каждаго особое. Во первыхъ, *воспріимите щитъ вѣры*. „Подъ вѣрою здѣсь разумѣетъ Апостолъ не исповѣданіе истинъ вѣры (познаніе догматовъ), но ту, которая несомнѣнно вѣруетъ въ будущее, какъ въ настоящее, можетъ совершать знаменія и горы преставлять" (Θеоф.). „Вмѣсто щита да будетъ у васъ вѣра; потому что она указуетъ вамъ всемогущаго Бога, она открываетъ награды за брань, провозглашеніе побѣдителями и вѣнцы за доблести" (Θеод.). Можно ее и такъ опредѣлить: дѣтская увѣренность въ Богѣ, столь тѣсно съ Нимъ соединяющая, что не раздѣляетъ себя отъ Него и Его отъ себя. Оттого она и всесильна; ибо въ ней дѣйствующимъ является Самъ Богъ, Который и даетъ ее. Св. Златоустъ говоритъ о такой вѣрѣ: „весьма справедливо Апостолъ называетъ вѣру щитомъ. Подобно тому, какъ щитъ застѣняетъ собою все тѣло, дѣлаясь какъ бы стѣною,—и вѣра защищаетъ насъ такимъ же образомъ. Ибо все ей уступаетъ. Ничто не въ силахъ разорвать сего щита. Послушай, что говоритъ Христосъ Господь Своимъ ученикамъ: *аще имате вѣру, яко зерно горушно, речете горѣ сей: прейди отсюду тамо, и прейдетъ* (Мѳ. 17, 20)."

Чтобы лучше уяснить себѣ, что это за вѣра, сдѣлаемъ нѣсколько выписокъ о ней изъ св. Исаака Си-

ріанина. „Подъ вѣрою разумѣемъ не основаніе общаго всѣмъ исповѣданія, но оную мысленную силу, которая свѣтомъ ума подкрѣпляетъ сердце, и свидѣтельствомъ совѣсти возбуждаетъ въ душѣ великое упованіе на Бога, чтобы не заботилась она о себѣ самой, но попеченіе свое во всемъ беззаботно возвергла на Бога“ (Сл. 44, стр. 275). „Душа, однажды съ вѣрою предавшая себя Богу и многократнымъ опытомъ извѣдавшая Его содѣйствіе, не заботится уже о себѣ, но связуется изумленіемъ и молчаніемъ. Кто послѣдуетъ такой вѣрѣ, тотъ вскорѣ дѣлается свободенъ и самовластенъ, и какъ сынъ Божій всѣмъ пользуется самовластно. Возлюбившій вѣру сію, какъ Богъ, распоряжается всякимъ тварнымъ естествомъ. Многіе по вѣрѣ входили въ пламень, обуздывали сожигательную силу огня, и невредимо проходили посреди его, и по хребту моря шествовали, какъ по сушѣ. Сокровищъ вѣры не вмѣщаетъ ни земля, ни небо. Ничего никогда не утрачиваетъ тотъ, у кого сердце подкрѣпляется вѣрою. И когда ничего не имѣетъ, все содержитъ онъ вѣрою (2 Кор. 6, 10), какъ написано: *вся, елика воспросите въ молитвѣ вѣрою, пріимете* (Мѳ. 21, 22); и еще: *Господь близъ. Ни о чемже пецытеся* (Фил. 4, 6). *Вся возможна вѣрующему* (Мр. 9, 23), потому что для Бога ничего нѣтъ невозможнаго. Какое неизреченное богатство!“ (Сл. 25, стр. 172—78). „Вѣра говоритъ: на всякое дѣло довлѣетъ для меня Того, Кому единожды предалъ я душу свою. Меня нѣтъ здѣсь; Онъ это знаетъ. Кто таковъ, за таковымъ послѣдуетъ благодать, и открываетъ ему силу Свою въ различныхъ вспоможеніяхъ, сперва въ этомъ явномъ, касающемся тѣла, а потомъ и въ разсужденіи сокровеннаго, открываетъ предъ нимъ хитросплетеніе помысловъ, и прелесть ихъ,—посрамляетъ предъ очами его всю злокозненность демоновъ“ (Сл. 49, стр. 316, 317).

Святый же Златоустъ говоритъ, что такая вѣра повелѣваетъ демонами. Вотъ какой обезопашивающій щитъ есть она!

Трудно намъ вмѣстить такія сужденія о вѣрѣ. Такъ она далека отъ насъ, или мы отъ нея. Можемъ однакожъ догадываться, что такова она отъ сорастворенія сознанія съ Господомъ, со святою Церковію и со всѣми святыми. Она чувствуетъ въ себѣ, что не одна, а что и Господь съ нею, съ нею Ангелы и Святые Божіи. Оттого чувствуетъ себя столько сильною, сколько сильна Церковь и сколько могуществень Господь. *Богомъ моимъ* говоритъ, *прейду стѣну. Аще пойду посредѣ сѣни смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси. Аще Богъ по насъ, кто на ны?*!

И то не можемъ не понять, что такой вѣры нельзя себѣ набить самому, думаніемъ о ней или желаніемъ ея. Она есть плодъ того, что Господь дѣйствительно принимаетъ душу въ десницу Свою, дѣйствительно исполняетъ ее Своею силою, дѣйствительно прививаетъ ее живо къ живымъ членамъ живаго тѣла Своего. Сила Господа, Главы Церкви, и сила всего тѣла Его Церкви отражается въ ней. Она и сильна. Вотъ истинный щитъ!

Разжженныя стрѣлы суть внутреннія и внѣшнія искушенія, сильныя и рѣшительныя, какъ бы послѣднія усилія врага, гдѣ онъ совмѣщаетъ всю свою злокозненность. Ихъ нельзя опредѣлить именно; потому что они измѣняются соотвѣтственно лицу, по обстоятельствамъ его. Для одного—одно, а для другаго—другое бываетъ разжженною стрѣлою. Св. Златоустъ говоритъ: „стрѣлами лукаваго Апостолъ назвалъ какъ искушенія (внѣшнія), такъ и неистовыя пожеланія, а словомъ: *разжженныя*—означилъ свойство ихъ. Много помысловъ, волнующихъ душу, много сомнѣній и неразрѣшимыхъ вопросовъ; но истинная вѣра на все даетъ успокоительный

отвѣтъ. Много внушеній, которыми діаволъ, воспламеняя душу, повергаетъ ее въ разнаго рода недоумѣнія. Напримѣръ, говорятъ: есть ли воскресеніе? Есть ли судъ? Есть ли воздаяніе? Имѣй только щитъ вѣры, и ты угасишь имъ стрѣлы діавола. Возникло ли въ тебѣ какое либо неистовое желаніе? Запылались внутри тебя огнемъ лукавые помыслы? Покажи врагу вѣру въ грядущія блага, и онъ болѣе не покажется, мало того: погибнетъ. *Вся*, говоритъ, *стрълы*, а не такъ, чтобы однѣ угасить, а другія нѣтъ. Видишь ли сколько стрѣлъ угасили нѣкогда праведники? Въ насъ воюютъ помыслы: пошлемъ впередъ вѣру. Насъ обуреваютъ неистовыя пожеланія, призовемъ на помощь вѣру. Мы находимся въ трудныхъ обстоятельствахъ и несчастіи: будемъ искать утѣшенія въ вѣрѣ. Вѣра есть то, чѣмъ оберегается всякое оружіе. Если ее потеряемъ, то и оружіе (всякое) тотчасъ сокрушится. *Надъ всъми*, сказано, *воспріимше щитъ въры*. Надъ всѣми: надъ чѣмъ же именно? И надъ истиною, и надъ правдою, и надъ уготованіемъ благовѣствованія. Значитъ тѣ нуждаются въ вѣрѣ.“

Этотъ щитъ вѣры стоитъ въ прямомъ соотношеніи съ предыдущимъ обутіемъ ногъ—или готовностію на все, съ отрѣшеніемъ отъ всего. Та готовность пролагаетъ путь къ воспріятію сей вѣры; а вѣра эта запечатлѣваетъ ту готовность.

Ст. 17. *И шлемъ спасенія воспріимите, и мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій.*

Возложить шлемъ на голову, въ посланіи къ Солунянамъ истолковано: воспріять *упованіе спасенія* (1 Сол. 5, 8). Если тоже толкованіе приложить и къ настоящему мѣсту, то шлемъ спасенія будетъ тоже, что предыдущій—щитъ вѣры. Св. Златоустъ такъ это и понимаетъ. Онъ говоритъ: „*и шлемъ спасенія воспріимите*, т. е. вы не иначе можете достигнуть окончательной

безопасности и избѣжать всякой бѣды, какъ посредствомъ вѣры. Какъ шлемъ охраняетъ голову отъ всякихъ ударовъ и ранъ, потому что укрываетъ ее со всѣхъ сторонъ, такъ и вѣра, кромѣ того, что служитъ вмѣсто щита, замѣняетъ еще собою шлемъ спасенія.“

Но если, какъ нельзя не согласиться, всякое изъ предлагаемыхъ Апостоломъ оружій есть особое оружіе, то и подъ шлемомъ спасенія надо разумѣть что-либо другое отъ щита вѣры. И самъ св. Златоустъ не удовольствовался предыдущимъ толкованіемъ, а предложилъ новое. Беретъ онъ голову души, и для ней опредѣляетъ шлемъ. Голова души—умъ. Голову тѣлесную покрываетъ шлемъ, а умъ—голову душевную—Божественныя созерцанія, въ которыя вступаютъ по очищеніи отъ страстей, или по погашеніи всѣхъ огненныхъ стрѣлъ лукаваго. Вотъ слова его: „Когда стрѣлы лукаваго (злые помыслы) будутъ угашены, то на мѣсто ихъ будемъ имѣть помыслы, которые станутъ охранять владычественное (умъ) въ насъ, и не допустятъ, чтобъ оно страдало какимъ-либо недугомъ. Ибо, когда угасишь одни—противные помыслы, то въ замѣнъ ихъ непремѣнно возникаютъ въ насъ другіе, которые спасаютъ и внушаютъ надежду. И какъ шлемъ голову, такъ они будутъ укрывать владычественное въ насъ.“ Тоже повторяютъ и Экуменій съ Ѳеофилактомъ. Въ правилахъ св. Василія Великаго противъ каждой страсти прописывается, какъ самое могущественное средство, Божественное созерцаніе, т. е. память или сознаніе Божественнаго вездѣприсутствія, и помышленіе о Божескихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ, и особенно объ устроеніи нашего спасенія: что все можно назвать спасительнымъ Богомысліемъ. Оно всю душу облекаетъ свѣтомъ, на который діаволъ взглянуть не можетъ, и увидѣть души, чтобъ нанесть ей ударъ.

Но посмотримъ всѣ выраженія Апостола. Когда онъ

говоритъ: препояшьте чресла истиною, мы разумѣемъ: поясъ—истина. Когда говоритъ: облекитесь въ броню правды, мы разумѣемъ: броня—правда. Когда говоритъ: обуйтесь въ уготованіе, мы разумѣемъ: обувь—готовность на всякія жертвы и самую смерть. Когда говоритъ: воспріимите щитъ вѣры, мы разумѣемъ: щитъ—вѣра. Подходя послѣ всего этого къ словамъ: *шлемъ спасенія воспріимите*, мы, кажется, должны также разумѣть, по подобію разумѣнія предыдущихъ выраженій: шлемъ—спасеніе. Останется только опредѣлительнѣе выразить, что есть спасеніе.

Спасеніе, конечно, есть спасеніе въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Состоитъ оно въ сочетаніи съ Нимъ, какъ Самъ Онъ сказалъ: будьте во Мнѣ и Я въ васъ. Иначе ничего не выйдетъ изъ васъ. *Безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5). Сочетаніе съ Господомъ совершается чрезъ таинства. Первое привитіе Его къ намъ и насъ къ Нему совершается въ таинствѣ крещенія. Поддерживается и углубляется сіе сочетаніе — чрезъ таинства покаянія и причащенія. Существо причащенія таково: *ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ*. Поставимъ эти истины въ наше мѣсто,—и получимъ: шлемъ—спасеніе, т. е. сочетаніе съ Господомъ Спасителемъ въ таинствахъ, и именно, чрезъ частую исповѣдь и причащеніе. Кто такъ будетъ дѣлать, тотъ не можетъ не придти въ сознаніе, что стоитъ подъ Господомъ—Главою, Который и прикрываетъ его прочнѣе и обезопашеннѣе, чѣмъ шлемъ—голову. Впереди говорилось, что щитъ вѣры—есть сила, исходящая отъ сочетанія съ Господомъ и св. Церковію,—Ангелами и Святыми. Теперь выходитъ, что необходимое средство и условіе къ сему сочетанію и углубленію его есть принятіе Св. Таинъ. И это-то означаетъ—*спасеніе*, въ словѣ Апостола: шлемъ спасенія. Потому Апостолъ

и не сказалъ, какъ обычно: σωτηρίας, но: σωτηρίου,— спасительнаго. Что у насъ спасительное? Ничего нѣтъ спасительнѣе таинствъ?! Принимая въ этомъ смыслѣ слово Апостола, получимъ особое, мощное оружіе противъ враговъ. Оно и въ дѣйствіи состоитъ у всѣхъ борцовъ.

Не это ли разумѣлъ и блаженный Θеодоритъ?! Ибо онъ пишетъ: „И *шлемъ спасенія воспріимите.* Самъ Владыка, Христосъ, говоритъ Апостолъ, покроетъ главу вашу, и, какъ бы нѣкіимъ шлемомъ, оградитъ спасеніемъ, чтобы не принимать вамъ ударовъ, наносимыхъ непріязненными.“

Въ этомъ разумѣніи шлемъ спасенія будетъ стоять въ соотношеніи съ бронею правды, подъ которою разумѣется вся совокупность добродѣтелей. Каждой добродѣтели одна надпись: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже во Христѣ Іисусѣ.* Къ кому же это приложимѣе, какъ не къ тому, кто съ Господомъ глубже сочетавается чрезъ таинства, получая чрезъ нихъ и особую благодать на твореніе всякаго добра.

И мечъ духовный, иже есть глаголъ Божій.

Что есть мечъ духовный, изъясняетъ самъ Апостолъ, говоря, что это есть глаголъ Божій, т. е. Богооткровенное слово. Какъ симъ словомъ поражать можно врага, показалъ Самъ Господь, когда, искушаемый въ пустынѣ, всѣ хитросплетенія діавола разсѣкалъ мечемъ слова Божія. Воспріять такой мечъ, значитъ—знать на память Божественныя изреченія, и во время благопотребное износить ихъ изъ сердца, наперекоръ внушеніямъ діавольскимъ. Условіе дѣйственности такого оружія есть не вѣра только и любовь къ слову Божію, но и расположеніе по нему жизни. Поелику такое состояніе благодатію Божіею производится, то произносящій возлюбленное и дѣломъ осуществляемое слово, въ немъ износитъ и благодатную силу, которая опаляетъ врага.

Опытные борцы съ діаволомъ—подвижники,—говорятъ, что если въ часъ искушенія начнешь читать псалмы, и особенно такіе, въ которыхъ говорится что-либо относящееся къ искушенію, то оно тотчасъ исчезнетъ, какъ исчезаетъ дымъ отъ дуновенія вѣтра. Иные говорятъ: собери и содержи въ памяти наготовѣ изреченія Писанія противъ всякой страсти; и когда случится быть искушаему какою, припоминай и читай въ слухъ, если можно, сіи изреченія,—и искушеніе отойдетъ.

Св. Златоустъ говоритъ на это: „Не одинъ щитъ и шлемъ намъ нужно взять, но также и мечъ духовный, дабы не только обезопасить себя отъ стрѣлъ, бросаемыхъ въ насъ діаволомъ, но поразить и его самого. Дѣйствительно, владѣя этимъ мечемъ, душа, бывъ при этомъ еще ограждена отъ разжженныхъ стрѣлъ, можетъ съ полной смѣлостію стать противъ врага и не опасаться за свой успѣхъ; она въ силахъ будетъ, разорвавъ броню непріятеля, убить дракона и отсѣчь ему голову. И самъ Павелъ тѣмъ же мечемъ разсѣялъ и плѣнилъ умыслы діавола. Глаголомъ Божіимъ онъ называетъ здѣсь заповѣдь или ученіе, которое завѣщалъ Іисусъ Христосъ Апостоламъ, и которое они повсюду проповѣдывали, совершая во имя Его чудеса. Будемъ же наблюдать одно: какъ бы сохранить во всемъ заповѣди Божіи. Ибо исполненіе ихъ поведетъ насъ къ тому, что такимъ образомъ мы низложимъ и умертвимъ діавола—этого хитраго змія.“

Въ этомъ разумѣніи мечъ духовный, глаголъ Божій, будетъ стоять въ соотвѣтствіи съ препоясаніемъ истиною, подавая обильный источникъ, откуда почерпать истину. Такъ эти новыя три оружія стали въ параллель съ предыдущими, т. е. союзъ съ Господомъ въ Церкви, что тоже есть, что принадлежаніе православной церкви,—принятіе таинствъ и слово Божіе. Все это имѣетъ

всякій подъ руками, и силою всего пользоваться можетъ къ преодолѣнію вражескихъ паденій.

Не можемъ пропустить безъ вниманія особое пониманіе меча духовнаго, выраженное блаж. Өеодоритомъ. Онъ говоритъ, что „*мечемъ духовнымъ* (τοῦ πνεύματος—Духа) Апостолъ назвалъ дѣйственность Духа, — по которой духовный человѣкъ запрещаетъ діаволу, и обращаетъ его въ бѣгство.“ Мысль та, что духовный человѣкъ, въ которомъ благодать Духа начала явно дѣйствовать, по очищеніи страстей, получаетъ особую силу на бѣсовъ. Почему говоритъ имъ: именемъ Господа Іисуса Христа повелѣваю тебѣ—изыди и ктому не вниди,—и бѣсы бѣжатъ.—Это и есть дѣйственность Духа. Огнь Духа опаляетъ ихъ. Христіанамъ совершеннымъ всегда принадлежала и принадлежитъ такая власть. — Не ее ли и разумѣлъ Апостолъ? Эту мысль, между прочимъ, приводятъ и Экуменій съ Өеофилактомъ.

Ст. 18. *Всякою молитвою и моленіемъ молящеся на всяко время духомъ, и въ сіе истое бдяще во всякомъ терпѣніи и молитвѣ о всѣхъ святыхъ.*

Предшествовавшія два ряда оружій духовныхъ завершаетъ св. Павелъ молитвою. Грамматически сочетавается это послѣднее оружіе съ первыми тремя: тамъ—препоясавше чресла, оболкшеся въ броня, обувше нозѣ, и здѣсь—молящеся. Но по существу дѣла она не менѣе относится и къ послѣднимъ тремъ. Она сопровождаетъ всѣ ихъ и всѣмъ имъ силу придаетъ—Божескую. Въ другомъ мѣстѣ сказалъ св. Павелъ, что оружіе воинствованія нашего сильно Богомъ. Сила сія отъ Бога низводится въ нихъ молитвою. Св. Златоустъ такъ и представляетъ дѣло. Облекъ, говоритъ, воиновъ, теперь приводитъ ихъ къ царю съ прошеніемъ о помощи. „Примѣчай мудрость блаженнаго Павла. Тамъ онъ вооружалъ Ефесянъ, научая и всѣмъ предосторожностямъ. А здѣсь,

въ заключеніе всего, научаетъ, какъ нужно обращаться къ царю и просить, дабы онъ послалъ имъ свою помощь. Ибо сказавши: *всякою молитвою и моленіемъ молитесь*, онъ указалъ на то, что если въ какомъ, то наипаче всего въ этомъ дѣлѣ имѣютъ они нужду въ помощи Божіей. Онъ какъ бы такъ сказалъ: вы этого достигнете, да и все можете совершать неиначе, какъ въ такомъ случаѣ, если станете молиться.“

Указывая на необходимость молитвы, Апостолъ тутъ же указываетъ и на то, какова должна быть молитва, чтобы быть услышанною. *Первое*—молитесь, говоритъ, всякою молитвою и моленіемъ, т.-е., всеусердно, съ болѣзнію сердца, съ пламеннымъ къ Богу устремленіемъ. Св. Златоустъ образецъ такой молитвы указываетъ въ Аннѣ, матери Самуила. „Много, говоритъ, пролила она слезъ. Устыдимся такой женщины! Она молилась о дарованіи ей сына и плакала, а мы просимъ о царствіи небесномъ—и дѣлаемъ это съ какою-то небрежностію!— И *ста*, сказано, *предъ Господомъ* и молилась: *Господи Боже силъ* (Цар. 1, 11). Но слезы лились прежде, чѣмъ она могла что нибудь выговорить. Ими она и надѣялась преклонить къ себѣ милость Божію. Гдѣ слезы, тамъ полное сокрушеніе; а гдѣ сокрушеніе, тамъ много любомудрія и осмотрительности. — Затѣмъ смотри, какое благоговѣніе и въ томъ, что *устнѣ ея двизастѣся, а гласъ ея не слышашеся* (—ст. 13). Съ такимъ расположеніемъ приступаетъ къ Богу человѣкъ, искренно желающій получить просимое. Лѣность, невнимательность, разсѣянность, небрежность, безпечность не имѣютъ въ немъ мѣста.“

Второе—молитесь, говоритъ, *во всяко время*. Этимъ заповѣдуетъ онъ неотступность и неусыпность молитвы. Молитва должна быть не занятіемъ извѣстнаго времени, а состояніемъ духа всегдашнимъ. „Смотри, не ограничивайся однимъ извѣстнымъ временемъ дня. Слышишь,

что говоритъ!—Во всякое время приступай къ молитвѣ, какъ и въ другомъ мѣстѣ сказалъ: *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17). Не слышалъ ли ты о вдовицѣ, какъ она побѣдила судію, благодаря своей неотступности? Не слышалъ ли, какъ одинъ другъ въ самую полночь крѣпко молилъ, и — умолилъ своего друга? Не слышалъ ли и о Хананеянкѣ, какъ она своею неотступною просьбою возбудила къ себѣ участіе въ Господѣ?— Эти люди получили, чего желали, — и каждый потому, что былъ неотступенъ въ своей просьбѣ" (св. Злат.).

Третье — молитесь, говоритъ, *духомъ*, т.-е. молитва должна быть не внѣшняя только, но и внутренняя, умомъ въ сердцѣ совершаемая. Въ этомъ существо молитвы, которая есть ума и сердца къ Богу возношеніе. Св. отцы различаютъ умно-сердечную молитву отъ духовной. Первая творится сознательною самодѣятельностію молящагося, а вторая находитъ и хотя сознается, но движется сама помимо усилій молящагося. Эта молитва духодвижная. Послѣдней нельзя предписывать; ибо она не въ нашей власти. Ее можно желать, искать и благодарно принимать, а не совершать, когда ни захочешь. Впрочемъ у людей очищенныхъ молитва большею частію бываетъ духодвижною. Надо потому полагать, что Апостолъ предписываетъ умно-сердечную молитву, когда говоритъ: молитесь духомъ. Можно прибавить: молитесь умносердечно, съ желаніемъ достигнуть и духодвижной молитвы. Такая молитва держитъ душу сознательно предъ лицемъ Бога вездѣсущаго. Привлекая къ себѣ и отражая отъ себя лучъ Божескій, она разгоняетъ враговъ. Можно навѣрное положить, что душа въ такомъ состояніи неприступна для бѣсовъ. — Такъ только и можно молиться во всякое время и во всякомъ мѣстѣ.

Четвертое—*и въ сіе истое бдяще во всякомъ терпѣніи*. Этимъ заповѣдуется притрудность молитвы, или пре-

утружденіе себя въ молитвѣ. Опыты услышанія молитвъ, народныхъ ли, или частныхъ показываютъ, что христіане, уповавшіе испросить молитвою благопотребное, приступали къ молитвѣ не слегка, и не какъ къ легкому дѣлу, но назначали постъ, и бдѣнія, долгія молитвословія и многочисленныя колѣнопреклоненія. Такой болѣзненный трудъ въ молитвѣ и привлекалъ скорую Божію помоіщь. Такого рода преутружденіе въ молитвѣ и предписываетъ здѣсь св. Павелъ. *Въ сіе истое* т.-е. для этого именно, чтобы получить свыше помощь, бдите въ молитвѣ съ терпѣніемъ. Терпѣніе по гречески означено такимъ словомъ, которое указываетъ на терпѣливое пребываніе въ трудѣ, присѣденіе одному и тому же дѣлу, или усидчивость.—Ѳеодоритъ пишетъ: „Божественный Павелъ повелѣваетъ бдѣть и непрестанно молиться, и не ослаблять тѣлеснаго труда, но пребывать въ немъ съ великимъ терпѣніемъ.“—Какъ, потому, согласно съ Апостольскою заповѣдію, въ св. Церкви нашей ведутся долгія молитвенныя службы! — Какъ мы всегда окружены врагами, всегда слѣд. имѣемъ нужду въ молитвѣ скороуслышной, то необходимы для насъ и чины молитвенные преутруждающіе.—Они таковы у насъ и есть. Объ этомъ преутружденіи себя въ молитвѣ часто поминаютъ отцы подвижники. Есть у нихъ такіе отзывы,—что молитва, въ которой не поболѣлъ кто тѣломъ и духомъ, не хорошая молитва. Или: льготность да изгнана будетъ изъ вашихъ молитвенныхъ правилъ.

Трудъ въ молитвѣ—внѣшнее дѣло; но онъ вводится не за тѣмъ, чтобы замѣнялъ собою — внутреннюю молитву. Равно какъ и та введена не за тѣмъ, чтобъ отмѣнено могло быть дѣло внѣшняго молитвованія. То и другое надо. Св. Златоустъ говоритъ: „*И въ сіе истое бдяще*, сказано. Что бы ни разумѣлъ здѣсь (св. Павелъ)—всенощныя ли бдѣнія или трезвость души, — я

принимаю то и другое.“ Затѣмъ св. Златоустъ указываетъ примѣръ молитвеннаго труда опять въ Хананеянкѣ, вдовицѣ, и другѣ, показывая, сколько подняли они труда, пока достигли желаемаго.

И въ молитвѣ о всѣхъ святыхъ. Это можетъ быть пятымъ свойствомъ молитвы, потребнымъ для того, чтобы она была услышана. Апостолъ пишетъ цѣлой Церкви, и ей заповѣдуетъ молиться не о себѣ только одной, но и о всѣхъ святыхъ,—о всякой другой церкви вѣрующихъ,—о благостояніи св. Божіихъ церквей; заповѣдуетъ, т.-е. чтобы въ молитвѣ никто не особился, одинъ ли кто молится, или цѣлое собраніе вѣрующихъ, но, какъ у насъ потребности духовныя у всѣхъ одинаковы, и враги, ратующіе противъ насъ, одни и тѣже, то чтобъ, молясь, всегда молились и о всѣхъ. Изъ этого что выходило? Если Ефесяне молятся о всѣхъ, то и всѣ объ нихъ. И становится чрезъ это ихъ молитва сильною, какъ молитва всего тѣла Церкви. Назовемъ это общностію молитвы, поставляя и ее въ условіе скороуслышности молитвы

ЗАКЛЮЧЕНІЕ ПОСЛАНІЯ.

6, 19—24.

Ст. 19. *И о мнѣ...*

Облаченіе духовнаго воина во всеоружіе Божіе св. Павелъ кончилъ, и тѣмъ кончилъ предметы, о коихъ предположилъ писать въ посланіи. Теперь пишетъ заключеніе. По грамматической формѣ эта рѣчь тѣсно вяжется съ предыдущею; но по смыслу тутъ начинается особая статья. Онъ какъ бы говоритъ: вотъ все, что я вамъ намѣренъ былъ сказать. Теперь прошу васъ помолиться обо мнѣ, чтобы Богъ помогъ мнѣ освободиться для свободнаго благовѣстія Евангелія. Св. Златоустъ говоритъ: „Напослѣдокъ и о себѣ упоминаетъ. Чего же ты хочешь, блаженный Павелъ, поставляя въ заключеніи свое имя? Вотъ чего отвѣчаетъ онъ: *да дастся ми слово.*“

Въ заключеніи семъ св. Павелъ во первыхъ проситъ а) молитвъ о себѣ, 19. 20; затѣмъ б) извѣщаетъ, зачѣмъ посылаетъ Тихика—21. 22; наконецъ в) изъявляетъ свои благожеланія—23. 24.

а).

Ст. 19. *И о мнѣ, да дастся ми слово во отверзеніе устъ моихъ, съ дерзновеніемъ сказати тайну благовѣствованія.*

И о мнѣ, т. е. молитеся. Это не одна проформа, и не одно свидѣтельство смиренія св. Павла, а показаніе вѣры св. Апостола, что молитва Церкви сильна предъ Богомъ. Объ Апостолѣ Петрѣ въ Дѣяніяхъ сказуется, что освобожденіе его изъ темницы, ночью предъ тѣмъ, какъ на утро положено было предать его смерти, было плодомъ и молитвы всѣхъ вѣрующихъ (Дѣян. гл. 12).

Но со стороны Ефесянъ такая молитва была долгомъ къ своему просвѣтителю истинною вѣрою. Въ этомъ и и для насъ указаніе молиться о своихъ духовныхъ отцахъ и о всѣхъ, какимъ либо образомъ содѣйствовавшихъ и содѣйствующихъ дѣлу нашего спасенія.

О чемъ проситъ св. Павелъ молиться? О свободѣ благовѣствованія. Въ узахъ былъ, и не могъ свободно ходить съ благовѣстіемъ, и на мѣстѣ былъ столько стѣсненъ, что ему не предъ кѣмъ было и устъ открыть. Св. Златоустъ говоритъ, что св. Апостолъ не о томъ молиться проситъ, чтобъ дано ему было, что̀ говорить; ибо относительно этого всегда въ Апостолахъ исполнялось обѣтованіе: *дастся вамъ въ той часъ, что возглаголете* (Мѳ. 10, 19), но о томъ, чтобъ освободиться ему изъ узъ, подобно тому, какъ, когда Петръ святый заключенъ былъ въ оковы, о немъ была непрестанная молитва (сокращено).

Это и выражаетъ онъ словами: *да дастся слово во отверзеніе устъ*, т. е. отверстыми устами, *съ дерзновеніемъ*,— смѣло, безъ стѣсненія, не опасаясь подсматриваній и подслушиваній, *сказати*,—γνωρίσαι—дать знать, довесть до свѣдѣнія, сдѣлать, чтобы знали. Кому *сказати* не говоритъ; но это и такъ ясно,—всѣмъ, всему свѣту, или сказывать всюду; *тайну благовѣстія*, тайну Евангелія, или устроеніе спасенія нашего въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, которое истолковано имъ въ посланіи. Это была цѣль жизни Апостола. Трудиться въ дѣлѣ семъ жаждалъ онъ; а для такого ревнителя удержаніе въ бездѣйствіи на дни и недѣли тягостно, а не только на мѣсяцы и годы. Вотъ онъ и проситъ молиться. А самъ?! А вѣра въ Промыслъ, и притомъ для Апостоловъ особенный?! И самъ, конечно, молился, и колебанія въ вѣрѣ въ особенное о немъ промышленіе Божіе предполагать въ немъ нельзя; а все таки онъ проситъ молиться. И не эти только, но и всякія другія возраженія противъ дѣйственности и плодотвор-

ности для насъ молитвы другихъ—этимъ словомъ Апостола опровергаются. Дѣла Апостоловъ законоположительны для насъ. Они дѣйствовали, какъ должно. По ихъ образцу и намъ надлежитъ дѣйствовать, пустомысліемъ же порождаемыхъ вопросовъ не принимать во вниманіе.

Ст. 20. *О немже посольствую во узахъ, да въ немъ дерзаю, якоже подобаетъ ми глаголати.*

Посольствую—πρέσβευω; а это слово въ церковномъ греческомъ языкѣ употребляется въ значеніи усердной ходатайственной молитвы. Такъ къ Матери Божіей, къ Крестителю, Апостоламъ и всѣмъ Святымъ, говорится: πρέσβευε ὑπὲρ ἡμῶν — моли о насъ, молите о насъ. Не другая мысль и въ настоящихъ словахъ Апостола: о немже посольствую, ὑπὲρ οὗ πρεσβεύω—о которомъ молюсь усердно въ узахъ. Тамъ ихъ просилъ молиться, а тутъ говоритъ: я и самъ молюсь. Ихъ проситъ чтобъ не одному молиться, а будто вдвоемъ: онъ и церковь Ефесская, какъ одно лице. И было такимъ образомъ, по слову Спасителя, что если двое или трое вмѣстѣ помолятся, будетъ имъ по молитвѣ. Въ средѣ искреннихъ молитвенниковъ держится правило, чтобъ, когда нужно что особенно,—приглашать къ молитвѣ другаго, чтобъ вдвоемъ молиться. Это по заповѣди Господа и по примѣру Апостола.

Другое значеніе слова πρεσβέυω—посольствую. Если это значеніе принять, то нельзя его переводить такъ: исправляю дѣло посла или Апостола и въ узахъ; ибо св. Павелъ не имѣлъ свободы исправлять, какъ должно своего Апостольства. Почему, скорбя о томъ, и проситъ молитвъ объ освобожденіи. А надо такъ: *о немже*, по предмету, котораго я посолъ есмь,—сознаю себя посломъ, обязаннымъ исправлять посольское дѣло, и въ самыхъ узахъ сознаю себя такимъ, и скорблю о томъ, что не могу дѣйствовать, какъ должно мнѣ дѣйствовать. Вотъ въ этомъ и помогите мнѣ вашею молитвою. Именно въ чемъ же?

Да въ немъ дерзаю, якоже подобаетъ ми глаголати,— чтобы мнѣ въ этомъ благовѣстіи дерзновенно, смѣло, безъ стѣсненія, открыто говорить всюду и предъ всѣми, какъ и слѣдуетъ мнѣ говорить, яко Апостолу Божію. Слово *глаголати* надо соединять съ *дерзаю*.

Но нельзя не видѣть, что если *посольствую* принять въ значеніи *посолъ есмь*, то теченіе рѣчи окажется не совсѣмъ связнымъ: ибо тогда *да въ немъ дерзаю*, будетъ стоять въ зависимости, или отъ: *и о мнѣ молитеся*, или отъ: *да дастся ми слово*. То и другое далеко,—и рѣчь является возмущенною. Но если *посольствую*—πρεσβέυω принять въ значеніи *молюся*, тогда—*да въ немъ дерзаю* будетъ прямо зависѣть отъ сего *молюся*. И я молюся о томъ же, о чемъ васъ прошу молиться, т.-е., чтобы дерзновенно говорить мнѣ въ благовѣстіи, какъ слѣдуетъ говорить Апостолу, „чтобы сказать все, о чемъ я посланъ возвѣстить“ (св. Златоустъ). Туже цѣль и ихъ молитвѣ онъ назначалъ, т. е., чтобъ отверстыми устами, съ дерзновеніемъ сказывать всюду тайну благовѣстія. Если не принять *посольствую* въ значеніи молюся, то въ словахъ: *да дастся ми слово*, и: *да въ немъ дерзаю*—будетъ ненужное повтореніе одного и того же въ отношеніи къ однимъ и тѣмъ же лицамъ.

б).

Ст. 21. *Да увѣсте же и вы, яже о мнѣ, что дѣлаю, вся скажетъ вамъ Тихикъ, возлюбленный братъ и вѣренъ служитель о Господѣ.*

„Апостолъ самъ только помянулъ о томъ, что онъ въ узахъ; въ подробности же разсказать о своемъ положеніи поручаетъ Тихику. Онъ изъяснилъ въ своемъ посланіи все, что относится къ догматамъ и устроенію нравовъ; что же касается собственно извѣстій, это пре-

доставилъ тому, кто доставитъ посланіе. Потому и прибавилъ: *да увѣсте*, т. е., чтобы освѣдомились вы, *яже о мнѣ*. А чрезъ это и показалъ къ нимъ свою любовь, и далъ случай обнаружиться ихъ любви къ нему“ (св. Злат.).

Изъ словъ: *и вы* дѣлать какое либо наведеніе не представляется основательнымъ, т. е. будто если: *и вы*, то слѣдуетъ нагадать и другаго кого либо. Слова: *яже о мнѣ*, *что дѣлаю*—одни другія поясняютъ, и значатъ: все, что вамъ желательно будетъ знать о мнѣ,—все то скажетъ вамъ Тихикъ. Назначать особый предметъ для *яже о мнѣ* и особый для *что дѣлаю*, излишняя забота, ничего положительно вѣрнаго дать не могущая, кромѣ размноженія словъ.

Кто Тихикъ, не означаетъ Апостолъ подробно ни здѣсь, ни въ другихъ посланіяхъ. Въ Дѣяніяхъ сказывается, что онъ родомъ Асіецъ (—20, 4), изъ той мѣстности, гдѣ Ефесъ, и гдѣ Апостолъ столько времени трудился въ благовѣстіи. Легко навесть, что это вѣрующій, искренно привязавшійся къ Апостолу и имъ избранный, чтобы споспѣшествовать Евангелію, чѣмъ можетъ. Видно, что онъ разносилъ посланія. Но какъ при этомъ поручалось ему многое дополнять, то надо предположить, что онъ и ума и нрава былъ такого, которые дѣлали его способнымъ къ вѣрному исполненію такого не маловажнаго порученія. Эти качества и указываетъ въ немъ Апостолъ, когда говоритъ *возлюбленный братъ*, т. е. христіанинъ, достойный всякой любви, по уму и нраву, и мною любимый. Это высокая рекомендація. Но еще выше слѣдующая: *вѣренъ служитель о Господѣ*. Служитель, не слуга, а διάκονος,—исполнитель возлагаемыхъ порученій, или одного порученнаго дѣла, какъ семь діаконовъ въ церкви іерусалимской. Св. Павелъ этимъ хотѣлъ означить: мой помощникъ и споспѣшникъ въ дѣлѣ благовѣстія. *Вѣренъ*. Какъ я на него во всемъ полагаюсь, такъ

можете дѣлать и вы, знающіе уже его. Вѣренъ, потому разскажетъ вамъ всю правду, какъ что есть; и вы, если бы имѣли нужду что сообщить чрезъ него, можете вполнѣ положиться на него. О *Господѣ*. Онъ и вѣренъ и труды служенія Евангелію беретъ на себя не по человѣческимъ побужденіямъ, а о Господѣ; дѣйствуетъ въ страхѣ Божіемъ, предъ лицемъ Господа, во славу Его и св. Евангелія Его, безъ всякихъ разсчетовъ.

Ст. 22. *Егоже послахъ къ вамъ на сіе истое, да увѣсте, яже о насъ, и да утѣшитъ сердца ваша.*

На сіе истое. Другихъ цѣлей слѣдовательно и не было. Но это—посланія Тихика, а не написанія посланія. Въ отношеніи къ посланію можно только отсюда навесть то, что и къ написанію его не было особыхъ побужденій, а одно желаніе: любовь свою имъ показать и возобновить въ ихъ памяти все домостроительство спасенія. И написаніемъ посланія и посланіемъ Тихика любовь только свою отеческую хотѣлъ показать Апостолъ, и желаніе быть въ общеніи. Не могъ не предположить св. Павелъ, что и до нихъ дошла вѣсть объ его узничествѣ. Изъ этого обстоятельства и сами они могли нагадать многое; а еще больше того могли наговорить недоброжелатели и св. Апостола, и самаго Евангелія. Чтобъ изъ этого не произошло какое смущеніе, и чтобъ разогнать скорбь, которой не могли не чувствовать духовныя дѣти его, услышавъ объ его узахъ, посылаетъ онъ къ нимъ Тихика, чтобъ разсказалъ о дѣлахъ и обстоятельствахъ Апостола и тѣмъ утѣшилъ ихъ, удостовѣривъ, что никакой нѣтъ опасности ихъ отцу, столь нѣжно ихъ любящему, и ими любимому. Одно, что тяготитъ его, это то, что онъ не можетъ свободно проповѣдать. Объ этомъ да молятся.

„Сколько тутъ (въ словѣ и дѣлѣ семъ) любви!“ (св. Злат.).

в).

Ст. 23. *Миръ братіи и любовь съ вѣрою отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа.*

Благожеланія чисто нравственныя, изъ духа вѣры Христовой истекающія. *Миръ братіи*, чтобъ всѣ жили между собою въ согласіи, безъ всякихъ смущеній; *любовь*, чтобъ не внѣшно жили въ мирѣ, а имѣли сердечный между собою союзъ въ любви. Гдѣ любовь, тамъ миръ уже непремѣнно есть, и миръ прочный, котораго ничто земное разстроить не можетъ. Любовь да освящается вѣрою. „Никакой нѣтъ пользы отъ любви безъ вѣры, или, лучше сказать, безъ вѣры любовь вовсе и существовать не можетъ“ (св. Злат.). Тутъ и предписаніе: да будетъ любовь не иная, какъ въ духѣ вѣры, и предостереженіе, какъ бы любовь не завела къ нарушенію вѣры. „Онъ хочетъ, чтобъ они не просто содержали любовь, но разумно, и не мѣшались съ иновѣрцами“ (св. Злат.). Храненіе вѣры корень всего. Изъ ней любовь; изъ любви миръ.

Отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа. Всюду показываетъ Апостолъ, что свободѣ принадлежитъ только исканіе, дарованіе же самыхъ добродѣтелей отъ Бога. Сколько ни бейся, самъ ни въ чемъ не успѣешь. Но если и биться не станешь, то ничего не получишь. Надо то и другое. Богъ, видя усильное желаніе и исканіе, подаетъ, и, видя ревностное храненіе поданнаго, удерживаетъ дарованное за тѣмъ, кому оно даровано.

Вотъ перифразъ сего текста, какой дѣлаетъ блаж. Ѳеодоритъ. „Напереди поставилъ миръ, но приложилъ и любовь, показывая, что послѣдняя производитъ первый. Съ любовію же сочеталъ и вѣру, предписывая любовь по закону Евангельскому. Указалъ также и подателя ихъ, не только Бога Отца, но и Господа Іисуса Христа, а съ Ними и Всесвятаго Духа. Ибо присовокупилъ: *благодать*“...

Ст. 24. *Благодать со всѣми любящими Господа нашего Іисуса Христа въ неистлѣніи. Аминь.*

Два пріема благожеланій. Тамъ благо желалось больше то, что и отъ нихъ зависѣло; а здѣсь больше то, что отъ щедротъ Божіихъ исходитъ, хотя и это не безусловно, но подъ условіемъ любви. *Любящими Господа* называетъ всѣхъ, кои увѣровали въ Него, прилѣпились къ Нему и ходятъ въ заповѣдяхъ Его. *Благодать*—и благоволеніе Божіе, и всякъ даръ совершенъ, свыше сходящій, необходимый всякому для спасенія. Не вамъ только Ефесянамъ, но и всѣмъ повсюду любящимъ Господа желаю благодати. Оборотъ рѣчи предполагаетъ нѣкое движеніе сердца Апостольскаго, которое всегда обнимало всѣхъ.

Что значитъ слово: въ *неистлѣніи?* Физическое тлѣніе,—разложеніе тѣла. Нравственное тлѣніе — грѣхъ. Апостолъ желаетъ, чтобъ никто изъ христіанъ не подвергался сему послѣднему тлѣнію, ибо иначе и любви у нихъ уже не будетъ и благодать они потеряютъ. Θеодоритъ пишетъ: „благодать подается не всѣмъ безусловно, но любящимъ Господа, да и тѣмъ не безусловно, но при любви хранящимъ и животворные Его законы.“

Удаленіе отъ всякаго грѣха и исполненіе всякой заповѣди уже предполагаются въ любящемъ. Но можетъ быть найдется кто, погрѣшительно думающій, что и любить Господа можно, и грѣшить въ чемъ либо. Апостолъ требуетъ нерастлѣнной, полной, совершенной любви. Требуетъ, чтобы сердце все принадлежало Господу, а не было раздѣляемо между Нимъ и другимъ чѣмъ. Сердце, къ другому чему обращающееся, есть поврежденное сердце, невѣрное, измѣнническое. И чистота побужденій тутъ-же разумѣется. Словомъ, Апостолъ требуетъ любви безукоризненной во всѣхъ отношеніяхъ.

Св. Златоустъ *неистлѣніе* понимаетъ безгрѣшностію.

Приводимъ его слова, которыя вмѣстѣ могутъ служить прекраснымъ заключеніемъ всему толкованію:

„Скажи мнѣ, въ чемъ состоитъ тлѣніе тѣла? Не въ томъ-ли, когда все оно разлагается и составъ его распадаетъ на части? Такъ бываетъ и съ душею, когда въ ней воцарится грѣхъ. Цѣломудріе и правда вотъ красота души, а мужество и благоразуміе это здоровье для нея! Что грѣхи производятъ тлѣніе, это видно прямо изъ того, что они дѣлаютъ людей срамными и слабосильными, и иные причиняютъ недуги. Слушай, что говоритъ Писаніе: *растли всяка плоть путь свой на земли* (Быт. 6, 12). И въ другомъ мѣстѣ: *человѣцы растлѣнни умомъ* (2 Тим. 3, 8). Тѣло у насъ тлѣнно, а душа нетлѣнна. О, когда бы и ее не подвергнуть намъ тлѣнію (растлѣнію)! Первородный грѣхъ сдѣлалъ это возможнымъ. Онъ даже послѣ крещенія можетъ растлить душу и сдѣлать ее добычею неумирающихъ червей. Но съ другой стороны, черви не могутъ и прикоснуться души, когда найдутъ ее нетлѣнною. Смотри же, не растлѣвай души. Само тлѣніе нѣкогда облечется въ нетлѣніе. А что по природѣ не подлежитъ тлѣнію (душа), то и само по себѣ не можетъ разрушаться. Такимъ образомъ возможны тлѣніе нетлѣнное, безъ конца, и смерть безсмертная. Это именно и будетъ, когда тѣла сдѣлаются нетлѣнными. Потому, если отойдешь туда съ тлѣніемъ въ душѣ, то оно сдѣлается для насъ нетлѣннымъ и не будетъ имѣть конца. Постоянно горѣть и быть всегда пищею червей, это, конечно, есть тлѣніе нетлѣнное. Умоляю васъ: устрашимся словъ сихъ!“

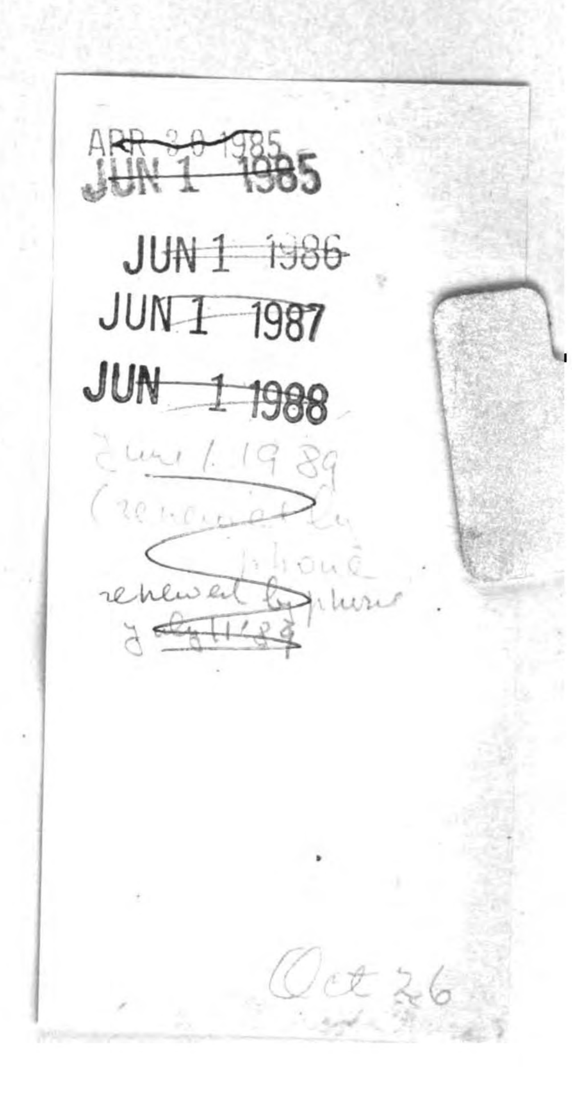
„Будемъ и мы хранить сіи законы (неистлѣнія) и пламенѣть любовію къ Господу, чтобы содѣлаться причастниками Апостольскаго благословенія по благодати Спасшаго насъ Христа. Съ Нимъ слава Отцу, со Всесвятымъ Духомъ, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ! Аминь“ (Ѳеод.).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Строк.*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
112	3 св.	*преуспѣющее*	*преспѣющее*
128	5 сн.	3	III
166	2 св.	было	былъ
172	1 сн.	вами	нами
179	11 св.	перемѣнить	перемѣнитъ
223	14 —	видѣлъ	видитъ (Іоан. 5, 9)
230	8 —	отца	отцами
305	14 сн.	приводятъ	приходятъ
307	8 св.	возращать	все въ себѣ возращать
324	5 —	способомъ	способамъ
329	1 сн.	возвращать	возращать
480	6 св.	Запылались	Запылали-ль
497	3 —	благо желалось	благожелалось


APR 30 1985
JUN 1 1985
JUN 1 1986
JUN 1 1987
JUN 1 1988
Oct 26